

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ: ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Том 14, № 5, 2021

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ: ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий вопросы анализа и прогноза изменений в экономике и социальной сфере различных стран и регионов, локальных территорий.

Основная цель издания журнала – предоставление широким слоям мировой научной общественности и практическим работникам возможности публиковать результаты изысканий в сфере исследования социально-экономических процессов, знакомиться с различными точками зрения на актуальные проблемы развития экономики и социума, принимать участие в дискуссиях по обсуждаемым темам. В числе основных тем – стратегии развития территорий, региональная и отраслевая экономика, социальное развитие, вопросы формирования доходов бюджетов и рационализации расходов, инновационная экономика, вопросы экономической теории.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Байджан Тюзин, кандидат наук, проф. (Стамбульский технический университет, Стамбул, Турция)

Ка Лин, д-р, проф. (Центр европейских исследований Чжецзянского университета, Ханчжоу, Китай)

Тетсуо Мисуками, д-р, проф. (Социологический колледж Университета Риккио, Токио, Япония)

Дайширо Номия, к. с. н., проф. (Университет Чуо, Токио, Япония)

Оуй Пейтер, д-р (Нидерландская организация прикладных научных исследований, Делфт, Нидерланды)

Сапир Жак, проф. (Высшая школа социальных наук (HESS), Центр исследований индустриализации (СЕМІ), Париж, Франция)

Хохгернер Йозеф, д-р, проф. (Центр социальных инноваций, Вена, Австрия)

Шрёдер Антониус (Центр социальных исследований технического университета Дортмунда, Дортмунд, Германия)

Штомпка Пётр, проф. (Ягеллонский университет, Краков, Польша)

Кишиштоф Т. Конеки, проф. (Лодзинский университет, Лодзь, Польша)

Артамонова А.С., ответственный секретарь (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Губанова Е.С., д. э. н., проф. (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия)

Гулин К.А., заместитель главного редактора, д. э. н., доцент (Вологда, Россия)

Калачикова О.Н., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Лажнецов В.Н., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

Морев М.В., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Третьякова О.В., заместитель главного редактора, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Ускова Т.В., д. э. н., профессор (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Шабунова А.А., д. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Веркей Жюльен, проф. (Национальный институт восточных языков и цивилизаций INALCO, Париж, Франция)

Витязь П.А., академик НАН Беларуси (НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Дайнеко А.Е., д. э. н., проф. (Институт экономики НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Кивинен М., проф. (Александровский институт Хельсинского университета, Хельсинки, Финляндия)

Котляров И.В., д. с. н., проф. (Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Чжан Шухуа, д-р, проф. (Китайская академия общественных наук, Пекин, Китай)

Афанасьев Д.В., к. с. н., доцент (Министерство науки и высшего образования РФ, Москва, Россия)

Валентей С.Д., д. э. н., проф. (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)

Гайнанов Д.А., д. э. н., проф. (Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН, Уфа, Россия)

Горшков М.К., академик РАН (Институт социологии РАН, Москва, Россия)

Кузнецов С.В., д. э. н., проф. (Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Ленчук Е.Б., д. э. н., проф. (Институт экономики РАН, Москва, Россия)

Леонидова Г.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Макаров В.Л., академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия)

Некипелов А.Д., академик РАН (Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Окрепилов В.В., академик РАН (Центр испытаний и сертификации, Санкт-Петербург, Россия)

Полтерович В.М., академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Чукреев Ю.Я., д. т. н. (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

Журнал издается с 2008 года

Периодичность выхода журнала – 6 раз в год

Решением Минобрнауки РФ журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям: 08.00.00 – экономические науки; 22.00.00 – социологические науки.

Журнал размещается в следующих реферативных и полнотекстовых базах данных: Web of Science (ESCI), ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, ВИНТИ РАН, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Выпуски журнала направляются в Библиотеку Конгресса США и в Германскую национальную экономическую библиотеку.

Все статьи проходят обязательное рецензирование. Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций.

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Адрес в Интернете: <http://esc.volnc.ru>

© ФГБУН ВолНЦ РАН, 2021

FEDERAL STATE BUDGETARY INSTITUTION OF SCIENCE
VOLOGDA RESEARCH CENTER OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

**ECONOMIC
AND SOCIAL
CHANGES:
FACTS, TRENDS, FORECAST**

Vol. 14, no. 5, 2021

ECONOMIC AND SOCIAL CHANGES: FACTS, TRENDS, FORECAST

A peer-reviewed scientific journal that covers issues of analysis and forecast of changes in the economy and social spheres in various countries, regions, and local territories.

The main purpose of the journal is to provide the scientific community and practitioners with an opportunity to publish socio-economic research findings, review different viewpoints on the topical issues of economic and social development, and participate in the discussion of these issues. The remit of the journal comprises development strategies of the territories, regional and sectoral economy, social development, budget revenues, streamlining expenditures, innovative economy, and economic theory.

Founder: Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences

EDITOR-IN-CHIEF

V.A. Ilyin, RAS corresponding member (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL BOARD

Tüzün Baycan, Ph.D., professor (Istanbul Technical University, Istanbul, Turkey)

Ka Lin, doctor, professor (Center of European Studies at Zhejiang University, Hangzhou, China)

Tetsuo Mizukami, Ph.D., professor (College of Sociology, Rikkyo University, Tokyo, Japan)

Daishiro Nomiya, Ph.D. in Sociology, Prof. (Chuo University, Tokyo, Japan)

P.R. A. Oeij (TNO, Netherlands Organisation for Applied Scientific Research, Delft, The Netherlands)

Jacques Sapir, professor (Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (EHESS), Centre d'Etude des Modes d'Industrialisation (CEMIEHES), Paris, France)

Josef Hochgerner, doctor, professor (Centre for Social Innovation, Vienna, Austria)

Antonius Schröder (Social Research Centre, Dortmund University of Technologies, Dortmund, Germany)

Piotr Szompka, professor (Jagiellonian University, Krakow, Poland)

Krzysztof T. Konecki, professor (Lodz University, Lodz, Poland)

A.S. Artamonova, executive secretary (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

E.S. Gubanova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda State University, Vologda, Russia)

K.A. Gulin, deputy editor-in-chief, Doc. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda, Russia)

O.N. Kalachikova, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

V.N. Lazhentsev, RAS corresponding member (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

M.V. Morev, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

O.V. Tret'yakova, deputy editor-in-chief, Cand. Sci. (Philol.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

T.V. Uskova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

A.A. Shabunova, Doc. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

Julien Vercueil, professor (National Institute for Oriental Languages and Civilizations INALCO, Paris, France)

P.A. Vityaz, academician of NAS of Belarus (NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

A.E. Dayneko, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute of Economics of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

Markku Kivinen, professor (Aleksanteri Institute of the University of Helsinki, Helsinki, Finland)

I.V. Kotlyarov, Doc. Sci. (Sociol.), professor (Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

Zhang Shuhua, doctor, professor (Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China)

D.V. Afanasyev, Cand. Sci. (Sociol.), associate professor (Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Moscow, Russia)

S.D. Valentey, Doc. Sci. (Econ.), professor (Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia)

D.A. Gaynanov, Doc. Sci. (Econ.), professor, (Institute for Social and Economic Research, Ufa Scientific Center of RAS, Ufa, Russia)

M.K. Gorshkov, RAS academician (RAS Institute of Sociology, Moscow, Russia)

S.V. Kuznetsov, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute of Problems of Regional Economics (Saint Petersburg, Russia)

E.B. Len'chuk, Doc. Sci. (Econ.), professor (RAS Institute of Economics, Moscow, Russia)

G.V. Leonidova, Cand. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

V.L. Makarov, RAS academician (Central Economic Mathematical Institute of RAS, Moscow, Russia)

A.D. Nekipelov, RAS academician (Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

V.V. Okrepilov, RAS academician, (State Regional Center for Standardization, Metrology and Testing (Saint Petersburg, Russia)

V.M. Polterovich, RAS academician (Central Economics and Mathematics Institute, Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

Yu.Ya. Chukreev, Doc. Sci. (Engin.) (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

The journal was founded in 2008

Publication frequency:
six times a year

According to the Decision of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, the journal *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast* is on the List of peer-reviewed scientific journals and editions that are authorized to publish principal research findings of doctoral (Ph.D., candidate's) dissertations in scientific specialties: 08.00.00 – economic sciences; 22.00.00 – sociological sciences.

The journal is included in the following abstract and full text databases: Web of Science (ESCI), ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, VINITI RAS, Russian Science Citation Index (RSCI).

The journal's issues are sent to the U.S. Library of Congress and to the German National Library of Economics.

All research articles submitted to the journal are subject to mandatory peer-review. Opinions presented in the articles can differ from those of the editor. Authors of the articles are responsible for the material selected and stated.

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Internet address: <http://esc.volnc.ru>

© VoIRC RAS, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ильин В.А., Морев М.В. Избиратели поддержали Президента: к итогам выборов в Государственную Думу VIII созыва	9
--	---

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Ускова Т.В., Патракова С.С. Развитие сельских территорий в условиях пространственного сжатия северного региона	34
Наумов И.В., Никулина Н.Л. Моделирование влияния привлекаемых институциональными секторами банковских инвестиций на социально-экономическое развитие регионов России	53
Беркович М.И., Шурыгин А.А. Теневая экономика в России: экономико-статистическая оценка масштаба и меры по его сокращению в стране и регионах	70

ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

Буданов И.А. Формирование социальных ориентиров отраслевого развития металлургии	85
Дерунова Е.А., Васильченко М.Я., Шабанов В.Л. Оценка влияния инновационно-инвестиционной активности на формирование экспортно ориентированной аграрной экономики	100

НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ И ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

Екимова Н.А. Глобальные мегатренды и новые технологии: вызовы и угрозы постиндустриальной экономике	116
---	-----

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ

Вольчик В.В., Маслюкова Е.В., Пантеева С.А. Исследование подходов к моделированию национальных инновационных систем	135
---	-----

СОЦИАЛЬНОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Ростовская Т.К., Шабунова А.А., Багирова А.П. Концепция корпоративной демографической политики российских организаций в контексте социальной ответственности бизнеса	151
Архангельский В.Н., Калачикова О.Н. Женщины и мужчины: различия в показателях рождаемости и репродуктивного поведения	165
Соболева И.В., Соболев Э.Н. Открытая и латентная безработица в условиях пандемии	186
Климова Ю.О., Устинова К.А. Несоответствие уровня подготовки ИТ-кадров требованиям работодателей: проблемы и пути их преодоления	202
Маркин В.В., Силин А.Н., Малинина К.О. Воспроизводство человеческого капитала в арктических регионах России: социокультурный контекст	220

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

Смолева Е.О. Формирование практик участия граждан в развитии городской среды: хабиитуализация или институционализация «сверху»	244
Попова Л.А., Милаева Т.В., Зорина Е.Н. Самосохранительное поведение населения: поколенческий аспект	261

МИРОВОЙ ОПЫТ

Ли Чжимэн, Лукин Е.В., Шэн Фанфу, Чжэн Вэнькай. Оценка влияния пандемии COVID-19 на экономики Китая и России	277
--	-----

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	300
Правила приёма статей	311
Информация о подписке	317

CONTENT

EDITORIAL

- Ilyin V.A., Morev M.V. Voters Supported the President: On the Results of the Election to the State Duma of the Eighth Convocation 9

REGIONAL ECONOMICS

- Uskova T.V., Patrakova S.S. Rural Development in the Context of Spatial Compression of a Northern Region 34
- Naumov I.V., Nikulina N.L. Modeling the Impact of Bank Investments Attracted by Institutional Sectors on the Socio-Economic Development of Russian Regions 53
- Berkovich M.I., Shurygin A.A. Shadow Economy in Russia: Economic and Statistical Assessment of Its Scale and the Ways of Its Reduction in the Country and Regions 70

BRANCH-WISE ECONOMICS

- Budanov I.A. Working Out Social Guidelines for the Industry Development of Metallurgy 85
- Derunova E.A., Vasilchenko M.Ya., Shabanov V.L. Assessing the Impact of Innovation and Investment Activity on the Formation of an Export-Oriented Agricultural Economy 100

SCIENCE, TECHNOLOGY AND INNOVATION DEVELOPMENT

- Ekimova N.A. Global Megatrends and New Technologies: Challenges for and Threats to the Post-Industrial Economy 116

SCIENTIFIC REVIEWS

- Volchik V.V., Maslyukova E.V., Panteeva S.A. Investigating the Approaches to National Innovation Systems Modeling 135

SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

Rostovskaya T.K., Shabunova A.A., Bagirova A.P. The Concept for Corporate Demographic Policy of Russian Enterprises in the Framework of Corporate Social Responsibility	151
Arkhangel'skii V.N., Kalachikova O.N. Women and Men: Differences in Fertility and Reproductive Behavior Indicators	165
Soboleva I.V., Sobolev E.N. Open and Latent Unemployment in the Context of the Pandemic	186
Klimova Yu.O., Ustinova K.A. Mismatch between the Level of Training of IT Personnel and the Requirements of Employers: Problems and Solutions	202
Markin V.V., Silin A.N., Malinina K.O. Reproduction of Human Capital in the Arctic Regions of Russia: Socio-Cultural Context	220

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ISSUES

Smoleva E.O. Forming the Practices of Citizens' Participation in the Development of the Urban Environment: Habitualization or Institutionalization From Above	244
Popova L.A., Milaeva T.V., Zorina E.N. Self-Preservation Behavior: Generational Aspect	261

GLOBAL EXPERIENCE

Li Zhimeng, Lukin E.V., Sheng Fangfu, Zeng Wenkai. Assessing the Impact of the COVID-19 Pandemic on the Economies of China and Russia	277
---	-----

PUBLIC OPINION MONITORING

Public Opinion Monitoring of the State of the Russian Society	300
Manuscript Submission Guidelines	311
Subscription Information	317

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.1

УДК 354, ББК 66.03

© Ильин В.А., Морев М.В.

Избиратели поддержали Президента: к итогам выборов в Государственную Думу VIII созыва

Владимир Александрович

ИЛЬИН

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

E-mail: ilin@vscc.ac.ru

ORCID: 0000-0003-4536-6287; ResearcherID: N-4615-2017

Михаил Владимирович

МОРЕВ

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

E-mail: 379post@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1396-8195; ResearcherID: I-9815-2016

Аннотация. 17–19 сентября 2021 г. в России состоялись выборы в Государственную Думу РФ VIII созыва. В статье проведен анализ результатов голосования по официальным данным Центральной избирательной комиссии РФ. Рассматриваются итоги прошедших выборов в разрезе федеральных округов, субъектов, муниципальных образований РФ. Анализируется динамика итогов парламентских выборов за период с 2007 по 2021 г. Дано сравнение итогов прошедших выборов с результатами выборов Президента РФ (2018 г.) и общероссийского референдума по поправкам к Конституции (2020 г.). Прошедшие парламентские выборы авторы рассматривают в широком контексте – как часть внутрироссийского политического процесса. В связи с этим значительная часть статьи посвящена анализу конкретных управленческих решений

Для цитирования: Ильин В.А., Морев М.В. Избиратели поддержали Президента: к итогам выборов в Государственную Думу VIII созыва // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 5. С. 9–33. DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.1

For citation: Ilyin V.A., Morev M.V. Voters supported the President: On the results of the election to the State Duma of the eighth convocation. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 5, pp. 9–33. DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.1

Президента РФ, нацеленных на решение задачи формирования новой, постсоветской государственности, ключевые элементы которой он раскрыл в статье «Россия на рубеже тысячелетий» (1999 г.). Данные официальной статистики, оценки независимых экспертов и результаты социологических исследований позволяют говорить о системных, последовательных решениях, принимаемых главой государства для достижения задач, поставленных им в 1999 г. (российская идея, сильное государство, эффективная экономика), однако на сегодняшний день эти задачи остаются не полностью реализованными. Как отметил Президент на встрече с депутатами Государственной Думы VIII созыва, низкий уровень доходов россиян является главным врагом для стабильного развития и демографического будущего. И это – наиболее объективная самооценка эффективности работы всей системы государственного управления.

Ключевые слова: Президент, выборы в Государственную Думу, эффективность государственного управления, национализация элит, общественно-политическая повестка.

В период с 17 по 19 сентября 2021 г. в России прошли выборы в Государственную Думу РФ VIII созыва – событие, которое, на наш взгляд, следует анализировать «в контексте больших и малых циклов жизни политической системы страны»¹, то есть как часть внутрироссийского политического процесса, с одной стороны, состоявшегося в определенном контексте глобальных тенденций мировой политики, с другой стороны, занимающего свое место во внутренней политической жизни, наряду с выборами главы государства (на которых уже четыре раза избиратели поддерживали В.В. Путина) и общероссийским референдумом по поправкам к Конституции.

Каждая из этих форм народного волеизъявления и политических событий – своего рода масштабный срез общественного мнения, позволяющий на федеральном уровне увидеть тенденции ключевых изменений общественно-политической повестки и запросов общества к власти.

Другими словами, результаты прошедшего голосования интересуют нас, как авторов статьи, не только с точки зрения расклада политических сил в парламенте, а прежде всего – **как маркеры происходящих в обществе изменений и как маркеры целенаправленной деятельности Президента РФ по формированию новой, постсоветской государственности, а также каркаса системы государственного управления, которую он в будущем передаст своему преемнику.**

«Никогда в последние десятилетия политика США не была столь противоречивой, непоследовательной и откровенно провальной. Это самое важное. Америка сегодня слаба как никогда... Байден **просто стремительно разрушает Америку**, и чем больше агонизирует глобализм, тем яснее человечество видит слабость того, кто совсем недавно претендовал на роль безусловного лидера...

Россия имеет исторический шанс не просто сделать многополярность необратимой, но и резко расширить ареал своего влияния почти в глобальном масштабе... Это требует стратегии, решимости, воли, концентрации сил. И что является ключевым моментом – это требует идеологии. Большая геополитика требует больших идей»².

Говоря о внешнеполитической ситуации, следует отметить, что российские выборы в Государственную Думу 17–19 сентября 2021 г. проходили в относительно спокойных условиях. Термин «относительно» в данном контексте является наиболее уместным, поскольку отсутствие конкретных, резких шагов, нацеленных на ослабление России, не отменяет в принципе ни антироссийские санкции, ни регулярные отсылы к «российской угрозе» в публичных

¹ Скоробогатый П. Страхи и перспективы восьмого созыва // Эксперт. 27.09.2021. URL: <https://expert.ru/expert/2021/40/strakhi-i-perspektivy-vosmogo-sozyva/>

² Дугин. Америка отстывает. Время наступать // Завтра. 27.09.2021. URL: https://zavtra.ru/blogs/amerika_otstupaet_vremya_nastupaet_

выступлениях международных политиков, ни попытки украинских властей консолидировать западный политический истеблишмент на основе противостояния геополитическому влиянию Кремля, ни поддерживающееся напряжение в связи с периодическими масштабными военными учениями и попытками сделать Россию главным виновником энергетического кризиса в Европе.

Тем не менее, если оценивать международную политическую обстановку вокруг России в период парламентских выборов и (например) в начале 2021 г., то можно с определенной долей уверенности констатировать, что в ней не наблюдается резких ухудшений. Отчасти это связано с объективным, не зависящим от действий российских властей стечением обстоятельств (таких как продолжающееся снижение геополитического статуса США после вывода войск НАТО из Афганистана, нестабильность политических отношений между некоторыми зарубежными странами³, «газовый кризис» в Европе).

Однако во многом максимально спокойный, без резких ухудшений период проведения выборов в Думу является результатом **целенаправленной, стратегически выверенной деятельности самого Президента и его команды:**

✓ снижения некоторой напряженности отношений с США (особенно по сравнению с

началом 2021 г.) после личной встречи В.В. Путина с Д. Байденом в июне 2021 года;

✓ своевременного (а может даже несколько запоздалого) принятия закона, запрещающего лицам, причастным к деятельности экстремистских организаций, избираться в любые органы власти⁴, что, по сути, нивелировало возможности несистемной оппозиции создать вокруг парламентских выборов ситуацию массовых протестов, подобную той, которая имела место в 2011 году⁵;

✓ окончания строительства газопровода «Северный поток – 2», который сегодня становится важным инструментом в обеспечении экономической, энергетической и политической безопасности страны;

✓ постепенного восстановления российской экономики после кризиса, вызванного пандемией COVID-19 (о чем Президент объявил 21 сентября 2021 г.).

«Несмотря на общую нестабильную ситуацию в глобальной экономике, сложные процессы на мировых рынках, российская экономика восстановилась. Совсем недавно мы ещё говорили „в целом восстановилась“ – сегодня можно уже сказать, что восстановилась»⁶.

³ Напомним эпизод, когда 16 сентября 2021 г. было официально объявлено о трехстороннем договоре между США, Великобританией и Австралией по закупке единиц вооружения и созданию собственного оборонного альянса, что нанесло серьезный экономический удар по Франции и политический удар – по её президенту Э. Макрону.

⁴ Федеральный закон от 04.06.2021 № 157-ФЗ «О внесении изменений в статью 4 Федерального закона „Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации“». После его принятия 4 июня 2021 г. была приостановлена деятельность всех штабов А. Навального*, которые с 30 апреля 2021 г. включены в «Перечень организаций, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму».

* Деятельность штабов А. Навального признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

⁵ «Протестная кампания под лозунгом «За честные выборы» начинается в декабре 2011 года после выборов в Государственную Думу, когда наблюдатели на избирательных участках сообщают о многочисленных нарушениях в ходе голосования. Первый митинг проходит в Москве на Чистых Прудах 5 декабря 2011 года, переломным становится неожиданно массовый митинг 10 декабря на Болотной площади (давшей неформальное название и всему протестному движению), самым многочисленным — митинг на проспекте Академика Сахарова 24 декабря: в нем принимает участие, по оценкам организаторов, до 120 тысяч человек. Помимо Москвы протестные акции в декабре 2011-го проходят в 99 городах России. Шествие 6 мая 2012 года заканчивается столкновением с полицией, по итогам акции возбуждено более 30 уголовных дел, многие обвиняемые приговорены к лишению свободы сроком от 2,5 до 4,5 лет. «Болотные протесты» стали самыми массовыми в России XXI века» (Источник: Сопрыкин Ю.Б. Болотная: Юрий Сапрыкин о том, как мы попали в Большую историю и справились с ней // Коммерсант. 30.07.2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4910676>).

⁶ Выступление В.В. Путина на совещании по экономическим вопросам 21.09.2021 // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66738>

Благодаря действиям главы государства внешнеполитические условия не стали форс-мажорным обстоятельством, довлеющим на выбор россиян при определении ими нового состава парламента. Или, другими словами, результаты голосования репрезентативно отражают внутреннюю общественно-политическую повестку; внутреннее состояние российского общества.

Для примера, мы бы хотели остановиться на некоторых, на наш взгляд, наиболее показательных тенденциях, отмечаемых по итогам анализа базы данных Центральной избирательной комиссии РФ⁷.

Во-первых, рост явки населения на избирательные участки по сравнению с выборами в Государственную Думу 2016 года (вкладка 1).

Если сравнивать итоги парламентских выборов за период с 2007⁸ по 2021 г., то следует отметить, что за прошедшие 13 лет число рос-

сиян, принимающих участие в голосовании, уменьшилось на 13 млн чел. (явка снизилась с 64 до 52%; см. вкладку 1).

Однако в 2021 г., по сравнению с 2016 г., явка по стране увеличилась на 4 п. п. (с 48 до 52%), то есть почти на 3,8 млн чел. При этом если на выборах 2016 года рост явки отмечался лишь в четырех регионах РФ, то в 2021 г. — уже в 60 (табл. 1).

Увеличение сроков голосования с 1 до 3 дней, а также внедрение онлайн-формы участия граждан в выборах вряд ли могли оказать столь существенное влияние. Так, например, увеличение сроков голосования до 3 дней на референдуме по принятию поправок к Конституции не привело к тому, что явка населения на избирательные участки стала больше, чем на выборах Президента в 2018 году (в обоих случаях она составила 68%).

Таблица 1. Количество субъектов РФ, в которых увеличилась явка на выборы в Государственную Думу

Явка, % от числа избирателей	2016 г. к 2011 г. (итоги выборов в Государственную Думу VII созыва)	2021 г. к 2016 г. (итоги выборов в Государственную Думу VIII созыва)	Изменение (+ / -)
Количество субъектов РФ, в которых увеличилась явка	4	60	+54
Рассчитано по: база данных ЦИК РФ. URL: http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom			

⁷ Работа с базой данных ЦИК проводилась в период с 25 по 30 сентября 2021 г. Данные по федеральным округам в ЦИК не представлены. Их относительные значения (%) рассчитывались как среднее по субъектам РФ, входящим в данный округ; абсолютные значения (чел.) — как сумма по субъектам РФ, входящим в данный округ.

Относительно большинства территорий (53 из 85) в базе данных ЦИК представлены данные не в среднем по субъекту РФ, а в разбивке по нескольким его окружным комиссиям. В этих случаях собирались данные по каждой окружной комиссии. Далее относительные данные в целом по субъекту РФ (%) рассчитывались как среднее по всем окружным комиссиям, абсолютные данные по субъекту РФ (чел.) — как сумма по всем окружным комиссиям. Выборочная проверка результатов голосования, официально объявленных территориальными подразделениями ЦИК, показала, что после проведенных расчетов явка совпадает с точностью до сотых, итоги голосования по партиям — несколько отличаются (разница не более 1%).

⁸ Анализируя динамику итогов голосования, за базовый год мы берем 2007 г., когда по многим показателям (в частности по отношению к деятельности Президента и индексу потребительских настроений, отражающих представление людей о будущем российской экономики и своего личного материального положения) в оценках общественного мнения сложилась наиболее благоприятная ситуация.

Об этом, в частности, свидетельствуют результаты мониторинга общественного мнения, который проводится ФГБУН ВолНЦ РАН с 1996 г. на территории Вологодской области. За весь период проводимых измерений именно в 2007–2008 гг. наблюдался наиболее высокий уровень поддержки деятельности Президента (75%), а также наиболее высокое значение индекса потребительских настроений (106 п.), что позитивно характеризует представления людей о будущем своего благосостояния и экономики страны в целом.

Более подробные данные представлены на вкладке 2.

ДИНАМИКА ЯВКИ НА ВЫБОРЫ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ V–VIII СОЗЫВОВ (2007–2021 ГГ.)

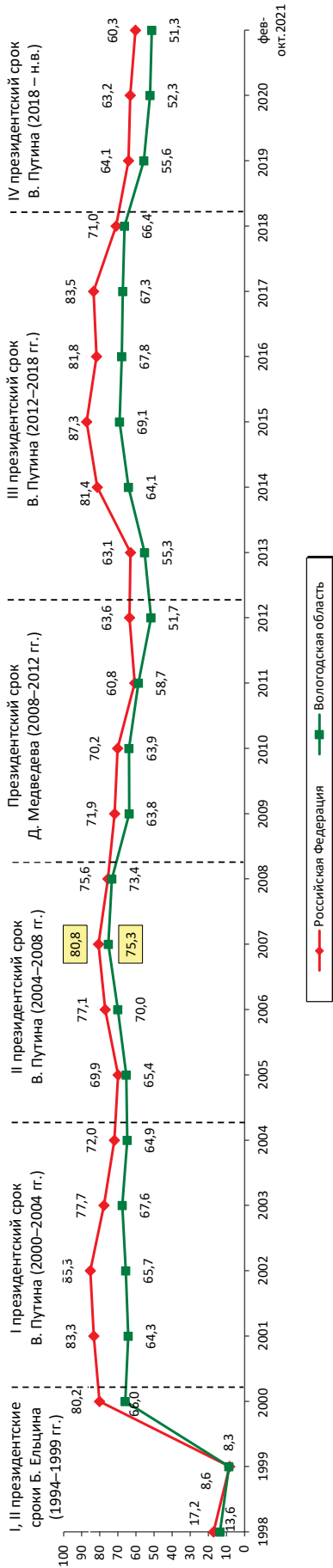
Территория*	Явка, %				Изменение (+ / -)				Явка, чел.					
	Год				Изменение (+ / -)				Год					
	2007	2011	2016	2021	2021 к 2016	2021 к 2011	2021 к 2007	2007	2011	2016	2021	2021 к 2016	2021 к 2011	2021 к 2007
Россия	63,78	60,21	47,88	51,72	+3,84	-8,49	-12,06	69609446	65766594	52700992	56484685	+3783693	-9281909	-13124761
Северо-Кавказский федеральный округ	84,95	86,46	82,22	84,50	+2,28	-1,96	-0,45	4195352	4544971	4343313	4816364	+473051	+271393	+621012
Южный федеральный округ	63,22	61,51	48,27	55,00	+6,73	-6,51	-8,22	6621657	6510122	5896748	7219463	+1322715	+709341	+597806
Приволжский федеральный округ	69,13	64,30	54,44	53,69	-0,75	-10,61	-15,44	16043964	15100550	13083343	12614143	-469200	-2486407	-3429821
Уральский федеральный округ	70,92	63,42	53,76	53,14	-0,62	-10,28	-17,78	6329229	5545692	4505820	4632619	+126799	-913073	-1696610
Центральный федеральный округ	60,98	58,78	45,29	48,62	+3,33	-10,16	-12,36	17546326	17049621	12270883	10326650	-1944233	-6722971	-7219676
Дальневосточный федеральный округ	63,68	55,83	42,92	47,82	+4,90	-8,01	-15,86	2986327	2530907	1870528	2039513	+168985	-491394	-946814
Сибирский федеральный округ	66,45	58,19	46,70	47,08	+0,38	-11,11	-19,37	9351476	8212790	6599218	6481100	-118118	-1731690	-2870376
Северо-Западный федеральный округ	58,28	55,29	40,49	42,43	+1,94	-12,86	-15,85	6230708	5961777	4131139	4449760	+318621	-1512017	-1780948

* Ранжировано по убыванию относительного показателя явки (в %) в 2021 г.

На выборах в Государственную Думу VIII созыва явка населения в целом по стране увеличилась впервые за период с 2007 по 2021 г. – с 48 до 52% (на 4 п. п., или на 3,8 млн чел.). Прирост явки отмечается почти во всех федеральных округах (кроме Приволжского и Уральского, где доля людей, участвующих в парламентских выборах, стабильно снижается с 2007 года).

Вместе с тем, в целом за период с 2007 по 2021 г. явка россиян на выборы в Государственную Думу сократилась на 12 п. п. (с 64 до 52%), причем снижение отмечается во всех федеральных округах. За последние 14 лет, таким образом, число людей, участвующих в парламентских выборах, в целом по стране уменьшилось на 13 млн человек.

Вкладка 2
Динамика уровня одобрения деятельности Президента РФ (доля положительных оценок), % от числа опрошенных)

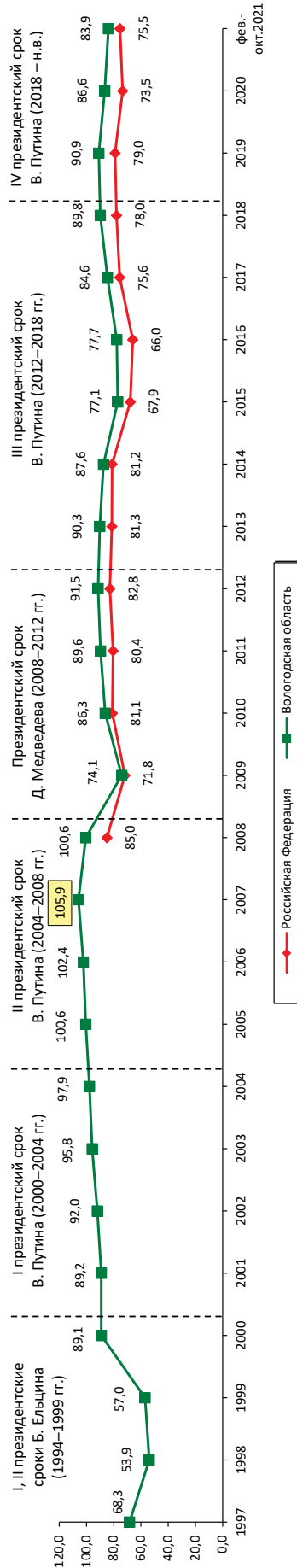

Вологодская область – данные ВолНЦ РАН; Российская Федерация – данные ВЦИОМ (Источник: <https://wciom.ru/>)

За период с 1998 по 2021 г. наиболее высокий уровень одобрения деятельности Президента РФ отмечался в 2007 г. (в России – 81%; в Вологодской области – 75%).

В целом по стране значительная поддержка деятельности главы государства зафиксирована также в периоды 2000–2002 и 2014–2017 гг., что было связано с особенными для России обстоятельствами – выходом страны из кризиса «90-х» и «крымской весной» 2014 г.

Индекс потребительских настроений

Вологодская область – данные ВолНЦ РАН; Российская Федерация – данные Левада-Центра*. Источник: <https://www.levada.ru/indikator/sotsialno-ekonomicheskie-indikatoru> (динамика данных представлена с 2008 г.; последние данные за фев.- сент. 2021).
* Внесен в реестр иностранных агентов.

Также в 2007 г. (по данным исследований ВолНЦ РАН) было зафиксировано наиболее высокое значение индекса потребительских настроений (106 пунктов), что свидетельствует о преимущественно позитивном восприятии людьми будущего российской экономики и своего личного материального положения.

Кроме того, онлайн-голосование на выборах 2021 года проходило лишь в семи субъектах РФ⁹, и на всех этих территориях явка оказалась меньше, чем в среднем по стране (43–50 против 52%; табл. 2).

Во-вторых, внутреннее состояние российского общества отражают итоги голосования для партии власти «Единая Россия».

За период с 2007 по 2021 г. доля голосов, отданных за партию «Единая Россия», снизилась с 64 до 50%, или почти на 17 млн избирателей (с 45 до 28 млн; рис. 1; вкладка 3).

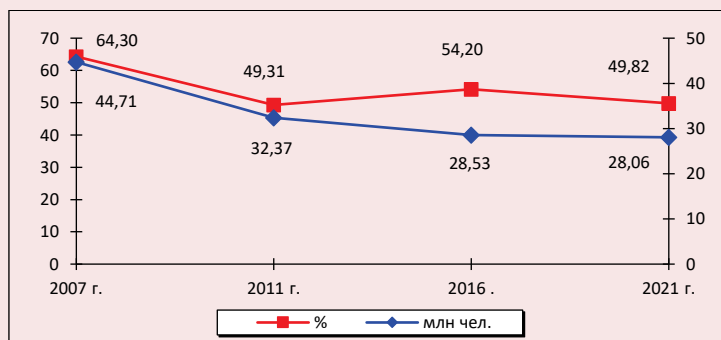
В 2021 г. поддержка партии власти в целом по стране уменьшилась с 54 до 50% (0,5 млн чел.); ухудшение позиций «Единой России» по сравнению с предыдущими выборами в Госу-

Таблица 2. Динамика явки на выборы в Государственную Думу РФ в субъектах, в которых в 2021 г. апробировался опыт онлайн-голосования

Территория*	Явка						
	Год				Изменение (+ / -), 2021 к...		
	2007	2011	2016	2021	2016	2011	2007
	%						
Россия	63,78	60,21	47,88	51,72	+3,84	-8,49	-12,06
Москва	55,36	61,71	35,35	50,26	+14,91	-11,45	-5,10
Севастополь	–	–	47,01	49,26	+2,25	–	–
Ростовская область	67,58	59,35	48,24	48,80	+0,56	-10,55	-18,78
Нижегородская область	57,28	58,87	44,49	48,48	+3,99	-10,39	-8,80
Курская область	63,27	54,74	47,02	47,01	-0,01	-7,73	-16,26
Мурманская область	58,14	51,87	39,73	43,84	+4,11	-8,03	-14,30
Ярославская область	62,38	55,88	37,80	43,40	+5,60	-12,48	-18,98
	чел.						
Россия	69609446	65766594	52700992	56484685	+3783693	-9281909	-13124761
Москва	3970859	4433781	2634377	3905133	+1270756	-528648	-65726
Ростовская область	2233577	1964245	1573413	1659674	+86261	-304571	-573903
Нижегородская область	1591380	1601889	1196988	1246468	+49480	-355421	-344912
Ярославская область	663813	590383	389313	436834	+47521	-153549	-226979
Курская область	618864	519503	443485	424788	-18697	-94715	-194076
Мурманская область	411455	349647	248532	257491	+8959	-92156	-153964
Севастополь	–	–	147430	166555	+19125	–	–

* Ранжировано по убыванию явки в 2021 г.
 Рассчитано по: база данных ЦИК РФ. URL: <http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom>

Рис. 1. Динамика поддержки партии «Единая Россия» на выборах в Государственную Думу за период 2007–2021 гг.

Источник: база данных ЦИК РФ. URL: <http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom>

⁹ г. Москва, г. Севастополь, Нижегородская, Ярославская, Курская, Мурманская и Ростовская области.

дарственную Думу отмечалось в 70 субъектах РФ (табл. 3). При этом сложно не согласиться с оценками экспертов, отмечающих, что «если при явке в 50% правящая партия набирает 50% голосов, то это означает, что власть поддерживает всего четверть граждан»¹⁰. Тем не менее, «Единой России» удалось сохранить конституционное большинство в парламенте.

Такие противоречивые итоги поддержки партии власти объективно отражают характер существующих на сегодняшний день общественных настроений, заключающихся, с одной стороны, в неудовлетворенности динамикой уровня и качества жизни, в пробуксовывании национальных проектов и обещаний, озвученных главой государства в Послании Федеральному собранию 2018 г.; с другой стороны, в стремлении общества решать имеющиеся проблемы в рамках сложившегося на сегодняшний день общественно-политического консенсуса; принципиальной поддержке лично Президента РФ и созданной им системы государственного управления.

В-третьих, о многом говорит рост поддержки КПРФ и «Справедливой России» при ухудшении позиций ЛДПР, что в совокупности отражает запрос общества на повестку «левого» характера (социальную справедливость, сильную госу-

*дарственную власть, приоритет традиционных духовно-нравственных ценностей)*¹¹.

В целом по стране доля людей, проголосовавших за КПРФ, увеличилась на 6 п. п. (с 13 до 19%; вкладка 4). Если в 2016 г. по сравнению с 2011 г. рост поддержки КПРФ отмечался только в 11 субъектах РФ, то в 2021 г. по сравнению с 2016 г. – в 79 регионах (см. табл. 3).

Доля россиян, проголосовавших за «Справедливую Россию», в 2021 г. по сравнению с 2016 г. увеличилась на 2 п. п. (с 6 до 8%; вкладка 5). С одной стороны, это немного, но, с другой стороны, рост отмечается в 63 субъектах РФ (в то время как на прошлых выборах рост поддержки «Справедливой России» был зафиксирован только в 11 регионах). Частично рост поддержки обусловлен объединением партии с блоком З. Прилепина, однако, на наш взгляд, это не единственное объяснение (о чем говорит и рост поддержки КПРФ, и ухудшение позиций ЛДПР).

Что касается ЛДПР, то в целом по стране их поддержка снизилась с 12 до 7% (вкладка 6). Причем более показательно, что на парламентских выборах 2021 г. доля голосов, отданных за ЛДПР, увеличилась лишь в семи субъектах РФ, в то время как в 2016 г. их было 68 (см. табл. 3).

Таблица 3. Количество субъектов РФ, в которых увеличилась поддержка парламентских партий, % от числа избирателей

Политическая партия	2016 г. к 2011 г. (итоги выборов в Государственную Думу VII созыва)	2021 г. к 2016 г. (итоги выборов в Государственную Думу VIII созыва)	Изменение (+ / –)
Единая Россия	52	15	–37
КПРФ	11	79	+68
ЛДПР	68	7	–61
Справедливая Россия	11	63	+52

Рассчитано по: база данных ЦИК РФ. URL: <http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom>

¹⁰ Глазьев С.Ю. Будущее за открытым голосованием // Официальный сайт С.Ю. Глазьева. 29.09.2021. URL: <https://glazev.ru/articles/136-chelovek-i-obshchestvo/95065-sergey-glaz-ev-budushhee-za-otkryтым-golosovaniem>

¹¹ Остальные партии (Экологическая партия «Зеленые», Российская объединенная демократическая партия «Яблоко», Всероссийская политическая партия «Партия роста», политическая партия «Российская партия свободы и справедливости», политическая партия «Коммунистическая партия Коммунисты России», политическая партия «Гражданская платформа», политическая партия «Зеленая альтернатива», всероссийская политическая партия «Родина», «Партия пенсионеров») не смогли преодолеть 5%-ный барьер и в целом по стране набрали 8,85% голосов избирателей (в совокупности за них проголосовало 4,98 млн чел.).

**ДИНАМИКА ИТОГОВ ГОЛОСОВАНИЯ ЗА ПАРТИЮ «ЕДИНАЯ РОССИЯ» НА ВЫБОРАХ
В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ V–VIII СОЗЫВОВ (2007–2021 гг.)**

Территория*	Единая Россия, %										Единая Россия, чел.									
	Год					Изменение (+ / –)					Год					Изменение (+ / –)				
	2007	2011	2016	2021	2021 к 2016	2021 к 2011	2021 к 2007	2016	2021	2021 к 2016	2021 к 2011	2021 к 2007	2007	2011	2016	2021	2021 к 2016	2021 к 2011	2021 к 2007	
Россия	64,30	49,31	54,20	49,82	-4,38	+0,51	-14,48	32371737	28527828	-463628	-4307537	44714241	32371737	28527828	-463628	-4307537	-16650041			
Северо-Кавказский федеральный округ	87,16	81,52	76,88	79,12	+2,24	-2,40	-8,04	3617187	3419444	+301432	+103689	3516990	3617187	3419444	+301432	+103689	+203886			
Южный федеральный округ	65,45	54,81	58,27	55,48	-2,79	+0,67	-9,97	3363306	3472091	+699788	+808573	4290232	3363306	3472091	+699788	+808573	-118353			
Приволжский федеральный округ	67,15	52,52	55,93	47,60	-8,33	-4,92	-19,55	8472634	7903534	-972455	-1541555	11120950	8472634	7903534	-972455	-1541555	-4189871			
Уральский федеральный округ	67,75	50,37	48,80	44,39	-4,41	-5,98	-23,36	2548502	2057985	-208799	-699316	4094431	2548502	2057985	-208799	-699316	-2245245			
Центральный федеральный округ	59,07	42,96	49,33	43,70	-5,63	+0,74	-15,37	7422895	5882747	-645148	-1194771	10237771	7422895	5882747	-645148	-1194771	-4009647			
Сибирский федеральный округ	66,32	46,12	46,69	42,80	-3,89	-3,32	-23,52	3561156	3298976	-437005	-699185	5892147	3561156	3298976	-437005	-699185	-3030176			
Дальневосточный федеральный округ	63,96	45,61	44,58	39,57	-5,01	-6,04	-24,39	1020880	767917	-66380	-319343	1830758	1020880	767917	-66380	-319343	-1129221			
Северо-Западный федеральный округ	57,02	36,47	41,67	34,94	-6,73	-1,53	-22,08	2168509	1725134	-125583	-568958	3493534	2168509	1725134	-125583	-568958	-1893983			

* Ранжировано по убыванию доли голосов, отданных за партию «Единая Россия» в 2021 г.

На парламентских выборах 2021 г. доля людей, проголосовавших за партию «Единая Россия», в целом по стране уменьшилась на 4 п. п. (с 54 до 50%), или на 463 тыс. чел.

Следует отметить, что снижение поддержки партии власти на выборах 2021 г., по сравнению с выборами 2016 г., отмечается во всех федеральных округах, кроме Северо-Кавказского федерального округа. Причем в пяти из восьми округов (Приволжский, Уральский, Сибирский, Дальневосточный, Северо-Западный) доля голосов, отданных за партию «Единая Россия», в 2021 г. была ниже, чем и в 2016, и в 2007 гг.

В целом за период с 2007 по 2021 г. доля россиян, проголосовавших за «Единую Россию» на выборах в Государственную Думу, сократилась на 14 п. п. (с 64 до 50%), то есть за последние 14 лет партия власти потеряла 16,7 млн голосов избирателей.

Вкладка 4

ДИНАМИКА ИТОГОВ ГОЛОСОВАНИЯ ЗА КОММУНИСТИЧЕСКУЮ ПАРТИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (КПРФ) НА ВЫБОРАХ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ V–VIII СОЗЫВОВ (2007–2021 гг.)

Территория*	КПРФ, %					КПРФ, чел.				
	Год					Год				
	2007	2011	2016	2021	Изменение (+ / -)	2007	2011	2016	2021	Изменение (+ / -)
Россия	11,57	19,19	13,34	18,93	+5,59	8046886	12599420	7019752	10660669	+2613783
Дальневосточный федеральный округ	10,44	18,80	14,79	24,54	+5,74	329501	517324	302607	568862	+266255
Сибирский федеральный округ	15,20	26,22	25,30	23,41	-1,89	149796	222525	151708	1441053	+1289345
Приволжский федеральный округ	10,88	19,34	14,30	21,68	+7,38	1670231	2805144	1701616	2352460	+650844
Центральный федеральный округ	14,46	22,78	15,15	21,34	+6,19	2500618	3732762	1804200	2969085	+1164885
Северо-Западный федеральный округ	11,49	19,93	13,69	21,14	+7,45	718204	1066272	515965	860606	+344641
Уральский федеральный округ	8,00	14,25	11,23	17,21	+5,98	542558	833634	524938	863635	+338697
Южный федеральный округ	12,40	18,52	12,31	16,39	+4,08	852009	1244555	730153	1150462	+420309
Северо-Кавказский федеральный округ	5,19	11,07	10,47	9,61	-0,86	284287	523513	411364	454506	+43142

* Ранжировано по убыванию доли голосов, отданных за КПРФ в 2021 г.

Поддержка КПРФ в 2021 г., по сравнению с 2016 г., в целом по стране увеличилась на 6 п. п. (с 13 до 19%), или на 3,6 млн чел. Доля людей, проголосовавших за Коммунистическую партию Российской Федерации, увеличилась во всех федеральных округах, кроме Сибирского и Северо-Кавказского.

Доля россиян, проголосовавших за КПРФ в 2021 г., чуть ниже, чем в 2011 г. Однако в целом за период с 2007 по 2021 г. показатель поддержки КПРФ увеличился на 7 п. п. (с 12 до 19%). Прирост отмечается во всех федеральных округах; в целом по стране – на 2,6 млн чел.

Вкладка 5

**ДИНАМИКА ИТОГОВ ГОЛОСОВАНИЯ ЗА ЛИБЕРАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКУЮ ПАРТИЮ (ЛДПР)
НА ВЫБОРАХ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ V–VIII СОЗЫВОВ (2007–2021 гг.)**

Территория*	ЛДПР, %				ЛДПР, чел.				Изменение (+ / -)					
	Год				Год				Изменение (+ / -)					
	2007	2011	2016	2021	2007	2011	2016	2021	2021 к 2016	2021 к 2011	2021 к 2007			
Россия	8,14	11,68	13,14	7,55	5,59	-4,13	-0,59	5660823	7664516	6917063	4252252	-2664811	-3412264	-1408571
Уральский федеральный округ	10,25	15,82	17,08	10,95	-6,13	-4,87	+0,70	659564	837698	751832	452828	-299004	-384870	-206736
Дальневосточный федеральный округ	10,68	16,32	20,46	10,69	-9,77	-5,63	+0,01	339710	438334	388029	209198	-178831	-229136	-130512
Северо-Западный федеральный округ	10,40	14,90	17,70	10,12	-7,58	-4,78	-0,28	590797	799481	650450	399259	-251191	-400222	-191538
Сибирский федеральный округ	8,86	14,04	16,33	8,52	-7,81	-5,52	-0,34	911472	1240810	1026458	570349	-456109	-670461	-341123
Центральный федеральный округ	9,10	12,50	14,85	8,48	-6,37	-4,02	-0,62	1484559	1981760	1717350	1077023	-640327	-904737	-407536
Приволжский федеральный округ	7,56	11,25	12,78	7,89	-4,89	-3,36	+0,33	1096845	1496636	1456245	898272	-557973	-598364	-198573
Южный федеральный округ	6,41	9,01	12,41	6,92	-5,49	-2,09	+0,51	465735	679570	777886	511550	-266336	-168020	+45815
Северо-Кавказский федеральный округ	1,86	2,62	2,90	1,85	-1,05	-0,77	-0,01	98833	166800	148813	113773	-35040	-53027	+14940

* Ранжировано по убыванию доли голосов, отданных за ЛДПР в 2021 г.

На парламентских выборах 2021 г. либерально-демократическая партия России (ЛДПР) потеряла 5,6% голосов избирателей по сравнению с выборами 2016 г. (2,7 млн чел.). Доля людей, проголосовавших за ЛДПР, по сравнению с предыдущими выборами в Государственную Думу, уменьшилась во всех федеральных округах (особенно в Дальневосточном, Уральском и Центральном – на 6–10 п. п.).

Вместе с тем за период с 2007 по 2021 г. ЛДПР фактически не потеряла своих позиций: во всех федеральных округах изменения незначительны (не более 1% голосов). В целом по России поддержка ЛДПР уменьшилась с 8,1 до 7,6%, или на 1,4 млн чел.

**ДИНАМИКА ИТОГОВ ГОЛОСОВАНИЯ ЗА ПАРТИЮ «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ – ПАТРИОТЫ – ЗА ПРАВДУ»
НА ВЫБОРАХ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ V–VIII СОЗЫВОВ (2007–2021 ГГ.)**

Территория*	Справедливая Россия, %					Справедливая Россия, чел.						
	Изменение (+ / -)					Изменение (+ / -)						
	Год		Год		2021 к 2007	Год		Год		2021 к 2007		
	2007	2011	2016	2021	2021 к 2016	2021 к 2011	2021 к 2016	2021	2016	2021 к 2016	2021 к 2011	2021 к 2007
Россия	7,74	13,25	6,22	7,46	+1,24	-5,79	-0,28	8695458	3275053	+926691	-4493714	-1181895
Северо-Западный федеральный округ	10,60	20,24	8,53	10,33	+1,80	-9,91	-0,27	1283110	346352	+116888	-819870	-268910
Уральский федеральный округ	6,44	13,62	11,09	10,17	-0,92	-3,45	+3,73	932001	575271	-13899	-370629	+95272
Центральный федеральный округ	8,66	14,99	6,22	8,37	+2,15	-6,62	-0,29	2412427	743362	+294800	-1374265	-402667
Приволжский федеральный округ	7,19	11,63	5,84	7,67	+1,83	-3,96	+0,48	1577497	693700	+79303	-804494	-329367
Сибирский федеральный округ	6,63	12,55	6,17	6,87	+0,70	-5,68	+0,24	1054682	411118	+34157	-609407	-207374
Южный федеральный округ	9,11	12,71	5,82	6,76	+0,94	-5,95	-2,35	871830	273436	+189671	-408723	-92537
Дальневосточный федеральный округ	6,92	12,64	5,61	5,92	+0,31	-6,72	-1,00	385589	117962	+10858	-256769	-113138
Северо-Кавказский федеральный округ	3,24	3,03	3,19	5,16	+1,97	+2,13	+1,92	155956	113852	+166857	+124753	+99566

* Ранжировано по убыванию доли голосов, отданных за партию «Справедливая Россия – Патриоты – За правду» в 2021 г.

Поддержка партии «Справедливая Россия – Патриоты – За правду» на выборах 2021 г., по сравнению с предыдущими выборами в Государственную Думу, существенно не изменилась. Незначительный прирост (1–2 п. п.) отмечается во всех федеральных округах, кроме Уральского. В целом по стране зафиксирован прирост на 1,2% голосов (или на 0,9 млн чел.).

«Справедливая Россия» существенно ухудшила свои позиции по сравнению с парламентскими выборами 2011 г. (в 2021 г. за нее проголосовало меньше почти на 6 п. п., или на 4,5 млн россиян; причём во всех федеральных округах, кроме Северо-Кавказского).

Однако в целом за период с 2007 по 2021 г. партии удалось сохранить достаточно стабильный уровень поддержки (примерно 7,5%, хотя это и меньше на 1,2 млн голосов избирателей).

По итогам голосования в Государственной Думе впервые появилась партия «Новые люди». По-видимому, тот факт, что в большинстве субъектов РФ (58) она смогла преодолеть 5%-ный барьер, свидетельствует о том, что выдвинутая ей повестка¹² отражает интересы определенной части населения страны, прежде всего молодежи, которая выступает «главной партийной силой»¹³.

«Успех партии „Новые люди“ объясняют по-разному. Говорят, в частности, об удачном названии политического проекта, на которое отреагировали люди, уставшие от несменяемости истеблишмента. Другое объяснение – реализация запроса на партию умеренно-либерального толка, для бизнеса и сторонников рынка»¹⁴.

В том числе за счет этой партии Государственная Дума становится более сбалансированной. Как отмечают эксперты, «по итогам сентябрьских выборов власть получила в Госдуме две структуры аккумулирующего типа. Это партия, притягивающая крайний левый постсоветский популизм, то есть КПРФ, и новые правые, задача которых – поддерживать либеральные сдвиги и непопулярные реформы»¹⁵.

«Конструируется парламентская заготовка, в рамках которой может быть проведена партийная и кадровая модернизация без потери управляемости...

Кадровый вопрос уже взяла на себя администрация президента... здесь видится долгосрочная стратегия государства по формированию меритократического корпуса управленцев, губернаторов, чиновников – и вот теперь политиков»¹⁶.

Таким образом, пожалуй, главным итогом прошедших выборов в Государственную Думу можно считать то, что их результаты отражают тенденции общественных настроений, объективно существующие в России. Это касается и усиления гражданской сознательности населения; и определения четких границ общественно-политического консенсуса, базирующегося на приоритете национальных интересов и основных ценностей социального государства, и усиления роли молодых поколений в формировании политической повестки.

Достигнуть такого результата можно было только при условии максимально возможного снижения остроты внутренних и внешних формажорных факторов, в чем видится прямая заслуга Президента РФ и его команды, которые сумели, во-первых, уменьшить «градус» международной политической напряженности вокруг России; во-вторых, пресечь возможные попытки несистемной оппозиции («пятой колонны») дискредитировать результаты голосования.

Следует отметить, что инициативы и управленческие решения, принимаемые В.В. Путиным, нацелены на долгосрочную перспективу, на будущие поколения россиян. В этом смысле такие значимые моменты современной российской истории, как «мюнхенская речь» Президента 2007 г., вхождение Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации, поправки к Конституции 2020 г. и т. д., выполняют ту же роль, что и менее видимые невооруженным взглядом решения, принятые самим В.В. Путиным или его идеологическими соратниками по патриотическому, национально ориентированному блоку (например, аресты руководителей регионального уровня¹⁷; кадровые изме-

¹² В повестку партии «Новые люди» входят, в частности, такие идеи, как поддержка инноваций, снижение давления на бизнес, повышение заработной платы учителей, снижение отчетности у врачей, добровольная сдача ЕГЭ, снижение контроля государства над экономикой, подготовка коммерсантов со школьной скамьи, передача полномочий и ресурсов местным элитам, отмена цензуры и наказания за экстремизм и т. д.

¹³ Партия «Новые люди» представила предвыборную программу // Новости ОПТ. 23.08.2021. URL: https://www.ltv.ru/news/2021-08-23/411843-partiya_novye_lyudi_predstavila_predvybornuyu_programmu

¹⁴ Что означает успех «Новых людей» // Независимая газета. 20.09.2021. URL: https://www.ng.ru/editorial/2021-09-20/2_8256_editorial.html

¹⁵ Двигается ли Дума в сторону трехпартийности // Независимая газета. 04.10.2021. URL: https://www.ng.ru/editorial/2021-10-04/2_8268_editorial.html

¹⁶ Парламентская заготовка // Эксперт. 2021. 13–19 сентября. № 38. датальной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/329216-4>).

¹⁷ Более подробно об этом см.: Ильин В.А., Морев М.В. Российская государственность в условиях угрозы «истления элит» // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 6. С. 24–53.

нения на ключевых постах, ответственных, в частности, за развитие системы образования и

«По данным Генеральной прокуратуры РФ в 2020 г. «состоялись обвинительные приговоры в отношении **949** должностных лиц правоохранительных органов, **539** должностных лиц органов государственной власти и местного самоуправления, **58** депутатов регионального и муниципального уровня, совершивших преступления коррупционной направленности»¹⁸.

«Всего в России с 1996 года под уголовную ответственность попали 34 главы региона, в том числе 19 действующих... **за последние пять лет осудили десять губернаторов**»¹⁹.

воспитания, что призвано обеспечить высокий морально-нравственный уровень подрастающих поколений²⁰, и т. д.).

Все эти шаги, так же как и создание максимально спокойной внутренней и внешней политической ситуации в период выборов в Государственную Думу; ситуации, позволяющей гражданам страны сделать максимально осознанный и выверенный выбор в соответствии со своими внутренними потребностями и убеждениями, являются последовательными элементами одного целого – строительства новой российской государственности, основные постулаты которой были изложены В.В. Путиным в статье 1999 г. «Россия на рубеже тысячелетий».

Ключевые тезисы статьи В.В. Путина «Россия на рубеже тысячелетий»²¹ (1999 г.):

«Достижение необходимой динамики роста – проблема не только экономическая. Это проблема также политическая и, не побоюсь этого слова, в определенном смысле идеологическая. Точнее, идейная, духовная, нравственная.

Шансы на достойное будущее:

А) Российская идея. Плодотворная созидательная работа, в которой так нуждается наше Отечество, невозможна в обществе, находящемся в состоянии раскола, внутренне разобщенном... Опорная точка консолидации российского общества – то, что можно назвать исконными, традиционными ценностями россиян: патриотизм, державность, государничество, социальная солидарность.

Б) Сильное государство. Мы находимся на этапе, когда даже самая верная экономическая и социальная политика дает сбой при проведении ее в жизнь из-за слабости государственной власти, органов управления. Ключ к возрождению и подъему России находится сегодня в государственно-политической сфере. Россия нуждается в сильной государственной власти и должна иметь ее. Это не призыв к тоталитарной системе... Сильная государственная власть в России – это демократическое, правовое, дееспособное федеративное государство.

В) Эффективная экономика.

1. Один из главных уроков я вижу в том, что на протяжении всех этих лет мы двигались как бы ощупью, наугад, не имея четких представлений об общенациональных целях и рубежах, которые обеспечат России положение высокоразвитой, процветающей и великой страны мира. Отсутствие такой перспективной, рассчитанной на 15–20 и более лет стратегии развития особенно остро ощущается в экономике... Страна нуждается в долгосрочной общенациональной стратегии развития.

¹⁸ Интервью с начальником управления по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции Генпрокуратуры РФ В. Балдиным // РИА Новости. 09.03.2021. URL: <https://ria.ru/20210309/korrupsiya-1600432034.html>

¹⁹ Новости Полит.ру. 24.02.2021. URL: <https://polit.ru/news/2021/02/24/gubernatory>

²⁰ Например: смена ректора Высшей школы экономики (её возглавил бывший ректор Дальневосточного федерального университета Н.Ю. Анисимов); смена Президента Российской академии образования (эту должность заняла О.Ю. Васильева) и др. Подробнее об этом см.: Ильин В.А., Морев М.В. Стратегия национальной безопасности – 2021: позитивные ощущения и противоречивые ожидания // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 4. С. 9–32.

²¹ Путин В.В. Россия на рубеже тысячелетий // Независимая газета. 30.12.1999. URL: https://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4_millennium.html

2. Второй важный урок 90-х годов заключается в выводе о необходимости для России формирования целостной системы государственного регулирования экономики и социальной сферы... Речь о том, чтобы сделать российское государство эффективным координатором экономических и социальных сил страны, выстраивающим баланс их интересов, определяющим оптимальные цели и параметры общественного развития, создающим условия и механизмы их достижения.

3. Третий урок – переход к осуществлению стратегии реформ, которая была бы оптимальной для условий нашей страны.

4. Нельзя не видеть, что для России практически исключены любые преобразования, меры, которые сопряжены с ухудшением условий жизни людей».

Строительству «сильного государства», «формированию целостной системы государственного регулирования экономики и социальной сферы» были посвящены и другие, вполне конкретные действия как самого Президента, так и его соратников, разделяющих государственнические приоритеты в системе управления.

В первую очередь, это касается непосредственно выборов в Государственную Думу.

К примеру, если на парламентских выборах 2016 г. Президент РФ и созданный им Общероссийский народный фронт дистанцировались от «Единой России» (что, по оценкам экспертов, стало одним из факторов снижения электоральных рейтингов партии власти²²), то в 2021 г. ситуация изменилась кардинальным образом. Эксперты отмечают, что «на последнем этапе Президент фактически возглавил кампанию Единой России»²³, а спикер Государственной Думы В. Володин прямо заявил о том, что «высокий результат „Единой России“ обусловлен поддержкой Владимира Владимировича Путина»²⁴.

В июне 2021 г. глава государства лично принял участие в XX съезде «Единой России», где представил пятерку ее лидеров (С. Шойгу,

С. Лавров, Е. Шмелева, Д. Проценко, А. Кузнецова), ставших «лицом» партии вместо Д. Медведева (который выполнял эту роль в 2016 г.).

Уже после объявления окончательных итогов голосования Президент инициировал создание пяти партийных комиссий²⁵, которые, по

Костин К. (председатель правления Фонда развития гражданского общества): «В партии всегда были отдельные комиссии и проекты на разных уровнях, но нынешние комиссии – структуры другого уровня. В том числе и потому, что их возглавляют политические тяжеловесы.

Новые комиссии не будут дублировать работу уже действующих органов власти, например, Минздрава или комитета по образованию Госдумы. Они станут точками координации различных ветвей власти. Дело в том, что «Единая Россия» – это не только законодательная власть на уровне Госдумы, и не только исполнительная на уровне правительства. «Единая Россия» – это и региональные власти (губернаторы, заксобраны). И их работу надо свести воедино. Не стоит забывать и об ответственности. Именно её и символизируют президент, как лидер партии, и первая её пятерка»²⁶.

²² См., например: Мухаметов Р.С. Региональные выборы – 2016 / Центр региональных политических исследований УРФУ. URL: https://urgi.urfu.ru/fileadmin/user_upload/site_15017/politkaf/Doc/Regionalnye_vybory-2016.pdf

²³ Родин И. После выборов властную вертикаль ожидает реновация... // Независимая газета. 03.10.2021. URL: https://www.ng.ru/week/2021-10-03/8_8267_politweek.html

²⁴ Новости ТАСС. 20.09.2021. URL: <https://tass.ru/politika/12455503>

²⁵ По предложению Президента «С. Шойгу возглавит комиссию по развитию Восточной Сибири. С. Лавров – комиссию по международному сотрудничеству и поддержке соотечественников за рубежом. Е. Шмелева возглавит комиссию по образованию и науке, Д. Проценко – по здравоохранению. А. Кузнецова – комиссию по защите материнства, детства и защите семьи. И будет прямо координировать это направление в Государственной Думе» (Источник: Лидеры предвыборного списка «Единой России» возглавят специально созданные партийные комиссии // Официальный сайт партии «Единая Россия». 27.09.2021. URL: <https://er.ru/activity/news/vladimir-putin-pyaterka-spiska-edinoj-rossii-vozglavit-specialno-sozdannye-partijnye-komissii>).

²⁶ Политолог объяснил, зачем «Единая Россия» создала партийные комиссии // Комсомольская правда. 28.09.2021. URL: <https://www.kp.ru/daily/28336/4481728/>

словам главы государства, «помогут так выстроить работу, чтобы все наказания избирателей и народная программа партии были полностью выполнены»²⁷.

Как отмечают политологи, таким образом были созданы «точки координации различных ветвей власти», что, очевидно, стало еще одним шагом в упорядочивании всей системы государственного управления под непосредственным руководством главы государства.

По-видимому, на решение этой же задачи была направлена серия личных встреч Президента РФ с руководителями думских фракций, которую эксперты оценили как «настройка нижней палаты на конструктивную работу»²⁸.

Кроме того, 27 сентября 2021 г. депутатами из «Единой России» А.А. Клишасом и П.В. Крашенинниковым (входившими в состав рабочей

группы по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию РФ) **был внесен в Государственную Думу законопроект «О единой системе публичной власти» (ЕСПВ)**, который, в частности, предполагает отмену ограничения по числу сроков избрания губернаторов, но главное (как отмечают эксперты) – фактически оставляет за Президентом роль «единственного настоящего управленца», а всех остальных превращает в «наемных менеджеров»²⁹.

Важно также отметить, что в этот же день (27 сентября 2021 г.) состоялось очередное заседание Совета безопасности, в рамках которого **В.В. Путин инициировал обсуждение основных направлений по совершенствованию системы стратегического планирования**. Как отметил глава государства, «нам нужна сбалансированная, единая и целостная система

Калачев К. (Глава Политической экспертной группы): «Закон о ЕСПВ – это вишенка на торте, все эти годы по факту происходила дефедерализация и формирование унитарного централизованного государства, осталось это только оформить законодательно. Власть стремится подогнать все регионы под унификацию, несмотря на местные и национальные особенности, идет их выравнивание независимо от специфики, чтобы только усилить контроль. В то же время есть цель закрепить за эффективными с точки зрения Кремля губернаторами возможность продолжить начатое. И переизбраться, чтобы спокойно провести выборы 2024 года, поскольку, судя по всему, по оценкам верховной власти, многие регионы, полномочия глав которых скоро истекают, успешно справились с выборами нынешнего года, выдержали некий стресс-тест. **И важно, чтобы в регионах не было шатаний, связанных с возможной перезагрузкой системы, – губернаторам дали понять, что коней на переправе не будут менять**». При этом эксперт отметил, что даже неважно, под президента прописана данная инициатива или под преемника, поскольку **идет продолжение выбранного курса на укрепление вертикали власти, любая возможность турбулентности должна быть ликвидирована**»³⁰.

«Первое чтение законопроекта о публичной власти уже назначено на 9 ноября... вполне очевидно, что заказчиком законопроекта Клишаса-Крашенинникова выступает администрация президента, которая выполняет поручение лидера страны. Судя по тексту документа, выполнить данное поручение как можно быстрее и было главным делом...

Одна из новаций будущего закона – создание таких условий взаимодействия исполнительной и представительной власти регионов, которые в случае конфликтов будут заводить их в тупики, **деблокировать которые смогут лишь президент РФ или по его поручению Госсовет**»³¹.

²⁷ Выступление В. Путина на встрече с лидерами предвыборного списка партии «Единая Россия» // Официальный сайт Президента РФ. 27.09.2021. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66775>

²⁸ Гармоненко Д. Путин лично настроит работу парламента // Независимая газета. 05.10.2021. URL: https://www.ng.ru/politics/2021-10-05/3_8269_putin.html

²⁹ Гармоненко Д. Кремль приступил к капремонту вертикали власти // Независимая газета. 27.09.2021. URL: https://www.ng.ru/politics/2021-09-27/1_8262_president.html

³⁰ Там же.

³¹ Родин И. Госдуму из принтера превращают в ксерокс // Независимая газета. 04.10.2021. URL: https://www.ng.ru/politics/2021-10-04/1_8268_printer.html

стратегического планирования, чтобы создавать современные, выверенные, нацеленные на конкретный результат планы и программы, которые будут настраивать все органы власти, гражданское общество в целом, деловые круги работать в единой логике и вместе добиваться достижения приоритетных целей ради успешного, благополучного будущего России»³².

«Правительство подготовило Единый план по достижению национальных целей развития... Хочу поблагодарить за это коллег из Правительства и с учётом сегодняшнего разговора сделать следующее:

Первое. Привести все показатели Единого плана в соответствие с итогами 2020 года, чтобы полностью учесть те кардинальные изменения, которые произошли и у нас в стране, и в мире в целом.

Второе. Нужно, чтобы наши цели, целевые показатели за предстоящий период до 2024 года соответствовали тому уровню, от которого мы начинаем движение.

Третье. На основе подготовленного Единого плана прошу по каждой национальной цели сформулировать конкретные задачи и результаты, которые будут достигнуты за ближайший трёхлетний период, по итогам 2023 года, чтобы мы могли это посмотреть»³³.

Напомним, что о необходимости совершенствования системы стратегического планирования В.В. Путин говорил еще на заседании Госсовета в декабре 2020 г., после чего некоторые эксперты отметили, что в России фактически «возвращается госплан по примеру СССР», причем «инициатива возрождения в стране госплана принадлежит лично президенту России»³⁴.

Однако именно в сентябре 2021 г., после принятия новой Стратегии национальной безопасности и успешного прохождения этапа выборов в парламент, задача совершенствования системы стратегического планирования была поставлена Президентом в новой, более

конкретной форме. Так, участниками Совета был рассмотрен проект «Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации», который (по словам секретаря Совета безопасности Н. Патрушева) планируется представить на утверждение главы государства уже в ноябре 2021 г.³⁵

Таким образом, на протяжении последних месяцев прослеживается четкая линия действий Президента РФ по укреплению внутренних основ российской государственности, что является логичным продолжением его инициативы по изменению Конституции РФ.

Некоторые признаки «оздоровления» системы управления проявляются уже сегодня. Так, ряд экспертов высказывают осторожную «надежду на то, что правительство Мишустина окрепло до такой степени, что действительно начнёт ограничивать произвол монополии»³⁶. Это произошло после принятия решения о повышении налога на сверхприбыль для олигархов. «Весьма серьёзный шаг сделан, и что абсолютно принципиально важно — на основе согласия сторон»³⁷.

«Очень долго шло обсуждение стремления правительства Мишустина изъять у олигархов часть сверхприбылей, которые они получают за счет благоприятной экономической конъюнктуры. Обсуждение шло долго, делались разные заявления и вот в сухом остатке: правительство вводит акциз на сталь – 2,7% и изменит расчёт налога на добычу полезных ископаемых, не только на руду, но и на уголь и на удобрения. В результате уровень изъятия природной ренты в соответствующих отраслях с начала следующего года достигнет уровня, который официально признается среднемировым. То есть, обсуждали проблему с металлургами, и в ходе обсуждения расширили сферу повышения налога на сверхприбыли угольных олигархов, и олигархов, которые производят удобрения»³⁸.

³² Выступление В.В. Путина на заседании Совета безопасности 27.09.2021 // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66777>

³³ Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/64736>

³⁴ Хазин. Путин возвращает госплан России. 01.01.2021. URL: <https://www.9111.ru/questions/777777771158001>

³⁵ В РФ создается цифровая платформа стратегического управления // Российская газета. 27.09.2021. URL: <https://rg.ru/2021/09/27/patrushev-v-rf-sozdaetsia-cifrovaia-platforma-strategicheskogo-upravleniia.html>

³⁶ Делягин. Как Мишустин уговорил олигархов поделиться // Завтра. 2021. 01 окт.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

Однако до решения всего спектра стоящих перед Президентом задач, достижения целей, которые он ставил перед собой в 1999 г., пока еще далеко. По-видимому, эта работа продолжится и после 2024 г., когда в России пройдут очередные выборы главы государства.

В системе управления по-прежнему вспыхивают громкие коррупционные скандалы. Причем важно подчеркнуть, что лица, фигурирующие в них, имеют непосредственное отношение к системе, ответственной за воспитание подрастающих поколений – не только за их образовательный потенциал, но и морально-нравственный уровень.

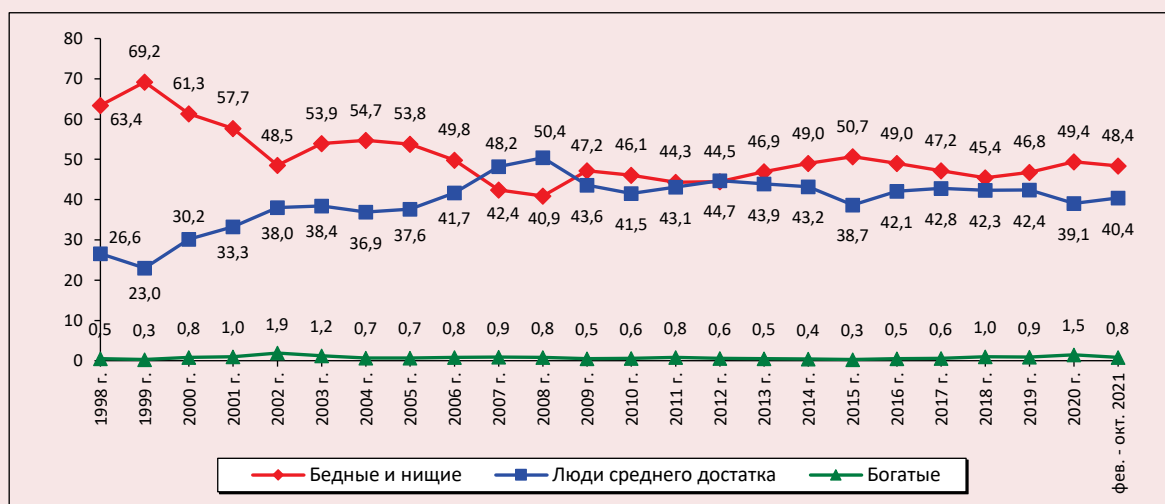
В динамике субъективных оценок населения относительно своего материального положения уже много лет не наблюдается устойчивых позитивных изменений, что, очевидно, играет ключевую роль в снижении поддержки партии власти в долгосрочной (за последние 14 лет) и краткосрочной (за последние 5 лет) динамике.

Даже в «доковидный» период (фактически с 2013 г.), как показывают результаты многолетнего социологического мониторинга, доля людей, субъективно причисляющих себя к категории «бедных и нищих», превышала удельный вес людей «среднего достатка» (рис. 2).

В октябре 2021 г. бывшему вице-президенту Сбербанка, экс-заместителю министра просвещения России Марине Раковой (занимавшей эту должность в 2018–2020 гг.) было предъявлено обвинение по делу о мошенничестве. Дело в отношении Раковой было возбуждено по факту хищения бюджетных средств при реализации госпрограммы «Образование» в 2019 году, когда она занимала должность замминистра просвещения. Поводом для подозрений стали экспертизы, выявившие несоответствия в выполнении работ по госконтрактам. Ущерб, причиненный государству, составил, по оценке следствия, 50 миллионов рублей. Фигурантами дела стали также С. Зуев (ректор Московской высшей школы социальных и экономических наук негосударственного вуза, более известного как «Шанинка»), К. Крючкова (исполнительный директор «Шанинки») и ряд других лиц.

Как обратили внимание эксперты, «при Раковой подрядчиком проекта „Учитель будущего“ в рамках российского нацпроекта „Образование“ стал негосударственный вуз, который плотно работает с Великобританией... Если кто-то начнёт давать показания, возможно, выяснится, что „Учитель будущего“ обошёлся государству ещё дороже, чем пятьдесят уже похищенных миллионов»³⁹.

Рис. 2. Динамика социальной самоидентификации, % от числа опрошенных

Формулировка вопроса «К какой категории Вы себя относите?».

Источник: данные мониторинга общественного мнения ФГБУН ВолНЦ РАН.

³⁹ Дело ректора: какую роль Сергей Зуев мог играть в схеме Раковой // Вести. 12.10.2021. URL: <https://www.vesti.ru/article/2625574>

Многие важные моменты, которыми характеризуется современная общественно-политическая ситуация в стране, проявили себя и в ходе голосования в Государственную Думу. Причем они отмечаются на всех территориальных уровнях (федеральном, региональном, муниципальном), что свидетельствует об их комплексном, системном и долгосрочном характере.

Анализ данных ЦИК показывает, что явка населения на выборы в парламент значительно ниже, чем на выборы Президента РФ или общероссийский референдум по поправкам к Конституции. К примеру, на выборах в Государственную Думу 2016 и 2021 гг. она составляла 48–52% (53–57 млн чел.), а на последних выборах Президента РФ (2018 г.) и на общероссийском голосовании по поправкам к Конституции (2020 г.) – 68% (74 млн чел.; *вкладка 7; табл. 4*).

То же самое касается поддержки власти в лице, с одной стороны, партии «Единая Россия», с другой стороны – лично В.В. Путина (на выборах главы государства) и инициированных им поправок к Основному закону

(на общероссийском референдуме 2020 г.): за «Единую Россию» на парламентских выборах 2016 и 2021 гг. проголосовало 50–54% избирателей (28 млн чел.); за В.В. Путина на президентских выборах 2018 г. и за внесение поправок в Конституцию в 2020 г. – 77% (57 млн чел.; см. вкладку 7; табл. 4).

Таким образом, данные ЦИК показывают, что президентские выборы привлекают гораздо большее внимание населения, чем выборы в парламент, и это, на наш взгляд, свидетельствует о том, что в решении наиболее актуальных проблем россияне надеются и ждут управленческих действий именно от главы государства. Как отмечают некоторые эксперты, «главным, а в идеале и единственным настоящим политиком в России является один человек, и это президент Владимир Путин»⁴⁰.

Поправки к Конституции, касающиеся распределения полномочий между органами власти⁴¹, появление в Государственной Думе «правого крыла» – партии «Новые люди», по видимому, можно считать шагами на пути к созданию разветвленной, сбалансированной и

Таблица 4. Динамика явки россиян на ключевые выборы федерального уровня

Явка и поддержка власти		Выборы в Государственную Думу				Выборы Президента РФ	Общероссийское голосование по поправкам к Конституции
		2007	2011	2016	2021	2018	2020
Явка	%	63,78	60,21	47,88	51,72	67,54	67,97
	млн чел.	69,6	65,8	52,7	56,5	73,6	74,2
Поддержка власти*	%	64,30	49,31	54,20	49,82	76,64	77,92
	млн чел.	44,7	32,4	28,5	28,1	56,4	57,8

* Партии «Единая Россия» на выборах в Государственную Думу; В.В. Путина на выборах Президента РФ; поправок к Конституции на общероссийском референдуме.

Рассчитано по: база данных ЦИК РФ. URL: <http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom>

⁴⁰ О Госдуме и принципе беззаветного голосования // Независимая газета. 07.10.2021. URL: https://www.ng.ru/editorial/2021-10-07/2_8272_editorial.html

⁴¹ Например:

- ✓ **расширение полномочий Президента** (глава государства лично назначает и отстраняет от должности федеральных министров, Генерального прокурора РФ и его заместителей; осуществляет общее руководство Правительством); изменение роли парламента (Госдума принимает участие в формировании Правительства; кандидатура премьер-министра должна пройти утверждение Госдумой, и Президент не вправе отклонить одобренного кандидата);
- ✓ **усиление роли Конституционного Суда РФ** (который получает право проверки законопроекта на конституционность по запросу Президента)
- ✓ **наделение Совета Федерации полномочиями отрешать от должностей судей Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ.**
- ✓ **введение понятия единой системы публичной власти и др.**

устойчивой системы государственного управления. Причем эти шаги, безусловно, имеют потенциал, который полностью раскроет себя в будущем. Но пока что данная задача по-прежнему остается не полностью решенной, и не ясно, как она будет решаться дальше.

Кроме того, расчеты, проведенные по официальным данным ЦИК, в городах, на территории которых располагаются крупные металлургические корпорации, показали, что на муниципальном уровне негативные тенденции в долгосрочной динамике выражены сильнее, чем в среднем по стране, по федеральному округу или региону.

Так, например, за период с 2007 по 2021 г. явка на парламентские выборы и поддержка «Единой России» снизились:

✓ в г. Липецке на 20–24 п. п., а в целом по Липецкой области – на 12–14 п. п.;

✓ в г. Магнитогорске на 25–31 п. п.; в Челябинской области – на 21–27 п. п.;

✓ в г. Череповце на 23–27 п. п.; в Вологодской области – на 19–26 п. п. (вкладка 7; табл. 5).

При этом следует отметить, что за период с 2007 по 2021 г. во всех трех анализируемых городах и явка, и поддержка партии власти снизились значительно сильнее (на 20–30 п. п.), чем в целом по стране (на 12–15 п. п.).

Таким образом, разные формы отражения динамики общественного мнения (к которым можно отнести и результаты социологических исследований, и итоги народного волеизъявления на выборах и референдумах различного уровня) показывают, что исторические задачи, решением которых последовательно занимается В.В. Путин на протяжении всех своих президентских сроков, пока что остаются далеко не полностью реализованными.

В первую очередь это касается проблемы бедности, в динамике которой уже много лет не наблюдается позитивных изменений, что постепенно приводит к утрате доверия партии власти (о чем свидетельствует потеря «Единой Россией» 17 млн голосов избирателей на парламентских выборах за последние 14 лет) и вынуждает главу государства признать низкие доходы россиян в качестве «главного нашего врага и угрозы».

«У нашей страны, а значит у всех нас, много общих, сложных вызовов. И повторю: **главный наш враг, угроза для стабильного развития, для демографического будущего – это низкие доходы наших граждан, миллионов наших людей**»⁴².

Таблица 5. Изменение итогов голосования (явки и поддержки партии власти) на выборах в Государственную Думу V и VIII созывов

Территория	Изменение (+ / –), 2021 г. по сравнению с 2007 г.			
	Явка		Поддержка партии «Единая Россия»	
	%	чел.	%	чел.
Россия	-12,06	-13124761	-14,48	-16650041
Северо-Западный федеральный округ	-15,85	-1780948	-22,08	-1893983
Вологодская обл.	-18,93	-217121	-26,07	-241500
г. Череповец	-23,09	-63808	-26,62	-65399
Центральный федеральный округ	-12,36	-7219676	-15,37	-4009647
Липецкая обл.	-12,42	-131879	-13,62	-147954
г. Липецк	-20,40	-80140	-24,40	-78361
Уральский федеральный округ	-17,78	-1696610	-23,36	-2245245
Челябинская обл.	-20,72	-643878	-26,95	-715629
г. Магнитогорск	-25,39	-92853	-31,09	-104466

Рассчитано по: база данных ЦИК РФ. URL: <http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom>

⁴² Выступление В.В. Путина на встрече с депутатами Государственной Думы восьмого созыва // Официальный сайт Президента РФ. 12.10.2021. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/66905>

Вторая ключевая проблема логично «вытекает» из первой: по-видимому, созданная за последние 20 лет система государственного управления не справляется с решением проблемы бедности, а это значит, что ее необходимо менять. Может быть, не полностью, может быть, не радикально, но (как это обычно и делает Президент) аккуратно, последовательно и по существу.

При этом активность главы государства в принятии соответствующих кадровых решений, а также инициатив, реформирующих **системные основы государственного управления и непосредственно российского общества**, во многом продиктована временным фактором — необходимостью максимально приблизиться к достижению поставленных в 1999 г. целей за то время, пока Президент остается центральной фигурой (арбитром) в системе государственного управления. После поддержки российским обществом конституционной поправки об «обнулении» президентских сроков острота данного вопроса несколько отступила, но не исчезла.

Задачи, которые ставит перед собой Президент (по укреплению традиционных ценностей в обществе; реформированию системы государственного управления; формированию устойчивого тренда роста уровня и качества жизни (прежде всего, в субъективных оценках населения); достижению стабильного, суверенного и уважаемого другими зарубежными партнерами геополитического статуса России; обеспечению ее энергетической и территориальной безопасности на дальнюю перспективу), носят исторический характер, поэтому их решение не ограничивается ни 2024-м, ни 2030-м, ни каким-либо другим годом, когда в стране будут проходить президентские выборы и теоретически В.В. Путин может покинуть пост главы государства.

Задача непосредственно В.В. Путина — «передать» страну своему преемнику в том состоянии, которое максимально соответствует идеологическим ориентирам, взятым им за основу в 1999 г. и последовательно отстаиваемым на протяжении всех последующих десятилетий.

К слову, они показали состоятельность идей «гуманистически активного социального государства», выражающегося в приоритете «концепта достоинства человека и гражданина»⁴³, а также традиционных ценностей как оснований для консолидации российского общества; сегодня именно они определяют границы общественно-политического консенсуса, то есть потребностей общества, с одной стороны, и целей государственной политики — с другой.

Каких убеждений будет придерживаться преемник В.В. Путина, сможет ли он соответствовать высокой планке, заданной действиями Президента на внутренней и внешней политической арене (особенно в оценках российского общества), — вопросы, на которые сегодня нельзя ответить, следовательно, это требует от политической системы управления быть максимально готовой к любым препятствиям на пути поступательного развития России.

«Состояние возникшего российского общества можно охарактеризовать как гибридно-транзитное, а его экономику — как разноукладную (смешанную), в которой доминирует модернизированный, но все же периферийный олигархически-корпоративный „капитализм для избранных“. Он в основном исчерпал свой конструктивный потенциал, а российское общество нуждается в продолжении постсоциалистической трансформации в новое состояние — состояние более цивилизованного общества знаний, в подготовительную фазу которого оно уже вступило, но дальнейшее его движение затормозилось. Чтобы успешно продолжить начавшееся движение, необходима «модернизация для всех», основным субъектом которой в России может стать социальное государство как гуманистически активное... Необходимо интенсивное раскрытие основных направлений (сфер) гуманистически активной функции государства — содействия созданию условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, а также региональных сообществ и всего общества на основе обеспечения прав человека»⁴⁴.

⁴³ Лапин Н.И. О раскрытии активной гуманистической функции социального государства в России // Власть. 2019. Т. 27. № 2. С. 9.

⁴⁴ Там же. С. 11.

В заключение следует, на наш взгляд, несколько абстрагироваться от названия статьи, поскольку парламентские выборы далеко не первые и не последние для российского общества. Важно подчеркнуть другой момент — то, какие глубинные изменения государства, страны, населения отражают итоги прошедшего голосования.

С нашей точки зрения, они говорят о двух вещах.

Первое — за два десятилетия президентских сроков В.В. Путина в стране сформировался идеологический вектор движения, разделяемый и обществом, и государством. Это вектор в сторону социального государства, национально ориентированных ценностей, суверенной внешней политики. Даже несмотря на отсутствие в России официальной идеологии и существование «шестой колонны» в системе государственного управления, другого вектора у современной России просто нет.

Второе — пока рано говорить о том, что трансформация российского общества (его исторический переход от советской к постсоветской формации) завершена. Также это относится и к системе государственного управления. Пока непонятно, как на них отразится естественная смена поколений; какую роль в истории страны сыграет неизбежный транзит президентской власти; постигнет ли участь пятой колонны шестую колонну; когда (и будет ли) переломлен вектор субъективного восприятия россиянами динамики уровня и качества жизни; сможет ли Россия противостоять мощной волне культурного и духовно-нравственного разложения, идущей с Запада; будет ли когда-нибудь принципиально преодолён антироссийский характер политики ключевых зарубежных стран... Всё это вопросы, без ответа на которые невозможно говорить о том, что постсоветское общество сформировалось, а Россия заняла

А.Г. Дугин о «шестой колонне»:

«Пятой колонной в нашем обществе привычно называют только тех, кто открыто и полностью против Путина, за США и НАТО, против Крыма, против России, против русской идентичности, против суверенитета, против евразийской интеграции, против возвращения России в историю в качестве мировой державы. Это чистое предательство в его острой, откровенной стадии, если рассматривать его в масштабе страны и народа, а в отношении Путина — это его открытые враги. Шестая колонна подразумевает тех, кого мы еще не можем точно квалифицировать в нашем политологическом словаре: ее представители за Путина и за Россию, но при этом за либеральную, прозападную, модернизированную и вестернизированную Россию, за глобализацию и интеграцию в западный мир, за европейские ценности и институты, за то, чтобы Россия стала процветающей корпорацией в мире, где правила и законы устанавливает глобальный Запад, частью которого России и суждено стать — на как можно более достойных и выгодных основаниях. Шестая колонна не враги Путина, а его сторонники. Если они и предатели, то не в масштабах страны, а в масштабах цивилизации...»⁴⁵.

«Шестая колонна — это либералы и западники, которые занимают в государстве высокое положение — в иерархии, правительстве, экономике. Они ничем не лучше пятой колонны. Они также считают Россию периферией западной цивилизации, также презирают народ и государство, столь же цинично относятся к русской истории и ждут не дождутся возврата в благословенные 90-е.

Шестая колонна долго сопротивлялась путинскому курсу, но мало-помалу вынужденно решила его терпеть. И даже стала вяло и неискренне бормотать что-то про «крымский консенсус»... И вот мы видим, как меняют свои идеологические позиции прямые адепты глобализации, западничества, либерализма, мировой гегемонии. Они уже рядятся в «патриотов» и всей душой выступают за суверенитет. И даже если они этого не делают и продолжают фрондировать — как Чубайс, Кудрин или Греф, то напрямую Путину ничего не противопоставляют, предпочитая действовать исподтишка»⁴⁶.

⁴⁵ Дугин А.Г. Шестая колонна — главный экзистенциальный враг России // Евразия. 21.09.2016. URL: <http://evrazia.org/print.php?id=2511>

⁴⁶ Дугин А.Г. Шестая колонна во власти не сопоставима с русским будущим // Официальный сайт Изборского клуба. 29.09.2021. URL: <https://izborsk-club.ru/21721>

устойчивую и уникальную нишу в формате многополярного мира.

«Конечно, хорошо уже то, что на самом вершине власти и в общественном дискурсе сложилась сильная традиционалистская государственно-антилиберальная позиция. Это безусловное достижение периода 2014–2020 годов. Некоторые заявления, звучащие на главных площадках страны о национализации элит и мобилизации, ещё недавно считались маргинальными.

Но когда за высокопоставленным словом не следует дело, это вызывает у народа недоумение и растерянность. Очень хотелось бы надеяться, что всё это – затянувшаяся арт-подготовка перед историческими изменениями, переходом к полному суверенитету, а не выражение бессилия здоровой части власти, которая находится в меньшинстве, пока системные либералы тихой сапой работают на разложение общества в интересах „партнёров”»⁴⁷.

Таким образом, прошедшие выборы в Государственную Думу VIII созыва, с одной стороны, продемонстрировали растущее недовольство россиян в отношении того, как действующая партия власти и Президент справляются с решением ключевых проблем, волнующих население. С другой стороны, общество выдало главе государства ещё один «кредит доверия», рассчитывая на то, что постепенными реформами и личными инициативами он сможет привести систему государственного управления в порядок, свидетельством чему станут устойчивые позитивные изменения в динамике субъективных оценок людей относительно состояния экономики, своего личного материального положения, уровня и качества жизни в стране.

Фактически об этом и говорил В.В. Путин на встрече с депутатами Государственной Думы после окончательного распределения мест в парламенте. **Отметив тот факт, что «низкие доходы наших граждан, миллионов наших людей» являются «главным врагом» и «угрозой для стабильного развития, для демографического будущего», он фактически дал оценку самому себе,**

Ильницкий А. (Советник Министра обороны РФ, действительный государственный советник 3-го класса): «Сегодня Россия стоит на распутье, пытаюсь определиться с моделью будущего. Причём для нас речь может идти только лишь о своём – присущем и суверенном – решении. **Пока же – все постсоветские годы Россия двигалась в парадигме догоняющего развития, пытаюсь примерить на себя западную демократию. Сегодня эта модель „трещит по швам” – тем важнее России найти свой путь...**

Россия исчерпала время и социальные ресурсы инерционного развития. Наступает время Больших Решений и Больших Проектов. В чём идеология Большого Проекта? ([3 из 19 пунктов]):

- ✓ решающее значение лидерской, организующей роли государства;
- ✓ идея единого хозяйственного плана страны как ключевого организующего документа возрождения и пересоздания отечественной экономики на основе синтеза лучших сторон государственного планирования и рыночной самоорганизации;
- ✓ **национализация элит по принципу „кто не с нами, тот против нас”. Те, „кто не с нами”, должны осознать, что они рискуют лишиться всего...»⁴⁸**

а также созданной им в «ручном режиме» системе государственного управления, одновременно нацелив её на приоритетное решение проблемы бедности.

Сам факт столь прямого и самокритичного подведения итогов свидетельствует об осознании Президентом персональной ответственности как за свою работу, так и за деятельность «Единой России», но факт остается фактом – чтобы победить «главного врага», ему предстоит приложить еще немало усилий (прежде всего в решении задачи национализации элит), для того чтобы реформировать систему государственного управления; чтобы «точечные» кадровые перестановки, которые наблюдаются в настоящее время, оказали действительно комплексный, системный эффект.

⁴⁷ Биров Э. Слово без дела // Завтра. 2021. 01 окт.

⁴⁸ Ильницкий А.М. Время Больших Решений // Парламентская газета. 23.09.2021. URL: <https://www.pnp.ru/politics/vremya-bolshikh-resheniy.html>

Сведения об авторах

Владимир Александрович Ильин — член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель организации, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Михаил Владимирович Морев — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель заведующего отделом, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: 379post@mail.ru)

Ilyin V.A., Morev M.V.

Voters Supported the President: On the Results of the Election to the State Duma of the Eighth Convocation

Abstract. On September 17–19, 2021, the election to the State Duma of the Russian Federation of the eighth convocation took place in Russia. The article analyzes the outcome of the vote according to official data of the Central Election Commission of the Russian Federation. The results of the past elections are considered broken down by federal district, constituent entity, and municipality of the Russian Federation. We analyze the dynamics of the outcome of the parliamentary elections for the period from 2007 to 2021. The results of the latest election are compared with the results of the RF presidential election (2018) and the all-Russian referendum on amendments to the Constitution (2020). We consider the latest parliamentary election in a broad context — as part of the internal Russian political process. In this regard, a significant part of the article is devoted to the analysis of specific managerial decisions made by the Russian President and aimed at addressing the issue of forming a new, post-Soviet statehood, the key elements of which were revealed in the President’s article “Russia at the turn of the Millennium” (1999). Official statistics, independent experts’ assessments and sociological research findings allow us to say that the head of state has adopted comprehensive and consistent decisions to achieve the tasks he formulated in 1999 (the Russian idea, a strong state, an efficient economy); but so far, not all the goals stated in these tasks have been achieved. At a meeting with deputies of the State Duma of the eighth convocation the President noted that the low level of Russians’ income was the main obstacle to stable development and demographic future. And it is the most objective self-assessment of the effectiveness of the entire system of public administration.

Key words: President, State Duma election, public administration efficiency, nationalization of the elites, socio-political agenda.

Information about the Authors

Vladimir A. Ilyin — RAS Corresponding Member, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, scientific director, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Mikhail V. Morev — Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, deputy head of department, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: 379post@mail.ru)

Развитие сельских территорий в условиях пространственного сжатия северного региона*

**Тамара Витальевна
УСКОВА**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

e-mail: tvu@vscc.ac.ru

ORCID: 0000-0001-9416-1136; ResearcherID: O-2232-2017

**Светлана Сергеевна
ПАТРАКОВА**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

e-mail: sspatrakova@bk.ru

ORCID: 0000-0002-4834-3083; ResearcherID: B-5054-2019

Аннотация. Обеспечение сбалансированного пространственного развития и снижение меж- и внутрирегиональных диспропорций являются стратегически важными задачами для России. Однако их решение осложняется растущей концентрацией человеческого, производственного, научного потенциала в больших, крупных, крупнейших городах, обезлюдиванием и хозяйственным опустыниванием сельских территорий, то есть дезинтеграцией и сжатием экономического пространства страны. Особенно остро это проявляется в северных регионах России.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-310-90035 «Механизмы повышения роли сельских территорий в обеспечении сбалансированного пространственного развития северного региона».

Для цитирования: Ускова Т.В., Патракова С.С. Развитие сельских территорий в условиях пространственного сжатия северного региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 5. С. 34–52. DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.2

For citation: Uskova T.V., Patrakova S.S. Rural development in the context of spatial compression of a northern region. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 5, pp. 34–52. DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.2

Цель, поставленная в статье, заключается в исследовании проблем и определении перспектив развития сельских территорий северного региона в условиях пространственного сжатия на примере Европейского Севера России. Определено, что социальные, экономические, инфраструктурные проблемы сельских территорий остаются нерешенными с 1990-х гг. Снижение численности населения в селах и деревнях, обусловленное разрушением социально-экономического потенциала этих территорий, является ключевым фактором сжатия пространства северного региона, деградации села и утраты его человеческого капитала. Причиной этого выступает не только шоковый переход к рынку в 1990-х годах, но и недостаточная эффективность государственной политики сельского развития в пореформенный период, отсутствие стратегического видения места сельских территорий в национальном пространстве. Исходя из анализа текущего состояния сельской периферии и с учетом необходимости перехода к модели неозндогенного сельского развития, выделены три приоритета государственной политики в области развития сельских территорий Севера России. Это развитие сельской экономики, модернизация сельской инфраструктуры и всестороннее развитие человеческого капитала как конечной цели всех экономических и социальных преобразований. Результаты работы вносят вклад в формирование представлений о тенденциях пространственного развития северных регионов России и социально-экономических проблемах сельских территорий, могут быть использованы научными сотрудниками при проведении исследований схожей тематики, а также органами государственной власти при разработке стратегических документов в области пространственного развития.

Ключевые слова: сельские территории, северный регион, экономическое пространство, дезинтеграция, локационное сжатие.

Введение

Российская Федерация – северная страна, более 60% территории которой расположено севернее 60-й параллели [1]. Исторически интерес к российскому Северу, в том числе со стороны зарубежных стран, был обусловлен огромными запасами природных ресурсов территории и акватории, транзитным потенциалом Северного морского пути. Однако сегодня Север не только служит ресурсной кладовой России, но и выполняет рекреационную, оборонную и прочие функции. Эти и многие другие факторы обуславливают сохранение «северного» вектора в политике РФ, направленного на переосвоение и удержание пространства северного региона, что прослеживается в официальных документах федерального и регионального уровней¹.

¹ Указ Президента РФ «Об основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года», Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года и т. д.

Несмотря на активно проводимую государственную политику в отношении Севера и Арктики, развитие этих территорий идет неравномерно: как никогда ранее выделяются достижения и успехи экспортно ориентированных производств, диспропорции по линии «село – город» в уровне жизни населения и развитии экономики, инфраструктуры и т. д. В целом, на фоне общего развития северного региона, достигаемого преимущественно за счет положительных эффектов урбанизации, экспортной направленности и сырьевого характера экономики, северное село практически стало «тканью», второстепенной зоной пространства, где затухает социальная и экономическая активность. Между тем, как полагают чл.-корр. РАН д.г.н. В.Н. Лаженцев и д.э.н. В.А. Иванов, именно повышение уровня и качества жизни сельских северян, развитие экономики северного села могут сыграть первостепенную роль в решении проблем устойчивого функционирования северных территорий [2].

В связи с обозначенной целью работы является исследование проблем и определение перспектив развития сельских территорий в условиях пространственного сжатия² северного региона.

Материалы и методы

Методологической основой исследования являются труды отечественных и зарубежных ученых в области пространственной и региональной экономики, а также стратегического управления развитием регионов и сельских территорий. В качестве источников информации использовались официальные сайты Росстата и его территориальных органов, органов государственной и муниципальной власти, результаты опроса глав муниципальных образований Вологодской области, проведенного ФГБУН ВолНЦ РАН в 2020 году.

Наряду с методом контент-анализа научной литературы применялись методы обобщения, анализа, синтеза, качественной и количественной обработки данных.

Теоретические аспекты исследования

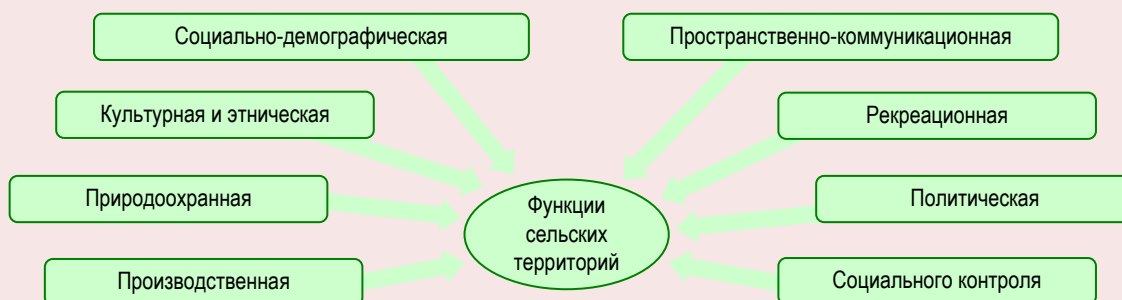
В наиболее широком смысле сельская местность (сельские территории) представляет собой «социально-экономический, территориальный, природный и историко-культурный комплекс, включающий сельское население, совокупность общественных и производственных отношений, связанных с его жизнедеятель-

ностью, а также территорию и материальные объекты, на ней расположенные» [3]. Многофункциональная роль сельских территорий заключается в том, что они одновременно являются местом проживания и отдыха населения, производства продовольствия и сельхозпродукции, реализации других важных народнохозяйственных функций (рис. 1).

Чрезвычайно высокий вклад села в обеспечение устойчивого социально-экономического и сбалансированного пространственного развития обуславливает необходимость комплексного изучения сельских территорий. В целом можно отметить, что вопросы роли сельских территорий, перспектив и проблем их развития прямо или косвенно рассматриваются в большинстве крупных зарубежных и отечественных теоретических разработок по вопросам территориального и пространственного развития: штандортных теориях, центр-периферийных моделях, концепциях полюсов роста и диффузии инноваций, концепции районирования и т. д. [6–10].

Так, согласно разработанному И.Г. фон Тюненом штандорту, специализация сельских территорий заключается в производстве продукции сельского и лесного хозяйства, ее сбыте в город и напрямую зависит от факторов удаленности от города, величины земельной ренты, цен на производимую лесную и сельхозпро-

Рис. 1. Функции сельских территорий

Составлено по: [4; 5].

² Здесь и далее, говоря о пространственном сжатии, мы имеем в виду в первую очередь локационное сжатие, проявляющееся в утрате некогда обжитых, освоенных территорий.

дукцию. При этом развитие сельских территорий ассоциируется с развитием сельского, лесного хозяйства и других традиционно «сельских» отраслей, то есть имеет четкую отраслевую направленность.

Идеи зависимости роли и специализации сельских территорий от расположения по линии «центр – периферия» в дальнейшем были развиты в теориях кумулятивного роста В. Кристаллером, Ф. Перру, Т. Хэгерстрандом и др. Согласно их базовым положениям, в результате того, что центры роста постоянно преобразуются под влиянием научно-технического прогресса, происходит вытеснение устаревших отраслей на полупериферию, а затем, уже с большим временным лагом, и на дальнюю сельскую периферию. Соответственно, специализация сельской периферии не ограничивается лишь аграрной отраслью.

Между тем, сохранить и обеспечить развитие сельских территорий можно не только за счет развития традиционно «сельских» видов

деятельности, использования экзогенных факторов развития. Исходя из концептуальных положений новой экономической географии, новой теории роста, можно отметить, что огромный потенциал развития сельских территорий заключен в применении внутренних факторов, в т. ч. неагломерационных факторов второй природы.

В целом представленные в разных теориях взгляды на роль сельских территорий на практике нашли отражение в моделях сельского развития (табл. 1). Несомненно, каждая из моделей: экзогенная, эндогенная, неоздогенная – обладает своими преимуществами и недостатками. Однако в современных условиях, когда конкуренция уступает место сотрудничеству, а экономика всех уровней: микро-, макро-, мезо-, мегаэкономика – основывается на сетях (кооперационных, производственных и т. п.), обеспечивать комплексное и устойчивое развитие села целесообразно в рамках неоздогенной модели развития.

Таблица 1. Характеристика моделей развития сельских территорий

Признак	Экзогенное развитие	Эндогенное развитие	Неоздогенное развитие
Принцип развития	Использование экзогенных внешних ресурсов развития	Использование эндогенных местных ресурсов развития	Опора на местные ресурсы, но с ориентацией на внешний мир и динамичное взаимодействие между самими сельскими районами и с окружающей их средой
Движущая сила развития	Движущая сила вне сельских районов. Города как полюса роста, продуцирующие импульсы развития для села	Движущая сила внутри сельских районов. Местная инициатива и предприимчивость	Движущая сила заключается в культурной, хозяйственной, институциональной и других видах интеграции между городскими и сельскими районами, укреплении отношений
Ключевые функции	Производство продукции сельского, лесного хозяйства и другой продукции для городской экономики	Оказание различных услуг	Сохранение природного и человеческого капитала сельских районов
Направления развития	Индустриализация и специализация сельского хозяйства; поощрение мобильности рабочей силы и капитала	Развитие внутреннего потенциала (институтов, инфраструктуры и др.); преодоление социальной изоляции сельских районов	Децентрализация управления сельским развитием; наращивание потенциала местных субъектов для управления более крупными процессами и действиями; позиционирование сельских районов как мест производства и катализаторов экономического роста
Основные проблемы	Зависимость от внешних инвестиций, субсидий; стимулирование отдельных секторов, населенных пунктов и определенных видов бизнеса; пренебрежение неэкономическими аспектами сельской жизни; диктуемое внешними экспертами развитие	Ограниченные возможности районов и социальных групп для участия в экономической деятельности и деятельности в области развития; обычно это происходит ввиду того, что предпочтение отдается отдельным более влиятельным социальным группам	Риск формирования эксклюзивных (привилегированных) сельских районов; риск неравенства и асимметрии внутри сети; риск дисбаланса локального и внелокального контроля; слабость сельских сетей в контексте имеющихся знаний и капитала
Составлено на основе: [11–15].			

Вместе с тем особое внимание в исследованиях по тематике сельского развития отводится северному селу, имеющему ряд неповторимых отличительных черт. Например, в России это «размещение поселений в окружении лесов, вдоль рек и озер; малые размеры поселений, слабая развитость сети дорожно-транспортных связей с городами и сельскими поселениями между собой; невысокий уровень социального культурно-бытового обслуживания; высокие степень безработицы и сезонность сельскохозяйственного и лесозаготовительного производства» [16].

Так, одним из ведущих направлений исследований и отечественных, и зарубежных ученых является изучение демографических, экономических, инфраструктурных проблем северных сельских территорий в контексте достижения их устойчивого развития [17; 18]. Большое число научных работ посвящено вопросам поляризации сельского пространства, взаимодействия сельских и урбанизированных территорий Севера, поиска некоего баланса в распределении экономических ресурсов между ними [19–22]. Особое место в исследованиях ученых занимают вопросы государственного регулирования развития северного села и его экономики, совершенствования методологических подходов и механизмов их развития с учетом северных природно-климатических условий [2; 23].

В то же время продолжающиеся сжатие и поляризация освоенного пространства³ на фоне постепенного перехода к неоэндоген-

³ Как отмечено в [24], при поляризации пространства «где-то налицо рост, а где-то убыль», т. е. формируются два разных по какому-либо признаку полюса; в свою очередь при сжатии пространства «полюс-лузер тает, поскольку всё и вся тянется куда-то в центр». То есть в целом сжатие и поляризация — это два разных явления. Вместе с тем в работах [24–26 и др.] представлены факты того, что пространственное сжатие и поляризация выступают одними из главных тенденций развития России и ее регионов на протяжении уже 30 лет. Несмотря на то, что отношение к этим процессам среди населения, экспертов, органов власти разное, они являются реальностью, которую необходимо учитывать при разработке и реализации политики социально-экономического и пространственного развития России.

ной модели изменили современный исследовательский дискурс в тематике сельского развития северных регионов. Теперь он исходит из необходимости повышения уровня и качества жизни населения и развития человеческого капитала периферийных сообществ, а не сохранения сельских поселений Севера как таковых, поддержки северных промыслов и других видов экономической деятельности⁴. Несмотря на то, что сама научная проблема по своей сути не изменилась (остается актуальным вопрос «как развивать северные сельские территории»), условия, в которых она решается, кардинально трансформировались.

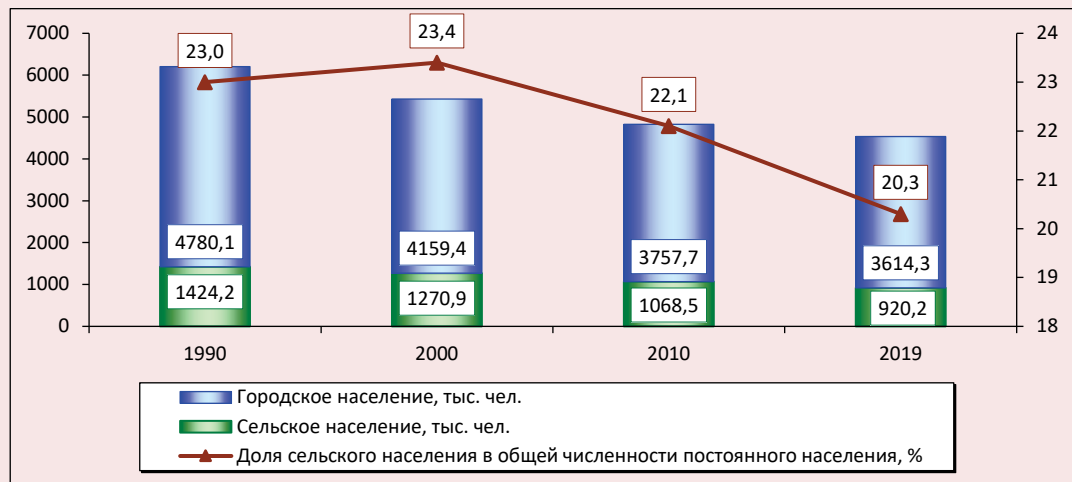
Основные результаты исследования

Рыночные реформы 1990-х гг. оказали значительное влияние на трансформацию производственного и расселенческого каркасов России, распределение экономической активности между территориями. В то время как крупные города и агломерации укрепили свои позиции в качестве центров производства, знаний, транспортных узлов, в развитии остальной территории усилились деструктивные процессы и проблемы: снижение численности населения, технологическая отсталость промышленных предприятий и высокий уровень износа их основных фондов, разрушение социальной, транспортной инфраструктуры и т. д. При отсутствии каких-либо противовесов подобная поляризация пространства повлекла за собой его локационное сжатие, дробление и фрагментацию. Чрезвычайно остро на сегодняшний день это проявляется на северных территориях России, где темпы обезлюдивания и хозяйственного опустынивания сельской периферии приобрели небывалый размах.

⁴ При этом в южных и центральных, черноземных регионах развитие сельских территорий по-прежнему в значительной степени детерминировано сельским хозяйством ввиду более благоприятных природно-климатических условий для его функционирования.

Пилясов А.Н. И последние станут первыми: Северная периферия на пути к экономике знания. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 544 с.

Рис. 2. Динамика численности населения Европейского Севера России

Составлено по: данные ЕМИСС.

На примере такого геостратегического региона РФ, как Европейский Север России (ЕСР)⁵, можно четко увидеть, к каким последствиям привело неуправляемое сельское сжатие.

Во-первых, стоит отметить ухудшение демографической ситуации, сопровождаемое бедностью и безработицей населения, низким уровнем и качеством жизни селян, повлекшее за собой упрощение сети расселения, укрупнение ее узлов.

Так, за 1990–2019 гг. произошла значительная поляризация системы расселения ЕСР: на фоне общей депопуляции доля и численность сельского населения сократились на 35,4% и 504,0 тыс. чел. соответственно (рис. 2) ввиду естественной убыли и миграционного

оттока в крупные города и мегаполисы страны, административные центры субъектов ЕСР, Центрального, Северо-Западного и Приволжского федеральных округов [28]. Помимо этого, снижение доли сельского населения отчасти объясняется изменениями в административно-территориальном устройстве субъектов (изменением статуса населенных пунктов и т. п.).

При этом тенденции снижения удельного веса и численности сельского населения характерны для всех субъектов ЕСР за исключением Республики Карелии, где за 1990–2019 гг., по данным Росстата, доля сельского населения увеличилась на 0,9 п. п. (ввиду более высоких темпов убыли городского населения).

Депопуляция обусловила изменение каркаса расселения. Несмотря на то, что по данным Всероссийских переписей населения за 2002–2010 гг. число сельских населенных пунктов в регионах снижалось незначительно, доля фактически «умирающих» деревень (обезлюденных и с численностью населения менее 10 чел.) уже к 2010 году варьировалась в пределах 18,6–66,9% (за исключением Ненецкого автономного округа, в котором из 41 пункта без населения – 1 ед. и с населением до 10 чел. – 2 ед.; табл. 2). По сути, сеть расселения на Севере значительно сжалась.

⁵ ЕСР включает Вологодскую, Мурманскую и Архангельскую области, республики Карелия и Коми, Ненецкий авт. округ. Стратегическая значимость ЕСР для России обусловлена тем, что, согласно Стратегии пространственного развития РФ до 2025 года, он выступает геостратегической территорией (значительная его часть относится к Арктической зоне РФ); буферной зоной, через которую осуществляется сотрудничество со странами Европы; отсюда берет свое начало Северный морской путь – одна из главных международных морских артерий [27]. Кроме того, субъекты ЕСР обладают значительным природно-ресурсным и производственным потенциалом.

Таблица 2. Динамика числа сельских населенных пунктов без населения и их удельного веса в общем числе сельских поселений Европейского Севера России

Территория	Число сельских населенных пунктов, ед.			Число сельских населенных пунктов, обезлюденных и с населением менее 10 чел., ед.			Доля сельских населенных пунктов, обезлюденных и с населением менее 10 чел., в их общем числе, %		
	2002	2010	2010 к 2002 (+/-)	2002	2010	2010 к 2002 (+/-)	2002	2010	2010 к 2002 (+/-)
Вологодская область	8041	8006	-35	4671	5359	+688	58,1	66,9	+8,8
Архангельская область	3914	3970	56	1877	2277	+400	47,4	57,4	+10
Республика Карелия	775	776	1	268	312	+44	34,6	40,2	+5,6
Республика Коми	729	720	-9	103	134	+31	14,1	18,6	+4,5
Мурманская область	135	112	-23	41	34	-7	30,4	30,4	0
Ненецкий авт. округ	43	41	-2	3	3	0	6,98	7,3	+0,32

Ранжировано в порядке убывания числа сельских населенных пунктов в 2010 году.
Составлено по: данные Всероссийских переписей населения за 2002 и 2010 гг.

В дальнейшем негативные тенденции продолжались. Так, в Вологодской области к 2020 году число сельских населенных пунктов сократилось с 8006 до 7851 ед. за счет выбытия из реестра населенных пунктов без проживающего в них населения.

Между тем на уровне субъектов обезлюдение сельского пространства проявилось с разной степенью интенсивности в зависимости от периферийности сельских территорий и потенциала близлежащих городов. Так, в Вологодской области наибольшая доля поселений без населения (в 2010 г. от 26 до 50% общего числа сельских населенных пунктов; *рис. 3*) характерна для сельских территорий ближней периферии: Вологодского, Усть-Кубинского, Грязовецкого, Великоустюгского и других районов⁶. Обусловлено это, на наш взгляд, действием сильного центростремительного вектора миграции ввиду близости крупных городов (Вологда, Череповец) и агломераций.

Стоит отметить, что в межпереписной период 1989–2010 гг. доля населения, проживающего в малых сельских населенных пунктах области⁷, снизилась с 37,7 до 32,2% (на 5,5 п. п.),

в средних – с 35,2 до 33,7% (на 1,5 п. п.). В свою очередь доля населения, проживающего в крупных пунктах, увеличилась с 9,7 до 17,0% (на 7,3 п. п.). Такое изменение расселения, когда за счет малых и средних поселений растет число и численность крупных, а также число обезлюденных поселений, является типичным для России и в среднесрочной перспективе будет сохраняться⁸.

В целом причины наблюдаемой трансформации расселенческого каркаса многогранны, но все они исходят из отсутствия условий и стимулов для проживания и работы на селе, особенно в малых деревнях.

Удерживать жителей на селе и в советский период было трудной задачей, решаемой преимущественно административными методами. Как отмечает д.соц.н. В.И. Ильин, «введение в 1932 г. паспортной системы и разрешительной прописки означало жесткий контроль миграции из регионов, особенно это касалось сельских жителей, которые для выезда должны были запрашивать разрешение на получение паспорта у руководства колхозов и совхозов, испытывавших перманентный дефицит рабочих рук» [20].

⁶ Согласно типологии сельских территорий Вологодской области, представленной в [29].

⁷ Классификация сельских населенных пунктов: крупные – с населением свыше 3 тыс. чел., большие – 1–3 тыс. чел., средние – 200 чел. – 1 тыс. чел., малые – менее 200 чел., в соотв. с СП 42.13330.2016 Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений. Актуализированная редакция СНиП 2.07.01-89 (утв. приказом Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ от 30 декабря 2016 г. № 1034/пр).

⁸ О состоянии сельских территорий в Российской Федерации в 2017 году: ежегодн. докл. по результатам мониторинга. М.: ФГБНУ «Росинформатех», 2019. 332 с.

С 1974 года, когда колхозникам начали свободно выдавать паспорта, темпы урбанизации и, соответственно, опустынивания села выросли в разы. В свою очередь распад СССР и рыночные реформы 1990-х гг. способствовали дальнейшему укреплению позиций городов как центров политической, общественной, образовательной жизни, формированию в городах более широких возможностей для выбора работы, самообразования, форм досуга и т. д. Связанная с этим зачастую невозвратная миграция молодежи в города обусловила увеличение доли лиц пенсионного и предпенсионного возраста среди постоянных жителей северного села, что способствовало снижению его совокупного трудового потенциала. Так, на 1 января 2020 г. в Вологодской области насчитывалось 41,7% сельских женщин и 21,0% сельских мужчин старше трудоспособного возраста; для сравнения, на 1 января 2001 г. их доли составляли 33,9 и 16,4% соответственно.

В целом концентрация в городах не только экономической деятельности, но и условий, ресурсов для развития способствовала тому, что социально-экономический и инфраструктурный разрыв между городом и селом приобрел новые масштабы. Однако в субъектах ЕСР ситуация оказалась значительно хуже среднерос-

сийской и различия по линии «село – город» приобрели особую остроту.

Например, если в среднем по России в 2019 году 63,7% жилья на селе было не оборудовано всеми видами благоустройства, то в Карелии – 95,3%, Коми – 94,1%, Вологодской и Архангельской областях – 86,3 и 93,4% соответственно (исключение составили лишь Мурманская область и Ненецкий автономный округ, где число сельских населенных пунктов значительно меньше, чем в остальных субъектах ЕСР; табл. 3).

Вместе с тем в пореформенный период, в т. ч. ввиду оптимизации систем образования, здравоохранения и др., на селе практически прекратилось строительство объектов социально-культурного назначения, а объекты, возведенные в советский период, не ремонтировались и постепенно закрывались. Например, число общедоступных (публичных) библиотек в Вологодской области в 2005–2019 гг. снизилось на 34% (с 666 до 441 ед.), учреждений культурно-досугового типа – на 42% (с 741 до 433 ед.), а мест в них – на 51% (с 106227 до 52075 ед.).

Также стоит отметить, что проблемы трудоустройства (для некоторых населенных пунктов это фактически означает отсутствие рабочих мест и высокий уровень безработицы)

Таблица 3. Доля площади жилищного фонда, обеспеченного всеми видами благоустройства, в общей площади жилищного фонда, %

Территория	Вид поселения	2015	2016	2017	2018	2019	2019 к 2015 (+/-), п. п.
РФ	Город и пгт	78,4	78,7	79,1	79,1	80,1	+1,7
	Село	30,8	31,5	32,6	34,2	36,3	+5,5
Республика Карелия	Город и пгт	67,1	66,6	66	67	67	-0,1
	Село	4,1	4,2	4,7	4,7	4,7	+0,6
Республика Коми	Город и пгт	70,5	71,3	71,6	72,2	76,5	+6
	Село	6,1	6,3	6,1	5,9	5,9	-0,2
Ненецкий автономный округ	Город и пгт	69	69,3	68,9	76,8	76,6	+7,6
	Село	3	2,9	3,7	3,7	4	+1
Архангельская область	Город и пгт	74,8	74,6	74,7	75,5	75,1	+0,3
	Село	6,6	6,6	6,4	6,6	6,6	0
Вологодская область	Город и пгт	47,8	47,5	47,7	47,5	78,5	+30,7
	Село	12,8	13,2	13,3	13,4	13,7	+0,9
Мурманская область	Город и пгт	90,7	90,7	91,8	91,9	92,4	+1,7
	Село	80,1	82,9	82,1	79,8	78,9	-1,2

Примечание: пгт – поселок городского типа.
Составлено по: данные Росстата.

в сочетании с низким уровнем заработной платы, довольно тяжелыми условиями работы в основных отраслях сельской экономики — сельском и лесном хозяйстве — в сравнении с работой в городских офисах делают северное село менее привлекательным для жизни и работы населения⁹, особенно молодежи. Так, если в 2019 году уровень официально зарегистрированной безработицы сельского населения в возрасте 15 лет и старше в среднем по России составлял 6,2%, то в субъектах ЕСР варьировался в пределах от 5,1% в Мурманской области до 11,3% в Ненецком автономном округе (табл. 4). С другой стороны, разница между городом и селом в уровне зарегистрированной безработицы к 2019 году в субъектах ЕСР достигала 2,26 раза (Архангельская область).

Но, как отмечают исследователи [31], даже занятость не гарантирует безбедного существования в сельской местности, т. к. на селе превалирует так называемая экономическая бедность¹⁰, проявляющаяся в наибольшей сте-

пени в агарном секторе. Например, в 2019 году среднемесячная заработная плата по виду деятельности «растениеводство и животноводство, охота и предоставление соответствующих услуг в этих областях» в Вологодской области не превышала 72% от средней по экономике области, в Архангельской — 65%, Мурманской — 63%.

Основные причины безработицы и экономической бедности, на наш взгляд, — это разрушение сельской экономики и, как следствие, нехватка рабочих мест при отсутствии возможностей для альтернативной (несельскохозяйственной) занятости населения. Как и социально-демографические, экономические проблемы северного села значительно обострились под влиянием сжатия пространства, усиливающейся урбанизации.

Сдвиг агарного производства с севера на юг в масштабах страны с 1990-х гг. обусловил в субъектах ЕСР сокращение посевных площадей и поголовья скота, разрушение инфраструктуры сельского хозяйства и т. д. [23; 32; 33]. Под угрозой оказалось арктическое

Таблица 4. Уровень безработицы населения в возрасте 15 лет и старше по типу поселения, %

Территория	Вид поселения	2010	2015	2016	2017	2018	2019	2019 к 2010 (+/-), п. п.
РФ	Город	6,4	4,8	4,8	4,3	4,0	3,9	-2,5
	Село	10,8	7,9	8,0	8,0	7,3	6,2	-4,6
Республика Карелия	Город	8,2	8,7	8,7	8,3	7,9	6,7	-1,5
	Село	14,8	9,3	11,4	10,1	12,6	10,8	-4
Республика Коми	Город	9,1	6,3	7,8	7,4	6,3	6,1	-3
	Село	14,6	9,8	12,2	9,7	11,5	9,7	-4,9
Ненецкий авт. округ	Город	5,6	6,6	7,1	6,8	6,4	6,9	+1,3
	Село	9,0	11,3	12,8	11,8	13,3	11,1	+2,1
Архангельская область	Город	-	6,1	5,6	5,1	4,8	5,0	-
	Село	10,7	9,4	13,1	11,2	12,9	11,3	+0,6
Вологодская область	Город	6,5	6,2	5,7	4,6	3,7	4,2	-2,3
	Село	11,2	8,5	9,0	7,0	8,9	5,2	-6
Мурманская область	Город	8,9	7,7	7,6	6,9	6,6	5,5	-3,4
	Село	8,5	9,1	9,5	8,7	9,2	5,1	-3,4

Составлено по: данные Росстата.

⁹ Согласно данным социологического опроса «Человеческий потенциал сельских территорий», результаты которого представлены в [30], основной причиной смены места жительства для сельских жителей Вологодской области является именно отсутствие работы: на это указали 72,1% жителей в возрасте до 30 лет и 52,5% жителей в возрасте 30 лет и старше. Отсутствие образовательных учреждений и медицинского обслуживания, досуга и другие сложности были оценены респондентами как менее значимые.

¹⁰ В целом за чертой бедности могут оказываться не только традиционно уязвимые категории населения (пенсионеры, люди с ограниченными возможностями здоровья и др., как при социальной бедности), но и экономически активное население (экономическая бедность).

традиционное хозяйство: оленеводство, рыболовство, охота и звероводство – в силу почти полного отсутствия кооперации по поводу переработки продуктов, необустроенности факторий [2]. В итоге это привело к снижению объемов производства сельхозпродукции (к 2019 г. более чем на 40%; табл. 5), закрытию ряда некогда крупных предприятий, сокращению рабочих мест и даже разрушению сельского уклада жизни.

Вместе с тем значительное влияние на разрушение сельской экономики оказало пространственное сжатие сельского хозяйства внутри субъектов ЕСР по линии «центр – периферия». На примере Вологодской области

можно проследить, что за 1991–2019 гг. в общем объеме сельхозпроизводства значительно возросла (в основном за счет интенсивного фактора) доля муниципальных районов именно ближней периферии (Вологодского – на 6,8 п. п., Грязовецкого на 9,5 п. п., Шекснинского – на 2,1 п. п.; рис. 4).

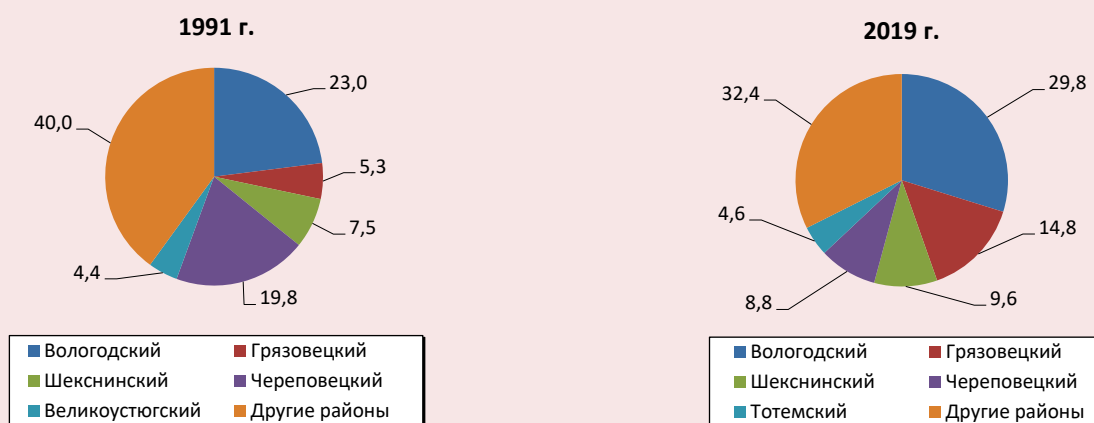
Схожие тенденции прослеживаются в сфере производства промышленной продукции. Однако здесь сжатие сопровождалось уходом обрабатывающей промышленности из сельской местности¹¹. Как результат, удельный вес всех районов области в промышленном производстве за 1991–2019 гг. снизился на 7,9 п. п. (с 22,9 до 15%; рис. 5).

Таблица 5. Индекс физического объема производства сельскохозяйственной продукции субъектов Европейского Севера во всех категориях хозяйств, % к 1990 году

Территория	1990	2000	2010	2019	2019 к 1990 (+/-), п. п.
Республика Коми	100	65,1	54,6	56,7	-43,3
Вологодская область	100	74,7	51,0	52,8	-47,2
Республика Карелия	100	48,8	38,9	25,2	-74,8
Архангельская область (с Ненецким авт. округом)	100	56,6	32,6	24,5	-75,5
Мурманская область	100	40,1	34,0	11,7	-88,3

Ранжировано в порядке убывания индекса физического объема производства в 2019 году.
Составлено по: данные ЕМИСС.

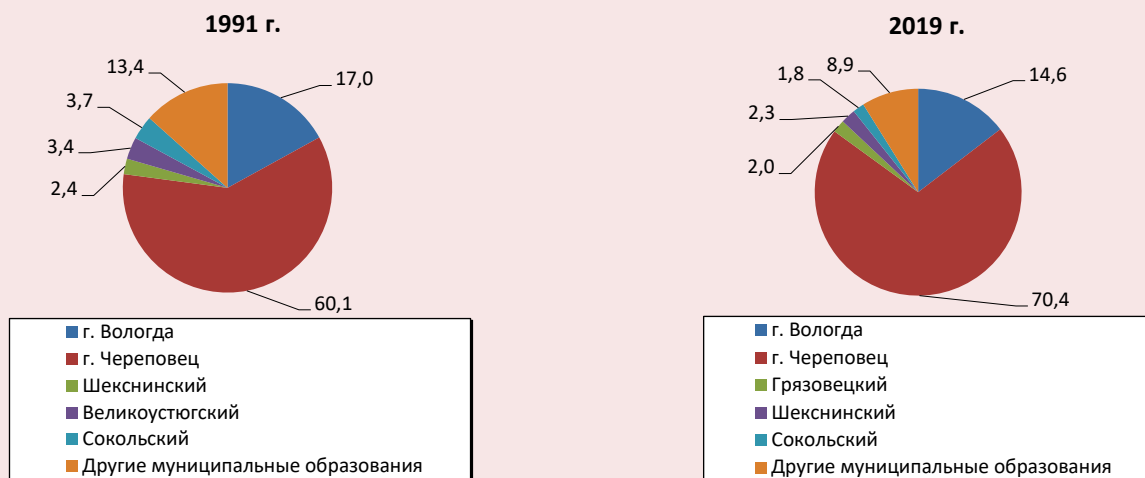
Рис. 4. Распределение муниципальных районов Вологодской области в объеме производства сельскохозяйственной продукции, %

Составлено по: данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области.

¹¹ Например, в советский период Вологодский оптико-механический завод имел шесть филиалов в районах области, скрепляя тем самым территории и обеспечивая их включенность в процесс создания общественного продукта; к настоящему моменту они закрыты.

Рис. 5. Распределение муниципальных образований Вологодской области в объеме производства промышленной продукции, %

Составлено по: данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области.

При этом уходящие из сельской периферии виды деятельности не были в достаточной степени замещены иными, альтернативными, о чем свидетельствуют исследования [20; 23; 32]. Подтверждают этот факт и данные опросов глав муниципальных образований Вологодской об-

ласти, проводимых ФГБУН ВолНЦ РАН. Так, по итогам опроса 2020 года было выявлено, что 51% глав сельских поселений считают, что уровень диверсифицированности экономики поселений «плохой» и «очень плохой» (табл. 6; в городских поселениях аналогичный уровень

Таблица 6. Оценка состояния сельских поселений по итогам 2019 года, % от числа ответивших

Параметр оценки	Состояние	
	хорошее	плохое и очень плохое
Демографическая ситуация	5,3	68,4
Диверсифицированность экономики	2,0	51,0
Трудоустройство	6,9	50,0
Экономическое развитие	3,7	46,3
Развитие дорожно-транспортной инфраструктуры	0,0	44,6
Обеспеченность населения транспортными услугами	7,0	40,4
Обеспеченность населения услугами связи (сеть Интернет, мобильная связь)	14,0	35,1
Доступность и качество услуг сферы здравоохранения	12,1	25,9
Материальное благосостояние населения	5,3	22,8
Жилищно-коммунальное обслуживание	8,6	22,4
Обеспеченность населения жильем	10,3	17,2
Обеспечение общественной безопасности	14,3	10,7
Экология	53,6	7,1
Доступность и качество услуг сферы образования	45,6	5,3
Отдых и культура	29,8	1,8

Примечание: в опросах ежегодно участвуют 120–210 глав из 208–372 муниципальных образований региона, что обеспечивает ошибку выборки в пределах 4–5%.
Составлено по: итоги опроса глав муниципальных образований Вологодской области, 2020 г.

указали лишь 28,6% глав). По своей актуальности для глав сельских поселений проблема недостаточной диверсификации экономики территорий сопоставима с проблемами демографического характера.

Таким образом, к настоящему времени северная сельская периферия стала второстепенной частью экономического пространства, в которой проблемы демографического, социального, экономического и инфраструктурного характера значительно обостряются под влиянием сжатия пространства. В слабозаселенной сельской местности Севера уже сформировалась так называемая воронка: снижение численности населения обусловлено разрушением социально-экономического потенциала территорий (закрытием сельскохозяйственных и промышленных производств, крайне низким уровнем обеспеченности объектами инфраструктуры и т. д.). Это является ключевым фактором дальнейшего обезлюдивания и хозяйственного опустынивания села, т. е. сжатия ранее освоенной части пространства.

Однако нельзя сказать, что сельские проблемы игнорируются органами государственной и региональной власти. С 2000-х годов в России реализуются профильные программы по социально-экономическому развитию села, приняты Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года, Стратегия устойчивого развития Российской Федерации на период до 2030 года. Кроме того, на решение проблем сельского развития нацелены и такие «непрофильные» для села госпрограммы, как «Развитие физической культуры и спорта» и «Развитие здравоохранения», национальные проекты «Культура», «Образование», «Цифровая экономика» и др.

Между тем с 2019 года основным инструментом государственного регулирования сельского развития стала госпрограмма «Комплексное развитие сельских территорий», которая в силу своей наполненности может считаться практическим шагом по сочетанию отраслевого и территориального подхода к сельскому развитию в России, внедрению модели эндогенного развития. Отмеченная программа непосредственно ориентирована на создание ус-

ловий для комфортного проживания и развития кадрового потенциала на селе (но, к сожалению, содействие занятости предусматривается только в сельском хозяйстве).

На уровне субъектов РФ также активно применяется программно-целевой метод управления – вопросы сельского развития учитываются в региональных программах развития сельских территорий и АПК, систем образования и здравоохранения, коммунальной инфраструктуры и дорожных сетей, других программах. Кроме того, региональными органами власти активно применяются и другие возможности для развития сельских территорий:

1) использование проектного подхода (существует возможность привлекать грантовые средства из государственных и негосударственных фондов, федеральных и региональных органов власти, а также средства бизнеса и населения на реализацию социально значимых для села проектов; например, в рамках реализации государственной программы «Комплексное развитие сельских территорий»);

2) участие в государственных программах и нацпроектах РФ и ее субъектов (субсидии на софинансирование региональных программ, например «Земский учитель» и «Земский доктор», направленных на помощь гражданам в трудоустройстве на селе; «Народный бюджет», направленной на решение общественно значимых проблем, и др.);

3) проведение градостроительных советов, на которых обсуждаются и поддерживаются инициативы сельских жителей и органов местного самоуправления по благоустройству сельской местности (такой формат градсоветов внедрен в Вологодской области).

Непосредственно решение вопросов местного значения в России возложено на органы местного самоуправления. Но «этот институт власти не способен решить большую часть сельских проблем» [23]. Основная причина – низкая обеспеченность муниципалитетов собственными доходами. Например, все сельские поселения Вологодской области являются дотационными.

Несмотря на существование большого числа инструментов сельского развития, переломить сложившуюся на северных сельских

территориях ситуацию пока не удается, попытки вывести северное село из затяжного кризиса не приводят к должному эффекту. На наш взгляд, недостаточная эффективность государственной политики сельского развития в России обусловлена следующими причинами:

1. Недостатками системы государственно-го управления развитием территорий в их ориентации на развитие урбанизированных зон, концентрацию производительных сил в столице и крупных городах, агломерациях при отсутствии стратегического позиционирования северного села в общенациональном и региональном пространстве. Об этом можно судить исходя, например, из утвержденной распоряжением Правительства РФ от 13.02.2019 г. № 207-р Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Так, идеи и политические установки относительно сельского развития в Стратегии оказались фактически проигнорированы [2].

2. Несопоставимыми размерами господдержки сельского развития в регионах.

Например, в 2020 году разница между объемами субсидирования комплексного развития сельских территорий регионов достигала 392 раз между Республикой Саха (Якутия) и Ханты-

Мансийским автономным округом (при расчете на одного сельского жителя разница составила 148 раз; табл. 7). При этом необходимо отметить тот факт, что южные, центральные субъекты РФ в целом проявляли большую активность в подготовке заявок на участие в грантах, мероприятиях программы «Комплексное развитие сельских территорий», нежели северные субъекты¹².

3. Сохранением долгое время экзогенно-отраслевого подхода при реализации сельской политики в России [15; 34], о чем свидетельствовало позиционирование в официальных документах производства продовольствия и сырьевых товаров для развития городской экономики в качестве ключевой функции села. Такой подход, на наш взгляд, изначально ставит северные сельские территории в уязвимое положение в сравнении с территориями Черноземья.

4. Низкой эффективностью института местного самоуправления, с помощью которого в России реализуется субсидиарный подход к управлению. Главные причины – недостаточность финансовой поддержки государства при дефиците собственных средств, отсутствие широкого спектра административ-

Таблица 7. Распределение субсидий на обеспечение комплексного развития сельских территорий в 2020 году по регионам РФ

Территория	Предусмотрено средств (согласно заключенным соглашениям)					
	Всего		в том числе за счет средств			
	млн руб.	руб. на одного сельского жителя	федерального бюджета		бюджетов субъектов РФ	
%			млн руб.	%	млн руб.	
Российская Федерация	28 872,3	779,2	78,6	22 688,2	21,4	6 184,1
Республика Саха (Якутия)	1 488,2	4508,4	92,3	1 373,6	7,7	114,6
Республика Башкортостан	1 610,1	1066,6	69,2	1 114,9	30,8	495,2
...
Амурская область	15,9	62,8	85,0	13,5	15,0	2,4
Сахалинская область	7,7	89,8	43,0	3,3	57,0	4,4
Ханты-Мансийский авт. округ	3,8	30,4	30,0	1,1	70,0	2,7

Ранжировано в порядке убывания сумм предусмотренных на 2020 год средств федерального бюджета в рамках государственной программы «Комплексное развитие сельских территорий».

Источник: данные Минсельхоза РФ. URL: <https://mcx.gov.ru/activity/state-support/funding/>

¹² Согласно данным, размещаемым на сайте Минсельхоза РФ. URL: <https://mcx.gov.ru/activity/state-support/urgent/>

ных ресурсов и зависимость от региональных органов власти, недостаток квалифицированных кадров. Вместе с тем формы «непосредственного осуществления населением местного самоуправления и его участия в осуществлении местного самоуправления»¹³ в России не получили масштабного распространения, т. к. не дают возможности значимо влиять на реализуемую политику сельского развития.

5. Недостаточным развитием кооперативных и партнерских отношений как на селе, так и в стране в целом, что способствует сохранению взаимных барьеров как на национальном уровне, так и на уровне отдельных фирм, препятствует расширению и укреплению производственно-технологических связей между селом и городом и т. д. Несмотря на то, что в России сеть производственных и потребительских кооперативов достаточно широка, порядка 30% из них фактически не осуществляют свою деятельность (в регионах это значение может достигать 75% [35]). В качестве основных проблем развития кооперации в России выделяют проблемы со сбытом продукции кооперативов, несовершенство правовой базы, недостаток квалифицированных кадров, недокапитализацию кооперативной базы, слабое желание к кооперированию со стороны аграриев¹⁴ и др.

Таким образом, несмотря на наличие большого числа инструментов и потенциальных возможностей для развития сельских территорий в России, положение северного села остается крайне уязвимым. Характеризующиеся сравнительно неблагоприятными природно-климатическими условиями, остротой социально-экономических проблем сельские территории Севера нуждаются в особой поддержке государства. Как гласит одно из фундаментальных теоретических положений экономиче-

¹³ Согласно Федеральному закону от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

¹⁴ Мониторинг осуществления Госпрограммы (2008–2009 гг.). М.: Колос, 2010. 424 с.; Янбых Р.Г. Современные проблемы и перспективы развития сельскохозяйственных потребительских кооперативов в России. URL: http://www.viapi.ru/publications/full/detail.php?IBLOCK_ID=45&SECTION_ID=1483&ELEMENT_ID=30737

ской науки, состояние экономики и социальной сферы отражает качество государственного управления [36].

Заключение

Подводя итоги исследования, можно заключить, что для сельских территорий Севера России характерно множество проблем демографического, социально-экономического, инфраструктурного характера. Северное село воспринимается большей частью общества как бесперспективная, «отрезанная» от остальной части страны территория, потенциал которой безвозвратно утрачен. Причины сложившейся ситуации видятся не только в шоковом переходе к рынку в 1990-х годах, усилении тенденций урбанизации и пространственного сжатия, но и в недостаточной эффективности государственной политики сельского развития в пореформенный период.

В целом перспективы развития сельских территорий России видятся нами в переходе к модели эндогенного развития с элементами неэндогенного, основанной на эффективном использовании внутренних факторов развития, конкурентных преимуществ и взаимовыгодной кооперации с урбанизированными территориями. При этом в контексте перехода следует официально закрепить в стратегических документах территориального и пространственного развития России дополнительные акценты на комплексном развитии северного села и его интеграции в пространство страны с учетом интересов сельских жителей и всего российского общества.

Однако сельская местность России специфична и неоднородна, соответственно, выделять единообразные пути решения сельских проблем для северных и южных регионов, говорить об общих механизмах их развития не имеет смысла. В современных условиях приоритетами государственной политики в области развития сельских территорий Севера России, на наш взгляд, должны стать:

1. Развитие сельской экономики с целью создания условий для повышения кадрового потенциала села, уровня занятости и доходов сельских жителей.

Несомненно, огромный потенциал для развития экономики северной периферии России

скрыт в интенсификации и модернизации сельского, лесного, рыбного хозяйства, что обусловлено имеющимися запасами природных ресурсов. Уход от этих видов деятельности для северного села невозможен и в принципе безоснователен, как и в Черноземье России.

Между тем потенциал развития экономики напрямую связан и с ее диверсификацией, не ограничивающейся сельским, экологическим, экстремальным туризмом и народными промыслами. Однако необходимо понимать, что развитие новых видов деятельности, вынос из городов производственных, социальных и других структур будет в первую очередь определяться уровнем развития инфраструктуры сел и предоставляемыми бизнесу преференциями и преимуществами: более низкие заработные и арендные платы, субсидии и налоговые льготы и т. д.

2. Модернизация инженерной и социальной инфраструктуры как неотъемлемый фактор обеспечения комфортных условий для жизни и работы на селе, ведения бизнеса. Как отмечает Т.Г. Нефедова, «развитие инфраструктуры должно обязательно сопровождать и может даже предшествовать развитию экономики»¹⁵.

При всей значимости социальной, именно транспортная и информационно-коммуникационная инфраструктура обеспечивает связанность пространства сел и городов в единое целое, создает возможность для перемещения товаров, людей, экономических ресурсов. В ее отсутствие или при ее неудовлетворительном состоянии сельская местность оказывается изолированной от остальной части пространства.

Реализация только этих двух приоритетов, на наш взгляд, уже способна создать условия для развития сельских территорий и даже снизить темпы сжатия пространства, решив две главные проблемы северного села — разрушение экономики и инфраструктуры.

3. Всестороннее развитие человеческого капитала сельских территорий как главной цели всех экономических и социальных преобразований.

В ближайшей перспективе ожидать, что тенденция миграционного оттока сменится притоком населения в северное село, не приходится. Также неизбежно дальнейшее сокращение числа сельских населенных пунктов. Но, несмотря на это, оставшееся население все так же нуждается в доступном медицинском и гарантированном социальном обслуживании, создании благоприятных условий для повышения уровня культуры, проведения досуга и реализации трудового потенциала, развитии гражданского общества, в целом в обеспечении безопасных условий проживания. Частично эти задачи могут быть реализованы посредством использования потенциала малых и средних городов, являющихся ближайшими центрами предоставления государственных и муниципальных услуг населению, социального обслуживания сельских территорий.

Таким образом, будущее для северного села нами видится в преодолении существующей социальной и экономической, инфраструктурной изоляции.

Значимость проведенного исследования заключается в выявлении проблем развития сельских территорий в условиях сжатия пространства северного региона по линии «село — город» и обосновании приоритетных направлений развития сельской периферии. Полученные результаты могут быть использованы научными сотрудниками при проведении исследований схожей тематики, а также органами федеральной и региональной власти, местного самоуправления при разработке стратегических документов пространственного развития территорий и совершенствовании механизмов социально-экономического развития сельской периферии Севера.

¹⁵ Сельская Россия: пространственное сжатие и социальная поляризация // Полит.ру. URL: <https://polit.ru/article/2010/08/05/countryside/> (дата обращения 15.07.2021).

Литература

1. Абрамов Р.А. Особенности развития северных регионов России // Региональная экономика: теория и практика. 2008. № 11 (68). С. 15–21.
2. Лаженцев В.Н., Иванов В.А. Стратегия сельского развития северного региона // Экономика региона. 2020. Т. 16. Вып. 3. С. 696–711. DOI: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-3-2>
3. Сельскохозяйственная потребительская кооперация как основа развития сельских территорий и гражданского общества: монография / под общ. ред. И.В. Палаткина, А.А. Кудрявцева. Пенза: ПДЗ, 2012. 150 с.
4. Устойчивое развитие сельских территорий: региональный аспект: науч. тр. ВИАПИ им. А.А. Никонова / под общ. ред. А.В. Петрикова. Вып. 25. М.: ВИАПИ им. А.А. Никонова: ЭРД, 2009. 272 с.
5. Чепурных Н.В., Новоселов А.Л., Мерзлов А.В. Региональное развитие: сельская местность. М.: Наука, 2006. 384 с.
6. Launhardt W. Die Bestimmung des zweckmässigsten Standortes einer gewerblichen Anlage. *Zeitschrift des Vereines deutscher Ingenieure*, 1882, vol. 26, pp. 106–115.
7. Christaller W. *Die Zentralen Orte in Suddeutschland*. Jena: Gustav Fischer, 1933. 230 p.
8. Lösch A. *Die räumliche Ordnung der Wirtschaft: eine Untersuchung über Standort, Wirtschaftsgebiete und internationalem Handel*. Jena: Fischer, 1940. 348 p.
9. Isard W. *Location and Space-Economy: A General Theory Relating to Industrial Location, Market Areas, Land Use, Trade, and Urban Structure*. Cambridge: The MIT Press, 1956. 369 p.
10. Fujita M., Krugman P., Venables A.J. *The Spatial Economy: Cities, Regions and International Trade*. Cambridge: The MIT Press. 1999, 382 p.
11. Gkartzios M., Lowe P. Revisiting neo-endogenous rural development. In: Scott M., Gallent N., Gkartzios M. (Eds.). *The Routledge Companion to Rural Planning: A Handbook for Practice*. London: Routledge, 2019. 696 p. DOI: 10.4324/9781315102375
12. Bosworth G., Price L., Hakulinen V., Marango S. Rural social innovation and neo-endogenous rural development. In: Cejudo E., Navarro F. (Eds.). *Neoendogenous Development in European Rural Areas*. Springer, Cham, 2020. 304 p. DOI: 10.1007/978-3-030-33463-5
13. Kim T.-Y. The Turning Towards Neo-Endogenous Rural Development of the Farmers Network: The Case of the Regional Agricultural Cluster Scheme in Asan City. *Journal of the Korea Academia-Industrial cooperation Society*, 2014, vol. 15, no. 2, pp. 902–913. DOI: 10.5762/KAIS.2014.15.2.902
14. Ward N., Atterton J., Kim T.Y., Lowe P., Phillipson J., Thompson N. Universities, the knowledge economy and ‘neo-endogenous rural development’. *Centre for Rural Economy Discussion Paper Series*, 2005, no. 1, pp. 1–15.
15. Костяев А.И. Концептуальные подходы к развитию сельских территорий с учетом европейского опыта // Аграрная наука Евро-Северо-Востока. 2018. № 6. С. 141–148.
16. Иванов В.А. Особенности и направления развития села и экономики сельской территории северного региона // Проблемы развития территории. 2019. № 4 (102). С. 55–71. DOI: 10.15838/ptd.2019.4.102.3
17. Erokhin V., Heijman W., Ivolga A. Sustainable rural development in Russia through diversification: The case of the Stavropol Region. *Visegrad Journal on Bioeconomy and Sustainable Development*, 2014. vol. 3, no. 1, pp. 20–25. DOI: 10.2478/vjbsd-2014-0004
18. Иванов В.А. Проблемы устойчивого развития сельской местности Северного региона // Известия Коми научного центра УРО РАН. 2012. № 3 (11). С. 108–114.
19. Никифоров Л.В., Кузнецова Т.Е. Город и село: особенности интеграции в советский и постсоветский периоды // Журнал исследований социальной политики. 2007. Т. 5. № 2. С. 179–200.
20. Ильин В.И. Человек на старом Русском Севере: между свободой воли и структурным принуждением (исторический очерк в терминах экзистенциальной социологии) // Мир России. Социология. Этнология. 2020. № 3. С. 6–27.
21. Berdegue J. A., Carriazo F., Jara B., Modrego F. Soloaga I. Cities, territories, and inclusive growth: Unraveling urban–rural linkages in Chile, Colombia, and Mexico. *World Development*, 2015, vol. 73, pp. 56–71.

22. Ebrahimzadeh I., Tayyebi N., Shafei Y. Functional analysis of small towns economic role in rural development. Case study: Zahedshahr, Iran. *Journal of Service Science and Management*, 2012, vol. 3, pp. 269–279.
23. Ускова Т.В., Ворошилов Н.В. Комплексное развитие сельских территорий – задача государственной важности // Проблемы развития территории. 2019. № 6 (104). С. 7–20. DOI: 10.15838/ptd.2019.6.104.1
24. Нефёдова Т.Г., Трейвиш А.И. Поляризация и сжатие освоенных пространств в центре России: тренды, проблемы, возможные решения // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7. № 2. С. 31–53.
25. Пивоваров Ю.Л. Альтернативная концепция макрорегионального развития России: сжатие интенсивно используемого пространства // Мир России. 1996. Т. 5. № 2. С. 63–74.
26. Безруков Л.А. Сжатие пространства: мифы и реальность // Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования. М.: Эслан, 2010. С. 32–49.
27. Кожевников С.А. Интеграция экономического пространства северного региона: особенности и проблемы обеспечения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 6. С. 68–83. DOI: 10.15838/esc.2020.6.72.4
28. Кожевников С.А., Патракова С.С. Интеграционные процессы на Европейском Севере в ракурсе межрегиональных миграций населения // Проблемы развития территории. 2020. № 5 (109). С. 134–150. DOI: 10.15838/ptd.2020.5.109.9
29. Ворошилов Н.В. Типология, проблемы и перспективы развития сельских территорий // Проблемы развития территории. 2018. № 4 (96). С. 42–58. DOI: 10.15838/ptd.2018.4.96.3
30. Постсоветские трансформации и перспективы развития сельских территорий / Т.В. Ускова [и др.]; под общ. ред. А.А. Шабуновой. Вологда: Вологодский научный центр РАН, 2021. 334 с.
31. Ушачев И.Г., Бондаренко Л.В., Чекалин В.С. Основные направления комплексного развития сельских территорий России // Вестник Российской академии наук. 2021. № 4. С. 316–325. DOI: 10.31857/S0869587321040113
32. Патракова С.С. Сельская местность как элемент опорного каркаса территории // Вопросы территориального развития. 2020. Т. 8. № 1. DOI: 10.15838/tdi.2020.1.51.1 URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/28471>
33. Ворошилов Н.В. К вопросу об оценке социально-экономического потенциала сельских территорий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 1. С. 91–109. DOI: 10.15838/esc.2021.1.73.7
34. Иванов В.А. Научные основы разработки стратегии сельского развития в зоне Севера и Арктики // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2021. Т. 1. Вып. 1. С. 22–30. DOI: 10.34130/2070-4992-2021-1-1-22
35. Мамай О.В., Липатова Н.Н., Купряева М.Н. Современное состояние и перспективы развития сельскохозяйственной кооперации // Вестник НГИЭИ. 2019. № 1 (92). С. 106–117.
36. Адуков Р.Х., Адукова А.Н. Сельские территории: новые подходы к оценке потенциала и резервов развития // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2019. № 12. С. 10–14.

Сведения об авторах

Тамара Витальевна Ускова – доктор экономических наук, профессор, заместитель директора, заведующий отделом, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: tvu@vscc.ac.ru)

Светлана Сергеевна Патракова – младший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: sspatrakova@bk.ru)

Uskova T.V., Patrakova S.S.

Rural Development in the Context of Spatial Compression of a Northern Region

Abstract. Ensuring balanced spatial development and reducing inter- and intra-regional imbalances are strategically important issues for Russia. However, finding a solution to these issues is complicated by the growing concentration of human, industrial, and scientific potential in large cities, major cities, and metropolises, depopulation and economic desertification of rural areas, that is, disintegration and compression of the country's economic space. This is especially acute in the northern regions of Russia. The aim of the article is to study the problems and determine the prospects for development of rural areas of the northern region in the context of spatial compression on the example of the European North of Russia. We point out that the social, economic, and infrastructural issues observed in rural areas have remained unresolved since the 1990s. Rural population decline caused by the destruction of the socio-economic potential of these territories is a key factor in the compression of the space of the northern region, degradation of the village and loss of its human capital. The reason lies not only in the shock transition to the market in the 1990s, but also in the ineffective state policy for rural development in the post-reform period, and in the absence of a strategic vision of the place of rural territories in the national space. Having analyzed the current state of the rural periphery and taking into account the need to shift to neo-endogenous rural development, we identify three priorities of state policy in the field of rural development in the North of Russia. They are as follows: development of the rural economy, modernization of rural infrastructure, and comprehensive development of human capital as the ultimate goal of all economic and social transformations. The findings of our work contribute to the formation of ideas about trends in spatial development of the northern regions of Russia and socio-economic issues of rural areas; they can be used by researchers in their studies on similar topics, and by public authorities when they need to work out strategic documents in the field of spatial development.

Key words: rural territories, northern region, economic space, disintegration, locational compression.

Information about the Authors

Tamara V. Uskova – Doctor of Sciences (Economics), Professor, deputy director, head of department, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: tvu@vscc.ac.ru)

Svetlana S. Patrakova – Junior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: sspatrakova@bk.ru)

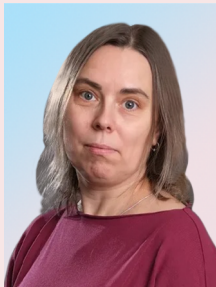
Статья поступила 26.07.2021.

Моделирование влияния привлекаемых институциональными секторами банковских инвестиций на социально-экономическое развитие регионов России*

**Илья Викторович
НАУМОВ**

Институт экономики Уральского отделения РАН
Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: naumov.iv@uiec.ru
ORCID: 0000-0002-2464-6266; ResearcherID: U-7808-2017

**Наталья Леонидовна
НИКУЛИНА**

Институт экономики Уральского отделения РАН
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: nikulina.nl@uiec.ru
ORCID: 0000-0002-6882-3172; ResearcherID: J-9846-2013

Аннотация. Банковский капитал играет значительную роль в обеспечении финансовых основ развития институциональных секторов в региональных системах, к которым относятся финансовые и нефинансовые корпорации, домашние хозяйства, сектор государственного управления и зарубежных учреждений. Однако исследование процессов движения банковского капитала между ними показывает, что банковский сектор в настоящее время не выполняет традиционные для него функции по сбережению капитала институциональных секторов и обеспечению

* Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 19-010-00660 «Сценарное проектирование модели воспроизводства инвестиционного потенциала институциональных секторов в региональной системе».

Для цитирования: Наумов И.В., Никулина Н.Л. Моделирование влияния привлекаемых институциональными секторами банковских инвестиций на социально-экономическое развитие регионов России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 5. С. 53–69. DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.3

For citation: Naumov I.V., Nikulina N.L. Modeling the impact of bank investments attracted by institutional sectors on the socio-economic development of Russian regions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 5, pp. 53–69. DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.3

их кредитами, а осуществляет спекулятивную политику, способствующую значительному оттоку финансовых ресурсов за рубеж и наносящую серьезный вред российской экономике. В связи с этим целью работы стало исследование диспропорций в процессах движения банковского капитала между институциональными секторами и моделирование влияния привлекаемых институциональными секторами банковских инвестиций на социально-экономическое развитие субъектов РФ. Разработан методический подход, опирающийся на методологию формирования сбалансированных матриц движения финансовых потоков между институциональными секторами с помощью данных первичной бухгалтерской отчетности кредитных учреждений, методологический принцип «двойной записи» Системы национальных счетов и методы регрессионного анализа с использованием панельных данных. Авторами были построены матрицы движения финансовых потоков в регионах, характеризующие процессы перемещения банковского капитала между сектором финансовых и нефинансовых корпораций, государственного управления, домашними хозяйствами и зарубежными учреждениями, регрессионные модели, характеризующие влияние привлеченных каждым институциональным сектором банковских инвестиций на показатели социально-экономического развития региональных систем. В результате исследования было установлено, что привлекаемый банками в сектор нефинансовых корпораций капитал оказывает положительное влияние на динамику валового регионального продукта субъектов РФ, приводит к снижению уровня безработицы в регионах, численности населения с доходами ниже прожиточного минимума, степени износа основных производственных фондов, а также к повышению сальдированного финансового результата деятельности предприятий и среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников.

Ключевые слова: банковские инвестиции, финансовые потоки, институциональный сектор, регрессионный анализ, панельные данные.

Введение

Банковский сектор играет ключевую роль в развитии экономики региональных систем различного уровня. Он обеспечивает реальный сектор экономики финансовыми ресурсами для реализации инвестиционных проектов, направленных на модернизацию и технологическое обновление производственных процессов, внедрение технико-технологических, организационных и социальных инноваций, для осуществления диверсификации производства и повышения конкурентоспособности производимой продукции. Исследования, осуществленные А. Аганбегяном, И. Руденским [1], А. Милюковым [2], П.В. Акининым, В.П. Акининой [3], Е.А. Гончаруком¹, В.В. Трубниковой, А.В. Савенковой [4], А. Даниловым-Данильяном [5], Н.П. Казаренковой [6], В.А. Ильиным и др. [7], М.А. Печенской [8], В. Urosevic, B. Zivkovic, M. Bozovic [9], S. Gilchrist, E. Zak-

rajsek [10], показали важность привлечения банковских инвестиций в реальный сектор экономики, кредитования предприятий различных видов экономической деятельности. Помимо обеспечения сектора нефинансовых корпораций кредитными ресурсами банки и кредитные учреждения выполняют и другую важную функцию — осуществляют расчетно-кассовое обслуживание предприятий, обеспечивают сохранность их финансовых ресурсов.

Банковский сектор формирует финансовые основы для реализации инфраструктурных проектов, стратегических программ и проектов региональных систем посредством инвестиций в долговые ценные бумаги (государственных учреждений, субъектов РФ, муниципальных образований) и кредитования их государственного долга. Исследования D. Monacelli, M.G. Paziienza, C. Rapallini [11], W. Jeong [12], И.В. Наумова [13] свидетельствуют, что привлекаемый банками капитал способствует повышению бюджетной обеспеченности территорий, а значит, решению острых социально-экономических проблем их развития.

¹ Гончарук Е.А. Привлечение финансовых ресурсов корпоративным сектором экономики на рынке капитала: дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2018. 206 с. URL: https://unecon.ru/sites/default/files/dissertaciya_goncharuk_e.a._03.06_0.pdf (дата обращения 05.07.2021).

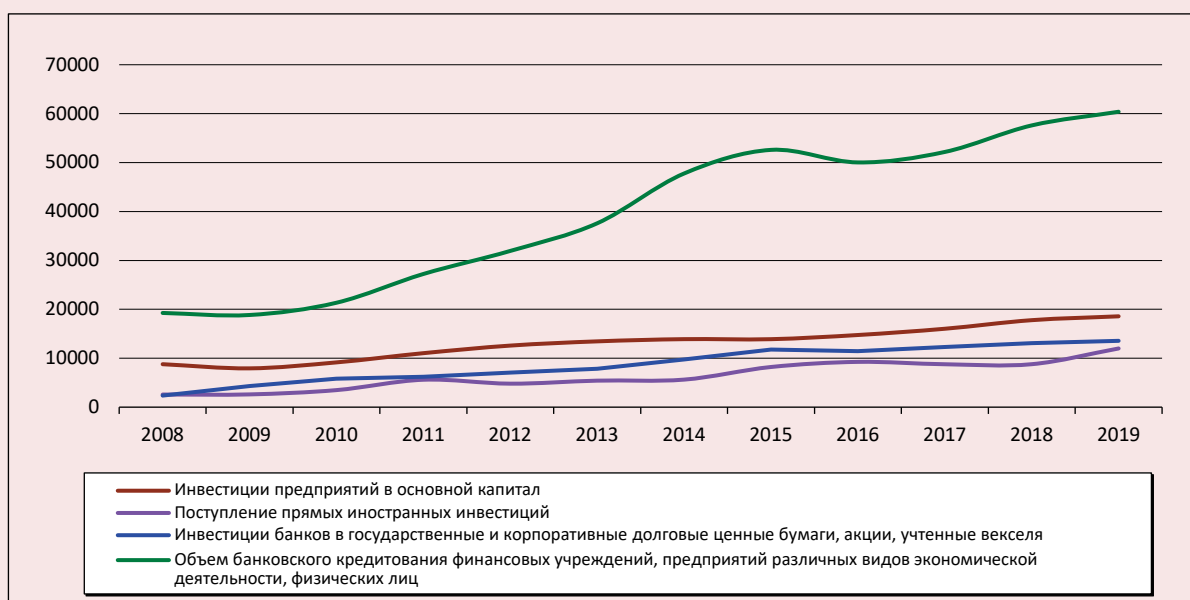
Обеспечивая домашние хозяйства потребительскими и ипотечными кредитами, осуществляя деятельность по сохранению денежных сбережений, банковский сектор формирует финансовые основы развития данного институционального сектора экономики. Исследования, проводимые Е.И. Строгоновой [14], Л.М. Юсуповой, Т.В. Никоновой, М.Е. Ивановым [15], Л.Ф. Орловым [16], К. Ellis, A. Lemma, J.-P. Rud [17], S. Bouyon [18], O.G.F. Mwalughali [19], подтверждают важность привлекаемых банковских ресурсов для развития сектора домашних хозяйств. Инвестируя средства в долевые (акции) и долговые ценные бумаги других финансовых учреждений, обеспечивая кредитными ресурсами страховые организации, инвестиционные компании, пенсионные фонды, банковский сектор экономики способствует развитию в региональных системах сектора финансовых корпораций, выполняющего важные для домашних хозяйств и реального сектора экономики функции.

Таким образом, можно отметить, что банковский сектор является связующим звеном в развитии институциональных секторов эконо-

мики, к которым, согласно методологии Системы национальных счетов, относятся секторы финансовых, нефинансовых корпораций, государственного управления, домашних хозяйств и зарубежных учреждений. Динамика изменения объема привлекаемых банками инвестиций в государственные и корпоративные долговые ценные бумаги, акции, а также объема кредитования различных институциональных секторов показывает, что банковский сектор обладает по-настоящему мощным инвестиционным потенциалом для прогрессивного социально-экономического развития регионов (рис. 1).

Исходя из данных, представленных на рисунке 1, можно заключить, что инвестиционные возможности банковского сектора многократно превосходят инвестиционные ресурсы предприятий различных видов экономической деятельности, а также поступающие в экономику прямые иностранные инвестиции. Однако, как показали наши более ранние исследования [20], в периоды нарастания кризисных явлений в экономике банковский капитал не применяется для решения финансовых проблем развития реального сектора эконо-

Рис. 1. Динамика изменения объема инвестиционных ресурсов предприятий, банковских учреждений, иностранных учреждений в России за период 2008–2019 гг., млрд руб.

Источник: составлено авторами по данным Регионального раздела ЦБ РФ и Федеральной службы государственной статистики.

мики и сектора государственного управления, все чаще используется в спекулятивных целях. Кредитные учреждения осуществляют спекулятивные операции с иностранной валютой, производными финансовыми инструментами (фьючерсами и опционами), направляют инвестиции в акции и долговые ценные бумаги иностранных эмитентов, размещают средства на расчетных счетах иностранных финансовых учреждений, способствуя оттоку значительной части капитала за рубеж и снижению объема кредитования финансовых, нефинансовых корпораций, сектора домашних хозяйств и государственного управления. Банковский сектор в периоды экономических и финансовых кризисов перестает выполнять традиционные для него функции по аккумуляции, сбережению и воспроизводству финансовых ресурсов институциональных секторов экономики. Осуществляемые им спекулятивные операции приводят к обострению диспропорций в распределении финансовых ресурсов между институциональными секторами, негативно влияют на финансовую устойчивость институциональных секторов, снижают их инвестиционные возможности для решения наиболее важных проблем социально-экономического развития. Именно поэтому основной целью работы стало исследование диспропорций в процессах движения банковского капитала между институциональными секторами и моделирование влияния привлекаемых институциональными секторами банковских инвестиций на социально-экономическое развитие субъектов РФ.

Обзор исследований по оценке влияния привлекаемых институциональными секторами банковских инвестиций на социально-экономическое развитие территорий

Теоретический обзор работ показал, что для оценки влияния банковских инвестиций на динамику социально-экономического развития региональных систем исследователи обычно используют статистические методы анализа данных (относительные показатели, средние величины и показатели динамики) и методы регрессионного моделирования. Простейшие статистические методы исследования роли банковского капитала в социально-экономическом развитии территорий применялись в трудах Н.П. Казаренковой [6], Л.Н. Сотниковой,

М.В. Ткачевой [21], В.И. Терехина, О.П. Суковатовой [22], Т. Beck, R. Döttling, T. Lambert, M. van Dijk², П.В. Акинина, В.П. Акининой [3] и др. Данные методы позволяли исследователям лишь поверхностно оценить влияние привлекаемых банками инвестиций на социально-экономическое развитие предприятий реального сектора экономики, домашних хозяйств и сектора государственного управления, сформировать первоначальные предположения относительно такого влияния. Для обоснования предположений чаще всего использовались методы регрессионного анализа. Так, например, для того чтобы оценить краткосрочные и долгосрочные последствия государственных инвестиций в экономический рост и частные инвестиции, С.Т. Nguyen, L.T. Trinh спроектировали модели авторегрессии с распределенным лагом, учитывая макроэкономические данные Вьетнама за период 1990–2016 гг. [23]. Т.И. Солодкой, М.М.Т. Тали, М.А. Индустриевым установлено наличие коинтеграции нестационарных временных рядов: валового внутреннего продукта, объема общей капитализации Московской биржи, банковского кредитования физических и юридических лиц. Тест Ингла – Грэнджера обнаружил коинтегрирующее соотношение, удостоверяющее долгосрочную равновесную взаимосвязь переменных и подлинность их корреляции. Показано, что экономический рост в большей степени зависит от объемов банковского кредитования и в меньшей – от роста рыночной капитализации акций [24]. Т.В. Погодаева, Н.А. Бабурина, Е.П. Друзь, М.П. Шереметьева с помощью методов экономико-статистического и эконометрического анализа выявили влияние показателей развития банковского сектора на социально-экономическое развитие государств [25]. П.В. Порубовой проведена идентификация дифференциальной экономико-математической модели мультипликации и акселерации по данным экономического развития России и Республики Казахстан, отражающей зависимость темпов роста ВВП от таких факторов, как объем инвестиций и величина

² Beck T., Döttling R., Lambert T., Dijk M. van. How banks affect investment and growth: New evidence. 02 July 2020. URL: <https://voxeu.org/article/how-banks-affect-investment-and-growth> (accessed 15.06.2021).

инвестиционного мультипликатора. Данная модель позволила П.В. Порубовой определить значения факторов, необходимых для ускорения динамики экономического развития³.

Md.S. Alam, M.R. Rabbani, M.R. Tausif, J. Abeu сформировали динамическую модель коррекции векторных ошибок (VECM) на основе панельных данных 20 банков государственного сектора экономики за период с 2009 по 2019 год, а также модифицированную панель обычных наименьших квадратов OLS (FMOL) и динамическую OLS (DOLS) для оценки взаимосвязи рентабельности процентной маржи по активам и банковского инвестиционного и кредитного потенциала банка с учетом ВВП [26]. Используя квартальные данные о ВВП, а также различные показатели развития коммерческих банков, охватывающие период с марта 2005 по декабрь 2016 года, Е. Рааво рассмотрела влияние динамики развития коммерческих банков на экономический рост в Намибии. В исследовании применялась методология автоматической регрессии с распределительным лагом (ARDL) для определения наличия краткосрочных и долгосрочных взаимосвязей, а также тест Грейнджера для определения причинно-следственной связи между развитием банковского сектора и экономическим ростом [27]. М. Prochniak, К. Wasiak проанализировали влияние финансового сектора на экономический рост 28 стран ЕС и 34 стран ОЭСР в период 1993–2013 гг., применив расширенное эконометрическое моделирование, включающее тестирование нелинейных взаимосвязей. Уравнения регрессии оценивались с помощью оценки системы GMM Бланделла и Бонда [28].

На региональном уровне регрессионный анализ использовался, например, П.А. Ивановым и Т.И. Тютюнниковой, которые на примере Республики Башкортостан обосновали влияние банковского кредитования домашних хозяйств на валовой региональный продукт [29]. Обзор современного состояния научных работ в данной области показал, что регрессионный

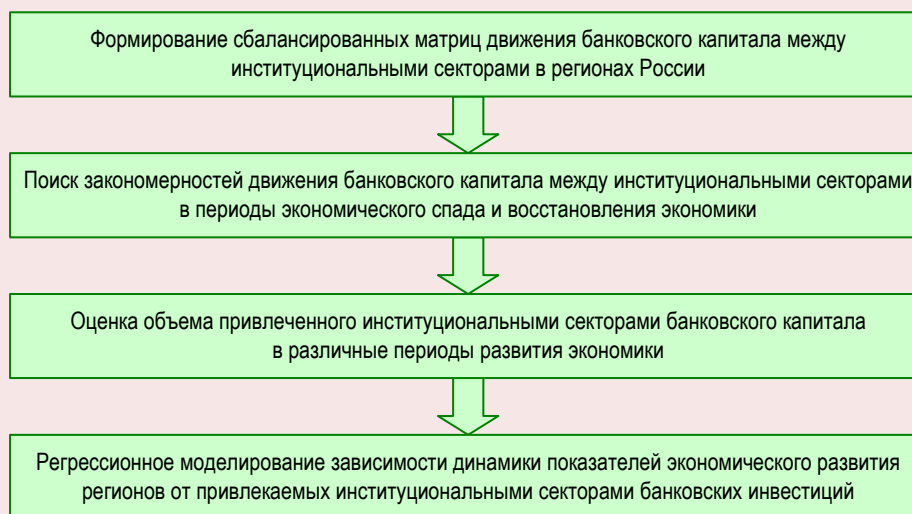
анализ является наиболее часто используемым методом для оценки влияния банковских инвестиций на социально-экономическое развитие территорий. Именно этот инструментарий и станет основой методического подхода в нашем исследовании.

Методический подход к оценке влияния привлекаемых институциональными секторами банковских инвестиций на социально-экономическое развитие регионов России

Теоретический обзор работ показал, что основным препятствием для исследования роли банковского капитала в социально-экономическом развитии регионов России является фрагментированная и недостаточно развитая база статистических данных, формируемая государственными органами статистики, Центральным банком и Министерством финансов РФ. Официальная статистика предоставляет информацию о региональных особенностях осуществляемого банками кредитования физических и юридических лиц, государственном долге субъектов РФ, банковских инвестициях в долговые и долевые ценные бумаги предприятий различных сфер экономической деятельности, долговых ценных бумагах субъектов РФ и муниципальных образований. В то же время официальные статистические данные не позволяют оценить влияние осуществляемых банками и другими кредитными учреждениями инвестиций в монетарное золото, иностранную валюту и производные финансовые инструменты на социально-экономическое развитие региональных систем. Для решения указанной проблемы и более системного анализа привлекаемого банками в экономику капитала был разработан методический подход (рис. 2), основанный на методологии формирования сбалансированных моделей движения финансовых ресурсов между институциональными секторами в рамках региональной системы, к которым, в соответствии с Системой национальных счетов, относятся сектор финансовых корпораций (Центральный банк, банки и другие кредитные учреждения, инвестиционные компании), сектор нефинансовых корпораций (предприятия различных видов экономической деятельности), сектор государственного управления (государственные предприятия и бюджетные учреждения), сектор домашних хозяйств и зарубежных учреждений.

³ Порубова П.В. Разработка дифференциальных моделей долгосрочного макроэкономического роста (на примере России и Казахстана): дис. ... канд. экон. наук. Самара, 2019. 154 с. URL: https://ssau.ru/files/resources/dis_protection/Porubova_P_V_Razrabotka_differencialnih_modelyey.pdf (дата обращения 15.06.2021).

Рис. 2. Методический подход к оценке влияния банковских инвестиций на социально-экономическое развитие регионов

Источник: составлено авторами.

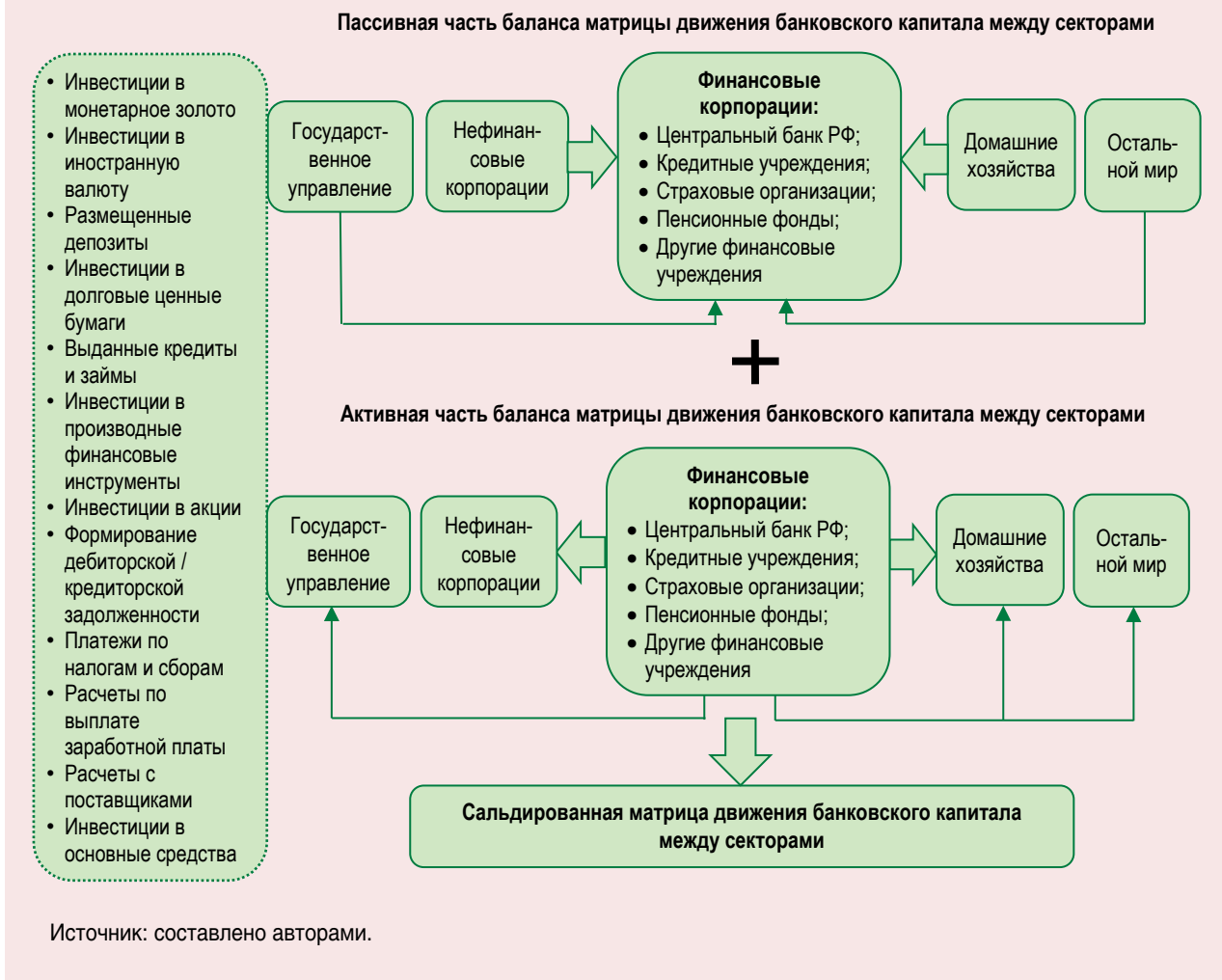
Начальным этапом исследования, согласно представленному подходу, является формирование сбалансированных матриц движения банковских инвестиций между финансовыми и нефинансовыми корпорациями, сектором домашних хозяйств, государственным управлением и иностранными учреждениями. Для наиболее полного и точного отображения процессов движения банковского капитала предлагается использовать первичные данные оборотной ведомости банков и прочих кредитных учреждений, зарегистрированных на территории исследуемого региона, по счетам бухгалтерского учета (форма № 101). Такая форма отчетности содержит подробную информацию о движении финансовых ресурсов банков не только по традиционным инвестиционным инструментам, которые отражены в официальной статистике (кредитование физических и юридических лиц, государственный долг субъектов РФ, операции с депозитами, долговыми и долевыми ценными бумагами различных институциональных секторов), но и по таким, как инвестиции в монетарное золото, иностранную валюту, производные финансовые инструменты.

Для формирования сбалансированных матриц движения финансовых потоков между секторами применялись базовые принципы

методологии формирования Системы национальных счетов: принцип двойной записи, перечень институциональных секторов национальной экономики и структура их финансового счета (рис. 3).

Используемый при формировании матриц движения банковских финансовых ресурсов между секторами принцип «двойной записи» позволяет исследовать особенности формирования потенциала одними секторами и использования другими. В матрицах инвестиции по различным финансовым инструментам отображаются с отрицательным знаком по сектору, который их осуществляет, и с положительным знаком по сектору, который получает средства в результате реализации активов. Операции по кредитованию институциональных секторов банковскими учреждениями, в соответствии с данным подходом, отображаются в активной части баланса со знаком минус по сектору кредитных учреждений и со знаком плюс по сектору, получающему заемные средства. Обратная ситуация, возникающая при возвращении взятых кредитов, отображается в данной матрице с противоположными знаками. В результате в модели балансируются финансовые потоки между институциональными секторами. Сформированная соответствующим образом

Рис. 3. Алгоритм формирования сбалансированной матрицы движения банковского капитала между институциональными секторами в регионе

пассивная часть баланса матрицы движения финансовых потоков отражает процессы формирования инвестиционного потенциала банковского сектора экономики и его использования другими институциональными секторами, активная часть, наоборот, раскрывает особенности привлечения банковского капитала секторами финансовых и нефинансовых корпораций, государственного управления, домашними хозяйствами и зарубежными учреждениями. Отрицательное значение по секторам в сальдированной матрице позволяет сделать вывод о сокращении объема привлекаемых ими банковских инвестиций и соответствующем снижении их инвестиционных возможностей. Отрицательное сальдированное значение также

отражает и объем инвестированных институциональными секторами средств, что помогает определить финансовые инструменты использования инвестиционного потенциала институциональных секторов. Положительное итоговое значение баланса в сальдированной матрице позволяет оценить инвестиционные возможности развития институциональных секторов, объем привлеченных ими банковских инвестиций.

Сформированные матрицы движения банковского капитала по всем регионам России в динамике за период с 1998 по 2019 год дадут возможность на втором этапе установить закономерности движения банковского капитала между институциональными секторами в пе-

риоды экономического спада и восстановления экономики и на третьем этапе — оценить объем привлеченного институциональными секторами банковского капитала в различные периоды развития экономики. Сопоставление выявленных закономерностей в процессах привлечения институциональными секторами банковского капитала и показателей социально-экономического развития регионов с помощью регрессионного моделирования по панельным данным, осуществляемое на заключительном этапе исследования, позволит объективно оценить роль банковского сектора в развитии экономики. В ходе моделирования предполагается исследовать влияние динамики привлеченных государственным сектором экономики банковских инвестиций на динамику валового регионального продукта, индекса потребительских цен, уровня безработицы, численности населения с доходами ниже величины прожиточного минимума, размера среднедушевых денежных доходов населения и доходов консолидированных бюджетов субъектов РФ.

Для оценки влияния привлеченных сектором домашних хозяйств банковских ресурсов предлагается сформировать регрессионные модели, в которых в качестве зависимых переменных выступают уровень безработицы, среднемесячная номинальная начисленная заработная плата в расчете на одного работника, доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума. Формирование данных моделей позволит оценить влияние привлекаемых домашними хозяйствами банковских ресурсов на показатели их финансовой обеспеченности. Кроме этого, в ходе исследования предполагается построение и регрессионных моделей влияния динамики привлеченного сектором нефинансовых корпораций банковского капитала на динамику ВРП, индекса промышленного производства, степени износа основных производственных фондов, экспорта производимой продукции, сальдированного финансового результата деятельности организаций, размера просроченной кредиторской задолженности организаций, уровня безработицы, доли населения с доходами ниже величины прожиточного минимума, среднемесячной номинальной начисленной заработной платы в расчете на одного работника.

При построении регрессионных моделей предполагается анализ данных на стационарность с помощью теста Дики — Фуллера, формирование регрессий с фиксированными и случайными эффектами и отбор наиболее адекватных моделей с помощью тестов Хаусмана и Бреуш — Пагана, а также информационных критериев Шварца, Акаике и Хеннана — Куинна, анализ статистической значимости параметров регрессии и выполнения основных предпосылок Гаусса — Маркова. Построенные модели позволят обосновать или опровергнуть влияние привлекаемых институциональными секторами банковских инвестиций на динамику социально-экономического развития регионов России.

Закономерности движения банковского капитала между институциональными секторами в регионах России

Систематизация данных оборотной ведомости бухгалтерского учета по форме № 101 региональных банков за период с 1999 по 2019 год позволила сформировать матрицы движения банковского капитала между институциональными секторами в каждом регионе по различным инвестиционным инструментам. Пример такой матрицы, характеризующий процессы движения банковского капитала между секторами в целом по России, представлен в *таблице 1*. Ее данные свидетельствуют, что банковский капитал в 2018 году активно привлекался Центральным банком России (6008 млрд руб.), сектором нефинансовых корпораций (1913 млрд руб.), домашними хозяйствами (712 млрд руб.). Значительная часть банковского капитала была привлечена сектором иностранных учреждений (3784 млрд руб.) в виде кредитования (1075 млрд руб.) и инвестиций в иностранную валюту (4722 млрд руб.).

С помощью формирования матриц по каждому региону за период с 1999 по 2019 год установлены следующие закономерности. В периоды экономического спада (1998–1999, 2003–2004, 2008–2009, 2014–2015, 2018 гг.) наблюдался значительный отток банковского капитала за рубеж, вызванный реализуемой банками спекулятивной инвестиционной политикой с иностранной валютой, долевыми и долговыми ценными бумагами иностранных эмитентов.

Таблица 1. Сбалансированная матрица движения банковского капитала между институциональными секторами в России в 2018 году, млрд руб.

Инвестиционные инструменты	Финансовые корпорации			Государственное управление	Нефинансовые корпорации	Домашние хозяйства	Остальной мир
	ЦБ РФ	Банки	Другие учреждения				
1. Вложения в золото	28	131	-29	6	6	-49	-93
2. Наличная валюта	4664	-5260	-4700	13	9	552	4722
3. Размещенные депозиты	1150	7153	-651	-2589	-1974	-2783	-306
срочные депозиты (до 30 дней)	144	594	-223	129	-337	-277	-31
краткосрочные депозиты (от 30 дней до 1 года)	462	3368	-268	-1580	-996	-1068	82
среднесрочные депозиты (от 1 до 3 лет)	0	116	96	-396	130	88	-34
долгосрочные депозиты (свыше 3 лет)	0	466	27	-65	-644	-214	430
депозиты до востребования	542	2445	-119	-677	-128	-1312	-752
4. Вложения в долговые ценные бумаги	453	3079	-853	-962	-771	273	-1218
имеющиеся в наличии для продажи	779	-509	-43	27	-4	-3	-246
со сроком погашения до 1 года	1	-241	36	0	1	204	0
со сроком погашения от 1 до 3 лет	-5	-76	40	0	-5	46	0
до востребования	-322	3905	-886	-989	-763	26	-972
5. Выданные кредиты	-231	-6256	-606	-75	2758	3335	1075
краткосрочные кредиты (до 1 года)	607	-634	42	-38	373	-9	-340
среднесрочные кредиты (от 1 до 3 лет)	495	-1067	-28	52	223	126	199
долгосрочные кредиты (свыше 3 лет)	-1332	-4591	-413	-87	2133	3032	1259
до востребования	0	35	-206	-2	30	186	-43
6. Вложения в производные финансовые инструменты	0	-377	377	0	0	0	0
7. Вложения в акции	-49	4321	-1866	-555	-879	-511	-461
8. Задолженность	-8	-18	-79	1	89	-64	79
9. Платежи по налогам	0	-63	0	63	0	0	0
10. Расчеты по выплате заработной платы	0	14	0	-3	0	-11	0
11. Расчеты с поставщиками	0	-2607	-1	0	2624	0	-15
12. Вложения в основные средства	0	-117	1	93	53	-30	0
САЛДО	6008	0	-8408	-4009	1913	712	3784

Источник: составлено авторами по данным оборотной ведомости № 101 кредитных учреждений.

Объем кредитования реального сектора, сектора государственного управления и домашних хозяйств в указанные периоды резко сокращался, возрастал объем кредитования зарубежных учреждений. Вместо активной финансовой поддержки реального сектора экономики в периоды спада и кризисов банки активно перемещали свой капитал за рубеж (табл. 2).

В периоды ухудшения экономической ситуации происходило снижение и объема банковских инвестиций, привлекаемых сектором нефинансовых корпораций, к которому относятся предприятия различных видов экономической деятельности. Аккумулируемый банками капитал использовался в спекулятивных целях,

а именно для инвестиций в высокорискованные производные финансовые инструменты (фьючерсы и опционы).

В периоды восстановления экономики (2000–2002, 2005–2007, 2010–2013, 2016–2017 гг.) наблюдались противоположные закономерности в процессах движения банковских инвестиций между секторами. Банковский капитал возвращался из-за рубежа и активно использовался для кредитования нефинансовых корпораций, сектора государственного управления и домашних хозяйств, для инвестиций в долевые и долговые ценные бумаги реального сектора экономики и субъектов РФ, облигации федерального займа. В периоды восстановления

Таблица 2. Динамика движения банковского капитала между институциональными секторами в России за период 1998–2019 гг., млрд руб.

Год	Финансовые корпорации		Государственное управление	Нефинансовые корпорации	Домашние хозяйства	Остальной мир
	ЦБ РФ	Банки				
1998	20	-32	-25	45	-20	12
1999	-7	11	7	4	-1	-14
2000	40	-41	-1	-2	-13	18
2001	14	-32	-29	64	-16	-2
2002	122	-271	276	882	-941	-69
2003	174	-49	8	137	-178	-91
2004	-149	123	-229	478	-120	-102
2005	-296	216	-129	612	-202	-201
2006	-182	74	-466	1080	-50	-456
2007	-400	-77	-799	1883	-138	-470
2008	-1768	-1816	-3051	7868	-772	-461
2009	951	-1714	-1191	2281	-2757	2429
2010	1557	925	492	-1567	-1182	-225
2011	-1875	706	-1618	2791	-703	700
2012	-1460	-932	-827	2629	315	275
2013	-3193	1893	-1459	3580	-397	-424
2014	-4050	2182	-4084	4832	-1870	2991
2015	-2861	-4437	-4735	4044	-4596	12586
2016	179	5476	1667	-1555	-1317	-4449
2017	-3847	10940	1060	-1819	-1235	-5099
2018	6008	-8408	-4009	1913	712	3784
2019	4637	-1096	-2092	799	454	-2701

Источник: составлено авторами по данным оборотной ведомости № 101 кредитных учреждений.

экономики банковский капитал активно привлекался институциональными секторами, снижался интерес банков к высокорискованным производным финансовым инструментам (см. табл. 2). Формирование сальдированной матрицы движения банковских инвестиций между секторами с нарастанием начиная с 1998 года позволило установить, что в настоящее время (на 1 января 2020 года) значительная доля аккумулированных банками финансовых ресурсов институциональных секторов до сих пор остается за рубежом. Это формирует угрозы для финансового развития регионов РФ.

Результаты регрессионного моделирования зависимости экономического развития регионов от банковских инвестиций

В результате исследования с использованием 1716 наблюдений была установлена зависимость динамики валового регионального продукта субъектов РФ от банковских инвестиций, привлеченных в сектор нефинансовых корпораций:

$$Y = 452123 + 0.289 \cdot X, \quad (1)$$

где Y – объем ВРП субъектов РФ, в текущих ценах, млн руб.;

X – объем привлеченных в сектор нефинансовых корпораций банковских инвестиций, млн руб.

По итогам проведенных тестов Хаусмана и Бреуш – Пагана, а также сопоставления информационных критериев Шварца, Акаике и Хеннана – Куинна установлено, что оптимальной моделью взаимосвязи данных показателей является регрессионная модель с фиксированными эффектами. Ее достоверность подтверждается низкими значениями стандартных ошибок и P -значений у параметров регрессии, высоким значением коэффициента детерминации и его статистической значимостью (табл. 3).

Построенная модель показала, что приток дополнительных банковских инвестиций в сектор нефинансовых корпораций в размере 1 млн руб. способствует росту ВРП на 0.289 млн руб.

Таблица 3. Модель влияния привлеченных сектором нефинансовых корпораций банковских инвестиций на динамику ВРП субъектов РФ

	Коэффициент	Стандартная ошибка	t-статистика	P-значение
<i>const</i>	452123	19674.8	22.98	1.64e-101***
<i>X</i>	0.289	0.07	4.118	4.02e-05***
<i>R-squared</i> = 0,608	<i>F</i> (78, 1637) = 32.53		<i>P</i> -значение (<i>F</i>)	2.5e-275***
Критерий Шварца	52082.99		Критерий Акаике	51652.62
			Критерий Хеннана – Куинна	-25747.31
Distribution free Wald test for heteroskedasticity			Хи-квадрат (78) = 1.79e+008	0.000***
Wooldridge test для оценки автокорреляции			Тестовая статистика: <i>T</i> (1, 77) = 338.679	6.43e-030***
Нулевая гипотеза – отсутствие нормального распределения			Хи-квадрат (2) = 9097.65	0.000***
Pesaran CD test for cross-sectional dependence Average absolute correlation = 0.981			Тестовая статистика: <i>z</i> = 252.24	0.000***
Источник: составлено авторами. *** Статистическая значимость на уровне 1%.				

Построенная объединенным методом наименьших квадратов регрессионная модель свидетельствует, что приток банковских инвестиций в сектор нефинансовых корпораций способствует сокращению уровня безработицы в регионах:

$$Y = 8.685 - 0.000000134 \cdot X, \quad (2)$$

где *Y* – уровень безработицы субъектов РФ, %;
X – объем привлеченных в сектор нефинансовых корпораций банковских инвестиций, млн руб.

Привлекаемые в сектор нефинансовых корпораций банковские ресурсы в виде кредитования и инвестиций в акции и долговые ценные бумаги формируют финансовые основы для проведения предприятиями модернизации и технологического обновления, наращивания

производственных мощностей и диверсификации производства, что способствует созданию новых рабочих мест и сокращению уровня безработицы в регионах. Представленные в таблице 4 параметры регрессионной модели подтверждают ее достоверность.

В результате исследования была установлена зависимость между долей населения с доходами ниже прожиточного минимума и притоком банковских инвестиций в сектор нефинансовых корпораций:

$$Y = 21.701 - 0.000000207 \cdot X, \quad (3)$$

где *Y* – доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума, %;

X – объем привлеченных в сектор нефинансовых корпораций банковских инвестиций, млн руб.

Таблица 4. Модель влияния привлеченных сектором нефинансовых корпораций банковских инвестиций на уровень безработицы в субъектах РФ

	Коэффициент	Стандартная ошибка	t-статистика	P-значение
<i>const</i>	8.685	8.685	59.8	0.000***
<i>X</i>	-1.34574e-06	4.73203e-07	-2.844	0.0045***
<i>R-squared</i> = 0,0047	<i>F</i> (1, 1714) = 8.0876		<i>P</i> -значение (<i>F</i>)	0.00451
Критерий Шварца	11035.66		Критерий Акаике	11024,77
			Критерий Хеннана – Куинна	11028.80
Тест Вайта (White) на гетероскедастичность			Тестовая статистика: <i>LM</i> = 0.76353	0.068*
Wooldridge test для оценки автокорреляции			Тестовая статистика: <i>T</i> (77) = 34.992	4.951e-049***
Нулевая гипотеза – отсутствие нормального распределения			Хи-квадрат (2) = 3844.43	0.000***
Pesaran CD test for cross-sectional dependence Average absolute correlation = 0,743			Тестовая статистика: <i>z</i> = 179.97	0.000***
Источник: составлено авторами. ***, * Статистическая значимость на уровне 1 и 10% соответственно.				

Таблица 5. Модель влияния привлеченных сектором нефинансовых корпораций банковских инвестиций на долю населения с доходами ниже величины прожиточного минимума в субъектах РФ

	Коэффициент	Стандартная ошибка	<i>t</i> -статистика	<i>P</i> -значение
<i>const</i>	21.701	0.317	68.33	0.000***
<i>X</i>	-2.07685e-06	1.03477e-06	-2.007	0.044**
<i>R-squared</i> = 0,45	F (1, 1714) = 4.028		<i>P</i> -значение (<i>F</i>)	0.0449**
Критерий Шварца	13720.91		Критерий Акаике	13710.01
			Критерий Хеннана – Куинна	13714.04
Distribution free Wald test for heteroskedasticity:			Хи-квадрат (78) = 14290.7	14290.7
Wooldridge test для оценки автокорреляции			Тестовая статистика: <i>T</i> (77) = 135.441	2.362e-093***
Нулевая гипотеза – отсутствие нормального распределения			Хи-квадрат (2) = 1193,87	5.67e-260***
Pesaran CD test for cross-sectional dependence Average absolute correlation = 0.863			Тестовая статистика: <i>z</i> = 212.087	0.000***
Источник: составлено авторами. ***, ** Статистическая значимость на уровне 1 и 5% соответственно.				

Основные параметры построенной модели и результаты тестирования ее достоверности представлены в *таблице 5*. В модели отсутствует автокорреляция между ошибками, данные ошибки в модели распределены нормально. Стандартные ошибки и *P*-значения основных параметров регрессии, а также информационные критерии Акаике, Шварца и Хеннана – Куинна подтверждают статистическую значимость найденных коэффициентов регрессии. Построенная модель показала, что приток дополнительных инвестиций в сектор нефинансовых корпораций способствует сокращению в регионах России доли населения с доходами ниже прожиточного минимума.

Установленная взаимосвязь в регрессионной модели является очевидной, поскольку приток банковского капитала в предприятия различных сфер экономической деятельности в виде кредитования и инвестиций в акции и долговые ценные бумаги формирует дополнительные финансовые возможности для их развития, наращивания производственных мощностей. Это положительно влияет не только на уровень безработицы в регионах, но и доходы населения. Влияние банковских инвестиций, привлекаемых нефинансовыми корпорациями, на среднемесячную номинальную начисленную заработную плату работников обосновано в построенной нами регрессионной модели со случайными эффектами:

$$Y = 16389.9 + 0.00227 \cdot X, \quad (4)$$

где *Y* – среднемесячная номинальная начисленная заработная плата в расчете на одного работника, руб.;

X – объем привлеченных в сектор нефинансовых корпораций банковских инвестиций, млн руб.

Модель позволила установить прямую зависимость между размером заработной платы сотрудников предприятий и объемом привлеченных в сектор нефинансовых корпораций банковских инвестиций. Приток банковского капитала в данный сектор экономики оказывает положительное влияние и на сальдированный финансовый результат деятельности предприятий в регионах России:

$$Y = 63835.5 + 0.215 \cdot X, \quad (5)$$

где *Y* – сальдированный финансовый результат деятельности предприятий, млн руб.;

X – объем привлеченных в сектор нефинансовых корпораций банковских инвестиций, млн руб.

Согласно построенной модели, отрицательный финансовый результат деятельности предприятий может стать следствием сокращения объема привлекаемых банками и кредитными учреждениями финансовых ресурсов для предприятий различных видов экономической деятельности, то есть при сокращении объема кредитования и инвестиций в корпоративные долговые и долевые ценные бумаги, которое наблюдалось в периоды экономических спадов и нарастания кризисных явлений в экономике.

Таблица 6. Модель влияния привлеченных сектором государственного управления банковских инвестиций на динамику индекса потребительских цен

	Коэффициент	Стандартная ошибка	<i>t</i> -статистика	<i>P</i> -значение
<i>const</i>	-3.038	0.247	-12.32	2.15e-033***
<i>X</i>	-3.73603e-06	1.74912e-06	-2.136	0.0328**
<i>R-squared</i> = 0.49	F (78, 1637) = 4.25		<i>P</i> -значение (<i>F</i>)	1.03e-08***
Критерий Шварца	13341.29		Критерий Акаике	12910.92
			Критерий Хеннана – Куинна	13070.17
Distribution free Wald test for heteroskedasticity			Хи-квадрат (78) = 146.938	3.897e-006***
Wooldridge test для оценки автокорреляции			Тестовая статистика: <i>F</i> (1, 77) = 24.574	4.153e-006***
Нулевая гипотеза – отсутствие нормального распределения			Хи-квадрат (2) = 8750.91	0.000***
Pesaran CD test for cross-sectional dependence Average absolute correlation = 0.844			Тестовая статистика: <i>z</i> = 216.866	0.000***
Источник: составлено авторами. ***, ** Статистическая значимость на уровне 1 и 5%соответственно.				

Банковский капитал, привлекаемый сектором государственного управления, как показала построенная панельная регрессионная модель с фиксированными эффектами (табл. 6), способствует снижению индекса потребительских цен в регионах России:

$$Y = - 3.03843 - 0.000000373 \cdot X, \quad (6)$$

где *Y* — индекс потребительских цен (декабрь текущего года к декабрю предыдущего года), %;

X — объем привлеченных в сектор государственного управления банковских инвестиций, млн руб.

Сокращение объема банковских инвестиций в акции государственных компаний и долговые ценные бумаги субъектов РФ, объемов их кредитования вызывают рост индекса потребительских цен в регионах. Индекс потребительских цен является ключевым показателем инфляции, для ее снижения необходимо привлекать банковский капитал в государственный сектор экономики. Это позволит повысить бюджетную обеспеченность регионов и сформировать дополнительные финансовые возможности для реализации стратегических инициатив, более эффективного решения острых проблем социально-экономического развития. Однако, с другой стороны, чрезмерно высокий приток банковских инвестиций в долговые ценные бумаги субъектов РФ и высокие объемы банковского кредитования их государственно-го долга оказывают отрицательное влияние на бюджетную безопасность регионов.

В настоящее время доходы консолидированного бюджета большинства субъектов РФ зависят от банковских кредитов и инвестиций в региональные долговые ценные бумаги, которые формируют государственный долг субъектов РФ. Построенная регрессионная модель с фиксированными эффектами позволила выявить высокий уровень закредитованности регионов:

$$Y = 61244,8 - 0,4387 \cdot X, \quad (7)$$

где *Y* — доходы консолидированных бюджетов субъектов РФ, млн руб.;

X — объем привлеченных в сектор государственного управления банковских инвестиций, млн руб.

Модель показала, что для повышения доходов консолидированных бюджетов большинства регионов необходимо сокращать объемы банковских ресурсов, поступающих в бюджет субъектов. Как свидетельствуют наши более ранние исследования, для повышения бюджетной безопасности регионов оптимальным является сокращение объема кредитов, выделяемых банками и кредитными учреждениями. Таким образом, построенные в динамике матрицы движения банковского капитала между институциональными секторами и регрессионное моделирование с использованием панельных данных позволили оценить влияние привлекаемых институциональными секторами банковских ресурсов на показатели социально-экономического развития регионов России.

Заключение

В результате обзора научной литературы выявлено, что существующая сегодня статистическая информация не дает возможности точно и объективно оценить влияние банковского капитала на социально-экономическое развитие территорий. Для решения этой проблемы был разработан методический подход, базирующийся на методологии формирования сбалансированных матриц движения финансовых потоков между институциональными секторами с помощью данных первичной бухгалтерской отчетности кредитных учреждений, методологическом принципе «двойной записи» Системы национальных счетов и методах регрессионного анализа с использованием панельных данных. В результате апробации методического подхода были построены матрицы движения финансовых потоков в регионах, характеризующие процессы перемещения банковского капитала между сектором финансовых и нефинансовых корпораций, государственного управления, домашними хозяйствами и зарубежными учреждениями, а также регрессионные модели, характеризующие влияние привлеченных каждым институциональным сектором банковских инвестиций на показатели социально-экономического развития региональных систем. Сформированные матрицы движения финансовых потоков между банковским и другими институциональ-

ными секторами в регионах России за период с 1998 по 2019 год показали, что банковский сектор в настоящее время не выполняет традиционные для него функции по сбережению капитала и обеспечению кредитами предприятий реального сектора экономики, государственного управления и домашних хозяйств, а осуществляет спекулятивную политику, способствующую значительному оттоку финансовых ресурсов данных секторов за рубеж и наносящую вред российской экономике.

Регрессионное моделирование выявило, что капитал, привлекаемый банками в сектор нефинансовых корпораций, оказывает влияние на динамику валового регионального продукта субъектов РФ, приводит к снижению уровня безработицы в регионах, численности населения с доходами ниже прожиточного минимума, степени износа основных производственных фондов, повышению сальдированного финансового результата деятельности предприятий и среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников. Система построенных регрессионных моделей, а также матриц движения финансовых потоков между банковским и другими институциональными секторами является, по нашему мнению, эффективным инструментом для формирования прогнозных сценариев изменения динамики социально-экономического развития регионов России на среднесрочную перспективу.

Литература

1. Аганбегян А., Руденский И. О роли банковской системы России в преодолении рецессии и возобновлении социально-экономического роста // Проблемы теории и практики управления. 2016. № 8. С. 8–19.
2. Милуков А. Роль банков в выходе из кризиса и оживлении экономики России // Проблемы теории и практики управления. 2016. № 8. С. 64–72.
3. Акинин П.В., Акинина В.П. Механизмы и инструменты сопряжения финансового и реального секторов экономики // Финансы и кредит. 2014. № 16 (592). С. 2–8.
4. Трубникова В.В., Савенкова А.В. Организация взаимодействия реального и банковского секторов экономики территорий // Региональная экономика: теория и практика. 2011. № 20 (203). С. 34–39.
5. Данилов-Данильян А. Проблемы управления банковской системой России как источником инвестиций в интересах преодоления текущего экономического кризиса // Проблемы теории и практики управления. 2016. № 8. С. 73–79.
6. Казаренкова Н.П. Анализ и оценка результатов взаимодействия банковского и реального секторов российской экономики // Финансы и кредит. 2015. № 47. С. 44–56.
7. Национальная безопасность России: проблемы обеспечения экономического роста: монография / В.А. Ильин, А.Н. Чекавинский, Т.В. Ускова [и др.]. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2016. 300 с.

8. Печенская М.А. Региональное развитие: цели и возможности // *Финансы*. 2014. № 10. С. 135–145.
9. Urosevic B., Zivkovic B., Bozovic M. The influence of financial on real sector of economy. *Ekonomika Preduzeca*, 2011, no. 59 (1–2), pp. 34–44. DOI: 10.5937/ekopre1102034U
10. Gilchrist S., Zakrajsek E. Linkages between the financial and real sectors: An Overview. 2008. Available at: https://www.researchgate.net/publication/228902565_Linkages_Between_the_Financial_and_Real_Sectors_An_Overview (accessed: June 25, 2021).
11. Monacelli D., Paziienza M.G., Rapallini C. Municipality budget rules and debt: is the Italian regulation effective? In: *Conference: Working paper DISEI*, 2014. 34 p. Available at: https://www.researchgate.net/publication/282033160_Municipality_Budget_Rules_and_Debt_is_the_Italian_regulation_effective (accessed: June 21, 2021).
12. Jeong W. *Three Essays on the Relationship Between the Banking Sector, the Real Sector, and the Political Environment*. Morgantown, West Virginia, 1999. 90 p. Available at: <https://www.proquest.com/openview/fa823d149ca5b1cebe7221fccd874d38/1.pdf?pq-origsite=gscholar&cbl=18750&diss=y> (accessed: June 21, 2021).
13. Наумов И.В. Роль финансовых ресурсов банковского сектора экономики в социально-экономическом развитии регионов России // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2020. Т. 13. № 6. С. 152–168. DOI: 10.15838/esc.2020.6.72.9
14. Строгонова Е.И. Финансовые активы домашних хозяйств как источник формирования инвестиционных ресурсов коммерческих банков // *Научный вестник ЮИМ*. 2017. № 1. С. 28–32.
15. Юсупова Л.М., Никонова Т.В., Иванов М.Е. Факторы, определяющие вложение сбережений домашних хозяйств в банковский сектор РФ: современное состояние // *Сервис в России и за рубежом*. 2017. Т. 11. Вып. 5. С. 93–101. DOI: 10.22412/1995-042X-11-5-8
16. Орлов Л.Ф. Теоретические основы формирования финансового потенциала домохозяйств // *Вестник МГОУ. Серия «Экономика»*. 2010. № 3. С. 36–41.
17. Ellis K., Lemma A., Rud J.-P. Financial inclusion, household investment and growth in Kenya and Tanzania. *Project Briefing*, 2010, 43, 4 p.
18. Bouyon S. The impact of banking structural reform on household retail finance, 2014. Available at: <https://www.ceps.eu/ceps-publications/impact-banking-structural-reform-household-retail-finance> (accessed: June 21, 2021).
19. Mwalughali O.G.F. *The impact of community savings and investment promotion program on household income and credit market participation in Kasungu district, Central Malawi*. University of Malawi Bunda College of agriculture, 2013. 128 p. Available at: <https://ageconsearch.umn.edu/record/157595/> (accessed: June 21, 2021).
20. Наумов И.В. Теоретико-методологические основы проектирования балансовой модели воспроизводства инвестиционного потенциала институциональных секторов в региональной системе // *Финансы: теория и практика*. 2019. Т. 23. № 5. С. 101–114.
21. Сотникова Л.Н., Ткачева М.В. Банковская система РФ: состояние и перспективы развития // *Вестник ВГУИТ*. 2015. № 2. С. 260–266.
22. Терехин В.И., Суковатова О.П. Эффективность инвестиционной деятельности в регионе: оценка и планирование // *Социально-экономические явления и процессы*. 2009. № 1(013). С. 86–89.
23. Nguyen C.T., Trinh L.T. The impacts of public investment on private investment and economic growth. Evidence from Vietnam. *Journal of Asian Business and Economic Studies*, 2018, vol. 25, no. 1, pp. 15–32. DOI: 10.1108/JABES-04-2018-0003.
24. Солодкая Т.И., Тали М.М.Т., Индустриев М.А. Эконометрический анализ влияния структуры финансового рынка на экономический рост Российской Федерации // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право*. 2019. Т. 19. Вып. 1. С. 28–35. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-1-28-35>
25. Роль банковского сектора в социально-экономическом развитии стран / Т.В. Погодаева [и др.] // *Финансы и кредит*. 2016. № 10. С. 2–13.
26. Alam Md.S., Rabbani M.R., Tausif M.R., Abey J. Banks' performance and economic growth in India: A panel cointegration analysis. *Economies*, 2021, 9 (1), 38. DOI: <https://doi.org/10.3390/economies9010038>.

27. Paavo E. *The Impact of Commercial Banks Development on Economic Growth in Namibia: Dissertation of Master of Commerce in Development Finance Degree*, 2017. 59 p. Available at: https://open.uct.ac.za/bitstream/handle/11427/28116/thesis_com_2018_paavo_elia.pdf?sequence=1&isAllowed=y (accessed: June 15, 2021).
28. Prochniak M., Wasiak K. The impact of the financial system on economic growth in the context of the global crisis: empirical evidence for the EU and OECD countries. *Empirica*, 2017, no. 44, pp. 295–337. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10663-016-9323-9>.
29. Иванов П.А., Тютюнникова Т.И. Финансовые ресурсы домохозяйств как резерв экономического роста регионов России // *Современные проблемы науки и образования*. 2015. № 1-1. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=18264> (дата обращения 29.06.2021).

Сведения об авторах

Илья Викторович Наумов – кандидат экономических наук, заведующий лабораторией, доцент, Институт экономики Уральского отделения РАН (620014, Российская Федерация, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: naumov.iv@uiec.ru); Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, Российская Федерация, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19)

Наталья Леонидовна Никулина – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения РАН (620014, Российская Федерация, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: nikulina.nl@uiec.ru)

Naumov I.V., Nikulina N.L.

Modeling the Impact of Bank Investments Attracted by Institutional Sectors on the Socio-Economic Development of Russian Regions

Abstract. Banking capital plays a significant role in providing the financial foundations for the development of institutional sectors in regional systems, which include financial and non-financial corporations, households, public administration sector and foreign institutions. However, a study of the processes of banking capital flows between them shows that the banking sector currently does not perform its traditional functions of saving institutional sectors' capital and providing them with loans, but carries out a speculative policy, contributing to a significant outflow of financial resources abroad and causing serious harm to the Russian economy. In this regard, the purpose of the work is to study the imbalances in the processes of banking capital flows between institutional sectors and to model the impact of bank investments attracted by institutional sectors on the socio-economic development of constituent entities of the Russian Federation. We have developed a methodological approach based on the methodology of forming balanced matrices of financial flows between institutional sectors using data from the primary accounting statements of loan institutions, the methodological principle of double entry bookkeeping of the System of National Accounts and methods of regression analysis using panel data. We built matrices of financial flows in the regions, characterizing the processes of bank capital flows between the sector of financial and non-financial corporations, public administration, households and foreign institutions, regression models characterizing the impact of bank investments attracted by each institutional sector on the indicators of socio-economic development of regional systems. The study has found that the capital raised by banks in the sector of non-financial corporations has a positive impact on the dynamics of the gross regional product of Russia's constituent entities, leads to a decrease in unemployment in the regions, the number of people with incomes below the subsistence level, the degree of capital consumption, as well as an increase in the balanced financial performance of enterprises and the average monthly nominal wage.

Key words: bank investments, financial flows, institutional sector, regression analysis, panel data.

Information about the Authors

Il'ya V. Naumov – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, head of laboratory, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Sverdlovsk Oblast, Ykaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: naumov.iv@uiec.ru), Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira Street, Sverdlovsk Oblast, Ykaterinburg, 620002, Russian Federation)

Natal'ya L. Nikulina – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Sverdlovsk Oblast, Ykaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: nikulina.nl@uiec.ru)

Статья поступила 06.07.2021.

Теневая экономика в России: экономико-статистическая оценка масштаба и меры по его сокращению в стране и регионах

**Маргарита Израйлевна
БЕРКОВИЧ**

Костромской государственный университет
Кострома, Российская Федерация
e-mail: m_berkovich@ksu.edu.ru

**Артём Александрович
ШУРЫГИН**

Костромской государственный университет
Кострома, Российская Федерация
e-mail: fly.leave@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-3612-6081

Аннотация. Теневая экономика — одно из наиболее сложных социально-экономических явлений практически любого государства. Теневая экономика, ставшая неотъемлемым структурным элементом хозяйственной системы, оказывает на нее многообразное, порой неоднозначное воздействие. Проблема природы, оценки этого феномена и противодействия ему привлекает внимание ученых, представителей органов власти и профсоюзов, хозяйствующих субъектов в течение длительного времени. В статье на основе обобщения определений теневой (неучтенной) экономики, представленных в современных отечественных и зарубежных источниках, принята оценка данного явления как экономической деятельности субъектов, скрытых от воздействия государственного контроля. В связи с этим приоритетными направлениями исследования могут выступать как выделение факторов, оказывающих значимое влияние на объем и характер теневой

Для цитирования: Беркович М.И., Шурыгин А.А. Теневая экономика в России: экономико-статистическая оценка масштаба и меры по его сокращению в стране и регионах // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 5. С. 70–84. DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.4

For citation: Berkovich M.I., Shurygin A.A. Shadow economy in Russia: Economic and statistical assessment of its scale and the ways of its reduction in the country and regions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 5, pp. 70–84. DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.4

экономики, и разработка мер по ее преодолению, так и поиск более адекватных количественных методов ее оценки на разных уровнях государственного управления. Особый интерес приобретает региональный аспект теневой экономики, недостаточно рассмотренный в публикациях. В статье представлена попытка компенсировать внимание к нему. Цель работы – оценить масштабы теневой экономики страны и отдельных субъектов Российской Федерации на основе обобщения применяемых методов, с использованием официальной статистической информации общероссийских органов: Федеральной службы государственной статистики, Федеральной налоговой службы и их региональных управлений. Научная новизна исследования заключается в корректировке традиционного подхода к оценке теневой экономики налоговым методом, состоящим в элиминировании величины амортизационных отчислений из показателей валовой прибыли экономики и валовых смешанных доходов. Предлагаемый метод апробирован применительно к экономике России и нескольких областей Центрального федерального округа. Выявлены значительные различия в оценке масштабов этого феномена при расчете различными методами. Систематизирован комплекс мер, направленных на снижение скрытого дохода на федеральном и региональном уровнях с учетом особенностей текущей социально-экономической ситуации, осложненной пандемией коронавируса.

Ключевые слова: теневая экономика, косвенные методы, скрытый доход, макроуровень, мезоуровень, региональная экономика.

Влияние «теневиализации» экономики отрицательно сказывается на всей социально-экономической системе страны и ее институциональных основах. Теневая экономика оказывает негативное воздействие на общую структуру производства и потребления, конкурентную среду, существующие условия воспроизводства рабочей силы, распределение налогового бремени, бюджетный процесс, биосферу, деформирует социально-психологические отношения.

Поскольку понятие «теневая экономика» является комплексным и многокомпонентным термином, то имеет место множественность подходов к его определению. Можно считать, что многообразие позиций по этому вопросу обусловлено, в частности, различиями в характере решаемых авторами теоретических и прикладных задач, а также в применяемой ими методологии и методике исследования, постановке целей¹.

Существенный вклад в исследование проблемы внесли российские ученые А.О. Афанасьева [1], А.К. Бекряшев, В.Ю. Буров [2], Е.В. Дробот [3], В.М. Зарубинский, К.А. Се-

меренко [4], И.С. Игнатъев², Н.В. Капитонова, А.А. Капитонова [5], А.П. Киреенко [6], А.В. Костин³, Н.П. Купрещенко [7], Ю.В. Латов [8], А.С. Меньшиков [9], Д.Ю. Федотов, Е.Н. Невзорова, Е.Н. Орлова [10], А.З. Новенькова [11], Б.Т. Рябушкин, Э.Ю. Чурилова [12] и другие.

Контент-анализ отдельных подходов к определению термина «теневая экономика» представлен в *таблице 1*.

Признаки ненаблюдаемой экономики в терминах, применяемых в зарубежной научной литературе, выделены А.П. Киреенко [6].

Ряд исследований, посвященных теоретическим, методологическим и практическим аспектам определения и оценки теневой экономики, проведен Н. Enste [13], F. Schneider [14; 15], E. Friedman, S. Johnson, D. Kaufmann, P. Zoido-Lobaton [16], Y. Eilat, C. Zinnes [17], R. Goel, J.W. Saunoris [18], V. Almenar, J. Sánchez, J. Sapena [19], A.N. Berdiev, J.W. Saunoris [20].

Обобщение этих позиций позволяет определить теневую экономику как явление социально-экономической сферы, которое пред-

¹ Бекряшев А.К. Теневая экономика и экономическая преступность / Омский государственный университет. URL: <https://economics.studio/ekonomika-tenevaya/tenevaya-ekonomika-ekonomicheskaya-prestupnost.html> (дата обращения 10.08.2020).

² Игнатъев И.С. Теневая экономика: политэкономический аспект: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.01. Иваново, 2009. 24 с.

³ Костин А.В. Моделирование, измерение и механизмы возникновения теневой экономики на примере Российской Федерации: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.13. Новосибирск, 2014, 147 с.

Таблица 1. Подходы к определению понятия «теневая экономика»

Автор	Подход к определению
Э. де Сото	Теневая экономика определяется как особый вид хозяйственной деятельности, которая уклоняется от официального учета и контроля и часто (но не всегда) носит противоправный характер ¹⁾
Б.Т. Рябушкин, Э.Ю. Чурилова	Теневая экономика рассматривается с различных точек зрения: – как запрещенный вид экономической и неэкономической деятельности; – скрытое производство; – экономическая деятельность, которая по тем или иным причинам не учитывается официальной статистикой или уходит от налогообложения; – скрываемая или запрещаемая экономическая деятельность ²⁾
В.Ю. Буров	К теневой экономике относится только разрешенная законом экономическая деятельность, то есть не включая полностью криминогенную («черную») часть экономики. При этом теневая экономическая деятельность должна отвечать следующим критериям: – выполняется без официальной регистрации субъекта хозяйствования (правовой подход); – скрыта от учета (учетно-статистический подход); – наносит социально-этический ущерб обществу (социально-этический подход); – наносит экономический ущерб государству (экономический подход) ³⁾
Ю.В. Латов	В соответствии с такими признаками, как скрытый характер экономической деятельности и сила связи с «белой» (официальной) экономикой, выделяется три типа теневой экономики: вторая или «беловоротничковая» экономика, «серая» (неформальная) экономика, «черная» экономика ⁴⁾
<p>Составлено по:</p> <p>¹⁾ Латов Ю.В. Неформальная экономика: тайны трех миров. Рецензия на работу Эрнандо де Сото «Иной путь» // Экономическая теория преступлений и наказаний. Реферативный журнал. Неформальный сектор экономики за рубежом. 2009. № 3. URL: http://corruption.ruh.ru/magazine/2/n2-01.shtml (дата обращения 10.08.2020).</p> <p>²⁾ Рябушкин Б.Т., Чурилова Э.Ю. Методы оценки теневого и неформального секторов экономики: монография. М.: Финансы и статистика, 2003. 142 с.</p> <p>³⁾ Буров В.Ю. Теневая экономика и малое предпринимательство: теоретические и методологические основы исследования: монография. Чита: Забайкальский государственный университет, 2014. 204 с.</p> <p>⁴⁾ Латов Ю.В. Экономика вне закона. Очерки по теории и истории теневой экономики: монография. М.: Московский научный фонд, 2001. 284 с.</p>	

ставляет собой экономическую деятельность хозяйствующих субъектов, скрытую от инструментов государственного контроля.

Несмотря на кажущуюся простоту определения, параметры теневой экономики не поддаются точному измерению, так как практически вся информация, необходимая исследователю, является закрытой или конфиденциальной. В таких случаях применяются косвенные методы (микрометоды) оценки, когда используется открытая информация, позволяющая применять имеющиеся сведения, отражающие определенную взаимосвязь с неучтенными объемами производства товаров и услуг.

Еще более значима проблема определения масштабов теневой экономики на уровне отдельных территориальных единиц страны. Специфика существующих в настоящее время методов оценки данного феномена, как правило, ограничивает возможности их применения на мезоэкономическом уровне.

В России официальная оценка теневой экономики осуществляется уполномоченными органами государственной власти, такими как Федеральная налоговая служба, Федеральная служба государственной статистики, Федеральная служба по финансовому мониторингу, Федеральная служба по труду и занятости и др. Различные негосударственные организации, новостные и аналитические агентства (в том числе зарубежные) также проводят собственные исследования теневого сектора экономики в страновом и отраслевом разрезе.

В 2018 году объем теневой экономики достиг отметки в 20% от ВВП (103,6 трлн руб.), увеличившись в абсолютном выражении на 1,8 трлн руб. (по данным Росфинмониторинга)⁴⁾. Для сравнения, данный объем превышает

⁴⁾ Финансовая разведка оценила в 20 трлн объем теневой экономики в России // АО «РОСБИЗНЕСКОН-САЛТИНГ». URL: <https://www.rbc.ru/economics/22/02/2019/5c6c16d99a79477be70257ee?from=newsfeed> (дата обращения 20.07.2020).

плановые расходы всего федерального бюджета в 2019 году (18 трлн руб.) на 2,7 трлн руб., а в 2020 году (19,5 трлн руб.) – на 1,2 трлн руб.⁵

Действительно, потери государственного бюджета от неучтенной экономической деятельности хозяйствующих субъектов весьма велики. Только за счет неформальной занятости недополученный доход бюджетной системы России ежегодно оценивается почти в 3 трлн руб. (около 3% ВВП), из которых 0,9 трлн руб. – потери за счет неуплаты НДС со скрытых доходов, 2,1 трлн руб. – страховые взносы во внебюджетные фонды (по данным рейтингового агентства «Национальные кредитные рейтинги»)⁶.

В 2019 году Центром социально-политического мониторинга Института общественных наук (ИОН) РАНХиГС был проведен социологический опрос, согласно которому 32,5% жителей России (около 25 млн человек) в той или иной форме причастны к «теневому» рынку труда. При этом за последние четырнадцать лет число неофициально занятых заметно сократилось (на 12,6%, с 45,1% в 2006 году)⁷.

Кроме текущих и ретроспективных оценок масштабов теневой экономической деятельности и потерь от нее существуют исследования, посвященные динамике ее изменения в будущем. Исследование, посвященное перспективной оценке масштабов теневой экономики в страновом разрезе, проведенное международной Ассоциацией дипломированных сертифицированных бухгалтеров (ACCA) в 2017 году, показало, что теневая экономика России применительно к 2020 году оценивается в 39,37% к ВВП. По масштабам теневой экономики в 2011 году Россия находилась на пятом месте в топ-5

крупнейших теневых экономик мира (39,33%) после Шри-Ланки (39,5%). По прогнозу ACCA в 2025 году Россия повысит свое место в этом рейтинге на одну позицию, практически сохранив масштабы теневой экономики на том же уровне (39,3%) – четвертое место после Украины (45,98% ВВП)⁸.

Для оценки уровня теневой экономики в недавнем прошлом широко использовался метод Кауфмана – Калиберда, или метод энергопотребления. Он основан на предположении о том, что динамика потребления электроэнергии должна соответствовать динамике величины ВВП. При этом если существует явное различие между объемом энергопотребления и объемом ВВП за определенный период, то данная разница связывается со скрытым производством и является теневой частью экономики.

Вклад в исследование и развитие данного подхода внес А.В. Костин⁹. В своей работе он предложил модификацию метода Кауфмана – Калиберда и провел оценку доли теневой экономики России (% ВВП), которая позволила установить ее уровень в 2002–2011 гг. – 45–54%.

Еще одним методом, в среде статистиков считающимся незыблемым признаком высокой статистической культуры, является метод «товарных потоков» (грузооборота, товарооборота). Его суть заключается в том, что в отношении конкретной товарной группы отслеживается изменение ее стоимости на всем производственном пути – вплоть до конечного использования.

Цель применения метода – на основе построения балансовой модели обнаружить слабые места в информационной базе. Логика подхода следующая:

1. Определяются суммарные ресурсы на производство конкретного товара (производство + импорт).

2. Определяется суммарная величина использования ресурсов (конечное и промежуточное потребление + накопление + экспорт).

⁸ *Emerging from the shadows: the shadow economy to 2025*. Available at: https://www.accaglobal.com/content/dam/ACCA_Global/Technical/Future/pi-shadow-economy-report.pdf

⁹ Костин А.В. Моделирование, измерение и механизмы возникновения теневой экономики на примере Российской Федерации: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.13. Новосибирск, 2014. 147 с.

⁵ О федеральном бюджете на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов: Федеральный закон от 29.11.2018 № 459-ФЗ (ред. от 02.12.2019), принят Государственной Думой 21 ноября 2018 г.; одобрен Советом Федерации 23 ноября 2018 г. // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 25.07.2020).

⁶ Невидимые граждане: 3 трлн руб. вне поля зрения ФНС из-за теневой занятости // Кредитное рейтинговое агентство НКР. URL: https://www.ratings.ru/files/research/macro/NCR_LaborStat_Dec2019.pdf (дата обращения 26.08.2020).

⁷ «Теневой» рынок труда и предложения по его сокращению // Портал социологических данных РАНХиГС. URL: <https://www.ganepa.ru/images/News/2019-10/15-10-2019-ion.pdf> (дата обращения 03.07.2020).

3. При обнаружении разницы между полученными показателями предстоит решить, какая часть информации — данные по производству или по импорту — более надежна, и на ее основе досчитать другую часть.

Принцип метода очень простой, но воплотить его в жизнь сложно. Практически широкое внедрение метода «товарных потоков» означает, что балансовый метод должен применяться на уровне отраслевой статистики.

В российской практике оценки теневой экономики данный метод используется достаточно редко ввиду сложности его реализации.

Налоговый метод (как разновидность косвенного метода расходов) позволяет относительно полно и точно оценить теневой денежный доход в ВВП страны в целом. Также за счет наличия подробной и публикуемой в открытых источниках информации с достаточным уровнем детализации данный метод возможно использовать и для оценки теневой экономики отдельных регионов, поскольку на региональном уровне специальной оценки масштаба теневой экономики, как правило, не производится.

Налоговый метод основан на сравнении данных Росстата о полученных доходах официально занятого населения с данными Федеральной налоговой службы (ФНС) России о налоговой базе, с которой были фактически уплачены налоги в соответствующие бюджеты страны. При этом отдельно рассчитывается объем теневой экономики по информации Росстата о полученной всеми организациями прибыли в конкретном году. Аналогично ведется расчет скрытой части экономики по данным ФНС. Формула расчета масштабов теневой экономики налоговым методом представлена ниже (формула 1):

$$\begin{aligned} GDP_S &= \frac{GDP - W - T_{Pr} - P_T(P_{St})}{GDP} \times 100\% = \\ &= \frac{P - P_T(P_{St})}{GDP} \times 100\%, \end{aligned} \quad (1)$$

где:

GDP (Gross domestic product) — валовой внутренний продукт;

GDP_S (Shadow gross domestic product) — доля теневой экономики в ВВП страны, %;

W (Wage) — оплата труда наемных работников (без учета скрытой оплаты труда и смешанных доходов), то есть легальная заработная плата (без теневой составляющей);

P (Profit) — валовая прибыль экономики и валовые смешанные доходы;

T_{Pr} (Net production taxes) — чистые налоги на производство (налог на имущество организаций, транспортный налог и налог на землю, уплачиваемые юридическими лицами, лицензионные сборы);

P_T (Profit included in the corporate income tax base) — легальная прибыль, включенная в налоговую базу по налогу на прибыль организаций;

P_{St} (Statistical profit) — прибыль, отраженная в статистической отчетности организаций.

ФНС России собирает и анализирует информацию о налоговой базе и структуре начислений по налогу на прибыль организаций, которую предоставляют экономические субъекты, в одноименном отчете (форма № 5-П). Агрегированная информация в целом по Российской Федерации и в разрезе субъектов открыто публикуется на сайте ФНС¹⁰. Значение величины налоговой базы для исчисления налога в отчете принимается в качестве показателя P_T для определения масштаба теневой экономики страны налоговым методом.

Аналогичный расчет осуществляется с использованием данных официального статистического ежегодника и других публикаций Федеральной службы государственной статистики (Росстат, ФСГС). В этом случае в качестве показателя P_{St} принимается величина прибыли (убытка) до налогообложения по данным бухгалтерской отчетности по полному кругу организаций всех форм собственности (соответствующая информация представлена в Единой межведомственной информационно-статистической системе (ЕМИСС)). Росстат открыто публикует информацию о всех названных выше показателях, составляющих формулу GDP_S.

¹⁰ Отчет о налоговой базе и структуре начислений по налогу на прибыль организаций // Официальный сайт Федеральной налоговой службы. URL: https://www.nalog.ru/rn44/related_activities/statistics_and_analytics/forms/ (дата обращения 05.08.2020).

Перечисленной выше информации, по мнению некоторых авторов [10], достаточно для определения масштабов теневой экономики. Однако предложенная методика не учитывает, что показатель валовой прибыли экономики и валовых смешанных доходов (Р) в чистом виде не отражает реальный объем прибыли, который потенциально может быть задействован в теневом экономическом обороте. Это связано с особенностями методологии Росстата, используемой для расчета ВВП «по доходам» (распределительный метод). Согласно принятой методологии, показатель валовой прибыли и валового смешанного дохода представляет собой часть добавленной стоимости, которая остается у производителей после вычета расходов, связанных с оплатой труда наемных работников, и чистых налогов на производство и импорт. Следовательно, данный показатель включает в себя величину потребления основного капитала (износа, амортизации), которая превышает возможный объем теневого оборота в показателе Р.

Таким образом, для повышения объективности оценки теневой экономики с помощью налогового метода целесообразно скорректировать параметр Р на величину амортизации основных фондов коммерческих и некоммерческих организаций (данный показатель публикуется в статистических ежегодниках Росстата, а также отражен в ЕМИСС). Отметим, что эта величина отражает главным образом деятель-

ность крупного и среднего бизнеса, поскольку не включает в себя амортизацию основных фондов субъектов малого предпринимательства (в т. ч. индивидуальных предпринимателей). В таком случае формула примет следующий вид:

$$GDP_S = \frac{GDP - W - T_{Pr} - A_{CO} - A_{NCO} - P_T(P_{St})}{GDP} \times 100\% = \frac{P' - P_T(P_{St})}{GDP} \times 100\%, \quad (2)$$

где:

A_{CO} (Amortization commercial organizations) – амортизация основных фондов, начисленная за отчетный год в коммерческих организациях (без субъектов малого предпринимательства);

A_{NCO} (Amortization non commercial organizations) – начисленный за год учетный износ основных фондов (амортизация и износ, отражаемые в бухгалтерском учете и отчетности) некоммерческих организаций;

P' – валовая прибыль экономики и валовые смешанные доходы, скорректированные на величину амортизации.

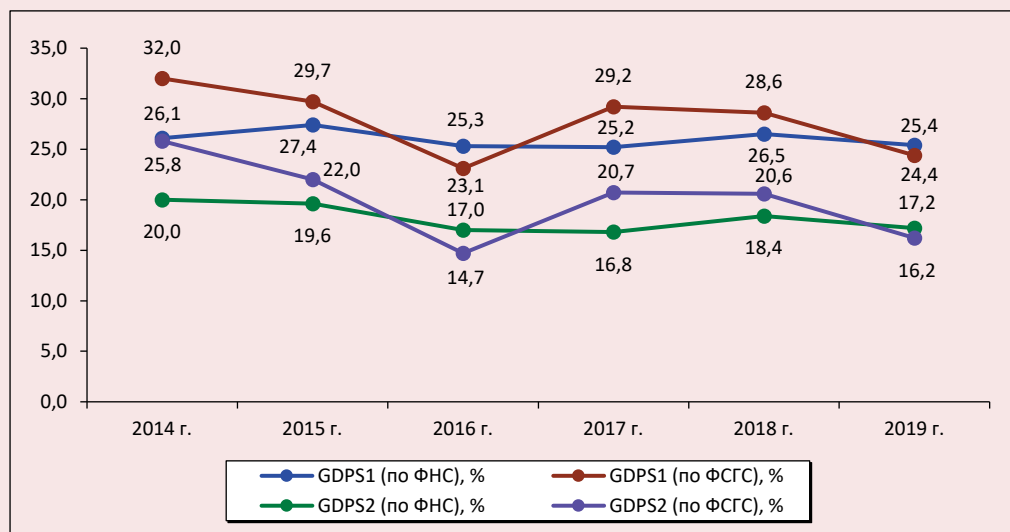
Рассмотрим применение налогового метода для анализа теневой экономической активности на уровне России в целом, а также отдельных регионов (на примере Костромской области).

Результаты расчета объема теневого дохода налоговым методом до и после корректировки (GDP_{S1} и GDP_{S2}) по информации ФНС и Росстата представлены в *таблице 2* и на *рисунке 1*.

Таблица 2. Применение налогового метода для определения масштаба теневой экономики России за период 2014–2019 гг.

Показатель	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
GDP, млрд руб.	79 030,00	83 087,40	85 616,10	91 843,20	104 629,60	110 046,00
W, млрд руб.	37 439,00	39 748,90	41 237,50	43 897,50	47 107,30	50 321,10
T_{Pr} , млрд руб.	10 998,40	9 263,80	9 405,00	9 973,10	11 906,20	12 526,10
P, млрд руб.	30 592,60	34 074,70	34 973,60	37 972,60	45 616,10	47 198,80
A_{CO} , млрд руб.	4 751,93	5 297,69	5 823,77	6 300,56	7 009,97	7 379,86
A_{NCO} , млрд руб.	126,75	1 145,90	1 350,60	1 457,51	1 427,68	1 629,58
P' , млрд руб.	25 713,92	27 631,11	27 799,23	30 214,53	37 178,45	38 189,36
P_T , млрд руб.	9 943,26	11 330,24	13 282,70	14 830,09	17 940,46	19 234,19
P_{St} , млрд руб.	5 341,79	9 366,04	15 178,37	11 169,99	15 658,62	20 373,24
GDP_{S1} (по ФНС), % к ВВП	26,1	27,4	25,3	25,2	26,5	25,4
GDP_{S1} (по ФСГС), % к ВВП	32,0	29,7	23,1	29,2	28,6	24,4
GDP_{S2} (по ФНС), % к ВВП	20,0	19,6	17,0	16,8	18,4	17,2
GDP_{S2} (по ФСГС), % к ВВП	25,8	22,0	14,7	20,7	20,6	16,2
Составлено по: данные Росстата, ЕМИСС, ФНС.						

Рис. 1. Динамика теневой экономики в России в 2014–2019 гг. (до и после корректировки), % к ВВП

Составлено по: расчеты авторов.

На рис. 1 наглядно видно, как изменялись масштабы теневой экономики России в % к ВВП, рассчитанные налоговым методом. При этом корректировка на величину начисленного износа основных фондов (амортизации) позволила уточнить оценку теневой экономики России и избежать ее завышения на величину от 6 до 8,5%. Дальнейший анализ проведен именно по скорректированным показателям GDP_{S2} .

Данные рис. 1 свидетельствуют, что показатели объема теневой экономики, рассчитанные с использованием информации Росстата, отличаются в большую сторону от показателей, рассчитанных по данным налоговой отчетности (за исключением 2016 г.), в связи с различиями в методологии формирования показателя, отражающего официально зарегистрированную прибыль хозяйствующих субъектов.

При этом наибольшие колебания скрытого ВВП демонстрирует график на основе данных Росстата. График динамики анализируемого показателя, рассчитанного по данным ФНС, более пологий и демонстрирует незначительные изменения с 2016 года. С 2014 года также наблюдается общая тенденция к сокращению объемов теневой экономики по расчетным данным ФСГС.

Исследователи налогового метода полагают, что большей достоверностью обладают данные,

отраженные в налоговой, а не статистической отчетности, поскольку за искажение налоговых данных предусмотрены меры ответственности, стимулирующие организации указывать достоверные сведения.

За рассматриваемый период 2014–2019 гг. в общей величине прибыли в ВВП России теневая часть варьируется по оценке с использованием данных ФСГС в пределах 14–26%, с использованием данных ФНС – 16–20%. В 2019 году объем теневых доходов в ВВП составил по расчетам на основе данных ФСГС около 17,8 трлн руб., на основе данных ФНС – 18,9 трлн руб.

Далее осуществлена оценка теневой экономики на мезоуровне (на примере Костромской области) с использованием налогового метода. Расчет проведен аналогично по методологии и формулам, представленным выше. Однако источниками основной статистической информации об объемах и структуре ВРП региона явились сборники, доклады и публикации соответствующего территориального органа Федеральной службы государственной статистики (в нашем случае Костромастата). Информация о налоговой базе для исчисления налога на прибыль по данным ФНС также представлена в отчетах по форме статистической налоговой отчетности № 5-П в разрезе субъектов.

Результаты расчета масштабов теневой экономики Костромского региона до и после корректировки отражены в *таблице 3* и на *рисунке 2*.

Значения доли теневого дохода в ВРП Костромской области значительно варьируются в зависимости от источника информации о прибыли организаций за год. Корректировка показателя валовой прибыли экономики и валовых смешанных доходов на объем амортизации ос-

новных фондов коммерческих и некоммерческих организаций заметно снизила результирующий показатель на величину от 5,6 до 7,7% в зависимости от конкретного периода.

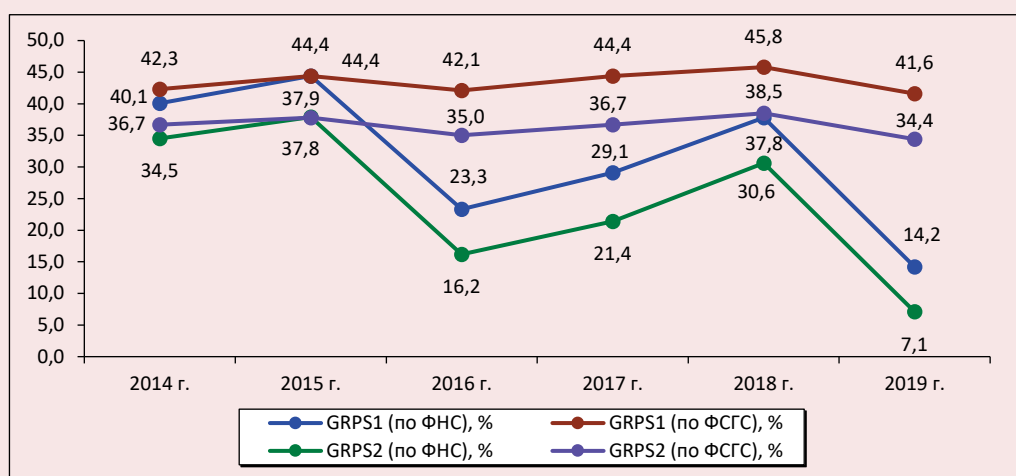
Расчет объема теневой экономики региона по данным ФНС России демонстрирует явный понижающий тренд (с 34,5% в 2014 году до 7,1% в 2019 году), а график теневой части ВРП региона, полученный с использованием данных ФСГС и Костромастата о прибыли до налого-

Таблица 3. Применение налогового метода для определения масштаба теневой экономики Костромской области за период 2014–2019 гг.

Показатель	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
GRP, млн руб.	146 731,50	160 579,80	158 127,50	166 945,30	180 287,20	191 450,80 ¹
W, млн руб.	70 428,80	72 624,80	73 833,40	80 202,60	87 546,90	95 038,10 ¹
T _{Pr} , млн руб.	2 288,90	2 440,20	2 329,70	2 474,20	2 755,10	2 761,50 ¹
P, млн руб.	74 013,80	85 514,80	81 964,40	84 268,50	89 985,20	93 651,20 ¹
A _{CO} , млн руб.	7 914,00	8 293,00	8 965,00	10 291,12	10 487,38	11 449,18
A _{NGO} , млн руб.	321,00	2 258,00	2 294,00	2 640,27	2 638,84	2 197,43
P _{>} , млн руб.	65 778,80	74 963,80	70 705,40	71 343,11	76 858,98	80 004,59
P _T , млн руб.	15 105,78	14 154,20	45 066,77	35 684,86	21 757,06	66 448,89
P _{SP} , млн руб.	11 894,49	14 235,65	15 421,20	10 089,37	7 363,95	14 096,75
GRP _{S1} (по ФНС), % к ВРП	40,1	44,4	23,3	29,1	37,8	14,2
GRP _{S1} (по ФСГС), % к ВРП	42,3	44,4	42,1	44,4	45,8	41,6
GRP _{S2} (по ФНС), % к ВРП	34,5	37,9	16,2	21,4	30,6	7,1
GRP _{S2} (по ФСГС), % к ВРП	36,7	37,8	35,0	36,7	38,5	34,4

¹ по первой оценке Росстата.
Составлено по: данные Росстата, Костромастата, ЕМИСС, ФНС.

Рис. 2. Динамика теневой экономики в Костромской области в 2014–2019 гг. (до и после корректировки), % к ВРП

Составлено по: расчеты авторов.

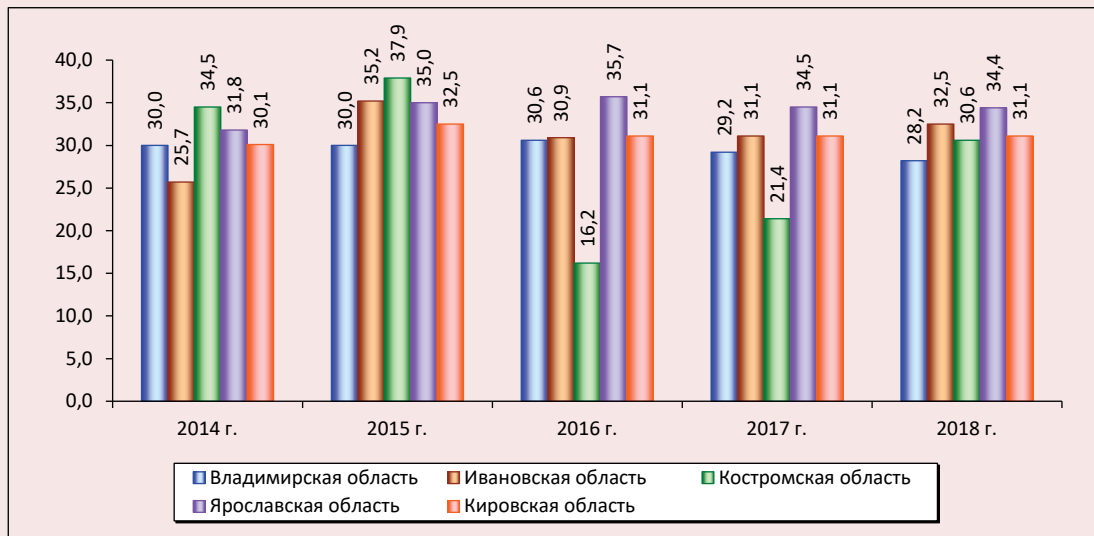
обложения, демонстрирует меньшую изменчивость. По скорректированным на величину амортизации данным величина теневой части ВРП региона за рассматриваемый период находилась в коридоре 34,4–38,5%.

В 2019 году величина теневой прибыли в ВРП Костромской области составила по расчетам на основе данных ФСГС и Костромаста-

та около 65,9 млрд руб., на основе данных ФНС – 13,6 млрд руб.

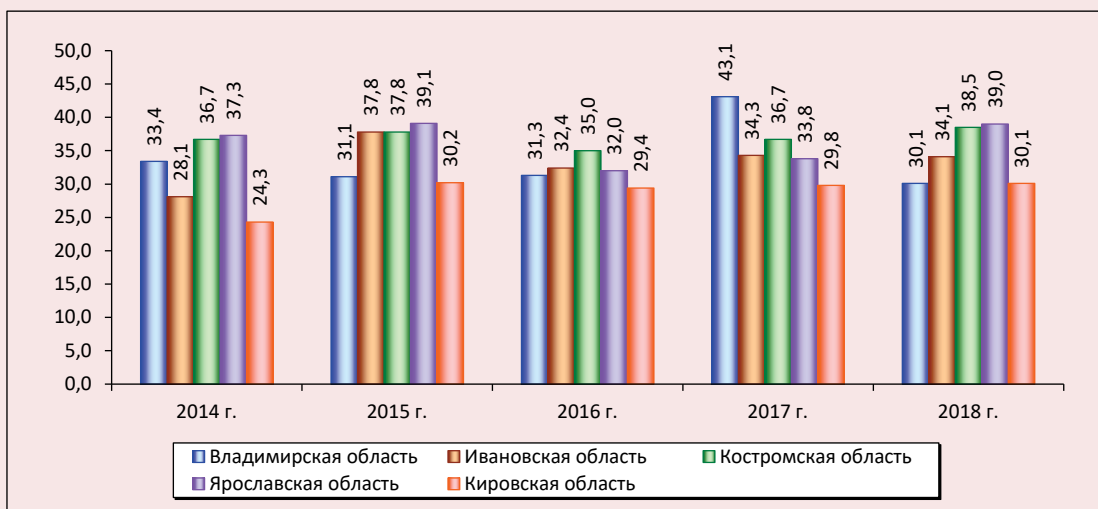
Для сравнения приведены расчеты динамики теневой части ВРП налоговым методом по четырем регионам (Владимирская, Ивановская, Ярославская и Кировская области) с учетом корректировки на величину амортизации по данным ФНС (рис. 3) и ФСГС (рис. 4).

Рис. 3. Динамика теневой экономики в разрезе областей в 2014–2018 гг. (с использованием данных ФНС), % к ВРП

Составлено по: расчеты авторов.

Рис. 4. Динамика теневой экономики в разрезе областей в 2014–2018 гг. (с использованием данных ФСГС), % к ВРП

Составлено по: расчеты авторов.

Представленные на рис. 3 и 4 данные ярко демонстрируют значительное различие результатов в зависимости от выбранного источника данных. Так, на рис. 3 заметен явный перевес по объемам теневой части в ВВП региона в Ярославской области в 2016–2018 гг. При этом за аналогичный период Костромской регион по величине теневой экономики демонстрирует улучшение (сокращение показателя, особенно в 2016 году – 16,2%). Также наиболее стабильную понижательную динамику демонстрирует гистограмма по Владимирской области.

Иную ситуацию показывает гистограмма на рис. 4, построенная с использованием данных ФСГС о прибыли до налогообложения. Относительно других областей объемы теневых доходов в ВВП Костромской области довольно высоки, однако наибольшая доля «тени» в ВВП региона отмечена в 2017 году во Владимирской области (43,1%). Согласно рис. 3, теневой доход в ВВП Кировской области демонстрирует более стабильную динамику.

Из результатов расчетов видно, что величина теневой части ВВП в процентном выражении на макроуровне ниже, чем аналогичный показатель в ВВП рассматриваемых территориальных субъектов. При этом если по России в целом прослеживается положительная динамика (то есть сокращение теневой части ВВП), то в разрезе отдельных регионов не все так однозначно, следовательно, необходимо уделять особое внимание конкретным регионам с наибольшим показателем доли теневой экономики в ВВП страны (GRP_S).

Требуется активная работа политических и социально-экономических институтов государства по разработке эффективных мер противодействия расширению и, далее, сокращению теневых секторов экономики. Особенно перспективными видятся меры превентивного характера, стимулирующие экономических агентов самостоятельно выйти «из тени» и вести свою деятельность легально. К числу важнейших мер, предпринимаемых в настоящее время, относятся следующие (табл. 4).

Таблица 4. Меры по сокращению теневой экономики

Мера	Цель	Действие	Результат
Регуляция Банка России	Сокращение оттока капитала из страны, сопровождающееся параллельно избавлением системы от слабых игроков или тех, кто ведет рискованную кредитную политику	Валютное регулирование и контроль ¹⁾ , отзыв лицензий у недобросовестных банков	За период 2005–2016 гг. Банком России было отозвано свыше 750 лицензий. Отток капитала из страны за счет сомнительных операций сократился до \$0,5 млрд к 2016 году ²⁾
	Предоставление необходимой информации об уровне риска вовлеченности в проведение сомнительных операций потенциальных и существующих клиентов банков	Запуск во второй половине 2021 года платформы для банков «Знай своего клиента»	Платформа позволит распределять клиентов банков по зонам рисков на основании объективных критериев с точки зрения проведения операций в целях легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма
Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» ³⁾	Защита прав и законных интересов граждан, общества и государства путем создания правового механизма противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения	Регулирование вопросов в сфере противодействия отмыванию денег, финансированию терроризма, распространению оружия массового уничтожения	Сокращение объема сомнительных операций: в 2020 году объем вывода денежных средств за рубеж в банковском секторе сократился с 816 млрд руб. в 2014 году до 53 млрд руб. Объемы обналичивания денежных средств в банковском секторе также сократились – с 681 млрд руб. в 2014 году до 78 млрд руб. в 2020 году ⁴⁾

Продолжение таблицы 4

Мера	Цель	Действие	Результат
Федеральный закон от 24.11.2014 № 376-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации (в части налогообложения прибыли контролируемых иностранных компаний и доходов иностранных организаций)» ⁵⁾	Повышение собираемости налогов, усложнение отмывания криминальных денег и большая ясность о собственных предприятиях	Закон впервые: – вводит механизм налогообложения в России прибыли контролируемых иностранных компаний (прежде всего офшорных); – изменяет правила признания организаций налоговыми резидентами РФ, вводя критерий «места фактического управления»; – существенно дополняет нормы НК РФ о налогообложении доходов иностранных организаций; – ограничивает применение международных соглашений об избежании двойного налогообложения с помощью правила «фактического получателя дохода» ⁶⁾	Корректировка существующего налогового законодательства частично позволила повысить собираемость налогов
Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»	Сокращение фирм-однодневок	Актуализация ФНС сведений реестра о недостоверных данных, массовых адресах и «массовых подписантах»	К началу 2016 года число однодневок снизилось с 45 до 15 % от числа зарегистрированных компаний; в 2018 году доля таких компаний в российском бизнесе упала до рекордно низких 7% ⁷⁾
Федеральный закон от 22.05.2003 № 54-ФЗ «О применении контрольно-кассовой техники при осуществлении расчетов в Российской Федерации» ⁸⁾	Сокращение неучтенного наличного оборота и практики выплаты серых зарплат организациями и индивидуальными предпринимателями	Введение обязательных онлайн-касс	В результате этих мер неучтенный наличный оборот исчезает как в рознице, так и у всех поставщиков и производителей. Серые зарплаты также уходят в прошлое: у предприятий истощаются источники неучтенных наличных, чтобы платить зарплаты «в конвертах»
Цифровизация	Повышение государственного контроля над оборотом денежных средств. Повышение прозрачности операций и возможности бороться с коррупцией, незаконными сделками и уклонением граждан от уплаты налогов	Уход от наличных денег в расчетах; Технология Блокчейн; Криптовалюта	В 2020 году был принят Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» ⁹⁾ , который на законодательном уровне закрепил использование подобных средств
Федеральный закон от 08.06.2020 № 172-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации» ¹⁰⁾	Поддержка и восстановление экономики в период пандемии COVID-19. Экономическая поддержка хозяйствующих субъектов (в особенности малого и среднего предпринимательства (МСП))	Расширение мер экономической помощи и налоговых послаблений от государства для хозяйствующих субъектов, наиболее пострадавших от пандемии COVID-19	Освобождены от уплаты налогов следующие категории налогоплательщиков: – ИП, занятые в наиболее пострадавших отраслях; – юридические лица, которые включены на основании налоговой отчетности за 2018 год в реестр МСП, занятые в наиболее пострадавших отраслях экономики; – юридические лица, включенные в реестр СОНКО, которые с 2017 года являются получателями грантов Президента РФ, субсидий и грантов в рамках специальных программ; – централизованные религиозные организации, учрежденные ими СОНКО, а также религиозные организации, входящие в структуру централизованных религиозных организаций; – НКО, включенные в реестр некоммерческих организаций, в наибольшей степени пострадавших из-за распространения новой коронавирусной инфекции

Окончание таблицы 4

Мера	Цель	Действие	Результат
Постановление от 03.04.2020 № 434 «Об утверждении перечня отраслей российской экономики, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции» ¹¹⁾	Поддержка и восстановление экономики в период пандемии COVID-19. Экономическая поддержка хозяйствующих субъектов (в особенности малого и среднего предпринимательства (МСП))	Прямая финансовая помощь малым и средним организациям и ИП из наиболее пострадавших от COVID-19 сфер экономики на безвозмездной основе	Смягчение последствий пандемии для субъектов МСП и поддержка функционирования хозяйствующих субъектов
Национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы»	Всестороннее улучшение предпринимательского климата в России	В его структуру входят пять федеральных проектов: – расширение доступа субъектов МСП к финансовым ресурсам, в том числе льготному финансированию; – улучшение условий ведения предпринимательской деятельности; – акселерация субъектов МСП; – создание системы поддержки фермеров и развитие сельской кооперации; – популяризация предпринимательства	Проекты призваны увеличить количество занятых в сфере малого и среднего бизнеса до 25 млн чел. к 2024 году, нарастить долю МСП в ВВП страны до 32%, а долю экспорта субъектов МСП – до 10% от общего объема

¹⁾ О валютном регулировании и валютном контроле: Федеральный закон № 173-ФЗ от 10 декабря 2003 г. (ред. от 08.12.2020): принят Государственной Думой 21 ноября 2003 г.: одобрен Советом Федерации 26 ноября 2003 г. // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45458/ (дата обращения 21.12.2020).

²⁾ Данилов А. Лишние игроки. Чистка банковского сектора – это реакция на отток капитала из страны // Forbes. 2017. 5 апреля. URL: <https://www.forbes.ru/finansy-i-investicii/341387-lishnie-igroki-chistka-bankovskogo-sektora-eto-reakciya-na-ottok> (дата обращения 23.12.2020).

³⁾ О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: Федеральный закон № 115-ФЗ от 7 августа 2001 г. (ред. от 08.12.2020): принят Государственной Думой 13 июля 2001 г.: одобрен Советом Федерации 20 июля 2001 г. // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32834/ (дата обращения 21.12.2020).

⁴⁾ Противодействие отмыванию денег и валютный контроль // Банк России: офиц. сайт. URL: https://cbr.ru/counteraction_m_ter/ (дата обращения 22.12.2020).

⁵⁾ О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации (в части налогообложения прибыли контролируемых иностранных компаний и доходов иностранных организаций): Федеральный закон № 376-ФЗ от 24 ноября 2014 г. (ред. от 12.11.2018): принят Государственной Думой 18 ноября 2014 г.: одобрен Советом Федерации 19 ноября 2014 г. // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171241/ (дата обращения 20.12.2020).

⁶⁾ Зогуля Т. Опасные тренды налогового контроля 2020 // Клерк. 2020. 7 февраля. URL: <https://www.klerk.ru/blogs/zozula/495489/> (дата обращения 24.12.2020).

⁷⁾ Водчиц Д. Ненстоящий бизнес. Как в России борются с фирмами-однодневками // Forbes. 2018. 9 июля. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/364015-nenastoyashchiy-biznes-kak-v-rossii-boryutsya-s-firmami-odnodnevnikami> (дата обращения 24.12.2020).

⁸⁾ О применении контрольно-кассовой техники при осуществлении расчетов в Российской Федерации: Федеральный закон № 54-ФЗ от 22 мая 2003 г. (ред. от 01.10.2020): принят Государственной Думой 25 апреля 2003 г., одобрен Советом Федерации 14 мая 2003 г. // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_42359/ (дата обращения 20.12.2020).

⁹⁾ О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон № 259-ФЗ от 31 июля 2020 г.: принят Государственной Думой 22 июля 2020 г., одобрен Советом Федерации 24 июля 2020 г. // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/ (дата обращения 21.12.2020).

¹⁰⁾ О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации: Федеральный закон № 172-ФЗ от 8 июня 2020 г.: принят Государственной Думой 22 мая 2020 г., одобрен Советом Федерации 2 июня 2020 г. // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_354470/ (дата обращения 21.12.2020).

¹¹⁾ Об утверждении перечня отраслей российской экономики, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции: Постановление Правительства РФ № 434 от 3 апреля 2020 г. // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349344/ (дата обращения 22.12.2020).

Перечисленные меры носят конкретный практический характер, то есть уже сегодня проводятся уполномоченными на то государственными органами и организациями.

Что касается экономической поддержки хозяйствующих субъектов (в особенности малого и среднего предпринимательства (МСП)), то расширяются меры экономической помощи и налоговых послаблений от государства. Наиболее ярко это видно в период пандемии коронавируса. Например, согласно Федеральному закону от 08.06.2020 № 172-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации» освобождены от уплаты налогов отдельные категории налогоплательщиков¹¹. Представляется значимым и символическим, что эпидемия актуализировала важность и эффективность прозрачного ведения бизнеса, поскольку существенная финансовая поддержка оказывалась тем хозяйствующим субъектам, которые представляли отчетность, адекватную своей хозяйственной деятельности.

Пострадавшие отрасли Правительство РФ утвердило Постановлением от 03.04.2020 № 434 «Об утверждении перечня отраслей российской экономики, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции». В перечне названы общепит, сфера услуг и развлечений, гостиничный бизнес, кинотеатры и другие отрасли¹².

Важно отметить, что в большинстве регионов имеются собственные меры по поддержке субъектов МСП. Например, в Костромской области действует Постановление Администрации города Костромы от 18.09.2019 № 1721

¹¹ О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации: Федеральный закон № 172-ФЗ от 8 июня 2020 г. (ред. от 15.10.2020): принят Государственной Думой 22 мая 2020 г., одобрен Советом Федерации 2 июня 2020 г. // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_354470/ (дата обращения 20.12.2020).

¹² Об утверждении перечня отраслей российской экономики, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции: Постановление Правительства Российской Федерации № 434 от 3 апреля 2020 г. (ред. от 16.10.2020) // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349344/ (дата обращения 22.12.2020).

«Об утверждении Порядка предоставления из бюджета города Костромы субсидий субъектам малого и среднего предпринимательства, осуществляющим приоритетные для города Костромы виды экономической деятельности, в целях частичного возмещения затрат», в соответствии с которым в случае прохождения конкурса по конкретному направлению субъекту МСП может быть обеспечено:

- частичное возмещение затрат на оплату процентов за пользование денежными средствами по кредитным договорам;
- частичное возмещение затрат на обучение или повышение квалификации субъектов малого и среднего предпринимательства и их сотрудников;
- частичное возмещение затрат на участие в выставочно-ярмарочных мероприятиях¹³.

Кроме того, усилиями администрации и предпринимательского сообщества региона в перечень пострадавших отраслей было добавлено производство ювелирных изделий, являющееся одним из главных видов экономической деятельности в Костромской области.

Таким образом, реализуется комплекс мер по противодействию теневой экономике и ее «обелению» как на уровне страны в целом, так и на уровне отдельных регионов в частности. При этом мероприятия не ограничиваются мерами принудительного, карательного и запретительного воздействия. Отрадно, что поощрительные мероприятия и финансовая помощь также осуществляется на государственном уровне и доказывают свою эффективность.

Заключение

Актуализировано различие подходов ведущих экономических ведомств: Федеральной службы государственной статистики и Федеральной налоговой службы – к определению масштабов теневой экономики на макро- и мезоэкономическом уровнях, что проявляется в значительном расхождении объемных ее показателей.

¹³ Об утверждении Порядка предоставления из бюджета города Костромы субсидий субъектам малого и среднего предпринимательства, осуществляющим приоритетные для города Костромы виды экономической деятельности в целях частичного возмещения затрат: Постановление Администрации города Костромы № 1721 от 18 сентября 2019 г. // Кодекс: электр. фонд правовой и нормативно-технической информации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/561557333> (дата обращения 21.12.2020).

Предложен усовершенствованный метод определения теневой экономики, основанный на корректировке величины амортизации основных фондов показателей валовой прибыли и валовых смешанных доходов коммерческих и некоммерческих организаций, что повышает объективность оценки теневой экономики. Данный метод продемонстрировал применимость как при оценке теневой

экономики на макроуровне (в масштабах страны), так и на мезоуровне (пять субъектов РФ).

Структурирован, в разрезе институционального инструментария, комплекс мер по «обелению» теневой экономики, а также рассмотрены региональные действия, способствующие выходу экономики «из тени», учитывающие особенности пандемии коронавируса.

Литература

1. Афанасьева А.О. Особенности теневой экономики в различных по уровню развития экономики группах стран // Научные записки молодых исследователей. 2019. Т. 7. № 3. С. 74–82.
2. Буров В.Ю. Теневая экономика и малое предпринимательство: теоретические и методологические основы исследования: монография. Чита: Забайкальский государственный университет, 2014. 204 с.
3. Дробот Е.В., Макаров И.Н. Оценка факторов и стрессоров теневой экономики: мировой опыт // Теневая экономика. 2021. Т. 5. № 1. С. 53–77. DOI: 10.18334/tek.5.1.112236
4. Зарубинский В.М., Семеренко К.А. Новые подходы к определению уровня теневой экономики // Теневая экономика. 2021. Т. 5. № 2. С. 95–112. DOI: 10.18334/tek.5.2.112015
5. Капитонова Н.В., Капитонова А.А. Теневая экономика в условиях пандемии COVID-19 в России // Теневая экономика. 2020. Т. 4. № 4. С. 193–204. DOI: 10.18334/tek.4.4.111865
6. Киреенко А.П., Федотов Д.Ю., Невзорова Е.Н. Теневая экономика и уклонение от уплаты налогов: монография. Иркутск: Иркутский государственный университет путей сообщения, 2017. 200 с.
7. Купрещенко Н.П. Теоретико-методологические основы оценки теневой экономики при обеспечении экономической безопасности России: монография. М.: ИТК «Дашков и К», 2019. 215 с.
8. Латов Ю.В. Экономика вне закона. Очерки по теории и истории теневой экономики: монография. М.: Московский научный фонд, 2001. 284 с.
9. Меньшиков А.С. Методы оценки количественной составляющей теневой экономики Российской Федерации // Теневая экономика. 2020. Т. 4. № 3. С. 111–126. DOI: 10.18334/tek.4.3.110873
10. Федотов Д.Ю., Невзорова Е.Н., Орлова Е.Н. Налоговый метод расчета величины теневой экономики российских регионов // Финансы и кредит. 2016. № 15. С. 20–23.
11. Новенькова А.З. Особенности теневого сектора региональной экономики // Теневая экономика. 2017. № 1. DOI: 10.18334/tek.1.1.37630
12. Рябушкин Б.Т., Чурилова Э.Ю. Методы оценки теневого и неформального секторов экономики: монография. М.: Финансы и статистика, 2003. 142 с.
13. Enste D.H. *The shadow economy in industrial countries*. IZA World of Labor, 2018. Available at: <https://wol.iza.org/uploads/articles/457/pdfs/shadow-economy-in-industrial-countries.pdf>.
14. Schneider F. Shadow economies and corruption all over the world: New estimates for 145 countries. *Economics: The Open-Access, Open-Assessment E-Journal*, 2007, no. 1, pp. 1–66.
15. Enste D.H., Schneider F. Shadow economies: Size, causes, and consequences. *Journal of Economic Literature, American Economic Association*, 2000, vol. 38(1), pp. 77–114.
16. Friedman E., Johnson S., Kaufmann D., Zoido-Lobaton P. Dodging the Grabbing Hand: The determinants of unofficial activity in 69 countries. *Institutional & Transition Economics eJournal*, 1999. Available at: <https://pages.ucsd.edu/~aronatas/project/academic/unofficial%20economy%20by%20friedman%20et%20al.pdf>.
17. Eilat Y., Zinnes C. The Shadow economy in transition countries: Friend or foe? A policy perspective. *World Development*, 2002, vol. 30, no. 7, p. 1237.
18. Goel R.K., Saunoris J.W., Schneider F. Growth in the shadows: Effect of the shadow economy on U.S. economic growth over more than a century. *Contemporary Economic Policy*, 2019, vol. 37, issue 1, pp. 50–67.
19. Almenar V., Sánchez J., Sapena J. Measuring the shadow economy and its drivers: The case of peripheral EMU countries. *Economic Research-Ekonomska Istraživanja*, 2020, vol. 33, pp. 2904–2918.
20. Berdiev A.N., Saunoris J.W. Financial development and the shadow economy: A panel VAR analysis. *Economic Modelling*, 2016, vol. 57(C), pp. 197–207.

Сведения об авторах

Маргарита Израйлевна Беркович – доктор экономических наук, профессор, директор, институт управления экономики и финансов, Костромской государственной университет (156000, Российская Федерация, г. Кострома, ул. Дзержинского, д. 17; e-mail: m_berkovich@ksu.edu.ru)

Артём Александрович Шурыгин – магистр, Костромской государственной университет (156000, Российская Федерация, г. Кострома, ул. Дзержинского, д. 17; e-mail: fly.leave@yandex.ru)

Berkovich M.I., Shurygin A.A.

Shadow Economy in Russia: Economic and Statistical Assessment of Its Scale and the Ways of Its Reduction in the Country and Regions

Abstract. The shadow economy is one of the most complex socio-economic phenomena in almost any state. The shadow economy, which has become an integral structural element of an economic system, has a diverse and sometimes ambiguous impact on it. The nature and assessment of this phenomenon and the ways to deal with it have been in the focus of attention of scientists, government authorities, trade unions, and economic entities for a long time. Having reviewed the definitions of the shadow (underground) economy that are suggested by modern domestic and foreign sources, we consider this phenomenon as an economic activity of actors that are hidden from the influence of state control. In this regard, we can highlight the following priority areas of research: identification of factors that have a significant impact on the volume and nature of the shadow economy, development of measures to overcome it, and search for more adequate quantitative methods for its assessment at different levels of public administration. Of particular interest is the regional aspect of the shadow economy, which is not given due attention in publications. The article presents an attempt to compensate for this lack of attention. The aim of the work is to assess the scale of the shadow economy nationwide and in Russia's individual constituent entities on the basis of generalization of the methods applied and with the use of official statistical information of all-Russian agencies: the Federal State Statistics Service, the Federal Tax Service and their regional offices. Scientific novelty of the study lies in adjusting the traditional approach to the assessment of the shadow economy by the tax method, which consists in eliminating the amount of depreciation deductions from the indicators of gross profit of the economy and gross mixed income. The proposed method has been tested on the economy of Russia and several regions of the Central Federal District. We have revealed significant differences in the estimation of the scale of this phenomenon if various calculation methods are used. We review a set of measures aimed at reducing hidden income at the federal and regional levels, taking into account the current socio-economic situation complicated by the coronavirus pandemic.

Key words: shadow economy, indirect methods, hidden income, macro-level, meso-level, regional economy.

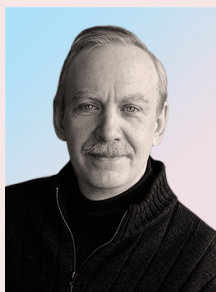
Information about the Authors

Margarita I. Berkovich – Doctor of Sciences (Economics), Professor, director, Institute of Management of Economics and Finance, Kostroma State University (17 Dzerzhinsky Street, Kostroma, 156000, Russian Federation; e-mail: m_berkovich@ksu.edu.ru)

Artem A. Shurygin – Master, Kostroma State University (17, Dzerzhinsky Street, Kostroma, 156000, Russian Federation; e-mail: fly.leave@yandex.ru)

Статья поступила 25.05.2021.

Формирование социальных ориентиров отраслевого развития металлургии

**Игорь Анатольевич
БУДАНОВ**

Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: budanov@ecfor.ru
ORCID: 0000-0002-5617-2114; ResearcherID: AAX-2242-2021

Аннотация. В современных условиях традиционные способы прогнозирования развития отраслей экономики уже не дают приемлемых результатов, что определяет актуальность задачи разработки новых методов и подходов к отраслевому прогнозированию. В статье предложен подход к прогнозированию отраслевого развития под влиянием процессов в социальной сфере. Рассмотрены основные противоречия, вызванные влиянием металлургического производства на формирование социально-экономических условий в стране. Показано, что социальные факторы играли значимую роль в принятии решений по созданию предприятий металлургии и управлению рынком металла. Выделены основные социальные функции, которые выполняет металлургия. Исследование товарного рынка металлопродукции дополнено анализом изменений позиций металлургических предприятий на рынке капитала и рынке трудовых ресурсов. Отмечено, что следствием социальных расходов металлургических компаний становится общественное признание результатов их деятельности, а также изменение уровня их капитализации. Это позволило выработать методический подход к оценке перспектив отраслевого развития на основе использования ориентиров социального развития страны. В качестве экономического критерия предложена оценка накопления средств, вкладываемых в развитие производства, сохранности и приумножения капитала. Представлены оценки социальных результатов развития металлургического производства при различных сценариях управления системой принятия решений в стране. Дана сравнительная характеристика бизнес-ориентированного, государственно-

Для цитирования: Буданов И.А. Формирование социальных ориентиров отраслевого развития металлургии // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 5. С. 85–99. DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.5

For citation: Budanov I.A. Working out social guidelines for the industry development of metallurgy. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 5, pp. 85–99. DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.5

патерналистского сценария и сценария радикальных социальных преобразований. Обосновывается вывод о преимуществах социального варианта развития государства для построения перспективного облика отечественной металлургии. Данный сценарий обеспечит высокую динамику производства металла, рост капитализации бизнеса и качества жизни в стране.

Ключевые слова: отраслевое прогнозирование, металлургия, рынок металла, социальные факторы, социальные ориентиры, сценарии развития.

Введение

Традиционная схема экономического прогнозирования процессов отраслевого развития все чаще приводит к оценкам, вступающим в противоречие с наблюдаемыми на практике явлениями. Так, несмотря на рост мирового спроса на металл в 2,2 раза за 2000–2020 гг. (с 850 до 1878 млн т стали), страны с развитой металлургией практически не принимали участия в его удовлетворении. Вклад США, ЕС, Японии, РФ в прирост выпуска чугуна и стали был отрицательным и составил минус 8%¹. Уже не вызывает удивления, что повышение цен на металл не сопровождается увеличением его производства, а рост доходов корпораций не способствует притоку инвестиций в отрасль. Так, выпуск стали в России оказался стабильным на протяжении 2012–2020 гг. (около 71 млн т) при росте мировых цен на металл за данный период в 1,6 раза. Увеличение прибыли компаний за 2017–2020 гг. примерно на 1 трлн руб. привело к приросту инвестиций в металлургию менее чем на 200 млрд руб., а в сопоставимых ценах инвестиции даже сократились на 8,5%². Бессмысленно пытаться это объяснить с позиций теории рыночного равновесия, конкуренции и т. п.

В настоящее время нет четкого общепринятого представления о том, вокруг чего возможно появление альтернативных решений бизнеса, какие ресурсы необходимы для развития металлургии в современных условиях. Очевидно, что само по себе наличие запасов полезных ископаемых, денежных средств и опыта ведения металлургической деятельности уже не являются предпосылками, достаточными для успешного развития металлургии. И это не только российская практика. Напомним об успехе Японии в 1970-х гг. и Республики Кореи

в 1990-х гг. Другой пример – Франция, входящая в десятку крупнейших стран по запасам железорудного сырья и в двадцатку ведущих производителей металла, но на 90% удовлетворяющая потребности в металлопродукции за счет импорта при наличии богатой истории развития металлургических технологий и производств [1].

Появляются все новые страны и компании с разработками, привлекающими мировую металлургию. Лидерами бескоксовой металлургии (прямое восстановление железа) выступают Иран и Мексика. Рост производства стали и проката на базе новейших технологий наблюдается в странах Ближнего Востока, Юго-Восточной Азии, Северной Африки. Интересные разработки по выпуску изделий из металла демонстрируют Австрия, Швейцария, Нидерланды. *Для понимания происходящего на рынке металла нужно исследовать систему мотивации экономических решений и расширить набор факторов, используемых при прогнозировании развития отрасли.*

Идет формирование новой логики обоснования управленческих решений, когда обосновываются действия, непосредственно не связанные с извлечением прибыли. Многие явления на рынке металлопродукции целесообразно рассматривать шире, чем принято в экономическом анализе, прежде всего в контексте целей устойчивого развития [2]. С этой точки зрения оценки ситуации в металлургии 2020-х годов оказываются противоречивыми, а результаты деятельности ведущих компаний все чаще подвергаются критике. Использование социальных факторов конкурентной борьбы заметно усилилось в 2000-е годы, особенно в противостоянии «старой» и «новой» металлургии (созданной в новых индустриальных странах). В ЕС и США обострился конфликт между экономическими интересами бизнеса и социальными задачами государства. Главной

¹ Statistical reports / Worldsteel. URL: <https://www.worldsteel.org/steel-by-topic/statistics/steel-statistical-yearbook.html> (accessed 16.06.2021).

² ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/> (дата обращения 01.08.2021).

целью протекционизма становится выживание бизнеса, защита рабочих мест (дополнительный доход не обеспечивает покрытие возникающих социальных издержек). Из введенных в 1995–2016 гг. мер (всего 1051) 222 приходится на США, 124 – на ЕС. На продукцию металлургии приходится 5,1% всех нотифицированных нетарифных мер в торговле (по данным системы ВТО-I-TPP). В 2010-е годы наблюдается устойчивый рост принятых компенсационных мер (с 1,5 мер в среднем в 2000-е до 6,5 в 2010–2017 гг.), антидемпинговых мер (с менее чем 1 в 2000-е до 3 в 2010–2017 гг.) [3]. Новый этап противостояния на рынке металла скорректировал механизм принятия решений. В 2017–2019 гг. количество инициированных расследований резко возросло. Компании стали брать на себя добровольные обязательства по ограничению поставок и их условиям. Расширяется практика заключения межгосударственных соглашений о поставках [1].

Наряду с использованием социальных факторов в конкурентной борьбе нельзя игнорировать и реально существующие проблемы. Многочисленными являются примеры связи металлургии (24,4% от всех выбросов в атмосферу в РФ) с негативной экологической обстановкой в регионах размещения производства. Тяжелые условия труда (свыше 70% занято во вредных и опасных условиях)³ имеют следствием низкую продолжительность жизни работников. Наличие специфических заболеваний в местах расположения предприятий констатируется в многочисленных отечественных и зарубежных исследованиях [4; 5]. В мире отмечается усиление

противоречий транснационального характера. Все чаще блага одних стран и групп населения становятся результатом разрушения окружающей среды и здоровья людей в других странах. Это следствие действия экономических механизмов и задаваемой ими логики отраслевого развития в условиях глобального рынка, в том числе рынка металла. Экономические способы устранения имеющихся противоречий (цены, инвестиции, доходность) оказались малорезультативными [6].

России и многим другим государствам пока не удастся избежать нарастания негативных социальных последствий промышленной деятельности. Достаточно типичной была ситуация в странах Восточной Европы, когда предприятия металлургии (с активами на сотни миллионов долларов) продавались за один доллар, но с обязательством нового собственника по устранению накопленного негативного экологического эффекта [7]. В ныне благополучных металлургических районах РФ не хотелось бы повторить судьбу металлургии Рурской области, Великих американских озер или старопромышленных районов Урала⁴.

Позитивное развитие металлургии предполагает восстановление связи между состоянием отрасли и уровнем жизни граждан. Исторически производство стали на душу населения было важнейшим индикатором уровня экономического развития страны [8]. Потребление металла на душу населения и сейчас характеризует экономику государства (табл. 1). Однако, ввиду глобального характера современных процессов экономического развития, не

Таблица 1. Параметры уровня развития экономики и потребления металла в мире

ВВП на душу населения, тыс. долл.	Потребление стали на душу населения, кг	Страны-представители
Свыше 40	Свыше 300	США, ЕС, Япония, Республика Корея
От 20 до 40	200–300	РФ, Турция, Мексика
От 10 до 20	100–200	Бразилия, Иран, ОАЭ, ЮАР
Менее 10	Менее 100	Индия, страны Африки и Латинской Америки

Источники: Statistical reports / Worldsteel. URL: <https://www.worldsteel.org/steel-by-topic/statistics/steel-statistical-yearbook.html> (accessed 16.06.2021); World Bank Open Data. URL: <https://data.worldbank.org/> (accessed 16.06.2021).

³ Охрана окружающей среды в России. Статистические сборники за 2006–2020 гг. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13209> (дата обращения 07.08.2021).

⁴ Энциклопедический словарь по металлургии: справочное издание в 2-х т. Т. 1 / Н.П. Лякишев и др. М.: Интернет Инжиниринг, 2000. 412 с.

все так просто, как было в XIX–XX веках. Динамика производства металла во многих странах мира, особенно индустриально развитых, уже не имеет непосредственной связи с изменением уровня жизни населения. Множатся ситуации (в странах с трансформационной экономикой), когда для повышения ценовой конкурентоспособности производства снижаются доходы населения. Справедливым представляется и распространённое технократическое мнение о том, что предприятия, созданные в прошлом веке и базирующиеся на технологических принципах позапрошлого века, трудно признать основой будущего благосостояния страны [7].

Наряду с негативными оценками, характерными для публицистики конца XX века, все чаще отмечаются и позитивные изменения во взглядах на развитие мировой металлургии. Они базируются не на экономической логике, а на технократическом и социальном подходах к оценкам формирования будущего. Специалисты в области технологического прогнозирования рассматривают прогресс в материалах и способах производства в качестве важнейших направлений глобальных изменений и социального преобразования общества [9]. В 2010-е годы среднегодовой прирост выпуска металлокерамических изделий при помощи 3D-технологий оценивался приблизительно в 17%, материалы с нанопокрывтиями демонстрируют ежегодный рост в 1,5–2 раза⁵. Формируются новые направления удовлетворения потребностей, связанных с применением металла (восстановительные технологии, защита поверхностей, вторичное использование ресурсов и т. д.). Логика перехода от одноразовых продуктов к долгосрочному использованию ресурсов постепенно получает социальную поддержку. После периода расточительного потребления сформировался потенциал поддержания изделий в эксплуатации (увеличение срока службы на 5–10 лет). Продление срока службы изделий из металла на год дает эффект, эквивалентный дополнительному производству в мире 200–250 млн т стали.

⁵ Прогнозы социально-экономического развития / Министерство экономического развития РФ. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/makroec/prognozy_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya/ (дата обращения 23.08.2021).

Технологические и ценовые предпосылки — далеко не главный фактор в наиболее вероятных сценариях изменений в металлургии. Внедрение непрерывной разливки стали, обожженных анодов при производстве алюминия и других апробированных в мире разработок растягивалось в России на десятилетия. Анализ показывает, что скорость распространения технологических волн после этапа ускорения (XX век) заметно снижается [5]. Многие технологии становятся востребованными только при наличии адекватных социальных условий [10; 11]. Именно по этой причине в общемировой практике принято называть «чудом» крупномасштабное применение апробированных эффективных технологий (Япония, Южная Корея, Сингапур и др.).

Таким образом, два основных фактора определяют социальный аспект развития металлургии в стране. *Во-первых, металл необходим для создания комфортной среды, повышающей благосостояние граждан. Во-вторых, общество несет издержки, связанные с негативным воздействием металлургии на окружающую среду, с потреблением металлургией ресурсов общественной инфраструктуры и общенародных ресурсов (недра, знания, человеческий капитал). Универсальной тенденцией в мировой экономике остается сокращение индивидуальных вложений (собственников) в развитие бизнеса при увеличении объемов привлекаемых заемных средств и общественных ресурсов, в том числе государственных и «бесценных» [1; 12]. Это важнейшая предпосылка для «социализации решений по развитию производства», для перехода от управления исходя из коммерческой эффективности проекта к общественной эффективности бизнес-решений.*

Учет «новой реальности» в оценках металлургии

Согласно многочисленным оценкам, общесистемные изменения становятся главным фактором, влияющим на роль отдельных отраслей в экономике. Для оценки общесистемных изменений существуют разнообразные методологические подходы. Под влиянием исследований Дж. Форрестера и докладов Римского клуба с 1970-х гг. усилились сомнения в социальной эффективности экономического роста, появились новые подходы к оценке развития обще-

ства [13; 14]. Они вызывают повышенный научный интерес, что характерно и для построения прогнозов [15; 16].

В истории человечества социальные ориентиры не раз определяли процессы развития мира, транслируя представления общества на микроэкономический уровень. Динамика производства продукции все чаще оказывается под влиянием поведенческих и политических факторов. Влияние социальных процессов на отдельные виды деятельности также имеет специфику, и ее необходимо учитывать при прогнозировании ситуации в сфере металлургии [17]. Нужно использовать ряд положений, которые описывают систему взаимодействия общества и человека [18]. Согласно этим положениям, *экономика стремится не к рыночному равновесию, а к достижению установленных целей социального развития*. Необходимо учитывать, что привлечение ресурсов (научных, инвестиционных) в отрасль определяется ее востребованностью в многоуровневой экономике [19].

Наиболее значимые для металлургии социальные приоритеты, известные из истории [20; 21], актуальны и в настоящее время.

Напомним, что важнейшей общественной ценностью является безопасность, и металл играл немаловажную роль в ее обеспечении. Это определяло производство металла как выпуск продукции стратегического назначения с ограниченным доступом к данному ресурсу во многих странах мира. В настоящее время на оборонные нужды идут относительно небольшие объемы металлопродукции (менее 3% выпуска), однако они имеют принципиальное значение для обеспечения качества экономического роста. ВПК предъявляет спрос на высококачественные материалы (которые составляют свыше 60% его потребления). По доле специальных сталей в общем выпуске металла (менее 1%) Россия значительно уступает мировым лидерам (свыше 3,5% у США, Японии). В России продолжают разрабатываться материалы со специальными свойствами, которые в дальнейшем могут найти массовое применение, прежде всего стать основой повышения конкурентоспособности продукции гражданского назначения [22]. Если бизнес не обеспечит «качества» металлопродукции, то это будет проблемой не бизнеса, а страны в целом.

Металлургия играла и продолжает играть важную роль в индустриальном освоении огромных территорий, связанную с разработкой месторождений, созданием социальной и производственной инфраструктуры (железных дорог), формированием металлургических баз страны [21]. В настоящее время на этой основе идут процессы в Арктике, на Дальнем Востоке. Продолжается создание новых индустриальных регионов во многих странах мира. В 2000-е годы обнаружены крупнейшие в мире месторождения железной руды на территории Афганистана, Пакистана. Формируются центры металлургии в Индии, Иране, странах Юго-Восточной Азии. Следствием роста спроса на руду и металл в 2000-е годы стало трехкратное увеличение перевалки грузов, предназначенных металлургии, расширение морских коммуникаций в странах Африки и Латинской Америки.

Укрепление государства и повышение требований по экономической отдаче от ресурсов, находящихся под его контролем, определяют особенности организации металлургического бизнеса. На этой основе решаются разнообразные социальные задачи. Австралия, Канада, Норвегия, Швеция на протяжении многих лет целевым образом используют доходы отраслей, связанных с природопользованием (металлургия, ТЭК), для реализации социальных программ. Есть пример Саудовской Аравии и других стран Ближнего Востока в решении вопросов повышения уровня жизни на основе природной ренты, а также опыт Голландии («голландская болезнь»), стран Карибского бассейна и многочисленные примеры неэффективной государственной политики, сопровождающейся отказом от роялти, рентных доходов [23].

Значимость государственного воздействия на факторы производства, используемые в металлургии, ценовую конъюнктуру глобальных рынков следует рассматривать по их социальным последствиям. Успех металлургии Южной Кореи, Японии и ряда других стран Юго-Восточной Азии определялся не доходами компаний, а социальным прогрессом в данных государствах, созданием передовой металлообрабатывающей промышленности, высококачественных рабочих мест в системе оборота металла. Таким образом, как в историческом прошлом, так и в настоящее время значимость

социальных факторов и государственной политики в отношении металлургического производства ведущих стран мира оказывается не менее важной, чем научно-технических или экономических факторов.

Российский опыт социальных акцентов в развитии металлургии: невыученные уроки

Из истории известно, что игнорирование социального аспекта производственной деятельности может дорого обойтись бизнесу. В России представителям металлургического бизнеса следует помнить о судьбе Н. Демидова и многих других предпринимателей. Традиционные экономические лидеры, извлекающие доходы из природы (экологические издержки, перекладываемые на будущее) и людей (социальные издержки), могут быть ограничены обществом в развитии, вне связи с уровнем рентабельности производства. В отечественной металлургии можно выделить три показательных сюжета противоречивости экономических и социальных целей.

Во-первых, со времен Петра I обсуждается вопрос об эффективности казенной и частной металлургии [21]. В своей записке ревелятор Герасим Раевский требовал отобрать металлургические заводы у «мироедов», установить государственную монополию. «Всякому железу народнотребному определить цену и учредить продажу ис казны во образ того, как соль продают, ... дабы сей множественный интерес государственный не был похищаем мужичьемы руками» [21, с. 458]. Источником доходов («от чего заводчики получают себе великая богатства и корысти») становились ресурсы, предоставляемые государством бизнесу (месторождения, кредиты, «приписные деревни»), при низком интересе предпринимательского сообщества к технологическому развитию. Констатируя высокую экономическую эффективность частного бизнеса, около 300% доходности по ключевым видам изделий из металла («два интереса умножительных напрасно похищают»), указывались негативные социальные последствия сложившейся на рынке металла ситуации, прежде всего ущерб достижению целей государственного развития, для которых закупался металл. Дороговизна инструмента приводила к проблемам в сельском хозяйстве («... ни последний бобыль обойтись не может,

без железа, а наипаче на вышеописанное железо (*прим. — высококачественное*) величайший тамо расход, потому что народ малоденежен...» [21, с. 456], а в конечном итоге — и с продовольствием. В том или ином виде к аналогичным выводам в отношении металлургии и рынка металла приходили и приходят многочисленные государственные комиссии (по проблемам вооружений 1812 года, по проблемам развития инфраструктуры в период Крымской войны, комиссия по приватизации казенных заводов под руководством Д.И. Менделеева и др.).

Во-вторых, Ф.Э. Дзержинский констатировал, что в период перехода к системе государственного управления процессами на рынке металла 1920-х годов металлургические компании, организованные правительством (конвенция (Продамет), Уралмет, Югосталь и др. синдикаты), устанавливают цены на металлоизделия в 2–3 раза выше импортных аналогов, мотивируя это экономическими задачами [24]. «Вопрос о ценах на топливо и металл необходимо поставить во всем его объеме как первоочередной вопрос нашего хозяйства. ... Это (*прим. — конвенция*) не государственный орган удешевления и увеличения массового производства, а орган вздувания цен, ... имеет своей логикой — в перспективе — гибель рабочего государства» [24, с. 411]. Он требовал четко различать «общественные интересы и интересы государственных структур, призванных управлять металлургическим производством». «Политика нашей металлопромышленности заключается в том, чтобы ограничить сбыт своих изделий населению и навязать их государству, и благодаря именно такой политике металлопромышленность попадает в безысходное противоречие: население не покупает, так как слишком дорого, государство не может столько заказать, так как население слишком бедно для того, чтобы дать государству на это средства» [24, с. 406]. Актуальность вопросов обоснованности затрат, осуществляемых предприятиями, контролируемых государством, и проводимой ценовой политики сохранялась весь период плановой экономики. Многочисленные политические и судебные решения в отношении руководства предприятий и уполномоченных государственных органов (Госкомцен СССР, отделы цен министерств) не смогли остановить удоро-

жание металлопродукции, повлиять на эффективность производства. Актуален и следующий тезис 1923 года: «Ведь очевидно для всех, что цен дальше вздуть нельзя, однако мы на ученых заседаниях тратим время для того, чтобы в результате повысить цены» [24].

В-третьих, последствия социальных явлений более существенны для металлургии, чем результаты экономически обоснованных управленческих решений. Как известно из истории, создание многих металлургических предприятий считалось экономически неоправданным. Это относится к разработке Курской магнитной аномалии, металлургии Донбасса, заполярной металлургии. В то же время экономически обоснованные решения так и не были реализованы (Дальневосточная металлургическая база, промышленность межотраслевых производств и др.). Есть вопрос о причинах остановки проектов по развитию металлургических баз в СССР. В 1960–1970-е гг. были разработаны многочисленные проекты, имелась инвестиционная база, неудовлетворенный спрос на металл [25]. И вдруг политическое решение о переходе к интенсивным методам развития экономики останавливает хорошо работающую модель отраслевого развития⁶. Тот факт, что современная металлургия России стала результатом социально-политических, а не «рыночных» процессов 1990-х гг., также не вызывает сомнений.

Важно понимать, что действия экономического характера определяют уровень текущей прибыли компании (зарабатываемой на товарном рынке), а отношение общества к бизнесу определяет его стоимость (на фондовом рынке). Это явления принципиально разного масштаба. В качестве наглядных примеров можно выделить сюжеты последних лет. Предложение В.В. Путина «прислать доктора» (июль 2008 г.)⁷, упреки А.Р. Белоусова (2018, 2021 гг.) приводили к снижению капитализации компаний на миллиарды долларов. Подчеркнем, что возникший перерасход бюджета 2021 года по закупкам металла был в 2,2 раза ниже дополнительных

налоговых поступлений от металлургических компаний⁸. Традиционные экономические аргументы о росте прибыли, налоговых платежей оказались для рынка капитала менее значимыми, чем условные социальные издержки.

Социальный аспект управления процессами развития металлургии

Позитивный рост, как правило, — следствие социального признания результатов металлургии (вне зависимости от истинности или ложности оценок граждан и власти). В 1950–1960-х гг. он был характерен для всей мировой экономики, где металлургия рассматривалась как один из факторов успешного индустриального развития страны [8]. В 2000-е годы идет процесс пополнения базовых социальных ценностей новым набором благ. Из системы предпочтений морального свойства они переходят в ранг устанавливаемых международным сообществом социальных требований, которые приобретают глобальный характер [2; 11]. Климат, экология, права людей, качественные изменения в представлениях о достойном уровне жизни выступают в виде условий отраслевого развития⁹. Постепенно, под влиянием мировой практики, общесистемные изменения приобретают конкретную форму воздействия на развитие отраслей через формирование специальных режимов функционирования, введение налоговых и таможенных платежей, использование санкционных ограничений. Устанавливаемые положения имеют вполне конкретные последствия для товарных рынков и развития отраслей: прежде всего, от социальных условий в стране (регионе) зависит стоимость привлечения ресурсов для развития производства (табл. 2). Фактически, от бизнеса требуется участие в воспроизводстве общественных ресурсов (рациональное отношение к тому, что ничего не стоит).

Парадоксальность современного построения глобальной экономики заключается в том, что при относительно стабильной ситуации в

⁶ О повышении качества металлопродукции и эффективности использования металла: Постановление ЦК КПСС и СМ СССР // Правда. 1980. 8 июня.

⁷ «Доктора» больше не боятся // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2013/04/01/56c1b1a09a7947406ea09e13> (дата обращения 24.08.2021).

⁸ Рост цен на сталь не может продолжаться бесконечно // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/characters/2021/06/06/873116-tsen-stal>(дата обращения 24.08.2021).

⁹ On the Agenda / The Davos Agenda 2021 | World Economic Forum. URL: <https://www.weforum.org/agenda/archive/davosagenda2021> (accessed 24.08.2021).

Таблица 2. Наиболее существенные изменения условий функционирования металлургии

Вид социальных требований	Вероятная стратегия бизнеса	Текущие действия бизнеса
Климат и прочие обязательства в рамках межгосударственных соглашений	Увеличение непроизводительных расходов бизнеса и их отражение в ценах на продукцию	Вложения в решение задач, связанных с приведением производства к установленным нормам и контролем их выполнения
Охрана окружающей среды	Формирование системы комплексной утилизации отходов в рамках концепции «ноль отходов» под ресурсы государственных программ	Затраты на охрану окружающей среды текущего и капитального характера
Качество рабочих мест	Вывод качества активов на параметры мировых лидеров, рост производительности труда	Вложения в создание производственного аппарата, фондовооруженность труда
Социальная ответственность	Контроль над кластерами с доминирующей ролью металлургии. Социальные платежи и участие бизнеса в развитии инфраструктуры региона	Участие в формировании общественного капитала, объектов непроизводственной сферы

Источник: составлено автором.

мире с традиционными факторами производства (капитал, труд, технологии производства и управления) в каждой стране наблюдаются специфические изменения условий хозяйствования [1]. Они определяются соотношением общественных и индивидуальных затрат на ведение бизнеса и распределением полученных результатов на воспроизводство производственных и общесистемных ресурсов. В качестве примера показательна ситуация в России, когда производить металл выгодно, а развивать металлургическое производство — невыгодно. Текущие (индивидуальные) затраты на производство в России значительно ниже, чем за рубежом (прежде всего по уровню оплаты труда), что обеспечивает высокую рентабельность выпуска металла. Есть преимущества в сравнении с условиями работы других отраслей. Например, налоговая нагрузка на производство металла в России в 2,5 раза ниже, чем в сфере металлообработки. Принципиально иная ситуация с наличием общественных ресурсов для организации бизнеса: по сравнению с ЕС и США металлургическим компаниям в РФ приходится вкладывать в 7–8 раз больше средств в развитие непрофильных активов и непроизводственной сферы при реализации инвестиционных проектов. Это отражается на ожидаемой доходности капитала и приоритетах вложений в развитие бизнеса. Бизнес предпочитает инвестировать в те страны, которые располагают общественными ресурсами (США, страны ЕС, Китай и др.).

Потоки трудовых ресурсов и капитала характеризуют перспективы изменения ситуации в стране, отражая представления общества о ценности отдельных видов экономической деятельности [1]. На проблемы металлургии в РФ указывают наблюдаемые тенденции:

1. За 2000–2020 гг., оцениваемые как благоприятные для металлургии, отрасль покинуло более 400 тыс. работников (свыше 22%). Темпы выбытия работников имеют тенденцию к росту. Если в 2000-е гг. реструктуризация отрасли приводила к сокращению непрофильных активов предприятий и созданию на их основе новых бизнесов, то в 2010-е гг. шла модернизация производства, сопровождаемая трудосбережением. Проблема в том, что металлургия не смогла предложить новых привлекательных рабочих мест.

2. Уровень инвестиций в металлургию в конце 2010-х гг. был в 1,5 раза ниже показателей 2008 г.¹⁰ Драматизма отсутствию роста вложений в, казалось бы, высокорентабельное производство, добавляет наблюдаемый в этот период (2012–2020 гг.) ускоренный рост прибыли и амортизационных отчислений на предприятиях. Прирост собственного инвестиционного ресурса металлургических компаний более чем на 1 трлн руб. за 2017–2020 гг. был использован для вложений в развитие производства менее чем на 20%.

¹⁰ ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/> (дата обращения 01.08.2021).

3. Ситуацию для принятия решений по развитию усугубляют социальные требования государства к металлургическому бизнесу, их противоречивость в 1990–2000 гг. До настоящего времени трудно понять, что подразумевает власть, указывая на необходимость социально ответственного поведения бизнеса [26]. В большинстве случаев она требует от бизнеса не делать того, что делает сама: не жадничать, не вывозить деньги за рубеж, развивать социальную инфраструктуру и т. д. Постепенно конкретизируются требования общества к бизнесу, помимо вопросов зарабатывания доходов, все чаще возникают вопросы об их эффективном использовании в интересах страны [27; 28]. Ожидания населения влияют и на действия органов власти, формируя предметную социальную политику.

Современный предприниматель осознает, что затраты социального характера являются не только расходами, но и источником потенциальных доходов бизнеса в виде доступа к ограниченным и льготным ресурсам, способом увеличения капитализации компании. При оценках эффективности производимых вложений, особенно непромышленного назначения, следует учитывать, что у собственника металлургического бизнеса экономический интерес находится в тесной взаимосвязи с поддержанием социального статуса [29; 30]. О социально ориентированном развитии металлургии можно судить по многим явлениям общественной жизни, не имеющим непосредственного отношения к производству металла. Конкуренция металлургических компаний на спортивных площадках носит не менее острый характер, чем на рынке металла. Руководители бизнесов принимают активное участие в политических и общественных движениях, в формировании институтов гражданского общества. Восстановление и укрепление связей бизнеса с научно-образовательной сферой стало особенно заметным в 2010-е годы. Формирование объектов «белой» металлургии, «интеллектуального производства» является не просто этапом технологического развития, а ответом на социальные вызовы. Расходы социального характера увеличиваются (с 0,5% в 2005 г. до 2,5% в 2016 г.), но по своему масштабу значительно уступают уровню расходов западных компаний (свыше 15% от общих затрат).

Мотивы поведения и логика их реализации играют ключевую роль при рассмотрении социального аспекта развития металлургии. Главными на обозримую перспективу остаются целевые ориентиры ведения бизнеса, одобряемые или осуждаемые общественностью, что подтверждает российская и мировая практика передела собственности в 1990–2000-е годы [31]. Перед владельцами предприятий стоит задача сохранения и приумножения собственности, которая и определяет их поведение. Подчеркнем, что есть не так много способов ее решения. В рамках традиционного подхода акцент делается на извлечении прибыли и ее вложении через инвестиционный механизм. Социальный подход, как известно, осуждает эксплуатацию людей и предполагает активную борьбу со «сверхприбылями» [10; 11; 18]. В отличие от предшествующего периода, когда борьба между предпринимателями шла за приумножение индивидуальных доходов, в перспективе ожидается борьба за доступ к общественному капиталу (социальным благам и государственным фондам). На практике реализуются решения, достаточно спорные с экономических позиций, но приносящие очевидную пользу бизнесу (есть успех «бесплатного» фейсбука Цукерберга, есть убыточный бизнес И. Маска, который дает прирост капитализации). Рынок капитала дает оценку результативности социального развития компании. Происходит общественное признание обоснованности производимых инвестиций и расходов социального характера.

Перспективные задачи и ориентиры

Изменения в обществе в прогнозном периоде приведут и к изменениям в отдельных отраслях. Понятно, что решением многих социальных проблем видится «отнять и поделить» или «взять в долг», отложив решение на будущее. Опыт показывает, что без металла победить бедность, повысить уровень жизни почему-то не удастся (в каменном веке люди тоже жили, но прогресс обеспечили медный, бронзовый и железный века) [20]. Отраслевая специфика и возможности действующих предприятий по адаптации к новым требованиям общества определяют набор тактических и стратегических задач, решаемых металлургией. Традиционная социальная политика на уровне предприятия решает конкретные вопросы работников и вопросы обеспечения производства

трудовыми ресурсами. Для успеха бизнеса в современных условиях этого уже недостаточно. Важными факторами в изменении структуры металлопотребления становятся реклама новых материалов, обучение их применению.

Принципиальным для современного этапа отраслевого прогнозирования является тот факт, что раньше социальные требования определяли *характер продукта (полезный – вредный)*, а в 2020-е годы и в дальнейшем они будут определять *характер производства* практически любого продукта. Есть позитивный опыт XX века, показывающий победу социальных ценностей над экономическими выгодами бизнеса. К отказу от эксплуатации детского труда, соблюдению трудовых контрактов, экологическим требованиям современное производство сумело приспособиться.

В быстро меняющихся социальных условиях достаточно сложно оценить возможные среднесрочные экономические ориентиры и сформулировать альтернативные варианты производственно-технологического развития металлургии. Учитывая особенности формирования социальных ориентиров субъектами управления и их влияния на металлургию, в настоящее время целесообразно рассматривать три вектора (сценария) отраслевого развития (*табл. 3*).

1. *Бизнес-ориентированный сценарий* следует рассматривать в качестве негативного для металлургии. Он предполагает сохранение действующей логики развития экономики России [16; 32]. Угрозы для экономики бизнеса, занятого активным безвозмездным присвоением общественных ресурсов, носят предельно конкретный характер. Доходность капитала на новых объектах на порядок ниже, чем на действующем производстве (в 12 раз в 2000-е и в 17 раз в 2020-е гг.). За прошедшие годы значительно сократились общественные ресурсы, требуемые для развития отрасли и используемые в металлургии. Запасы полезных ископаемых переданы в разработку частным компаниям, которые стали нести затраты по их воспроизводству и вовлечению в эксплуатацию. Ограничения по транспортной инфраструктуре металлургические компании преодолевают путем активного участия в строительстве портов, приобретения вагонного парка. Компании, создавая новые производственные объекты, во многих случаях вынуждены самостоятельно создавать социальную инфраструктуру. Данный тип «полунатурального» развития имеет очевидные экономические ограничения, не позволившие российской металлургии добиться роста выпуска продукции в условиях исключительно

Таблица 3. Социальные ориентиры сценариев отраслевого развития

Элемент социального механизма отраслевого развития	Сценарий 1 (бизнес-ориентированный)	Сценарий 2 (государственно-патерналистский)	Сценарий 3 (радикальных социальных преобразований)
Решаемая задача	Трансформация общественных затрат в индивидуальные предпринимательские доходы	Наращивание государством общественных ресурсов за счет средств, получаемых от бизнеса	Формирование социальной среды на основе результатов, получаемых бизнесом и населением
Способ решения	Управление на основе общеэкономических правил в рамках конкуренции бизнеса за общественные ресурсы	Управление общественными ресурсами на основе специализированных институтов социального развития	Управление процессом концентрации капитала и богатств граждан на региональном уровне
Участие бизнеса в социальном развитии страны	Платежи государству и населению в рамках социально-фискальной нагрузки на бизнес	Активное участие бизнеса в формировании общественных благ, переход от системы корпоративных ресурсов к системе открытого доступа в рамках региональной социальной среды	Обеспечение эффективности использования общественных ресурсов при вложении частных средств
Индикаторы процесса развития	Прибыль бизнеса. Утрата общественных ресурсов	Масштаб государственной собственности. Капитализация бизнеса	Богатство региона, включая общественный, человеческий и частный капитал
Источник: составлено автором.			

благоприятной конъюнктуры на глобальном рынке металла 2000–2020-х гг. Идея, заключающаяся в том, что каждый может обогатиться за счет общественного добра, постепенно утрачивает привлекательность у населения [28; 29; 30].

По мере сокращения ресурсной базы, эффективных зон использования металла будет сокращаться и выпуск металлопродукции (на 10–15% к 2030 г.). В металлургии продолжится высвобождение кадров даже более высокими темпами, чем в кризисные 1990-е гг. (свыше 25%). На фоне повышения производительности труда на металлургических предприятиях будет снижаться общественная производительность труда в регионе их размещения. Социальные проблемы будут обостряться в районах размещения градообразующих металлургических предприятий, имеющих ограниченный общественный капитал, прежде всего на Урале и в Сибири.

2. Активизация экономической деятельности государственных органов власти представляется достаточно вероятной в среднесрочной перспективе [12; 16; 28]. Основу *прогнозного сценария (государственно-патерналистского)* образует механизм развития экономики с опорой на государственное управление ресурсами, формирование новой логики принятия управленческих решений (в интересах укрепления страны). Данный сценарий был успешно реализован в Японии, странах Юго-Восточной Азии, при реализации проектов комплексного развития крупных региональных систем в США, Канаде, Китае, Индии и других странах. Трудности и проблемы, возникающие при его реализации, хорошо известны из отечественной практики 2000–2020-х гг. Мировой опыт показывает, что для успешной реализации сценария необходимы определенные социальные условия и стратегические вызовы [11; 12].

Рост производства металла к 2030 году на основе активизации государственного воздействия на рынок металла может составить около 5–10%. В качестве возможного результата государственных усилий следует рассматривать создание Дальневосточной металлургической базы, расширение деятельности по выпуску готовых изделий из металла, выход на новый уровень качества продукции с использованием научных и других общественных ресурсов, ко-

торыми располагает Россия [15]. Социальная эффективность данного сценария носит отложенный характер, так как на период его реализации государство, мобилизуя ресурсы, вынуждено вводить специальные режимы управления трудовыми ресурсами и поведением бизнеса (капиталом).

3. Общесистемные изменения в глобальной экономике позволяют рассматривать *радикально новые сценарии развития* не только металлургии, но и России в целом. Данный сценарий не может быть спущен «сверху», он формируется всем обществом в условиях нарастания противоречий интересов между населением, политической и рыночной властью [15; 27; 32]. После конфликта между экономическими и социальными целями, характерного для XX века, идет поиск их согласования, что представляется сложной, но решаемой задачей. Несмотря на наличие определенных предпосылок к изменениям со стороны информационной среды, бизнес не собирается уступать свою власть над обществом. Ему требуется новая система мотивации.

В рамках социальной логики бизнесменами, как и другими гражданами, будут двигать идеи самореализации, а для этого нужны ресурсы. Бизнес использует свои частные ресурсы для привлечения работников и общественных ресурсов, которые находятся в распоряжении государства (разработки фундаментального характера, инфраструктура, система подготовки кадров и т. п.). Принципиальные изменения предполагаются на рынке труда [16; 28]. Это не только следствие идеи базового дохода, новых взглядов на воспроизводство человеческого капитала, но и мотиваций граждан. Специально организованные территории привлекают людей не меньше, чем текущая стабильность. Социальный пакет привлекает человека не в меньшей степени, чем уровень оплаты труда. Дополнение заработной платы социальными благами приводит к формированию качественно нового уровня не просто доходов, но и уровня жизни человека. Это не только советский опыт, но и общемировая практика [17].

Прогнозный выпуск металлопродукции за счет роста объема вовлекаемых в отрасль ресурсов увеличится незначительно (примерно на 10% к 2030 г.). Основной акцент будет сделан

на качественных изменениях, повышении доли продукции высоких переделов в выпуске отрасли (с 30 до 75–80% к 2030 г.). За счет структурных изменений в рамках сценария радикальных социальных преобразований общий объем отраслевого производства в сопоставимых ценах к 2030 году увеличится в 3–4 раза. Если социальные критерии получают приоритет в системе экономического развития страны, то в металлургии возникнет ситуация «неограниченного спроса», и перед бизнесом встанет задача его эффективного удовлетворения. Опыт показывает, что решить данную задачу достаточно сложно [8; 34]. Потребуется люди, а их привлечение на производство сформирует тренд на позитивные социальные изменения в стране, что и станет ответом на социальные вызовы.

Прогнозы должны давать ответы на стоящие перед экономикой вопросы, и наиболее актуальными в настоящее время представляются социальные вызовы. Нет оснований считать, что прирост ВВП на несколько процентов, создание макроэкономических условий существенно изменят ситуацию в социальной сфере.

Исторический опыт показывает, что по мере наращивания производства и потребления металла в стране общество избавлялось от проблем с бедностью. К сожалению, лица, уполномоченные на борьбу с бедностью в России, не задумываются о том, сколько для этого требуется металла. В действующей системе управления, даже если известен ответ и есть соответствующие ресурсы, возникают вопросы с решением социальных задач. Логика современного экономического развития и прогнозы, построенные на ее основе, указывают на возможное усугубление социальных проблем, влекущее за собой дополнительные ограничения в развитии металлургии.

Металлургия, в том числе и российская, постепенно утрачивает связь с социальными процессами в стране. В условиях, когда все чаще приходится слышать об отсутствии перспектив для развития металлургического производства, со ссылками на опыт США, ЕС, следует понимать, что это следствие определенных экономических условий и логики принятия решений, определяемых ими. Условия создаются людьми, и в силах людей их изменить, что и определяет возможности формирования социальных ориентиров развития и механизмов их достижения.

Социальные ориентиры, снимая экономические ограничения на управленческие решения, позволяют отраслям полнее реализовать свои возможности по удовлетворению потребностей общества не только в товарах, но и в социальных условиях развития и реализации способностей граждан [34].

Прогноз, основанный на оценках взаимосвязи общественных ресурсов и индивидуальных ресурсов бизнеса, указывает на привлекательность социально ориентированного сценария в сравнении с бизнес-ориентированным или государственно-патерналистским сценариями. Социально-ориентированный сценарий обеспечивает высокую динамику производства металла, рост капитализации бизнеса и качества жизни в стране.

Заключение

Социальный успех металлургических компаний приведет к изменению позиций отрасли на рынках труда и капитала. Привлечение общественных ресурсов в отрасль свидетельствует о ее социально-политических позициях в экономике, является результатом осуждения или одобрения деятельности предприятий. Российская металлургия проходит социализацию. После этапа 1990-х гг., связанного «со сбросом социальной инфраструктуры с баланса», вновь вкладываются значительные средства в проекты социальной направленности. До уровня, достигнутого в странах ЕС, еще предстоит пройти большой путь. Относительный паритет существует по расходам на социальную инфраструктуру, по уровню оплаты труда заметно отставание на порядок, по расходам на переподготовку кадров, улучшение качества рабочих мест в расчете на одного занятого – в десятки раз, в сотни раз – по контактам с научной сферой. В прогнозном периоде рост требований по изменению социальных условий в стране предполагает получение адекватного ответа от бизнеса.

Экономические процессы в России постепенно приобретают социальное содержание, а социальные процессы получают экономическую основу. Для текущих решений в отраслях важными представляются параметры социальной эффективности, обеспеченные наличием экономического эффекта у бизнеса при работе на цели, поставленные обществом.

Литература

1. Буданов И.А. Управление развитием металлургии и глобальным рынком металла // Проблемы прогнозирования. 2020. № 6. С. 104–118.
2. Порфирьев Б.Н. Устойчивое развитие, климат и экономический рост: стратегические вызовы и решения для России. СПб.: СПбГУП, 2020. 40 с. URL: <https://ecfor.ru/wp-content/uploads/2020/03/ustojchivoe-razvitie-klimat-i-ekonomicheskij-rost.pdf> (дата обращения 28.04.2021).
3. Акимов А. Торговые ограничения в мире по металлургии // Металлоснабжение и сбыт. 2018. № 5. С. 106–111.
4. Общественное здоровье и экономика / отв. ред. Б.Б. Прохоров. М.: МАКС Пресс, 2007. 287 с.
5. Brundenius C. et al. (Eds.). *Globalization and Third-World Socialism: Cuba and Vietnam*. Palgrave Macmillan, 2001.
6. Адно Ю. Дональд Трамп и мировая металлургия // Металлы Евразии. 2019. № 1. С. 4–9.
7. Шевелев Л.Н. Мировая черная металлургия 1950–2000 гг. (реструктуризация, качество, приватизация). М.: Машиностроение, 1999. 214 с.
8. Зусман Л.Л. Металлоемкость общественного производства. М.: Металлургия, 1982. 214 с.
9. Россия на пути к новой технологической промышленной политике: среди манящих перспектив и фатальных ловушек / Ю.В. Симачев, М.Г. Кузык, Б.В. Кузнецов, Е.В. Погребняк // ФОРСАЙТ. 2014. Т. 8. № 4. С. 6–23.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 24. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. 649 с.
11. Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков. В 5 т. Т. 3. Эпоха социальных переломов. М.: Мысль, 2005. 896 с.
12. Волконский В.А. Факторы активизации экономического развития и роль государства в современной России. М.: ИНП РАН, 2019. URL: <https://ecfor.ru/publication/factory-aktivizatsii-ekonomicheskogo-razvitiya-i-rol-gosudarstva-v-sovremennoj-rossii/> (дата обращения 16.04.2021).
13. Пределы роста. 30 лет спустя / Д. Медоуз и др. М.: Академкнига, 2007. 342 с.
14. Forrester J.W., Mass N.J., Ryan C.J. The system dynamics national model: Understanding socio-economic behavior and policy alternatives. *Technological Forecasting and Social Change*, 1976, vol. 9, issue 1–2, pp. 51–68. DOI: 10.1016/0040-1625(76)90044-5
15. Вызов 2035 / И.Р. Агамирзян и др.; сост. В.В. Буров. М.: Олимп-Бизнес, 2016. 240 с.
16. Посткризисное восстановление экономики и основные направления прогноза социально-экономического развития России на период до 2035 г.: научный доклад / под ред. чл.-корр. РАН А.А. Широга. М.: Наука, 2020. 152 с.
17. Заславская Т.И. Избранные произведения. В 3 т. Т. 1. Социальная экономика и экономическая социология. М.: Экономика, 2007. 735 с.
18. Олпорт Г. Становление личности: избранные труды / [пер. с англ. Л.В. Трубицыной и Д.А. Леонтьева]; под общ. ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002. 461 с.
19. Яременко Ю.В. Теория и методология исследования многоуровневой экономики. Избранные труды в трех книгах. Кн. 1. М.: Наука, 2000. 400 с.
20. Беккерт М. Железо. Факты и легенды: пер. с нем. М.: Металлургия, 1984. 232 с.
21. Струмилин С.Г. История черной металлургии в СССР. Т. 1. Феодалный период (1500–1860 гг.). М.: Издательство АН СССР, 1954. 535 с.
22. Борисов В.Н., Почукаева О.В., Почукаев К.Г. Отечественная инвестиционная техника на мировом рынке: динамика и структурные сдвиги // Проблемы прогнозирования. 2020. № 5. С. 3–13.
23. Auty R. *Sustaining Development in Mineral Economies: The Resource Curse Thesis (1st ed.)*. London, Routledge, 1993. DOI: 10.4324/9780203422595
24. Дзержинский Ф.Э. Избранные произведения в двух томах. Т. 1. 1897–1923 гг. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. 493 с.

25. Бабун Р.В. Развитие черной металлургии Сибири и Дальнего Востока: народнохозяйственный аспект. Новосибирск: Наука, 1987. 136 с.
26. Чепуренко А.Ю., Петухов В.В. Крупный российский бизнес: социальная роль и социальная ответственность // Мир перемен. 2005. № 4. С. 126–138.
27. Ильин В.А., Поварова А.И. Крупнейшие металлургические корпорации и их роль в формировании бюджетных доходов. Вологда: ВолНЦ РАН, 2019. 198 с.
28. Социальная политика в России: проблемы и решения: научный доклад / под ред. чл.-корр. РАН А.А. Широга. М.: Артис Принт, 2021. 112 с.
29. Петраков Н.Я. Создание эффективного собственника // Экономическая наука современной России. 1998. № 1. С. 67–74.
30. Глазьев С.Ю. Государство должно быть эффективным собственником своего имущества // Экономические стратегии. 2003. № 5. С. 24–29.
31. Буданов И.А. Изменения в оценках основного капитала российской металлургии // Проблемы прогнозирования. 2007. № 1. С. 62–81.
32. Зинченко Ю.В. Влияние деятельности промышленных корпораций на динамику перехода российской экономики к устойчивому развитию // Проблемы прогнозирования. 2020. № 6 (183). С. 129–140.
33. Модернизация промышленности и развитие высокотехнологичных производств в контексте «зеленого» роста / под ред. Б.Н. Порфирьева. М.: Научный консультант, 2017. 434 с.
34. Борисов В.Н., Почукаева О.В. Анализ и прогноз конкурентоспособности российской инвестиционной техники на рынках дальнего зарубежья // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 2. С. 43–58.

Сведения об авторе

Игорь Анатольевич Буданов — доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН (117418, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр., д. 47; e-mail: budanov@ecfor.ru)

Budanov I.A.

Working Out Social Guidelines for the Industry Development of Metallurgy

Abstract. At present, traditional methods used in forecasting the development of economic sectors no longer provide acceptable results; thus it becomes relevant to work out new methods and approaches to industry forecasting. The paper proposes an approach to forecasting the development of industries under the influence of processes taking place in the social sphere. We consider major contradictions caused by the influence of metallurgical production on the formation of socio-economic conditions in Russia. We show that social factors played a significant role in making decisions on the establishment of metallurgical enterprises and the management of the metal market. We highlight major social functions performed by metallurgy. The study of the commodity market of metal products is supplemented by an analysis of changes in the positions of metallurgical enterprises in the capital market and the labor market. We note that social expenditures help metallurgical companies to gain public recognition of their performance results and change the level of their capitalization. This made it possible to develop a methodological approach to assessing the prospects of industry development with the use of guidelines for Russia's social development. We propose to use the following economic criterion: assessment of accumulation of funds invested in the development of production, preservation and growth of capital. We estimate social impact generated by development of metallurgical production under various scenarios of managing the decision-making system in Russia. We compare a business-oriented scenario, a scenario involving state paternalism, and a scenario of radical social transformations. We substantiate the conclusion about the

advantages that the social variant of development of the state provides for creating a promising image of national metallurgy. This scenario will ensure high dynamics of metal production, growth of business capitalization and quality of life in Russia.

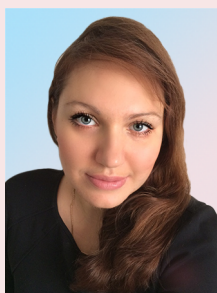
Key words: industry forecasting, metallurgy, metal market, social factors, social guidelines, development scenarios.

Information about the Author

Igor' A. Budanov – Doctor of Sciences (Economics), Professor, head of laboratory, Institute of National Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: budanov@ecfor.ru)

Статья поступила 30.08.2021.

Оценка влияния инновационно-инвестиционной активности на формирование экспортно ориентированной аграрной экономики*

**Елена Анатольевна
ДЕРУНОВА**

Институт аграрных проблем РАН
Саратов, Российская Федерация
e-mail: ea.derunova@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-9391-0123; ResearcherID: L-6088-2015

**Марианна Яковлевна
ВАСИЛЬЧЕНКО**

Институт аграрных проблем РАН
Саратов, Российская Федерация
e-mail: mari.vasilchenko@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-0504-0533; ResearcherID: ABE-8894-2020

**Виктор Ленарович
ШАБАНОВ**

Институт аграрных проблем РАН
Саратов, Российская Федерация
e-mail: vic35@inbox.ru
ORCID: 0000-0002-0129-8238

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00979А «Влияние инвестиционных ресурсов региональных агросистем на повышение экспортного потенциала в условиях инновационной структурной трансформации».

Для цитирования: Дерунова Е.А., Васильченко М.Я., Шабанов В.Л. Оценка влияния инновационно-инвестиционной активности на формирование экспортно ориентированной аграрной экономики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 5. С. 100–115. DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.6

For citation: Derunova E.A., Vasilchenko M.Ya., Shabanov V.L. Assessing the impact of innovation and investment activity on the formation of an export-oriented agricultural economy. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 5, pp. 100–115. DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.6

Аннотация. Проблема формирования экспортно ориентированной аграрной экономики связана с необходимостью оценки ее инновационной и инвестиционной активности и анализом качества государственной политики по стимулированию внедрения инноваций и наукоемкой продукции в сельскохозяйственное производство. Высокая дифференциация российских регионов по природно-климатическим условиям и уровню ресурсного обеспечения выступает существенным ограничителем в формировании новых экспортных позиций, что предопределяет необходимость совершенствования государственной инвестиционной политики, учитывающей региональные различия. Цель данного исследования состоит в выявлении зависимости уровня экспорта сельскохозяйственной продукции от уровня инновационно-инвестиционной активности, разработке рекомендаций по повышению инновационно-инвестиционной активности территориальных и отраслевых агросистем. Предложена гипотеза: одним из важнейших факторов увеличения объема экспорта сельскохозяйственной продукции региона является уровень инновационно-инвестиционной активности. Методологической основой выступают теоретические подходы зарубежных и отечественных авторов к оценке влияния инновационно-инвестиционных процессов на наращивание экспортного потенциала, а также формирование сбалансированных экспортно ориентированных агросистем в территориальном и отраслевом разрезе. Разработана модель, оценивающая зависимость между инвестициями в основной капитал сельского хозяйства, валовой продукцией отрасли и экспортом сельскохозяйственной продукции с помощью методов многомерного статистического анализа. Проведена оценка динамики регионального инновационно-инвестиционного развития и сравнение выделенных типологических групп регионов России по их производственной и экспортной эффективности, используемым ресурсам и достигнутым результатам. Новизна и значимость разработанной модели заключаются в возможности ее применения для диагностики и мониторинга состояния территориальных отраслевых и региональных инновационно-инвестиционных агросистем. Для каждого типа регионов предложены дифференцированные стратегии государственного регулирования, направленные на преодоление ограничений низкой инновационно-инвестиционной активности в формировании экспортно ориентированной аграрной экономики. Результаты исследования имеют практическую ценность для разработки и внедрения адресных механизмов и инструментов повышения эффективности инновационной и инвестиционной деятельности в целях обеспечения лидирующих позиций регионов по экспорту сельскохозяйственной продукции.

Ключевые слова: инновационно-инвестиционная активность, аграрная экономика, экспорт, моделирование, метод главных компонент, типология регионов, государственная поддержка, территориальный и отраслевой подход.

Введение

Ускорить темпы инновационного развития аграрного сектора экономики, повысить эффективность сельскохозяйственного производства в условиях перехода к экспортно ориентированной аграрной экономике возможно с помощью разработки механизмов стимулирования инновационно-инвестиционной активности. При переходе к цифровым, интеллектуальным и роботизированным технологиям становится актуальным поиск новых моделей инновационной политики, обеспечивающих эффективность развития инновационной системы, эффективной организации распространения и внедрения

инноваций [1]. Согласно Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия в редакции от 31 марта 2020 года¹ и Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, утвержденной Указом

¹ О внесении изменений в Государственную программу развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия: Постановление Правительства Российской Федерации от 31.03.2020 № 375. URL: <https://base.garant.ru/73841082/> (дата обращения 12.11.2020).

Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642², проблемы недостаточной координации исследовательских институтов с отраслями экономики препятствуют научно-технологическому развитию России. Рост эффективности инновационного воспроизводства в сельском хозяйстве и агропромышленном комплексе в целом возможен при условии конгруэнтности интересов агробизнеса, науки и государства с учетом диагностики потребности отраслей в адресных инновациях, научно-интеллектуальной, финансовой и информационной поддержке, сбалансированности распределения ресурсов, знаний, информации, компетенций и технологий на всех этапах инновационного процесса [2].

Цель исследования – выявление воздействия уровня инновационно-инвестиционной активности на экспорт сельскохозяйственной продукции и разработка дифференцированных стратегий государственного регулирования инновационно-инвестиционной активности территориальных и отраслевых агросистем.

Степень разработанности проблемы

Для эффективной организации управления инновационными процессами в АПК необходима разработка направлений его сбалансированного развития с учетом пространственных и стратегических подходов на федеральном, территориальном и отраслевом уровнях. Повышение инновационно-инвестиционной активности и формирование сбалансированных агроинновационных систем (АИС) на территориальном и отраслевом уровнях базируется на концепции инновационных систем. Доминирующее значение в создании модели экспортно ориентированной аграрной экономики принадлежит выстраиванию связей между наукой, институтами господдержки, агробизнесом и внедренческими формированиями в рамках реализации инновационной аграрной политики [3]. Существуют различные трактовки толкования термина АИС [4; 5; 6]. Взаимоотношения между акторами АИС трансформируются в процессе ее формирования, достигая необходимого уровня сбалансированности [7–12].

² О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642 (ред. от 15.03.2021). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207967/ (дата обращения 20.03.2021).

На формирование территориальных АИС влияют экономические, географические, технологические, социальные, нормативно-правовые и институциональные факторы. Одним из факторов повышения инновационно-инвестиционной активности в АПК является интенсивность связей между отдельными элементами инновационных систем и акторами [13]. Трансформация социально-экономических процессов отражается в различных концепциях: инновационных кластеров, «тройной» спирали [14] и «четырёхзвенной» спирали инноваций [15; 16].

Для оценки уровня инновационной активности существуют разные подходы и методы, которые применяются за рубежом. Среди них European Innovation Scoreboard, Technology Achievement Index, Innovation Capacity Index, World Innovation Index не (GII BCG), World Innovative Index INSEAD (GII INSEAD), Global Innovation Factor Global Innovation Quotient). В мировой практике наиболее известными и широко используемыми являются рейтинги Всемирного экономического форума, индексы инновационного потенциала UNCTAD, оценка уровня развития экономик знаний Всемирного банка, а также европейские рейтинги. Достоинство этих методик заключается в возможности оценки как ресурсов, так и результатов инновационного развития на основе доступных в региональном и отраслевом разрезе статистических данных. В отечественных исследованиях наиболее известными являются рейтинги субъектов Российской Федерации Высшей школы экономики, а также рейтинги инновационного развития регионов Ассоциации инновационных регионов России³. При этом залогом успеха «прорывных» технологий стало качество инновационной политики. Первостепенное значение приобретают диагностика функций акторов АИС и разработка методов мониторинга, комплексной оценки эффективности и прогнозирования региональной инновационной политики [17; 18].

Ключевыми показателями для оценки уровня инновационного развития с учетом фактора межрегиональной дифференциации, определя-

³ Ассоциация инновационных регионов России (2018). Рейтинг инновационных регионов России. URL: <http://i-regions.org/reiting/rejting-innovatsionnogo-razvitiya> (дата обращения 13.04.2020).

ющими темпы инновационного развития аграрной экономики России, выступают объем физического производства валовой продукции сельского хозяйства, объем государственных инвестиций в отрасль, производительность труда, фондовооруженность, состав и численность исследователей в сельском хозяйстве, уровень доходов населения. По мнению Ю.П. Бондаренко, на уровень межрегиональной дифференциации в сельском хозяйстве оказывают влияние факторы общего и отраслевого действия. К факторам общего, или внешнего, воздействия относятся темпы устойчивого социально-экономического развития регионов, уровень их инвестиционной активности, степень обеспеченности и развития ресурсного потенциала. Среди факторов внутриотраслевого действия целесообразно учитывать уровень инновационной активности конкретной отрасли, уровень затрат на технологические инновации, необходимые для достижения запланированных производственных показателей [19]. На основе оценки факторов, влияющих на инновационную активность, предложены механизмы совершенствования инвестиционной политики [20].

В нашем исследовании предложена гипотеза: уровень инновационно-инвестиционной активности выступает одним из важнейших факторов увеличения объема экспорта сельскохозяйственной продукции региона.

В мировой экономической литературе при изучении связи инноваций и экспорта исследуется как влияние выхода предприятий на международный рынок на их инновационную активность, так и влияние инновационно активных компаний на расширение экспортного потенциала. Изыскания сводятся к двум фундаментальным теориям, описывающим более высокую инновационную активность компаний-экспортеров [21]. В работах С.Л. Leonidas доказывалось, что расширение рынка сбыта продукции и выход на экспортные позиции являются стимулом к инновационной деятельности, росту эффективности производства [22]. С другой точки зрения, инновационная позиция фирмы определяет уровень взаимосвязи между экспортом и производительностью. Данную гипотезу подтверждают на теоретическом и эмпирическом уровнях В. Cassiman, Е. Golovko, Е. Martinez-Ros [23].

Согласно гипотезе «самовыбора» (self-selection hypothesis), у инновационно-активных предприятий рентабельность выше, что позволяет осуществлять затраты, связанные с выходом на внешние рынки. В этом ключе инновации являются движущей силой повышения производительности, сокращения издержек, роста качества продукции, способствуя выходу предприятия на экспортные позиции [24].

Ориентация на гипотезу «обучающего эффекта экспорта» (learning-by-exporting hypothesis) предполагает, что предприятия, ориентированные на экспорт, перенимают положительный зарубежный опыт [25] внедрения и распространения организационных, технологических, маркетинговых инноваций в производство для эффективного ведения бизнеса и поддержания лидерских позиций на рынке [26].

Предприятия после завоевания экспортных позиций приобретают новые перспективы и возможности по внедрению инноваций и наукоемкой продукции в производственные процессы, таким образом создается положительный эффект обучения от международного сотрудничества. Согласно данному представлению, экспорт выступает как причина трансфера положительного зарубежного опыта в бизнес-процессы предприятий. Гипотеза о «самовыборе» имеет значительное число эмпирических подтверждений в отличие от гипотезы об «обучающем эффекте экспорта» [27–30]. Вместе с тем распространены исследования, доказывающие, что две гипотезы являются взаимодополняющими и не исключают воздействия друг на друга. Повышение конкурентоспособности предприятий вследствие внедрения инноваций обуславливает рост продуктивности благодаря эффекту экспорта. В свою очередь экспортная активность способствует приросту производительности даже с учетом эффекта «самовыбора» [31; 32].

Мы разделяем позицию N.V. Linder, E.V. Arsenova [33] в области обоснования взаимовлияния экспорта и инноваций, при которой инвестиционное решение в области формирования экспортной политики становится предпосылкой и условием инвестиционного решения в области инновационного развития, и наоборот. Эффективность взаимодействия данных процессов достигается за счет того, что и

экспорт, и инновации служат потенциальным драйвером получения нового знания. Кроме того, благодаря потенциальной взаимосвязи продуктовых и процессных инноваций принятие решения о выпуске инновации предшествует решению создать экспортно ориентированную модель развития. В дальнейшем доходы от экспортной деятельности позволяют предприятию внедрять более дорогие процессные технологические инновации, направленные на рост производительности труда и эффективности производственных процессов.

В результате комплементарности экспорта и инноваций формируется следующая градация предприятий: наиболее эффективными оказываются те, что одновременно участвуют в экспортной и инновационной деятельности, за ними следуют предприятия, ведущие или экспортную, или инновационную деятельность, далее те, которые не принимают участие ни в экспортной, ни в инновационной деятельности [34].

Несмотря на актуальность и значимость представленной тематики, комплексных исследований, направленных на анализ зависимости инноваций, производительности и экспорта, в настоящее время недостаточно. В работах Kozlov, Wilhelmsson проведено тестирование эффекта «самовыбора» на данных таможенной статистики [35]; в трудах De Rosa обоснована важность исследования предшествующего опыта работы на внешних рынках [36]. Y. Gorodnichenko на основе данных опросов фирм в 27 переходных экономиках (BEEPS), включая Россию, доказал, что глобализация способствует повышению уровня инновационно-инвестиционной активности предприятий [37]. В работах В.В. Голиковой, К.Р. Гончар, Б.В. Кузнецовой тестируются гипотезы об инновационных стимулах, формируемых при выходе фирм на внешние рынки, на базе панельных данных, полученных в ходе опросов на предприятиях обрабатывающей промышленности, проведенных НИУ ВШЭ [38].

По мнению М.Ю. Архиповой, инновационная активность (выражающаяся как в затратах на исследования и разработки, так и в новизне производимой продукции, полученных патен-

тах и др.) позволяет предприятиям расширить сферу своего влияния, перейти с локального на национальный и даже международный рынок сбыта. На территориальном и отраслевом уровнях подтвержден вывод о том, что экспортерами становятся наиболее инновационно активные предприятия, способные поставлять конкурентоспособную продукцию на рынки и преодолевать издержки входа на новые глобальные рынки [39]. Рассмотрено также воздействие процессов цифровизации на развитие технологического экспорта [40].

Влияние инновационно-инвестиционной активности на динамику экспорта сельскохозяйственной продукции и корректировка направлений государственной политики в регионах различных типов с учетом достигнутого уровня инновационного развития исследованы недостаточно, что предопределило выбор тематики нашей работы.

Гармонизация политики на федеральном и региональном уровнях является ключом к реализации поставленной задачи, при этом механизм государственной поддержки инновационного воспроизводства на селе должен быть выстроен таким образом, чтобы он непосредственно стимулировал процедуру изменения технологических укладов. Все вышесказанное указывает на необходимость совершенствования инвестиционной политики: ее основными направлениями должны стать меры по стимулированию инвестиций в приоритетные подотрасли сельского хозяйства.

В связи с этим актуальна разработка теоретико-методологических подходов к исследованию влияния инновационно-инвестиционной деятельности на формирование экспортно ориентированных аграрных систем на региональном и отраслевом уровнях управления; оценочно-прогнозного инструментария для диагностики взаимосвязи инвестиций в основной капитал сельского хозяйства, валовой продукции отрасли и экспорта сельскохозяйственной продукции на основе классификации регионов России по факторам, агрегирующим эти характеристики; направлений совершенствования государственной инновационно-инвестиционной политики в аграрном секторе экономики для различных типов кластеров.

Материалы и методы

Статья является логическим продолжением исследований по тематике инновационно-инвестиционного развития и формирования экспортно ориентированной экономики. В предыдущих исследованиях осуществлялся поиск актуальных индикаторов и эффективных инструментов моделирования влияния инновационно-инвестиционного развития на наращивание производственного и экспортного потенциала с использованием концепции открытых инноваций на региональном уровне.

В продолжение обозначенной тематики в данной работе на основе синтеза концептуальных положений зарубежных и отечественных теорий влияния инноваций и инвестиций на экспорт выдвинута следующая гипотеза: уровень инновационно-инвестиционной активности выступает одним из важнейших факторов увеличения объема экспорта сельскохозяйственной продукции региона.

Осуществлен анализ влияния инвестиций на экспорт в территориальном разрезе, а также диагностика и мониторинг концентрации инновационно-инвестиционной активности на отраслевом уровне.

В качестве информационной матрицы для исследования были использованы эмпирические данные сельского хозяйства по регионам России за 2018–2019 гг., по которым осуществлен анализ пространственной структуры производственного, инвестиционного и экспортного потенциала, затрат и результатов инновационной деятельности.

Для учета региональных различий по уровню инвестиционного, производственного и экспортного потенциала применялись статистические методы многомерной классификации субъектов РФ. Наибольшее распространение среди них имеет метод кластерного анализа, главная особенность которого состоит в том, что различия между объектами, входящими в выделенную группу, являются незначительными, а различия между группами – существенными.

Кластерный анализ проводился по таким показателям, как экспорт продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья, доля экспорта продовольствия и сельскохозяйственного сырья в общем объеме экспорта, валовая

продукция сельского хозяйства на 1 га сельскохозяйственных угодий, инвестиции в основной капитал, направленные на развитие сельского хозяйства, на 1000 руб. валовой продукции, вывоз зерна злаковых и бобовых культур, вывоз мяса (включая субпродукты) и мясопродуктов, тыс. т в убойном весе, валовой сбор зерна (в весе после доработки), производство скота и птицы на убой (в убойном весе).

В результате кластерного анализа в исследовании была проведена классификация регионов России с выделением групп, обладающих высокой степенью однородности по имеющемуся набору показателей. Снижение размерности признакового пространства осуществлялось методом главных компонент факторного анализа.

В процессе снижения размерности возникает объединение коррелирующих между собой переменных в новые – обобщенные и некоррелированные, которые объясняют большую часть их суммарной дисперсии. Формально обобщенные переменные представлены линейными комбинациями исходных нормализованных переменных, коэффициенты перед которыми отражают факторные нагрузки, изменяющиеся в диапазоне от -1 до 1 и характеризующие силу влияния конкретного показателя на главную компоненту. В итоге признаковое пространство сжимается, а его оси ортогонализуются; следствием является повышение эффективности последующей многомерной классификации на этих осях [41].

Очевидным преимуществом использования иерархического метода Уорда с квадратом расстояния Евклида выступает возможность достижения достаточно высокой однородности кластеров на основе построения дерева их пошагового объединения. На начальном этапе каждый объект рассматривается как отдельный кластер, в дальнейшем происходит последовательное объединение объектов, основанное на выбранной мере близости, пока не останется только один. Работа алгоритма завершается на заданном количестве кластеров, установленном экспертным путем. В случае, если число кластеров или принадлежность отдельных объектов конкретным кластерам известны априори, используются методы «с обучением», среди которых выделяется метод K-средних [42].

Статистическая база исследования включает данные по 69 регионам-субъектам РФ, по которым имелась в наличии информация по всем отобранным показателям. Расчеты проводились с использованием пакета обработки и анализа статистической информации SPSS.

Результаты исследования

Факторный анализ использовался в отношении исходных переменных $X_1...X_8$, которые были распределены по 69 регионам России и нормализованы по стандартной процедуре, приводящей к нулевому среднему и единичной дисперсии. В итоге были получены три главные компоненты, объясняющие 78,3% суммарной дисперсии. Вследствие вращения пространства главных компонент методом Varimax было достигнуто более четкое распределение факторных нагрузок исходных нормализованных показателей на главные компоненты. Полученная матрица факторных нагрузок дает возможность однозначно соотнести исходные показатели с главными компонентами.

Наиболее высокие по абсолютной величине факторные нагрузки (выше 0,5) определяют показатели, объясняющие содержание главных компонент. Первая главная компонента (ГК1) объясняет 33,6% суммарной дисперсии и образуется тремя абсолютными показателями с высокими факторными нагрузками – X_1 , X_5 , X_7 и однонаправленной динамикой. Экспорт продовольствия и сырья непосредственно связан с производством и вывозом зерна, поэтому ГК1 можно охарактеризовать как «продовольственный и сельскохозяйственный экспорт и его основные факторы».

Вторая главная компонента (ГК2) объясняет 30,2% суммарной дисперсии и включает три показателя с высокими факторными нагрузками – X_3 , X_6 , X_8 . Относительный показатель стоимости валовой продукции сельского хозяйства (в расчете на 1 га сельхозугодий) имеет опосредованную связь с абсолютными показателями производства скота и птицы

и вывоза мясопродуктов, поэтому ГК2 можно обозначить как «эффективность сельскохозяйственного производства и ее основные факторы».

Третья главная компонента (ГК3) объясняет 14,5% суммарной дисперсии и состоит из двух относительных показателей – X_2 , X_4 . Инвестиции в сельское хозяйство (в расчете на 1000 руб. валовой продукции) напрямую связаны с ростом удельного веса продовольственного экспорта. ГК3 показывает, что инвестиции в сельское хозяйство продуцируют экспорт продовольствия: чем выше капиталоемкость продукции сельского хозяйства, тем выше доля продовольственного экспорта. ГК3 можно называть «интенсивность инвестиций в сельское хозяйство и экспорт сельхозпродукции».

Средние значения главных компонент по каждой типологической группе представлены в *таблице 1*.

Видно, что наиболее высокие значения главных компонент имеют первая, вторая и пятая типологические группы. Необходимо подчеркнуть, что ГК3 выступает ведущим дифференцирующим признаком формирования второй и третьей группы; ГК1 отражает высокий уровень производства и вывоза зерна и экспорта сырья, а также экспорта сырья и продовольствия пятой типологической группы.

Результатом проведенной классификации методом Уорда на основе трех выделенных главных компонент стало формирование пяти типологических групп регионов. Необходимо отметить, что Белгородская область (группа 1), Ростовская область и Краснодарский край (группа 5) присоединились к общему дереву иерархической классификации в ходе последней итерации. Эти регионы существенно отличаются от остальных своей высокой специализацией по производству и экспорту мяса (Белгородская область) и зерна (Ростовская область и Краснодарский край), что подтверждают высокие значения ГК2 и ГК1.

Таблица 1. Средние значения главных компонент в типологических группах

	1	2	3	4	5
ГК1	-0,213	-0,190	-0,299	-0,055	5,238
ГК2	6,022	0,664	-0,358	-0,174	0,060
ГК3	-0,962	1,568	0,403	-0,740	0,197

Источник: собственные расчеты авторов.

Остальные регионы формируют три типологические группы – 2, 3 и 4, включающие в свой состав, соответственно, 11, 21 и 34 субъекта РФ. Коэффициент компактности группы определялся как сумма квадратов евклидовых расстояний, рассчитываемых в пространстве трех главных компонент, между всеми парами регионов, входящих в кластер, деленная на число этих пар. В итоге компактность третьей группы составила 0,91, четвертой – 1,11, второй – 4,30. Следует отметить наиболее компактную третью группу, включающую две совокупности регионов, объединившихся на одном из первых шагов кластеризации. Вторая группа является наименее компактной из-за подключения на одном из шагов достаточно обособленных регионов, имеющих существенные особенности (Камчатский край, Калининградская область). Четвертая группа также формировалась за счет объединения на одном из средних шагов двух компактных подгрупп, состоящих из 28 и 6 субъектов РФ, причем последняя из них характеризуется высокими значениями ГК1 и ГК2.

Расчеты статистических показателей, характеризующих производственный, инвестиционный и экспортный потенциал по актуальным статистическим данным в разрезе типологических групп, представлены в *таблице 2*.

Обсуждение результатов исследования

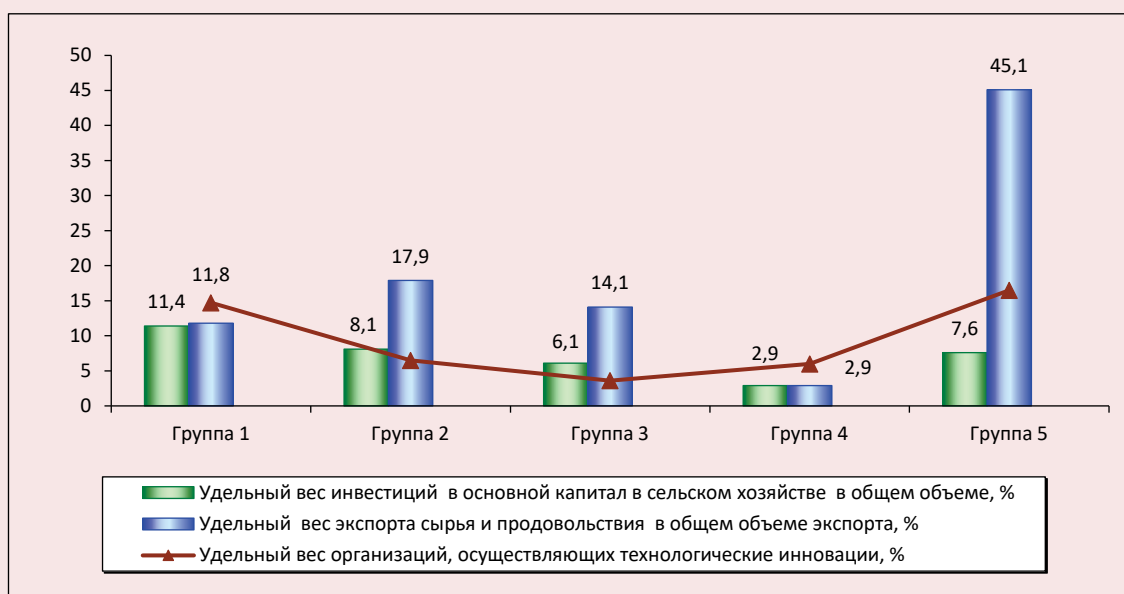
Более подробный анализ показателей по типологическим группам отражает разнонаправленные тенденции в развитии инвестиционного и экспортного потенциала. На *рисунке* представлена взаимосвязь между экспортом продовольствия и инновационно-инвестиционным развитием сельского хозяйства.

Следует сказать об отсутствии линейной зависимости между инновациями, инвестициями и экспортом, что особенно заметно в первой и пятой группах. В первой группе более высокий удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации, сочетается с уровнем инвестирования, соответствующим масштабам экспорта. В пятой группе, напротив, экспортный потенциал превышает масштабы инвестирования и экспорта.

Таблица 2. Характеристика типологических групп по уровню производственного, инвестиционного и экспортного потенциала (2019 г.)

Показатель	Группа 1 (Белгородская область)	Группа 2 (11 регионов)	Группа 3 (21 регион)	Группа 4 (34 региона)	Группа 5 (2 региона)
Валовой сбор зерна (в весе после доработки), тыс. т	3473,1	1705,3	740,1	1664,6	12992,0
Производство скота и птицы на убой (в убойном весе), тыс. т	1705,2	230,1	75,2	138,8	296,3
Валовая продукция сельского хозяйства на 1 га сельскохозяйственных угодий, тыс. руб.	140,1	58,9	29,9	20,4	56,5
Инвестиции в основной капитал, направленные на развитие сельского хозяйства, на 1000 руб. валовой продукции, руб.	44,0	153,1	110,7	70,7	53,5
Экспорт продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья, млн долл.	384,9	344,6	166,0	105,2	3537,0
Доля экспорта продовольствия и сельскохозяйственного сырья в общем объеме экспорта, %	11,8	17,9	14,1	2,9	45,1
Вывоз зерна злаковых и бобовых культур (в т. ч. экспорт), тыс. т	389,6	819,0	310,7	679,5	17056,9
Вывоз мяса (включая субпродукты) и мясопродуктов (в т. ч. экспорт), тыс. т в убойном весе	1285,6	299,0	64,2	91,0	163,2
Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020: стат. сб. / Росстат. М., 2020. 1242 с.; ЕМИСС федеральной статистики. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/58969					

Взаимосвязь между экспортом продовольствия и инновационно-инвестиционным развитием сельского хозяйства типологических групп (2019 г.)

Источник: собственные расчеты авторов.

В предыдущих работах исследовались региональные особенности обеспеченности инвестициями в основной капитал сельского хозяйства с учетом специфики инновационных процессов на примере Приволжского федерального округа [43].

Более детальное исследование показало значительную степень региональной дифференциации производственного, инвестиционно-инновационного и экспортного потенциала по выделенным типологическим группам. Первая группа в составе единственного региона – Белгородской области – отличается более высокими показателями эффективности валового производства сельскохозяйственной продукции, объемами производства и вывоза животноводческой продукции. В 2019 году область занимала десятое место по объему инвестиций в основной капитал сельского хозяйства (11688,9 млн руб.). В то же время уровень инвестиций в основной капитал на единицу валовой продукции в ней ниже, чем в большинстве регионов остальных групп – 44,0 руб. на 1000 руб. (39 место из 69 рассматриваемых субъектов РФ). Ситуацию «недоинвестирования» можно объяснить действием эффекта масштаба произ-

водства: область занимает третье место в России по величине валовой продукции сельского хозяйства (265693 млн руб.), а инвестирование осуществляется более низкими темпами по сравнению с объемами производства. Исходя из вышесказанного, Белгородская область имеет высокий производственный потенциал и экспортно ориентированный животноводческий сектор, однако инвестиционная активность не соответствует росту объемов производства, хотя процессы модернизации основного капитала идут достаточно активно (в 2019 году доля инвестиций в машины и оборудование в общем объеме направленных на реконструкцию и модернизацию инвестиций была равна 41% при среднем значении по России 17,2%). Следовательно, реализация крупных инвестиционных проектов в направлении диверсификации производства и экспорта потребует выделения дополнительных финансовых ресурсов [44].

Для второй типологической группы характерна наиболее высокая инвестиционная активность, о чем свидетельствует показатель инвестиций на единицу валовой продукции – 153,1 руб. В таких регионах, как Калужская, Московская, Брянская, Калининградская,

Воронежская области, величина данного показателя превышает среднее значение по группе. Благоприятные возможности для инвестирования подтверждаются также высокой инвестиционной привлекательностью большинства регионов группы. В Пензенской и Воронежской областях реализуются крупные проекты в свиноводческой подотрасли. В Калужской и Московской областях активно осуществляются процессы роботизации в молочном скотоводстве [45]. Вместе с тем следует обратить внимание на более низкую эффективность производства (58,9 руб.) в сравнении с Белгородской областью, хотя потенциал экспорта зерна и мяса довольно значителен. Таким образом, анализируемая группа регионов имеет высокий инвестиционный потенциал и экспортно ориентированное производство зерна и мяса, хотя есть резервы повышения эффективности производства. Возможности роста экспорта зерна и мяса подтверждаются показателями интенсивности межрегиональных поставок, причем инновационная доминанта экспорта связана с производством преимущественно пищевой продукции с высокой добавленной стоимостью.

Третья типологическая группа отличается низким потенциалом зернового и мясного производства и продовольственного экспорта, точечным характером инвестирования, ограничивающего возможности сбалансированного развития: на 5 из 21 регионов приходится около 60% общего объема инвестиций в основной капитал. Низкая инвестиционная активность не позволяет повысить эффективность сельскохозяйственного производства и обеспечить лидирующие позиции в сегменте продовольственного экспорта. Исследованиями установлены ограниченные возможности экспортных поставок высокотехнологичных товаров, несмотря на существенную долю экспорта продовольствия и сельскохозяйственного сырья (14,1%), что связано со значительной межрегиональной дифференциацией.

Регионы самой многочисленной четвертой группы отличаются низким инвестиционным потенциалом, слабым развитием мясного производства и незначительной долей продовольственного экспорта. По сравнению с регионами третьей группы здесь несколько выше иннова-

ционная составляющая в подотрасли свиноводства и производстве пищевых продуктов, хотя масштабы продовольственного экспорта крайне малы (2,9%). Межрегиональная дифференциация в наибольшей степени характерна для производства и экспорта зерна. Например, Ставропольский край входит в первую десятку экспортеров пшеницы, располагая более высоким по сравнению со средним по группе инвестиционным потенциалом. Дальнейшее развитие инвестиционного потенциала региона связано с повышением эффективности аграрного сектора.

Пятая группа, состоящая из Ростовской области и Краснодарского края, выделяется наиболее высоким экспортным потенциалом сырья и продовольствия, а также масштабами производства зерна вследствие региональной специализации. Вместе с тем возможности повышения эффективности производства и усиления инвестиционной активности еще не использованы в полной мере, хотя инновационный потенциал экспорта зерна довольно высокий.

Специфика инновационного развития России определяется значительной неравномерностью этого процесса по регионам, которая в дальнейшем может быть уменьшена в результате диффузии инноваций из инновационных центров в регионы инновационной периферии [46]. В силу специфики российской национальной инновационной системы это возможно лишь при условии осуществления активной государственной политики в сфере управления инвестиционно-инновационной деятельностью, а также при увеличении количества частных инвесторов инновационных проектов. Однако в ближайшие десятилетия сохранится существенный разрыв между субъектами – лидерами инновационного развития и отстающими регионами. Преобладание территориального подхода в современном инновационном дискурсе актуализирует формирование и реализацию дифференцированных типов региональной инновационной политики, адекватно учитывающих имеющиеся ресурсы, их сильные и слабые стороны, а также приоритеты регионального развития с различными мерами государственной поддержки и способами развития инновационных компетенций. Достаточно успешный европейский опыт разработ-

ки и реализации региональных инновационных стратегий в рамках региональной инновационной политики позволяет выделить следующие этапы: анализ инновационно-инвестиционной активности на территориальном и отраслевом уровнях, координация основных стейкхолдеров агросистем, планирование и координация их деятельности, мониторинг и оценка эффективности функционирования, научно-технологический прогноз, обоснование приоритетных потребностей, разработка организационно-экономических и финансовых механизмов государственной поддержки.

Результаты эмпирического исследования показали наличие существенных диспропорций в уровне инновационно-инвестиционной активности на межрегиональном и отраслевом уровнях, что ограничивает масштабы продовольственного экспорта. Для устранения диспропорций разработаны методические подходы по совершенствованию механизмов государственного регулирования пространственно-инновационно-инвестиционного развития. Разработанная типология регионов позволяет выделить дифференцированные стратегии государственного регулирования для каждой группы регионов, направленные на повышение инновационно-инвестиционной активности в процессе формирования экспортно ориентированной аграрной экономики.

Белгородская область – технологический лидер в производстве свинины и пищевой продукции (доля отгруженных инновационных товаров в свиноводстве и пищевых производствах составляет, соответственно, 11,2 и 17,5%), что предопределяет возможности экспорта продукции с высокой степенью обработки. В отличие от других типологических групп, масштабы производства мяса дают возможность формировать экспортные позиции региона, расширения которых следует ожидать в ближайшем будущем при условии государственной поддержки. Учитывая высокую инновационную активность в производстве отдельных видов животноводческой продукции и переработки, в отношении данного региона целесообразно использовать стратегию сохранения технологического лидерства и расширения экспорта животноводческой продукции с высокой добавленной стоимостью, стратегию повышения инвестиционной активности посредством стимулирования разработ-

ки и реализации инвестиционных проектов с использованием инструментов цифровой экономики.

Вторая типологическая группа имеет высокую инвестиционную активность и экспортно ориентированное производство зерна и мяса, хотя инновационная активность в производстве отдельных видов продукции носит точечный характер, ограничивая возможности повышения эффективности. В связи с этим рекомендуется использовать разнонаправленные стратегии: стратегию стимулирования инвестиционной активности в производствах, осуществляющих глубокую переработку сырья, и стратегию повышения инновационной активности в зерновом производстве.

Третья типологическая группа характеризуется низкой инновационно-инвестиционной активностью и ограниченными возможностями экспорта продовольствия. Локализация инвестирования в нескольких регионах выступает одним из основных ограничений продовольственного экспорта, в том числе поставок высокотехнологичных товаров. Исходя из вышесказанного, повышение инновационно-инвестиционной активности может быть достигнуто в результате применения рекомендуемой стратегии экономического роста в зерновом и мясном производстве, направленной на создание благоприятных условий повышения эффективности использования производственного потенциала за счет реализации новых проектов, в том числе инфраструктурных; стратегии стимулирования перетока знаний с целью активизации процессов распространения и использования инноваций.

Четвертая типологическая группа выступает аутсайдером по уровню инвестиционного, производственного и экспортного потенциала с ярко выраженной межрегиональной дифференциацией производства и экспорта зерна. Институциональная неоднородность регионов группы предопределяет необходимость более активного вовлечения малого бизнеса в инновационные процессы. Рекомендуется использовать стратегию интеграции малых предприятий в агроинновационные производственные цепочки и стратегию стимулирования инновационной трансформации малого бизнеса на основе государственной поддержки использования инновационных ресурсов.

Пятая группа имеет углубленную специализацию на производстве и экспорте зерна с относительно высоким инновационным потенциалом. Однако разрыв между масштабами инвестиций и экспорта свидетельствует о возможностях дальнейшего повышения инвестиционно-инновационной активности. Рекомендуется стратегия стимулирования инфраструктурной инновационной трансформации производственного потенциала зернового производства.

Сформулированные стратегии применимы к конкретным типам регионов и направлены на форсирование процессов инновационно-инвестиционного развития с целью создания высокотехнологичного экспортного продовольственного сектора.

Усиление инновационно-инвестиционной активности в аграрном секторе возможно при условии реализации мер государственной политики в направлении стимулирования создания, трансфера и использования знаний, технологий и инноваций; привлечения инвестиций в реализацию высокотехнологичных проектов с целью преодоления дифференциации технологического развития на территориальном и отраслевом уровнях. Для решения этой задачи немаловажное значение имеет гармонизация инновационно-инвестиционной политики на федеральном и региональном уровнях. Значительная роль в создании новой технологической основы агропромышленного комплекса и экспортного сектора отводится более широкому применению таких инструментов, как формирование портфелей инвестиционных проектов регионов с использованием «инвестиционного стандарта»; перераспределение бюджетных средств на завершение строительства и ввода в эксплуатацию объектов капитального строительства; возмещение части капитальных затрат по экспортно ориентированным проектам; предоставление льгот компаниям-инвесторам в целях реализации крупных инфраструктурных проектов.

Заключение

Проблема формирования экспортно ориентированной аграрной экономики связана с необходимостью оценки ее инновационной и инвестиционной активности и мониторингом

качества государственной политики по стимулированию внедрения инноваций и наукоемкой продукции в сельскохозяйственное производство. С помощью разработанной модели зависимости между инвестициями в основной капитал сельского хозяйства, валовой продукцией отрасли и экспортом сельскохозяйственной продукции с использованием метода кластерного анализа построена авторская типология субъектов РФ; дана оценка производственного, инновационно-инвестиционного и экспортного потенциала пяти типологических групп.

Новизна и значимость разработанной модели заключается в возможности ее использования для диагностики и мониторинга состояния территориальных, отраслевых и региональных инновационно-инвестиционных агросистем.

Результаты эмпирического исследования показали наличие существенных диспропорций в уровне инновационно-инвестиционной активности на межрегиональном и отраслевом уровнях, препятствующих увеличению масштабов продовольственного экспорта. Для устранения диспропорций предложены дифференцированные стратегии государственного регулирования, направленные на преодоление ограничений низкой инновационно-инвестиционной активности в формировании экспортно ориентированной аграрной экономики и активизацию процессов инновационно-инвестиционного развития.

Результаты исследования имеют практическую ценность для разработки и внедрения адресных механизмов и инструментов повышения эффективности инновационной и инвестиционной деятельности в целях обеспечения лидирующих позиций регионов по экспорту сельскохозяйственной продукции. Реализация сформулированных выводов, разработанных подходов и методов позволит обеспечить комплексный подход к анализу и оценке эффективности региональных агропродовольственных систем.

Дальнейшее развитие исследований предполагает уточнение набора показателей уровня технологического развития региона; реализацию методических подходов к оценке и прогнозированию оптимального уровня инвестиций в агропромышленный комплекс российских

регионов с целью повышения экспортного потенциала; корректировку методологических подходов к распределению бюджетных средств на развитие агропромышленного комплекса с учетом приоритетов развития экспортного потенциала.

Литература

1. Переход сельского хозяйства к цифровым, интеллектуальным и роботизированным технологиям / Е.А. Скворцов [и др.] // Экономика региона. 2018. Т. 14. Вып. 3. С. 1014–1028.
2. Preobrazhenskiy Yu., Firsova A. Problem of forming balanced agroinnovation systems: Empirical evidence from Russian regions. *Scientific Papers. Series Management, Economic Engineering in Agriculture and Rural Development*, 2020, vol. 20, issue 4, pp. 89–100.
3. Vasilchenko M.Ya., Sandu I. Innovative-investment development of agriculture in the conditions of formation of the export-oriented economic sector. *System approach. Sci. Pap. Ser. Manag. Econ. Eng. Agric. Rural Dev.*, 2020, vol. 20, pp. 599–612.
4. Pant L.P., Hambly-Odame H. Innovation systems in renewable natural resource management and sustainable agriculture: A literature review. *African Journal of Science, Technology, Innovation and Development*, 2009, vol. 1, pp. 103–135.
5. Spielman D., Ekboir, J., Davis K. The art and science of innovation systems inquiry: Applications to sub-Saharan African agriculture. *Technology in Society*, 2009, vol. 31, pp. 399–405.
6. Hall A., Clark N. What do complex adaptive systems look like and what are the implications for innovation policy? *Journal of International Development*, 2010, vol. 22, pp. 308–324.
7. Leeuwis C., Van den Ban A.W. *Communication for Rural Innovation: Rethinking Agricultural Extension*. Oxford: Blackwell Science, 2004. P. 424.
8. Röling N. Pathways for impact: Scientists' different perspectives on agricultural innovation. *International Journal of Agricultural Sustainability*, 2009, vol. 7, pp. 83–94.
9. Klerkx L., Aarts N., Leeuwis C. Adaptive management in agricultural innovation systems: The interactions between innovation networks and their environment. *Agricultural Systems*, 2010, vol. 103, pp. 390–400.
10. Vanloqueren G., Baret P. How agricultural research systems shape a technological regime that develops genetic engineering but locks out agro-ecological innovations. *Research Policy*, 2009, vol. 38, pp. 971–983.
11. Thompson J., Scoones I. Addressing the dynamics of agri-food systems: An emerging agenda for social science research. *Environmental Science and Policy*, 2009, vol. 12, pp. 386–397.
12. Brooks S., Loevinsoh M. Shaping agricultural innovation systems responsive to food insecurity and climate change. *Natural Resources Forum*, 2011, vol. 35, pp. 185–200.
13. Edquist C. Design of innovation policy through diagnostic analysis: Identification of systemic problems (or failures). *Industrial and Corporate Change*, 2011, vol. 20, issue 6, pp. 1725–1753. DOI: 10.1093/icc/dtr060
14. Ицковиц Г. Тройная спираль: университеты-предприятия-государство: Инновации в действии: пер. с англ. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та систем упр. и радиоэлектроники, 2010. 237 с.
15. Carayannis E.G., Campbel D.F.J. “Mode 3” and “Quadruple Helix”: Toward a 21st century fractal innovation ecosystem. *International Journal of Technology Management*, 2009, vol. 46, issue 3–4, pp. 201–234.
16. Carayannis E., Rakhmatullin R. The quadruple/quintuple innovation helixes and smart specialisation strategies for sustainable and inclusive growth in Europe and beyond. *Journal of the Knowledge Economy*, 2014, vol. 5, issue 2, pp. 212–239.
17. Fritsch M., Mueller P. The persistence of regional new business formation-activity over time-assessing the potential of policy promotion programs. *Journal of Evolutionary Economic*, 2007, vol. 17, issue 3, pp. 299–315.
18. Дерунова Е.А. Моделирование оценки эффективности научных разработок в сельском хозяйстве // Экономика региона. 2012. № 2. С. 250–257.
19. Бондаренко Ю.П. Закономерности и тенденции формирования структуры экономического роста сельского хозяйства России в условиях межрегиональных различий развития // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2019. № 4. С. 99–108.
20. Vasilchenko M., Derunova E. Factors of investment attractiveness of Russian agriculture in the context of innovative structural adjustment. *Scientific Papers Series Management, Economic Engineering in Agriculture and Rural Development*, 2020, vol. 20, issue 2, pp. 511–522.

21. Wagner J. Exports and productivity: A survey of the evidence from firm-level data. *The World Economy*, 2007, vol. 30, issue 1, pp. 60–82.
22. Leonidas C.L. Export barriers: Non-exporters' perceptions. *International Marketing Review*, 1995, vol. 12, issue 1, pp. 4–25.
23. Cassiman B., Golovko E., Martinez-Ros E. Innovation, exports and productivity. *International Journal of Industrial Organization*, 2010, vol. 28, issue 4, pp. 372–376.
24. Griliches Z. R&D and productivity: The unfinished business. *Estudios de Economia*, 1998, vol. 25, issue 2, pp. 145–160.
25. Grossman G.M., Helpman E. Trade, knowledge spillovers, and growth. *European Economic Review*, 1991, vol. 35, issue 2–3, pp. 517–526.
26. Greenaway D., Kneller R.A. Industry differences in the effect of export market entry: Learning by exporting? *Review of World Economics*, 2007, vol. 143, issue 3, pp. 416–432.
27. Aw B.Y., Hwang A. Productivity and the export market: A firm level analysis. *Journal of Development Economics*, 1995, vol. 47, pp. 313–332.
28. Bernard A.B., Jensen J.B. Exceptional exporter performance: Cause, effect, or both? *Journal of International Economics*, 1999, vol. 47, issue 1, pp. 1–25.
29. Delgado M.A., Fariñas J.C., Ruano S. Firm productivity and export markets: A non-parametric approach. *Journal of International Economics*, 2002, vol. 57, pp. 397–422.
30. Fariñas J.C., Martín-Marcos A. Exporting and economic performance: Firm-level evidence of Spanish manufacturing. *The World Economy*, 2007, vol. 30, issue 4, pp. 618–646.
31. Love J.H., Mansury M.A. Exporting and productivity in business services: Evidence from the United States. *International Business Review*, 2009, vol. 18, issue 6, pp. 630–642.
32. Van Biesebroeck J. Exporting raises productivity in sub-Saharan African manufacturing firms. *Journal of International Economics*, 2005, vol. 67, issue 2, pp. 373–391.
33. Linder N.V., Arsenova E.V. Instruments to stimulate the innovation activity of holdings in industry. *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*, 2016, vol. 198(2), pp. 266–274.
34. Liu X., Buck T. Innovation performance and channels for international technology spill overs: Evidence from Chinese high-tech industries. *Research Policy*, 2007, vol. 36(3), April, pp. 355–366.
35. Kozlov K., Wilhelmsson F. Exports and productivity of Russian firms: In search of causality. *Economic Change*, 2007, vol. 40, pp. 361–385.
36. De Rosa D. Do institutions matter for exporting? The case of Russian manufacturing. *Applied Economics Quarterly*, 2007, vol. 53, issue 2, pp. 119–164.
37. Gorodnichenko Y., Svejnar J., Terrell K. Globalization and innovation in emerging markets. *American Economic Journal: Macroeconomics*, 2010, vol. 2, issue 2, pp. 194–226.
38. Голикова В.В., Гончар К.Р., Кузнецов Б.В. Эмпирические доказательства обучающих эффектов экспорта. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2011. 52 с.
39. Архипова М.Ю., Александрова Е.А. Исследование характера связи инновационной и экспортной активности российских предприятий // Прикладная эконометрика. 2014. № 4 (36). С. 88–101.
40. Андреева Е.Л., Глухих П.Л., Красных С.С. Оценка влияния процессов цифровизации на развитие технологического экспорта регионов России // Экономика региона. 2020. Т. 16. Вып. 2. С. 612–624.
41. Shabanov V.L., Vasilchenko M.Ya., Derunova E.A., Potapov A.P. Formation of an export-oriented agricultural economy and regional open innovations. *J. Open Innov. Technol. Mark. Complex*, 2021, vol. 7, issue 1, p. 32. DOI: 10.3390/joitmc7010032
42. Андриющенко С.А., Васильченко М.Я., Шабанов В.Л. Метод К-средних кластерного анализа как инструмент классификации региональных АПК, учитывающий особый статус отдельных регионов // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2019. № 11. С. 36–41.
43. Vasilchenko M., Derunova E. Assessment of the contribution of the investment potential to increasing the efficiency of agricultural production. *Scientific Papers Series Management, Economic Engineering in Agriculture and Rural Development*, 2021, vol. 21, issue 1, pp. 805–816.
44. Моделирование диверсификации рынка как основы устойчивого экономического роста / Е.А. Дерунова, Н.В. Устинова, В.А. Дерунов, А.С. Семенов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 6. С. 91–109. DOI: 10.15838/esc/2016.6.48.5

45. Семин А.Н., Скворцов Е.А., Скворцова Е.Г. Территориальные аспекты роботизации сельского хозяйства // АПК: экономика, управление. 2019. № 3. С. 35–46.
46. Firsova A.A., Makarova E.L., Tugusheva R.R. Institutional management elaboration through cognitive modeling of the balanced sustainable development of regional innovation systems. *J. Open Innov. Technol. Mark. Complex*, 2020, vol. 6, p. 32. DOI: 10.3390/joitmc6020032

Сведения об авторах

Елена Анатольевна Дерунова – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт аграрных проблем РАН (410012, Российская Федерация, г. Саратов, ул. Московская, д. 94; e-mail: ea.derunova@yandex.ru)

Марианна Яковлевна Васильченко – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт аграрных проблем РАН (410012, Российская Федерация, г. Саратов, ул. Московская, д. 94; e-mail: mari.vasilchenko@yandex.ru)

Виктор Леннарович Шабанов – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт аграрных проблем РАН (410012, Российская Федерация, г. Саратов, ул. Московская, д. 94; e-mail: vic35@inbox.ru)

Derunova E.A., Vasilchenko M.Ya., Shabanov V.L.

Assessing the Impact of Innovation and Investment Activity on the Formation of an Export-Oriented Agricultural Economy

Abstract. The issue concerning the formation of an export-oriented agricultural economy is associated with the need to assess its innovation and investment activity and analyze the quality of state policy to stimulate innovation and high technology products in agricultural production. High differentiation of Russian regions by natural and climatic conditions and the level of resource provision are factors that hinder the formation of new export positions, which predetermines the need to improve state investment policy, considering regional differences. The purpose of this study is to identify the dependence of the export level of agricultural products on the level of innovation and investment activity, the development of recommendations to improve innovation and investment activity of territorial and sectoral agricultural systems. We put forward the following hypothesis: one of the most important factors in increasing the volume of agricultural products exports of the region is the level of innovation and investment activity. As a methodological basis we use theoretical approaches of foreign and Russian authors to assessing the impact of innovation and investment processes on the increase of export potential, as well as the formation of balanced export-oriented agricultural systems in the territorial and sectoral sections. We develop a model estimating the relationship between investment in fixed capital in agriculture, gross output of the industry, and exports of agricultural products using methods of multivariate statistical analysis. We assessed the dynamics of regional innovation and investment development and compared the selected typological groups of Russian regions by their production and export efficiency, the resources used and the results achieved. The novelty and significance of the developed model lies in the possibility of its application for diagnostics and monitoring of the state of territorial sectoral and regional innovation and investment agrosystems. For each type of region we proposed differentiated strategies of state regulation aimed at overcoming the limitations of low innovation and investment activity in the formation of export-oriented agricultural economy. The results of the study are of practical value for the development and implementation of targeted mechanisms and tools to improve the efficiency of innovation and investment activities in order to ensure the leading position of the regions in exports of agricultural products.

Key words: innovation and investment activity, agricultural economy, export, modeling, principal components analysis, typology of regions, state support, territorial and sectoral approach.

Information about the Authors

Elena A. Derunova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Agrarian Problems, Russian Academy of Sciences (94, Moskovskaya Street, Saratov, 410012, Russian Federation; e-mail: ea.derunova@yandex.ru)

Marianna Y. Vasilchenko – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Institute of Agrarian Problems, Russian Academy of Sciences (94, Moskovskaya Street, Saratov, 410012, Russian Federation; e-mail: mari.vasil4enko@yandex.ru)

Viktor L. Shabanov – Doctor of Sciences (Sociology), Leading Researcher, Institute of Agrarian Problems, Russian Academy of Sciences (94, Moskovskaya Street, Saratov, 410012, Russian Federation; e-mail: vic35@inbox.ru)

Статья поступила 07.07.2021.

НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ И ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.7

УДК 339.9, ББК 65

© Екимова Н.А.

Глобальные мегатренды и новые технологии: вызовы и угрозы постиндустриальной экономике*

**Наталья Александровна
ЕКИМОВА**

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Москва, Российская Федерация

e-mail: n.ekimova@bk.ru

ORCID: 0000-0001-6873-7146; ResearcherID: D-8643-2018

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению влияния мегатрендов, в настоящее время выступающих драйверами происходящих в обществе изменений, на структуру формирующейся экономики постиндустриального общества. Под их влиянием формируется новая экономика, ориентированная на использование такого ресурса, как время, которое высвобождается у людей по мере развития роботоники. В основе проведенного исследования лежит изучение пяти глобальных трендов развития современного общества: демографические трансформации; истощение природных ресурсов и изменение климата; изменение геоэкономического и геополитического ландшафтов; цифровизация и развитие новых технологий; комплексное благополучие человечества: богатство, здоровье и знания. Показано, что эти тенденции бросают серьезный вызов будущему человечества и принципиальным образом меняют структуру экономики и занятости населения. Реакцией на вызовы мегатрендов является формирование новых направлений в структуре экономики, которые позволяют отвечать на них и бороться с их негативными последствиями. Установлено, что мегатренды способствовали развитию таких направлений, как серебряная экономика, циркулярная экономика, роботоника, одноранговая экономика, и заложили основу формирования духовно-нравственной экономики и экономики досуга.

* Статья подготовлена в рамках государственного задания Правительства РФ Финансовому университету на 2021 год по теме «Политико-экономические закономерности функционирования и эволюции экономической системы России». Автор выражает глубокую признательность анонимным рецензентам за высказанные замечания.

Для цитирования: Екимова Н.А. Глобальные мегатренды и новые технологии: вызовы и угрозы постиндустриальной экономике // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 5. С. 116–134. DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.7

For citation: Ekimova N.A. Global megatrends and new technologies: Challenges for and threats to the post-industrial economy. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 5, pp. 116–134. DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.7

Вывод исследования заключается в том, что в обществе сложились предпосылки к переходу к экономике, в которой социальные эффекты возобладают над экономическими. Совершить такой переход к «экономике с человеческим лицом» позволяют высокий уровень развития технологий и цифровизация. Сформулированные принципы адаптации к формирующейся экономике дают странам возможность выработать стратегию перехода с минимальными социальными и экономическими издержками. Новизна исследования состоит в сопоставлении мегатрендов с изменениями, происходящими в структуре экономики и на рынке труда, а также в обосновании социальной направленности постиндустриальной экономики, формирующейся под воздействием глобальных трендов развития общества.

Ключевые слова: мегатренды, серебряная экономика, циркулярная экономика, одноранговая экономика, роботомика, экономика досуга.

Введение

Четвертая промышленная революция, вернувшая жизнь современному социуму, стремительно меняет и сложившиеся в обществе уклады, порождая новые вызовы и угрозы. Раскрывая перед миром невиданные ранее перспективы, технологический прогресс порождает и множество вопросов. Каким будет мир? Как новые технологии повлияют на человечество? Какое место в этом новом мире будет отведено человеку с его знаниями и навыками? Какие профессии нужно освоить, чтобы не оказаться за бортом постиндустриального общества?

Подобного рода вопросы не являются праздными, поскольку опыт предыдущих промышленных революций показал их колоссальное воздействие на рынок рабочей силы. В ходе первой промышленной революции, положившей начало переходу от ручного труда к машинному, произошло первичное вытеснение физического труда, которое получило массовое развитие в процессе второй промышленной революции. Третья промышленная революция, ознаменовавшаяся развитием электроники и появлением компьютеров, послужила толчком к вытеснению умственного труда с рынка рабочей силы, что в настоящее время начинает приобретать массовый характер [1].

Помимо этого, на трансформацию современного общества и экономики оказывают существенное влияние глобальные процессы, связанные с изменениями климата, политического устройства, демографической ситуации и т. д.

Целью исследования является обзор глобальных трендов развития общества и оценка их влияния на формирующийся облик пост-

индустриальной экономики, главная характеристика которой — высокоэффективная промышленность с большой степенью автоматизации и малой занятостью. В связи с этим в работе сделана попытка найти ответы на два сопряженных вопроса. Первый: как меняется структура экономики и рынка труда под влиянием современных глобальных трендов? Второй: как эти изменения влияют на облик постиндустриальной экономики? Несмотря на то, что в литературе периодически встречается анализ влияния мегатрендов на отдельные аспекты развития экономики и общества (см., напр.: [2; 3]), полномасштабная оценка проводится впервые. Кроме того, новизну нашей работы формирует совмещение экономического и социального аспектов при исследовании структуры будущей экономики.

Глобальные мегатренды: что меняет мир

Формирование постиндустриального социума неразрывно связано с мегатрендами — крупномасштабными социальными, технологическими, экономическими, политическими и экологическими изменениями, происходящими в обществе и оказывающими глобальное влияние на большинство видов человеческой деятельности и мир в целом.

Начало изучению мегатрендов было положено в 1982 году Дж. Нейсбиттом, выделившим 10 глобальных процессов, определявших облик и суть формирующегося в США информационного общества на два последующих десятилетия [4]. Несмотря на то, что футурологический подход к анализу мегатрендов не нашел широкого применения, экспертно-аналитический интерес к этой проблематике стремительно распространился по всему миру. Современ-

ные исследователи рассматривают мегатренды как неотъемлемые свойства международной политической системы, заданные ее базовыми характеристиками [5].

В литературе достаточно редко затрагивается вопрос о первопричинах сложившихся трендов. Преимущественно мегатренды идентифицируются как отражение некой последовательности предшествующих событий [6]. Так, по мнению авторов работы [7], толчком к развитию современных глобальных трендов послужили распад биполярной системы и последовавшее за этим изменение миропорядка. В статье [8] уточняется, что формированию мегатрендов способствовала трансформация политической организации мира как минимум на трех уровнях: Вестфальской системы, межгосударственных отношений, политических систем отдельных государств, одновременное изменение которых привело к эффекту «идеального шторма» [9], повлиявшему на развитие трендов. Однако основной научный дискурс сосредоточен на степени влияния человека на развитие глобальных трендов.

В отношении данного вопроса сформировалось несколько точек зрения. Часть исследователей связывают формирование мегатрендов преимущественно с антропогенным фактором, считая их отражением эпохи антропоцена [10]. Другие склоняются к мнению о том, что формирование мегатрендов в большей степени определяется цикличностью политического процесса, которая объясняется действием кондратьевских волн подъема и спада экономики [11] и складывается из фазы эволюции (упорядочивания структур) и фазы хаотизации [12]. Третьи соотносят появление глобальных трендов с естественными природными процессами. Наиболее ярко дискуссия проявляется в отношении трендов, касающихся климата и экологии. На фоне оценок, согласно которым 97% ученых-климатологов связывают происходящие климатические изменения с деятельностью человека [13; 14] и указывают на необходимость общества реагировать на эти изменения [1], существуют диаметрально противоположные точки зрения, в соответствии с которыми глобальное потепление, так же как и глобальное похолодание, обусловлено природными факторами и носит циклический характер [15; 16],

определяется отсутствием консенсуса в отношении роли человека [17] и даже является «глобальным обманом», носящим политический характер [18].

Изучение глобальных мегатрендов выступает темой исследования преимущественно зарубежных и отечественных организаций и достаточно редко встречается в научных обзорах. Так, в 2010 году Европейским парламентом было инициировано создание проекта Европейской системы политической стратегии и анализа (*European Strategy and Policy Analysis System, ESPAS*), в задачи которого входят постоянный мониторинг, анализ глобальных тенденций, влияющих на развитие ЕС, и выявление проблем, вызываемых ими. В публикуемых организацией отчетах отмечается пессимистичный характер практически всех форсайт-исследований, хотя далеко не всегда этот пессимизм носит объективный характер, а вызван, скорее, генетической склонностью людей к негативному¹.

К числу организаций, осуществляющих мониторинг глобальных тенденций, способных кардинально воздействовать на экономику и общество, относятся американские исследовательские организации *Gartner*, *Accenture*, *International Data Corporation (IDC)* и *Future Today Institute*, британская аудиторско-консалтинговая компания *Ernst & Young*, имеющая офисы более чем в 150 странах мира, датский аналитический центр *Copenhagen Institute for Future Studies (CIFS)*, немецкий институт будущего *Zukunftsinstitut* и исследовательская компания *TrendOne*, канадский аналитический интернет-портал *TrendHunter*, российский НИУ ВШЭ и целый ряд других учреждений.

Количество выделяемых ими мегатрендов достаточно разнообразно и в зависимости от степени детализации варьируется от нескольких единиц до десятков. Например, CIFS определяет 7 мегатрендов, *Zukunftsinstitut* – 12, *TrendOne* – 16, а *TrendHunter* – 18². Авторы доклада *Global Education Future* о будущем образования считают, что в ближайшие десятилетия

¹ ESPAS Report 2019: Global Trends to 2030. URL: <https://espas.secure.europarl.europa.eu/orbis/node/1362>

² Сколько на самом деле мегатрендов. URL: <https://ekhrankova.medium.com/сколько-на-самом-деле-мегатрендов-ec520e3ccc44>

на глобальные социальные и экономические преобразования будут влиять четыре мегатренда: цифровизация, автоматизация, трансформация социальных институтов и демографические изменения³.

Несмотря на то, что эксперты различных организаций выделяют разное количество глобальных трендов, влияющих на современный миропорядок, все их можно объединить в пять укрупненных групп, о которых наиболее часто идет речь в проводимых исследованиях. Так, например, в отчете Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), подготовленном по заказу Министерства науки, технологий и инноваций Дании в 2016 году, к основным мегатрендам, которые в ближайшие десятилетия будут формировать социально-экономические стратегии развития наций, отнесены рост численности, миграция и старение населения; баланс водных и энергетических ресурсов, климата и продовольственной безопасности; изменение геополитического и геоэкономического ландшафтов; цифровизация экономики; богатство, здоровье и образованность наций⁴.

Похожие тенденции выделяются и в исследовании НИУ ВШЭ, где отмечается, что перспективы развития Российской Федерации во многом определяются не только научно-технологическим потенциалом, но и действием глобальных трендов, связанных с изменением природной среды, демографическими и социальными трансформациями, переходом на новые модели экономического роста, изменениями геополитической ситуации и глобальных систем управления, формированием новой парадигмы научно-технологического развития [19].

В нашей работе рассматривается влияние на экономику пяти укрупненных групп мегатрендов, которые лежат в русле существующих исследований. К их числу относятся демографи-

ческие трансформации; истощение природных ресурсов и изменение климата; изменение геоэкономического и геополитического ландшафтов; цифровизация и развитие новых технологий; комплексное благополучие человечества: богатство, здоровье и знания. Такой выбор обусловлен тем, что рассматриваемые направления в общем виде аккумулируют реперные точки развития человечества: демография, экология, технологии, политика, экономика.

Стоит отметить, что влияние указанных трендов невозможно рассматривать в отрыве друг от друга, так как они тесно переплетены между собой и способны как усиливать, так и нивелировать действие друг друга. Например, развитие биотехнологий напрямую коррелирует с демографическими изменениями; энергетические технологии помогают в решении экологических проблем, большинство из которых в свое время были порождены технологическим прогрессом. В свою очередь истощение природных ресурсов способствует развитию альтернативной энергетики, а трансформация геополитических ландшафтов коренным образом меняет комплексное благополучие человечества.

Следовательно, только комплексное изучение мегатрендов позволит понять перспективы формирующегося мира и вовремя подготовиться к грядущим переменам. Рассмотрим подробнее каждый из мегатрендов и оценим потенциальные угрозы и возможные изменения в экономике, которым способствуют происходящие трансформации.

Демографические трансформации

Глобальные тренды в области демографии связаны, прежде всего, с продолжающимся ростом населения планеты, увеличением продолжительности жизни, старением населения, нарастанием процессов урбанизации и сглаживанием миграционных переливов на фоне роста абсолютного значения числа мигрантов.

По прогнозам ООН, население Земли к 2050 году увеличится практически на четверть и составит 9,7 млрд человек, а к 2100 году возрастет до 11,2 млрд человек⁵. Прирост будет происходить преимущественно за счет стран

³ Образование для сложного общества. URL: <https://drive.google.com/file/d/0B9ZvF6mQ5FMbSTFKVmhodU5rNTNiTXpUZ2QwZktiR0pzSmJR/view?resourcekey=0-d3FGUmpdKpcCi8CgLVHqXQ>

⁴ An OECD Horizon Scan of Megatrends and Technology Trends in the Context of Future Research Policy. URL: <https://ufm.dk/en/publications/2016/files/an-oecd-horizon-scan-of-megatrends-and-technology-trends-in-the-context-of-future-research-policy.pdf>

⁵ The World Population Prospects: 2015 Revision. URL: <https://www.un.org/en/development/desa/publications/world-population-prospects-2015-revision.html>

Африки, тогда как в развитых странах продолжатся процессы стагнации, в результате которых доля их населения может снизиться до 13,6% с 17,5% в 2013 году и 32,2% в 1950 году⁶. Таким образом, за столетие доля населения развитых стран в мире может сократиться практически в 2,5 раза.

Это не единственная угроза со стороны демографических изменений развитым странам. В ближайшие десятилетия будут происходить абсолютно разнонаправленные процессы: резкий всплеск численности молодежи на африканском континенте на фоне стареющих Европы, Азии и стран Латинской Америки. Прогнозируется, что к 2050 году численность людей старше 60 лет возрастет до 2,1 млрд человек против нынешних 900 млн и будет достигнут глобальный паритет между данной группой населения и детьми младше 15 лет. Кроме того, беспрецедентного значения может достигнуть доля населения старше 80 лет: по прогнозам, к 2050 году она может приблизиться к 10%, а в таких странах, как Германия, Италия, Япония и Южная Корея, вообще преодолеть 15-процентный барьер⁷. Таким образом, к концу века медианный возраст населения может вырасти с нынешних 27 лет до 41 года⁸.

Еще один прогнозируемый тренд – ускоренная урбанизация общества. Так, если в 1950 году доля городских жителей составляла 30% от общей численности населения, то спустя столетие ожидается полная трансформация соотношения городских и сельских жителей: 32% составит доля сельского населения. При этом в целом ряде стран уже сегодня доля городского населения превышает 85% (например, Сингапур (100%), Аргентина (91,9%), Нидерланды (91,5%), Бразилия (86,6%), Австралия (86,0%) и др.)⁹.

⁶ Население мира будет расти, стареть, дольше жить и меньше мигрировать. URL: <https://iq.hse.ru/news/177669242.html>

⁷ The World Population Prospects: 2015 Revision. URL: <https://www.un.org/en/development/desa/publications/world-population-prospects-2015-revision.html>

⁸ Население мира будет расти, стареть, дольше жить и меньше мигрировать. URL: <https://iq.hse.ru/news/177669242.html>

⁹ Прогноз городского и сельского населения мира, 2018. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2018/0775/barometer775.pdf>

Процессы урбанизации бросают вызов существующим системам управления городским хозяйством, отсутствие улучшений в которых (в том числе и путем формирования «умных» городов, где различные коммуникационные и транспортные сети будут увязываться в единую систему, поддерживающую устойчивое и эффективное использование ресурсов и управление ими) может способствовать усилению неравенства в обществе, обширному образованию трущоб и росту социальных конфликтов¹⁰.

Демографические процессы в России в целом соответствуют тенденциям развитых стран: уменьшение численности населения, снижение рождаемости, старение населения, сокращение миграционных потоков. По данным ООН, к 2030 году численность населения страны с вероятностью 95% будет находиться в интервале от 141,0 до 146,0 млн человек, а к 2100 году – от 103,0 млн до 160,0 млн человек¹¹. Следовательно, даже при самом благоприятном сценарии ожидать существенного прироста населения страны не приходится. При этом в ближайшее десятилетие прогнозируется увеличение доли людей старше 60 лет в общей численности населения старше 15 лет на 2 п. п., в результате чего на каждую тысячу человек в трудоспособном возрасте будет приходиться 533,8 человека в возрасте старше 60 лет¹². На фоне указанных тенденций темпы прироста миграционных потоков снизятся до 0,6% в год против нынешних 1,3%¹³.

Стоит отметить, что существуют альтернативные оценки, согласно которым пик мирового населения будет достигнут к 2064 году, после чего произойдет сокращение населения Земли до 6,29–8,79 млрд человек, а коэффициент рождаемости опустится до уровня 1,52–1,66.

¹⁰ An OECD Horizon Scan of Megatrends and Technology Trends in the Context of Future Research Policy. URL: <https://ufm.dk/en/publications/2016/files/an-oecd-horizon-scan-of-megatrends-and-technology-trends-in-the-context-of-future-research-policy.pdf>

¹¹ Population Division. World Population Prospects 2019. URL: <https://population.un.org/wpp/Graphs/Probabilistic/POP/TOT/643>

¹² Пожилое население России: проблемы и перспективы. URL: <https://ac.gov.ru/files/publication/a/8485.pdf>

¹³ Население России до конца века по прогнозу ООН пересмотра 2019 года. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2019/0829/barom03.php>

На этом фоне, как и в прогнозах ООН, ожидаются серьезные сдвиги в возрастной структуре населения и сокращение трудоспособного населения, особенно в странах, где прогнозируется более чем двукратное уменьшение численности жителей (например, Япония, Испания, Таиланд, Украина и др.). Однако ряд государств (США, Канада, Австралия и др.) сможет поддерживать численность рабочей силы за счет миграционных потоков [20]. Столь существенные расхождения, по мнению авторов исследования, обусловлены разницей в применяемых при прогнозировании подходах: в основе оценок ООН лежит детерминированная модель рождаемости, смертности и миграции, тогда как в альтернативных расчетах в качестве определяющих факторов рассматриваются прогресс в области образования женщин и повышение доступа к контрацептивам [20]. Несмотря на благотворное влияние сокращения общей численности населения мира на изменение окружающей среды и климата, ожидаемые демографические сдвиги чреваты серьезными негативными экономическими и финансовыми последствиями, связанными со снижением инновационной активности, сокращением рынков потребительских товаров, падением темпов роста ВВП [20].

Опубликованные оценки вызвали достаточное активные обсуждения в одном из ведущих журналов в области медицины «The Lancet». Их суть можно свести к тому, что необходимо расширить перечень факторов влияния [21; 22] и провести тщательный критический анализ полученных результатов, поскольку они могут принципиально изменить стратегии дальнейшего развития общества [23; 24].

Тем не менее уже сегодня очевидно, что формирующиеся тренды изменяют структуру экономики и создают новые требования к рынку труда, связанные, в том числе, с необходимостью увеличения возраста выхода на пенсию и развитием так называемой *серебряной экономики*, которая подразумевает как использование возможностей человека в период старения, так и расширение традиционной инфраструктуры для этого поколения (здравоохранение, социальное обеспечение) и тех ее сегментов, которые раньше были мало востребованы (досуговый, туристический, образовательный) [25].

Серебряная экономика генерирует изменения не только на рынке труда, но и в структуре производства товаров и услуг, стимулируя появление новых рыночных ниш и секторов (например, геронтомаркетинг) [26]. По оценкам Европейской комиссии, в ближайшие десятилетия она должна стать одним из драйверов развития народного хозяйства и экономического роста [25]. Уже сегодня она вносит существенный вклад в экономику развитых стран. Например, во Франции 53% экономического спроса обеспечивается людьми пожилого возраста, в США более половины расходов домохозяйств приходится на долю лиц старше 50 лет, в Германии покупательная способность населения старше 64 лет оценивается в 316 трлн евро [25; 26]. По оценкам ЕС, к 2060 году доля потребления, обеспечиваемого серебряной экономикой, составит 25% ВВП [25].

В России серебряная экономика пока слабо развита, что во многом связано с низкой обеспеченностью граждан пенсионного возраста. Однако перспектива увеличения продолжительности жизни, которая является одной из национальных целей развития РФ, обостряет необходимость ее развития и решения проблемы обеспечения здорового и активного старения.

Истощение природных ресурсов и изменение климата

Рост мирового населения в совокупности с усилением антропогенного воздействия и повышением экономического благосостояния способствуют истощению природных ресурсов, деградации экосистем и ухудшению климата.

Одним из самых серьезных последствий разрушительной деятельности человека является повышение глобальной температуры, которая, как ожидается, к 2030 году вырастет на 1,5 градуса относительно середины прошлого столетия¹⁴. Парниковый эффект не только нарушает климат планеты, что проявляется в участившихся погодных аномалиях, но и разрушает сложившиеся экосистемы, способству-

¹⁴ Global Trends to 2030. Challenges and choices for Europe. URL: https://espas.secure.europarl.europa.eu/orbis/sites/default/files/generated/document/en/ESPAS_Report2019_V14.pdf

ет вымиранию целых популяций животных и исчезновению большого количества растений. Серьезность ситуации заключается в том, что даже при полном прекращении всех выбросов в атмосферу негативные последствия накопленного к настоящему моменту эффекта будут ощущаться ближайшие 40 лет. Очевидно, что такой сценарий является абсолютно не осуществимым, в то же время отсутствие каких-либо конструктивных решений может способствовать тому, что изменения климата станут неуправляемыми и могут привести к гибели человечества.

Наиболее реален сценарий перехода на возобновляемые низкоуглеродистые источники энергии. Так, к 2040 году на 37% по сравнению с 2012 годом прогнозируется рост глобального спроса на первичную энергию. Наибольший прирост ожидается в химической отрасли в связи с увеличением спроса на пластмассы и другие химические вещества, а также в секторе коммерческого транспорта и домохозяйств, где предполагается повсеместный переход на более чистые виды топлива. Однако для ощутимого сокращения глобальных выбросов парниковых газов (на 40–70%) доля низкоуглеродистого энергоснабжения должна увеличиться более чем на 80%, что пока остается нерешаемой задачей. Использование возобновляемых источников энергии имеет и обратный эффект. Например, ожидаемый к 2050 году рост промышленного спроса на воду на 55% может привести к тому, что более 40% населения мира будут испытывать серьезную нехватку воды, особенно в странах Африки и Азии¹⁵.

Вместе с тем необходимо учитывать, что наибольший вклад в загрязнение окружающей среды в ближайшие десятилетия будут вносить развивающиеся страны в связи с ожидающимся развитием их экономик. Например, стремительное развитие экономики Китая в последние 30 лет привело к увеличению загрязнения окружающей среды в 15 раз [27]. Избежать подобного сценария могли бы помочь современные технологии. Однако здесь возникает иная

¹⁵ An OECD Horizon Scan of Megatrends and Technology Trends in the Context of Future Research Policy. URL: <https://ufm.dk/en/publications/2016/files/an-oecd-horizon-scan-of-megatrends-and-technology-trends-in-the-context-of-future-research-policy.pdf>

проблема: у развивающихся стран такие технологии зачастую отсутствуют, а средств на их приобретение может не быть. Это порождает некую дилемму: с одной стороны, прогрессивные технологии, которые есть у развитых стран, способствуют их лидерству, с другой, угроза экологической катастрофы фактически вынуждает развитые страны либо продавать эти технологии отстающим в ущерб своему экономическому превосходству, либо препятствовать экономическому развитию последних, например, путем введения различных санкций и ограничений.

Продолжающееся потепление климата на фоне роста населения планеты и усиления конкуренции за природные ресурсы создает угрозу глобальной продовольственной безопасности, связанную с недопотреблением продовольствия, снижением качества питания и изменением его структуры¹⁶. Загрязнение окружающей среды оказывает негативное влияние на качество жизни населения и его здоровье, а истощение запасов углеводородов способствует снижению экономического роста в странах с ресурсоориентированной экономикой.

Для России наиболее значимыми угрозами в этом направлении являются накопление экологического ущерба и его негативное влияние на жизнь и здоровье людей, ресурсная зависимость, нарастание частоты экологических катаклизмов (ураганов, наводнений, лесных пожаров и т. п.), истощение продуктивных земель и угроза продовольственной безопасности, связанная с действием наложенных на страну санкций.

Ответной реакцией на рассматриваемый мегатренд можно считать развитие *циркулярной экономики*, основанной на возобновлении ресурсов и переработке вторичного сырья [28; 29]. Переход к ресурсоэффективному обществу — это неизбежное будущее всех стран мира, без которого планета лишается шанса на выживание и который открывает огромные перспективы не только для экологии, но и для экономической сферы. По оценкам Всемирного банка, к 2050 году в случае отсутствия глобаль-

¹⁶ Положение дел в области продовольственной безопасности и питания в мире. URL: <http://www.fao.org/3/ca5162ru/ca5162ru.pdf>

ной модернизации системы утилизации отходов их количество возрастет на 70% [30]. Согласно данным ОЭСР, переход на безотходное производство может не только снизить добычу природных ресурсов и образование отходов до 80% по сравнению с производством новых продуктов, но и до 90% сократить выбросы парниковых газов¹⁷. Экономический эффект от повторного использования материалов в перспективе может достигать более триллиона долларов в год¹⁸.

В то же время анализ влияния циркулярной экономики на экономический рост показал отрицательную взаимосвязь со снижением негативного эффекта в долгосрочном периоде, а также более низкую адаптивность развитых городов к экономике замкнутого цикла, обусловленную высоким уровнем освоения ресурсов, препятствующим осуществлению быстрого перехода к качественно иному пути развития [27].

Программы по развитию циркулярной экономики уже сегодня составляют основу государственной политики таких стран, как Япония, Южная Корея, США, Дания, Германия, Франция, Китай и др. Россия относительно недавно начала движение в сторону циркулярной экономики. Значимыми шагами в указанном направлении стали развернувшаяся в стране в 2017 году «мусорная» реформа и утвержденная Правительством РФ в 2018 году Стратегия развития промышленности по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов производства и потребления на период до 2030 года, когда были заложены принципы экологически безопасного обращения с отходами и их утилизации с акцентом на вторичную переработку и вовлеченность в хозяйственный оборот. В то же время выделяются два ключевых барьера, препятствующих развитию циркулярной экономики в России: торможение инновационного развития страны, связанное с высоким уровнем коррупции, сырьевой структурой экономики,

санкционной политикой в отношении России и т. п., а также культурные и экономические преграды, такие как менталитет населения, недооценка серьезности экологических угроз, отсутствие длительного горизонта планирования и т. п. [31].

Изменение геоэкономического и геополитического ландшафтов

Данный тренд формируется двумя масштабными процессами, захватившими современное общество: переходом к многополярному миру и глобализацией. Первый является следствием поражения СССР в холодной войне, которое, как показало время, положило начало и утрате мировой гегемонии США [32], второй – порождением стремительного развития электронных средств коммуникации и технологий, позволяющих беспрепятственно перемещаться по миру.

Главной мировой угрозой, которой сопровождаются указанные процессы, выступает геополитическая инверсия со свойственной ей борьбой государств за мировое лидерство и сопутствующими ростом геополитической нестабильности и вооруженных конфликтов, созданием торговых барьеров, особенно в технологическом секторе, а также усилением внешнеполитического давления и обострением мировых проблем безопасности [33].

В ближайшие десятилетия ожидается смещение центра тяжести мировой экономики в сторону Азии (*рис. 1*), в результате чего к 2050 году в числе восьми крупнейших экономик мира может остаться только одна европейская страна – Германия¹⁹. В то же время вопрос о том, какая страна станет новым мировым экономическим центром, пока остается открытым (*рис. 2*).

Среди возможных кандидатов на роль мирового лидера называются Индия, Пакистан, Бразилия, однако наиболее часто полемика ведется вокруг Китая и России [34]. Исследования показывают, что претендовать на роль гегемона может государство, имеющее ресурсный запас [35], а также обладающее территориальным и демографическим потенциалом [33]. Несмотря

¹⁷ Business Models for the Circular Economy. URL: <https://www.oecd.org/environment/waste/policy-highlights-business-models-for-the-circular-economy.pdf>

¹⁸ An OECD Horizon Scan of Megatrends and Technology Trends in the Context of Future Research Policy. URL: <https://ufm.dk/en/publications/2016/files/an-oecd-horizon-scan-of-megatrends-and-technology-trends-in-the-context-of-future-research-policy.pdf>

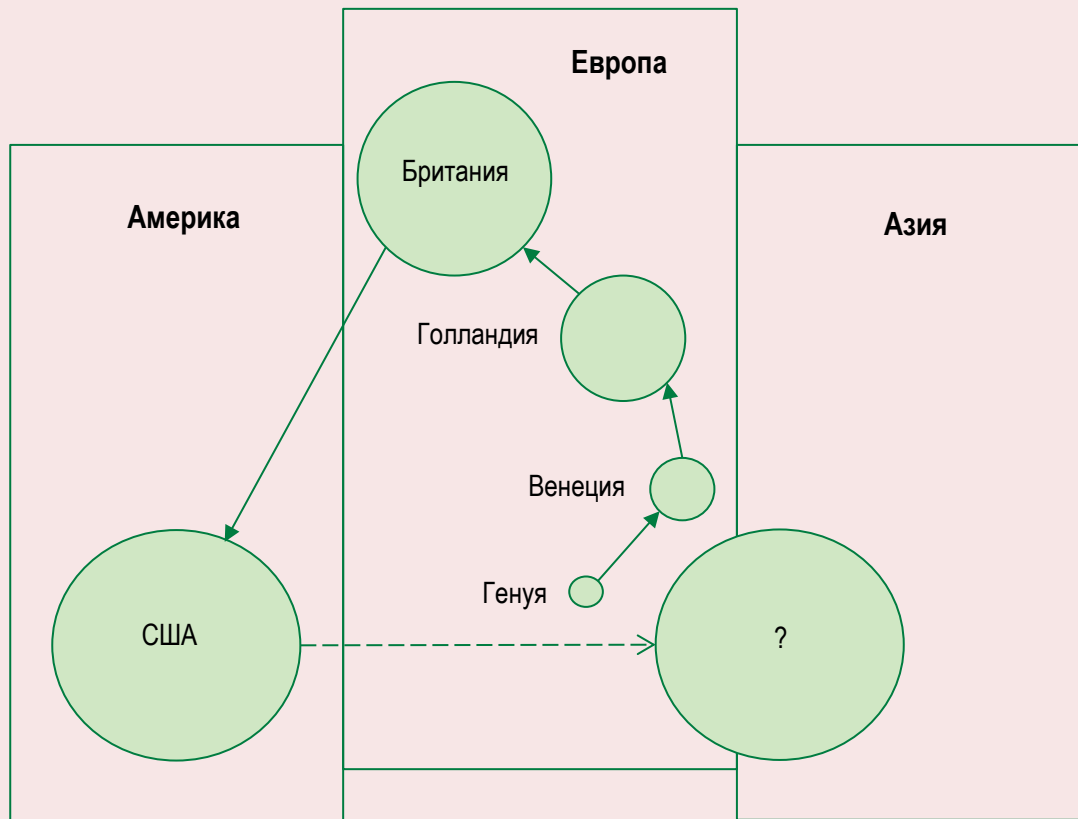
¹⁹ Global Trends to 2030. Challenges and choices for Europe. URL: https://espas.secure.europarl.europa.eu/orbis/sites/default/files/generated/document/en/ESPAS_Report2019_V14.pdf

Рис. 1. Доля стран в мировом ВВП в 2010, 2030, 2060 гг., %

Источник: An OECD Horizon Scan of Megatrends and Technology Trends in the Context of Future Research Policy, p. 24.

Рис. 2. Стилизованная схема истории движения мировых центров капитала

Источник: Балацкий Е.В. Предпосылки глобальной геополитической инверсии // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 2 (32). С. 36–52. DOI: 10.15838/esc/2014.2.32.4

на формальное соответствие данным признакам и Китая, и России, многие исследователи сходятся во мнении, что указанные страны пока еще не готовы занять роль лидеров [33; 35; 36].

Один из ключевых аргументов в пользу сказанного заключается в том, что Китай, вступая в «клуб» развитых государств, принимает существующие правила, а не создает новые, т. е. не формирует новый порядок. Кроме того, его путь уникален и сложно реализуем, что делает его непривлекательным для остальных стран, желающих повторить экономический прорыв Китая [35; 36]. Россия пока также не готова занять роль мирового лидера, поскольку сама является страной полупериферии [37], которой необходимо создать эффективную модель жизнеустойчивого общества и привлекательный для мира образ будущего [35].

Однако многие исследователи придерживаются мнения, что претендовать на роль гегемонов будут не отдельные государства, а их союзы (ЕС, ЕАЭС, БРИКС и т. п.) [35; 36; 38]. В таком контексте и перед Россией, и перед Китаем открываются новые перспективы, позволяющие им претендовать на роль мировых лидеров в составе передовых альянсов. При этом краеугольным камнем гражданского общества в странах, которым в ближайшие десятилетия предстоит играть ключевую роль на глобальной мировой арене, считаются университеты с их способностью реагировать на происходящие в мире изменения [39]. Уже сегодня передовые университетские системы формируют программы, опережающие время и интегрирующие будущие технологии в существующую реальность.

В частности, в 2008 году в одном из учебных корпусов NASA в Кремниевой долине был создан междисциплинарный Университет сингулярности (*Singularity University*) – одно из самых инновационных учебных заведений мира. Университет объединил передовые умы человечества, которые стремятся не только исследовать передовые технологии будущего, но и содействовать их использованию для решения глобальных проблем. Обучение в университете ориентировано на высший управленческий персонал и всех креативных стратегов, желающих преобразовать свою сферу деятельности, проходит в форме краткосрочных иммерсивных курсов, включающих в себя изучение современных технологий, трансформационные практики и лекции ведущих ученых мира.

Институт будущего человечества (*Future of Humanity Institute*) функционирует как часть факультета философии Оксфордского университета (*University of Oxford*); лаборатория междисциплинарных исследований (*MIT Media Lab*), которая является ведущей площадкой мира по изучению современных медиатехнологий, организована при Массачусетском технологическом институте (*Massachusetts Institute of Technology*); в стенах Стэнфордского университета (*Stanford University*) реализуется междисциплинарная программа *Stanford BIO-X*, поддерживающая передовые исследования в области биоинженерии и биомедицины.

Уникальность указанных проектов заключается не только в том, что они встроены в образовательные процессы и дают студентам возможность непосредственно поучаствовать в создании технологий будущего, но и в том, что они ориентированы на переподготовку преподавательского состава, переформатирование подходов к обучению и, главное, создание нового образа мышления не только у обучающихся, но и у профессорско-преподавательского состава.

Геополитические и геоэкономические трансформации помимо пересмотра стратегий обучения грозят перестройкой экономики. Сегодня достаточно много говорится о закате капиталистического уклада и о том, что может прийти ему на смену. В качестве одной из альтернатив рассматривается *одноранговая экономика*, развитие которой связывается с формированием сетевого информационного общества

и созданием различных экономических коалиций [40]. Эта экономика основана на равноправии участников и знаменует собой переход от иерархии к децентрализации. На фоне повышения открытости и конкурентности экономики, переориентации на социальную значимость конечного результата и содействие сокращению неравенства монетарная компенсация труда перестает быть самоцелью однорангового производства, что, по сути, равнозначно подрыву базовых основ капитализма и формированию принципиально иных стратегий развития.

Таким образом, трансформация существующей геополитической и геоэкономической ситуации в мире может послужить как фактором, тормозящим экономическое развитие общества из-за препятствий, чинимых странам, претендующим на первенство и угрожающим современным лидерам, так и стимулом к формированию принципиально новых коалиций и альянсов, способствующих реформированию системы глобального управления и перестройке глобальной экономической системы.

Цифровизация и развитие новых технологий

Стремительно развивающиеся технологии раскрывают миру широчайший спектр возможностей, связанных прежде всего с созданием новых рынков и повышением производительности труда. Несмотря на то, что пока их влияние на рост производительности не столь сильно, как при более ранних промышленных революциях [41; 42], в ближайшие десятилетия ожидается существенный прорыв в этом направлении, в том числе и за счет развития таких цифровых технологий, как искусственный интеллект и инструменты машинного обучения [43].

Многие организации, включая те, о которых говорилось выше, проводят постоянный мониторинг и исследование перспективных технологий, способных изменить мир. К наиболее часто идентифицируемым, по данным ОЭСР, относятся 40 технологий по четырем ключевым направлениям: цифровые технологии, биотехнологии, энергия и окружающая среда, новые материалы (*табл. 1*).

Очевидно, что новые технологии – это новые возможности общества, новые рынки, новые механизмы решения демографических, экологических и социальных проблем. Как уже отмечалось ранее, развитие каждого из указан-

Таблица 1. 40 ключевых технологий будущего по версии ОЭСР

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ	БИОТЕХНОЛОГИИ
Облачные вычисления Блокчейн Имитационное моделирование и игры Искусственный интеллект Фотоника и световые технологии Робототехника Квантовые вычисления Распределительные вычисления Анализ больших данных Интернет вещей	Биоинформатика Персонализированная медицина Технологии мониторинга здоровья Медицина и биоимиджинг Нейротехнологии Биочипы и биосенсоры Стволовые клетки Регенеративная медицина и выращивание органов Биокатализ Синтетическая биология
ЭНЕРГИЯ И ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА	НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ
Умные сети электроснабжения Беспилотные автомобили Электромобили Дроны Улавливание и хранение углерода Ветроэнергетические технологии Водородная энергетика Морская и приливная энергетика Фотовольтаика Микрогенерация Микро- и наноспутники Биотопливо Топливный элемент Передовые технологии хранения энергии Точное земледелие	Наноматериалы Наноустройства Аддитивное производство Углеродные нанотрубки и графен Функциональные материалы
Источник: An OECD Horizon Scan of Megatrends and Technology Trends in the Context of Future Research Policy, p. 8.	

ных направлений оказывает непосредственное влияние на остальные мегатренды. Более того, данный мегатренд является, пожалуй, единственным, который способствует технологическому и экономическому прогрессу общества. С другой стороны, он существенным образом трансформирует рынок труда и создает высокие риски появления технологической безработицы. Особенно на это влияет развитие цифровых технологий. В частности, масштабная автоматизация экономики способствует становлению принципиально новой парадигмы научно-технического и экономического развития, связанной с формированием *роботоники* – экономики, основанной на широчайшем внедрении роботов для замены человеческого труда²⁰.

По разным оценкам, даже при сохранении нынешних темпов технологического развития в ближайшие десятилетия 47% рабочих мест в США могут быть заменены машинами [44].

²⁰ Балацкий Е.В. Конец иллюзии экономического роста. URL: <https://www.if24.ru/konets-illyuzii-ekonomicheskogo-rosta/>

Если экономика не сумеет должным образом отреагировать на эти изменения и создать новые рабочие места, то одно из самых значимых мировых достижений может обернуться одним из самых масштабных социальных катаклизмов, связанным с формированием класса «ненужных» людей и катастрофическим расслоением общества.

Отслеживание структурных сдвигов на рынке труда и прогнозирование грядущих изменений в составе профессий составляют одну из ключевых задач организаций, занимающихся вопросами занятости населения и трудовых отношений. В частности, проекты под общим названием «Будущее работы» (*The Future of Work*) осуществляются такими крупнейшими организациями, как *McKinsey & Company*, ОЭСР, Международная организация труда, Европейская комиссия; при поддержке Агентства стратегических инициатив и инновационного центра «Сколково» издается «Атлас новых профессий»; похожая инициатива реализуется НИУ ВШЭ (издан «Атлас профессий будущего», посвященный выявлению перспективных сфер занятости).

Обобщая выводы, полученные в исследованиях указанных организаций, можно отметить прогнозируемое увеличение спроса на досуг и сопутствующее создание новых отраслей индустрии отдыха и развлечений; рост потребностей в специалистах, способных придумывать и создавать новые технологии, товары и услуги, бизнес-модели; смещение работников разной квалификации в сектор строительства и инфраструктуры. Кроме того, ожидается увеличение спроса на работников сферы образования и здравоохранения²¹. Все это коррелирует с исследованием консалтинговой компании *Boston Consulting Group (BCG)*, по оценкам которой к 2025 году в мире прогнозируется автоматизация на 81% почти пятой части всех рабочих мест, в результате чего может исчезнуть до 50% существующих профессий²².

Для России эта проблема пока не стоит столь остро, поскольку, согласно оценкам BCG, роботизация в ней пока остается экзотикой и ожидать резкого всплеска повсеместной автоматизации не приходится. Несмотря на это, к 2025 году порядка 10 млн человек могут потерять работу в сферах, где возможно замещение человеческого труда, на фоне формирования почти шестимиллионного дефицита в специалистах новых направлений²³.

Современные исследования в качестве решения данной проблемы предлагают сместить акценты в сферу творческих профессий²⁴ и экономики знаний [45]; расширить возможности самозанятости в секторах с незначительными перспективами роботизации [46]; изучить возможность перехода к более широкому разделению труда и сокращению рабочей недели²⁵;

²¹ Jobs Lost, Jobs Gained: Workforce Transitions in a Time of Automation. URL: <https://www.mckinsey.com/~media/mckinsey/industries/public%20and%20social%20sector/our%20insights/what%20the%20future%20of%20work%20will%20mean%20for%20jobs%20skills%20and%20wages/mgi-jobs-lost-jobs-gained-report-december-6-2017.pdf>

²² Россия 2025: от кадров к талантам. URL: https://image-src.bcg.com/Images/Russia-2025-report-RUS_tcm9-188275.pdf

²³ Там же.

²⁴ Какие профессии исчезнут к 2030 году? URL: <https://futurehub.winningthehearts.com/kakie-professii-ischeznut-k-2030>

²⁵ Skidelsky R. Rise of the robots: What will the future of work look like? *The Guardian*, 19 February 2013. URL: <https://www.theguardian.com/business/2013/feb/19/rise-of-robots-future-of-work>

обеспечить рост онлайн-платформ, связывающих фрилансеров и компании в разных частях мира²⁶. Кроме того, необходима серьезная трансформация системы высшего образования под формирующуюся модель экономики, направленная на усиление региональной составляющей обучения и его ориентации на запросы реальной экономики.

Комплексное благополучие человечества: богатство, здоровье и знания

Данный мегатренд достаточно тесно переплетен с предыдущими, поскольку не вызывает никаких сомнений, что на богатство, здоровье и образованность нации напрямую оказывают влияние и экономическое развитие общества, и демографические факторы, и экология.

Согласно оценкам PricewaterhouseCoopers (PwC), мировой ВВП в ближайшие десятилетия сохранит темпы роста на уровне 3% в год, что приведет к его более чем двукратному увеличению к 2050 году относительно начала века²⁷. Это будет способствовать росту доходов на душу населения и накоплению богатства, причем в большинстве развивающихся стран рост доходов на душу населения будет сопровождаться увеличением численности населения, в то время как в странах с развитой экономикой возрастание душевого ВВП будет вызвано не только экономическими факторами, но и убылью населения.

Несмотря на указанную тенденцию, расслоение общества в мире сохранится и внутри отдельных стран может даже усилиться [47; 48]. По данным благотворительной организации Oxfam, в 2020 году состояние 2153 миллиардеров планеты составляло 60% средств, находящихся в распоряжении остального населения Земли²⁸, а спровоцированный пандемией коронавируса сильнейший за последние 90 лет кризис на рынке труда будет способствовать увеличению неравенства в масштабах, которые

²⁶ Sundararajan A. The 'gig economy' is coming. What will it mean for work? *The Guardian*, 26 July 2015. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2015/jul/26/will-we-get-by-gig-economy>.

²⁷ The World in 2050. URL: <https://www.pwc.com/gx/en/research-insights/economy/the-world-in-2050.html>

²⁸ Oxfam: Миллиардеры богаче 60 процентов населения мира. URL: <https://www.dw.com/ru/oxfam-миллиардеры-богаче-60-процентов-населения-мира/a-52078410>

не наблюдались целое столетие²⁹. Усиление разрыва во многом обусловлено существенным ростом «крайне бедных» людей, чьи ежедневные расходы не превышают 1,9 доллара. По оценкам Всемирного банка, уже в ближайшие годы их количество в результате пандемии COVID-19 возрастет на 150 млн человек и составит порядка 9,4% населения планеты³⁰.

На фоне цифровизации и угрозы технологической безработицы неравенство может способствовать еще большему расслоению общества, поскольку оно подрывает возможность получения образования для тех, кто находится за чертой бедности, лишая их тем самым какого-либо шанса конкурировать на рынке труда. В то же время именно цифровизация создаст дополнительные возможности доступа к образованию. Охватившая мир пандемия COVID-19 ускорила развитие дистанционного обучения, которое сегодня активно развивается наряду с традиционными формами и делает образование более доступным и менее затратным. Кроме того, увеличение числа людей, имеющих выход в интернет, также позволит расширить доступ к знаниям и предоставит новые возможности на рынке труда.

Стоит отметить, что вопрос социального неравенства и его влияния на экономический рост является достаточно противоречивым. С одной стороны, ни у кого не вызывают сомнения негативные социальные аспекты неравенства, связанные с несправедливостью в распределении доходов, обогащением меньшинства за счет большинства, ростом социальной напряженности. Однако при изучении влияния неравенства на экономический рост были получены результаты, свидетельствующие, что обществу для эффективного функционирования экономики необходим нормальный уровень неравенства³¹, поскольку именно

²⁹ The Inequality Virus. URL: <https://oxfamlibrary.openrepository.com/bitstream/handle/10546/621149/bp-the-inequality-virus-summ-250121-en.pdf>

³⁰ Всемирный банк спрогнозировал первый за 20 лет скачок числа «крайне бедных» из-за COVID-19. URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/finansy-i-investicii/410753-vsemirnyy-bank-sprognoziroval-pervyy-za-20-let-skachok-chisla>

³¹ Под нормальным понимается такое неравенство, при котором отсутствует абсолютная бедность, а существующий уровень бедности не создает препятствий для реализации жизненно необходимых социальных и экономических функций [49].

неравенство создает стимулы личной инициативы и способствует развитию инноваций и инвестиций, а следовательно, и экономическому прогрессу. Основная задача, которая стоит перед государством в отношении неравенства, — найти определенный баланс между экономической эффективностью и социальной справедливостью [50].

Рост населения, урбанизация, миграция, международный туризм, изменение климата, старение населения, усиление неравенства — все эти процессы бросают серьезный вызов сектору здравоохранения, поскольку способствуют изменению ландшафта болезней, в том числе в странах с развитой экономикой. Несмотря на все достижения в области медицины, прогнозы ООН неутешительны: в ближайшие десятилетия прогнозируется появление новых инфекционных заболеваний на фоне развития резистентности к антибиотикам; возрастание рисков возникновения локальных эпидемий и глобальных пандемий; рост смертности от неинфекционных заболеваний, таких как сердечно-сосудистые заболевания, рак, диабет; увеличение случаев неврологических расстройств, в том числе болезни Альцгеймера и депрессивных состояний³².

Таким образом, ближайшие десятилетия бросают глобальный вызов комплексному благополучию человечества, от чего во многом будет зависеть развитие человеческого капитала, определяющего не только экономический потенциал общества, но и его не менее значимую духовную составляющую. Для того чтобы мир не оказался на грани социальной катастрофы, необходимо построение *духовно-нравственной экономики*, основанной на принципах справедливости и ориентированной на инвестиции в универсальные государственные услуги (здравоохранение, образование, социальное обеспечение и т. п.), гарантированное обеспечение дохода и занятости и перераспределение богатства. А это уже, по всей видимости, переход к принципиально иному типу экономических отношений и новой стадии общественной эволюции.

³² An OECD Horizon Scan of Megatrends and Technology Trends in the Context of Future Research Policy. URL: <https://ufm.dk/en/publications/2016/files/an-oecd-horizon-scan-of-megatrends-and-technology-trends-in-the-context-of-future-research-policy.pdf>

Социализация экономики: на пути к новому обществу

Проведенный анализ позволил оценить влияние мегатрендов на структуру экономики и сформулировать ряд выводов.

Во-первых, было определено, что каждый из рассмотренных мегатрендов оказывает значительное воздействие на экономику и рынок труда, способствуя появлению новых направлений в структуре постиндустриальной экономики (табл. 2). Формирующиеся направления нацелены не только на смягчение возможных негативных последствий глобальных трендов, но и на адаптацию рынка труда к условиям постиндустриального общества.

Во-вторых, отличительной особенностью формирующейся структуры экономики выступает ее социальная направленность. Действие глобальных мегатрендов порождает проблемы, решение которых зачастую противоречит законам экономического роста. За исключением цифровизации, имеющей потенциал технологической трансформации мира и способствующей экономическому росту, сложившиеся мегатренды знаменуют собой начало социализации экономики и перехода к обществу, в котором здравомыслие *должно будет* преобладать над алчностью.

Ситуация осложняется еще одной угрозой, которая в ближайшее время может перерасти в глобальный тренд. Речь идет о возможном конце экономического роста. Напомним, что режим роста, в котором мир пребывает последние 250–300 лет, по мнению Д. Норта, является «исключением, а правилом — стагнация и упадок» [51]. Ему вторят не менее именитые коллеги в лице Р. Лукаса [52] и Т. Пикетти [53], высказывая откровенные сомнения в сохранении тенденции роста в долгосрочной перспективе. Знаковой в этом направлении является работа Р. Хейнберга, обобщившего труды экономистов,

политиков, ученых, занимающихся проблемами функционирования и развития мира [54]. В указанном исследовании утверждается, что социум находится на пороге новой экономической реальности, связанной с достижением физического предела экономического роста, на пути которого стоят три преграды: ресурсы, экология и финансы [54, с. 17].

В-третьих, исходя из полученных результатов можно представить, каким будет облик будущего постиндустриального общества. Новые возможности, которые открывает миру технологический прогресс, позволяют обществу перейти на принципиально новую ступень эволюции, связанную, согласно теории витальных ресурсов, с освоением такого витального ресурса, как время [55]. Увеличение продолжительности жизни на фоне высвобождения времени за счет автоматизации и роботизации процессов производства позволяет предположить, что новый виток развития станет эпохой социально-технологического уклада «экономики времени», ориентированной на духовно-нравственное развитие личности и раскрытие ее творческого потенциала. На этом фоне постиндустриальная экономика — прежде всего борьба за свободное время человека и его досуг, что делает ее *экономикой досуга* [56]. Рассмотренные выше тенденции развития общества подтверждают данные положения. Применительно к России переход к постиндустриальному обществу осложняется тем, что происходит в условиях отсутствия развитого индустриального сектора, требуя от правительства страны превентивных действий для сокращения возможной массовой безработицы [57].

Для того чтобы не оказаться за бортом нового общества, уже сегодня необходимо начать подготовку к переходному процессу. Для этого в стратегии развития любого государства, вклю-

Таблица 2. Влияние мегатрендов на структуру экономики

Мегатренд	Тип экономики	Эффект
Демографические трансформации	Серебряная	Социальный
Экология	Циркулярная	Социальный
Цифровизация	Роботомика	Экономический
Геополитическая инверсия	Одноранговая	Социально-экономический
Богатство, здоровье, знания	Духовно-нравственная	Социальный
Источник: составлено автором.		

чая Россию, необходимо предусмотреть несколько принципов, связанных с адаптацией, прежде всего, рынка труда к грядущим изменениям. К ним можно отнести следующие положения:

1. Технологические отрасли — основа экономического развития общества, требующая совершенствования экономики знания и подготовки высококлассных специалистов, в том числе в области IT-технологий и безопасности. Именно за счет развития данного сектора экономики страны получают возможность оставаться технологическими лидерами и активно участвовать в формировании стратегии мирового развития.

2. Отрасли образования, здравоохранения, досуга, развлечения, социального сектора — драйверы формирующейся новой экономики с позиции занятости. Именно этим сферам предстоит обеспечить не только массовую занятость населения, но и полноценное развитие экономики досуга (включая серебряную экономику), ориентированной на овладение таким ресурсом, как время, и на плодотворное его использование.

3. Система высшего образования — краеугольный камень формирующегося общества. Именно здесь должны начаться трансформации, связанные с пересмотром структуры подготовки, ее качества и результативности. Задача системы высшего образования сегодня — перестроиться под конструируемую модель экономики и начать формировать новую когорту специалистов со смещением акцентов в сторону творческих профессий и сферы услуг.

Разумеется, эти положения являются, скорее, неким ориентиром и задают вектор дальнейших исследований и разработок, а также помогают понять сферы экономики, на которых необходимо сосредоточить внимание, чтобы пережить переходный период с минималь-

ными социальными издержками и в будущем извлечь максимально возможную выгоду от грядущих трансформаций.

Заключение

Рассмотренные в статье глобальные тренды развития человечества показали, что мир кардинальным образом меняется и XXI век неразрывно связан с решением проблем экологической, политической и экономической несправедливости, игнорирование которых может привести к катастрофическим последствиям. Новая парадигма складывается уже сегодня, обретая реальные черты в виде сформулированных в работе направлений экономики. Проведенный анализ позволил определить облик нового общества, ориентированного на развитие и использование духовно-нравственного потенциала человечества. Выявлено, что краеугольным камнем формирующейся экономики выступает ее социализация и ориентация на освоение такого витального ресурса, как время. С этой точки зрения новая экономика должна стать *экономикой досуга* — следующей ступенью за экономикой знания, развитие которой даст обществу возможность максимально использовать достижения технологического прогресса на благо развития человеческого капитала.

Главная задача, встающая перед странами в связи с происходящими трансформациями, заключается в том, чтобы заранее подготовиться к грядущим изменениям. Их уже сегодня необходимо учитывать при подготовке стратегических документов во всех отраслях и на всех уровнях управления, особенно в сфере образования и науки, требующей серьезного пересмотра устоявшихся традиций и переориентации на потребности экономики. Это позволит в будущем извлечь из предстоящих преобразований максимальный социальный и экономический эффект с минимальными издержками, сопутствующими переходному процессу.

Литература

1. Балацкий Е.В. Глобальные вызовы четвертой промышленной революции // Terra Economicus. 2019. Т. 17. № 2. С. 6–22. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-2-6-22
2. Retief F., Bond A., Pope J. et al. Global megatrends and their implications for environmental assessment practice. *Environmental Impact Assessment Review*, 2016, vol. 61, pp. 52–60. DOI: 10.1016/j.eiar.2016.07.002
3. Ашмарина С.И., Кандрашина Е.А., Измайлов А.М. Мировые мегатренды, тенденции и их влияние на систему образования России // Тренды и управление. 2017. № 2. С. 55–64. DOI: 10.7256/2454-0730.2017.2.23435

4. Naisbitt J. *Megatrends: Ten New Directions Transforming Our Lives*. New York: Warner Books, 1982. 290 p.
5. Байков А., Дундич А. Большие тренды мирового развития: экспертный взгляд через двадцатилетие // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Т. 62. № 5. С. 110–116.
6. Панкратова Е.С. К вопросу о сущности и классификационных видах мегатрендов мирохозяйственного развития // *Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)*. 2012. № 3. С. 31–36.
7. Шаклеина Т.А., Байков А.А. Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке. М.: Аспект Пресс, 2013. 448 с.
8. Лебедева М.М. Современные мегатренды мировой политики // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63. № 9. С. 29–37. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-9-29-37
9. Лебедева М.М. «Идеальный шторм» как результат «гибридизации» мировой политики // *Гибридизация мировой и внешней политики в свете социологии международных отношений* / под ред. П.А. Цыганкова. М.: Горячая линия – Телеком, 2017. С. 97–111.
10. Steffen W., Richardson K., Rockstrom J. et al. Planetary boundaries: Guiding human development on a changing planet. *Science*, 2015, vol. 347, issue 6223, pp. 736–753. DOI: 10.1126/science.1259855
11. Пантин В.И., Лапкин В.В. Волны политической модернизации в истории России. К обсуждению гипотезы // *Полис. Политические исследования*. 1998. № 2. С. 39–51.
12. Лебедева М.М. Современные тренды мирового развития: новое качество мира // *Метаморфозы мировой политики* / под ред. М.М. Лебедевой. М.: МГИМО, 2012. С. 9–32.
13. Cook J., Oreskes N., Doran P.T. et al. Consensus on consensus: A synthesis of consensus estimates on human-caused global warming. *Environmental Research Letters*, 2016, vol. 11, no. 4, art. 048002. DOI: 10.1088/1748-9326/11/4/048002
14. Stocker T.F., Qin D., Plattner G.-K. et al. *Climate Change 2013: The Physical Science Basis. Contribution of Working Group I to the Fifth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change*. United Kingdom, New York: Cambridge University Press, 2014. 1535 p.
15. Городницкий А.М. Страсти по глобальному потеплению // *Геориск*. 2019. Т. 13. № 4. С. 8–17. DOI: 10.25296/1997-8669-2019-13-4-8-17
16. Сывороткин В.Л. Дегазационная концепция глобальных катастроф: основные положения, новые результаты // *Вопросы географии*. 2019. № 149. С. 36–70.
17. Tol R.S.J. Comment on “Quantifying the consensus on anthropogenic global warming in the scientific literature”. *Environmental Research Letters*, 2016, vol. 11, no. 4, art. 048001. DOI: 10.1088/1748-9326/11/4/048001
18. Michaels P.J. Global Deception: The Exaggeration of the Global Warming Threat. *Center for the Study of American Business. Policy Study*, 1998, no. 146. Available at: http://www.geocraft.com/WVFossils/Reference_Docs/PMichaels_Jun98.pdf
19. Глобальные тренды и перспективы научно-технического развития Российской Федерации: краткие тезисы / Л.М. Гохберг, А.В. Соколов, А.А. Чулок и др. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2017. 39 с.
20. Vollset S.E., Goren E., Yuan C.-W. et al. Fertility, mortality, migration, and population scenarios for 195 countries and territories from 2017 to 2100: A forecasting analysis for the Global Burden of Disease Study. *The Lancet*, 2020, vol. 396, issue 10258, pp. 1285–1306. DOI: 10.1016/S0140-6736(20)30677-2
21. Maaløe N., Housseine N., Meguid T. et al. Trends in population health and demography. *The Lancet*, 2021, vol. 398, issue 10300, pp. 579–580. DOI: 10.1016/S0140-6736(21)01047-3
22. Keilman N. Trends in population health and demography. *The Lancet*, 2021, vol. 398, issue 10300, p. 581. DOI: 10.1016/S0140-6736(21)01113-2
23. Gietel-Basten S., Sobotka T. Trends in population health and demography. *The Lancet*, 2021, vol. 398, issue 10300, pp. 580–581. DOI: 10.1016/S0140-6736(21)01051-5
24. O’Sullivan J.N. Trends in population health and demography. *The Lancet*, 2021, vol. 398, issue 10300, p. 580. DOI: 10.1016/S0140-6736(21)01050-3
25. Eatock D. The silver economy: Opportunities from ageing. *European Parliament*, 2015. Available at: <https://www.europarl.europa.eu/EPRS/EPRS-Briefing-565872-The-silver-economy-FINAL.pdf>
26. Коломиец П.Н. «Серебряная экономика» новый подход к проблеме старения // *Journal of Economic Regulation*. 2018. Т. 9. № 1. С. 89–101. DOI: 10.17835/2078-5429.2018.9.1.089-101

27. Chen Z., Chen S., Liu C. et al. The effects of circular economy on economic growth: A quasi-natural experiment in China. *Journal of Cleaner Production*, 2020, issue 271, art. 122558. DOI: 10.1016/j.jclepro.2020.122558
28. Mathews J.A., Tan H. Circular economy: Lessons from China. *Nature*, 2016, issue 531, pp. 440–442. DOI: 10.1038/531440a
29. Aguilar-Hernandez G.A., Rodrigues J., Tukker A. Macroeconomic, social and environmental impacts of a circular economy up to 2050: A meta-analysis of prospective studies. *Journal of Cleaner Production*, 2021, issue 278, art. 123421. DOI: 10.1016/j.jclepro.2020.123421
30. Kaza S., Yao L., Bhada-Tata P., Woerden F.V. *What a Waste 2.0: A Global Snapshot of Solid Waste Management to 2050*. World Bank Group, 2018. 295 p.
31. Трофимова П.Е., Данилова Д.Ю., Беляков Г.П. Переход России к циркулярной экономике // Решетневские чтения. 2018. Т. 2. С. 419–420.
32. Lundestad G. *The Rise and Decline of American “Empire”. Power and Its Limits in Comparative Perspective*. New York: Oxford University Press, 2012. 208 p.
33. Балацкий Е.В. Предпосылки глобальной геополитической инверсии // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 2 (32). С. 36–52. DOI: 10.15838/esc/2014.2.32.4
34. Cooley A., Nexon A. *Exit from Hegemony: The Unraveling of the American Global Order*. New York: Oxford University Press, 2020. 304 p. DOI: 10.1093/oso/9780190916473.001.0001
35. Бизенгин Б., Энеева М. В мире назревает смена страны-гегемона // Общество и экономика. 2017. № 8. С. 109–126.
36. Grinin L., Tsirel S., Korotayev A. Will the explosive growth of China continue? *Technological Forecasting and Social Change*, 2015, vol. 95, pp. 294–308. DOI: 10.1016/j.techfore.2014.06.023
37. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение. М.: Территория будущего, 2006. 248 с.
38. Eremina N. Advent of a new civilization project: Eurasia in – U.S. out? *Journal of Eurasian Studies*, 2016, vol. 7, issue 2, pp. 162–171. DOI: 10.1016/j.euras.2016.02.001
39. Альтбах Ф. Глобальные перспективы высшего образования. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2018. 552 с.
40. Андреев К. Одноранговая экономика. Екатеринбург: Издательские решения, 2019. 106 с.
41. Cowen T. *The Great Stagnation: How America Ate all the Low-Hanging Fruit of Modern History, Got Sick, and Will (Eventually) Feel Better*. New York: Dutton, 2011. 64 p.
42. Gordon R.J. Is U.S. Economic growth over? Faltering innovation confronts the six headwinds. *NBER Working Paper*, 2012, no. 18315. DOI: 10.3386/w18315
43. Brynjolfsson E., McAfee A. *The Second Machine Age: Work, Progress, and Prosperity in a Time of Brilliant Technologies*. New York, London; W.W. Norton & Company, 2014. 281 p.
44. Frey C.B., Osborne M.A. The future of employment: How susceptible are jobs to computerisation? *Technological Forecasting and Social Change*, 2017, vol. 114, pp. 254–280. DOI: 10.1016/j.techfore.2016.08.019
45. Корнилов А.М. Дилеммы цифровой революции: технологическая безработица и научный краудсорсинг // Управление наукой: теория и практика. 2019. Т. 1. № 2. С. 90–102. DOI: 10.19181/smtpr.2019.1.2.5
46. Sorgner A. The Automation of Jobs: A threat for employment or a source of new entrepreneurial opportunities? *Foresight and STI Governance*, 2017, vol. 11, no. 3, pp. 37–48. DOI: 10.17323/2500-2597.2017.3.37.48
47. Piketty T., Zucman G. Capital is back: Wealth-income ratios in rich countries 1700–2010. *The Quarterly Journal of Economics*, 2014, vol. 129, issue 3, pp. 1255–1310. DOI: 10.1093/qje/qju018
48. Braconier H., Nicoletti G., Westmore B. Policy challenges for the next 50 years. *OECD Economic Policy Papers*, 2014, no. 9. DOI: 10.1787/5jz18gs5fckf-en
49. Шевяков А. Социальное неравенство, бедность и экономический рост // Общество и экономика. 2005. № 3. С. 5–18.
50. Юревич М.А. Социальное неравенство, инвестиции и экономический рост // Вопросы регулирования экономики. 2019. Т. 10. № 4. С. 35–46. DOI: 10.17835/2078-5429.2019.10.4.035-046
51. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. Москва: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2010. 256 с.
52. Лукас Р.Э. Лекции по экономическому росту. Москва: Издательство Института Гайдара, 2013. 288 с.
53. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 592 с.
54. Хейнберг Р. Конец роста. М.: Книжный Клуб Книговек, 2013. 384 с.

55. Балацкий Е.В. Теория жизненных ресурсов: модели и эмпирические оценки // Мониторинг общественного мнения. 2007. № 2 (82). С. 124–133.
56. Cruz E., Raurich X. Leisure time and the sectoral composition of employment. *Review of Economic Dynamics*, 2020, vol. 38, pp. 198–219. DOI: 10.1016/j.red.2020.04.004
57. Balatsky E.V., Ekimova N.A. Russian economy model: Post-industrial society without industrial sector. *The World of New Economy*, 2021, vol. 15, no. 2, pp. 29–46. DOI: 10.26794/2220-6469-2021-15-2-29-46

Сведения об авторе

Наталья Александровна Екимова – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (109456, Российская Федерация, г. Москва, 4-й Вешняковский пр., д. 4; e-mail: n.ekimova@bk.ru)

Ekimova N.A.

Global Megatrends and New Technologies: Challenges for and Threats to the Post-Industrial Economy

Abstract. The paper considers the influence of megatrends, currently acting as drivers of changes taking place in society, on the structure of the emerging economy of post-industrial society. Under their influence, a new economy is formed, focused on the use of such a resource as time, the amount of which, available to people, is increasing as robotomics develops. The research is based on the study of five global trends in the development of modern society: demographic transformations; natural resources depletion and climate change; changing geo-economic and geopolitical landscapes; digitalization and development of new technologies; comprehensive human welfare: wealth, health and knowledge. The article proves that these trends seriously challenge the future of humanity and fundamentally change the structure of the economy and employment. The response to the megatrends challenges is the formation of new directions in the economic structure that help to respond to them and deal with their negative implications. We establish that megatrends have contributed to the development of such areas as silver economy, circular economy, robotomics, peer-to-peer economy, and laid the foundation of a spiritual and moral economy and leisure economy. The work concludes that there are prerequisites in society for the transition to the economy, in which social effects will prevail over economic ones. High level of technology development and digitalization help to make such a transition to an “economics with a human face”. The formulated principles of adaptation to the emerging economy enable countries to develop a transition strategy with minimal social and economic costs. The novelty of the research consists in comparing megatrends with changes occurring in the structure of the economy and the labor market, as well as in substantiating social orientation of the post-industrial economy, which is formed under the influence of global trends in social development.

Key words: megatrends, silver economy, circular economy, peer-to-peer economy, robotomics, leisure economy.

Information about the Author

Natal'ya A. Ekimova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Leading Researcher, Financial University under the Government of the Russian Federation (4, 4th Veshnyakovsky Avenue, Moscow, 109456, Russian Federation; e-mail: n.ekimova@bk.ru)

Статья поступила 16.06.2021.

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ

DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.8

УДК 338.2, ББК 65.05

© Вольчик В.В., Маслюкова Е.В., Пантеева С.А.

Исследование подходов к моделированию национальных инновационных систем*

Вячеслав Витальевич

ВОЛЬЧИК

Южный федеральный университет
Ростов-на-Дону, Российская Федерация
e-mail: volchik@sfedu.ru

ORCID: 0000-0002-0027-3442; ResearcherID: K-7832-2012

Елена Васильевна

МАСЛЮКОВА

Южный федеральный университет
Ростов-на-Дону, Российская Федерация
e-mail: maslyukova@sfedu.ru

ORCID: 0000-0002-9918-3040; ResearcherID: K-7143-2016

София Алексеевна

ПАНТЕЕВА

Южный федеральный университет
Ростов-на-Дону, Российская Федерация
e-mail: panteeva@sfedu.ru

ORCID: 0000-0002-7481-1952; ResearcherID: ABD-2847-2020

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00562, <https://rscf.ru/project/21-18-00562/> «Развитие российской инновационной системы в контексте нарративной экономики».

Для цитирования: Вольчик В.В., Маслюкова Е.В., Пантеева С.А. Исследование подходов к моделированию национальных инновационных систем // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 5. С. 135–150. DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.8

For citation: Volchik V.V., Maslyukova E.V., Panteeva S.A. Investigating the approaches to national innovation systems modeling. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 5, pp. 135–150. DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.8

Аннотация. В статье анализируются современные подходы к моделированию национальных инновационных систем, представленные в научной литературе. Применены современные методы анализа библиографии и подготовки обзоров литературы: метод совпадений (co-occurrence) и метод PRISMA (Preferred Reporting Items for Systematic Reviews and Meta-analyses). Такой подход позволяет проводить реляционный анализ документов на основе систематизации и упорядочивания ключевых слов в специальные смысловые кластеры, отражающие интерес к моделированию национальных инновационных систем. В процессе исследования сделан акцент на математических моделях национальных инновационных систем и моделях, использующих эмпирические количественные данные, анализируемые с помощью различных эконометрических методов исходя из российской специфики экономического развития. В связи с этим в ходе поиска и анализа источников применялись фильтры «российская инновационная система», «национальная инновационная система и Россия». Выявлено, что основной массив публикаций фокусируется на рассмотрении таких аспектов, как цифровизация, неоиндустриализация, инновационная политика и технологии. Выделены четыре направления моделирования национальных инновационных систем: макроэкономическое моделирование инновационных систем, моделирование роста за счет развития инновационных систем, моделирование инновационной активности фирм, моделирование институциональных факторов развития инновационных систем. Национальная инновационная система преимущественно моделируется через применение показателей, связанных с патентованием, объемом экспорта и производства инноваций. Детерминантами развития национальных инновационных систем в этом контексте выступают расходы на НИОКР и инновации, инвестиции в технологии, образование, инфраструктуру, трудовые ресурсы и качество человеческого капитала. Выводы по анализируемым моделям часто не совпадают относительно роли государства в финансировании инноваций, роли различных элементов институциональной структуры экономики, таких как права интеллектуальной собственности и механизмы их защиты, а также роли политических факторов. С другой стороны, выводы последовательны в части влияния инноваций на экономический рост и развитие: отмечается положительная корреляция с показателями, отражающими развитие национальных инновационных систем.

Ключевые слова: инновации, национальная инновационная система, экономический рост, институциональная структура, экономическая политика, российская инновационная система.

Постановка проблемы

Инновации, в т. ч. система их создания и внедрения, являются важным условием экономического развития. Создание инноваций во многом зависит от уровня развития науки и технологий в рамках хозяйственного порядка. Традиционно в современных макроэкономических моделях экономического роста наука и технологии рассматриваются как ключевой фактор [1; 2]. Развитие науки и технологий в современном мире во многом зависит от государственной политики в области науки и инноваций. Моделирование процессов влияния науки и технологий в контексте разработки государственной политики имеет довольно большое значение, потому что упрощенное понимание связей между наукой, технологиями и экономическим ростом может приводить к негативным результатам [3].

Современные национальные инновационные системы (НИС) чаще всего рассматриваются как совокупность институтов и организаций, генерирующих новые знания и технологии и способствующих их внедрению в производство [4]. Инновационная система состоит из укоренившихся внутри национальных границ элементов и связей, которые взаимодействуют при производстве, распространении и использовании экономически полезных знаний [5], что в исследовательской практике воплощается в построении разнообразных формальных моделей НИС. В данной работе мы анализируем, как в современной экономической литературе моделируются инновационные процессы в контексте различных национальных и институциональных особенностей инновационных систем.

Основной акцент сделан нами на исследовании математических моделей национальных инновационных систем и моделей, использующих эмпирические количественные данные, анализируемые с помощью различных эконометрических методов. В ходе анализа выделяются и классифицируются различные модели и подходы к формальному моделированию и объяснению функционирования инновационных систем, что позволяет выделить четыре их типа. В связи с этим основная цель работы заключается в выявлении основных гипотез инновационных моделей и соответствующих им статистических агрегатов с целью их последующего исследования методами нарративного анализа. В рамках статьи мы концентрируемся на получении «первичной» информации из анализа моделей для формулирования и содержательной проверки методами нарративного анализа в последующих работах.

Идентификация массива релевантных моделей НИС

В современной научной литературе проблематика, связанная с функционированием НИС, довольно распространена. Для реализации цели, поставленной в данной статье, мы осуществили анализ моделирования НИС с использованием двух подходов: *co-occurrence* и PRISMA (Preferred Reporting Items for Systematic Reviews and Meta-analyses), которые ранее в российских социальных науках совместно не применялись. Данные подходы на протяжении последнего десятилетия начали активно использоваться в социальных науках, что позволяет упорядочить и алгоритмизировать процесс анализа библиографии и подготовки обзора литературы по той или иной научной проблеме [6; 7; 8].

Метод co-occurrence

Для построения наглядных карт и визуализации библиографических данных мы использовали метод совпадений (*co-occurrence*), который позволяет проводить реляционный анализ документов на основе систематизации и упорядочивания ключевых слов в специальные смысловые кластеры, отражающие интерес к той или

иной проблеме за выбранный период. Первоначально данный метод применялся для целенаправленного поиска, позже – для оценки и представления результатов исследований. Визуализация основана на использовании авторских ключевых слов, т. к. они тщательно отбираются авторами для отражения основных концепций публикуемых работ. Метод предполагает следующую последовательность действий: 1) поиск и фильтрация литературы, удаление дубликатов; 2) отбор ключевых слов и базовый статистический анализ; 3) визуализация сети ключевых слов; 4) интерпретация кластеров [9].

Статьи, включенные в исследование, были идентифицированы в результате поиска в базах данных Scopus и Web of Science (WoS), являющихся одними из наиболее широко используемых и признанных академических баз данных в мире. В *таблице 1* представлены комбинации ключевых слов и первоначальные результаты поиска. В Scopus поиск проводился с использованием поля «Название статьи, Аннотация, Ключевые слова», тогда как в WoS мы выбрали эквивалентное поле с названием «Тема». Поиск осуществлялся без ограничения даты публикации.

Отобранные публикации относятся к исследовательскому полю нескольких наук, при этом большая часть приходится на экономику, эконометрику и финансы (Economics, Econometrics and Finance), бизнес, менеджмент и бухгалтерский учет (Business, Management and Accounting) и науки об обществе (Social Sciences). На *рисунке 1* показаны результаты анализа ключевых слов в WoS, основанные на количестве совпадений, по крайней мере, двух ключевых слов, что означает количество публикаций, в которых оба термина встречаются вместе. Таким образом, из 284 терминов для кластеризации были использованы 39. На *рисунке 1* отражены ключевые слова авторов, разделенные на 8 кластеров, а на *рисунке 2* представлена сеть с наложением по году публикации, т. е. показано, какие слова употреблялись наиболее часто в публикациях того или иного года.

Таблица 1. Ключевые слова и первоначальные результаты поиска

Ключевые слова	WoS	Scopus
Russian innovation system	9	19
National innovation system and Russia	54	87
Источник: составлено авторами по результатам исследования.		

Таблица 2. Поисковые запросы к базам научного цитирования

База данных	Поисковый запрос	Критерии ограничения поиска
Web of Science	("Russian innovation system") OR ("National innovation system" and Russia)	Отсутствуют
Scopus	("Russian innovation system") OR ("National innovation system" and Russia)	Отсутствуют
ELibrary	("Russian innovation system") OR ("National innovation system") OR (Национальная инновационная система) OR (Российская инновационная система)	Где искать: в названии публикации. Тип публикации: статьи в журналах, диссертации, книги, материалы конференций. Тематика: без ограничений. Авторы: без ограничений. Журналы: без ограничений. Параметры: искать с учетом морфологии. Годы публикации: без ограничений. Поступившие: за все время.
Источник: составлено авторами по результатам исследования.		

инновационная система» и «российская инновационная система»). Для баз Scopus и Web of Science критерии ограничения на этапе идентификации не применялись; для библиотеки ELibrary были установлены следующие параметры расширенного поиска: включение ключевого запроса в название публикации, тип публикации – статьи в журналах, диссертации, книги, материалы конференций. Поисковые запросы и параметры исключения сформулированы в *таблице 2*.

Этот шаг позволил идентифицировать 1379 научных источников. Дополнительно были включены и другие публикации, идентифицированные в ходе поиска в указанных выше базах, а также в системе Google Scholar – это увеличило общую базу исследования на 232 единицы. Итого на этапе идентификации выявлено 1611 публикаций.

Шаг 2 – выявление и удаление дубликатов. В ходе проверки базы исследования на наличие дубликатов была выявлена и удалена 301 работа, следовательно, осталось 1310 источников для дальнейшего рассмотрения.

Шаг 3 – скрининг. Данный этап включает проверку публикаций на соответствие теме. Исключению подлежали материалы, для которых не выполнялись базовые критерии включения, подразумевающие, что тема работы

относится к исследованию национальных инновационных систем, работа содержит модель национальной инновационной системы. Исключались также материалы, полнотекстовое рассмотрение которых невозможно, т. к. доступ к ним отсутствует или публикации выполнены на языках, отличных от русского и английского. Это позволило отбросить еще 1173 источника, оставив только 137 к дальнейшему рассмотрению. Таким образом, уже на этом этапе к анализу представлено только 8,5% работ из первоначальной выборки.

Шаг 4 – проверка на приемлемость. Проверка подразумевает выявление научных источников, содержащих математические модели национальных инновационных систем. Следовательно, исключению подлежали те работы, которые содержат лишь концептуальное описание НИС, простое описание соответствующих статистик, то есть не предлагают конкретного формального анализа. Это уменьшило исходную выборку еще на 88 источников. В дальнейшем же при качественном анализе были исключены 10 публикаций, не удовлетворяющих критериям поиска. Итого к финальному рассмотрению отобрано 39 работ – 2,4% от изначального количества публикаций.

Блок-схема PRISMA отражена на *рисунке 5*.

Рис. 5. Блок-схема PRISMA

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

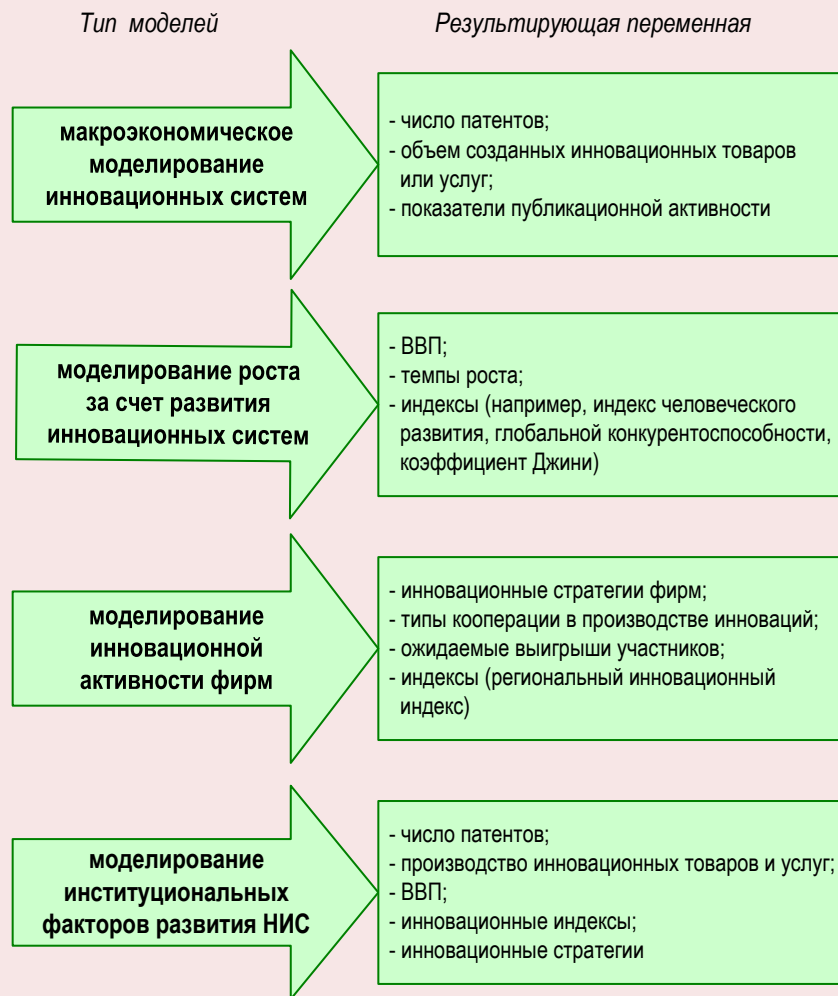
Типология моделей НИС

В ходе проведенного содержательного анализа отобранной научной литературы была осуществлена классификация моделей по четырем типам на основе общности выводов: макроэкономическое моделирование инновационных систем, моделирование роста за счет развития инновационных систем, моделирование инновационной активности фирм, моделирование институциональных факторов развития инновационных систем (рис. 6).

Каждая из выделенных разновидностей включает множество подходов к моделированию НИС. Так, макроэкономическое моделирование инновационных систем зачастую осуществляется с использованием показателей патентования (число зарегистрированных патентов, поданных заявок), производственно-экономических показателей (выпуск и экспорт высокотехнологичной продукции, ВВП, объем инвестиций и расходы на НИОКР), показателей публикационной активности (число

научных статей). При моделировании роста за счет развития инновационных систем последние отражаются как показатели ВВП и его производные (темпы роста, производительность труда, ВВП на душу населения) и как индексы глобальной конкурентоспособности, ИЧР, коэффициент Джини. Моделирование инновационной активности фирм сфокусировано на изучении особенностей инновационной деятельности акторов на микроуровне, поэтому принимаются во внимание прежде всего инновационные стратегии фирм, виды их кооперации в рамках создания инноваций, ожидания выигрышей участников и восприятие ими препятствий, а также соответствующие индексы. С точки зрения учета институциональных факторов в инновационных системах полезными оказываются как указанные ранее макропоказатели патентования, производства, ВВП, инновационные индексы, так и показатели микроуровня, в частности инновационные стратегии организаций.

Рис. 6. Типология моделей НИС

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

Построение классификации позволяет типологизировать совокупности подходов и переменных, которые используются в научной литературе. В дальнейших исследованиях эта типология может быть дополнена и расширена за счет увеличения объемов анализируемой информации, а также проведения междисциплинарных исследований в данном направлении.

Макроэкономическое моделирование инновационных систем

В качестве результирующих прокси-переменных при моделировании НИС чаще всего используют число патентов (как поданных резидентами, так и на территории страны; количество одобренных или зарегистрированных

заявок). В таких случаях авторы отмечают, что данная переменная положительно зависит от расходов на НИОКР в целом, в том числе расходов бизнеса и/или государства на НИОКР, затрат бизнеса на инновации, а также показателей инвестиций различного рода – начиная с инвестиций в инновации, например суперкомпьютеры, инвестиций в технологии, заканчивая общими инвестициями в образование и прямыми иностранными инвестициями [11–18].

Примечательно, что некоторые исследователи приходят к выводу о том, что производство инноваций осуществляется эффективно не только или даже не столько крупными, сколько небольшими исследовательскими центрами.

Так, Йенс К. Перре пишет, что регионы с большими развитыми исследовательскими центрами менее эффективны, чем с небольшими исследовательскими институтами, поскольку в первых отмечается отрицательный эффект масштаба от найма дополнительных научных сотрудников [12]. Эта идея подтверждается другими работами, согласно которым небольшие города могут демонстрировать успехи не меньшие или даже превосходящие успехи крупных агломераций на научном поприще [19; 20]. Небольшой размер региона не является препятствием для эффективной инновационной деятельности; более того, авторы отмечают, что регионы с низкими показателями НИОКР могут стать эффективными, потому что патенты могут быть результатом чистого творчества людей, не связанным с систематической работой исследовательских институтов [21]. Вывод об индивидуальной деятельности по созданию инноваций согласуется и с другим исследованием, автор которого заключает, что больше всего патентов регистрируют индивидуальные изобретатели, а лишь затем следуют отечественные и зарубежные компании [22].

Популярной переменной, отражающей НИС, выступает объем созданных инновационных товаров или услуг, то есть объем высокотехнологичного экспорта или производства и продаж инновационных товаров (на уровне фирм). В различных моделях эта переменная показывает зависимость от множества факторов, характеризующих человеческий капитал (численность и структура рабочей силы и персонала, уровень образования), инфраструктуру (в части использования компьютеров), инновационную активность (производство инновационных товаров, расходы на НИОКР, науку, инвестиции в инновации, число предприятий, занятых созданием знаний), институциональную структуру (правительство, условия ведения бизнеса), финансирование (объем кредитования) [15; 23–27].

Реже используются показатели публикационной активности (количество опубликованных научных статей, показатели цитирования) как способа отражения функционирования НИС. Здесь детерминантами являются в целом те же факторы, что и в указанных ранее моделях: человеческий капитал (число научных сотрудников, уровень образования), инвестиции (расходы

на НИОКР, прямые иностранные инвестиции, расходы на образование), показатели инновационной деятельности (регистрация патентов, импорт высокотехнологичных товаров) [19; 28].

Моделирование роста за счет развития инновационных систем

Традиционным показателем экономического роста выступает ВВП (общий показатель или в пересчете на душу населения, или темпы роста). Эконометрические модели, отражающие влияние НИС на ВВП, свидетельствуют, что имеется положительная корреляция между показателями производства инновационных товаров и услуг (добавленная стоимость наукоемких отраслей, стоимость высокотехнологичного экспорта), инновационной активностью (количество патентов, публикационная активность), инвестициями (расходы на НИОКР, финансирование науки, прямые иностранные инвестиции), развитием человеческого капитала (показатели образования – расходы на образование, число студентов, численность научного персонала), инфраструктурой (доступ к интернету, сотовой связи), финансированием и налогообложением (кредитование, налоговые ставки) и экономическим ростом [29–38].

Если же говорить о попытках моделирования экономического развития, то таких публикаций значительно меньше. Как правило, прокси-переменными здесь выступают комбинации некоторых факторов, отражающих экономическое развитие, или различные индексы, например индекс человеческого развития, коэффициент Джини. Однако влияющие на него переменные в целом те же, что и для экономического роста [39; 40].

Исторически в экономической теории экономическое развитие связано с факторами и переменными, плохо поддающимися количественной оценке, в частности состоянием институциональной структуры или качеством экономической политики. Сложность включения подобных институциональных факторов в анализ с помощью формального моделирования требует дополнения математического моделирования концептуальным моделированием с использованием качественных методов. Как отмечал нобелевский лауреат Р. Шиллер, в рамках нарративной экономики эконометрическое моделирование может быть дополнено качественными исследованиями [41].

Моделирование инновационной активности фирм

Модели, описывающие инновационную активность на микроуровне, очень разрозненные. Вероятно, это связано с тем, что данные для такого исследования получены в процессе применения микст-методов: опросов и анкетирования, что формирует разнородную выборку исходной информации, а потому и различные аспекты, изучаемые в публикациях.

В первую очередь инновационную активность фирм связывают с самим предприятием. Как отмечает Бенгт-Аке Лундваль, крупные предприятия в высокотехнологичных отраслях, имеющие свои инновационные стратегии, более активны в производстве инноваций; здесь же указывается, что те предприятия, которые производят кастомизированную продукцию, с большей вероятностью относятся к активным инноваторам [42; 43]. Также исследователи акцентируют внимание на большей вовлеченности в процесс инновационного взаимодействия со стороны средних и крупных предприятий, ориентированных на глобальный и национальный рынки. В целом повышение расходов на НИОКР со стороны бизнеса связано с кооперацией первых с соответствующими организациями, государственные же предприятия чаще вступают во взаимодействие с университетами [44].

Другой подход, основанный на ожидаемых выигрышах от участия в инновационных процессах, предлагают Д.А. Гордеев и В.В. Акбердина. Их выводы, однако, не противоречат предыдущим: поведение организаций определяется совокупностью нормативно-правовых и организационно-управленческих факторов, то есть условиями, целями этой деятельности, а также взаимодействием со средой, представленной субъектами государства, науки и предпринимательства, и соответствующими ограничениями [45]. В целом важность государства как одной из сторон обеспечения политических условий, которые учитываются индивидом при принятии решений относительно инвестиций (в данном контексте как развитие технологического трансфера), подчеркивается в работе Б.Е. Одинцова, где отмечается, что заинтересованность инвесторов повышается при внешней политико-экономической стабилизации, как и стабилизации федерального уровня управления [46].

Значимыми при моделировании инновационной активности оказываются также доступность и локализация ресурсов. Кроме того, финансирование играет ключевую роль для предприятий, в отличие от институциональных представителей, которые находят, что фактор образования важнее для инновационного развития [47]. Более широкий взгляд на препятствия к инновационной деятельности с точки зрения фирмы предполагает учет дополнительно и таких факторов, как неблагоприятные условия окружающей среды, отстраненность от инновационного взаимодействия, внутрифирменные факторы (среди которых и проблема человеческого капитала), высокие риски, недостатки инфраструктуры [48].

Большую роль в плане инновационной деятельности играет и среда функционирования фирмы. Так, например, взаимодействия фирм в инновационной среде, обмен знаниями напрямую зависят от интенсивности деятельности фирмы по НИОКР и системы защиты ее прав собственности [49]. В продолжение этой идеи стоит отметить, что фирма, существующая в отраслевой и региональной среде одновременно, подвергается воздействию с обеих сторон, однако если отраслевая инновационная система связана с интенсивным ростом предприятия, то региональная инновационная система способствует экстенсивному росту компании [50].

Моделирование институциональных факторов развития инновационных систем

Примечательно, что даже при относительной однородности подходов к отражению НИС в моделях выводы, получаемые из эмпирических данных, сильно разнятся даже относительно базовых аспектов, которые считаются детерминантами инновационной деятельности.

Финансирование — один из ключевых аспектов, упоминающихся при определении факторов результативности инновационной деятельности [51]. Как правило, предполагается, что государственные расходы имеют положительное влияние на НИС, и многие модели показывают, что это действительно так: государственные расходы на исследования и разработки выступают показателем инновационной системы, который положительно влияет на экономический рост [31]; такая же связь присутствует между бюджетными ассигнованиями на науку и ВВП [37]. Однако не все

моменты однозначны. Государственная поддержка и финансирование не являются значимыми в отношении стимулирования кооперации науки и промышленности, на него не влияют ни целевые, ни общие меры (налоги, процентные ставки); эффективными же оказываются только специальные меры сетевой поддержки (технологические платформы, кластеры) [44]. Аналогичную идею можно проследить и в другой статье [25]: регрессионная модель выявила, что расходы государства на НИОКР не оказывают значимого влияния на высокотехнологичный экспорт – важный показатель национальной инновационной системы. Еще одно исследование свидетельствует, что государственное финансирование незначимо в случае России, то есть не оказывает значимого влияния на открытость инновационной деятельности, обмен ее результатами [49].

Сложным представляется вопрос о потребности и роли государственных расходов с учетом того, что фирмы склонны отмечать как раз потребность в ресурсах в качестве ключевого фактора, влияющего на их деятельность в сфере инноваций [47], а недостаток финансовых ресурсов и государственной поддержки – как одно из главных препятствий к ней [48].

Другой фактор, оказывающий влияние на инновационную деятельность, – система защиты прав собственности. Очевидно, что акторы имеют больше стимулов к созданию новых товаров и услуг, когда есть гарантии того, что их новации защищены от копирования, экспроприации и т. д. Тем не менее, при изучении результатов исследований, включающих этот аспект, можно столкнуться с несколько разнородными заключениями. Хотя сложность системы защиты прав собственности положительно влияет на вовлеченность фирм в обмен знаниями, одновременно следует отметить, что этот аспект требует более детального исследования; более того, выявлено, что значительное число предприятий признают этот же фактор препятствием к обмену техническими достижениями [49]. С другой стороны, обнаруживаются подтверждения значимого и положительного влияния системы защиты прав собственности на процессы кооперации между промышленностью и академией, причем важными оказываются как формальные, так и неформальные инструменты [44]. При этом моделирование

зависимости производительности труда от ряда показателей, характеризующих открытость национальной инновационной системы, выявило, что фактор стоимости использования интеллектуальной собственности не оказывает значимого воздействия на регрессант [38].

Важность институциональных факторов для инновационной деятельности также исследуется в контексте форм собственности, способствующих или препятствующих инновационной деятельности. Провалы национальной инновационной политики в плане невыполнения функции по созданию, хранению, распространению и экономическому применению знаний возникают за счет искажения мотивации акторов из-за несовершенства институциональной структуры, например институтов, связанных с интеллектуальной собственностью [52].

Еще одно противоречие наблюдается в вопросе об оценке значимости институциональной структуры в контексте национальных инновационных систем, их влияния на экономический рост. Как правило, предполагается, что институты значимы для экономического развития [53; 54; 55].

Логично также предположить, что развитые институты положительно влияют на инновационные процессы. С одной стороны, часть эмпирических исследований подтверждает этот факт. Так, S. Zemtsov и M. Kotsemir приходят к выводу, что институциональные условия обеспечивают лучшие возможности интеракции акторов в инновационном процессе [21]. С другой стороны, некоторые модели показывают, что институциональная составляющая незначима [36; 40]. В статье С.М. Пястолова и вовсе демонстрируется модель влияния различных факторов на индекс инновационного выпуска, где коэффициент при переменной институтов принимает отрицательное значение [56].

Заключение

Проведенный реляционный анализ публикаций позволил представить картину исследований, посвященных моделированию инновационных систем. Изучение инновационных систем находится в рамках исследовательского поля нескольких наук, при этом большая часть приходится на экономику, эконометрику и финансы (Economics, Econometrics and Finance), бизнес, менеджмент и бухгалтерский

учет (Business, Management and Accounting) и науки об обществе (Social Sciences). В результате анализа наукометрических показателей выявлено, что в последние годы наблюдается рост публикаций по данной тематике, сопровождающийся увеличением упоминаний, связанных с темой ключевых слов в научных публикациях.

Исследования национальных инновационных систем в современной экономической теории концентрируют внимание на механизмах, количественных результатах и показателях функционирования организаций. Качественный анализ и интерпретация статей позволили выявить и установить четыре основных аспекта моделирования национальных инновационных систем: с одной стороны, макромоделли НИС и моделирование экономического роста за счет развития инновационных систем, а с другой — моделирование институциональных факторов развития инновационных систем и моделирование инновационной активности фирм.

Проведенный анализ переменных рассмотренных типов моделей значим для осмысления очень важного аспекта в исследовании национальных инновационных систем — формального моделирования. Переменные рассмотренных типов моделей в дальнейшем будут использоваться для организации сбора и анализа качественных данных в рамках новейшего научного направления — нарративной экономической теории (narrative economics). В связи с этим полученные в ходе работы результаты необходимы при формулировке запросов в базах данных средств массовой информации, проведении контент-анализа, формулировке вопросов в гайдах глубинных интервью. Проведение качественных исследований российской инновационной системы на основе анализа нарративов позволит наряду с ее формальным моделированием получить более глубокое понимание процессов в сфере создания и внедрения инноваций.

Литература

1. Romer P.M. Increasing Returns and Long-run Growth. *Journal of Political Economy*, 1986, no. 94, pp. 1002–1037.
2. Romer P.M. Why, Indeed, in America? Theory, History, and the Origins of Modern Economic Growth. *American Economic Review*, 1996, no. 86(2), pp. 202–206.
3. Nelson R.R., Romer P.M. Science, economic growth, and public policy. *Challenge*, 1996, vol. 39, no. 1, pp. 9–21.
4. Голиченко О.Г. Национальная инновационная система: от концепции к методологии исследования // Вопросы экономики. 2014. № 7. С. 35–50.
5. Lundvall B.Å. Innovation as an interactive process: from user-producer interaction to the national systems of innovation. In: *The Learning Economy and the Economics of Hope*. Ed. by B.Å. Lundvall. London, New York, NY: Anthem Press, 2016. P. 61.
6. Van der Heijden J., Kuhlmann J. Studying incremental institutional change: A systematic and critical meta-review of the literature from 2005 to 2015. *Policy Studies Journal*, 2016, no. 45 (3), pp. 535–554.
7. Kreshpaj B., Orellana C., Burström B., Davis L., Hemmingsson T., Johansson G., Bodin T. What is precarious employment? A systematic review of definitions and operationalizations from quantitative and qualitative studies. *Scandinavian Journal of Work, Environment & Health*, 2020, no. 46 (3), pp. 235–247.
8. Figueiredo F., Rocha L., Couto T., Salles T., Gonçalves M. A., Meira Jr W. Word co-occurrence features for text classification. *Information Systems*, 2011, no. 36 (5), pp. 843–858.
9. Lee P.C., Su H.N. Investigating the structure of regional innovation system research through keyword co-occurrence and social network analysis. *Innovation*, 2010, vol. 12, no. 1, pp. 26–40.
10. Liberati A., Altman D.G., Tetzlaff J., Mulrow C., Gøtzsche P. C., Ioannidis J. P., Moher D. The PRISMA statement for reporting systematic reviews and meta-analyses of studies that evaluate health care interventions: Explanation and elaboration. *Journal of Clinical Epidemiology*, 2009, no. 62 (10), pp. 1–34.
11. Zelenkov Y.A., Sharsheeva J.A. Impact of the investment in supercomputers on national innovation system and country's development. In: *International Conference on Parallel Computational Technologies*. Cham: Springer, 2017. Pp. 42–57.
12. Perret J.K. Re-evaluating the knowledge production function for the regions of the Russian Federation. *Journal of the Knowledge Economy*, 2019, vol. 10, no. 2, pp. 670–694.

13. Nasierowski W., Arcelus F.J. On the efficiency of national innovation systems. *Socio-Economic Planning Sciences*, 2003, vol. 37, no. 3, pp. 215–234.
14. Juříčková E., Pilik M., Kwarteng M.A. Efficiency measurement of national innovation systems of the European Union countries: DEA model application. *Journal of International Studies*, 2019, no. 12 (4), pp. 286–299.
15. Kornev V. et al. National innovation system: Experience of formation, revealing patterns of development, regulation. *Mediterranean Journal of Social Sciences*. Rome: MCSER Publishing, 2015, vol. 6, no. 6.
16. Pan T.W., Hung S.W., Lu W.M. DEA performance measurement of the national innovation system in Asia and Europe. *Asia-Pacific Journal of Operational Research*, 2010, vol. 27, no. 3, pp. 369–392.
17. Матризаев Б.Д. Исследование сравнительной эффективности национальной инновационной системы и качества экономического роста на примере сравнительного анализа стран ОЭСР и БРИКС // Вопросы инновационной экономики. 2019. Т. 9. № 3. С. 673–692.
18. Bacon D., Forner D., Ozcan S. Machine learning approach for national innovation performance data analysis. In: *8th International Conference on Data Science, Technology and Applications*. SciTePress, 2019, pp. 325–331.
19. Mikhaylov A.S. et al. Knowledge Geography for Measuring the Divergence in Intellectual Capital of Russia. *Electronic Journal of Knowledge Management*, 2020, vol. 18, no. 2, pp. 121–135.
20. Mikhailov A.S., Kuznetsova T.Y., Peker I.Y. Methods of spatial scientometrics in assessing the heterogeneity of the innovation space of Russia. *Perspektivy nauki i obrazovaniya*, 2019, no. 5 (41), pp. 549.
21. Zemtsov S., Kotsemir M. An assessment of regional innovation system efficiency in Russia: The application of the DEA approach. *Scientometrics*, 2019, vol. 120, no. 2, pp. 375–404.
22. Ervits I. et al. Economic potential of internationally-oriented patenting activity in Russia. *Entrepreneurial Business and Economics Review*, 2019, vol. 7, no. 1, pp. 75–94.
23. Afzal M.N.I. An empirical investigation of the National Innovation System (NIS) using Data Envelopment Analysis (DEA) and the TOBIT model. *International Review of Applied Economics*, 2014, vol. 28, no. 4, pp. 507–523.
24. К вопросу о параметризации национальной инновационной системы / С.А. Айвазян и др. // Прикладная эконометрика. 2017. № 1 (45). С. 29–49.
25. Погодаева Т.В., Жапарова Д.В. Модель инновационного развития России: роль нефтегазового бизнеса // Исследования молодых учёных: экономическая теория, социология, отраслевая и региональная экономика. 2015. С. 260–266.
26. Инновационная система в регионах России: оценка состояния и развития / Ю.С. Сердюкова и др. // Регион: экономика и социология. 2010. № 1. С. 179–197.
27. Хрусталева Е.Ю., Славянов А.С. Инновационно-ориентированная методология оценки состояния и возможностей роста национальной экономической системы // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2016. № 115.
28. Михайлов А.С., Кузнецова Т.Ю., Пекер И.Ю. Методы пространственной наукометрии в оценке неоднородности инновационного пространства России // Перспективы науки и образования. 2019. № 5 (41). С. 549–563.
29. Babenko V. et al. The innovation development in China in the context of globalization. *WSEAS Transactions on Business and Economics*, 2020, vol. 17, no. 2, pp. 523–531.
30. Rodionova I.A., Kokuytseva T.V., Semenov A.S. Mathematical model of the influence of innovative development factors on the economy of leading countries and Russia. *International Journal of Engineering & Technology*, 2018, vol. 7, no. 4 (38), pp. 406–411.
31. Sesay B., Yulin Z., Wang F. Does the national innovation system spur economic growth in Brazil, Russia, India, China and South Africa economies? Evidence from panel data. *South African Journal of Economic and Management Sciences*, 2018, vol. 21, no. 1, pp. 1–12.
32. Gackstatter S., Kotzemir M., Meissner D. Building an innovation-driven economy—the case of BRIC and GCC countries. *Foresight*, 2014, vol. 16, no. 4, pp. 293–308.
33. Национальные модели технологического развития: сравнительный анализ / Е.В. Балацкий и др. // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2017. Т. 9. № 4. С. 37–51.
34. Fagerberg J., Srholec M. National innovation systems, capabilities and economic development. *Research Policy*, 2008, vol. 37, no. 9, pp. 1417–1435.

35. Богданова Е.Л., Ибрагим А. Национальная инновационная система и ее роль в повышении ВВП на душу населения (Взгляд из России) // *Journal of Economic Regulation* (Вопросы регулирования экономики). 2018. Т. 9. № 1. С. 33–39.
36. Ермошина Т.В. Затраты на технологические инновации как приоритетный фактор развития национальной инновационной системы // *Вестник евразийской науки*. 2019. Т. 11. № 3.
37. Овчинникова А.В. Национальная инновационная система // *Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право»*. 2012. № 4. С. 61–69.
38. Целуйко А.А. Открытая национальная инновационная система и экономический рост // *Инновационное развитие экономики*. 2017. № 6. С. 203–212.
39. Ibrahim A. Impact national innovation system on the innovation capabilities in Russia // *Экономика. Социология. Право*. 2016. С. 3–7.
40. Богданова Е.Л., Альнафра И. Анализ влияния структуры факторов национальной инновационной системы на процесс социально-экономического развития в России // *Известия Волгоградского государственного технического университета*. 2017. № 15. С. 19.
41. Shiller R.J. Popular economic narratives advancing the longest U.S. expansion 2009–2019. *Journal of Policy Modeling*, 2020, no. 42 (4), pp. 791–798.
42. Lundvall B. . National innovation systems – analytical concept and development tool. *Industry and Innovation*, 2007, vol. 14, no. 1, pp. 95–119.
43. Lundvall B. . *Innovation System Research: Where It Came from and where It Might Go*. Georgia Institute of Technology, 2008, 51 p.
44. Roud V., Vlasova V. Strategies of industry-science cooperation in the Russian manufacturing sector. *The Journal of Technology Transfer*, 2020, vol. 45, no. 3, pp. 870–907.
45. Гордеев Д.А., Акбердина В.В. Исследование математической формализации принятия стратегических решений в национальной инновационной системе России // *Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий*. Т. 1. Екатеринбург, 2019. С. 295–301.
46. Одинцов Б.Е. Управление спиральной динамикой в стратегии развития национальной инновационной системы // *Стратегии бизнеса*. 2017. № 1. С. 3–8.
47. Vlačić E., Dabić M., Aralica Z. National innovation system: Where do government and business diverge? *Drustvena Istrazivanja*, 2018, vol. 27, no. 4, pp. 649–669.
48. Gokhberg L., Roud V. Structural changes in the national innovation system: Longitudinal study of innovation modes in the Russian industry. *Economic Change and Restructuring*, 2016, vol. 49, no. 2, pp. 269–288.
49. Savitskaya I., Salmi P., Torkkeli M. Outbound open innovation in China and Russia: Innovation system approach. *International Journal of Business Innovation and Research*, 2014, vol. 8, no. 2, pp. 190–209.
50. Khalimova S. Innovation development of large companies in Siberia. *Area Development and Policy*, 2016, vol. 1, no. 3, pp. 378–388.
51. Тамбовцев В.Л. Инновации и культура: важность методологии анализа // *Вопросы экономики*. 2018. № 9. С. 70–94.
52. Голиченко О.Г. Государственная политика и провалы национальной инновационной системы // *Вопросы экономики*. 2017. № 2. С. 97–108.
53. North D.C. *Institutions, Institutional Change, and Economic Performance*. Cambridge and New York: Cambridge University Press, 1990.
54. Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. A. Institutions as a fundamental cause of long-run growth. *Handbook of Economic Growth*, 2005, no. 1, pp. 385–472.
55. Greif A. *Institutions and the Path to the Modern Economy: Lessons from Medieval Trade*. Cambridge and New York: Cambridge University Press, 2006.
56. Пястолов С.М. Эффективность национальной инновационной системы: инфраструктурный аспект // *Транспортное дело России*. 2012. № 6-1. С. 18–20.

Сведения об авторах

Вячеслав Витальевич Вольчик – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой, Южный федеральный университет (344006, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, д. 105/42; e-mail: volchik@mail.ru)

Елена Васильевна Маслюкова – кандидат экономических наук, доцент, Южный федеральный университет (344006, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, д. 105/42; e-mail: maslyukova@sfedu.ru)

София Алексеевна Пантеева – стажер-исследователь, Южный федеральный университет (344006, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, д. 105/42; e-mail: panteewa.sofi@yandex.ru)

Volchik V.V., Maslyukova E.V., Panteeva S.A.

Investigating the Approaches to National Innovation Systems Modeling

Abstract. The article analyzes some modern approaches to modeling national innovation systems that are presented in scientific literature. We use modern methods for analyzing bibliography and preparing literature reviews: co-occurrence, and the PRISMA (Preferred Reporting Items for Systematic Reviews and Meta-analyses) method. With the help of this approach we conduct relational analysis of documents by systematizing and arranging keywords into special semantic clusters that reflect interest in modeling national innovation systems. The research focuses on mathematical models of national innovation systems and models that use empirical quantitative data analyzed with the help of various econometric methods based on the Russian specifics of economic development. In this regard, when searching for and analyzing relevant sources, we used the filters “Russian innovation system”, “national innovation system and Russia”. We have revealed that the majority of publications focuses on such aspects as digitalization, neo-industrialization, innovation policy and technology. We identify four directions for modeling national innovation systems: macroeconomic modeling of innovation systems, modeling of growth based on the development of innovation systems, modeling of innovative activity of firms, modeling of institutional factors contributing to the development of innovation systems. The national innovation system is modeled mainly through the use of indicators related to patenting, the volume of exports and the production of innovations. Factors determining the development of national innovation systems in this context include R&D and innovation expenses, investment in technology, education, infrastructure, human resources and the quality of human capital. Conclusions on the analyzed models often do not coincide regarding the role of the state in financing innovations, the role of various elements of the institutional structure of the economy, such as intellectual property rights and mechanisms for their protection, as well as the role of political factors. On the other hand, the conclusions are consistent in terms of the impact of innovation on economic growth and development: we note a positive correlation with indicators reflecting the development of national innovation systems.

Key words: innovation, national innovation system, economic growth, institutional structure, economic policy, Russian innovation system.

Information about the Authors

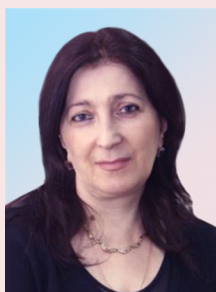
Vyacheslav V. Volchik – Doctor of Sciences (Economics), Professor, head of department, Southern Federal University (105/42, Bolshaya Sadovaya Street, Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation; e-mail: volchik@mail.ru)

Elena V. Maslyukova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Southern Federal University (105/42, Bolshaya Sadovaya Street, Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation; e-mail: maslyukova@sfedu.ru)

Sophia A. Panteeva – Intern Researcher, Southern Federal University (105/42, Bolshaya Sadovaya Street, Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation; e-mail: panteewa.sofi@yandex.ru)

Статья поступила 06.07.2021.

Концепция корпоративной демографической политики российских организаций в контексте социальной ответственности бизнеса*

**Тамара Керимовна
РОСТОВСКАЯ**

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1629-7780

**Александра Анатольевна
ШАБУНОВА**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: aas@vscc.ac.ru
ORCID: 0000-0002-3467-0921; ResearcherID: E-5968-2012

**Анна Петровна
БАГИРОВА**

Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: a.p.bagirova@urfu.ru
ORCID: 0000-0001-5653-4093; ResearcherID: M-7440-2013

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ. Проект № 20-18-00256 «Демографическое поведение населения в контексте национальной безопасности России».

Для цитирования: Ростовская Т.К., Шабунова А.А., Багирова А.П. Концепция корпоративной демографической политики российских организаций в контексте социальной ответственности бизнеса // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 5. С. 151–164. DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.9

For citation: Rostovskaya T.K., Shabunova A.A., Bagirova A.P. The concept for corporate demographic policy of Russian enterprises in the framework of corporate social responsibility. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 5, pp. 151–164. DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.9

Аннотация. Национальные приоритеты развития российского общества в области демографии связаны с воспроизводством населения, сохранением здоровья людей, сокращением смертности населения в трудоспособном возрасте, повышением продолжительности жизни и т. д., а также стратегически соотносятся с эффективным функционированием бизнеса, что актуализирует необходимость разработки, внедрения и развития корпоративной социальной политики в целом и корпоративной демографической политики в частности. Целью исследования является анализ социальной политики крупных российских корпораций (ПАО «Северсталь», ПАО «ММК», ПАО «Газпром нефть», ПАО «Лукойл», ОАО «РЖД», ПАО «ФосАгро», ПАО «Акрон») и обоснование Концепции корпоративной демографической политики предприятий. В исследовании рассмотрены предпосылки для создания и внедрения корпоративной демографической политики в российском обществе. Выявлено, что на современном этапе развития формы социальной ответственности бизнеса чаще всего сводятся к денежным выплатам и участию предприятий в отдельных социальных проектах. В статье проанализированы социальные практики политики российских компаний, которые имеют непосредственное отношение к вопросам демографии (пособия на детей, льготы для работников, санаторное лечение и т. д.). Рассмотрены подходы к пониманию корпоративной демографической политики и ее эффективности. Показаны выгоды от внедрения Корпоративной демографической политики на российских предприятиях, заключающиеся в усилении деловой репутации, снижении социальной напряженности в обществе, участии предприятий в решении проблем демографического развития и т. п. По данным ряда исследований, внедрение корпоративных программ по укреплению здоровья позволяет снизить потери от нетрудоспособности от ряда причин почти на 30%. Практическая значимость и научная новизна исследования состоят в разработке Концепции корпоративной демографической политики российских предприятий, определении ее целевых установок, механизмов реализации и обосновании ожидаемых результатов, заключающихся как в повышении эффективности государственной демографической политики в целом, так и эффектов реализации отдельных корпоративных программ.

Ключевые слова: демография, корпоративная демографическая политика, социальная ответственность бизнеса, предприятия, концепция.

Введение

В настоящее время перед российским обществом остро стоит ряд демографических и социальных проблем: несмотря на расширенные программы государственного стимулирования, снижается рождаемость, происходит естественная убыль населения, рождение детей в семье сопровождается снижением уровня жизни. Эти тенденции создают угрозу демографической безопасности России и вызывают озабоченность и беспокойство ученых, экспертов, политиков, работодателей.

В современных неблагоприятных демографических условиях решение вопросов воспроизводства населения и развития человеческого капитала становится важнейшей задачей на всех уровнях управления. На государственном уровне проводится активная пронаталистская политика. Однако только государственных мер для решения данной проблемы недостаточно. Для успешного ее решения представляет-

ся важным повышение личной ответственности граждан в вопросах сохранения здоровья, а также активное включение бизнеса через инструменты повышения социальной ответственности. Одним из эффективных инструментов видится принятие на национальном уровне документов, утверждающих цели и принципы Корпоративной демографической политики предприятий. Выступая составной частью социальной ответственности, она может компенсировать недостаточность оказываемой государством помощи семьям с детьми и усилить поддержку, оказываемую на макроуровне в области родительства. При этом государство способно активизировать корпоративную демографическую политику организаций комплексом мер (благоприятный налоговый режим; субсидии и льготы; предоставление преимуществ при получении государственных заказов и т. д.).

Теоретико-методологические основы исследования

Неоинституциональный подход предполагает, что «организации структурируются явлениями окружающей их среды и обычно изоморфны этой среде» [1]. Организации и среда, в которой они функционируют, связаны между собой, между ними происходят процессы обмена, что приводит к определенному взаимному соответствию организаций и среды.

П.Дж. Димаджио и У.В. Пауэлл говорят о трех механизмах институциональных изоморфных изменений: принудительный, подражательный, нормативный изоморфизм [2]. Данные механизмы могут стать действенными для распространения практик поддержки родительства работников среди российских организаций. «Запуск» механизма принудительного изоморфизма возможен со стороны государства, проводящего активную пронаталистскую политику и заинтересованного в повышении уровня ее воздействия на население. Так, в России налоговые нормы предусматривают льготы для работодателей, оказывающих помощь работникам с детьми в различных формах (учет в налоге на прибыль расходов на оплату перерывов в работе матерей для кормления ребенка, услуг по организации туризма, санаторно-курортного лечения и отдыха на территории России детям работников¹).

Ученые говорят о том, что социальная политика, реализуемая предприятиями, имеет прочное экономическое обоснование – корпорации получают многочисленные преимущества от того, что работают на более широкую и продолжительную перспективу, чем собственная сиюминутная краткосрочная прибыль [3; 4]. С другой стороны, критики утверждают, что корпоративная социальная ответственность уводит предприятия в сторону от фундаментальной экономической роли бизнеса [5–8]. Подвергается сомнению влияние корпоративной социальной политики на общество, в частности население той территории, где расположены предприятия.

¹ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ) (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.11.2020). URL: <https://base.garant.ru/10900200/> (дата обращения 10.10.2021).

Несмотря на существующие дискуссии, мы считаем, что корпоративная социальная политика положительно влияет на работников предприятия. Свое мнение мы основываем, в том числе, на результатах экспериментов Э. Мэйо, который обосновал, что социально-психологические факторы оказывают на производительность труда работников более сильное влияние, чем физические. Принципиальная возможность рассмотрения предприятия как субъекта реализации демографической политики базируется на том, что «бизнес как субъект спроса на существующий и будущий человеческий капитал несет паритетную с государством ответственность за его сохранение, развитие и восполнение» [9]. Корпоративная демографическая политика как часть социальной политики предприятия показывает, прежде всего, внимание руководства предприятия к работникам, к тому, что у них есть дети, что предприятие тоже заинтересовано в том, чтобы эти дети получали все необходимое для своего развития. На наш взгляд, даже простое понимание персоналом предприятий того факта, что руководству работники интересны не только как исполнители тех или иных трудовых функций, но и как люди, имеющие родительские обязанности, позволит повысить лояльность работников к своему предприятию и, как следствие, приведет к повышению результативности их профессионального труда. К демографическим вопросам относится и забота работодателей о здоровье работника. По данным ряда исследований, внедрение корпоративных программ по укреплению здоровья позволяет снизить нетрудоспособность от ряда причин почти на 30%, а в некоторых компаниях даже больше².

Заинтересованность предприятий в реализации социальной политики зиждется также и на том, что, беря на себя часть обязательств государства перед населением, они получают лоббирование своих интересов со стороны государства. Например, это может проявляться в получении льготных кредитов государственных банков, регулировании государством действий

² В Минздраве считают, что корпоративные программы могут сократить до 30% трудовую потерю. URL: <https://tass.ru/nacionalnye-proekty/6778718> (дата обращения 10.10.2021).

естественных монополий, поддержке предприятия государственными заказами, защите от внешних поставщиков (импорта), снижении налогового бремени и др.

Международный опыт взаимодействия власти и бизнес-структур³ в направлениях, востребованных общественным и социально-экономическим развитием стран, идет через разработку Национальной повестки [10]. Развитие социальной ответственности бизнеса (СОБ) регулируется органами власти и управления с использованием целого спектра инструментов от создания министерских постов по социальной ответственности (Великобритания), специального законодательства по продвижению СОБ (Бельгия, Швейцария, Канада) до частных инструментов продвижения инноваций и решения социальных вопросов (Италия, Норвегия, Польша, Хорватия, Франция). В этом направлении интересен опыт Китайской Народной Республики, разработавшей государственные документы, регламентирующие принципы социальной ответственности, «Рекомендованные стандарты СОБ для корпораций Китая» и др.

Кроме того, социальные проекты оказывают существенное влияние на восприятие предприятий в социуме, их репутацию. Расчеты экспертов показывают наличие прямой положительной связи между социальными действиями предприятия для местного сообщества и его репутацией. Например, анализ деятельности 100 германских компаний подтвердил положительную взаимосвязь между вложениями средств в развитие персонала и курсом акций компании [11; 12].

Анализ международного опыта дает информацию о наиболее успешных и результативных формах и направлениях развития социальной ответственности предприятий. Однако использование опыта подобных программ требует учёта исторических особенностей государств, их традиций и уровня социально-экономического и политического развития. Говоря о социальной ответственности в России, нельзя не вспомнить славные традиции меценатства XIX и начала XX века. В то же время за последние более

чем полвека произошла заметная эволюция социальной ответственности российского бизнеса и экономического взаимодействия органов власти и бизнес-структур. В 1960–1980-х годах сложилась схема функционирования градообразующих предприятий, которые формировали и обслуживали социальную инфраструктуру региона, создавая для работников заводские столовые, дачи, поликлиники, санатории, загородные детские оздоровительные лагеря, ведомственное жильё, общежития. В начале 1990-х гг. коренная перемена в общественных, экономических отношениях привела к тотальному снижению социальной ответственности хозяйствующих субъектов. Последние активно избавлялись (передавали регионам, муниципалитетам) от своих социальных объектов, снизив социальные обязательства до минимума. Решение социальных вопросов перешло в ряд государственных задач. Стабилизация социально-экономической ситуации в 2000-х гг. вновь актуализировала развитие социальной ответственности компаний, которая сегодня становится фактором, отражающим экономическую эффективность и стабильность в долгосрочной перспективе.

В современной России формируются институциональные условия, регулирующие взаимодействие власти и бизнеса, формирование и развитие социальной ответственности, принимаются законодательные акты, регулирующие стандарты. В числе таких документов ГОСТ Р 54934-2012/OHSAS 18001:2007 – Национальный стандарт Российской Федерации, который устанавливает требования к системе менеджмента безопасности труда и охраны здоровья (БТиОЗ) на предприятиях. Он предназначен для применения организациями любого типа и размера, независимо от различий в географических, культурных и социальных условиях.

Существенно изменились сами меры поддержки сотрудников и формы социальной ответственности бизнеса. Компании уже не стремятся иметь подведомственные предприятия социального направления (больницы, детские сады, лагеря летнего отдыха или пансионаты), то есть формировать социальную среду. Чаще всего меры поддержки сводятся к денежным выплатам и участию в отдельных проектах [13].

³ Four emerging trends in corporate social responsibility: Corporate social responsibility / Mallen Baker, 8 Oct. 2012. URL: http://www.mallenbaker.net/csr/page.php?Story_ID=2747 (дата обращения 10.10.2021).

Для целей исследования был осуществлен анализ социальной политики семи крупных российских корпораций: ПАО «Северсталь», ПАО «ММК», ПАО «Газпром нефть», ПАО «Лукойл», ОАО «РЖД», ПАО «ФосАгро», ПАО «Акрон». Анализ мер поддержки, предоставляемых компаниями для сотрудников и их семей, осуществлялся на основе информации, размещенной в открытых отчетах корпораций.

Результаты анализа социальной политики корпораций

Результаты анализа социальной политики российских корпораций свидетельствуют, что каждая из рассматриваемых компаний оказы-

вает довольно широкий спектр мер социальной поддержки своих сотрудников (*табл. 1*), их семей (*табл. 2*), ветеранов и пенсионеров, ориентируясь на особенности деятельности и сложившиеся традиции. В то же время отчетная документация предприятий говорит о небольшой части компаний, имеющих ведомственные социальные учреждения. Большинство предпочитает, как было сказано выше, лишь частичную компенсацию социальных услуг для работников и их семей. Так, например, в ПАО «Газпром» сохранилась сеть ведомственных медицинско-оздоровительных и санаторно-курортных учреждений. Полисы ДМС преду-

Таблица 1. Меры поддержки, предоставляемые компаниями для сотрудников

Компания	Меры поддержки
ПАО «Северсталь»	Санаторно-профилактическое и реабилитационно-восстановительное лечение работников
ПАО «ММК»	Страхование жизни и здоровья, лечение и медицинское обслуживание; обеспечение возможности улучшения жилищных условий работников
ПАО «Газпром нефть»	Добровольное медицинское страхование; обучение и развитие персонала; безопасность и охрана труда; оплата санаторно-курортного лечения работников, абонементы в группы здоровья, корпоративные скидки на приобретение абонементов в спортивные клубы; жилищная программа; спортивные и культурные мероприятия
ПАО «Лукойл»	Безопасность и охрана труда; добровольное медицинское страхование; поддержка женщин и семей с детьми; жилищные программы; страхование от несчастных случаев; обучение и развитие персонала
ОАО «РЖД»	Социальная защита женщин; здравоохранение и оздоровление; добровольное медицинское страхование; физическая культура и спорт; культура; материальная помощь в особых случаях; жилищная политика; бесплатный проезд работникам; обучение и развитие персонала; гарантии и льготы при высвобождении работника
ПАО «ФосАгро»	Здоровье и отдых; улучшение условий труда; организация культурно-массовых мероприятий
ПАО «Акрон»	Социальный пакет работников

Составлено по: Годовой отчет ОАО «РЖД» за 2020 год. URL: <https://company.rzd.ru/api/media/resources/1734835?action=download>; Годовой отчет ПАО «Акрон» за 2020 год. URL: <https://www.acron.ru/investors/financial-statements/?brand=1988&type=178&year=2020>; Годовой отчет ПАО «Акрон» за 2019 год. URL: <https://www.acron.ru/investors/financial-statements/?brand=1988&type=178&year=2019>; Годовой отчет ПАО «Акрон» за 2018 год. URL: <https://www.acron.ru/investors/financial-statements/?brand=1988&type=178&year=2018>; Годовой отчет ПАО «Лукойл» за 2019 год. URL: <https://lukoil.ru/FileSystem/9/546178.pdf>; Годовой отчет ПАО «Лукойл» за 2020 год. URL: <https://lukoil.ru/FileSystem/9/551394.pdf>; Годовой отчет ПАО «ММК» за 2020 год. URL: http://www.mmk.ru/for_investor/annual_reports/; Годовой отчет ПАО «Северсталь» за 2020 год. URL: https://www.severstal.com/rus/ir/results_reports/annual_reports/; Интегрированный годовой отчет ПАО «ФосАгро» за 2020 год. URL: <https://www.phosagro.ru/investors/reports/year/>; Корпоративный социальный отчет ОАО «РЖД» за 2018 год. URL: <https://company.rzd.ru/api/media/resources/1581145?action=download>; Корпоративный социальный отчет ОАО «РЖД» за 2019 год. URL: <https://company.rzd.ru/api/media/resources/1635554?action=download>; Отчет Группы «Газпром» о деятельности в области устойчивого развития за 2020 год. URL: <https://www.gazprom.ru/f/posts/57/982072/sustainability-report-ru-2020.pdf>; Отчет Группы «Газпром» о деятельности в области устойчивого развития за 2019 год. URL: <https://www.gazprom.ru/f/posts/77/885487/sustainability-report-rus-2019.pdf>; Отчет Группы «Газпром» о деятельности в области устойчивого развития за 2018 год. URL: <https://www.gazprom.ru/f/posts/01/851439/sustainability-report-rus-2018.pdf>; Отчет о деятельности в области устойчивого развития Группы «Лукойл» за 2018 год. URL: <https://lukoil.ru/FileSystem/9/504838.pdf>; Отчет об устойчивом развитии Группы «Лукойл» за 2019 год. URL: <https://lukoil.ru/FileSystem/9/554309.pdf>; Отчет об устойчивом развитии Группы «Лукойл» за 2020 год. URL: <https://lukoil.ru/FileSystem/9/555493.pdf>; Отчет об устойчивом развитии компании ПАО «Северсталь» за 2020 год. URL: <https://www.severstal.com/rus/sustainable-development/documents/reports/>; Отчет об устойчивом развитии ПАО «ММК» за 2019 год. URL: http://www.mmk.ru/for_investor/annual_reports/reports_sustainable_development/; Портал по бухгалтерскому учету, налогам и аудиторской деятельности в России Audit-it.ru. URL: <https://www.audit-it.ru/>

смотрены не только для работников, но и для членов их семей. Отдельные виды поддержки, льготы и гарантии предоставляются работникам дочерних организаций, расположенных в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, молодым специалистам, работникам, имеющим многодетные семьи, детей-инвалидов.

У ОАО «РЖД» также есть сеть медицинских (173 больницы и поликлиники) и оздоровительных учреждений (84 санатория, пансионата и базы отдыха), 80 детских летних лагерей, спортивные (более 50) и культурные (более 40) объекты. Компания предоставляет работникам, членам их семей и пенсионерам социальный пакет по коллективному договору, который включает не только базовые социальные гарантии, но и спектр услуг по ДМС, и дополнительные льготы. Компания компенсирует от 50 до 90% стоимости путевок для сотрудников, членов их семей и неработающих пенсионеров. Среди прочего предусмотрена дополнительная материальная помощь при рождении ребенка, пособие по уходу за ребенком, страховые выплаты в случае смерти работника.

Компания ПАО «Северсталь» выделяет материальную помощь в виде денежных выплат в общем размере 170 млн руб. работникам на их оздоровление в санаториях, отправляет детей сотрудников в детские оздоровительные лагеря, а если у сотрудника есть семья, то предусмотрены дополнительные денежные выплаты и займы: на рождение ребенка (3000 руб.), материальная помощь в связи с трудной жизненной ситуацией (до 15000 руб.) и другие. Для людей пенсионного возраста разработана корпоративная пенсионная программа, т. е. работникам, выполнившим ряд условий, после увольнения на пенсию назначается ежемесячная материальная помощь за счет средств работодателя, размер которой зависит от стажа работы в компании. Для неработающих пенсионеров компании предусмотрены отдельные меры социальной поддержки, такие как оздоровительные путевки в санаторий-профилакторий, единовременные выплаты к юбилейным и праздничным датам и т. д.

ПАО «Акрон» ограничивается отдельными проектами и адресной материальной компенсацией социальных услуг и льгот. Так, для

Таблица 2. Меры поддержки, предоставляемые компаниями детям и семьям сотрудников

Компания	Детям сотрудников	Семьям сотрудников	Пенсионерам
ПАО «Северсталь»	Оздоровление детей работников в лагерях и санаториях	Поддержка семей работников в виде материальной помощи и целевых займов	Корпоративная пенсионная программа, меры социальной поддержки неработающих пенсионеров
ПАО «ММК»	Оздоровление детей работников в детских загородных оздоровительных центрах	Реабилитационно-восстановительное лечение работников и членов их семей в санаториях, поддержка многодетных семей и материнства; стимулирование рождаемости	Поддержка неработающих пенсионеров и инвалидов
ПАО «Газпром нефть»	Добровольное медицинское страхование* Спортивные и культурные мероприятия*		Корпоративная пенсионная программа; добровольное медицинское страхование
ПАО «Лукойл»	Поддержка семей с детьми*		Негосударственное пенсионное обеспечение
ОАО «РЖД»	Детское оздоровление; бесплатный проезд детям до 18 лет; страхование детей работников от несчастных случаев на время их пребывания в детских оздоровительных лагерях	Оздоровление работников и членов их семей; физическая культура и спорт	Здравоохранение и оздоровление; корпоративная пенсионная программа
ПАО «ФосАгро»	«ФосАгро-классы» и «ФосАгро-школа»	Корпоративная жилищная программа	Социальные гарантии
ПАО «Акрон»	Поддержка семей с детьми*		Поддержка пенсионеров

* Компании не разделяют на подкатегории помощь детям и семье.
Составлено по: годовые отчеты компаний.

сотрудников компании выделяются средства на лечение и создание условий для занятий спортом, ежегодно организуются спортивные и культурно-массовые мероприятия, арендуются спортивные площадки. Предусмотрены выплаты при рождении ребенка, на детский досуг и совместные мероприятия родителей и детей, компенсация части стоимости путевок в детские оздоровительные центры. Неработающим пенсионерам предоставляется возможность посещать поликлиники, спортивные и культурные центры на тех же условиях, что и работникам предприятий. В отдельную категорию компания выделяет молодых специалистов, предусматривая для них материальную помощь в связи с бракосочетанием, оплачиваемые учебные отпуска, организацию учебных программ, тренингов, спортивных и досуговых мероприятий, частично возмещается банковская процентная ставка по ипотечным кредитам и другое.

Представленный спектр мер социальной поддержки разнообразен и разнонаправлен. В то же время материалы открытых отчетов позволяют говорить о том, что компании сдержанно тратят средства на социальную компоненту. Расчеты показали, что в большинстве корпораций годовые расходы на социальную поддержку в расчете на одного работника не превышали 100 тыс. рублей, а в условиях пандемийного периода заметно снизились (табл. 3).

В исследуемых корпорациях за 2020 год расходы на социальную политику составили от 1 до 25% чистой прибыли. В некоторых компаниях, таких как ПАО «Северсталь» и ПАО «ФосАгро», подобные статьи расходов составили 0,99 и 2,1% соответственно. Несколько больше доля

социальных расходов у компаний ПАО «Газпром нефть» и ПАО «Акрон» (25,03 и 11,43% соответственно). ОАО «РЖД» в 2020 году направило более 40% выплат (28,5 млрд руб.) на обеспечение безопасности и охраны труда работников, что на 20% больше по сравнению с 2018 годом.

С другой стороны, анализ направленности социальных расходов предприятий обнаруживает недостаточную ориентированность на цели демографической политики, следовательно, у компаний есть возможности расширить социальную поддержку работников именно в этом направлении.

Подход, предполагающий возможность и целесообразность рассмотрения предприятий как субъектов демографической политики, является крайне новым для российской экономики. В России распространено убеждение о том, что количество детей в семье – «внутреннее дело» самой семьи. Однако внимание государства к этим вопросам в последние годы заставляет задуматься, что дети нужны не только семье. Действительно, каждый ребенок – это будущий участник рынка труда, будущий потребитель товаров и услуг, будущий налогоплательщик. Для бизнеса, ориентированного на эффективную работу в перспективе, выстраивание социальной политики, нацеленной не только на стимулирование профессионального труда, но и поддержку выполнения работниками их родительских функций, может оказаться стратегически важным.

На наш взгляд, в странах с негативными демографическими прогнозами корпоративная демографическая политика может стать одним из важнейших элементов социальной

Таблица 3. Социальные расходы компаний в 2018–2020 гг.

Компания	Расходы, млрд руб.			2020 г. к 2018 г., %	Расходы на 1 сотрудника за 2020 г., тыс. руб.	Отношение социальных расходов к чистой прибыли, %
	2018 г.	2019 г.	2020 г.			
ОАО «РЖД»	51,5	47,8	-	-	-	-
ПАО «Северсталь»	1,42	1,43	1,14	24,56	21,79	0,993
ПАО «ФосАгро»	0,86	1,12	1,03	16,51	57,80	2,136
ПАО «ММК»	1,74	1,97	1,82	4,40	32,20	3,533
ПАО «ЛУКОЙЛ»	16,9	17,4	16,7	1,20	160,2	8,453
ПАО «Акрон»	0,664	0,680	0,650	2,15	56,87	11,433
ПАО «Газпром нефть»	42,8	45,1	40,7	5,16	90,9	25,038

Составлено по: [1–17].

ответственности бизнеса. Цели корпоративной демографической политики имеют два уровня: 1) глобальные — снижение социальной напряженности в обществе, повышение количественных и качественных результатов родительства; 2) локальные — повышение лояльности и результативности персонала предприятия — то есть работников, уже имеющих детей или же намеревающихся стать родителями.

Таким образом, преимущества участия бизнеса в решении демографических проблем общества нам видятся в следующем:

А) для общества:

1) Рост рождаемости.

Включение еще одного субъекта в демографическую политику покажет населению важность этих проблем для общества, внимание к ним со стороны важнейших субъектов экономики, готовность участвовать в их решении. Это, в свою очередь, через определенное время может привести к повышению репродуктивных норм в обществе, усилению представлений населения о преимуществах и сглаживанию представлений о недостатках родительства. Отношение общества к домашнему труду создает предпосылки для формирования государственной информационной политики, направленной на признание значимости этого вида труда.

2) Снижение напряженности в обществе.

Государственная и корпоративная политика, основанная на отношении к работникам, имеющим детей, как к людям с двойной занятостью, строящим одновременно и профессиональную, и родительскую карьеру, имеет потенциал снижения социальной напряженности.

В) для бизнеса:

Повышение эффективности взаимодействия внутри трудовых коллективов и результативности труда на предприятиях.

Реализация корпоративной демографической политики, на наш взгляд, может решать следующие задачи: улучшение социально-психологического климата на предприятии; усиление трудовой мотивации и создание условий для трудовой активности работников одновременно как в сфере профессионального труда, так и в семейно-родительской сфере; снижение показателей текучести персонала, повышение лояльности работников; улучшение состояния здоровья работников и их детей.

По нашему мнению, демографическая политика, реализуемая разными субъектами, должна оставаться целостной. Так, например, государство может задавать общие принципы ее реализации и совершенствования, формулировать цели и механизмы стимулирования субъектов, реализующих политику: отдельных регионов, бизнеса. Региональные власти должны адаптировать политику к конкретным условиям, сложившимся в регионе, в экономике и социально-культурной сфере. Предприятия же должны адаптировать эти принципы к потребностям конкретных работников.

Концепция корпоративной демографической политики: цель и задачи

Корпоративная демографическая политика как система мер, направленных на поддержку потребностей работников организации, выполняющих, помимо профессионально-трудовых, еще и семейные функции (в том числе родительские функции, уход за престарелыми родителями и др.) [14], должна быть утверждена концептуально. Концепция демографической политики российских организаций определяет систему взглядов, исходных положений, принципов, приоритетных направлений, основных понятий и мер в сфере поддержки и укрепления здоровья работников; улучшения условий и повышения качества жизни российских семей; концентрации на социальных обязательствах в отношении семей с детьми; улучшения условий труда, создания рабочих мест с учетом меняющейся возрастной структуры населения; создания условий для работы матерям, имеющим детей в возрасте до 3 лет; мотивирования работников к здоровому образу жизни путем формирования доступных условий для занятия физической культурой и т. д. [15; 16].

Целью реализации российскими организациями корпоративной демографической политики является обеспечение наиболее благоприятных нравственных, экономических и социальных условий для реализации сотрудниками предприятия родительских и других семейных функций при условии их занятости на рынке труда.

Главной задачей корпоративной демографической политики организации выступает систематизация и закрепление принципов, ценностей и норм поддержки работников в части возвращения и формирования будущего человеческого

капитала современного общества, то есть в реализации мер поддержки и стимулирования родительства и родительского труда. Прежде всего, корпоративная демографическая политика ориентирована на работающих родителей; тех, кто потенциально готов стать родителем, работающая в организации.

Задачами реализации корпоративной демографической политики российских организаций являются:

1) рассмотрение работников российских организаций одновременно как субъектов профессионального труда и как лиц, имеющих семейные обязанности;

2) учет при разработке и реализации кадровой, социальной политики российских организаций наличия семьи у работников как главной жизненной ценности;

3) рассмотрение корпоративной демографической политики в качестве ключевого элемента политики социальной ответственности.

Основными принципами корпоративной демографической политики российских организаций, согласно которым происходит разработка и реализация этой политики, является система общих правил, основывающихся на законах функционирования и развития организаций и общества в целом:

- системность, комплексность, последовательность и вариативность инициатив, реализуемых в демографической сфере;

- недопущение дискриминации в отношении отдельных категорий персонала;

- соблюдение законодательных норм и иных обязательств, принятых организациями в сфере регулирования трудовых отношений и стимулирования труда;

- учет ожиданий и интересов участников трудовых отношений и иных заинтересованных сторон;

- диверсификация инструментальной основы корпоративной демографической политики с одновременным усилением нематериальной составляющей;

- интеграция методов стимулирования родительства в общую систему мотивации и стимулирования работников организации;

- оценка результативности действующей практики реализации корпоративной демографической политики и ее постоянное улучшение;

- транспарентность и информационная прозрачность;

- регулярный контроль и совершенствование действующих практик реализации корпоративной демографической политики.

В основе корпоративной демографической политики лежат базовые ценности и принципы социальной ответственности организаций. При этом она в наибольшей степени ориентирована на внутренних стейкхолдеров, т. е. на работников организации, имеющих или планирующих в будущем иметь детей, несущих обязательства перед членами семей.

Регулирование отношений в сфере реализации демографической политики на уровне российских организаций предполагает следующие **этапы**.

1. Разработка и систематизация целей, правил, принципов и норм построения внутренней политики в рамках организации соответствующей системы приоритизации демографической сферы.

Разработка корпоративной демографической политики осуществляется на основе принципа вовлеченности сотрудников в этот процесс. Организациям может быть рекомендовано создание соответствующих профильных комитетов. Работа профильных комитетов должна быть основана на добровольных началах, при этом участие работников, являющихся родителями, в работе комитетов может поощряться через материальные или нематериальные меры стимулирования. Состав комитетов должен периодически обновляться.

2. Разработка инструментальной базы стимулирования родительства работников организации.

В качестве инструментов материального стимулирования в рамках корпоративной демографической политики могут, например, рассматриваться:

- субсидирование дошкольного и общего образования (в частности, компенсация части стоимости посещения ребенком дошкольного образовательного учреждения, а также школьных и иных детских секций);

- открытие корпоративного детского сада или детских комнат;

- создание программ льготного кредитования для молодых семей;

- разработка программ материальной помощи молодым семьям и работающим родителям.

Система нематериального стимулирования в рамках корпоративной демографической политики может включать следующие направления:

- расширение спектра действия программ добровольного медицинского страхования;
- введение консультативной должности семейного психолога, к которому могут обратиться работники организации для решения назревших у них проблем (подобные консультации могут осуществляться как лично, так и удаленно);
- предоставление работникам возможностей для прохождения образовательных программ по вопросам родительства, охраны детства, воспитания детей;
- организация и проведение конкурсов и соревнований для детей работников;
- поощрение детей работников – отличников учебы;
- проведение экскурсий в организации для детей работников, организация дней карьеры и т. д.;
- проведение корпоративных праздников («День семьи», «День здоровья» и т. д.), участие в которых принимают не только сами работники, но и члены их семей.

3. Разработка системы информационно-коммуникативной поддержки корпоративной демографической политики. Поддержка и развитие профессиональных династий.

Этот этап предполагает закрепление в HR-политике положений, свидетельствующих о важности работников как членов семей, уважении их семейных обязанностей по отношению как к детям, так и к старшему поколению их родственников.

Механизмы реализации Концепции группируются по четырем направлениям:

1. Обеспечение защиты жизни и здоровья работников. Основными мерами являются возмещение расходов на медицинские услуги (в том числе ведение беременности и роды), корпоративная медицина, профилактические кампании, регулярная диспансеризация сотрудников, помощь штатных психологов, программы по организации спортивного досуга сотрудников, организация комфортного рабочего места и т. д.

2. Достойное вознаграждение за труд, включая меры социальной поддержки. К данной категории относится не только выплата заработной платы, соответствующей требованиям рынка труда, но и эффективный и соизмеримый с успехами компании премиальный фонд; меры, направленные, например, на помощь сотрудникам в вопросах кредитования.

3. Уважение семейных обязанностей работников. Это становится возможным через реализацию таких корпоративных услуг, как организация образовательной детальности и досуга детей сотрудников; возмещение расходов на мероприятия по уходу за престарелыми родственниками и членами семьи, требующими особого ухода; меры, направленные на поддержание баланса между карьерой и семьей, и т. д.;

4. Эффективная система взаимодействия с работниками. Рассматривая персонал как лиц, максимально заинтересованных в успешности компании, организации с высоким уровнем социальной ответственности готовы предлагать им прозрачную систему взаимодействия, гибкий график работы и отпусков, возможность удаленной работы и т. д.

Ориентация на предложенную модель и использование ее предприятиями при реализации социальной политики позволит придать реализуемым в стране демографическим мерам последовательность, комплексность, системность, что повысит как эффективность государственной демографической политики в целом, так и социальные и экономические эффекты реализации отдельных корпоративных программ.

К ожидаемым результатам внедрения Концепции корпоративной демографической политики в первую очередь относится то, что она позволит придать реализуемым в стране демографическим мерам последовательность, комплексность, системность, что повысит как эффективность государственной демографической политики в целом, так и социальные и экономические эффекты реализации отдельных корпоративных программ. Включение социального института бизнеса в реализацию демографической политики поможет укрепить уверенность работников в своем работодателе, повысить их лояльность, а также создать прочную основу для развития человеческого капитала на мезоуровне. Только совместная

деятельность государства и организаций в области поддержки и развития демографической сферы общества сможет привести к повышению удовлетворенности участников трудовых отношений, усилению установок на родительство, повышению объема и росту качества человеческого капитала, так необходимого для решения существующих в России социально-демографических проблем.

К основным понятиям Концепции корпоративной демографической политики можно отнести ряд принципиально важных положений.

Работник организации – субъект трудового права, физическое лицо, работающее по трудовому договору у работодателя и получающее за это заработную плату. Правовое положение работника определяется трудовым законодательством, трудовым и коллективным договорами, локальными нормативными актами организации. Работник имеет права и обязанности, установленные трудовым законодательством страны.

Работодатель – юридическое лицо, физическое лицо, вступившее в трудовые отношения с работником.

Семья – лица, связанные родством и (или) свойством, совместно проживающие и ведущие совместное хозяйство⁴.

Молодая семья – лица, состоящие в заключенном в установленном законодательством Российской Федерации порядке браке, в том числе воспитывающие ребенка (детей), либо лицо, являющееся единственным родителем (усыновителем) ребенка (детей), в возрасте до 35 лет включительно⁵.

Демографическая политика Российской Федерации направлена на увеличение продолжительности жизни населения, сокращение уровня смертности, рост рождаемости, регулирование внутренней и внешней миграции, сохранение и укрепление здоровья населения и улучшение на этой основе демографической ситуации в стране⁶.

⁴ О прожиточном минимуме в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.10.1997 № 134-ФЗ (ред. от 29.12.2020).

⁵ О молодежной политике в Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 04.01.2021. № 1 (часть I). Ст. 28.

⁶ Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента РФ от 09.10.2007 № 1351 (ред. от 01.07.2014).

Корпоративная политика – это система стандартных правил, в соответствии с которой строится поведение сотрудников и осуществляется деятельность организации в рамках выбранной стратегии развития.

Кадровая политика организации – сформулированные (устно или письменно) руководством организации видение, принципы, приоритеты, нормы, правила поведения в отношении кадров, обязательные для всех участников процесса управления персоналом с целью достижения стоящих перед организацией стратегических целей с учетом постоянно изменяющихся внутриорганизационных условий и требований внешней среды.

Социальная ответственность предприятий – концепция, в соответствии с которой организации учитывают интересы общества, возлагая на себя ответственность за влияние их деятельности на общественную сферу. Это обязательство выходит за рамки установленного законом обязательства соблюдать законодательство и предполагает, что организации добровольно принимают дополнительные меры для повышения качества жизни работников и их семей, а также местного сообщества и общества в целом.

Корпоративная демографическая политика российских организаций – целостная система принципов, задач, норм, правил поведения и приоритетных мер, реализуемых в организациях, направленных на поддержку государственных решений в области демографии, обязательных для всех участников процесса управления персоналом и разработанных с учетом внутриорганизационных условий и внешних демографических вызовов, стоящих перед страной и конкретным регионом.

Заключение

Устойчивое развитие российских компаний, основанное не только на экономических, но и на социальных факторах, ведет к снижению предпринимательских рисков, укрепляет конкурентоспособность, повышает эффективность персонала и лояльность потребителей, улучшает репутацию компании, создает позитивный вклад компании в экономическое и социальное развитие территории своего присутствия. Это означает, что национальные приоритеты развития общества и задачи эффективного ведения бизнеса стратегически не просто совместимы, но и прямо связаны друг с другом, что актуализи-

зирует необходимость разработки, внедрения и развития корпоративной социальной политики в целом и корпоративной демографической политики в частности.

Как показывает исследование, предпосылки для создания и внедрения корпоративной демографической политики в российском обществе имеются. Это и возврат крупного бизнеса в социальное пространство своих компаний после вынужденного сброса социальных обязательств в 90-х гг. XX века. Это включение сохранения населения, здоровья и благополучия людей в национальные цели развития Российской Федерации согласно Указу Президента РФ⁷. Это и ряд нормативно-правовых документов демографической политики России (Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года⁸; Указ Президента РФ «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации»; Концепция семейной полити-

ки России (утв. Распоряжением Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р); национальный проект «Демография» и т. д.), определяющих основные принципы, целевые индикаторы и задачи в отношении воспроизводства населения, сохранения его здоровья, сокращения смертности в трудоспособном возрасте, продолжительности жизни и т. д.

Серьезного пересмотра отношений между трудом и капиталом, разрешения дилеммы «экономическая эффективность или социальная справедливость» требует и гуманистический подход к социально-трудовым отношениям как основному вектору социально-экономического развития современности. Современный работник в условиях демографического сжатия должен стать «дорогостоящим удовольствием», ценностью, вокруг которой должна разворачиваться система социальных услуг и социальных программ [17].

Литература

1. Мейер Дж., Роуэн Б. Институционализированные организации: формальная структура как миф и церемониал // Классика новой экономической социологии / сост. В.В. Радаев, Г.Б. Юдин. М.: ИД ВШЭ, 2014. 381 с.
2. Димаджио П.Дж., Пауэлл У.В. Новый взгляд на «железную клетку»: институциональный изоморфизм и коллективная рациональность в организационных полях // Классика новой экономической социологии / сост. В.В. Радаев, Г.Б. Юдин. М.: ИД ВШЭ, 2014. 381 с.
3. Afsar B., Al-Ghazali B., Ali Umrani W. Corporate social responsibility, work meaningfulness, and employee engagement: The joint moderating effects of incremental moral belief and moral identity centrality. *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*, 2020, no. 27 (3). DOI: 10.1002/csr.1882
4. Kim H., Rhou Y., Topcuoglu E., Kim Y.G. Why hotel employees care about Corporate Social Responsibility (CSR): Using need satisfaction theory. *International Journal of Contemporary Hospitality Management*, 2020, vol. 87, no. UNSP 102505. DOI: 10.1016/j.ijhm.2020.102505
5. Jung S.Y., Lee S., Dalbor M. The negative synergistic effect of internationalization and corporate social responsibility on US restaurant firms' value performance. *International Journal of Contemporary Hospitality Management*, 2016, vol. 28, issue 8, pp. 1759–1777. DOI: 10.1108/IJCHM-07-2014-0361
6. Kang K.H., Lee S., Huh C. Impacts of positive and negative corporate social responsibility activities on company performance in the hospitality industry. *International Journal of Contemporary Hospitality Management*, 2010, vol. 29, issue 1, pp. 72–82. DOI: 10.1016/j.ijhm.2009.05.006
7. Mishra S., Modi S.B. Positive and negative corporate social responsibility, financial leverage, and idiosyncratic risk. *Journal of Business Ethics*, 2013, vol. 117, issue 2, pp. 431–448. DOI: 10.1007/s10551-012-1526-9
8. Yoon Y., Gurhan-Canli Z. Negative consequences of doing good: The effects of perceived motives underlying corporate social responsibility, *Advances in consumer research*. In: Keller P.A., Rook D.W. (Eds.). *Advances in consumer research – 33rd Annual Conference of the Association-for-Consumer-Research*.. 2003, vol. 30, pp. 323–324.

⁷ О национальных целях развития России до 2030 года: Указ Президента РФ от 21.07.2021 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728> (дата обращения 10.10.2021).

⁸ Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года: утв. Указом Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351. URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/6> (дата обращения 10.10.2021).

9. Шубат О.М. Российский бизнес как потенциальный субъект эффективной демографической политики // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. Т. 10. Вып. 26. С. 45–53.
10. Orlitzky M. Corporate social performance and financial performance: A research synthesis. In: Crane A., McWilliams A., Matten D., Moon J., Siegel D.S. (Eds.). Oxford University Press, Oxford, 2008. P. 113–134.
11. Heinkel R., Kraus A., Zechner J. The effect of green investment on corporate behavior. *Journal of Financial and Quantitative Analysis*, 2001, no. 36 (4), pp. 431–449.
12. McConnell C.R. *Economics: Principles, Problems and Policies*. 11th Ed. N.Y.: McGraw-Hill Publishing Co., 2010.
13. Копытова Е.Д. Социальная ответственность бизнеса: проблемы и перспективы развития. Вологда: ВолНИЦ РАН, 2017. 174 с.
14. Багирова А.П., Вавилова А.С. Корпоративная демографическая политика: оценки и возможности // Human Progress. 2021. Т. 7. Вып. 2. URL: http://progresshuman.com/images/2021/Tom7_2/Bagirova.pdf. DOI: 10.34709/IM
15. Багирова А.П., Вавилова А.С. Корпоративная демографическая политика как поддержка реализации государственной пронаталистской политики: содержание и потенциальные эффекты // II Всероссийский демографический форум с международным участием: материалы форума (Москва, 4–5 декабря 2020 г.) / отв. ред. С.В. Рязанцев, Т.К. Ростовская; ФНИСЦ РАН. М.: ООО «Объединенная редакция», 2020. С. 271–274. DOI: 10.25629/НС.2020.13.02
16. Bagirova A., Manukyan S. Corporate demographic policy as a response to countrywide challenges for business. In: *Proceedings of the 16th European Conference on Management, Leadership and Governance ECMLG*, 2020 October 26–27, 2020. Oxford, UK, pp. 16–23.
17. Нехода Е.В., Раковская В.С. Корпоративная социальная политика: концептуальные подходы к определению и оценке функционирования // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 4 (16). С. 49–55.

Сведения об авторах

Тамара Керимовна Ростовская – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, Институт демографических исследований, ФНИСЦ РАН (119333, Российская Федерация, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, к. 1; e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru)

Александра Анатольевна Шабунова – доктор экономических наук, доцент, директор, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: aas@vscc.ac.ru)

Анна Петровна Багирова – доктор экономических наук, кандидат социологических наук, профессор, заместитель директора по науке и инновациям, Институт экономики и управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19; e-mail: a.p.bagirova@urfu.ru)

Rostovskaya T.K., Shabunova A.A., Bagirova A.P.

The Concept for Corporate Demographic Policy of Russian Enterprises in the Framework of Corporate Social Responsibility

Abstract. National priorities in the development of Russian society in the field of demography are related to population reproduction, health preservation, decrease in working-age mortality, increase in life expectancy, etc., and also correlate strategically with the effective functioning of business. This brings to the fore the need to develop, implement and elaborate on corporate social policy in general and corporate demographic policy in particular. The aim of the study is to analyze social policy pursued by major Russian corporations (PAO Severstal, Magnitogorsk Iron & Steel Works PJSC, Gazprom Neft PJSC, PJSC Lukoil, JSC Russian Railways, PJSC PhosAgro, PJSC Acron) and substantiate the concept for corporate demographic policy of enterprises. We consider prerequisites for the establishment and implementation

of corporate demographic policy in Russian society. We have found that at the present stage of its development, corporate social responsibility is most often reduced to cash payments and participation of enterprises in individual social projects. The article analyzes social policy practices that Russian companies are implementing and that are directly related to demographic issues (childcare allowances, employee benefits, health resort treatment, etc.). We look into the approaches to understanding corporate demographic policy and its effectiveness; we show the benefits of implementing corporate demographic policy at Russian enterprises. Such benefits include promotion of business reputation, reduction in social tension, participation of enterprises in addressing demographic development issues, etc. According to some studies, the introduction of corporate health promotion programs can reduce disability losses from a number of causes by almost 30%. The practical significance and scientific novelty of our research consists in the development of a concept for corporate demographic policy of Russian enterprises, definition of its targets, implementation mechanisms and substantiation of the expected results, which consist in enhancing the effectiveness of state demographic policy as a whole and improving the results of implementation of corporate programs.

Key words: demography, corporate demographic policy, corporate social responsibility, enterprises, concept.

Information about the Authors

Tamara K. Rostovskaya – Doctor of Sciences (Sociology), Professor, deputy director for science, Institute for Demographic Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (6, building 1, Fotieva Street, Moscow, 119333, Russian Federation); e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru)

Aleksandra A. Shabunova – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, director, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: aas@vscc.ac.ru)

Anna P. Bagirova – Doctor of Sciences (Economics), Candidate of Sciences (Sociology), Professor, deputy director for science and innovation, Institute for Economics and Management, Ural Federal University (19, Mira Street, Yekaterinburg, 620002, Russian Federation; e-mail: a.p.bagirova@urfu.ru)

Статья поступила 17.09.2021.

Женщины и мужчины: различия в показателях рождаемости и репродуктивного поведения*

**Владимир Николаевич
АРХАНГЕЛЬСКИЙ**

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
НИИ организации здравоохранения и медицинского менеджмента
Департамента здравоохранения Москвы
Москва, Российская Федерация
e-mail: archangelsky@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-7091-9632; ResearcherID: T-4845-2017

**Ольга Николаевна
КАЛАЧИКОВА**

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН
Москва, Российская Федерация
Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: onk82@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-4681-4344; ResearcherID: I-9562-2016

Аннотация. Поиск причин, детерминирующих динамику рождаемости населения, продолжает сохранять свою актуальность как с практической, так и с теоретической точки зрения. Целью исследования стала попытка оценить население России на соответствие модели стабильного населения в аспекте неизменности половой структуры. В работе предпринята попытка расчета и осмысления показателей воспроизводства мужского населения. Выявлено, что существуют методические ограничения подобных расчетов, предложен вариант их преодоления. Согласно расчетам, в 2019 году в России суммарный коэффициент рождаемости у женщин (1,504) был на 9,1% больше, чем у мужчин (1,378). Разница в величине брутто-коэффициента воспроизвод-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ, проект № 20-18-00256 «Демографическое поведение населения в контексте национальной безопасности России».

Для цитирования: Архангельский В.Н., Калачикова О.Н. Женщины и мужчины: различия в показателях рождаемости и репродуктивного поведения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 5. С. 165–185. DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.10

For citation: Arkhangel'skii V.N., Kalachikova O.N. Women and men: Differences in fertility and reproductive behavior indicators. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 5, pp. 165–185. DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.10

ства составляла 3,1% (0,730 у женщин и 0,708 у мужчин), нетто-коэффициента воспроизводства – 6,0% (у женщин 0,719, у мужчин 0,678). Разница в величине истинного коэффициента естественного прироста у женщин и мужчин равняется 5,0% (соответственно, -11,5 и -12,1‰). Существование двух количественно различающихся режимов воспроизводства у женского и мужского поколения ставит под сомнение принципиальную возможность реализации модели стабильного населения. Возрастная модель рождаемости у мужчин так же, как у женщин, смещается к более старшим возрастам (в группах 25–29 лет и 30–34 года). Вырос и средний возраст отцов при рождении детей: с 31,51 года в 2011 году до 32,40 в 2019. Проведен анализ модели рождаемости по возрасту матери и отца. Определено, что в большинстве случаев (70% в 2019 году) возраст отца больше возраста матери, в 19% – мать старше отца, в 11% – родители ровесники. Отцы старше матерей на 1–4 года в 44–64% случаев (в зависимости от возраста матери). Характерно, что разница в возрасте родителей выше при рождении детей вне брака. В перспективе научный интерес представляет изучение гендерных различий репродуктивной мотивации и других детерминант мужской и женской фертильности.

Ключевые слова: стабильное население, возрастная модель рождаемости, воспроизводство мужского населения, репродуктивное поведение, рождаемость, разница возраста отцов и матерей.

Введение

Гендерный аспект репродуктивного поведения – один из актуальных вопросов современной демографии и социологии. Трансформации супружества и родительства, толерантность к безбрачию и бездетности, легитимация сожительств, «старение» брачности и рождаемости как норма сегодняшнего дня регулируют образ жизни россиян, сказываясь и на демографической ситуации. Считать ли фиксируемые в настоящее время тренды воспроизводства (и демографического поведения) населения новым общественным вызовом или проявлением демографической саморегуляции, неизбежным следствием и проявлением демографического перехода – вопрос открытый. Подтверждением тому служит представленная на страницах «Социологического журнала» дискуссия ведущих российских демографов А.Б. Синельникова и А.Г. Вишневого [1, с. 84; 2, с. 93]. На наш взгляд, вопрос об идеальном, желательном размере человеческой популяции и идея демографической саморегуляции в контексте демографического перехода имеют место быть в теории глобальной демографической динамики (хотя вся концепция строится на демографической истории отдельных стран). В то время как для локальных человеческих общностей, которые, несомненно, обладают не только собственно демографическими, но и социальными параметрами, определяющими воспроизводство населения, требуется учет как минимум мигра-

ции и демографического поведения, а главное, оценка релевантности методологии, применяемой для демографического анализа. Демографические прогнозы, определение типа и режима воспроизводства как базис и результат теоретических основ динамики населения чаще всего опираются на модель стабильного населения, предполагающую сохранение во времени возрастных интенсивностей рождаемости и смертности, половозрастной структуры. В связи с этим целесообразно оценить интенсивность рождаемости и воспроизводство мужского населения. Понимая возможный скепсис, приведем в качестве аргумента не только сам по себе структурный фактор, который проявляется в пропорциональности полов, но и особенности репродуктивного поведения, определяющие возрастную модель рождаемости. С этой точки зрения нас интересует соотношение возраста отцов и матерей, масштабы проявления его различий и их влияние (возможность усиливать или нивелировать диспропорцию) на половозрастную структуру репродуктивных контингентов.

Целью работы стала попытка оценить население России с точки зрения соответствия модели стабильного населения в аспекте неизменности половой структуры. Для достижения цели проведены расчеты суммарного коэффициента рождаемости и показателей воспроизводства для мужского населения по обоснованной ме-

тодике; выявлена возрастная модель рождаемости для мужчин и оценены возрастные различия отцов и матерей, что составило научную новизну проведенного исследования.

Опыт изучения воспроизводства мужского населения и репродуктивного поведения в гендерном разрезе, методические основы исследования

Расчеты показателей рождаемости и воспроизводства для мужского населения крайне редки. Нам встретились лишь единичные упоминания возможности таких расчетов¹ и их воплощения. В работе R. Dinkel и I. Milenovic [3, с. 148] приводятся данные выборочных обследований в Германии, применяемые для сравнения мужской и женской фертильности по когортам рождения с 1902–1904 по 1959–1961 годы. В качестве базисного показателя использовались специальные возрастные показатели рождаемости, рассчитанные для обоих полов. Авторы выявили, что произошло «сближение» возрастной модели рождаемости мужчин и женщин. В старших когортах среди молодых женщин фертильность была выше, в то время как в возрасте 40+ фертильность мужчин превышала женскую более чем в 5 раз. У более молодых когорт показатели стали постепенно выравниваться и столь существенных разбросов уже не наблюдалось.

Схожие выводы получены I. Harris, C. Fronczak, L. Roth, R. Meacham [4, с. 186–187] для населения США. Расчет специальных возрастных коэффициентов рождаемости позволил выявить, что с 1980 года коэффициент рождаемости среди женщин старше 35 лет вырос почти на 60%, тогда как среди женщин в возрасте от 20 до 34 лет вырос всего на 10%. В то же время с 1980 года коэффициент фертильности для мужчин в возрасте от 30 лет увеличился на 21%, а для мужчин в возрасте ≥ 40 лет – почти на 30%. Напротив, коэффициент фертильности у мужчин моложе 30 лет снизился на 15%.

Новую закономерность взаимосвязи социально-экономического развития и рождаемости выявили M. Myrskylä, H.-P. Kohler и F.C. Billari [5, с. 742; 6, с. 30]. Они показали, что в развитых странах после достижения определенного уровня индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП) суммарный коэффициент

рождаемости начинает расти. Публикации вызвали оживленную дискуссию в мировом научном сообществе, т. к. во многом противоречили устоявшимся представлениям о динамике рождаемости в мире. Для наглядности авторы подкрепили свои доводы расчетами показателей воспроизводства и суммарного коэффициента рождаемости в гендерном разрезе.

Оценку динамики мужской фертильности в развитых странах провели C. Dudel и S. Klusener [7, с. 435], показав ее сближение с фертильностью женщин (как и сближение возрастов отцов и матерей при рождении детей, хотя отцы в среднем старше на 2–4 года), что авторы объясняют распространением гендерного равенства. Для развивающихся стран в работах В. Schoumaker выявлено, что фертильность мужчин выше фертильности женщин до двух раз [8], а возраст отцов при рождении детей выше, чем матерей, весьма существенно [9, с. 826]. Греческие исследователи С. Vagavos и А. Tragiki, изучая влияние занятости и образования на рождаемость, доказали, что спад фертильности у мужчин в 2000–2014 гг. был обусловлен проблемами трудоустройства, тогда как у женщин не был так явно связан с экономическим кризисом [10, с. 1438].

Расчеты коэффициентов рождаемости для мужского населения, осуществленные В.Н. Архангельским, показали, что в 1970-х годах суммарный коэффициент рождаемости у мужчин был несколько выше, чем у женщин [11, с. 15], а в 1996 году – меньше [12, с. 20–21]. А.Б. Синельников предложил модель воспроизводства супружеских пар и «метод брачных потенциалов как путь ухода от двойных гендерных стандартов»².

Неоднократно социологи и демографы поднимали вопрос о различиях и взаимовлиянии репродуктивных установок мужчин и женщин на репродуктивное поведение. Очевидно, позиция партнера в той или иной степени будет влиять на репродуктивные решения женщины, в связи с чем весьма важно понимать предпочтения мужчин в вопросе детности.

¹ Multilingual Demographic Dictionary. URL: <http://www.demopaedia.org>

² Синельников А.Б. Брачность и рождаемость без двойных гендерных стандартов // Демоскоп Weekly. 2017. № 725–726. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2017/0725/tema01.php>

Обзор проведенных в России обследований репродуктивного поведения позволяет выявить весьма существенный факт: предпочитаемые числа детей у мужчин несколько выше, чем у женщин (табл. 1). Кроме того, со временем гендерные различия становятся меньше, сохраняясь за счет населения республик.

Таблица 1. Средние предпочитаемые числа детей (желаемое/ожидаемое)

Год исследования, название (при наличии)	Регион исследования	Желаемое/ожидаемое число детей у мужчин	Желаемое/ожидаемое число детей у женщин	Источник**
1973, 1983, 1993 – село 1974, 1984, 1994 – город	Северная Осетия – Алания	4,39/-*, 4,27/-, 3,65/- 3,80/-, 3,83/-, 3,55/-	3,62/-, 4,00/-, 3,27/- 3,39/-, 3,68/-, 3,20/-	1
1973–1974	Санкт-Петербург	2,03/1,73	2,04/1,56	[13, с. 129-137]
1979–1981	Республика Мордовия (Саранск)	2,79/-	2,16/-	2
1981 (пары)	Санкт-Петербург	2,70/-	2,50/-	[14, с. 106]
1982 (пары)	Москва	1,91/-	1,88/-	3
1983–1984 (пары)	Махачкала	2,87/-	2,75/-	3
1982	Москва	2,56/1,97	2,44/1,81	[15, с. 62]
1983 «Дети в городской семье»	Москва	2,58/1,91	2,32/1,75	[16, с. 23]
1984 «Дети в городской семье»	Саратов	2,52/2,04	2,42/1,92	[17, с. 7]
1984 «Дети в городской семье»	Уфа	2,76/2,25	2,59/2,13	[17, с. 7]
1982–1983	Челябинская область (Златоуст, Магнитогорск)	2,79/2,15	2,51/1,90	[18, с. 96]
1986–1987	Екатеринбург	2,49/1,78	2,36/1,60	[19, с. 42]
1993 (село)	Республика Башкортостан	3,46/2,69	2,77/2,62	[20, с. 170]
1989	Республика Алтай и Алтайский край	-/2,72	-/2,33	[20, с. 170]
1994 Микрореперись населения РФ	Микрореперись населения РФ	2,25/-	2,18/-	[21, с. 96]
1994	Псковская область	2,26/1,94	2,22/1,90	[22, с. 436]
1996–1997	Великий Новгород	2,38/1,89	2,40/1,82	[23]
1997 (пары до 5 лет брака)	Набережные Челны	2,66/1,88	2,58/1,96	4
1997	56 субъектов РФ	1,83/- 24 года 1,90/- 31 год	1,81/- 1,86/-	5
1999	Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	2,42/1,69	2,19/1,54	[24, с. 136]
2000 (город)	Ханты-Мансийский автономный округ – Югра (г. Покачи)	2,35/2,03	2,22/1,87	[25, с. 146]
2001	ФОМ РФ	2,51/-	2,40/-	6
2001	Северная Осетия – Алания	3,03/-	2,82/-	7
2003	Новгородская область	2,5/2,02	2,42/1,92	[26, с. 66]

Окончание таблицы 1

Год исследования, название (при наличии)	Регион исследования	Желаемое/ожидаемое число детей у мужчин	Желаемое/ожидаемое число детей у женщин	Источник**
2005–2015 (село)	Республика Саха (Якутия), Приморский и Хабаровский края	-1,74	-1,52	8
2011–2012	Архангельская область	2,9/2,4	2,3/1,9	[27, с. 71]
2012 «Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения»	Все субъекты РФ	2,30/1,92	2,28/1,92	9
2005–2021	Вологодская область	2005 – 2,16/1,77 2008 – 2,00/1,88 2011 – 2,04/1,83 2014 – 2,02/1,83 2017 – 2,22/1,93 2019 – 2,11/2,01	2005 – 2,14/1,70 2008 – 2,01/1,83 2011 – 2,10/1,87 2014 – 2,02/1,80 2017 – 2,22/1,89 2019 – 2,16/1,99	10 [28, с. 51; 29, с. 37]
2017 «Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения»	Все субъекты РФ	2,16/1,88	2,15/1,88	11
2018–2019 (город, пары) СеДОЖ	Города ряда регионов РФ	2,8/2,0	2,7/1,9	[30, с. 63]
2020 «Демографическое самочувствие регионов России»	10 субъектов РФ	2,27/1,96	2,31/1,91	12

* Нет данных.

** Рассчитано по:

1 – Дзуцев Х.В. Эволюция осетинской семьи и межсемейных отношений: этносоциологический анализ: дис. ... д-ра социол. наук. Владикавказ, 1998.

2 – Савинов Л.И. Влияние свободного времени на репродуктивное поведение супругов (по материалам исследования в г.Саранске в 1979 г.) // Семья и социальная структура социалистического общества. М., 1980. С. 123.

3 – Алигаджиева З.М. Семья как субъект общественной жизнедеятельности: дис. ... канд. филос. наук. М., 1986.

4 – Алигаджиева З.М. Семья как субъект общественной жизнедеятельности: дис. ... канд. филос. наук. М., 1986.

Садыкова Р.Г. Комплексное социально-гигиеническое исследование семьи и состояние здоровья воспитывающихся в ней детей: автореф. дис. ... канд. мед. наук. Казань, 1998. С. 12.

5 – Культурные миры молодых россиян: три жизненные ситуации. М., 2000. С. 95.

6 – URL: <http://bd.fom.ru/report/map/tb011813>; <https://bd.fom.ru/report/cat/socium/demo/of011805>

7 – Лалаева Л.Э. Репродуктивный потенциал современной семьи: состояние и тенденции развития (на материалах Республики Северная Осетия – Алания): автореф. дис. ... канд. социол. наук. Владикавказ, 2004. С. 15.

8 – Трусова Е.А. Особенности репродуктивного поведения жителей сельской местности // Смысл, функции и значение разных отраслей практической психологии в современном обществе: сб. трудов Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Хабаровск, 2017. С. 252. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_35030263_75670449.pdf

9 – Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения. Росстат. 2012. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/RPN/Publisher/index.html

10 – Данные мониторинга репродуктивного потенциала населения Вологодской области, ВолНЦ РАН.

11 – Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения. Росстат. 2017. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/RPN17/index.html

12 – Ростовская Т.К., Кучмаева О.В., Золотарева О.А. Оценка демографических установок глазами мужчин и женщин в условиях дефицита рождаемости // Женщина в российском обществе. 2021. Спец. выпуск. DOI: 10.21064/WinRS.2021.0.8 (<https://womanin-russiansociety.ru/wp-content/uploads/2021/01/%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F.pdf>)

Как влияет позиция партнера на итоговую детность пары/женщины? Каков потенциал детности современной российской семьи, исходя из репродуктивных намерений мужчин и женщин? На эти вопросы отвечает уникальное исследование по выявлению ценностных ориентаций мужей и жен, осуществленное научным коллективом под руководством А.И. Антонова [31]. По авторской методике проведена оценка потенциала детности семей в зависимости от согласованности репродуктивных установок в паре. Выявлено, что 26,5% пар имеют сильный потенциал детности (это пары с совпадающими и не совпадающими установками на многодетность), 34,6% пар – слабый, а 28,4% – минипотенциал [31, с. 33]; чем выше сходство установок жен и мужей на многодетность, тем вероятнее их реализация и выше процент семей с тремя и более детьми [31, с. 21]. В связи с этим важность репродуктивных установок мужчин в итоговой детности семей, а следовательно и в процессе воспроизводства населения, неоспорима.

Методические основы исследования. Возрастные и суммарный коэффициенты рождаемости традиционно рассчитываются только для женщин. Однако ежегодно разрабатываемая в России статистическая информация (статистическая форма р248) содержит сведения о распределении родившихся по возрасту матери и отца, на основе которых могут быть рассчитаны возрастные коэффициенты рождаемости и для мужчин. Но при расчете этих показателей у мужчин, по сравнению с женщинами, есть два ограничения.

Первое ограничение обусловлено тем, что если в отношении женщин доля не указанного возраста очень мала (например, в 2019 году в целом по России 0,06%), то в отношении мужчин она существенна (в 2019 году в целом по России 10,2%). Почти все (2019 г. – 96,6%) случаи, когда возраст отца не указан, относятся к родившимся, зарегистрированным по заявлению матери. Среди них таковых случаев в 2019 г. было 97,9%. Среди родившихся в зарегистрированном браке доля тех, у кого не указан возраст отца, составляет 0,07%, а среди зарегистрированных по совместному заявлению родителей – 0,14%.

Второе ограничение состоит в том, что в статистической разработке нет и не может быть

данных о распределении родившихся по возрасту отца по очередности рождения, так как в записи акта о рождении указывается, какой по счету ребенок, только в отношении матери.

Первое ограничение, с некоторой долей условности, может быть преодолено. Родившихся с не указанным возрастом отца можно условно распределить на разных основаниях.

Во-первых, все родившиеся могут быть распределены по возрасту отца в той же пропорции, как и в тех случаях, когда возраст указан. Такой подход был бы, видимо, уместен, если бы доли родившихся с не указанным возрастом отца оказались примерно равными при разной регистрации родившихся (в зарегистрированном браке, по совместному заявлению родителей, по заявлению матери). Однако, как отмечено выше, подавляющее большинство случаев неуказания возраста отца имеет место при регистрации родившихся по заявлению матери, соответственно, степень корректности такого подхода будет зависеть от того, насколько близки при разной регистрации распределения родившихся по возрасту отца. Вероятно, они существенно различаются. Например, в 2019 году средний возраст отца при рождении всех родившихся (для которых указан возраст отца) в России составил 32,8 года, родившихся в зарегистрированном браке – 32,7 года, зарегистрированных по совместному заявлению родителей – 33,5 года, зарегистрированных по заявлению матери – 34,6 года (рассчитано для 2,1% родившихся, зарегистрированных по заявлению матери, в отношении которых указан возраст отца)³. Учитывая такие различия, видимо, не совсем корректно распределять родившихся с не указанным возрастом отца, в подавляющем большинстве случаев зарегистрированных по заявлению матери, пропорционально распределению всех родившихся по возрасту отца.

³ Средний возраст отца при рождении детей в данном случае получен не совсем корректно, так как рассчитан не на основе возрастных коэффициентов рождаемости, а на основе распределения абсолютных чисел родившихся по возрасту отца, т. е. зависит от возрастного распределения мужчин вообще. Однако эта зависимость проявляется здесь примерно в равной мере для всех вариантов регистрации родившихся. Таким образом, сами величины среднего возраста отца при рождении детей в данном случае не совсем корректны, но достаточно корректно их соотношение.

Во-вторых, родившиеся, зарегистрированные по заявлению матери, в отношении которых возраст отца не указан, могли бы быть распределены по возрасту отца пропорционально распределению родившихся, зарегистрированных по совместному заявлению родителей, учитывая, что и те, и другие родились вне зарегистрированного брака. Однако, как показано выше, средний возраст отца у них существенно различается.

В-третьих, можно предположить, что все родившиеся, зарегистрированные по заявлению матери, распределены по возрасту отца так же, как те, у кого возраст отца указан. Но таких только 2,1% и нет оснований предполагать, что они репрезентативны по этому признаку (впрочем, нет оснований и для противоположного предположения).

В-четвертых, можно предположить, что родившиеся в зарегистрированном браке, зарегистрированные по совместному заявлению родителей и заявлению матери, различаются по среднему возрасту (соответственно, по возрастному распределению) не только отца, но и матери, причем распределение родившихся по возрасту отца для каждого возраста матери может быть примерно одинаковым. В этом случае можно было бы пропорционально распределять родившихся с не указанным возрастом отца отдельно для каждого возраста матери.

Средний возраст матери у родившихся в зарегистрированном браке в России в 2019 году (30,0 года) практически совпадал с его величиной у родившихся, зарегистрированных по совместному заявлению родителей (30,1 года). Средний возраст матери у родившихся, зарегистрированных по заявлению матери, как и средний возраст отца, отличается. Только если средний возраст отца у них выше, чем у родившихся в зарегистрированном браке и родившихся, зарегистрированных по совместному заявлению родителей, то средний возраст матери, наоборот, ниже. В 2019 году в России он составлял 28,9 года⁴.

⁴ Отмеченное выше в отношении расчета среднего возраста отца на основе распределения абсолютных чисел родившихся относится в данном случае и к среднему возрасту матери.

Таким образом, у родившихся, зарегистрированных по заявлению матери, разница в среднем возрасте отца и матери в 2019 году в России была больше, чем у родившихся в зарегистрированном браке и родившихся, зарегистрированных по совместному заявлению родителей. Вопрос о различиях в соотношении возраста отца и матери будет подробнее рассмотрен ниже. Здесь лишь отметим, что распределение родившихся по возрасту отца для каждого возраста матери у разных категорий по регистрации родившихся, судя по среднему возрасту отца и матери, различается, следовательно, пропорциональное распределение родившихся, у которых возраст отца не указан, отдельно для каждого возраста матери не даст более корректной оценки распределения по возрасту отца для родившихся, зарегистрированных по заявлению матери.

Относительно большая разница в среднем возрасте отца и матери у родившихся, зарегистрированных по заявлению матери, в 2019 году в России имела место почти для всех возрастов матери (табл. 2).

Таким образом, нет однозначно наиболее приемлемого основания для распределения родившихся, зарегистрированных по заявлению матери, по возрасту отца. Относительно наиболее приемлемым, видимо, является условно принимаемое их распределение, такое же, как для тех родившихся этой категории регистрации, в отношении которых возраст отца указан. Расчет наиболее точных возрастных коэффициентов рождаемости обеспечит получение релевантных показателей фертильности и воспроизводства мужского населения.

Разница в показателях рождаемости женщин и мужчин связана с различиями в знаменателе, т. е. их численностью, тогда как числитель (число родившихся), разумеется, одинаковый. Это утверждение справедливо в том случае, когда речь идет об относительных показателях рождаемости, при расчете которых в числителе используется общее число родившихся (например, если рассчитывать специальный коэффициент рождаемости, соотнося общее число родившихся с численностью женщин или мужчин репродуктивного возраста; не очень, правда, понятно, какую верхнюю границу этого возрастного интервала использовать при расчете показателя для мужчин).

Таблица 2. Средний возраст отца в зависимости от возраста матери у родившихся в зарегистрированном браке, зарегистрированных по совместному заявлению родителей и заявлению матери, в России в 2019 году, лет

Возраст матери	Средний возраст отца			
	все родившиеся	родившиеся в зарегистрированном браке	родившиеся, зарегистрированные по совместному заявлению родителей	родившиеся, зарегистрированные по заявлению матери
до 16	20,2	21,1	20,0	19,7
16	22,1	22,3	21,8	22,6
17	23,0	22,8	23,2	22,2
18	24,0	24,0	24,2	25,7
19	24,9	24,7	25,3	25,7
20	25,6	25,5	26,0	25,6
21	26,3	26,2	26,7	26,5
22	27,0	26,9	27,7	27,7
23	27,6	27,5	28,4	28,8
24	28,3	28,2	29,3	30,0
25	29,0	28,9	30,1	30,7
26	29,8	29,7	30,9	30,9
27	30,6	30,5	31,7	32,2
28	31,4	31,3	32,4	33,3
29	32,2	32,1	33,1	34,3
30	33,0	32,9	34,0	34,5
31	33,9	33,8	34,7	36,3
32	34,7	34,6	35,5	36,2
33	35,6	35,5	36,2	36,8
34	36,4	36,3	36,9	39,0
35	37,3	37,2	37,7	38,0
36	38,1	38,0	38,3	39,1
37	38,9	38,9	39,0	39,5
38	39,7	39,7	39,8	39,7
39	40,6	40,6	40,2	41,5
40	41,3	41,4	41,0	42,0
41	42,1	42,2	41,8	41,3
42	43,0	43,2	42,5	43,7
43	43,8	44,0	43,1	42,2
44	44,7	44,8	44,2	41,8
45	45,5	45,8	44,1	44,7
46	46,3	46,8	43,9	48,2
47	47,3	47,4	46,6	46,6
48	46,3	46,4	46,1	46,5
49	47,6	47,6	47,4	50,2
50	48,1	48,5	48,1	32,5
51	48,0	47,7	49,2	–
52	50,9	51,5	46,0	55,5
53	52,0	53,4	41,5	49,5
54	45,7	44,1	–	50,5
55 и старше	52,4	53,0	46,8	60,5

Источник: здесь и далее, если не указано иное, составлено авторами.

Однако, применительно к суммарному коэффициенту рождаемости нужно иметь в виду, что он рассчитывается на основе возрастных коэффициентов рождаемости, следовательно, различия в его величине у женщин и мужчин зависят от распределения родившихся по возрасту матери и отца и соотношения численности женщин и мужчин по возрастам, а точнее от сочетания двух этих характеристик.

Показатели воспроизводства, по сути, относятся к так называемому стабильному населению, которое представляет собой «теоретическую модель населения с неизменными во времени возрастными интенсивностями рождаемости, смертности и возрастной структурой

населения»⁵. Нетто-коэффициент показывает, в какой пропорции среди населения будет происходить замещение поколений при данном уровне рождаемости и смертности, режиме воспроизводства, а истинный коэффициент естественного прироста – как будет ежегодно изменяться численность населения.

Результаты исследования

Представляется целесообразным произвести сравнительную оценку возрастных и суммарного коэффициента рождаемости для мужчин, используя все перечисленные выше подходы к оценке распределения по возрасту отца родившихся, зарегистрированных по заявлению матери, в отношении которых возраст отца не указан (табл. 3).

Таблица 3. Возрастные и суммарный коэффициенты рождаемости у мужчин в России в 2019 году при разных способах оценки распределения родившихся по возрасту отца

Возраст отца (лет)	Все родившиеся распределены по возрасту отца в той же пропорции, в которой они распределены в тех случаях, когда возраст отца указан	Родившиеся, зарегистрированные по заявлению матери, с не указанным возрастом отца распределены по его возрасту пропорционально такому распределению родившихся, зарегистрированных по совместно заявленному родителям	Все родившиеся, зарегистрированные по заявлению матери, распределены по возрасту отца так же, как те, у кого возраст отца указан	Родившиеся с не указанным возрастом отца распределены по нему отдельно для каждого возраста матери	Средние
до 16	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
16	0,3	0,5	0,7	0,6	0,5
17	1,1	1,5	2,1	1,6	1,6
18	3,1	3,8	3,3	4,2	3,6
19	6,1	6,8	6,8	7,6	6,8
20	11,8	13,1	13,1	13,8	12,9
21	21,2	22,7	21,9	23,8	22,4
22	32,6	34,1	33,8	35,4	34,0
23	43,4	44,3	44,3	45,9	44,5
24	56,6	57,0	56,2	58,7	57,1
25	66,5	66,3	65,6	67,9	66,6
26	73,5	72,7	72,7	74,3	73,3
27	78,7	77,4	76,7	78,7	77,9
28	80,7	79,3	78,2	80,2	79,6
29	81,8	80,2	78,7	80,8	80,4
30	83,6	82,0	80,8	82,4	82,2
31	82,4	80,7	80,4	81,1	81,1
32	79,4	78,0	77,8	78,0	78,3
33	72,6	71,4	70,7	71,4	71,5
34	67,4	66,4	66,6	66,3	66,7
35	62,0	61,5	61,2	61,0	61,4
36	57,4	57,1	57,2	56,6	57,1
37	50,0	50,1	50,2	49,4	49,9
38	42,6	42,9	43,1	42,2	42,7

⁵ Народнонаселение: энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. С. 475.

Окончание таблицы 3

Возраст отца (лет)	Все родившиеся распределены по возрасту отца в той же пропорции, в которой они распределены в тех случаях, когда возраст отца указан	Родившиеся, зарегистрированные по заявлению матери, с не указанным возрастом отца распределены по его возрасту пропорционально такому распределению родившихся, зарегистрированных по совместному заявлению родителей	Все родившиеся, зарегистрированные по заявлению матери, распределены по возрасту отца так же, как те, у кого возраст отца указан	Родившиеся с не указанным возрастом отца распределены по нему отдельно для каждого возраста матери	Средние
39	37,0	37,4	38,2	36,7	37,3
40	32,8	33,4	33,8	32,7	33,2
41	27,9	28,5	28,7	27,9	28,2
42	23,2	24,0	24,5	23,2	23,7
43	18,9	19,7	20,4	19,0	19,5
44	15,2	15,9	16,5	15,2	15,7
45	12,5	13,3	13,6	12,6	13,0
46	10,2	10,8	11,4	10,2	10,7
47	8,3	9,0	9,2	8,4	8,7
48	6,5	7,0	7,6	6,5	6,9
49	5,1	5,6	6,4	5,2	5,6
50	4,4	4,9	5,2	4,5	4,7
51	3,5	4,0	4,1	3,6	3,8
52	2,8	3,1	3,7	2,8	3,1
53	2,1	2,4	2,7	2,1	2,3
54	1,7	1,9	2,1	1,7	1,8
55	1,2	1,4	1,7	1,3	1,4
56	1,0	1,2	1,5	1,0	1,2
57	1,0	1,1	1,3	1,0	1,1
58	0,7	0,8	0,9	0,7	0,8
59	0,5	0,6	0,7	0,6	0,6
60 и старше	1,9	2,2	2,8	1,9	2,2
до 20	2,1	2,4	2,5	2,7	2,4
20–24	34,0	35,0	34,6	36,3	35,0
25–29	77,0	75,9	75,0	77,0	76,2
30–34	77,1	75,7	75,3	75,8	76,0
35–39	50,1	50,1	50,3	49,5	50,0
40–44	23,7	24,4	24,9	23,7	24,2
45–49	8,6	9,2	9,7	8,6	9,0
50–54	2,9	3,2	3,5	2,9	3,1
55 и старше	1,0	1,2	1,5	1,1	1,2
Суммарный коэффициент рождаемости	1,373	1,378	1,379	1,381	1,378

Суммарный коэффициент рождаемости у мужчин в России в 2019 году очень мало различается (в диапазоне от 1,373 до 1,381) в зависимости от того, каким способом распределены по возрасту отца родившиеся, зарегистрированные по заявлению матери, у которых возраст отца не указан (см. табл. 2).

Наибольшие различия коэффициентов рождаемости наблюдаются в возрастной

группе 20–24 года (от 34,0 на 1000 мужчин (‰) до 36,3). В возрастной группе 25–29 лет величина этого показателя составила от 75,0 до 77,0‰, 30–34 года – от 75,3 до 77,1‰, 40–44 года – от 23,7 до 24,9‰, 45–49 лет – от 8,6 до 9,7‰. В остальных возрастных группах (включая 35–39 лет) размах вариации коэффициента рождаемости не превышает 1,0‰-ных пунктов.

Среди однолетних возрастных групп наибольший размах вариации коэффициента рождаемости — в возрастах 29 лет (3,1‰-ных пункта), 22 года (2,8‰-ных пункта) и 30 лет (2,8‰-ных пункта), еще только в пяти возрастах она превышает 2‰-ных пункта.

Таким образом, вероятно, можно считать, что возрастные и суммарный коэффициенты рождаемости для мужчин различаются не очень существенно в зависимости от того, каким способом оценочно распределены по возрасту отца родившиеся, зарегистрированные по заявлению матери, для которых возраст отца не указан. Как уже отмечалось, различия между максимальной и минимальной величиной суммарного коэффициента рождаемости составляют 0,008.

При этом со средней (из разных способов оценки распределения родившихся по возрасту отца) величиной этого показателя совпадает та, которая рассчитана на основе распределения родившихся, зарегистрированных по заявлению

матери, с не указанным возрастом отца, пропорционально такому распределению родившихся, зарегистрированных по совместно заявлению родителей. Наибольшая близость показателя, основанного на таком расчете, к средней величине имеет место и почти по всем возрастным коэффициентам рождаемости (исключение составляют только группа 30–34 года и однолетние возраста 17, 26, 31, 34, 37 и 38 лет; см. табл. 2).

Учитывая это, представляется целесообразным оценивать распределение родившихся, зарегистрированных по заявлению матери, по возрасту отца (для тех, у кого он не указан) пропорционально такому распределению родившихся, зарегистрированных по совместно заявлению родителей.

Имеющиеся статистические данные позволяют рассчитать возрастные коэффициенты рождаемости для мужчин за 2011–2019 гг. (табл. 4).

Таблица 4. Возрастные коэффициенты рождаемости у мужчин в России в 2011–2019 гг. (число родившихся на 1000 мужчин данного возраста)

Возраст отца (лет)	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
до 16	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,1	0,1	0,2	0,1
16	0,7	0,7	0,7	0,7	0,7	0,6	0,5	0,5	0,5
17	2,5	2,6	2,6	2,4	2,3	2,1	1,6	1,5	1,5
18	6,4	6,4	6,4	6,3	5,9	5,6	4,9	4,3	3,8
19	10,9	11,1	10,7	10,8	9,9	9,5	8,4	7,9	6,8
20	20,9	21,0	20,6	19,5	18,9	16,7	15,4	14,2	13,1
21	34,5	35,6	35,2	33,6	31,8	29,7	25,7	24,6	22,7
22	50,3	49,2	48,6	47,6	46,1	42,9	38,6	35,8	34,1
23	64,8	64,4	61,2	58,8	58,1	54,3	50,7	48,1	44,3
24	78,7	80,7	74,8	72,0	70,3	67,5	61,3	59,5	57,0
25	87,2	93,3	89,4	86,3	82,3	78,1	71,8	68,3	66,3
26	94,7	98,4	99,5	97,5	95,4	88,7	79,2	77,1	72,7
27	99,9	102,5	101,1	104,7	103,6	97,5	85,9	81,2	77,4
28	100,0	105,2	103,7	104,0	108,7	104,7	92,0	84,6	79,3
29	97,3	103,7	102,8	103,9	106,1	106,7	94,4	88,9	80,2
30	91,2	100,0	101,1	102,5	105,1	103,7	94,4	90,1	82,0
31	85,5	91,7	94,7	97,9	100,8	99,8	88,4	88,6	80,7
32	83,7	85,1	85,6	91,2	94,4	94,4	84,1	80,8	78,0
33	78,0	82,2	78,7	81,4	86,2	87,6	79,2	76,8	71,4
34	71,8	76,1	75,6	75,0	76,4	79,3	73,1	70,8	66,4
35	64,1	70,0	69,7	70,9	69,5	70,3	66,7	66,2	61,5
36	57,4	62,6	63,9	65,3	65,5	62,8	58,6	59,1	57,1
37	52,2	54,8	55,9	58,3	58,8	58,7	52,3	50,8	50,1
38	45,7	48,4	48,4	50,7	51,3	51,9	46,7	45,0	42,9
39	40,2	42,2	42,8	43,7	44,2	45,3	41,8	40,4	37,4
40	33,8	37,6	37,5	38,0	37,5	38,3	36,2	35,4	33,4

Окончание таблицы 4

Возраст отца (лет)	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
41	28,0	30,6	32,2	32,7	32,1	31,5	30,1	29,8	28,5
42	24,7	25,4	25,7	27,4	27,0	26,8	25,1	24,5	24,0
43	19,9	21,4	21,7	21,9	22,8	22,4	20,9	19,8	19,7
44	16,2	17,4	18,0	18,6	18,0	18,9	17,2	16,9	15,9
45	12,4	14,5	14,9	15,4	14,8	14,9	14,4	13,5	13,3
46	10,1	10,9	12,2	12,7	12,4	12,1	11,3	11,4	10,8
47	8,2	8,6	9,4	10,0	10,0	10,2	9,2	9,0	9,0
48	6,4	6,9	7,3	7,9	8,1	8,4	7,7	7,4	7,0
49	5,2	5,5	5,7	6,2	6,3	6,7	6,2	6,2	5,6
50	3,8	4,8	4,7	5,0	4,9	5,1	5,2	5,1	4,9
51	3,1	3,3	3,6	3,9	3,9	4,1	4,0	4,1	4,0
52	2,7	2,8	2,8	3,2	3,2	3,2	3,0	3,1	3,1
53	2,0	2,1	2,3	2,4	2,6	2,7	2,6	2,5	2,4
54	1,6	1,6	1,9	2,0	2,0	2,2	2,0	1,9	1,9
55	1,3	1,2	1,4	1,6	1,6	1,6	1,6	1,5	1,4
56	1,2	1,2	1,2	1,2	1,3	1,3	1,2	1,3	1,2
57	0,8	1,1	1,0	0,9	1,0	1,1	1,0	1,0	1,1
58	0,7	0,7	0,8	0,8	0,8	0,8	0,8	0,8	0,8
59	0,6	0,6	0,6	0,7	0,7	0,7	0,7	0,7	0,6
60 и старше	1,8	2,2	2,3	2,2	2,2	2,4	2,3	2,2	2,2
до 20	4,6	4,5	4,4	4,3	3,9	3,6	3,1	2,8	2,4
20–24	51,0	52,1	50,5	49,0	47,4	44,0	39,6	37,5	35,0
25–29	95,7	100,5	99,3	99,4	99,5	95,7	85,4	80,9	75,9
30–34	82,3	87,2	87,4	89,9	92,9	93,3	84,0	81,5	75,7
35–39	52,2	55,9	56,3	57,9	58,1	58,2	53,5	52,7	50,1
40–44	24,8	26,8	27,2	27,9	27,6	27,8	26,1	25,4	24,4
45–49	8,3	9,1	9,8	10,4	10,4	10,6	9,9	9,6	9,2
50–54	2,7	2,9	3,1	3,2	3,2	3,4	3,3	3,3	3,2
55 и старше	1,1	1,2	1,2	1,3	1,3	1,3	1,2	1,2	1,2

Возрастная модель рождаемости у мужчин в России смещается к более старшим возрастам, наиболее высокие показатели рождаемости – в возрастных группах 25–29 лет и 30–34 года. В 2011 году коэффициент рождаемости у 25–29-летних мужчин был существенно выше, чем у 30–34-летних (на 16,3%). В последующие годы разница между ними неуклонно сокращалась и в 2013 году составляла 13,6%, 2015 – 7,1%, 2017 – 1,7%. В 2018 и 2019 гг. можно, по сути, говорить о равенстве коэффициентов рождаемости у мужчин в двух этих возрастных группах: в 2018 году показатель был немного выше (на 0,7%) в возрасте 30–34 года, а в 2019 году – на 0,3% в 25–29 лет.

Если в 2011 году коэффициент рождаемости у мужчин в возрастной группе 35–39 лет оказался лишь на 2,4% больше, чем в 20–24 года,

то в 2019 году разница между ними возросла до 43,1%. Соответственно, возрастает и средний возраст отцов при рождении детей: 2011 – 31,51 года; 2012 – 31,63; 2013 – 31,77; 2014 – 31,92; 2015 – 31,97; 2016 – 32,16; 2017 – 32,26; 2018 – 32,34; 2019 – 32,40.

Казалось бы, смещение модели рождаемости мужчин к более старшим возрастам должно способствовать относительно более положительной динамике суммарного коэффициента рождаемости, чем у женщин, так как увеличивается вклад в этот показатель коэффициентов рождаемости в относительно более старших возрастах, в которых доля женщин выше, что способствует у них занижению возрастных коэффициентов рождаемости. По той же причине этому должно способствовать и повышение среднего возраста матери при рождении,

происходящее практически в той же мере, что и у отцов: 2011 г. – 27,75 года; 2012 – 27,86; 2013 – 27,98; 2014 – 28,13; 2015 – 28,24; 2016 – 28,43; 2017 – 28,51; 2018 – 28,65; 2019 – 28,70.

Однако наблюдается обратная ситуация: если в 2011 году суммарный коэффициент рождаемости для мужчин в России был выше, чем для женщин, то начиная с 2012 года, наоборот, величина показателя для женщин выше, чем для мужчин, и разница между ними с каждым годом возрастает (табл. 5).

Уместно вспомнить о еще одном упомянутом выше факторе, который может оказывать влияние на соотношение величин суммарного коэффициента рождаемости для женщин и мужчин, их динамику. Это соотношение численности женщин и мужчин в активных репродуктивных возрастах (табл. 6).

Существенно возросла за рассматриваемый период доля мужчин в возрастной группе 25–29 лет (в России в этом возрасте зафиксированы наибольшие коэффициенты рождаемости как у женщин, так и у мужчин). Соответствен-

но, возрастала доля мужчин в этом возрасте, что относительно (по сравнению с женщинами) увеличивало знаменатель при расчете возрастного коэффициента рождаемости у мужчин и, следовательно, снижало его величину. Несколько меньшим, но тоже весьма существенным, стало увеличение доли мужчин в возрастной группе 30–34 года (с 2017 года мужчин в этом возрасте больше, чем женщин). До 2014 года несколько возрастала доля мужчин в возрастной группе 20–24 года, в последующие годы – 35–39 лет.

Таким образом, более существенное снижение смертности у мужчин, по сравнению с женщинами, обусловило относительно более низкие возрастные коэффициенты рождаемости и, в результате, способствовало менее позитивной динамике суммарного коэффициента рождаемости мужчин.

Отличающиеся от женщин возрастные и суммарный коэффициенты рождаемости для мужчин определяют и иные показатели воспроизводства населения (табл. 7).

Таблица 5. Суммарный коэффициент рождаемости у женщин и мужчин в России в 2011–2019 гг.

	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Женщины	1,582	1,691	1,707	1,750	1,777	1,762	1,621	1,579	1,504
Мужчины	1,603	1,688	1,681	1,700	1,705	1,674	1,518	1,464	1,378
Разность	-0,021	0,003	0,026	0,050	0,072	0,088	0,103	0,115	0,126

Таблица 6. Число мужчин на 1000 женщин в возрасте 20–39 лет в России в 2011–2019 гг. (среднегодовое)

Возраст (лет)	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
20–24	1032	1035	1037	1041	1042	1041	1042	1041	1039
25–29	1009	1013	1017	1021	1025	1030	1034	1038	1045
30–34	983	989	994	998	998	999	1003	1007	1011
35–39	955	954	955	957	961	965	971	976	981

Таблица 7. Показатели воспроизводства женского и мужского населения в России в 2011–2019 гг.

	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Брутто-коэффициент воспроизводства населения									
Женщины	0,769	0,822	0,830	0,849	0,863	0,856	0,787	0,764	0,730
Мужчины	0,824	0,868	0,864	0,874	0,877	0,860	0,781	0,752	0,708
Нетто-коэффициент воспроизводства населения									
Женщины	0,752	0,803	0,813	0,832	0,847	0,841	0,774	0,752	0,719
Мужчины	0,770	0,811	0,809	0,820	0,827	0,815	0,742	0,720	0,678
Истинный коэффициент естественного прироста населения (‰)									
Женщины	-10,3	-7,9	-7,4	-6,6	-5,9	-6,1	-9,0	-10,0	-11,5
Мужчины	-8,4	-6,7	-6,7	-6,3	-6,0	-6,4	-9,3	-10,2	-12,1

Если суммарный коэффициент рождаемости для мужчин в России меньше, чем у женщин, с 2012 года, то брутто-коэффициент воспроизводства — только с 2017 года. Такие различия обусловлены тем, что при расчете брутто-коэффициента воспроизводства используются, соответственно, доли девочек и мальчиков среди родившихся, а мальчиков рождается больше, чем девочек.

Однако меньшая, чем у женщин, величина нетто-коэффициента воспроизводства у мужчин имеет место с 2013 года и гендерная разница по ней в последующие годы больше, чем по брутто-коэффициенту воспроизводства. Дело в том, что при расчете нетто-коэффициента воспроизводства используются числа живущих из таблиц смертности, а у мужчин они меньше, чем у женщин, из-за относительно более высокой смертности.

Истинный коэффициент естественного прироста населения рассчитывается как натуральный логарифм нетто-коэффициента воспроизводства населения, деленный на длину поколения (средний возраст матерей/отцов при рождении дочерей/сыновей, доживающих до возраста матери/отца). Длина поколения у мужчин больше, так как у них выше, чем у женщин, средний возраст при рождении детей. Например, в 2019 году длина поколения у женщин в России составляла 28,66 года, а у мужчин — 32,18 года. Более высокая величина знаменателя при расчете истинного коэффициента естественного прироста у мужчин снижает величину коэффициента (понятно, что речь идет о абсолютной величине этого коэффициента, т. е. без учета знака, и так как он в России отрицательный, то относительно большая длина мужского поколения занижает относительную естественную убыль по этому показателю). Если нетто-коэффициент воспроизводства у мужчин меньше, чем у женщин, с 2013 года, то относительно большая естественная убыль (по истинному коэффициенту) — с 2015 года.

Имеющаяся ежегодная статистическая информация позволяет не только рассчитывать показатели рождаемости и воспроизводства населения для женщин и мужчин, но и анализировать распределение родившихся по возрасту матери и отца.

Выше (см. табл. 2) показано, что в 2019 году для женщин всех однолетних возрастных групп в интервале от 18 до 37 лет фиксировалась наименьшая, в среднем, разница в возрасте отца и матери у родившихся в зарегистрированном браке. С другой стороны, существеннее всего в большинстве однолетних возрастных групп женщин этого возрастного интервала (кроме 20–22 и 26 лет) различается, в среднем, возраст отца и матери у родившихся, зарегистрированных по заявлению матери.

Кроме того, средняя разница в возрасте отца и матери сокращается у относительно более старших женщин. У тех женщин, которые, в зарегистрированном браке, стали матерями в 18 лет, она составляет 6,0 лет; в 20 лет — 5,5 года; в 25 лет — 3,9 года; в 30 лет — 2,9 года; в 35 лет — 2,2 года; в 40 лет — 1,4 года; в 45 лет — 0,8 года. Большая, в среднем, разница в возрасте отца и матери у более старших матерей имеет место и по родившимся, зарегистрированным по совместному заявлению родителей. У 18-летних матерей она составляет 6,2 года; у 20-летних — 6,0 лет; у 25-летних — 5,1 года; у 30-летних — 4,0 года; у 35-летних — 2,7 года; у 40-летних — 1,0 год; что касается матерей в возрасте 45 лет и старше, то в этом случае отцы, в среднем, моложе (см. табл. 2).

В 2019 году в России у 10,6% родившихся возраст матери и отца совпадал. Этот показатель немного выше у родившихся в зарегистрированном браке (11,0%) и ниже у родившихся, зарегистрированных по совместному заявлению родителей (7,8%). Доля родившихся, у которых отец старше матери, составила 70,2%, а у которых, наоборот, мать старше отца — 19,2%. У родившихся в зарегистрированном браке эти показатели составляют, соответственно, 70,3 и 18,7%. У родившихся, зарегистрированных по совместному заявлению родителей, доля тех, у кого отец старше матери (69,3%), несколько ниже, но выше доля тех, у кого мать старше отца (22,9%).

Как показано выше, разница в среднем возрасте отца и матери существенно различается в зависимости от возраста матери при рождении ребенка. Эти различия проявляются и в показателях сочетания возраста матери и отца (табл. 8).

Таблица 8. Сочетание возраста матери и отца в зависимости от возраста матери при рождении ребенка в России в 2019 году, %

Возраст матери (лет)	Все родившиеся			Родившиеся в зарегистрированном браке			Родившиеся, зарегистрированные по совместному заявлению родителей		
	возраст матери и отца совпадает	отец старше матери	мать старше отца	возраст матери и отца совпадает	отец старше матери	мать старше отца	возраст матери и отца совпадает	отец старше матери	мать старше отца
до 16	4,5	95,5	–*	2,6	97,4	–	4,9	95,1	–
16	3,8	95,3	0,9	2,1	97,8	0,1	6,9	90,8	2,3
17	4,6	93,6	1,8	3,3	95,9	0,8	6,3	90,6	3,1
18	5,0	93,2	1,8	4,4	94,5	1,1	6,4	89,9	3,7
19	4,6	93,3	2,1	4,5	93,7	1,8	4,9	91,8	3,3
20	5,5	91,5	3,0	5,3	91,9	2,8	6,1	89,7	4,2
21	6,4	89,8	3,8	6,2	90,3	3,5	7,0	87,1	5,9
22	7,3	87,6	5,1	7,3	87,9	4,8	7,1	85,5	7,4
23	8,4	85,0	6,6	8,5	85,3	6,2	7,4	83,4	9,2
24	9,6	82,4	8,0	9,8	82,4	7,8	7,7	82,0	10,3
25	10,3	79,4	10,3	10,5	79,4	10,1	8,1	79,9	12,0
26	10,6	77,7	11,7	10,9	77,7	11,4	8,1	77,8	14,1
27	11,4	75,5	13,1	11,8	75,4	12,8	7,8	77,1	15,1
28	11,9	73,3	14,8	12,3	73,2	14,5	8,3	73,4	18,3
29	12,2	70,8	17,0	12,6	70,8	16,6	9,1	70,6	20,3
30	12,4	68,2	19,4	12,7	68,2	19,1	9,1	68,4	22,5
31	12,4	65,8	21,8	12,9	65,7	21,4	8,5	66,8	24,7
32	12,3	62,9	24,8	12,8	62,7	24,5	8,3	64,0	27,7
33	11,6	61,3	27,1	12,1	61,3	26,6	8,2	61,1	30,7
34	11,0	59,7	29,3	11,5	59,8	28,7	7,5	58,4	34,1
35	11,2	58,2	30,6	11,6	58,3	30,1	8,2	57,4	34,4
36	11,0	56,2	32,8	11,5	56,5	32,0	8,2	54,5	37,3
37	10,0	55,5	34,5	10,5	55,7	33,8	7,5	54,6	37,9
38	10,1	54,5	35,4	10,6	54,9	34,5	7,3	52,4	40,3
39	9,9	53,7	36,4	10,4	54,5	35,1	7,1	50,0	42,9
40	9,3	52,4	38,3	9,9	53,2	36,9	6,2	48,1	45,7
41	9,3	51,7	39,0	9,8	52,6	37,6	6,7	48,2	45,1
42	9,0	51,2	39,8	9,4	52,5	38,1	7,3	45,4	47,3
43	10,2	49,7	40,1	10,7	50,9	38,4	8,1	45,0	46,9
44	10,1	48,8	41,1	10,7	50,4	38,9	7,6	43,1	49,3
45	9,5	47,6	42,9	10,1	49,9	40,0	6,5	37,1	56,4
46	9,6	45,6	44,8	8,9	48,9	42,2	12,1	27,5	60,4
47	9,2	48,8	42,0	10,0	50,0	40,0	7,1	40,5	52,4
48	4,9	37,3	57,8	6,1	36,5	57,4	–	41,7	58,3
49	13,2	33,0	53,8	14,1	33,8	52,1	5,9	29,4	64,7
50	8,1	43,2	48,7	9,5	44,5	46,0	–	44,4	55,6
51	12,8	33,3	53,9	13,3	33,3	53,4	11,1	33,3	55,6
52	–	47,4	52,6	–	46,7	53,3	–	33,3	66,7
53	10,5	47,4	42,1	12,5	56,2	31,3	–	–	100,0
54	8,3	8,3	83,4	11,1	11,1	77,8	–	–	–
55 и старше	1,5	51,5	47,0	1,7	55,0	43,3	–	14,3	85,7

* Младшая группа по возрасту отца и матери в статистической разработке – «до 16 лет», поэтому сочетание возраста отца и матери в данном случае определяется с некоторой степенью условности. Совпадение возраста матери и отца отмечается в том случае, когда в отношении обоих указан возраст «до 16 лет». Среди них, вероятно, есть родившиеся, у которых отец старше матери или, наоборот, мать старше отца, но выделить их невозможно.

Доля родившихся, у которых совпадает возраст матери и отца, повышается с возрастом матери и достигает максимума у женщин 30–31 года, составляя 12,4% (Россия, 2019 г.). Относительно матерей более старшего возраста она сокращается.

Среди родившихся в зарегистрированном браке доля тех, у кого совпадает возраст матери и отца, существенно выше, чем среди родившихся, зарегистрированных по совместному заявлению родителей. Исключение составляют только родившиеся у матерей в возрасте до 22 лет. Максимальная величина этого показателя среди родившихся в зарегистрированном браке у женщин в возрасте 31 год (12,9%); еще больше она в возрастах матери 49 лет (14,1%) и 51 год (13,3%), но из-за относительно малых чисел родившихся могут иметь место случайные колебания показателя), а среди родившихся, зарегистрированных по совместному заявлению родителей, – у матерей в возрасте 29–30 лет (9,1%; по числам родившихся у матерей 46 лет (12,1%) и 51 года (11,1%) опять же могут быть случайные колебания).

Доля родившихся, у которых отец старше матери, снижается при более старшем возрасте матери. У родившихся, возраст матери у которых до 21 года, отец старше матери более чем в 90% случаев, при возрасте матери 23 года – 85,0%, 25 лет – 79,4%, 30 лет – 68,2%, 35 лет – 58,2%, 40 лет – 52,4%, начиная с 43 лет – менее 50% (Россия, 2019 г.).

Доля родившихся в зарегистрированном браке, у которых отец старше матери, больше, чем среди родившихся, зарегистрированных по совместному заявлению родителей, в возрастах матерей до 25 лет. В возрастном интервале матерей от 25 до 32 лет ситуация, когда отцы старше, несколько чаще имеет место, как правило, среди родившихся, зарегистрированных по совместному заявлению родителей, чем среди родившихся в зарегистрированном браке (за исключением матерей 29 лет). В случае, когда матери находятся в более старших возрастах, доля родившихся, у которых отец старше, снова больше при рождениях в зарегистрированном браке.

В отличие от снижающейся у женщин более старших возрастов доли родившихся, у которых отец старше матери, доля родившихся, у которых мать старше отца, наоборот, возраста-

ет. При возрасте матери 22 года таковых 5,1%, 25 лет – 10,3% (столько же, сколько совпадения возраста матери и отца), 30 лет – 19,4%, 35 лет – 30,6%, 40 лет – 38,3%, 45 лет – 42,9%.

Среди родившихся, зарегистрированных по совместному заявлению родителей, доля тех, у кого мать старше отца, выше, чем у родившихся в зарегистрированном браке. Наиболее существенны различия в более старших возрастах матерей, например, в 2019 году в России они превышали 5 процентных пунктов у родившихся, чьи матери находились в возрасте 34 года, 36, 38 лет и старше. Начиная с 42 лет матерей, среди родившихся, зарегистрированных по совместному заявлению родителей, тех, у кого мать старше отца, больше, чем тех, у кого, наоборот, отец старше матери, а с 45 лет матери доля первых превышает 50% (см. табл. 8).

У большинства родившихся отец старше матери. Какова разница в возрасте между ними и как она различается в зависимости от возраста матери и характера регистрации родившихся (зарегистрированный брак, совместное заявление родителей) отражено в *таблице 9*.

В 2019 году в России среди родившихся, у которых отец старше матери, доля тех, у кого разница в возрасте родителей составляет 1–4 года, повышалась с возрастом матери и достигала максимума у 29-летних матерей. В возрастном интервале матерей от 26 до 34 лет она превышала 60% и была немногим ниже в более старших возрастах. Наибольшая доля тех, у кого отец старше матери на 5–9 лет, имеет место относительно более молодых женщин, максимальная в 2019 году – при возрасте матери 18 (42,4%) и 19 (42,5%) лет. В более старших возрастах она меньше (20 лет – 40,1%; 23 года – 37,1%; 27 лет – 30,1%). Если возраст матери больше 28 лет, то доля родившихся, у которых отец старше матери на 5–9 лет, уже не превышает 30% (за исключением некоторых возрастов) и находится в диапазоне от 28 до 30%.

Наибольшая доля родившихся, у которых отец старше матери на 10 лет и более, характерна в отношении самых молодых матерей и, наоборот, родивших ребенка в возрасте старше 35 лет. В 2019 году 16% и более она составляла у матерей 16–18 лет и 46–49 лет; менее 10% – у женщин, родивших ребенка в 23–31 год (в 24–30 лет – менее 9%, наименьшая в 27 лет – 8,0%).

Таблица 9. Распределение родившихся, у которых отец старше матери, по разнице в возрасте родителей в России в 2019 году, %

Возраст матери (лет)	Все родившиеся			Родившиеся в зарегистрированном браке			Родившиеся, зарегистрированные по совместному заявлению родителей		
	отец старше матери на:			отец старше матери на			отец старше матери на		
	1–4 года	5–9 лет	10 лет и более	1–4 года	5–9 лет	10 лет и более	1–4 года	5–9 лет	10 лет и более
16	44,3	38,9	16,8	42,4	42,5	15,1	47,7	32,0	20,3
17	44,4	38,8	16,8	49,0	36,8	14,2	38,2	41,4	20,4
18	41,6	42,4	16,0	42,4	43,2	14,4	39,6	40,6	19,8
19	43,3	42,5	14,2	44,1	43,1	12,8	40,5	40,3	19,2
20	46,5	40,1	13,4	47,2	40,6	12,2	43,4	37,7	18,9
21	48,2	39,5	12,3	49,1	39,6	11,3	43,8	38,9	17,3
22	50,5	38,4	11,1	51,4	38,6	10,0	44,0	37,5	18,5
23	53,1	37,1	9,8	54,2	37,0	8,8	44,5	38,5	17,0
24	55,6	35,5	8,9	56,9	35,3	7,8	44,9	37,5	17,6
25	58,5	33,3	8,2	59,7	33,1	7,2	47,2	35,1	17,7
26	60,2	31,6	8,2	61,6	31,3	7,1	47,2	34,6	18,2
27	61,9	30,1	8,0	63,4	29,8	6,8	48,8	33,2	18,0
28	63,2	28,6	8,2	64,7	28,3	7,0	49,1	32,1	18,8
29	63,6	28,2	8,2	65,1	27,8	7,1	49,3	32,3	18,4
30	63,1	28,2	8,7	64,9	27,6	7,5	47,6	33,3	19,1
31	62,9	27,9	9,2	64,6	27,4	8,0	49,5	31,9	18,6
32	62,0	27,9	10,1	63,9	27,4	8,7	48,1	31,6	20,3
33	61,0	28,3	10,7	62,9	27,9	9,2	47,9	30,9	21,2
34	60,5	28,6	10,9	62,6	28,1	9,3	46,5	31,9	21,6
35	59,7	28,8	11,5	61,6	28,4	10,0	47,4	31,4	21,2
36	58,4	29,6	12,0	60,6	29,0	10,4	45,7	32,8	21,5
37	57,7	29,9	12,4	59,7	29,3	11,0	47,1	33,5	19,4
38	58,1	29,4	12,5	60,5	28,8	10,7	45,5	32,6	21,9
39	57,4	29,9	12,7	59,2	29,6	11,2	48,2	31,4	20,4
40	57,2	29,7	13,1	59,3	29,3	11,4	46,1	32,2	21,7
41	57,0	30,1	12,9	59,1	29,6	11,3	46,9	32,4	20,7
42	57,1	29,3	13,6	59,3	28,8	11,9	46,4	31,3	22,3
43	59,0	28,8	12,2	61,1	28,2	10,7	48,6	31,2	20,2
44	56,7	28,6	14,7	60,3	27,0	12,7	39,2	36,9	23,9
45	56,9	29,4	13,7	58,8	28,7	12,5	46,4	33,3	20,3
46	52,3	29,9	17,8	52,0	30,7	17,3	56,0	24,0	20,0
47	57,4	24,6	18,0	56,0	29,0	15,0	58,8	5,9	35,3
48	56,6	26,4	17,0	59,5	23,8	16,7	50,0	40,0	10,0
49	50,0	33,3	16,7	58,3	25,0	16,7	20,0	80,0	0,0
50*	59,4	34,4	6,2	57,2	35,7	7,1	75,0	25,0	0,0

* Для более старших матерей нельзя выделить группу с разницей в возрасте отца и матери «10 лет и более», так как последняя возрастная группа для отцов – «60 и старше».

Если доля тех, у кого отец старше матери, незначительно различается в группах родившихся в зарегистрированном браке и зарегистрированных по совместному заявлению родителей (см. табл. 9), то различия в их распределении по разнице в возрасте отца и матери существенны. Доля тех, у кого отец старше матери

на 1–4 года, среди родившихся в зарегистрированном браке больше 50% у всех матерей от 22 лет и старше, у матерей 26–36 лет превышает 60%. Среди родившихся, зарегистрированных по совместному заявлению родителей, она максимальна (не считая женщин старше 45 лет, т. к. в этой группе из-за относительного малого

числа родившихся могут иметь место случайные колебания показателя) у матерей в возрасте 31 год (49,5%).

Доля родившихся, у которых отец старше матери на 5–9 лет, в возрастах матери от 23 до 45 лет среди зарегистрированных по совместному заявлению родителей несколько выше (разница, как правило, составляет от 2 до 4 процентных пунктов), чем среди родившихся в зарегистрированном браке.

Значительно большие различия характерны относительно доли родившихся, у которых отец старше матери на 10 лет и более. У родившихся, зарегистрированных по совместному заявлению родителей, она намного больше, чем у родившихся в зарегистрированном браке. В наиболее активных репродуктивных возрастах (возраст матери от 25 до 36 лет) разница в величине показателя между ними превышает 10 процентных пунктов. Если среди родившихся в зарегистрированном браке доля тех, у кого отец старше матери на 10 лет и более, несколько снижается в активном репродуктивном возрасте матерей, то у родившихся, зарегистрированных по совместному заявлению родителей, величина этого показателя мало различается в зависимости от возраста матери (немного больше она у женщин в возрасте старше 32 лет; см. табл. 9).

Можно предположить, что родители старших возрастов «компенсируют» возраст с помощью существенно более молодых партнеров. Это часто повторные союзы, без регистрации в органах ЗАГС, имеющие высокую вероятность малолетности.

Обсуждение и выводы

Проблема расчета показателей рождаемости и воспроизводства для мужского населения актуальна в современных демографических исследованиях не только в России. Так, на сайте Статистической службы Швеции представлен суммарный коэффициент рождаемости для женщин и мужчин⁶. При этом отмечено, что данные о некоторых отцах отсутствуют, и это приводит к занижению коэффициента фертильности у мужчин. Вместе с тем, с учетом обозначенных выше методологических вариантов такие расчеты возможны и позволяют

расширить понимание демографической реальности.

В 2019 году в России суммарный коэффициент рождаемости у женщин (1,504) был на 9,1% больше, чем у мужчин (1,378). Разница в величине брутто-коэффициента воспроизводства оказалось существенно меньше, составив 3,1% (0,730 у женщин и 0,708 у мужчин). Нетто-коэффициент воспроизводства у женщин (0,719) на 6,0% больше, чем у мужчин (0,678). Разница в величине истинного коэффициента естественного прироста у женщин и мужчин составила 5,0% (соответственно, -11,5 и -12,1‰).

Существование двух количественно различающихся режимов воспроизводства у женского и мужского населения ставит под большое сомнение принципиальную возможность реализации модели стабильного населения, ибо изменение состава по полу (вследствие половой дифференциации режима воспроизводства) делает население нестабильным. Этот вопрос давно рассматривается в научной литературе (на русском языке одна из наиболее известных работ — переводная статья Л. Таба [33]), но удовлетворительного решения проблемы пока нет. Таким образом, в нашей работе подтверждено наличие проблемы, связанной с применением концепции стабильного населения для прогнозирования демографической ситуации в российской действительности.

Возрастная модель рождаемости у мужчин и женщин меняется в сторону смещения деторождения к более старшим возрастам, при этом чаще всего отцы старше матерей. Благоприятность соотношения полов снижается с возрастом, после 35 лет для женщин уже недостаточно сверстников (981 мужчина на 1000 женщин в возрасте 35–39 лет). Если учесть выявленную разницу в возрастах отцов и матерей, можно с уверенностью констатировать, что шансы для обретения партнера и деторождения существенно ниже для женщин уже после 30 лет (на 1000 женщин 30–34 лет приходится 932 мужчины 35–39 лет и 815 мужчин 40–44 лет, на 34–39-летних женщин — 858 мужчин 40–44 лет и 780 44–49-летних), тогда как соотношение 20–24-летних девушек и мужчин-сверстников, а также мужчин старших возрастных групп весьма благоприятно (на 1000 женщин 20–24 лет приходится 1039 мужчин 20–24 лет, 1462 мужчины 25–29 лет и 1855 мужчин 30–34 лет).

⁶ http://www.statistikdatabasen.scb.se/pxweb/en/ssd/START__BE__BE0101__BE0101H/FruktsamhetSum/

В связи с этим повышение возраста матери при рождении первенца, возраста вступления в брак несет риски закрепления малодетности в репродуктивном поведении россиян, дальнейших трансформаций институтов семьи и родительства. С точки зрения демографической политики целесообразно усилить поддержку молодых семей. Вовремя были расширены меры поддержки рождения первенцев, что будет способствовать сдерживанию откладывания рождений, снижению протогенетического интервала. Однако введение возрастного порога для получения поддержки после 2030 года, когда структурный фактор станет более благоприятным, будет способствовать повышению рождаемости у молодежи, особенно молодых мужчин.

Литература

1. Синельников А.Б. Демографическая саморегуляция в условиях роста и убыли населения // Социологический журнал. 2019. Т. 25. № 4. С. 84–92. DOI: 10.19181/socjour.2019.25.4.6819
2. Вишневецкий А.Г. Демографический переход и проблема демографического саморегулирования. Ответ А.Б. Синельникову // Социологический журнал. 2019. Т. 25. № 4. С. 93–104. DOI: 10.19181/socjour.2019.25.4.6820
3. Dinkel R., Milenovic I. Male and female fertility: A comparison of age-specific and cohort fertility of both sexes in Germany. *Genus*, 1993, vol. 49, pp. 147–158.
4. Harris I., Fronczak C., Roth L., Meacham R. Fertility and the aging male. *Rev Urol*, 2011, vol. 13(4), pp. 184–190.
5. Myrskylä M., Kohler H.-P., Billari F.C. Advances in development reverse fertility declines. *Nature*, 2009, no. 460. pp. 741–743.
6. Myrskylä M., Kohler H.-P., Billari F.C. High development and fertility: Fertility at older reproductive ages and gender equality explain the positive link. *MPIDR Working Paper*, 2011, WP-2011-017, 55 p.
7. Dudel C., Klusener S. Male-female fertility differentials across 17 high-income countries: Insights from a new data resource. *European Journal of Population – Revue Européenne de Démographie*, 2021, vol. 37, issue 2, pp. 417–441. DOI 10.1007/s10680-020-09575-9
8. Schoumaker B. Male fertility around the world and over time: How different is it from female fertility? *Population and Development Review*, 2019, vol. 45, issue 3, pp. 459–498.
9. Schoumaker B. Measuring male fertility rates in developing countries with demographic and health surveys: An assessment of three methods. *Demographic Research*, 2017, vol. 36, pp. 803–850.
10. Bagavos C., Tragiki A. The compositional effects of education and employment on Greek male and female fertility rates during 2000–2014. *Demographic Research*, 2017, vol. 36, pp. 1435–1451.
11. Архангельский В.Н. Показатели воспроизводства мужского населения // Проблемы статистики населения, торговли и жизненного уровня. М., МЭСИ, 1980. С. 13–18.
12. Архангельский В.Н. Воспроизводство населения России: монография. М.: НИИ семьи, 1998. 115 с.
13. Бойко В.В. Малодетная семья: социально-психологический аспект М., 1988. 231 с.
14. Голод С.И. Стабильность семьи: социологический и демографический аспекты. Л., 1984. 136 с.
15. Киселева Г., Родзинская И. Репродуктивные установки мужчин (по материалам социолого-демографического исследования в Москве) // Актуальные проблемы демографии. Рига, 1983. С. 61–64.
16. Архангельский В.Н. Репродуктивное поведение и ценностные ориентации городского населения // Городская и сельская семья. М., 1987. С. 21–44.
17. Архангельский В.Н. Репродуктивные ориентации и их детерминация в городских семьях // Рождаемость: социологические и демографические аспекты. М., 1988. С. 4–30.
18. Кузьмин А.И. Семья на Урале: демографические аспекты выбора жизненного пути. Екатеринбург, 1993. 235 с.
19. Кузьмин А.И. Роль молодой семьи в воспроизводстве населения региона // Молодая семья и реализация активной социальной политики в регионе. Свердловск, 1990. С. 28–43.
20. Кузьмин А.И., Алферова Е.Ю. Опыт изучения демографических аспектов межнациональных отношений в башкирском селе // Россия и Восток: Проблемы взаимодействия. Уфа, 1993. С. 168–173.
21. Борисов В.А., Синельников А.Б. Брачность и рождаемость в России: демографический анализ. М., 1995. 119 с.

22. Архангельский В.Н., Шилова Л.С. Демографическое поведение псковской семьи: сегодня и завтра // Семья и семейная политика в Псковской области. Псков, 1994. С. 432–455. URL: <https://vivaldi.pskovbook.ru/semya%20soder%20vved.pdf/view>
23. Архангельский В.Н. Семейная жизнь и тенденции воспроизводства населения в Великом Новгороде. М., 2002. 441 с. URL: <https://textarchive.ru/c-1097960-pall.html>
24. Семья в Ханты-Мансийском автономном округе. М. – Ханты-Мансийск, 1999. С. 36–37.
25. Кузьмин А.И., Ободяников Е.З. Социальные и демографические проблемы семьи бизнесмена. Екатеринбург, 2002. 236 с.
26. Архангельский В.Н. Факторы рождаемости. М., 2006, 399 с. URL: <https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=39692&p=attachment>
27. Федулова А.Б. Репродуктивное поведение молодой семьи Архангельской области // Вестник Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 5. С. 65–75. URL: https://medbio.narfu.ru/upload/iblock/da5/65_75.pdf
28. Калачикова О.Н., Шабунова А.А. Репродуктивное поведение как фактор воспроизводства населения: тенденции и перспективы. Вологда, 2015. 172 с.
29. Калачикова О.Н. Репродуктивное поведение современных мужчин: установки, практики и ценность отцовства // Социально-экономические и демографические аспекты реализации национальных проектов в регионе: сб. статей X Уральского демографического форума. Т. I. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2019. С. 36–42. URL: https://uiec.ru/wp-content/uploads/2020/02/%D0%A1%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%BD%D0%B8%D0%BA-%D0%94%D0%A4_1-2019.pdf
30. Ценности семейно-детного образа жизни (СеДОЖ–2019): аналитический отчет по результатам межрегионального социолого-демографического исследования; Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова/ под ред. А.И. Антонова. М.: МАКС Пресс, 2020. 486 с. DOI: 10.29003/m857.SeDOJ-2019
31. Сходство и различие ценностных ориентаций мужей и жён по результатам одновременного опроса супругов / под ред. А.И. Антонова. М.: Перо, 2021. 240 с.
32. Таба Л. Взаимосвязи между возрастной структурой, плодовитостью, смертностью и миграцией. Воспроизводство и обновление населения // Демографические модели. М.: Статистика, 1977. С. 27–88.

Сведения об авторах

Владимир Николаевич Архангельский – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований, ФНИСЦ РАН (119333, Российская Федерация, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1), заведующий сектором, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (119991, Российская Федерация, г. Москва, ул. Ленинские горы, д. 1, стр. 46); научный сотрудник, НИИ организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения Москвы (115184, Российская Федерация, г. Москва, ул. Большая Татарская, д. 30; e-mail: archangelsky@yandex.ru)

Ольга Николаевна Калачикова – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований, ФНИСЦ РАН (119333, Российская Федерация, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1); заместитель директора, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького д. 56а; e-mail: onk82@yandex.ru)

Arkhangel'skii V.N., Kalachikova O.N.

Women and Men: Differences in Fertility and Reproductive Behavior Indicators

Abstract. The search for the reasons that determine birth rate dynamics remains relevant from the practical and theoretical viewpoints. The aim of our research is to assess whether Russia's population complies with the stable population model in terms of stability of sex structure. We make an attempt to calculate

and assess reproduction indicators for male population. Having revealed that such calculations have methodological limitations, we propose a way to overcome them. According to calculations, in 2019 in Russia, the total fertility rate for women (1.504) was 9.1% higher than for men (1.378). The difference in the gross reproduction rate was 3.1% (0.730 for women and 0.708 for men), in the net reproduction rate – 6.0% (0.719 for women, 0.678 for men). The difference in the value of the rate of natural increase in women and men is 5.0% (-11.5 and -12.1%, respectively). Due to the presence of two quantitatively different reproduction modes in the female and male generations, we doubt it would be possible to implement a stable population model. The age-related model of fertility in men, as well as in women, is shifting toward older ages (in the groups aged 25–29 and 30–34). The average age when men become fathers has also increased: from 31.51 years in 2011 to 32.40 in 2019. We also analyze the fertility rate model according to the age of the mother and father. We have determined that in most cases (70% in 2019) the father is older than the mother, in 19% of cases the mother is older than the father, in 11% – both parents are of the same age. Fathers are 1–4 years older than mothers in 44–64% of cases (depending on the age of the mother). It is noteworthy that the difference in the age of parents is higher when children are born out of wedlock. In the future, we find it interesting to study gender-related differences in reproductive motivation and other determinants of male and female fertility.

Key words: stable population, age-related fertility model, reproduction of the male population, reproductive behavior, fertility, age difference between fathers and mothers.

Information about the Authors

Vladimir N. Arkhangel'skii – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, Institute for Demographic Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (6, building 1, Fotieva Street, Moscow, 119333, Russian Federation), head of sector, Lomonosov Moscow State University (1, building 46, Leninskie Gory Street, Moscow, 119991, Russian Federation), Researcher, Research Institute for Healthcare Organization and Medical Management of Moscow Healthcare Department (30, Bol'shaya Tatarskaya Street, Moscow, 115184, Russian Federation; e-mail: archangelsky@yandex.ru)

Ol'ga N. Kalachikova – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, Institute for Demographic Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (6, building 1, Fotieva Street, Moscow, 119333, Russian Federation), deputy director, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: onk82@yandex.ru)

Статья поступила 12.08.2021.

Открытая и латентная безработица в условиях пандемии

**Ирина Викторовна
СОБОЛЕВА**

Институт экономики Российской академии наук

Москва, Российская Федерация

e-mail: irasobol@gmail.com

ORCID: 0000-0002-3049-7789; ResearcherID: AAS-5711-2021

**Эдуард Неньевич
СОБОЛЕВ**

Институт экономики Российской академии наук

Москва, Российская Федерация

e-mail: edsobol@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-9142-3361; ResearcherID: AAS-6218-2021

Аннотация. Специфика пандемического кризиса и особенности российской трудовой модели позволяют предположить, что его воздействие на сферу труда может отличаться от обычных последствий кризисных спадов экономической активности и генерировать новые очаги уязвимости. В статье преследуется цель проследить изменения в сфере труда в ходе пандемии, установить особенности распространения безработицы, в том числе ее латентных форм, и выявить зоны риска, на которые целесообразно направить фокус государственной политики. На основе доступных данных официальной статистики Росстата и независимых социологических обследований объясняются существенные расхождения динамики объективных индикаторов безработицы и остроты восприятия проблемы населением, проведена оценка структуры безработицы, масштабов и динамики ее латентной составляющей. Исследование показало, что на пике кризиса латентная безработица превышала открытую более чем в три раза. Безработицей либо

Для цитирования: Соболева И.В., Соболев Э.Н. Открытая и латентная безработица в условиях пандемии // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 5. С. 186–201. DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.11

For citation: Soboleva I.V., Sobolev E.N. Open and latent unemployment in the context of the pandemic. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 5, pp. 186–201. DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.11

в открытой, либо в латентной форме был охвачен каждый четвертый работник. Тем не менее в целом в аспекте динамики макроэкономических пропорций сфера труда справляется с вызовами кризиса: сектору крупных и средних предприятий удалось сохранить практически докризисные масштабы занятости, открытая безработица удержалась в социально допустимых границах, опасный всплеск латентной безработицы был преодолен уже к началу третьего квартала 2020 года. При этом в привычной структуре высвобождения работников произошли серьезные сдвиги: существенно пострадали высококвалифицированные и образованные слои рабочей силы, занятые в ключевых отраслях нематериального производства, которые уверенно чувствовали себя на рынке труда и привыкли к стабильности своего социально-экономического положения. В территориальном разрезе кризис сильнее всего затронул крупные города с большой прослойкой среднего класса. Это усугубило болезненность его восприятия и поставило под угрозу сохранение и воспроизводство элитных сегментов национального человеческого потенциала.

Ключевые слова: пандемический кризис, трудовая модель, занятость, открытая безработица, латентная безработица, рабочее время, зоны риска.

Введение

Каждый наступающий кризис порождает всплеск опасений в отношении роста безработицы. Так было и в период социально-экономических трансформаций 90-х годов прошлого века, и в 2009, и в 2015 году. Не стал исключением и последний кризис, триггером которого явилась пандемия коронавируса. Весной 2020 года, когда кризис только начинал разворачиваться, прозвучали первые алармистские прогнозы. По оценке председателя счетной палаты РФ А. Кудрина, в 2020 году ожидался трехкратный рост уровня безработицы (до 14%)¹. Схожий прогноз (рост до 12%) давал и Центр стратегических разработок². В соответствии со сценарием Б. Кагарлицкого, озвученным 27 марта 2020 г. в интервью Агентству REGNUM, безработица могла охватить более 20% экономически активного населения. В этих условиях страну ожидала дезорганизация всех социально-экономических процессов, поскольку в отличие от западных экономик, обладающих развитой инфраструктурой защиты от безработицы, Россия к всплеску массовой безработицы не готова³.

¹ Антикризисные меры // РБК. 13.04.2020. URL: <https://www.rbc.ru/economics/13/04/2020/5e9425fa9a794785f7eee788> (дата обращения 10.05.2021).

² Основные тенденции к началу июня 2020. URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/951/951c865f5c2064bfbc7d4cfb68647693.pdf> (дата обращения 10.05.21).

³ За ростом безработицы последует крах социального государства – прогноз. REGNUM.RU. 27.03.2020. URL: <https://regnum.ru/news/economy/2897782.html> (дата обращения 10.05.2021).

Опасения, связанные с подъемом показателей безработицы, понятны. Из обширного мирового опыта известно, что резкий рост циклической безработицы в кризисные периоды, как правило, не сопровождается столь же быстрым «всасыванием» в экономику свободной рабочей силы после преодоления рецессии [1; 2]. Есть свидетельства, что такая асимметричная реакция характерна и для периода пандемии [3]. Существует опасность, что часть лишившихся работы в период пандемии «зависнет» в состоянии безработицы надолго или вовсе выйдет из состава рабочей силы. Многочисленные исследования подтверждают гипотезу о формировании так называемых шрамов безработицы, которые в дальнейшем негативно влияют как на конкурентоспособность работников, так и на состояние здоровья, психологическую устойчивость и общую удовлетворенность жизнью [4; 5; 6]. Установлено, что наличие в трудовой истории периода безработицы увеличивает вероятность вновь оказаться без работы в будущем [7]. Ухудшение конъюнктуры рынка труда имеет особенно опасные долговременные последствия для молодежи, так как снижает вероятность формирования успешной трудовой карьеры. Как показывают последние исследования, этот риск актуализировался в ходе пандемии [8; 9; 10]. По свидетельству ряда авторов, в числе наиболее уязвимых оказываются и представители старших возрастных групп, испытывающие наибольшие сложности при поиске нового рабочего места в ситуации потери работы [11; 12].

В то же время резко отрицательное отношение к безработице, неприятие этого естественного атрибута рыночной экономики, пожалуй, в большей мере характерно для России, чем для западных стран, которые на протяжении нескольких веков развивались в рыночной парадигме. В России же почти на целый век закрепились альтернативная социально-экономическая система, важнейшим завоеванием которой считалось устойчивое поддержание полной занятости населения и гарантированное право на труд для каждого жителя страны. Возможно, именно это обстоятельство в значительной мере способствовало формированию в постсоветский период весьма специфической трудовой модели. Ее характерной особенностью является нежелание работодателей прибегать к увольнениям в условиях сокращения спроса на труд (потребности в рабочей силе) [13; 14].

Следует отметить, что кризис, который мы переживаем сегодня, отличается от циклических и трансформационных кризисов. В его основе лежат не колебания экономической конъюнктуры, а неизбежные в условиях пандемии административные ограничения — длительные карантинные меры, экономические последствия которых ощущаются в разной степени в зависимости от вида хозяйственной деятельности, социально-демографических характеристик населения и особенностей национальных культур. Не последнюю роль играют и действия государства по смягчению негативных последствий.

В России правительство оперативно приняло экстренные меры по поддержке занятости и уровня благосостояния населения. Предприятиям видов деятельности, наиболее пострадавшим от распространения коронавирусной инфекции, предоставлялись субсидии на выплату заработной платы при условии сохранения не менее 90% работников. По данным Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей Б. Титова, в течение 2020 года такими субсидиями воспользовались около трети субъектов малого бизнеса⁴. Одновременно были расширены возможно-

сти получения статуса безработного и права на пособие в максимальном размере, развернута программа материальной поддержки семей с детьми. Эти меры позволили в крайне сложной ситуации избежать массового падения доходов и социального взрыва.

Особенности российской трудовой модели, с одной стороны, и специфика текущего кризиса, с другой, заставляют предположить, что его воздействие на сферу труда может отличаться от обычных последствий кризисных спадов экономической активности и модифицировать трудовые отношения. Реакция этой важнейшей для человеческого развития сферы на изменившиеся реалии социально-экономической жизни нуждается в осмыслении. В статье преследуется цель проследить изменения в сфере труда в ходе пандемии коронавируса, установить особенности распространения безработицы, в том числе ее латентных форм, и выявить зоны риска, на которые целесообразно направить фокус государственной политики. Научная новизна работы связана с исследованием нестандартной ситуации в сфере труда, сложившейся на фоне развития пандемического кризиса.

Подходы и методология исследования

Основная гипотеза исследования вытекает из особенностей российской трудовой модели, определяющих поведение работодателей в ситуации сокращения потребности в рабочей силе. Эту модель характеризует преобладающее использование резервов внутренней гибкости, а не типичных для большинства западных экономик механизмов численной адаптации, сопряженной с увольнениями работников с предприятий и в конечном итоге со снижением совокупной численности занятых и ростом безработицы. Главными из таких резервов традиционно выступают вынужденные отпуска, перевод персонала на сокращенный график работы и, не в последнюю очередь, различные модели экономии на заработной плате. Широкие возможности для снижения затрат на рабочую силу при минимальном уменьшении численности работников в российских условиях открывают низкая доля гарантированной тарифной части в структуре заработной платы и распространенность серых схем выплаты части заработка даже официально нанимаемым работникам [15].

⁴ <https://www.rbc.ru/economics/31/05/2021/60b2c15a9a7947b7ddaa75fb> (дата обращения 20.08.2021).

Можно предположить, что именно к этим механизмам, позволяющим свести к минимуму практику увольнений и препятствовать сокращению занятости, активно прибегали работодатели в условиях обвального распространения ограничений на ведение экономической деятельности. Соответственно, основная гипотеза исследования состоит в том, что динамика стандартных показателей занятости и открытой безработицы, которые чаще всего используются для оценки ситуации на рынке труда, должна оставаться довольно спокойной. При этом значительно более резко могли отреагировать показатели рабочего времени и латентной безработицы.

Методом исследования является экономико-статистический анализ на основе доступных данных официальной статистики Росстата, характеризующих развитие сферы труда. Поскольку эти данные подвержены значительным колебаниям в зависимости от времени года и месяца, для нивелирования влияния сезонного фактора, как правило, мы проводим сопоставления не с предшествующим периодом, а с соответствующим периодом предыдущего года, что позволяет более четко проследить влияние пандемии. Для анализа привлекаются также результаты оперативных независимых исследований, в том числе экспресс-опроса ЦеТИ НИУ ВШЭ «Работа и

трудоустройство в условиях эпидемии», мониторинга социально-экономических индикаторов Центра стратегических разработок.

Результаты исследования

Базовые индикаторы рынка труда: занятость, безработица, участие в рабочей силе. Наиболее точная статистика занятости доступна по кругу крупных и средних предприятий, предоставляющих сведения о числе замещенных рабочих мест работниками списочного состава (РСС), внешними совместителями (ВС) и по договорам гражданско-правового характера (ГПХ). Как видно из *таблицы 1*, занятость в этом сегменте экономики в ходе развития пандемического кризиса не претерпевала существенных изменений. В среднем за 2020 год общая численность замещенных рабочих мест достигала 33,5 млн человек, что на 205 тыс. человек превышает соответствующий показатель 2019 года.

Данные Росстата не подтвердили опубликованный в июне прогноз Центра стратегических разработок, согласно которому к концу 2020 года следует ожидать резкий (более чем вдвое) рост занятости на основе ГПХ⁵. По-видимому, он был основан, с одной стороны, на экстраполяции тенденции 2019 года, с другой – на ожиданиях, что в условиях неопределенности среди работодателей усилится стремление к переводу работников с бессрочных контрактов на гибкие

Таблица 1. Динамика занятости на крупных и средних предприятиях (к соответствующему периоду предыдущего года)

Период	Соотношение численности замещенных рабочих мест (2020/2019, %)			
	РСС	ВС	ГПХ	Всего
Март	101,7	101,2	106,1	101,8
Апрель	100,6	98,8	90,1	100,3
Май	100,6	98,8	90,1	100,3
Июнь	100,1	96,8	90,8	99,8
Июль	100,2	99,7	98,4	100,2
Август	99,7	102,3	94,9	99,6
Сентябрь	99,8	102,5	95,6	99,7
Октябрь	99,8	102,8	95,9	99,8
Ноябрь	99,9	101,6	98,0	99,9
Декабрь	99,9	102,1	98,4	99,9
Год	100,7	100,1	96,8	100,6

Составлено по: Социально-экономическое положение России. 2020. Раздел «Занятость и безработица». URL: https://gks.ru/bgd/regl/b20_01/Main.htm

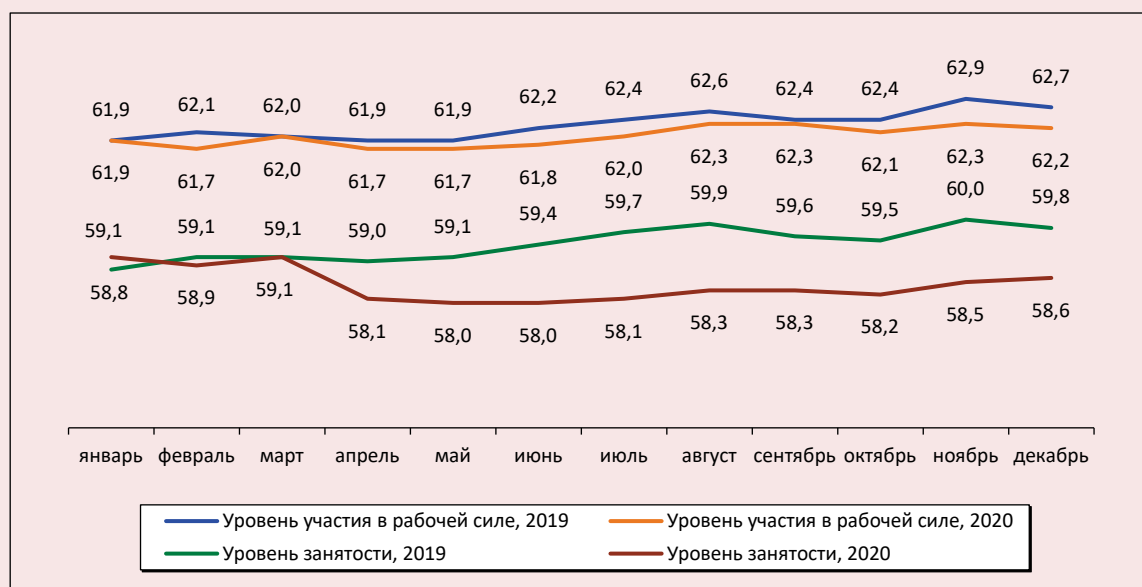
⁵ Основные тенденции к началу июня 2020. URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/951/951c865f5c2064bfbc7d4cfb68647693.pdf> (дата обращения 10.05.2021).

условия занятости. В действительности, однако, на крупных и средних предприятиях, наоборот, наблюдалось небольшое сокращение доли работников, занятых на нестандартных условиях. Иными словами, по крайней мере в этом секторе экономики, по-видимому, возобладало стремление к сохранению трудовых коллективов, а проблемы сокращавшегося спроса на труд (там, где они возникали) работодатели решали за счет периферии внутреннего рынка труда, не затрагивая основной персонал⁶. С позиций макроуровня эти проблемы были небольшими, поскольку численность постоянного персонала оставалась относительно стабильной, а «гибкий буфер» внутренних рынков труда по-прежнему составляет 1,3–1,4 млн человек в эквиваленте полной занятости.

В то же время нельзя забывать, что крупный и средний бизнес, по которому собирается довольно подробная административная статисти-

ка, обеспечивает менее половины совокупной занятости населения страны. Более полную характеристику динамики занятости дает ежемесячное обследование рабочей силы Росстата (ОРС)⁷. Начиная с апреля 2020 года, его результаты фиксировали небольшое, но устойчивое сокращение совокупной занятости по сравнению с соответствующим периодом 2019 года. Таким образом, сокращение занятости затронуло преимущественно сектор малого бизнеса, где широко распространены гибкие, нестандартные формы занятости и неформальные трудовые отношения. Уровень участия в рабочей силе испытал более скромное снижение по сравнению с уровнем занятости (рисунок). Это означает, что большинство потерявших работу не спешили уходить с рынка труда и занимались активным поиском новой. Такой вывод подтверждают и результаты независимых исследований⁸.

Уровень участия в рабочей силе и уровень занятости, %

Источник: данные Росстата.

⁶ Следует отметить, что такая стратегия была выбрана крупными предприятиями не только в России, но и в большинстве стран ЕС, в Великобритании и США, для которых обычно характерно более резкое, по сравнению с отечественным рынком труда, сокращение занятости в ответ на ухудшение экономической конъюнктуры [16].

⁷ До 2016 г. — «Обследование населения по проблемам занятости». Начиная с I квартала 2016 г. наименование изменено на «Обследование рабочей силы».

⁸ Согласно результатам экспресс-опроса ЦеТИ НИУ ВШЭ, доля оставшихся на рынке труда после потери работы составила около 70%. URL: <https://econs.online/articles/ekonomika/karantinnaya-ekonomika-i-rynok-truda/> (дата обращения 10.06.2021).

Ключевой показатель состояния рынка труда – уровень открытой безработицы, измеряемый по методологии Международной организации труда, с середины лета 2020 года стабилизировался на отметке 6,3%, что примерно соответствует показателю предкризисного 2008 года (перед небольшим всплеском безработицы в ходе кризиса 2009–2010 гг.). С ноября 2020 года возобновилось его уверенное снижение, продолжающееся до настоящего времени. Таким образом, на фоне тревожных ожиданий среднероссийский показатель открытой безработицы удержался в пределах социально безопасных значений и оказался ниже, чем в большинстве европейских стран⁹.

В то же время расширение материальной поддержки безработных через службу занятости вкупе с упрощением регистрационных процедур¹⁰ привело к усилению притока потерявших работу граждан в центры занятости и беспрецедентному росту регистрируемой безработицы. По сравнению с соответствующим периодом 2019 года отражаемый этим показателем охват безработных мерами государственной поддержки вырос до невиданных ранее масштабов. Если до пандемии в службе занятости регистрировались не более четверти от общего числа безработных, то во втором квартале 2020 года поддержку государства получали уже почти две трети, а в третьем – почти три четверти безработных. Правда, пока дополнительная поддержка носит преимущественно пассивный характер, однако уже поставлен вопрос о необходимости реформирования службы занятости, расширении ее возможностей оказывать реальное содействие в повышении конкурентоспособности работников и нахождении достойной работы¹¹.

Несмотря на относительно невысокий и стабильный уровень безработицы, фиксируемый ОРС, в восприятии и населения, и вла-

⁹ По данным Международной организации труда, средний уровень безработицы в странах Еврозоны в 2020 году составлял 8,2%, в том числе в Испании – 15,7, Греции – 16,9, Италии – 9,3%.

¹⁰ Максимальный размер пособия для потерявших работу в период эпидемии был увеличен до 12130 руб. по России и до 19000 руб. в Москве. Такая верхняя планка, примерно соответствующая уровню прожиточного минимума, сохранится по крайней мере до конца 2021 года.

¹¹ <https://mintrud.gov.ru/employment/employment/784> (дата обращения 10.05.2021).

стей потеря работы обозначилась как один из наиболее значимых рисков, порождаемых пандемией¹². На наш взгляд, это может быть следствием нескольких обстоятельств.

Во-первых, важную роль играет территориальный фактор. Свообразие последнего кризиса состоит в нестандартности изменения ситуации с безработицей по территории страны. Он относительно сильно ударил по традиционно благополучным столичным регионам, где высока доля населения, занятого в наиболее пострадавших в результате наступления пандемии видах экономической деятельности. В силу как структурных особенностей экономики Москвы и Санкт-Петербурга, так и того обстоятельства, что они оказались в эпицентре распространения эпидемии, именно здесь спрос на труд испытал наибольшее шоковое сокращение. При этом уровень открытой безработицы, хотя и не достиг объективно высоких значений, вырос наиболее резко по сравнению с другими регионами.

На всем протяжении периода наблюдений для Москвы и Санкт-Петербурга был характерен аномально низкий уровень безработицы. Ситуацию здесь можно характеризовать как сверхзанятость. На протяжении последнего десятилетия уровень безработицы в Москве ни разу не превышал отметку в 2%, а в некоторые годы составлял менее 1%. В Санкт-Петербурге после «всплеска» до 2,1% в 2015 году уровень безработицы опустился едва ли не ниже, чем в Москве.

В 2020 году по критерию минимизации безработицы столичные регионы впервые за весь постсоветский период утратили прочно занимаемые ими первые места в рейтинге, уступив их нефтеносным автономным округам. Уровень безработицы в Москве и в Санкт-Петербурге приблизился к 4%. Само по себе это немного. Однако, если регионы-аутсайдеры давно адаптировались к высокому уровню безработицы, а их население имеет наработанные стратегии выживания, то в регионах со стабильно высоким спросом на труд новая ситуация воспринимается весьма остро.

¹² Иррациональность этих страхов наглядно иллюстрируют данные последнего опроса портала SuperJob в 2021 г., согласно которым опасение потерять работу высказали 33% респондентов, что вдвое выше доли тревожащихся о здоровье (17%).

Важно также, что ухудшение конъюнктуры рынка труда в столичных регионах негативно отразилось не только на их постоянном населении, но и на обширном контингенте трудовых мигрантов из других субъектов России, заработки которых обеспечивали благосостояние домохозяйств в весьма широкой географической привязке. Кроме того, в силу географического положения и инфраструктурных возможностей населению столиц легче транслировать свои проблемы в сфере занятости, интересы и опасения в центральные СМИ и властные структуры.

Во-вторых, кризис вызвал смещение зон уязвимости в разрезе категорий работников и видов экономической деятельности. Как видно из *таблицы 2*, наряду с гостинично-ресторанным бизнесом в число лидеров по росту безработицы попали виды деятельности, где сконцентрированы работники с весьма развитым человеческим потенциалом. Наиболее рез-

кий всплеск безработицы зафиксирован в сфере культуры, обладающей не просто высоким, но часто элитным человеческим потенциалом. Таким образом, в число пострадавших от безработицы попали представители традиционно благополучных слоев населения, обладающие высоким уровнем образования, хорошими навыками выживания в рыночной экономике, которые до пандемии были вполне уверены в стабильности своего социально-экономического положения¹³.

Особую тревогу вызывает также ситуация в здравоохранении, где, несмотря на возросшую потребность со стороны населения, рост безработицы выше среднего по экономике. Следует отметить, что по данным ОРС по укрупненной позиции «деятельность в области здравоохранения и социальных услуг» абсолютного прироста занятости по сравнению с соответствующим периодом прошлого года не зафиксировано ни в одном из кварталов. Таким образом, анализ

Таблица 2. Изменение уровня безработицы по видам экономической деятельности, %

Вид экономической деятельности	Уровень безработицы		
	2019	2020	2020/2019
Культура, спорт, организация досуга	2,7	4,6	170,4
Гостиницы и общепит	5,6	9,4	167,9
Финансы и страхование	2,7	4,1	151,9
Государственное управление	2,7	4,1	151,9
Информация и связь	2,2	3,2	145,5
Образование	2,2	3	136,4
Строительство	4,7	6,3	134,0
Торговля, ремонт автотранспорта	4,8	6,4	133,3
Здравоохранение и социальные услуги	1,8	2,4	133,3
Деятельность профессиональная, научная и техническая	1,9	2,5	131,6
Операции с недвижимостью	4,2	5,2	123,8
Транспортировка и хранение	3,1	3,7	119,4
Обеспечение электроэнергией	2,6	3,1	119,2
Обрабатывающие производства	3,8	4,5	118,4
Добыча полезных ископаемых	2,8	3,2	114,3
Сельское, лесное хозяйство	5,5	5,9	107,3
Водоснабжение	4,2	3,7	88,1
В среднем по экономике	4,6	5,8	126,1

Рассчитано по: данные обследования рабочей силы Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/111110/document/13265>

¹³ Этот вывод созвучен результатам проведенного российскими экономистами исследования изменения неравенства под влиянием пандемии [17], но расходится с выводами ряда западных исследований, согласно которым первыми потеряли работу и испытали наиболее заметное падение доходов представители традиционных уязвимых категорий населения: низкооплачиваемые работники [18; 19], лица с невысоким уровнем образования [20; 21], представители национальных меньшинств [18; 22].

статистики говорит об опасном свертывании регулярной медицинской помощи не только вследствие перераспределения ресурсов в зону борьбы с коронавирусом, но и из-за вынужденных перерывов в профессиональной деятельности у части медицинского персонала «нековидных» профилей.

В-третьих, несостыковка объективных индикаторов динамики безработицы и восприятия ситуации населением может быть связана с особенностями принятой в мировом сообществе методологии подсчета безработных, разработанной Международной организацией труда (МОТ), которой придерживается Росстат при проведении обследований рабочей силы. В соответствии с этой методологией лица, проработавшие хотя бы один час на протяжении контрольной недели за какое-либо вознаграждение, а также временно отсутствовавшие на работе по различным причинам, считаются занятыми. Таким образом, в категорию безработных не попадают те, кто, лишившись постоянного рабочего места, имел, тем не менее, ту или иную подработку и те, кто фактически не работал, находясь в вынужденном отпуске или в простое, но формально рабочее место сохранил¹⁴.

Можно также предположить, что возможности для подработки в столичных регионах и больших городах шире, чем в среднем по стране. В этом случае стандартный показатель уровня безработицы дополнительно смещает распределение всплеска неудовлетворенного предложения труда в направлении регионов, преуменьшая реальную остроту проблемы в столицах, поскольку не учитывает лиц, потерявших основную работу, но сохранивших вторичную занятость. Таким образом, динамика уровня открытой безработицы может не отражать реальных изменений спроса на труд. В то же время агенты рынка труда (и работники, и работодатели) эти изменения ощущают и транслируют свои опасения через СМИ и другие механизмы обратной связи властным структурам.

¹⁴ Этим, в частности, объясняется превышение показателей доли лишившихся работы по данным независимых обследований (10–13% респондентов) над официальным уровнем безработицы по МОТ, который рассчитывается Росстатом (СоциоДиггер. 2020. Август. Т. 1. Вып. 1: Труд и занятость. С. 56).

Рабочее время и латентная безработица. Принимая во внимание приверженность российского рынка труда механизмам функциональной, а не численной адаптации, можно предположить, что в кризисные периоды проблемы сферы труда могут носить в значительной степени латентный характер. Поэтому наряду с широко используемыми индикаторами занятости и открытой безработицы более развернутое представление об изменении совокупного спроса на труд позволяют получить данные о продолжительности рабочего времени, доступные из ОРС по полному кругу занятого населения.

Как видно из *таблицы 3*, по сравнению с весьма скромным сокращением численности занятых падение фактически отработанного времени в низшей точке кризиса было значительно более масштабным. Это полностью подтверждает предположение о том, что российские работодатели предпочитают гибкие механизмы подстройки к изменяющемуся спросу на труд. В апреле 2020 года по сравнению с соответствующим периодом прошлого года фактически отработанное время составило лишь 73,3%, сократившись более чем на четверть. После этого началось постепенное восстановление экономической жизни, сопровождавшееся увеличением спроса на труд. В мае отставание показателя продолжительности рабочих часов сократилось до 80,8% от уровня прошлого года, а в июне соответствующий показатель был уже более 90%, в третьем квартале показатели почти вплотную приблизились к докризисным значениям. Соответственно изменялись и удельные показатели: средняя продолжительность рабочей недели в апреле достигла минимального значения 28,5 часа по сравнению с 38,2 часа в апреле 2019 года, т. е. разрыв составил почти 10 часов.

В то же время, если посчитать среднюю трудовую нагрузку фактически работавшего населения (без учета временно отсутствовавших на работе по различным причинам), разрыв в средней продолжительности рабочей недели по сравнению с соответствующим периодом прошлого года сокращается до минимальных значений. В апреле, когда падение экономической активности было самым глубоким, средняя продолжительность рабочей

Таблица 3. Динамика рабочего времени

Месяц	Отработанные часы в неделю							
	Всего часов (тыс.)		Изменение		На занятого		На работавшего	
	2019	2020	Разница (тыс.)	2019/2020 (%)	2019	2020	2019	2020
Январь	2698500	2699568	1068	100,0	37,9	37,8	39,0	38,9
Февраль	2727378	2718607	8771	99,7	38,2	38,2	39,2	39,2
Март	2729663	2723571	6092	99,8	38,2	38,2	39,1	39,2
Апрель	2726586	1999305	727281	73,3	38,2	28,5	39,2	37,9
Май	2696628	2177803	518825	80,8	37,7	31,1	38,8	38,3
Июнь	2710890	2474445	236445	91,3	37,7	35,3	39,3	38,9
Июль	2650233	2541945	108288	95,9	36,7	36,2	39,2	39,3
Август	2660738	2552138	108600	95,9	36,7	36,2	39,1	39,0
Сентябрь	2742603	2654626	87977	96,8	38,0	37,7	39,3	39,0
Октябрь	2743192	2657671	85521	96,9	38,1	37,8	39,2	39,1
Ноябрь	2770854	2655689	115165	95,8	38,1	37,6	39,2	39,0
Декабрь	2764886	2676093	88793	96,8	38,2	37,8	39,2	39,2

Рассчитано по: данные обследования рабочей силы Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13265>

недели фактически работавшего населения составила 37,9 часа, что лишь на 1,1 часа меньше соответствующего показателя 2019 года. Отсюда следует, что перевод на сокращенный график работы использовался намного менее активно по сравнению с различными вариациями вынужденных отпусков. Это отражает ситуацию, когда триггером ограничения экономической активности выступают не недостаточность спроса, как в условиях стандарт-

ного кризиса, а административные запреты, вызванные пандемией.

Доступная из ОРС информация о фактической продолжительности рабочего времени позволяет дать более точные оценки реальным масштабам безработицы, соотношению ее открытых и скрытых форм. Если скорректировать численность занятых с учетом лиц, временно отсутствовавших на работе¹⁵, полученная в результате динамика численности фактически

Таблица 4. Динамика численности занятых и фактически работавших в 2019–2020 гг., тыс. чел.

Месяц	Занятые		Временно отсутствовавшие		Фактически работавшие			
	2019	2020	2019	2020	2019	2020	Δ 2019–2020	2019/2020 (%)
Январь	71229	71361	2042	1932	69187	69429	242	100,3
Февраль	71488	71124	1871	1835	69617	69289	-328	99,5
Март	71488	71382	1693	1850	69795	69532	-263	99,6
Апрель	71387	70233	1781	17414	69606	52819	-16787	75,9
Май	71555	70035	2124	13145	69431	56890	-12541	81,9
Июнь	71968	70067	2927	6469	69041	63598	-5443	92,1
Июль	72222	70229	4694	5508	67528	64721	-2807	95,8
Август	72476	70495	4493	5054	67983	65441	-2542	96,3
Сентябрь	72207	70482	2503	2490	69704	67992	-1712	97,5
Октябрь	72083	70314	2142	2382	69941	67932	-2009	97,1
Ноябрь	72669	70723	1927	2642	70742	68081	-2661	96,2
Декабрь	72425	70772	1946	2523	70479	68249	-2230	96,8

Рассчитано по: данные обследования рабочей силы Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13265>

¹⁵ В данном случае речь идет не о переводе на дистанционную занятость, а о перерывах в осуществлении трудовой деятельности по тем или иным причинам.

работавшего населения примерно соответствует траектории изменения отработанных часов, фиксируя резкое сокращение в последние месяцы второго квартала и постепенное восстановление в последующий период с небольшим откатом в четвертом квартале с началом второй волны пандемии (табл. 4).

Наличие некоторого числа лиц, имеющих работу, но временно отсутствующих на рабочем месте, имеет место всегда и обусловлено различными причинами, наиболее распространенными из которых являются очередной отпуск и больничный лист. В то же время существенное увеличение этой категории работников по сравнению с обычными значениями, скорее всего, свидетельствует о расширении латентной безработицы, примерная оценка масштабов которой отражена в таблице 5.

По нашей оценке, в самой острой точке кризиса латентная безработица превышала открытую более чем в три раза. Таким образом, безработицей (либо в открытой, либо в латентной форме) оказался охвачен каждый четвертый работник. В то же время все индикаторы рабочего времени свидетельствуют о том, что провал занятости был резким и глубоким, но относительно кратковременным, и большинство затронутых латентными процессами работников, скорее всего, вернулись на свои прежние рабочие места. Пришедшаяся на осенне-зимний период вторая волна пандемии, отнюдь

не менее тяжелая по сравнению с первой в том, что касается здоровья населения страны, принесла существенно меньший экономический ущерб в связи с изменением политики регулирования экономической активности.

Обсуждение результатов: выводы для экономической политики

И с точки зрения экономических последствий, и с точки зрения индивидуальной жизненной ситуации открытая и латентная безработица имеют существенные отличия. Главным из них является сохранение латентными безработными связи с предприятием или организацией, поэтому, если учитывать социальные последствия для работника, латентная безработица значительно менее опасна по сравнению с открытой, в особенности если период безработицы не затягивается надолго. В то же время поддержание избыточной занятости – один из ключевых маркеров неэффективной экономики.

Под этим углом зрения следует оценивать антикризисную программу государства. В ее эпицентре – меры централизованной поддержки занятости в тех сферах деятельности, где ощутимо снизилась потребность в рабочих. Непосредственный социальный эффект таких мер связан с ситуационной поддержкой той части экономически активного населения, которая столкнулась с риском потери работы и, соответственно, доходов от занятости.

Таблица 5. Динамика открытой и латентной безработицы в 2020 году

Месяц	Безработные		Избыточные временно отсутствующие*		Открытая и латентная безработица	
	Тыс. чел.	Уровень	Тыс. чел.	Уровень	Тыс. чел.	Уровень
Январь	3482	4,7	-110	-	3482	4,7
Февраль	3425	4,6	-36	-	3425	4,6
Март	3485	4,7	157	0,2	3642	4,9
Апрель	4286	5,8	15633	21,0	19919	26,7
Май	4513	6,1	11021	14,8	15534	20,8
Июнь	4606	6,2	3542	4,7	8148	10,9
Июль	4731	6,3	814	1,1	5545	7,4
Август	4808	6,4	561	0,7	5369	7,1
Сентябрь	4777	6,3	-13	-	4777	6,3
Октябрь	4694	6,3	240	0,3	4934	6,6
Ноябрь	4616	6,1	715	0,9	5331	7,1
Декабрь	4433	5,9	577	0,8	5010	6,7

* Превышение показателя временного отсутствия на работе по сравнению с соответствующим периодом прошлого года.

Рассчитано по: данные обследования рабочей силы Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13265>

Выделение государственных субсидий предприятиям на выплату заработной платы при условии сохранения трудовых коллективов можно рассматривать как один из косвенных механизмов для обеспечения так называемого безусловного базового дохода. Сегодня все более прочные позиции завоевывает убеждение, что в экономиках, претендующих на звание социально ориентированных, на такой доход должен иметь право каждый член общества [23; 24; 25].

В стратегической перспективе эффект программ может быть связан с сохранением национального человеческого потенциала, качество которого в современных условиях является ведущим фактором экономического успеха и национальной конкурентоспособности. Механизмы развития человеческого потенциала посредством приобретения полезных знаний и навыков в процессе трудовой деятельности сегодня важны не менее, а возможно даже более, чем базовый набор компетенций, получаемый в системе формального профессионального образования. Динамичное развитие новых технологий и, соответственно, изменение требований работодателей к работникам обуславливают постоянное обновление человеческого капитала последних. Не случайно наличие опыта работы в той или иной сфере деятельности для работодателей, как правило, важнее оценок вузовского диплома, а часто и рейтинга вуза, где этот диплом получен [26]. Не используя в процессе трудовой деятельности, знания и навыки постепенно утрачиваются, накопленный человеческий капитал деградирует и обесценивается [27], поэтому установка на поддержание занятости в общем случае работает на сохранение не только конкретных трудовых коллективов, но и национального человеческого потенциала в целом.

В то же время государственные субсидии, направленные на сохранение занятости, могут поддерживать «на плаву» неэффективные бизнес-структуры, тормозить процессы реструктуризации экономики. Следовательно, решения о предоставлении такой помощи должны приниматься на основе не только текущей социальной значимости, но и оценки возможных масштабов потерь человеческого капитала в той или иной сфере деятельности. Сегодня на многих предприятиях отечественного мало-

го бизнеса не достигнуты стандарты достойного труда, широко распространены неформальные трудовые отношения, выживание бизнеса достигается за счет экономии на обеспечении социальной защищенности персонала [28]. В такой ситуации открытая безработица, способствующая обновлению этого сектора, предпочтительнее скрытой.

В ходе кризисов всегда происходит «санация» бизнес-среды, отмирание тех структур, руководители которых обладают недостаточными менеджерскими компетенциями: не способны прогнозировать рыночную конъюнктуру, просчитывать риски, проводить грамотную кадровую политику. Процесс этот нужно не тормозить, а направлять, с одной стороны, создавая стимулы для перехода предпринимателей в более перспективные экономические ниши, с другой – развивая систему социальных амортизаторов, позволяющих работникам более уверенно чувствовать себя на внешнем рынке труда. По такому пути уже довольно давно идут скандинавские страны, разработавшие особую модель социально защищенной гибкости на рынке труда (*flexicurity*)¹⁶. Модель основана на сочетании относительно низких гарантий сохранения конкретного рабочего места с развитием комплексной системы поддержки трудящегося населения, включающей страхование рисков потери работы и многоплановые механизмы содействия занятости и укрепления конкурентоспособности соискателей рабочих мест [29; 30]. В настоящее время эта модель распространилась далеко за пределы Скандинавии и активно апробируется в странах Восточной Европы [31; 32]. В ситуации, когда под влиянием радикальных технологических сдвигов и изменений общего контекста социально-экономической жизни, вызванных пандемией, идет динамичная перестройка всей системы трудовых отношений, концепция социально защищенной гибкости становится еще более актуальной. Представляется, что заимствование такого подхода к выстраиванию политики на рынке труда было бы весьма полезно и для России.

¹⁶ Термин возник на основе слияния двух изначально считавшихся противоречащими друг другу концепций: «гибкости» (*flexibility*) как условия предпринимательской свободы и эффективного экономического развития и «защищенности» (*security*) как ключевого принципа социального государства.

Важные ориентиры в целях формирования политики занятости, учитывающие реалии современной ситуации, требующей гибких механизмов регулирования, разработаны Международной организацией труда. Ключевые позиции зафиксированы в оперативно принятой в июне 2021 года на 109 Сессии Международной конференции труда Резолюции, касающейся глобального призыва к действиям в целях ориентированного на человека восстановления после кризиса COVID-19. В числе основных приоритетов – обеспечение благоприятной среды для развития жизнеспособных предприятий, включая микро-, малые и средние предприятия, как источника занятости; укрепление национальных служб занятости и национальной политики в области трудоустройства; активизация государственных и частных инвестиций в профессиональную подготовку и обучение на протяжении всей жизни, обеспечение эффективного доступа к профессиональной подготовке, включая программы ученичества, профессиональной ориентации, повышения квалификации и переподготовки, а также другие меры активной политики на рынке труда и партнерства, позволяющие сокращать дисбалансы, пробелы и дефицит профессиональных навыков; применение возможностей справедливого цифрового и экологического перехода для содействия достойному труду. Особую обеспокоенность МОТ вызывает проблема обеспечения достойной работы для молодежи в целях максимального использования ее потенциала как источника динамики, таланта, творчества и инноваций и как движущей силы в формировании лучшего будущего сферы труда¹⁷.

В условиях сокращения спроса на труд российской трудовая модель, ориентированная на сохранение трудовых коллективов, снижает шансы молодых работников, только начинающих выстраивать карьеру. Прилагая усилия, для того чтобы свести к минимуму увольнения,

¹⁷ Резолюция, касающаяся глобального призыва к действиям в целях ориентированного на человека восстановления после кризиса COVID-19, которое носит инклюзивный, стабильный и устойчивый характер (17 июня 2021 г.). ILC.109/Резолюция I. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---relconf/documents/meetingdocument/wcms_808850.pdf (дата обращения 20.08.2021).

предприятия резко сокращают наем новых работников. В результате под удар пандемического кризиса попадают выпускники профессиональных учебных заведений, перед которыми стоит проблема перехода от учебы к работе.

В свете этого обстоятельства ориентиры формирования политики занятости, провозглашенные в Резолюции, как нельзя более актуальны. Особую приоритетность должны получить активные программы содействия занятости, связанные с укреплением конкурентоспособности на рынке труда, лежащие в русле концепции непрерывного образования в течение всей жизни. Для их реализации целесообразно опираться на инфраструктуру служб занятости. Первые шаги в этом направлении уже сделаны. Для лиц, потерявших работу в ходе пандемии, Рострудом России совместно с организацией «Ворлдскиллс Россия» была разработана специальная программа профессионального обучения и переподготовки по широкому набору специальностей. Доступ в программу был открыт на портале «Работа в России». В течение 2020 года программой воспользовались 110 тыс. человек из 85 регионов¹⁸. Еще в 2019 году при поддержке МОТ начала работать программа модернизации службы занятости с целью перевести в электронный вид услуги и сервисы, предоставить услуги в зависимости от потребности гражданина за счет межведомственного взаимодействия с другими органами. В 2020 году флагманские центры занятости нового типа, обеспечивающие удаленный доступ к услугам, были созданы в 41 регионе, в текущем году их число должно увеличиться до 61, а к 2024 году программа охватит все регионы страны¹⁹.

Тем не менее повышение привлекательности служб занятости для населения в период пандемии пока что было обусловлено в основном увеличением масштабов материальной поддержки безработных. Представляется, что усилению их роли в процессе подстройки социально-трудовой сферы к изменяющимся

¹⁸ <https://worldskills.ru/nashi-proektyi/akademiya-worldskills/programmyi-massovoj-podgotovki-postandartam-vorlidskills/express-maket.html> (дата обращения 20.08.2021).

¹⁹ <https://mintrud.gov.ru/employment/employment/784> (дата обращения 20.08.2021).

экономическим реалиям могли бы способствовать переход от автономных региональных служб занятости к единой федеральной структуре, способной на уровне национальной экономики эффективно координировать мероприятия по содействию занятости и обновлению профессиональных знаний и навыков работников, а также возвращение сотрудникам центров занятости статуса государственных служащих, обеспечение достойной оплаты их труда и адекватных динамическим изменениям стоящих перед ними задач, связанных с возможностями непрерывного обучения. Дальнейшее реформирование этой структуры, конечно, потребует организационных и финансовых усилий, которые, однако, способны принести ощутимый экономический и социальный эффект уже в недалеком будущем.

Заключение

Исследование позволило подтвердить актуальность российской трудовой модели, сформировавшейся в последнее десятилетие прошлого века, в современных реалиях. Именно особенностями этой модели во многом обусловлено то обстоятельство, что с точки зрения динамики макроэкономических пропорций сфера труда в целом успешно справилась с вызовами пандемического кризиса: открытая безработица и уровень занятости удержались во вполне приемлемых границах, сектору крупных и средних предприятий удалось сохранить практически докризисные масштабы занятости. Ключевым механизмом адаптации предприятий к сокращению спроса на труд стало сокращение рабочего времени, что привело к резкому росту уровня латентной безработицы.

Проведенная на основе данных ОРС оценка траектории всплеска латентной безработицы показала, что на пике кризиса уровень латентной безработицы превышал уровень открытой более чем в три раза. Безработицей либо в открытой, либо в латентной форме был охвачен каждый четвертый работник. В то же время, несмотря на то, что вторая волна пандемии оказалась жестче с эпидемиологической точки зрения, ее негативное влияние на сферу труда стало не столь суровым. Накопленная в ходе первой волны латентная безработица уже к сентябрю практически полностью рассосалась.

В то же время в привычной структуре кризисного снижения спроса на труд и высвобождения работников произошли серьезные сдвиги. Ключевыми факторами риска потери рабочего места стали необходимость непосредственного контакта с потребителем при осуществлении того или иного вида деятельности и наличие препятствий для перехода на удаленный режим работы. В территориальном разрезе кризис сильнее всего затронул крупные города с большой прослойкой среднего класса. В результате наряду с традиционными группами риска существенно пострадали высококвалифицированные и образованные слои рабочей силы, занятые в ключевых отраслях нематериального производства, которые, по крайней мере на протяжении двух последних десятилетий, вполне уверенно чувствовали себя на рынке труда и привыкли к довольно высокой стабильности своего социально-экономического положения. Такое развитие событий усугубило болезненность восприятия кризиса, создало «новый пакет препятствий» на пути формирования ответственного среднего класса и поставило под угрозу сохранение и воспроизводство элитных сегментов национального человеческого потенциала.

Особенности реагирования сферы труда на пандемический кризис позволяют сделать вывод о том, что в российских условиях велик риск консервации устаревшей структуры экономики, который может получить дополнительный импульс при дальнейшей ориентации мер государственной поддержки на сохранение рабочих мест. Более перспективной стратегией представляется расширение и укрепление системы социальных амортизаторов, позволяющих работникам более уверенно чувствовать себя на внешнем рынке труда. Ее следует разрабатывать в русле концепции социально защищенной гибкости, сочетающей страхование риска потери работы с активной политикой содействия занятости и укрепления конкурентоспособности соискателей рабочих мест. Ее ядром должен стать широкий набор доступных программ профессионального образования и обновления компетенций.

Литература

1. Cevik E.I., Dibooglu S., Barisik S. Asymmetry in the unemployment–output relationship over the business cycle: Evidence from transition economies. *Comparative Economic Studies*, 2013, vol. 55, pp. 557–581. DOI:10.1057/ces.2013.7
2. Блинова Т.В., Русановский В.А., Марков В.А. Оценка реакции циклической безработицы на экономический спад и восстановительный рост в России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 6. С. 184–198. DOI: 10.15838/esc.2020.6.72.11
3. Dreger Ch., Gros D. Lockdowns and the US unemployment crisis. *IZA Policy Paper. Institute of Labor Economics (IZA)*, 2021, no. 170.
4. Dunn A., Grasso T., Saunders C. Unemployment and attitudes to work: Asking the “right” question. *Work, Employment and Society*, 2014, vol. 28(6), pp. 904–925. DOI: 10.1177/0950017014529008
5. Mavromaras K., Sloane P., Wei Z. The scarring effects of unemployment, low pay and skills under-utilization in Australia compared. *Applied Economics*, 2015, vol. 47(23), pp. 2413–2429. DOI: 10.1080/00036846.2015.1008762
6. Egdell V., Beck V. A capability approach to understand the scarring effects of unemployment and job insecurity: Developing the research. *Work, Employment and Society*, 2020, vol. 34 (5), pp. 937–948. DOI: 10.1177/0950017020909042
7. Brandt M., Hank K. Scars that will not disappear: Long-term associations between early and later life unemployment under different welfare regimes. *Journal of Social Policy*, 2014, vol. 43(4), pp. 727–743. DOI: 10.1017/S0047279414000397
8. Grzegorzczak M., Wolff G. The scarring effect of COVID-19: Youth unemployment in Europe. *Bruegel Blog*, 2020, November 28. Available at: <https://www.bruegel.org/2020/11/the-scarring-effect-of-covid-19-youth-unemployment-in-europe/> (accessed: August 20, 2021)
9. Achdut N., Refaeli T. Unemployment and psychological distress among young people during the COVID-19 pandemic: Psychological resources and risk factors. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2020, vol. 17(19), no. 7163. Available at: <https://doi.org/10.3390/ijerph17197163>
10. Lambovska M., Sardinha B., Belas J. Impact of the Covid-19 pandemic on youth unemployment in the European Union. *Ekonomicko-manazerske spektrum*, 2021, vol. 15(1), pp. 55–63. DOI: 10.26552/ems.2021.1.55-63
11. Truc T.M., Button P., Picciotti E.G. Early evidence on the impact of COVID-19 and the recession on older workers. *NBER Working paper*, 2020, June, no. 27448. DOI: 10.3386/w27448.
12. Crawford R., Karjalainen H. *The Coronavirus Pandemic and Older Workers*. The Institute for Fiscal Studies, 2020, September. Available at: <https://ifs.org.uk/uploads/BN305-The-coronavirus-pandemic-and-older-workers.pdf> (accessed: August 20, 2021).
13. Капелюшников Р.И. Российский рынок труда: адаптация без реструктуризации. М.: ГУ ВШЭ, 2001. 309 с.
14. Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И. Российская модель рынка труда: испытание кризисом // Журнал Новой экономической ассоциации. 2015. № 2. С. 249–254.
15. Соболев Э.Н. Оплата труда в российской экономике: тенденции и проблемы // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2018. № 5. С. 79–96.
16. Adams-Prassl A., Boneva T. et al. Inequality in the impact of the coronavirus shock: Evidence from real time surveys. *Journal of Public Economics*, 2020, vol. 189, no. 13183. DOI: 10.1016/j.jpubeco.2020.104245
17. Попова Д.О. Предварительные оценки изменения неравенства под влиянием пандемии и мер налогово-бюджетной политики // Аналитический бюллетень НИУ ВШЭ об экономических и социальных последствиях коронавируса в России и в мире. 2020. № 10. С. 53–61.
18. Hershbein B.J., Holzer H.J. The COVID-19 pandemic’s evolving impacts on the labor market: Who’s been hurt and what we should do. *Upjohn Institute Working Paper*, 2021, vol. 21, no. 341. Available at: <https://doi.org/10.17848/wp21-341>

19. Dalton M., Groen J.A., Loewenstein M.A. et al. The k-shaped recovery: examining the diverging fortunes of workers in the recovery from the COVID-19 pandemic using business and household survey microdata. *Covid Economics*, 2021, no. 71, pp. 19–58.
20. Galasso V. Covid: Not a great equalizer. *Covid Economics*, 2020, no. 19, pp. 241–255.
21. Guven C., Sotirakopoulos P., Aydogan U. Shortterm labour market effects of COVID-19 and the associated national lockdown in Australia: Evidence from longitudinal labour force survey. *GLO Discussion Paper*, 2020, no. 635.
22. Campa P., Roine J., Strömberg S. Unemployment inequality in the pandemic: Evidence from Sweden. CEPR Discussion Paper, 2021, July, no. DP16330. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3886816>
23. Simpson W. *Is Basic Income within Reach? Building the Case Amidst Progress and Poverty*. Palgrave Macmillan, 2021. DOI: 10.1007/978-3-030-66085-7
24. Gentilin U., Grosh M. et al. *Exploring Universal Basic Income: A Guide to Navigating Concepts, Evidence, and Practices*. Washington, DC: World Bank, 2020. Available at: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/32677>
25. Бобков В.Н., Одинцова Е.В., Черных Е.А. Безусловный базовый доход как регулятор повышения уровня и качества жизни: постановка проблемы и введение в анализ // Народонаселение. 2020. Т. 23. № 1. С. 13–27. DOI: <https://doi.org/10.19181/population.2020.23.1.2>
26. Лищук Е.Н., Капелюк С.Д. Трудоустройство молодых специалистов на российском рынке труда // Экономика труда. 2019. Т. 6. № 3. С. 1079–1092. DOI: 10.18334/et.6.3.40871
27. Mooi-Reci I., Ganzeboom H.B. Unemployment scarring by gender: Human capital depreciation or stigmatization? Longitudinal evidence from the Netherlands, 1980–2000. *Social Science Research*, 2015, vol. 52, pp. 642–658. DOI: 10.1016/j.ssresearch.2014.10.005
28. Баскакова М.Е., Соболева И.В. Малый бизнес: качество занятости и соблюдение трудовых прав // Россия и современный мир. 2017. № 2 (95). С. 57–74.
29. Madsen P.K. How can it possibly fly? The paradox of a dynamic labour market in a Scandinavian state. In: *National identity and the varieties of capitalism: The Danish experience*. Campbell I.P., Hall J.A., Pedersen O.K. (Eds.). Montreal: McGill-Queen's University Press, 2006. Pp. 321–355.
30. Bekker S., Mailand M. The European flexicurity concept and the Dutch and Danish flexicurity models: How have they managed the Great Recession? *Social Policy & Administration*, 2019, vol. 53 (1), pp. 142–155. DOI: 10.1111/spol.12441
31. Mailand M. The common European flexicurity principles: How a fragile consensus was reached. *European Journal of Industrial Relations*, 2010, vol. 16 (3), pp. 241–257. DOI: 10.1177/0959680110375134
32. Noja G.G. Flexicurity models and productivity interference in C.E.E. countries: A new approach based on cluster and spatial analysis. *Economic Research—Ekonomiska Istraživanja*, 2018, vol. 31(1), pp. 1111–1136. DOI: 10.1080/1331677X.2018.1456356

Сведения об авторах

Ирина Викторовна Соболева – доктор экономических наук, доцент, заведующий, Центр политики занятости и социально-трудовых отношений, главный научный сотрудник, Институт экономики Российской академии наук (117218, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 32; e-mail: irasobol@gmail.com)

Эдуард Неньевич Соболев – доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, Центр политики занятости и социально-трудовых отношений, Институт экономики Российской академии наук (117218, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 32; e-mail: edsobol@rambler.ru)

Soboleva I.V., Sobolev E.N.

Open and Latent Unemployment in the Context of the Pandemic

Abstract. The specifics of the pandemic crisis and the features of the Russian labor model suggest that the impact of this crisis on the labor sphere may differ from the usual implications of crisis-driven recessions in economic activity, and create new points of vulnerability. The aim of this article is to trace changes taking place in the sphere of employment during the pandemic, to reveal how unemployment, including its latent forms, is spreading, and to identify risk areas that should become the focus of public policy. On the basis of available statistics data from Rosstat and independent sociological surveys, we explain significant discrepancies between the dynamics of objective indicators of unemployment and the extent of people's concerns related to their perception of this problem; we assess the structure of unemployment and the scale and dynamics of its latent component. The study has shown that at the peak of the crisis, latent unemployment exceeded open unemployment by more than three times. Unemployment, either in an open or latent form, has affected every fourth worker. Nevertheless, in general, in terms of the dynamics of macroeconomic proportions, the labor sphere is coping with the challenges of the crisis: the sector of large and medium-sized enterprises managed to maintain almost pre-crisis levels of employment, open unemployment remained within socially acceptable limits, a dangerous surge in latent unemployment was overcome by the beginning of the third quarter of 2020. At the same time, serious shifts have taken place in the usual structure of redundancies: highly qualified and educated workers employed in key sectors of intangible production, who felt confident in the labor market and got used to the stability of their socio-economic situation, have been considerably affected. Geographically, the crisis has had the most serious impact on large cities with a significant amount of middle class population. This aggravated the acuteness of people's perceptions of the crisis and jeopardized the preservation and reproduction of elite segments of national human potential.

Key words: pandemic crisis, labor model, employment, open unemployment, latent unemployment, working hours, risk zones.

Information about the Authors

Irina V. Soboleva – Doctor of Sciences (Economics), Head of the Center for Employment Policy and Social and Labor Relations, Chief Researcher, Institute of Economics RAS (32, Nakhimovskiy Prospekt, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: irasobol@gmail.com)

Eduard N. Sobolev – Doctor of Sciences (Economics), Leading Researcher, Institute of Economics RAS (32, Nakhimovskiy Prospekt, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: edsobol@rambler.ru)

Статья поступила 29.06.2021.

DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.12

УДК 37.01:004, ББК 74.4:32.81

© Климова Ю.О., Устинова К.А.

Несоответствие уровня подготовки ИТ-кадров требованиям работодателей: проблемы и пути их преодоления

**Юлия Олеговна
КЛИМОВА**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

e-mail: j.uschakowa2017@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-3295-9510; ResearcherID: Q-6340-2017

**Ксения Александровна
УСТИНОВА**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

e-mail: ustinova-kseniya@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-6198-6462; ResearcherID: I-8164-2016

Аннотация. Наличие квалифицированных ИТ-специалистов является важным фактором, который обеспечивает эффективное развитие цифровой экономики. О необходимости подготовки кадров для ИТ-отрасли заявлено в национальном проекте «Цифровая экономика Российской Федерации до 2024 года». Важным источником воспроизводства ИТ-специалистов выступают образовательные организации. Однако на сегодняшний день остро стоит проблема рассогласованности между образовательной системой и рынком труда. Цель исследования заключается в выявлении проблем несоответствия уровня подготовки ИТ-кадров требованиям работодателей и определении направлений по их решению (на примере Вологодской области). С помощью данных Министерства науки и высшего образования РФ была проанализирована численность

Для цитирования: Климова Ю.О., Устинова К.А. Несоответствие уровня подготовки ИТ-кадров требованиям работодателей: проблемы и пути их преодоления // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 5. С. 202–219. DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.12

For citation: Klimova Yu.O., Ustinova K.A. Mismatch between the level of training of IT personnel and the requirements of employers: Problems and solutions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 5, pp. 202–219. DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.12

выпускников по направлениям, связанным с информационными технологиями, в Вологодской области. С использованием образовательных программ вузов региона выявлены проблемы формирования у обучающихся профессиональных компетенций. На основе результатов проведенного в 2020 году ВолНЦ РАН опроса получена информация о соответствии уровня компетенций выпускников вузов ИТ-специальностей требованиям работодателей ИТ-отрасли. В заключительной части статьи выделены проблемы подготовки кадров для ИТ-отрасли региона, а также обозначены основные направления по их решению. Научная новизна представленной работы заключается в применении системного подхода, характеризующегося изучением позиций, пространственных как в системе образования, так и среди работодателей, на предмет выявления проблем, связанных с подготовкой кадров, востребованных в ИТ-отрасли. Материалы исследования могут применяться научными сотрудниками, аспирантами и студентами, занимающимися проблемами развития цифровой экономики, вопросами, связанными с кадровым обеспечением этой отрасли. Его практическая значимость состоит в том, что разработанные предложения по решению обозначенных проблем могут быть использованы федеральными и региональными органами власти и управления при корректировке планов реализации национальных проектов «Цифровая экономика» и «Образование», а также должны быть положены в основу целеполагания и отражены в задачах других нормативно-правовых документов в сфере образования на федеральном и региональном уровнях.

Ключевые слова: цифровая экономика, регион, ИТ-отрасль, ИТ-кадры, подготовка ИТ-кадров.

Введение

В настоящее время переход к цифровой экономике является глобальной тенденцией, которая задает направления для развития различных секторов экономики всех стран. Ориентация на цифровизацию обусловлена необходимостью повышения конкурентоспособности экономики, а также улучшения уровня жизни населения [1; 2; 3]. В России цифровизация социально-экономических процессов определяется целями и задачами, обозначенными в паспорте национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», в которой на первое место поставлены вопросы создания и использования информационных технологий (далее – ИТ), таких как искусственный интеллект, интернет вещей, робототехника и т. д.¹ Необходимость развития отрасли информационных технологий (далее – ИТ-отрасль) как одного из доминирующих условий цифровизации отмечается в Стратегии развития информационного общества в России на 2017–2030 гг.² Данные обстоятельства свидетельствуют о том, что

развитие ИТ-отрасли выступает главным фактором перехода к цифровой экономике в стране и мире.

Следует подчеркнуть, что современный уровень информатизации в России значительно отличается от уровня других стран. Этот факт подтверждается сведениями различных международных рейтинговых агентств по функционированию ИТ-отрасли. Несмотря на незначительную разницу в данных, можно отметить, что лидерами на пути продвижения к информационному обществу являются Сингапур, Дания, Швеция, Нидерланды. Согласно сведениям международных рейтингов, Россия в 1,5–2 раза отстает от стран-лидеров, причем разрыв с каждым годом увеличивается³. Так, например, по данным рейтингов World Digital Competitiveness Ranking, в 2020 году Россия опустилась на три позиции по сравнению с 2019 годом⁴.

¹ Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/>

² О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.: Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71570570>

³ Networked Readiness Index 2019–2020. URL: https://networkreadinessindex.org/wp-content/uploads/2020/11/NRI-2020-V8_28-11-2020.pdf; World Digital Competitiveness Ranking 2020. URL: file:///C:/Users/user/Downloads/digital_2020.pdf; The Global Competitiveness Report 2020. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/imd-world-competitiveness-ranking>

⁴ World Digital Competitiveness Ranking 2020. URL: file:///C:/Users/user/Downloads/digital_2020.pdf

Можно предположить, что причиной отставания России от других стран стал недостаток ИТ-специалистов. В научной литературе называются различные факторы, оказывающие влияние на развитие ИТ-отрасли, среди которых финансирование, стоимость инфраструктуры, государственная политика, система налогообложения и т. д.⁵ [4; 5; 6]. При этом значительная часть исследователей отмечает, что в большей степени на развитие ИТ-отрасли воздействует такой параметр, как наличие квалифицированных ИТ-специалистов [7–10]. Однако, как показал анализ различных источников, выделяются два основных подхода, касающиеся характера влияния кадров на развитие ИТ-отрасли. Первый заключается в том, что эффективное развитие ИТ-отрасли зависит от обеспеченности ИТ-специалистами (А.А. Сафронова [4], И. Агапов [10], Г.В. Зиненко [9] и др.). Представители второго подхода, наоборот, отмечают, что дефицит квалифицированных кадров не мешает ее функционированию (С. Ахметов⁶, Ю. Красильникова⁷ и др.). Несмотря на то, что второй подход менее распространен среди исследователей, существование противоположных позиций свидетельствует о дискуссионности поднимаемого вопроса.

Глобализация рынков влияет на увеличение скорости распространения технологий, что, в свою очередь, активизирует процессы модернизации традиционных отраслей экономики, в том числе создавая новые. Все это приводит к появлению новых профессий, направлений деятельности и ведет к росту спроса на квалифицированных специалистов. В современных условиях кадровая обеспеченность становится одним из главных условий развития ИТ-отрасли и цифровой экономики в целом. Однако, согласно сведениям специалистов Ассоциации предприятий компьютерных и информационных технологий (далее – АПКИТ),

доля ИТ-специалистов среди занятого населения в России по состоянию на 2019 год составила 2,4%. По данному показателю страна в 1,5–3 раза уступает мировым лидерам⁸. По информации, представленной компанией интернет-рекрутмента, всего 1,7 человека претендует на одну вакансию, при оптимальной ситуации, когда на одну вакансию имеется 4–5 резюме и работодатель имеет возможность отобрать наилучшую кандидатуру⁹. Указанная ситуация свидетельствует о низком предложении рабочей силы и высоком спросе на ИТ-кадры со стороны бизнеса. В этих условиях, по имеющимся данным, за период с 2010 по 2017 год количество специалистов ИТ-отрасли осталось без изменений (рост составил всего 0,09%). Специалисты АПКИТ оценили, что к 2024 году потребность в ИТ-кадрах будет составлять 290–300 тыс. человек в год¹⁰.

Сложившаяся ситуация свидетельствует о низкой кадровой обеспеченности ИТ-отрасли, поэтому проблема подготовки ИТ-специалистов становится крайне актуальной в условиях перехода к цифровой экономике как на федеральном, так и на региональном уровне, что определяет практическую значимость нашего исследования.

Цель исследования состоит в выявлении проблем несоответствия уровня подготовки ИТ-кадров требованиям работодателей и определении направлений по их решению (на примере Вологодской области). Цель обусловила необходимость решения следующих задач: 1) изучить тенденции подготовки ИТ-кадров в вузах Вологодской области; 2) проанализировать образовательные программы вузов Вологодской области по направлениям подготовки, связанным с ИТ; 3) провести оценку удовлетворенности работодателей уровнем подготовки ИТ-специалистов, обучающихся в вузах Вологодской области (по данным опроса); 4) выделить проблемы и обозначить направления по стимулированию подготовки ИТ-кадров.

⁵ Динамика и перспективы развития ИТ-отрасли. URL: <https://issek.hse.ru/news/371816718.html>

⁶ Ахметов С. Кадровый ИТ-голод: почему в России не хватает айтишников и где их искать. URL: <https://yandex.ru/turbo/hightech.fm/s/2020/02/17/hr-it-russia>

⁷ Красильникова Ю. 84% российских компаний испытывают острый дефицит кадров. URL: <https://hightech.plus/2018/12/04/rossiiskie-kompanii-gotovi-platit-it-specialistam-do-1-mln-rublei-v-mesyac>

⁸ Ассоциация АПКИТ. URL: <https://zsrf.ru/directway/2020/01/27/trebujutsja-itshniki-mnogo>

⁹ Индекс HeadHunter. URL: <https://stats.hh.ru/>

¹⁰ Ассоциация АПКИТ. URL: <https://zsrf.ru/directway/2020/01/27/trebujutsja-itshniki-mnogo>

Научная новизна представленной работы заключается в применении системного подхода, характеризующегося изучением позиций, распространенных как в системе образования, так и среди работодателей на предмет выявления проблем, связанных с подготовкой кадров, востребованных в ИТ-отрасли. Его использование предполагало обращение к различным источникам информации, таким как данные Министерства науки и высшего образования РФ, образовательные программы вузов Вологодской области, а также результаты опроса среди работодателей ИТ-компаний.

Теоретические аспекты

Роль кадров в развитии ИТ-отрасли отмечается как среди экспертов, так и в научной литературе. Например, эксперты Фонда развития интернет-инициатив указывают, что в ближайшие 10 лет в результате масштабной цифровизации отраслей вырастет потребность в ИТ-специалистах¹¹. Сотрудники Агентства стратегических инициатив (далее – АСИ) подчеркивают, что наличие профессионалов, обладающих специальными компетенциями в области ИТ, является важным фактором, от которого зависит эффективное функционирование ИТ-отрасли¹². О роли кадровой обеспеченности процессов внедрения и использования ИТ также говорится в работах [8; 11]. Как подчеркивается в исследованиях [9; 10], влияние нацпроекта «Цифровая экономика» на потребность в ИТ-специалистах очевидно, поскольку развитие ИТ идет быстрыми темпами и они используются в разных сегментах. Распространенность этих процессов усиливает роль кадров, специализирующихся на разных направлениях ИТ.

Прежде чем перейти к рассмотрению проблемы кадровой обеспеченности, необходимо указать, как трактуется данное понятие в научных работах. Результаты нашего исследования [12] свидетельствуют о том, что среди экспертов сложилось два основных подхода к понятию «кадровая обеспеченность» – ресурсный и процессный (табл. 1).

В соответствии с целью и задачами работы мы учитываем положения обоих подходов. Следует отметить, что процесс представляет собой определенную последовательность шагов, направленных на достижение результата. В связи с этим от того, насколько эффективно будет организована деятельность по воспроизводству кадров, зависит профессионализм и компетентность подготовленного специалиста, что определяет необходимость использования положений процессного подхода. С другой стороны, ресурсное обеспечение, в частности кадрами, будет влиять на динамику развития ИТ-отрасли. В данном случае важно придерживаться и положений ресурсного подхода.

Как отмечено выше, переход к цифровой экономике требует наличия квалифицированных ИТ-специалистов. Проблема нехватки кадров обсуждается на государственном уровне, а также среди экспертов. В связи с этим представляется целесообразным рассмотреть, как оценивают кадровую обеспеченность сами представители российского бизнеса в сфере ИТ. Проведенный анализ позволил выделить три основных подхода. Первый подход учитывает предложение специалистов, обращает внимание на существующий кадровый дефицит в ИТ-отрасли. Второй исходит из спроса на ИТ-кадры, связанного не столько с дефицитом

Таблица 1. Подходы к определению понятия «кадровая обеспеченность»

Подход	Содержание подхода
Процессный	Длящийся во времени процесс, который осуществляется с использованием совокупности методов и средств по подготовке кадров и обеспечению ими организаций, в соответствии с потребностями экономики (С.А. Шпильберг, Н.М. Антошина, О.В. Башарина)
Ресурсный	Один из основных ресурсов, позволяющих производству функционировать и отвечающих по своим количественным и качественным характеристикам потребностям организаций (О.В. Бинерт, Н.Ю. Анисимова, Н.Н. Барчан, А.А. Котов, А.П. Чумаченко)
Составлено по: [13–17].	

¹² Кадры в эпоху цифровой экономики // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20191230/1562653998.html>

¹³ Атлас новых профессий. URL: https://www.skolkovo.ru/public/media/documents/research/седес/SKOLKOVO_SEDeC_Atlas.pdf

специалистов, сколько с недостатком рабочих мест для них. Представители третьего подхода говорят о том, что нельзя однозначно оценить кадровую обеспеченность [10].

Исследование подходов показало наибольшую распространенность первой позиции, которая связана с недостаточностью ИТ-специалистов для осуществления преобразований, их несоответствием требованиям работодателей. Следует отметить, что эта точка зрения подтверждается при использовании показателей. В ходе исследования было установлено, что основным показателем, позволяющим оценить кадровую обеспеченность, выступает отношение фактического количества специалистов к плановой потребности [12]. Данные компании интернет-рекрутмента свидетельствуют о превышении спроса над предложением вдвое, об увеличении потребности в кадрах. Если в 2019 году специалисты АПКИТ оценили потребность в кадрах к 2024 году в 290–300 тыс. человек в год, то в 2021 году замглавы Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций сообщил о том, что дефицит ИТ-кадров достиг уже от 500 тыс. до 1 млн человек в год¹³. Таким образом, в условиях динамичного развития ИТ-отрасли, при сохраняющихся тенденциях, проблема нехватки специалистов будет усугубляться.

Важным источником воспроизводства кадрового потенциала выступают образовательные организации. Однако на сегодняшний день они недостаточно эффективно справляются с задачей, о чем свидетельствуют мнения представителей ИТ-бизнеса, вузов и других экспертов. Как отмечает руководитель ИТ-компании, выпускников по специальностям, связанным с ИТ, на сегодняшний день не хватает. К тому же учебные заведения дают студентам только основы (нередко – устаревшие)¹⁴. Данная точка зрения высказана также специалистом другой ИТ-организации, который отметил, что в вузах приобретаются только базовые знания, недостаточные для решения текущих профес-

¹⁴ В России катастрофический дефицит ИТ-специалистов. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2021-02-17_v_rossii_katastroficheskiy

¹⁵ О ситуации с дефицитом ИТ-кадров. Цифры и факты. URL: <https://www.itweek.ru/business/article/detail.php?ID=209736>

сиональных задач¹⁵. Результаты исследования аудиторской компании¹⁶ свидетельствуют о том, что среди основных барьеров на пути у готовых к цифровизации компаний – отсутствие необходимых компетенций и недостаточный уровень ИТ-грамотности сотрудников¹⁷.

Несмотря на наличие большого количества научных исследований, посвященных теме рассогласования между образовательной системой и рынком труда, сохраняются дискуссионные аспекты [18–21]. Так, например, доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и связей с общественностью Саратовского государственного социально-экономического университета А.Н. Кочетов отмечает, что отсутствует полная ясность в отношении несбалансированности, существуют разные оценки ситуации. В отдельных случаях дефицит кадров связывают с сокращением рабочей силы. Кроме этого, преобладают аргументы о том, что специалисты с вузовским дипломом достаточно востребованы и их потребность определяется характером нынешней российской экономики¹⁸. Хотя разрыв между потребностями работодателей и навыками студентов и выпускников вузов существует, он не критичен¹⁹. Г.А. Ключарев, Ю.В. Латов подчеркивают: нельзя говорить о том, что ситуация по соответствию полученных знаний требованиям работодателей очень плоха, лишь каждый четвертый выпускник вуза работает не по специальности [22]. Наличие разных точек зрения определяет научную значимость проводимого исследования.

¹⁵ ИТ-специалистов действительно не хватает. URL: <https://vc.ru/hr/107883-it-specialistov-deystvitelno-negivataet-eksperty-rasskazali-o-sprose-na-it-specialistov>

¹⁶ KPMG – аудиторская компания, входящая в «большую четверку» крупнейших в мире аудиторских фирм. Аббревиатура в названии организации состоит из первых букв фамилий учредителей независимых бухгалтерских фирм, вошедших в состав KPMG.

¹⁷ Цифровые технологии в российских компаниях. Исследование KPMG, 2019. URL: <https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/ru/pdf/2019/01/ru-ru-digital-technologies-in-russian-companies.pdf>

¹⁸ Кочетов А.Н. Профессиональное образование и рынок труда: проблемы взаимодействия. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/09/20/1267450955/Kochetov.pdf>

¹⁹ Гонка за кадрами. URL: <https://spb.plus.rbc.ru/news/5afbcf187a8aa93e43d3c4ba>

Многообразие подходов говорит о том, что не сложилось единого мнения о проблеме качественного и количественного разрыва между спросом на ИТ-кадры и их предложением как со стороны образовательных организаций, так и рынка труда. Это актуализирует необходимость дополнительных исследований по данному направлению, в связи с чем рассмотрение проблем подготовки специалистов в сфере ИТ является крайне важным. Как показало изучение теоретических аспектов, несмотря на актуальность вопросов кадрового обеспечения ИТ-отрасли, в научной литературе не так много работ по указанной теме, в особенности касающихся регионального уровня. В основном вопрос поднимается в органах власти и среди представителей ИТ-компаний. Из этого следует, что наше исследование вносит вклад в изучение проблем кадровой обеспеченности как таковой. Кроме того, его результаты могут быть использованы при изучении данного вопроса на региональном уровне.

Методы и информационная база исследования

Для реализации цели и задач исследования использовался системный подход, который заключался в комплексном изучении поднимаемой проблемы. С этой целью представлены теоретические аспекты проблемы кадровой обеспеченности, проанализированы тенденции подготовки ИТ-специалистов с количественной и качественной стороны, рассмотрены вопросы соответствия квалификации ИТ-кадров требованиям работодателей, а также выделены основные проблемы подготовки кадров для ИТ-отрасли и направления по их решению.

При проведении исследования применялась совокупность научных методов. С помощью статистического метода анализировалось количество выпускников ИТ-специальностей. Метод сравнительного анализа был использован для выявления общих и различных черт в изменении числа выпускников на разных уровнях образования (бакалавриат, специалитет, магистратура), а также для сопоставления направлений подготовки, связанных с ИТ. Наряду с этим метод сравнительного анализа применялся для исследования научной литературы при изучении теоретико-методологических аспектов рассматриваемой проблемы. Метод эмпирического исследования, основанный на опро-

се (анкетирование), использован для получения информации об удовлетворенности работодателей уровнем компетенций выпускников ИТ-специальностей. На основе методов обобщения и синтеза выделены проблемы, существующие в процессе подготовки кадров для ИТ-отрасли.

В качестве информационной базы исследования выступили данные Министерства науки и высшего образования РФ (численность выпускников по направлениям, связанным с ИТ, в Вологодской области). Информация, представленная Министерством, включает период с 2013 по 2019 год, что ограничивает возможности для сопоставительного анализа. Наряду с этим для изучения проблем формирования у обучающихся профессиональных компетенций использовались образовательные программы бакалавриата и магистратуры по направлениям подготовки ИТ-специалистов, опубликованные на сайтах Вологодского государственного университета (ВоГУ) и Череповецкого государственного университета (ЧГУ). Их анализ проводился на основе доступных данных за период с 2016 по 2018 год. Также с целью получения информации о соответствии уровня компетенций выпускников вузов ИТ-специальностей требованиям работодателей были использованы результаты опроса руководителей ИТ-компаний²⁰.

Выбор объекта исследования обусловлен тем, что Вологодская область является типичным для РФ регионом по готовности к информационному обществу. В 2016 году Минкомсвязь в рамках изучения развития информационного общества в регионах РФ впервые опубликовало рейтинг субъектов по уровню информатизации. В 2017 году был представлен сравнительный рейтинг, согласно которому более чем в половине регионов РФ наблюдается рост значений индекса готовности к информационному обществу²¹. Вологодская область

²⁰ Опрос проводился в 2020 году Вологодским научным центром Российской академии наук. Для мониторинга был составлен перечень ИТ-компаний Вологодской области на основе ОКВЭД (61. Деятельность в сфере телекоммуникаций; 62. Разработка компьютерного ПО, консультирование услуг в данной области; 63. Деятельность в области информационных технологий).

²¹ О мониторинге развития информационного общества в субъектах РФ / Министерство связи и массовых коммуникаций. 2017. URL: http://tomedu.ru/wp-content/uploads/2015/02/Vopros_8_Rejting.pdf

заняла средние позиции по готовности к информационному обществу, значения индекса выросли всего за один год. Поскольку за последние 2–3 года данные рейтинга не обновлялись, в нашем исследовании будем отталкиваться от имеющихся сведений.

Кроме этого, по информации компании интернет-рекрутмента, 82% работодателей в сфере ИТ ищут специалистов преимущественно с окончанным высшим образованием [12], в связи с чем проблемы подготовки кадров в Вологодской области рассмотрены на данных образовательных организаций высшего образования.

Результаты исследования

Следует отметить, что на региональном уровне складывается ситуация, аналогичная ситуации на федеральном уровне. Вологодская область тоже испытывает серьезный недостаток кадров в ИТ-отрасли. В 2018 году этот показатель был в полтора раза ниже среднероссийских значений. За период с 2010 по 2018 год количество ИТ-кадров осталось практически без изменений (рост на 0,29 п. п.). В условиях высокого спроса наиболее остро встает проблема дефицита ИТ-специалистов. Одним из источников воспроизводства кадров являются образовательные организации. Потребность в ИТ-специалистах оказывает влияние на увеличение спроса на выпускников, окончивших обучение по направлениям, связанным с ИТ.

Анализ данных Министерства науки и высшего образования РФ (далее – Министерство)

показал, что подготовка кадров в вузах Вологодской области ведется только по восьми направлениям ИТ, в РФ – 12. Несмотря на взятый в 2016–2017 гг. курс на построение цифровой экономики в стране, подготовка по ряду направлений прекратилась. Так, например, в вузах Вологодской области в 2019 году не велась подготовка по «Бизнес-информатике», «Инфокоммуникационным технологиям и системам связи» (очная форма обучения), в то время как ранее она осуществлялась. Наблюдается сокращение количества выпускников бакалавриата по таким направлениям, как «Прикладная математика и информатика» (7%), «Прикладная информатика» (27,3%), «Бизнес-информатика» (72,4%) и др. (табл. 2).

Подготовка магистрантов в Вологодской области велась лишь по четырем ИТ-направлениям только на очной форме обучения. За 2013–2019 гг. число выпускников выросло на 63,6%. В разрезе специальностей также наблюдается их рост, за исключением «Прикладной математики и информатики» (спад на 27,3%; табл. 3).

Подготовка студентов специалитета в сфере ИТ в вузах региона также осуществлялась только на очной форме обучения по трем направлениям и только до 2015 года, при этом в целом число выпускников сократилось на 47% (табл. 4). Снижение количества специалистов связано с переходом России к Болонской системе образования, что вызывало снижение контрольных цифр приема (далее – КЦП) на специалитет.

Таблица 2. Численность выпускников из образовательных организаций Вологодской области по направлениям подготовки бакалавриата, связанным с ИТ, чел.

Направление подготовки	2013 год			2015 год			2017 год			2019 год		
	з	о	о-з	з	о	о-з	з	о	о-з	з	о	о-з
Прикладная математика и информатика	-	0	-	-	14	-	-	9	-	-	13	-
Бизнес-информатика	-	0	-	-	29	-	-	8	-	-	-	-
Прикладная информатика	0	0	-	0	11	-	8	0	-	9	8	-
Информационная безопасность	-	0	0	-	6	18	-	15	-	-	14	-
Инфокоммуникационные технологии и системы связи	-	0	0	-	0	0	-	9	0	-	-	-
Информатика и вычислительная техника	0	0	-	26	22	-	35	21	-	34	24	-
Информационные системы и технологии	0	0	0	-	35	0	-	16	6	-	16	-
Программная инженерия	-	0	-	-	15	-	-	15	-	-	14	-
Всего	0	0	0	26	132	18	43	93	6	43	89	-

Примечание: з – заочная форма обучения; о – очная форма обучения; о-з – очно-заочная форма обучения; 0 – не было выпускников; «-» – подготовка по данному направлению не велась (здесь и в табл. 3–4).
Составлено по: данные Министерства науки и высшего образования РФ. URL: <https://www.minobrnauki.gov.ru/ru/activity/stat/highed/index.php> (здесь и в табл. 3–4).

Таблица 3. Численность выпускников из образовательных организаций Вологодской области по направлениям подготовки магистратуры, связанным с ИТ, чел.

Направление подготовки	2013 год			2015 год			2017 год			2019 год		
	з	о	о-з	з	о	о-з	з	о	о-з	з	о	о-з
Прикладная математика и информатика	-	11	-	-	9	-	-	14	-	-	8	-
Информатика и вычислительная техника	-	8	-	-	8	-	-	14	-	-	10	-
Информационные системы и технологии	-	3	-	-	5	-	-	10	-	-	6	-
Программная инженерия	-	0	-	-	6	-	-	2	-	-	12	-
Всего	-	22	-	-	28	-	-	40	-	-	36	-

Таблица 4. Численность выпускников из образовательных организаций Вологодской области по направлениям подготовки специалитета, связанным с ИТ, чел.

Направление подготовки	2013 год			2015 год			2017 год			2019 год		
	з	о	о-з	з	о	о-з	з	о	о-з	з	о	о-з
Прикладная математика и информатика	-	25	-	-	17	-	-	-	-	-	-	-
Прикладная информатика	6	32	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Информационные системы и технологии	-	11	-	-	19	-	-	-	-	-	-	-
Всего	6	68	-	-	36	-	-	-	-	-	-	-

По данным приемных кампаний, с 2015 года вузы Вологодской области не набирали абитуриентов на специалитет по направлениям подготовки, связанным с ИТ, поэтому сокращение числа выпускников специалитета связано с выпуском студентов прошлых наборов и отсутствием новых абитуриентов.

Доля ИТ-направлений подготовки в общем объеме всех специальностей в вузах Вологодской области продолжает оставаться на низком уровне, несмотря на незначительный рост за период с 2013 по 2019 год. Так, в 2019 году доля ИТ-направлений от всех специальностей в регионе составила 4,1% (заочная форма обучения), 9,4% (очная) и отсутствовала в очно-заочной форме обучения.

Таким образом, данные Министерства свидетельствуют о наличии проблем в системе воспроизводства специалистов для ИТ-отрасли в Вологодской области. Во-первых, процессы цифровизации и распространения ИТ характеризуются возникновением новых профессий, что предъявляет требования к появлению новых направлений подготовки в образовательных организациях. Однако за рассматриваемый период перечень ИТ-специальностей в вузах региона не претерпел изменений. Во-вторых, несмотря на растущий спрос на ИТ-специалистов, их подготовка прекратилась по таким направлениям бакалавриата, как, напри-

мер, «Бизнес-информатика» и «Инфокоммуникационные технологии и системы связи». В-третьих, доля направлений по подготовке кадров для ИТ-отрасли в общем объеме всех специальностей крайне мала. В условиях снижения числа выпускников по ИТ-направлениям, а также действия вышеназванных факторов, сложившаяся ситуация свидетельствует о неспособности системы образования покрывать возрастающий спрос на ИТ-специалистов.

Наряду с дефицитом кадров ИТ-отрасли получает распространение и проблема, связанная с качеством их подготовки. Об этом можно судить на основании анализа сформированности у учащихся профессиональных компетенций, который был проведен с использованием образовательных программ по ИТ-направлениям вузов Вологодской области. Методика и этапы анализа образовательных программ представлены ранее [23].

Результаты анализа образовательных программ бакалавриата по направлениям ИТ-подготовки вузов региона свидетельствуют о наибольшем акценте на развитии компетенций проектной и производственно-технологической (сервисно-эксплуатационной) деятельности. Это подтверждается тем, что на каждую из программ вузов Вологодской области приходится более 37,8% часов, направленных на развитие профессиональных компетенций данной

Таблица 5. Обзор образовательных программ по ИТ-специальностям в вузах Вологодской области (бакалавриат)

Вуз	Название образовательной программы	ГПК1, %	ГПК2, %	ГПК3, %	Доля практики в дисциплинах с ПК*, всего, %
01.03.02 Прикладная математика и информатика					
ВоГУ	Прикладная математика и информатика	58,5	41,5	0,0	25,1
ЧГУ	Математическое и информационное обеспечение социально-экономических процессов	75	0	25	14,0
09.03.01 Информатика и вычислительная техника					
ВоГУ	Вычислительные машины, комплексы, системы и сети	46,7	53,3	0,0	13,7
	Программное обеспечение средств вычислительной техники и автоматизированных систем	52,0	48,0	0,0	10,2
09.03.02 Информационные системы и технологии					
ВоГУ	Информационные системы и технологии	26,9	59,0	14,1	11,2
ЧГУ		10,7	89,3	0,0	15,4
09.03.03 Прикладная информатика					
ВоГУ	Прикладная информатика в экономике	18,6	44,1	37,3	15,4
09.03.04 Программная инженерия					
ВоГУ	Разработка программно-информационных систем	37,8	37,8	24,3	14,8
ЧГУ		53,7	39,0	7,3	23,0
10.03.01 Информационная безопасность					
ЧГУ	Безопасность информатизированных систем	21,9	56,3	21,9	14,0
11.03.02 Инфокоммуникационные технологии и системы связи					
ЧГУ	–	11,6	55,8	32,6	15,8
Примечание: ГПК1 – компетенции научно-исследовательской (экспериментальной) деятельности; ГПК2 – компетенции проектной и производственно-технологической деятельности; ГПК3 – компетенции аналитической и организационно-управленческой деятельности. *Доля часов практических занятий дисциплин, которые развивают профессиональные компетенции (ПК) обучающегося, из общего числа часов программы (здесь и в табл. 6). Составлено по: Информация об описании образовательных программ ВоГУ. URL: https://vogu35.ru/sveden/education . Информация об образовательных программах ЧГУ представлена по официальному запросу.					

группы, от всех остальных групп (при равномерном развитии – 33%). При этом направленность на формирование компетенций аналитической и организационно-управленческой деятельности в ряде образовательных программ отсутствует (табл. 5). Сказанное свидетельствует о наличии предпосылок для неравномерного развития различных групп профессиональных компетенций у учащихся вузов региона.

Важным аспектом в процессе подготовки специалиста является практика как возможность для реализации полученных в вузе знаний. Значительная часть образовательных про-

грамм по ИТ-направлениям подготовки вузов в Вологодской области имеет низкую степень практикоориентированности – доля учебных часов меньше 16,7%²².

Аналогичная ситуация наблюдается в магистратуре, исключение составляет лишь развитие компетенций научно-исследовательской (экспериментальной) деятельности (более 47,8% учебных часов). Это соотносится с задачами магистратуры по формированию теоретических знаний и навыков научно-исследовательской деятельности. Ряд образовательных программ магистратуры, как и бакалавриата,

²³ В образовательных программах около 50% учебных часов дисциплины отводится на самостоятельную работу, а оставшаяся часть равномерно распределяется на аудиторные занятия – лекционные, практические и лабораторные. Исходя из этого, можно предположить, что дисциплины, в которых практическим занятиям отводится более 25% учебных часов, имеют высокую степень практикоориентированности, от 25 до 16,7% – среднюю, а менее 16,7% – низкую.

Таблица 6. Обзор образовательных программ по ИТ-специальностям вузов Вологодской области (магистратура)

Вуз	Название образовательной программы	ГПК1, %	ГПК2, %	ГПК3, %	Доля практики в дисциплинах с ПК, всего, %
01.04.02 Прикладная математика и информатика					
ВоГУ	Математическое моделирование	28,6	39,3	32,1	9,8
09.04.01 Информатика и вычислительная техника					
ВоГУ	Распределенные и автоматизированные системы	59,3	40,7	0,0	6,7
	Управляющие и вычислительные системы	100,0	0,0	0,0	5,9
09.04.02 Информационные системы и технологии					
ВоГУ	Мультимедиа технологии	47,8	32,6	19,6	10,6
09.04.04 Программная инженерия					
ВоГУ	Программно-информационные комплексы	52,9	47,1	0,0	5,0
ЧГУ	Разработка программно-информационных систем	64	36	0	37,4
Составлено по: Информация об описании образовательных программ ВоГУ. URL: https://vogu35.ru/sveden/education . Информация об образовательных программах ЧГУ представлена по официальному запросу.					

в меньшей степени связан с развитием компетенций аналитической и организационно-управленческой деятельности. Наблюдается также низкий уровень практикоориентированности. Только одна программа ЧГУ 09.04.04 «Разработка программно-информационных систем» по сравнению с остальными имеет высокую степень практикоориентированности (37,4%; табл. 6).

Таким образом, изучение качественной стороны подготовки ИТ-специалистов на основе образовательных программ по ИТ-направлениям вузов Вологодской области позволило заключить следующее. Во-первых, отмечается неравномерное распределение возможностей для формирования у учащихся разных групп профессиональных компетенций. Если на бакалавриате упор сделан на развитие компетенций проектной и производственно-технологической (сервисно-эксплуатационной) деятельности, то в магистратуре – научно-исследовательской (экспериментальной). При этом компетенции аналитической и организационно-управленческой деятельности как у бакалавров, так и у магистров развиваются в меньшей степени.

Во-вторых, магистратура позволяет углубить специализацию по выбранному направлению, если оно не меняется после обучения на бакалавриате [24]. Однако в условиях поступления в магистратуру по другому направлению нарушается преемственность между образовательными программами и магистратура не мо-

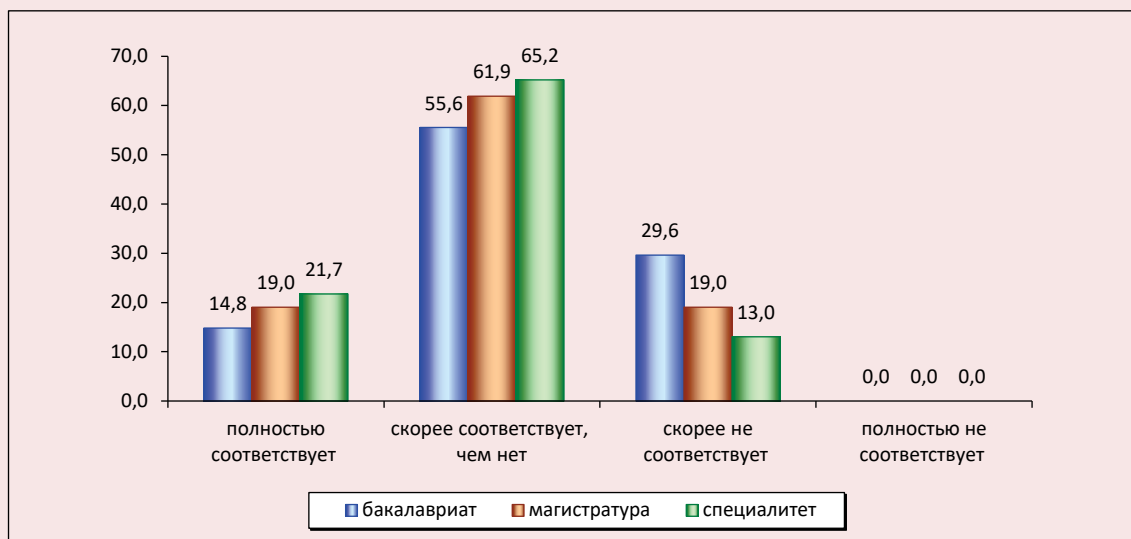
жет сформировать все необходимые профессиональные компетенции за два года [23].

В-третьих, наблюдается низкий уровень практикоориентированности образовательных программ ИТ-направлений вузов Вологодской области как в магистратуре, так и на бакалавриате.

Данные проблемы выявляются в рамках системного подхода с учетом разных позиций. В образовательных организациях учащимся даются базовые знания по определенной специальности, которые углубляются в трудовой деятельности, приобретаются специфические навыки соответственно требованиям конкретного предприятия. В связи с этим на основе опроса, проведенного в 2020 году ВолНЦ РАН, представляется целесообразным рассмотреть, как полученные в вузах Вологодской области знания и навыки оценивают работодатели в сфере ИТ.

Так, руководителям ИТ-компаний Вологодской области предлагалось оценить степень соответствия знаний и компетенций кадров, завершивших обучение (бакалавриат, магистратура, специалитет) в вузах региона, трудоустроенных за последние два года. Почти треть респондентов склоняются к тому, что степень квалификации ИТ-специалиста «скорее не соответствует». Подобная позиция распространена среди принявших на работу бакалавров – 29,6% (рис. 1). Наиболее высоко респонденты оценили квалификацию ИТ-специалиста – выпускника специалитета. Так, 65,2% ответивших

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Оцените в целом степень соответствия квалификации ИТ-специалиста (выпускника вуза Вологодской области) требованиям рабочего места Вашей организации», % от числа ответивших

Источник: составлено по результатам опроса.

указали, что их квалификация «скорее соответствует, чем нет», 21,7% – «полностью соответствует». Качество знаний именно специалистов наиболее высоко оценивают работодатели. Однако в последние несколько лет вузы Вологодской области не набирают абитуриентов на программы специалитета по ИТ-направлениям.

Проведенный среди руководителей ИТ-компаний опрос позволил оценить уровень развития различных групп профессиональных компетенций у выпускников вузов Вологодской области с точки зрения работодателей. Развитие компетенций аналитической деятельности каждым пятым оценивалось в 3 балла, 17,2% – 4 балла по десятибалльной шкале. Аналогично распределились ответы об уровне развития компетенций организационно-управленческой деятельности. Каждый четвертый их оценил в 4 балла, 17,7% опрошенных – 3 балла.

Каждый третий респондент охарактеризовал уровень развития компетенций проектной деятельности в 4 балла. Каждый пятый руководитель ИТ-компаний оценил уровень развития компетенций научно-исследовательской деятельности в 5 баллов, такая же часть опрошенных поставила 7 баллов. Наиболее высоко

респонденты оценили уровень развития компетенций производственно-технологической (сервисно-эксплуатационной) деятельности. Почти треть респондентов (31%) поставили уровню развития данной группы профессиональных компетенций 8 баллов (табл. 7).

Уровень развития компетенций аналитической и организационно-управленческой деятельности у выпускников вузов Вологодской области ниже среднего. Направленность на развитие данных групп профессиональных компетенций в образовательных программах вузов региона, связанных с ИТ-подготовкой, выражена в меньшей степени, что говорит о закономерности и взаимосвязанности данных тенденций.

Еще одно противоречие заключается в том, что, несмотря на значимость аналитического мышления как одной из главных компетенций для специалистов ИТ-отрасли²³, именно эта группа профессиональных компетенций практически не формируется у учащихся вузов Вологодской области.

²³ Атлас новых профессий. URL: https://www.skolkovo.ru/public/media/documents/research/sedec/SKOLKOVO_SEDeC_Atlas.pdf

Таблица 7. Распределение ответов на вопрос об оценке уровня развития у выпускников различных групп профессиональных компетенций, % от числа ответивших

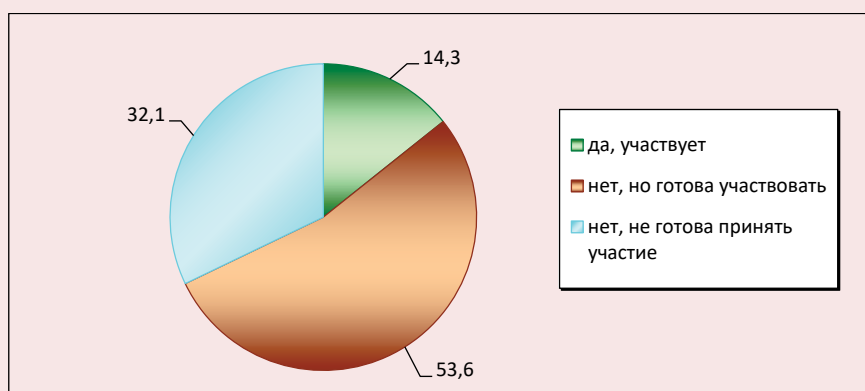
Группа профессиональных компетенций	Балл									
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Компетенции аналитической деятельности	0	0	19,0	17,2	10,5	13,8	15,7	17,0	3,4	3,4
Компетенции организационно-управленческой деятельности	0	0	17,7	24,3	15,6	10,3	13,8	10,0	4,9	3,4
Компетенции проектной деятельности	0	0	3,0	27,6	14,0	10,3	17,2	17,0	6,9	3,4
Компетенции научно-исследовательской (экспериментальной) деятельности	0	0	3,0	17,3	20,7	13,8	20,7	17,0	0	6,9
Компетенции производственной-технологической (сервисно-эксплуатационной) деятельности	0	0	0	24,3	10,3	13,8	13,8	31,0	3,4	3,4

Источник: составлено по результатам опроса.

Важным инструментом, позволяющим решить вышеназванные проблемы, является организация дуального обучения – взаимодействие вузов с ИТ-компаниями как способ преодоления рассогласования между сферой образования и рынком труда [25]. Большая часть респондентов (53,6%) указала, что данная модель не реализуется в их организациях, но изъявила готовность к сотрудничеству с вузами Вологодской области. Около 14,3% руководителей ИТ-компаний отметили, что участвуют в модели дуального обучения (рис. 2).

Одним из сдерживающих взаимодействие вузов и компаний факторов выступает финансовый фактор. Работодатели заявляют, что у организаций отсутствуют финансовые возможности для кооперации и участвовать в подобном сотрудничестве в одностороннем порядке очень затратно и обременительно²⁴. Не стимулирует к инвестированию в развитие персонала возможность его мобильности, смены специализации и места работы, а также невозможность компаний обеспечить работникам полную занятость или достойный

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Участвует ли Ваша организация в дуальной модели обучения с вузами Вологодской области?», % от числа ответивших

Источник: составлено по результатам опроса.

²⁵ Работодатели и учебные заведения: как добиться взаимодействия? URL: <https://vologda.hh.ru/article/22034>; Зарубин В.Г., Савин И.В., Тумалев В.В. Что препятствует работодателю взаимодействовать с вузом: опыт исследования стереотипов. URL: <http://www.ibl.ru/konf/041208/67.html>

карьерный рост. В этом случае для компаний нецелесообразны вложения в обучение человека, которого «трудно удержать»²⁵.

Неучастие компаний в проектах дуального образования отчасти объясняет и тот факт, что в половине случаев работодатели отмечают отсутствие в штате компаний выпускников – участников проекта дуального образования. Однако почти каждый третий руководитель ИТ-компаний, у которого есть такие сотрудники, говорит о том, что качество профессиональной подготовки выпускников значительно отличается в лучшую сторону, следовательно, у них есть потенциал, который может быть развит (рис. 3).

Таким образом, результаты опроса руководителей ИТ-компаний подтвердили выводы о несоответствии полученных знаний и навыков выпускников вузов Вологодской области требованиям работодателей, что впоследствии ведет к невостребованности ИТ-специалистов на рынке труда. Проблема кадровой обеспеченности будет усугубляться в условиях сокращения количества выпускников по ИТ-направлениям.

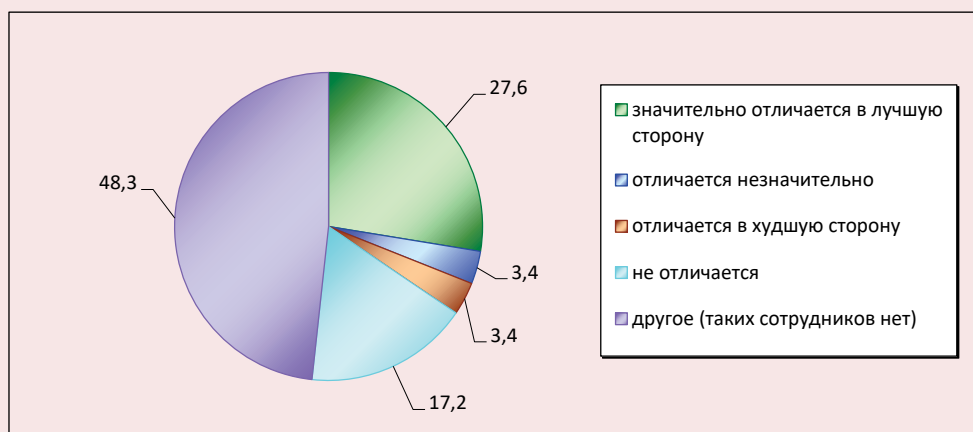
Проблемы и пути решения

Проведенный анализ позволил выделить ряд проблем, которые характеризуют неэффективность системы образования и требуют решения.

Проблема 1. Несоответствие текущего перечня специальностей в вузах вызовом цифровой экономики и процессам информатизации

Было бы целесообразно инициировать корректировку перечня направлений подготовки по ИТ-специальностям в соответствии с потребностями работодателей. Причем реализовать это возможно на уровне Министерства науки и высшего образования РФ. Ключевыми направлениями могли бы стать те, которые связаны с анализом данных, машинным обучением, Big Data, технологиями виртуальной и дополненной реальности, кибербезопасностью, робототехникой, квантовыми вычислениями, блокчейном и др. Процесс подготовки должен быть гибким и иметь возможность корректировки сразу же при наличии такой необходимости, не откладывая этот процесс, иначе рассогласование между уровнем подготовки кадров и требованиями, обусловленными новыми технологическими вызовами, сохранится.

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Если в Вашей организации работает ИТ-выпускник – участник проекта дуального образования, то отличается ли качество его профессиональной подготовки по сравнению с выпускниками, не принимавшими участие в системе дуального обучения?», % от числа ответивших

Источник: составлено по результатам опроса.

²⁶ Мастер остается за кадром. URL: <https://rg.ru/2020/09/30/v-rossii-nabiraet-popularnost-dualnaia-forma-obucheniia-studentov.html>

Проблема 2. Низкая доля ИТ-направлений подготовки в общем объеме всех специальностей

Для решения проблемы необходимо расширить спектр направлений подготовки в сторону ИТ-специальностей за счет появления новых направлений подготовки, актуальных для цифровой экономики. Ряд направлений, напрямую не связанных с ИТ (математика и механика, физика, техника и др.), могут быть адаптированы под требования процессов цифровизации и информатизации посредством использования в процессе обучения цифровых и информационных технологий для развития у будущих специалистов цифровой грамотности.

Проблема 3. Наблюдается общая тенденция снижения численности выпускников вузов по направлениям, связанным с ИТ

Необходимо увеличить КЦП, в первую очередь по направлениям подготовки, связанным с компьютерными, информационными науками, информационной безопасностью и др., а также по перспективным направлениям. Рост КЦП требует увеличения числа абитуриентов. Важно, чтобы образовательные организации формировали спрос посредством ведения профориентационной работы уже на этапе школьного обучения. Для этого можно организовать специализированные классы с углубленным изучением ИТ, проведение дней открытых дверей в ИТ-организациях, лекций преподавателей и профессоров ведущих вузов региона для школьников о возможностях применения знаний в области ИТ и т. д. Кроме того, опыт Вологодской области показал, что существует определенная рассогласованность между нормативной базой регионального и федерального уровней; в паспорте федерального проекта «Кадры для цифровой экономики», который реализуется в рамках национальной программы «Цифровая экономика РФ», обозначен показатель «число принятых на программы высшего образования в сфере ИТ и по математическим специальностям», а также его ежегодные целевые значения; в аналогичном паспорте регионального уровня (Вологодская область) данный параметр отсутствует. Следовательно, необходимо устранить разночтения законодательных документов разных уровней.

Проблема 4. Неравномерное распределение групп профессиональных компетенций, на формирование и развитие которых направлены образовательные программы. Несоответствие текущего перечня развиваемых у учащихся профессиональных компетенций вызовам цифровой экономики

Решение проблемы может быть связано с разработкой методических рекомендаций, в которых бы корректировка учебных часов дисциплин осуществлялась для обеспечения равномерного развития разных групп профессиональных компетенций у обучающихся. Это позволит готовить ИТ-специалиста комплексно и формировать у него все необходимые компетенции. Учитывая требования работодателей, в первую очередь нужно увеличить долю часов на развитие компетенций аналитической и проектной деятельности, поскольку направленность на формирование компетенций аналитической и организационно-управленческой деятельности в ряде образовательных программ отсутствует. Отчасти следствием этого является тот факт, что каждый третий опрошенный охарактеризовал уровень развития компетенций проектной деятельности у выпускников на 4 балла по десятибалльной шкале.

Следует рассмотреть вариант с корректировкой перечня профессиональных компетенций, закрепленного во ФГОС, включить в него такие компетенции, как критическое, аналитическое мышление, креативность, когнитивная гибкость, адаптивность. Кроме этого, было бы уместно каждую группу профессиональных компетенций более детально конкретизировать под каждое ИТ-направление и профиль подготовки с указанием способностей, формируемых в их рамках.

Проблема 5. Низкий уровень практикоориентированности образовательных программ по ИТ-направлениям подготовки

Решить указанную проблему возможно путем более равномерного перераспределения учебных часов дисциплин таким образом, чтобы доля практических занятий составляла не менее 16,7% учебных часов (в соответствии со структурой, разработанной в статье). Чтобы снизить проблему рассогласованности полученных выпускниками навыков в вузах и требований рынка труда, важно привлекать к органи-

зации и проведению практики представителей ИТ-бизнеса. Такое сотрудничество позволит готовить специалистов, чьи знания, умения и навыки будут действительно востребованы на рынке труда.

Проблема 6. Нарушение преемственности между образовательными программами разных уровней

Целесообразно изменить подход к поступлению в магистратуру путем сохранения направления подготовки после окончания бакалавриата, что поможет избежать нарушения преемственности при формировании компетенций на разных уровнях.

Проблема 7. Низкий уровень взаимодействия вузов с реальным сектором экономики

Важно проработать на государственном уровне возможности реализации механизма дуального обучения. Следует отметить, что в Стратегии социально-экономического развития Вологодской области на период до 2030 года подчеркивается необходимость сотрудничества образовательных организаций высшего образования с реальным сектором экономики. Однако такое взаимодействие ограничивается лишь созданием и развитием информационной платформы²⁶. Таким образом, на сегодняшний день возможность реализовать процесс дуального обучения нормативно не закреплена.

Целесообразно на федеральном уровне разработать меры стимулирования вузов и компаний к взаимодействию. Это возможно путем создания правовых условий для того, чтобы предприятия вкладывали средства в оборудование, инфраструктуру, а вузы предоставляли помещения, поддерживали их в работоспособном состоянии, внедряли механизмы оценки образовательных услуг. Видится важным снижение информационной асимметрии, что подразумевает, в том числе, построение системы оценки потребностей рынка труда (проведение регулярных обследований) и создание информационной системы, связывающей субъектов образовательной и профессиональной сфер.

²⁶ О Стратегии социально-экономического развития Вологодской области на период до 2030 года: Постановление Правительства Вологодской области от 17 октября 2016 г. № 920. URL: <https://vologda-oblast.ru/upload/iblock/cfe/strategiya2030.pdf>

Реализация дуального обучения может способствовать решению целого ряда проблем, обозначенных выше. Взаимодействие вузов с ИТ-компаниями позволит сформировать актуальный и востребованный перечень ИТ-специальностей в учебных заведениях, скорректировать перечень необходимых профессиональных компетенций, образовательные программы, таким образом, чтобы их содержание и требования к результатам освоения соотносились с требованиями работодателей, и т. д.

Кроме того, целесообразно реализовывать механизм целевого обучения посредством заключения договора между студентом при участии образовательной организации, где планируется обучение, и предприятием-работодателем, гарантирующим место работы. В 2020 году губернатор Вологодской области объявил о выделении 200 мест на целевое обучение за счет средств регионального бюджета по востребованным направлениям подготовки, в том числе информатике и вычислительной технике. Однако необходимо отметить, что претенденту на целевое обучение необходимо выбрать педагогические специальности, следовательно, возможности для участия в данной модели обучения ограничены²⁷. В связи с этим видится целесообразным расширить перечень направлений ИТ-подготовки, относящихся не только к педагогическим специальностям.

Реализация целевого обучения может также способствовать «приближению» обучения в вузах к меняющимся запросам общества, формированию системы «доведения» специалиста до рабочего места.

Заключение

Таким образом, в условиях постоянно растущей цифровизации экономики кадровый потенциал ИТ-отрасли может стать главным источником роста национальной экономики в целом. Стремительное развитие цифровых и информационных технологий ведет к увеличению спроса на ИТ-специалистов, а также предъявляет новые требования к их компетен-

²⁷ Еще 200 мест на целевое обучение для абитуриентов выделено в Вологодской области. URL: https://vologda-oblast.ru/novosti/novosti_organov_vlasti/eshchye_200_mest_na_tselevoe_obuchenie_dlya_abiturentov_vydeleno_v_vologodskoy_oblasti

циям. Одним из основных источников воспроизводства кадрового потенциала являются образовательные организации. Проведенный анализ показал, что основная проблема подготовки специалистов для ИТ-отрасли заключается в рассогласованности системы образования и рынка труда. При растущем спросе на ИТ-специалистов кадровый дефицит будет только усиливаться. Предложенные мероприятия по решению выделенных в результате исследования проблем воспроизводства ИТ-кадров позволят обеспечить преемственность и системность в подготовке специалистов.

Материалы исследования могут быть использованы научными сотрудниками, аспирантами и студентами, занимающимися проблемами развития цифровой экономики, вопросами, связанными с кадровым обеспечением этой

отрасли. Представленное исследование имеет комплексный характер, его результаты вносят вклад в расширение теоретических аспектов исследования проблем подготовки ИТ-специалистов. Практическая значимость работы состоит в том, что разработанные предложения по решению обозначенных проблем могут быть использованы федеральными и региональными органами власти и управления при корректировке планов реализации национальных проектов «Цифровая экономика» и «Образование», а также должны быть отражены в задачах других нормативно-правовых документов в сфере образования федерального и регионального уровней. Наряду с этим материалы могут применяться для научного обоснования мероприятий, направленных на оптимизацию системы подготовки ИТ-специалистов.

Литература

1. Freeman C., Soete L. *The Economics of Industrial Innovation: A Study of Long Waves and Economic Development*. Pinter: London, 1997.
2. Schwab K. *The Fourth Industrial Revolution*. Penguin, 2017.
3. Bell D. *The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting*. New York: Basic Books, 1999.
4. Сафронова А.А. Современные тенденции развития отрасли информационных технологий // *Transport business in Russia*. 2013. № 4. С. 94–95.
5. Schumpeter J.A. The theory of economic development: An inquiry into profits, capital, credit, interest and the business cycle. *Harvard Economic Studies*, 1934, no. 46.
6. Мазилев Е.А., Давыдова А.А. Научно-технологическое развитие России: оценка состояния и проблемы финансирования // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2020. Т. 13. № 5. С. 55–73.
7. Гайнанов Д.А., Климентьева А.Ю. Приоритеты кадрового обеспечения цифровой экономики // *Креативная экономика*. 2018. № 12. С. 1963–1976.
8. Васильева Е.В. Воспроизводство кадров ИТ-отрасли. Сценарный анализ // *Мир новой экономики*. 2016. № 4. С. 127–134.
9. Зиненко Г.В. Подготовка персонала в области информационных технологий // *Молодой ученый*. 2017. № 11 (145). С. 206–208.
10. Агапов И. Кадры цифровой экономики // *Стандарт*. 2019. № 7–8 (198–199). С. 12–15.
11. Bartlett W. The effectiveness of vocational education in promoting equity and occupational mobility amongst young people. *Economic Annals*, 2009, no. 54 (180), pp. 7–39.
12. Климова Ю.О. Анализ кадровой обеспеченности отрасли информационных технологий на федеральном и региональном уровнях // *Вестн. Омск. ун-та*. 2020. № 1. С. 126–139.
13. Шпильберг С.А. Кадровое обеспечение инновационной экономики // *Вестн. Сибир. гос. аэрокосм. ун-та им. акад. М.Ф. Решетнева*. 2006. № 2 (9). С. 145–149.
14. Антошина Н.М. Формирование кадрового состава государственной гражданской службы // *Власть*. 2009. № 5. С. 8–10.
15. Бинерт О.В. Кадровая обеспеченность – основа деятельности любого предприятия // *Управление современной организацией: опыт, проблемы и перспективы*. 2016. № 1. С. 397–401.
16. Анисимова Н.Ю. Организационно-экономический механизм управления качеством кадрового обеспечения агропромышленным комплексом // *Вестн. Евраз. наук*. 2018. № 6. С. 1–11.

17. Барчан Н.Н., Котов А.А., Чумаченко А.П. Управление кадровым обеспечением: декомпозиции цели // Вестн. научн. конф. 2017. № 3–4 (19). С. 9–11.
18. Nordin M., Persson I., Rooth D.-O. Education-occupation mismatch: Is there an income penalty? *IZA Discussion Paper*, 2008, no. 3806.
19. Robst J. Education, college major and job match: Gender differences in reasons for mismatch. *Education Economics*, 2007, no. 15.
20. Устинова К.А., Попов А.В. Включение молодежи в трудовую деятельность: ментальные барьеры и направления их преодоления // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 333–346.
21. Heckman J.J., Jacobs V. Policies to create and destroy human capital in Europe. *IZA Discussion Paper*, 2009, no. 4680.
22. Ключарев Г.А., Латов Ю.В. Дополнительное образование – мост между системой образования и рынком труда // Общественные науки и современность. 2016. № 1. С. 20–33.
23. Климова Ю.О., Усков В.С. Проблемы формирования компетенций у специалистов ИТ-отрасли в вузах Вологодской области // Вопросы территориального развития. 2020. № 5. С. 1–15.
24. Сенашко В.С., Пыхтина Н.А. Преимущество бакалавриата и магистратуры: некоторые ключевые проблемы // Высшее образование в России. 2017. № 12 (218). С. 13–25.
25. Дудырев Ф.Ф., Романова О.А., Шабалин А.И. Дуальное обучение в российских регионах: модели, лучшие практики, возможности распространения // Вопросы образования. 2018. № 2. С. 117–138.

Сведения об авторах

Юлия Олеговна Климова – младший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: j.uschakowa2017@yandex.ru)

Ксения Александровна Устинова – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ustanova-kseniya@yandex.ru)

Klimova Yu.O., Ustinova K.A.

Mismatch between the Level of Training of IT Personnel and the Requirements of Employers: Problems and Solutions

Abstract. The availability of qualified IT specialists is an important factor that contributes to the development of the digital economy. The need for personnel training for the IT industry is stated in the national project “Digital economy of the Russian Federation until 2024”. Educational organizations are an important source that supplies IT specialists for the economy. However, today there is an acute problem of inconsistency between the educational system and the labor market. The aim of the study is to identify problems of non-compliance of the level of IT personnel training with the requirements of employers, and to determine ways to address these problems (on the example of the Vologda Oblast). Using the data from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, we analyze the number of graduates in information technology-related fields in the Vologda Oblast. We also review educational programs at universities of the region and reveal problems in the formation of professional competencies in students. Based on the results of a survey conducted in 2020 by VoIRC RAS, we have obtained information on the compliance of the level of competencies in graduates of IT specialties with the requirements of employers in the IT industry. In the final part of the article we highlight problems related to personnel training for the IT industry of the region and outline main ways to address them. Scientific novelty of our work consists in the application of a system-wide approach that help us study

the viewpoints widespread in the education system and among employers, in order to identify problems related to the training of in-demand personnel for the IT industry. The materials of our study can be used by researchers, postgraduates and students who deal with the issues of digital economy development and those related to the staffing of this industry. Practical significance of our work lies in the fact that our proposals for solving the problems under consideration can be used by federal and regional authorities and management bodies, when it would be necessary to adjust plans for the implementation of national projects “Digital economy” and “Education”; our proposals should also be the basis for goal-setting and reflected in the tasks of other regulatory documents in the field of education at the federal and regional levels.

Key words: digital economy, region, IT industry, IT personnel, IT personnel training.

Information about the Authors

Yulia O. Klimova – Junior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: j.uschakowa2017@yandex.ru)

Kseniya A. Ustinova – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ustinova-kseniya@yandex.ru)

Статья поступила 23.03.2021.

DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.13

УДК 316.33:331.108(211-17), ББК 60.524:65.291.6(00)

© Маркин В.В., Силин А.Н., Малинина К.О.

Воспроизводство человеческого капитала в арктических регионах России: социокультурный контекст*

Валерий Васильевич

МАРКИН

Институт социологии ФНИСЦ РАН

Москва, Российская Федерация

Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова

Нижний Новгород, Российская Федерация

e-mail: markinval47@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-8851-0472; Researcher ID: B-5161-2016

Анатолий Николаевич

СИЛИН

Тюменский индустриальный университет

Западно-Сибирский филиал ФНИСЦ РАН

Тюмень, Российская Федерация

e-mail: sm-2004@rambler.ru

ResearcherID: S-4074-2018

Кристина Олеговна

МАЛИНИНА

Институт комплексных исследований Арктики ФИЦ комплексного изучения

Арктики имени академика Н.П. Лаврова Уральского отделения РАН

Архангельск, Российская Федерация

e-mail: malinina.ciom@gmail.com

ORCID: 0000-003-3113-1241; ResearcherID: I-3917-2018

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ (проект 19-29-07355 «Человеческий капитал арктического региона в концепции пространственного развития России»).

Для цитирования: Маркин В.В., Силин А.Н., Малинина К.О. Воспроизводство человеческого капитала в арктических регионах России: социокультурный контекст // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 5. С. 220–243. DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.13

For citation: Markin V.V., Silin A.N., Malinina K.O. Reproduction of human capital in the Arctic regions of Russia: Socio-cultural context. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 5, pp. 220–243. DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.13

Аннотация. Формирование и воспроизводство человеческого капитала, как важнейшего условия современного развития, имеет не только отраслевые, но и региональные особенности. В статье, которая продолжает серию авторских материалов, посвященных проблематике человеческого капитала в условиях Арктической зоны Российской Федерации, выдвигаются вопросы влияния социокультурных факторов на человеческий капитал арктических территорий. Поставлена цель представить новый подход в рефлексии роли социокультурных факторов (оснований и составляющих) развития человеческого капитала в условиях арктических регионов для нового (неоиндустриального) этапа их освоения. В связи с этим уточняются концептуальные основания изучения человеческого капитала, содержащиеся в работах зарубежных и отечественных исследователей. В определенных теоретико-методологических рамках анализируются, сопоставляются и обобщаются результаты социологического исследования, проведенного в марте – мае 2018 года в Архангельской области (на арктических территориях) и Ямало-Ненецком автономном округе методами массовых опросов и анализа статистических данных. Приводятся данные, характеризующие человеческий капитал северян в плане их материального положения, показывается прямая зависимость от региональной (более высокой – в ЯНАО), отраслевой (особенно нефтегазовых предприятий), социально-профессиональной (особенно руководителей, высококвалифицированных специалистов, государственных и муниципальных служащих) принадлежности. На основе многомерных измерений показываются взаимосвязи и отдельные зависимости переменных, характеризующих образование, здоровье и социально-профессиональный статус в структуре человеческого капитала обследованных регионов. Особый сюжет посвящен роли ценностных ориентаций в формировании и воспроизводстве человеческого капитала. В заключение делается вывод об амбивалентном характере влияния социокультурных факторов на человеческий капитал: с одной стороны, как фундаментальных оснований, а с другой, отдельных из них (образования, трудовой мотивации и т. п.) – в качестве структурных составляющих. Предлагаются меры усиления общегосударственной и региональной политики (в том числе инвестиционной), в развитии человеческого капитала российской Арктики.

Ключевые слова: человеческий капитал, арктические регионы России, социокультурные факторы, социологический подход, многомерные измерения.

Введение

Переход к постиндустриальной экономике с начала 60-х годов XX века, а затем и информационному обществу в XXI веке вызвал появление в экономической науке и быстрое междисциплинарное распространение категории «человеческий капитал» [1; 2; 3]. За прошедшие шестьдесят лет возникло множество теорий, связанных с данной категорией, основополагающие из которых были оценены Нобелевской премией (Т. Шульц, 1979 г., Г. Беккер, 1992 г.). Их идеи были развиты не только в теоретическом, но и в аналитико-практическом плане в разработках и методиках ООН, Всемирного банка и других международных организаций. Несмотря на различные подходы к толкованию понятия «человеческий капитал» и сопоставлению его с другими формами капитала, в центре его находятся определенные качества (в том числе в их количественной оценке) личности работника как источника творческой и инновационной продуктивности, воплощенной

в современном и качественном продукте [4; 5; 6]. Как для отдельных предприятий, компаний, так и для регионов и целых стран человеческий капитал является одним из главных ресурсов повышения конкурентоспособности и развития [7; 8]. Очевидно, что проблемы экономики и социальной сферы на данный момент не могут быть решены только за счет совершенствования материальных факторов [9]. Более того, «замкнутость на материальном» может выступать как определенный фактор национальной уязвимости [10]. Нарастает разрыв между странами по темпам инновационного развития, отставание чревато стагнацией. В этих условиях стратегия модернизации на инновационной основе для России оказывается безальтернативной: или страна сделает шаг в будущее, придав импульс динамического развития отечественной «экономике знаний», для которой человеческий капитал имеет особое значение, или пополнит ряды аутсайдеров [11].

Экономически развитые страны имеют более высокие показатели человеческого капитала по сравнению с Россией, что наглядно представлено в *таблице 1*, характеризующей структуру совокупного богатства Российской Федерации и стран Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Видно, что при пропорционально более высокой доле природного (ресурсы) и производственного капиталов человеческий капитал в России более чем в 1,5 раза ниже, чем в странах ОЭСР. Это свидетельствует о чрезмерной роли в российской экономике природной ренты и традиционных отраслей промышленности и недостатке наукоемких производств и услуг, оказываемых специалистами высокой квалификации (IT, финансовых, консалтинговых и т. п.).

Таблица 1. Структура совокупного богатства РФ и стран ОЭСР, 2017 год, %

Показатель	РФ	Страны ОЭСР
Человеческий капитал	46	70
Производственный капитал	33	28
Природный капитал	20	3
Чистые иностранные активы	1	-1

Источник: Гальчева А. Человеческий капитал набирает вес // РБК. № 196. 04.12.2019. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2019/12/05/5de76fa19a79476a1ebb8bec>

Проблема воспроизводства человеческого капитала для модернизации на инновационной основе в России с ее огромной территорией, чрезвычайно разнообразными природно-климатическими, социально-экономическими и социокультурными условиями имеет четко выраженный региональный характер [12]. При этом особого внимания требуют вопросы воспроизводства человеческого капитала в регионах Арктической зоны Российской Федерации (АЗ РФ), связанные с неиндустриальным развитием в экстремальных природно-климатических условиях. Принятые «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года»¹ и государственная программа Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны

¹ О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечении национальной безопасности на период до 2035 года: Указ Президента Российской Федерации от 26 октября 2020 г. № 645.

Российской Федерации»² нацелены на глубокий всесторонний анализ процессов формирования и воспроизводства человеческого капитала российской Арктики.

Наряду с социально-экономическими особого изучения заслуживают социокультурные факторы, которым в комплексном анализе человеческого капитала российских регионов Арктики пока уделяется явно недостаточное внимание. По результатам проведенного исследования авторами предлагается новое знание о роли социокультурных предикатов и составляющих человеческого капитала в условиях Крайнего Севера на примере ряда арктических регионов.

Методология, дизайн и методика исследования

Теория человеческого капитала, с самого начала ее выдвижения в 60-х годах прошлого века, всесторонне развитая в дальнейшем, стала важным ответом экономической науки и смежных отраслей знания на сложившиеся тогда и усиливающиеся ныне вызовы и реалии мировой хозяйственной жизни, позволяя выработать, обосновать и реализовать меры, направленные на инвестирование в человека и накопление человеческого капитала [13]. В силу огромного количества публикаций по данной проблематике и ограниченности формата журнальной статьи авторы избрали наиболее значимые для своего замысла теоретико-методологические позиции, выраженные в работах зарубежных и отечественных исследователей.

В современных концепциях человеческого капитала сохраняется первоначальный экономический подход к человеческому поведению, предложенный одним из основоположников теории Г. Беккером в следующих постулатах:

– способности, знания, профессиональные навыки, мотивация становятся капиталом в момент купли-продажи рабочей силы, найма на работу или получения вознаграждения исполнителем работы;

² Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации»: Постановление Правительства Российской Федерации от 30 марта 2021 г. № 484.

– рост человеческого капитала должен способствовать росту производительности труда и производства;

– целесообразное использование капитала должно вести к росту доходов работников;

– рост доходов стимулирует работника делать вложения в здоровье, образование для повышения запаса знаний и навыков, чтобы затем эффективно применить их [3].

В развитие этих позиций человеческий капитал интерпретируют в широком и узком смысле: 1) человеческий капитал представляет собой совокупность способностей индивида, обеспечивающих ему возможность выполнять различные социальные роли и функции для достижения поставленных целей в личной и общественно-полезной деятельности с целью удовлетворения потребностей; 2) человеческий капитал представляет собой совокупность способностей индивида, создающих конкурентные преимущества в трудовой деятельности, наделяющих его свободой в выборе сферы применения своих способностей для получения вознаграждения [14]. В приведенных формулировках акцентируются различные субъект-субъективные смыслы (фреймы), которые важно учитывать при изучении социокультурных факторов, включая ценностно-мотивационные ориентации (установки), выделение соответствующих группировок.

Согласно современным интерпретациям человеческого капитала он характеризуется следующими свойствами:

– его формирование требует значительных затрат как от самого индивида, так и от социальной системы, в которой индивид живет и действует;

– может быть накоплен (увеличен) – индивид может приобретать определенные навыки, способности, улучшать состояние своего здоровья;

– на протяжении жизни индивида не только умножается, но и «изнашивается» – знания устаревают, умения и навыки не востребуются, следовательно, снижается стоимость человеческого капитала (человеческий капитал амортизируется);

– инвестиции в человеческий капитал позволяют его обладателю получать более высокий доход (эффект) в будущем;

– инвестиции в человеческий капитал носят долгосрочный характер (это касается как инвестиций в «капитал образования» и «капитал профессии», так и в «капитал здоровья»);

– отличается от физического капитала по степени «ликвидности»: не отделим от его носителя – действующей человеческой личности;

– прямые доходы, получаемые человеком, контролируются им самим независимо от источника инвестиций;

– от решений человека, от его волеизъявления зависит функционирование (использование) и воспроизводство человеческого капитала; степень отдачи от человеческого капитала зависит от индивидуальных интересов человека, его предпочтений, материальной и моральной заинтересованности, мировоззрения и культурных особенностей [15].

Несколько из этих свойств очевидным образом связаны с социокультурным контекстом воспроизводства человеческого капитала, особенностями функционирования неэкономических институтов конкретного общества и стоящих за ними коллективных представлений и ценностных ориентаций. Это обстоятельство и побудило нас в данном исследовании выйти за рамки эконометрического подхода к анализу условий воспроизводства человеческого капитала (подробнее см. [16–21]) и обратиться к поиску связи между его структурными компонентами и некоторыми переменными, характеризующими социокультурные факторы, под влиянием которых происходит его накопление.

Общая структура человеческого капитала в исследовании представлена несколькими ключевыми компонентами: капитал здоровья, образовательный, профессиональный и культурный капитал. Каждый вид капитала предполагает набор показателей, через измерение которых определяется его общий уровень [22, с. 97]. Отдельные параметры, соответствующие каждому виду капитала, представлены в *таблице 2* (их перечень сознательно ограничен по сравнению со встречающимся в специальной литературе, поскольку нас интересовали лишь те показатели, которые могут быть измерены в рамках массовых опросов населения и отражают социально-экономические и социально-профессиональные характеристики индивидов, самооценку их здоровья, образова-

Таблица 2. Структурные компоненты человеческого капитала и их показатели

Базовый компонент человеческого капитала	Показатели базового компонента человеческого капитала
Капитал здоровья	- физическое здоровье - эмоциональное и психическое здоровье - уровень развития здравоохранения - безопасность жизнедеятельности
Образовательный капитал	- общие знания - специальные знания - навыки самообразования
Профессиональный капитал	- трудовой опыт и профессиональные навыки - организационные навыки - способность к предпринимательству и опыт
Культурный капитал	- мотивация к труду - мотивация к саморазвитию (включая самообразование) - преобладающие ценностные ориентации - отношение к социальным нормам - коммуникативные навыки
Источник: составлено авторами.	

тельный уровень и систему ценностей, а также оценки некоторых средовых (пространственно-территориальных, региональных) факторов, которые можно сопоставить с экспертными оценками и статистическими данными).

Большинство из представленных в таблице показателей относятся к медико-биологическим, или социально-экономическим по своей природе или целевой функции, другие, относимые к числу параметров «культурного капитала», отражают исторически сложившиеся и социально одобряемые паттерны поведения, институты (в трактовке Д. Норта – «правила игры», т. е. набор социальных норм, обеспечивающих коммуникацию и кооперацию между индивидами [23, с. 3–10]) и базовые ценности конкретных человеческих сообществ разного уровня (местного, регионального, общенационального).

Основания для такого подхода можно найти в экономических и социальных теориях, претендующих на описание и объяснение механизмов «конвертации» социокультурных характеристик индивидов и групп в их экономическое поведение и его результаты. Так, подобные основания коренятся в теориях классического институционализма (Т. Веблен, Дж. Коммонс) [24] и экономической психологии (Г. Тард, Дж. Катона) [25; 26].

В рамках неинституционального подхода, исследуя проблемы организационного поведения и принятия решений, Г. Саймон разработал модель экономического поведения, получив-

шую название «ограниченной рациональности» [27]. Она открывает возможности для объяснения принятия субъектами экономических и других решений на основе предшествующего социального опыта и усвоенных в ходе социализации норм и образцов поведения (паттернов), которые в значительной мере зависят от определенной социокультурной среды, в которой формировался индивид.

Теоретические положения о связи человеческого капитала с механизмами экономического поведения человека были развиты в работах Д. Канемана и А. Тверски [28; 29], предложивших оригинальную для методологии поведенческой экономики теорию перспектив. Ими показано, что люди при принятии экономических решений выбирают вариант с наибольшей психологической перспективой (т. е. наибольшим уровнем психологической комфортности), исходя при этом из своих стереотипных представлений и интуиции.

В другом ключе понимания связи человеческого капитала с внеэкономическими факторами американский ученый Р. Талер рассматривает влияние на экономическое поведение представлений людей о справедливости [30; 31].

Комплексным изучением проблем человеческого капитала, выдвижением и развитием положений о влиянии социокультурных факторов и коллективных представлений на экономические практики занимается социология. Начало этому направлению исследований было положено в известной работе М. Вебера «Про-

тестантская этика и дух капитализма». В ней предпринята попытка установить связь между системой ценностей, производной от конкретной религиозной доктрины, и особенностями организации предпринимательской деятельности, в том числе склонностью к ней. Классический тезис М. Вебера о том, что трудовая этика протестантизма способствовала большему «экономическому рационализму» и, как следствие, более высокому уровню развития предпринимательства в странах с преимущественно кальвинистским населением [32, с. 67–69, 204–206], в дальнейшем, хотя и подвергался критике, стимулировал развитие концепций социокультурной обусловленности экономических практик и, таким образом, привел к исследованию этой стороны человеческого капитала в работах М. Зафировски, Р. Коллинза, Б. Мартина, В. Шлуктера, М. Тамари и др. [33, с. 108–110].

Среди трудов отечественных ученых по данной проблематике следует выделить, прежде всего, работы М.К. Горшкова, который в рамках мегапроекта исследования современного российского общества дал глубокий анализ влияния неэкономических факторов на социально-экономическое развитие [9] и выделил социокультурный вектор этого влияния [34].

Социокультурные факторы человеческого капитала в дискурсе российской модернизации исследовал Н.И. Лапин [35]. Под его руководством был осуществлен уникальный проект по разработке и составлению Атласа модернизации России и ее регионов, с оригинальным комплексным анализом социоэкономических и социокультурных тенденций и проблем, имевший широкий резонанс в научно-академическом сообществе [36]. В указанном дискурсе особо выделяются специфические проблемы человеческого капитала на новом этапе освоения и развития Арктической зоны, Крайнего, Дальнего и Ближнего Севера России.

В изучении указанных проблем важен геосистемный подход, выдвинутый В.Н. Лаженцевым [37], использованный авторами конгруэнтно своей геосоциопространственной методологии, в которой дополнительно к исследованию субъект-объектных отношений в определенном геофизическом (территориальном) пространстве изучаются субъект-субъектные отношения акторов тех или иных социальных

процессов [38–41]. Для нас также были интересны идеи Н.Ю. Замятиной и А.Н. Пилясова [42].

Нами была учтена методологическая специфика социологического анализа социокультурной среды северного региона, показанная, в частности, в исследовании А.А. Шабуневой и Н.А. Окуловой [43].

Рефлексия концептуальных подходов дает возможность построить дизайн исследования социальных практик индивидов, определяющих формирование и воспроизводство человеческого капитала в условиях Крайнего Севера, собственно арктических регионов, который позволяет выявить, насколько эти практики сложились под влиянием социокультурных факторов, в том числе усвоенных ранее в ходе социализации установок и ценностей, стимулирующих и мотивирующих индивидов на целевую заботу о своем здоровье и образовании, соответствующие вложения, также связанные с отдачей на человеческий капитал и реальными возможностями конвертации его в доход и социально-профессиональный статус.

Эмпирической основой для нашего исследования послужили материалы двух массовых выборочных опросов, проведенных под руководством одного из авторов, К.О. Малининой, при активном участии в сборе и обработке данных старших научных сотрудников Федерального исследовательского центра комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаврова РАН канд. сельхоз. наук Т.А. Блынской и канд. полит. наук А.М. Максимова. Они были проведены практически параллельно весной (март – май) 2018 года в двух арктических регионах: Архангельской области (на территориях, отнесенных к АЗ РФ) и Ямало-Ненецком автономном округе (ЯНАО). При этом предполагалось, что арктические территории Архангельской области (АО) представляют определенную модель западной (европейской) части российской Арктики, ЯНАО – восточную (урало-сибирскую). Первый опрос, в рамках ФНИР «Мониторинг социально-психологической и социокультурной ситуации в Арктической зоне Российской Федерации», проводился среди населения шести муниципальных образований Архангельской области, включенных в состав АЗ РФ (города Архангельск, Северодвинск,

Новодвинск, Онежский, Приморский и Мезенский муниципальные районы). Тип выборки – квотная, репрезентативная по полу, возрасту и району проживания; размер выборки $n = 407$ человек; доверительный интервал $\leq 4,9\%$. Во втором случае, в рамках проекта Российского фонда фундаментальных исследований «Ценностные и когнитивные факторы предпринимательского поведения населения арктических территорий России» (с использованием материалов первого опроса, вторичным его анализом посредством целевой обработки первичной информации), выборка была расширена за счет нового опроса 405 жителей арктических территорий Архангельской области и 299 – в Ямало-Ненецком автономном округе. В итоге, при стратифицированном типе выборки, ее общий размер составил 704 человека при доверительном интервале $\leq 3,7\%$. Обработка результатов осуществлялась по программе SPSS, раздельно по каждому региону и по общей выборочной совокупности. Сопоставление результатов опросов с данными государственной статистики и экспертных оценок позволяет сделать более обоснованные выводы об изученных проблемах.

В целях сравнительного анализа характеристик (показателей) человеческого капитала с материальным положением опрошенных респондентов была проведена процедура самооценки материального положения по дифференцированной шкале (рис. 1).

Показанное распределение близко соотносится со статистическими данными и отражает существенно более высокие показатели среднедушевых доходов населения и ВПП на душу населения (табл. 3).

Социально-профессиональная структура по региональным выборкам представлена на рисунке 2. В данном распределении среди респондентов Ямало-Ненецкого АО в отличие от Архангельской области заметно меньше доля тех, кто отнес себя к пенсионерам, что может быть объяснено распространением в округе практик работы пенсионеров, широким использованием вахтового метода привлечения работников на крупные нефтегазодобывающие предприятия, расположенные в регионе, а также практикой переезда пенсионеров в регионы с более благоприятным климатом. В остальных когортах соотношение долей для подобных социально-профессиональных групп

Рис. 1. Оценка респондентами своего материального положения, % к каждой группе, занятой в опросах

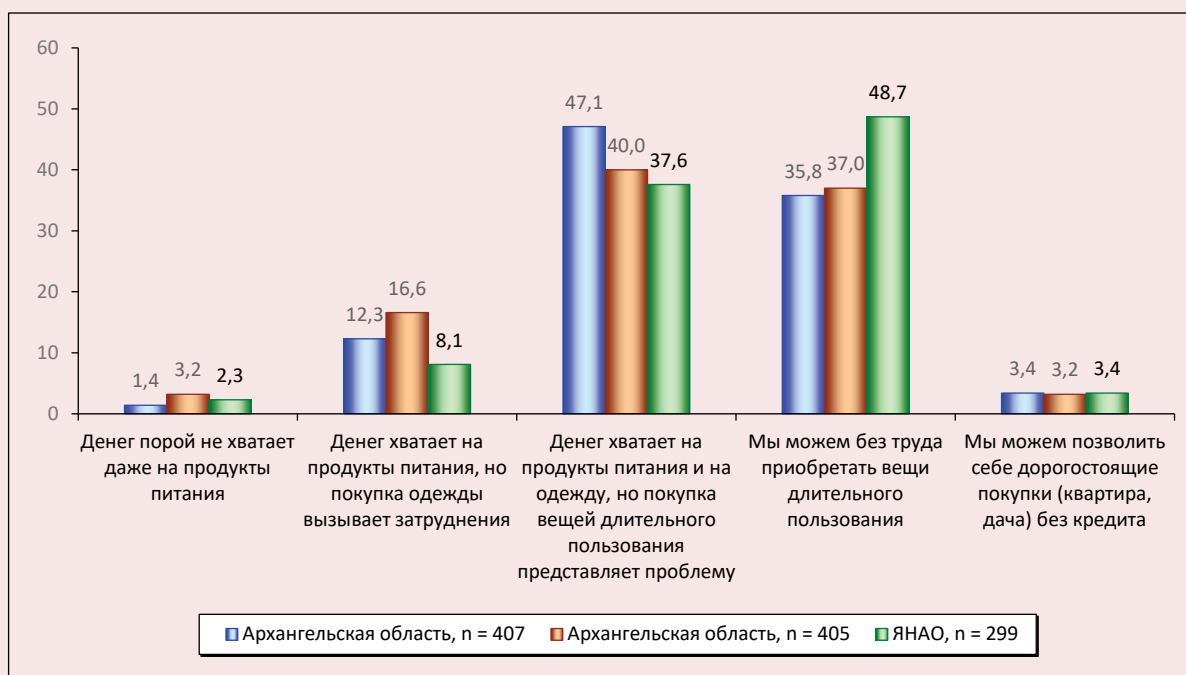
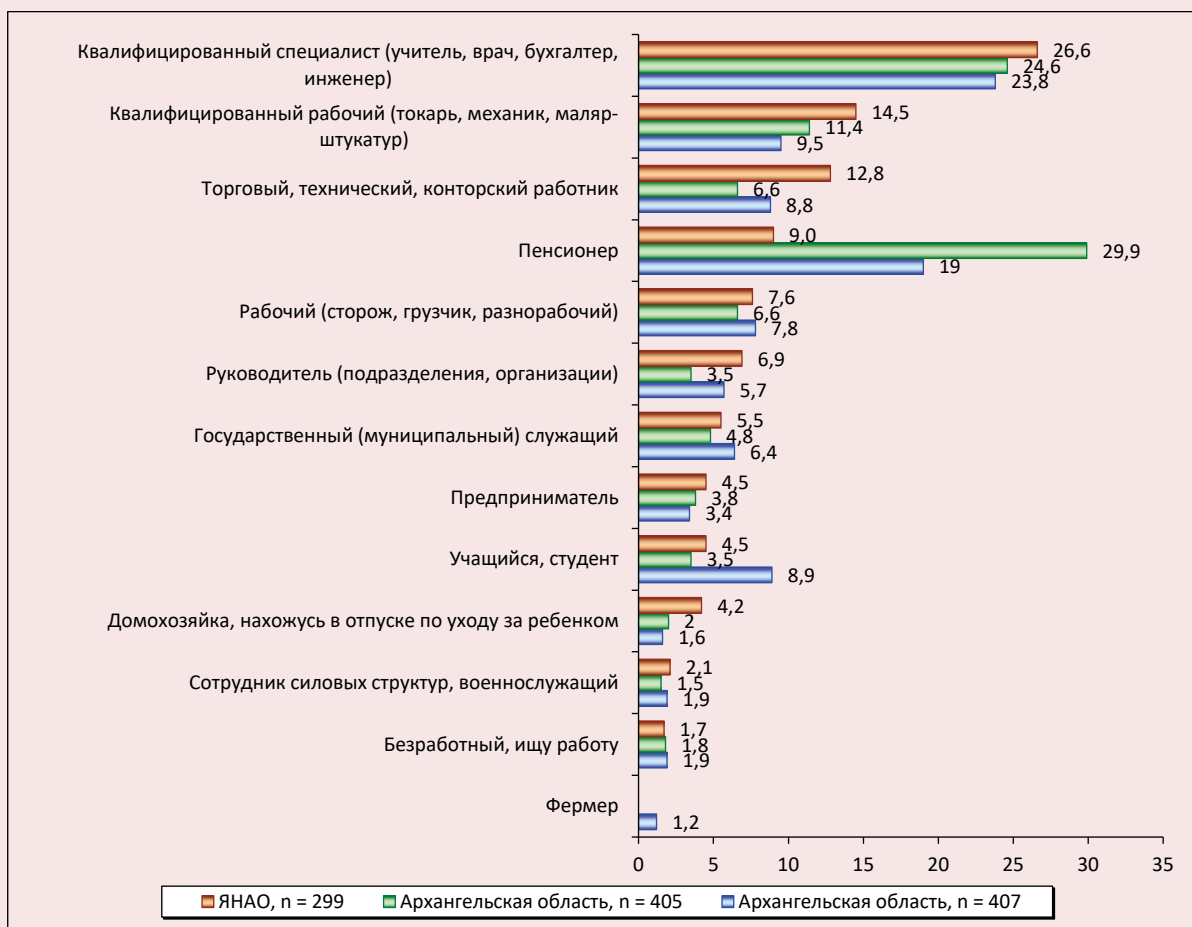

Таблица 3. Динамика среднедушевых показателей ВРП и доходов населения в Архангельской области и Ямало-Ненецком автономном округе

ВРП на душу населения, тыс. руб.*					
Регион	2014	2015	2016	2017	2018
Архангельская область (без НАО)	310,8	352,8	377,9	418,4	464,9**
Ямало-Ненецкий АО	3025,7	3336,5	3785,5	4581,2	5710,1***
Россия в целом	405,2	449,1	472,1	510,3	нет данных
Среднедушевые денежные доходы населения, руб.****					
Архангельская область (без НАО)	28033	31114	31043	31705	31888
Ямало-Ненецкий АО	61252	66795	67521	71705	74304
Россия в целом	27766	30467	30744	31367	32609

Источники: *Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. Национальные счета. Валовой региональный продукт. URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/#
 ** Официальный сайт Управления Федеральной службы государственной статистики по Архангельской области и Ненецкому автономному округу. URL: <https://arhangelskstat.gks.ru/grp11001>
 *** Ямало-Ненецкий автономный округ в цифрах (2015–2019): краткий стат. сб. Тюмень, 2020. 193 с. С. 8. URL: https://tumstat.gks.ru/storage/mediabank/25159_2020.pdf
 **** Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: стат. сб. / Росстат. М., 2017. 1402 с. С. 242–243; Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. Среднедушевые денежные доходы по субъектам Российской Федерации. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_11sub.htm

Рис. 2. Распределение респондентов по социально-профессиональным статусам, % к каждой совокупности опрошенных

в разных выборках значимо не отличается. К тому же несравненно меньшая численность нетрудоспособного населения в ЯНАО при прочих равных составляющих косвенно указывает на больший объем совокупного человеческого капитала округа.

Укажем, что официальные показатели безработицы по Архангельской области и Ямало-Ненецкому АО в несколько раз выше (табл. 4), чем доля безработных в наших выборках. Разница отчасти объясняется тем, что лица этой категории, как правило, менее всего склонны принимать участие в социологических опросах или указывать свой статус.

Таким образом, в дизайне нашего исследования теоретические подходы, включающие чувствительные категории, характеризующие человеческий капитал (образование, здоровье, социально-профессиональный статус), доста-

точно легко квантифицируемые, сопрягаются с количественными представлениями сложно квантифицируемых категорий ценностных ориентаций и установок, требующих особых валидных шкал и инструментария, в том числе в выражениях и объяснениях связей (взаимосвязей).

Результаты первого порядка. Образование, здоровье, социально-профессиональный статус: как они связаны в социологической оценке человеческого капитала арктических регионов

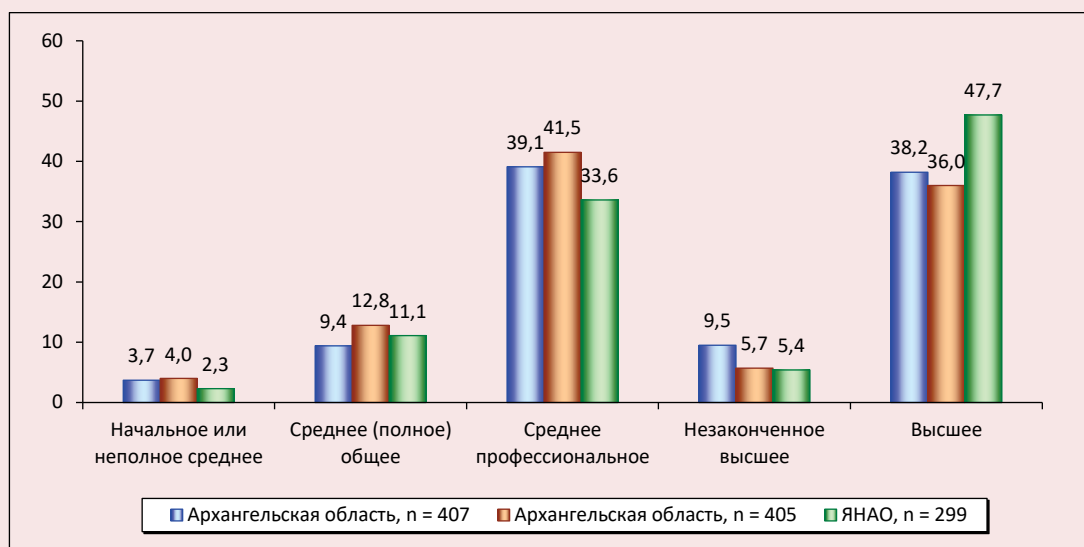
Представляя аналитический обзор статистически значимых связей по данным, полученным в наших опросах, прежде всего кратко остановимся на особенностях распределения образовательных статусов респондентов двух арктических регионов. Частотное распределение по каждой из выборок представлено на рисунке 3.

Таблица 4. Динамика уровня безработицы в Архангельской области и Ямало-Ненецком автономном округе, %

Регион	2014	2015	2016	2017	2018
Архангельская область (без НАО)	7,3	6,8	7,1	6,4	6,3
Ямало-Ненецкий АО	3,1	3,6	2,6	3,2	2,1
Россия в целом	5,2	5,6	5,5	5,2	4,8

Источник: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. Рынок труда, занятость и заработная плата. Трудовые ресурсы. Уровень безработицы населения по субъектам РФ. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/tab_trud6.htm

Рис. 3. Распределение респондентов по уровню образования, % к каждой совокупности опрошенных

Среди опрошенных в обоих регионах преобладают лица со средним или высшим профессиональным образованием, что в основном согласуется со статистическими данными и принципиально подтверждает тезис о высоком уровне человеческого капитала в России в целом и в промышленно развитых субъектах РФ в частности. При этом доля лиц с высшим образованием в ЯНАО гораздо выше, чем в Архангельской области, несмотря на более развитую образовательную инфраструктуру последней. Очевидно, в этом также проявляются результаты совместной деятельности органов власти и предприятий нефтегазодобывающей отрасли по эффективному воспроизводству в округе человеческого капитала высокого качества.

Вместе с тем образование, хотя и является важной составляющей человеческого капитала, предполагает взаимосвязи с другими его компонентами, что делает необходимым их выявление и по возможности — измерение. Выявление и измерение статистически зна-

чимых связей (зависимостей) между переменными должно отражать результаты вложений в образовательный капитал, капитал здоровья, а также соответствующие индикаторы отдачи на человеческий капитал (уровень дохода, измеренный через самооценку материального положения и социально-профессиональный статус). Наши данные характеризуют указанные зависимости весьма неоднозначно. В *таблице 5* показано, что между самооценкой материального положения и уровнем образования жителей арктических территорий Архангельской области ($n = 407$) хотя и присутствует статистически значимая связь ($p < 0,01$), но очень слабая (V Крамера $< 0,2$): респонденты, имеющие высшее образование, оценивают свое материальное положение в целом выше, среди них больше доля людей с доходами выше среднего. Однако вне зависимости от уровня образования почти половина всех респондентов принадлежит к лицам со средними доходами.

Таблица 5. Взаимосвязь самооценки материального положения с уровнем образования опрошенных, Архангельская область, $n = 407^*$

		Самооценка материального положения			Итого	
		Денег хватает на продукты питания, но покупка одежды вызывает затруднения	Денег хватает на продукты питания и одежду, но покупка вещей длительного пользования представляет проблему	Мы можем без труда приобретать вещи длительного пользования		
Уровень образования	Среднее (полное) общее	Частота	6	17	12	35
		%	17,1	48,6	34,3	100,0
	Среднее профессиональное	Частота	32	77	46	155
		%	20,6	49,7	29,7	100,0
	Незаконченное высшее	Частота	4	15	16	35
		%	11,4	42,9	45,7	100,0
	Высшее	Частота	5	69	68	142
		%	3,5	48,6	47,9	100,0
Итого		Частота	47	178	142	367
		%	12,8	48,5	38,7	100,0

*Здесь и далее таблицы составлены авторами на основе статистического анализа материалов опросов. В таблицах 5–6 для повышения надежности критерия Хи-квадрат, выявляющего наличие / отсутствие значимой связи между двумя переменными, из анализа исключены группы респондентов с наиболее редко встречающимися, крайними значениями сопрягаемых переменных. Для переменной «самооценка материального положения» эти значения характеризуют наименее и наиболее обеспеченных, для переменной «уровень образования» — лиц с неоконченным средним образованием.

	Значение	Степеней свободы	Асимпт. значимость
Хи-квадрат Пирсона	24,817	6	0,000
Фи	0,260		0,000
V Крамера	0,184		0,000

Из *таблицы 6* видно, что в другой выборке опрошенных ($n = 405$) из Архангельской области остается слабая связь ($p > 0,05$). Вместе с тем для Ямало-Ненецкого округа такая связь обнаружена (V Крамера $\approx 0,2$): респонденты с высшим образованием в два раза чаще отмечали, что имеют доходы выше среднего, по сравнению с респондентами только лишь с общим средним образованием. В этом случае вполне можно предположить, что «конвертация» дипломов о профессиональном образовании в более высокие трудовые доходы если и происходит, то при наличии дополнительных факторов, которые связаны со структурными особенностями рынка труда, в частности большим или меньшим спросом на квалифицированную рабочую силу. Очевидно, что в российских условиях сказывается и «перепроизводство» специ-

алистов с высшим образованием. При этом в современной ситуации, когда инвестиции, как государственные, так и личные, в образование не приносят индивидам особых конкурентных преимуществ на рынке труда и высоких доходов, сохраняющийся значительный спрос на услуги высшего образования показывает, скорее, отношение к нему со стороны россиян – из утилитарного средства по обеспечению в перспективе материально-финансового благополучия оно превратилось в самостоятельную культурную ценность, обязательный компонент усредненного культурного капитала (в том смысле, в котором его трактовал П. Бурдье).

В *таблицах 7, 8* показаны значения перенесенных физического и ментального здоровья, с одной стороны, и самооценки материального положения – с другой³. Здесь очевидно наличие

Таблица 6. Взаимосвязь самооценки материального положения с уровнем образования опрошенных, %
Архангельская область, $n = 405$; Ямало-Ненецкий АО, $n = 299$

		Самооценка материального положения			
		Денег хватает на продукты питания, но покупка одежды вызывает затруднения	Денег хватает на продукты питания и одежду, но покупка вещей длительного пользования представляет проблему	Мы можем без труда приобретать вещи длительного пользования	
Архангельская область	Уровень образования	Среднее (полное) общее	19,6	45,7	34,8
		Среднее профессиональное	20,5	39,1	40,4
		Незаконченное высшее	21,7	30,4	47,8
		Высшее	12,3	44,9	42,8
	Итого	17,4	41,6	41,0	
Ямало-Ненецкий АО	Уровень образования	Среднее (полное) общее	7,1	64,3	28,6
		Среднее профессиональное	11,2	48,0	40,8
		Незаконченное высшее	0,0	37,5	62,5
		Высшее	7,5	28,6	63,9
	Итого	8,4	39,6	52,0	

Архангельская область	Значение	Степеней свободы	Асимпт. значимость
Хи-квадрат Пирсона	5,581	6	0,472
Фи	0,124		0,472
V Крамера	0,088		0,472
Ямало-Ненецкий АО	Значение	Степеней свободы	Асимпт. значимость
Хи-квадрат Пирсона	21,872	6	0,001
Фи	0,282		0,001
V Крамера	0,199		0,001

³ Поскольку в ходе опроса в рамках проекта «Ценностные и когнитивные факторы предпринимательского поведения населения арктических территорий России» вопросы про физическое и ментальное здоровье не задавались, в тексте приводятся результаты анализа, касающиеся только арктических территорий Архангельской области ($n = 407$).

Таблица 7. Взаимосвязь самооценок материального положения и физического здоровья опрошенных, Архангельская область, n = 407*

		Самооценка материального положения			Итого	
		Денег хватает на продукты питания, но покупка одежды вызывает затруднения	Денег хватает на продукты питания и одежду, но покупка вещей длительного пользования представляет проблему	Мы можем без труда приобретать вещи длительного пользования		
Самооценка физического здоровья	Хорошее	Частота	15	50	62	127
		%	11,8	39,4	48,8	100,0
	Скорее хорошее	Частота	11	104	59	174
		%	6,3	59,8	33,9	100,0
	Скорее плохое	Частота	12	23	14	49
		%	24,5	46,9	28,6	100,0
Плохое	Частота	4	2	5	11	
	%	36,4	18,2	45,5	100,0	
Итого		Частота	42	179	140	361
		%	11,6	49,6	38,8	100,0

* В таблицах 7–10 при исчислении Хи-квадрата для его большей надежности из анализа исключены группы респондентов с наиболее редко встречающимися, крайними значениями сопрягаемых переменных. Для переменной «самооценка материального положения» эти значения характеризуют наименее и наиболее обеспеченных, для переменной «самооценка ментального здоровья» – людей, крайне низко оценивающих свое эмоциональное и / или психическое состояние.

	Значение	Степеней свободы	Асимпт. значимость
Хи-квадрат Пирсона	31,345	6	0,000
Фи	0,295		0,000
V Крамера	0,208		0,000

Таблица 8. Взаимосвязь самооценок материального положения и ментального здоровья опрошенных, Архангельская область, n = 407

		Самооценка материального положения			Итого	
		Денег хватает на продукты питания, но покупка одежды вызывает затруднения	Денег хватает на продукты питания и одежду, но покупка вещей длительного пользования представляет проблему	Мы можем без труда приобретать вещи длительного пользования		
Самооценка ментального здоровья	Хорошее	Частота	16	75	72	163
		%	9,8	46,0	44,2	100,0
	Скорее хорошее	Частота	23	95	53	171
		%	13,5	55,6	31,0	100,0
	Скорее плохое	Частота	5	11	12	28
		%	17,9	39,3	42,9	100,0
Итого		Частота	44	181	137	362
		%	12,2	50,0	37,8	100,0

	Значение	Степеней свободы	Асимпт. значимость
Хи-квадрат Пирсона	7,966	4	0,093
Фи	0,148		0,093
V Крамера	0,105		0,093

статистически значимой связи между оценкой респондентами состояния своего физического здоровья и оценкой материального положения: среди людей с хорошим здоровьем выше доля лиц со средними и высокими доходами, тогда как среди малообеспеченных выше доля лиц со слабым здоровьем. Прямая иллюстрация того, что «лучше быть богатым и здоровым, чем – бедным и больным». Но при этом видеть лишь прямую зависимость материального благополучия от физического здоровья будет неоправданной редукцией, поскольку плохое состояние здоровья может быть не только причиной (болезни ведут к снижению трудоспособности и, таким образом, снижению доходов), но и следствием низкого уровня жизни (бедность способствует ухудшению состояния здоровья из-за некачественного питания, плохих бытовых условий, недоступности медицинских услуг и оздоровительных процедур). Что же касается ментального здоровья жителей арктических территорий Архангельской области, то оно, согласно приведенным данным, статистически связано с самооценкой их материального положения очень слабо ($p > 0,05$). Объяснение этому может быть двояким: или сказывается недооценка респондентами важности своего душевного здоровья, или «суровый северный характер» органически предполагает психическую устойчивость и т. п.

Наиболее значимыми, как и предполагалось, оказались взаимосвязи социально-профессионального положения и уровня образования (табл. 9, 10). Данные по всем трем выборкам свидетельствуют, что принадлежность к тем или иным социально-профессиональным группам, отличающимся не только содержанием труда и требованиями к квалификации, но и статусом, в значительной мере определяется формальным, в том числе профильным, образованием. Среди респондентов со средним образованием наибольшая доля у представителей групп с относительно невысоким статусом в системе социально-профессиональной стратификации (неквалифицированные рабочие, в меньшей степени – квалифицированные рабочие). В группе лиц со средним профессиональным образованием во всех выборках преобладают квалифицированные рабочие. Значительны также доли низкоквалифицированных работников сферы услуг и квалифицированных специалистов (врачей, инженеров, учителей и т. п.), которых отличает более высокий статус, связанный с более высокой квалификацией и интеллектуальным характером труда. В группе респондентов с высшим образованием наблюдается преобладание квалифицированных специалистов (более половины от числа опрошенных), а также наиболь-

Таблица 9. Взаимосвязь уровня образования опрошенных и принадлежности к социально-профессиональной группе, Архангельская область, n = 407, % по столбцам

К какой социально-профессиональной группе Вы себя относите?	Уровень образования			Всего
	Среднее (полное) общее	Среднее профессиональное	Высшее	
Неквалифицированный рабочий	41,4	11,4	0,0	9,3
Квалифицированный рабочий	17,2	20,7	2,3	12,3
Государственный (муниципальный) служащий	10,3	6,4	9,9	8,3
Торговый, технический, конторский работник	10,3	15,0	4,6	10,0
Квалифицированный специалист	0,0	16,4	54,2	31,3
Руководитель (подразделения, организации)	6,9	0,0	14,5	7,0
Пенсионер	13,8	30,0	14,5	21,7

	Значение	Степеней свободы	Асимпт. значимость
Хи-квадрат Пирсона	142,174	12	0,000
Фи	0,688		0,000
V Крамера	0,487		0,000

Таблица 10. Взаимосвязь уровня образования опрошенных и принадлежности к социально-профессиональной группе, Архангельская область, n = 405; Ямало-Ненецкий АО, n = 299, % по столбцам

К какой социально-профессиональной группе Вы себя относите?	Уровень образования							
	Архангельская область				Ямало-Ненецкий АО			
	Среднее (полное) общее	Среднее профессиональное	Высшее	Всего	Среднее (полное) общее	Среднее профессиональное	Высшее	Всего
Неквалифицированный рабочий	20,5	7,6	0,8	6,4	26,9	12,0	2,6	8,9
Квалифицированный рабочий	12,8	18,8	2,3	11,1	15,4	31,3	5,2	16,0
Государственный (муниципальный) служащий	5,1	2,8	9,2	5,7	7,7	4,8	7,8	6,7
Торговый, технический, конторский работник	10,3	9,7	3,1	7,0	11,5	19,3	13,8	15,6
Квалифицированный специалист	7,7	18,8	48,1	29,6	15,4	14,5	50,9	33,3
Руководитель (подразделения, организации)	2,6	1,4	8,4	4,5	0,0	3,6	13,8	8,4
Пенсионер	41,0	41,0	28,2	35,7	23,1	14,5	6,0	11,1

Архангельская область	Значение	Степеней свободы	Асимпт. значимость
Хи-квадрат Пирсона	84,346	12	0,000
Фи	0,518		0,000
V Крамера	0,366		0,000
Ямало-Ненецкий АО	Значение	Степеней свободы	Асимпт. значимость
Хи-квадрат Пирсона	75,605	12	0,000
Фи	0,580		0,000
V Крамера	0,410		0,000

ший удельный вес руководящих работников, имеющих, соответственно, и наиболее высокий статус в социально-профессиональной иерархии. Таким образом, получается, что отдача от инвестиций в образовательный капитал в гораздо большей мере проявляется в уровнях социально-профессиональной стратификации, нежели в уровнях доходов.

В таблицах 11–12⁴ отражена взаимосвязь социально-профессионального статуса и здоровья. Статистически значимая связь физического здоровья с принадлежностью к определенной социально-профессиональной группе имеется, но проявляется как весьма слабая ($p > 0,05$), если не учитывать случаи, когда респонденты выбирали вариант «плохое».

⁴ Данные только для арктических территорий Архангельской области.

В отношении ментального здоровья также выявлено наличие слабой связи между рассматриваемыми переменными. При этом, с одной стороны, среди тех, кто оценил свое эмоционально-психологическое состояние как хорошее, достаточно высока (выше среднего по выборке) доля неквалифицированных рабочих (низкостатусная группа); с другой – такая же ситуация характерна и для руководящих работников (высокостатусная группа). Однако представители другой высокостатусной социально-профессиональной группы – государственные и муниципальные служащие. – по мере снижения самооценки ментального здоровья увеличивают свою долю в общем массиве. При такой нелинейной связи переменных можно предположить, что одним из факторов, влияющих на оценку ментального здоровья, выступает рискогенность, наличие стрессов в трудовой деятельности и т. п.

Таблица 11. Взаимосвязь самооценки физического здоровья опрошенных и принадлежности к социально-профессиональной группе, Архангельская область, n = 407, % по столбцам

К какой социально-профессиональной группе Вы себя относите?	Самооценка физического здоровья			Итого
	Хорошее	Скорее хорошее	Скорее плохое	
Неквалифицированный рабочий	10,4	9,1	13,0	10,1
Квалифицированный рабочий	17,7	11,0	4,3	12,2
Государственный (муниципальный) служащий	5,2	11,0	8,7	8,8
Торговый, технический, конторский работник	12,5	11,7	10,9	11,8
Квалифицированный специалист	27,1	31,8	26,1	29,4
Руководитель (подразделения, организации)	11,5	6,5	4,3	7,8
Пенсионер	15,6	18,8	32,6	19,9

	Значение	Степеней свободы	Асимпт. значимость
Хи-квадрат Пирсона	15,865	12	0,198
Фи	0,232		0,198
V Крамера	0,164		0,198

Таблица 12. Взаимосвязь самооценки ментального здоровья опрошенных и принадлежности к социально-профессиональной группе, Архангельская область, n = 407, % по столбцам

К какой социально-профессиональной группе Вы себя относите?	Самооценка ментального здоровья			Итого
	Хорошее	Скорее хорошее	Скорее плохое	
Неквалифицированный рабочий	13,0	8,0	7,7	10,1
Квалифицированный рабочий	12,2	13,3	3,8	12,1
Государственный (муниципальный) служащий	4,6	10,0	15,4	8,1
Торговый, технический, конторский работник	10,7	11,3	11,5	11,1
Квалифицированный специалист	33,6	27,3	23,1	29,6
Руководитель (подразделения, организации)	12,2	2,7	3,8	6,8
Пенсионер	13,7	27,3	34,6	22,1

	Значение	Степеней свободы	Асимпт. значимость
Хи-квадрат Пирсона	26,774	12	0,008
Фи	0,295		0,008
V Крамера	0,209		0,008

Из приведенных данных следует, что статистически значимую зависимость хотя бы одного из параметров оценки отдачи вложений на человеческий капитал оказывает лишь уровень образования, причем в наибольшей мере это проявляется во влиянии на при-

надлежность к социально-профессиональным группам с определенным рангом статуса: чем выше уровень образования, тем больше увеличиваются доли представителей высокостатусных социально-профессиональных групп.

Результаты второго порядка. Ценностные ориентации в социокультурных основаниях воспроизводства человеческого капитала арктических регионов

В ряде упомянутых выше концепций содержится утверждение о влиянии аттитудов и ценностных ориентаций на базовые паттерны экономического поведения. Основным постулатом в этом отношении выступает тезис о том, что ценностные ориентации и сложившиеся под их влиянием личностные качества способствуют формированию таких моделей поведения, которые позволяют достигать желаемого уровня материального благополучия и соответствующего статуса в системе социально-профессиональной стратификации.

Анализ полученного нами эмпирического материала в основном подтверждает гипотезу о том, что ценностные ориентации могут быть факторами воспроизводства человеческого капитала (усилий по повышению образовательного уровня и поддержанию здоровья) и условиями его рационального и эффективного использования (конвертации человеческого капитала в доход и статус). Однако такое влияние не является прямым и жестко определенным. Скорее социокультурные факторы в целом и ценностные ориентации в частности носят ам-

бивалентный характер в отношении человеческого капитала.

В целях выявления роли ценностных ориентаций в формировании и воспроизводстве человеческого капитала мы использовали подход М. Рокича, предполагающий выделение ценностей двух классов: терминальных, отражающих целевые установки индивидов (то, чего они хотят достигнуть), и инструментальных, через которые выражается представление об одобряемых средствах достижения целей. Данный подход был адаптирован к отечественным реалиям А. Гоштаусом, А. Семеновым, В. Ядовым, а затем Н.И. Лапиным и др. [37; 44, с. 262–264].

Применение этого подхода в опросах жителей арктических территорий Архангельской области и Ямало-Ненецкого автономного округа дало следующие распределения (табл. 13, 14). Из приведенных данных видно, что доминирующие наборы терминальных ценностей (в их верхних позициях) в двух регионах практически идентичны, а различия средних статистически незначимы (см. табл. 13).

Близкой к вышеприведенной оказалась иерархия инструментальных ценностей, со сравнительно небольшими различиями (см. табл. 14). Это дает основание для анализа выборок по обоим регионам в едином массиве.

Таблица 13. Средние значения приверженности респондентов терминальным ценностям, баллы по пятибалльной шкале

Терминальная ценность	Архангельская область (n = 405)	Ямало-Ненецкий АО (n = 299)
Творчество, хобби	4,28	4,36
Семья и дети	4,87	4,94
Любовь, отношения	4,63	4,66
Здоровье	4,85	4,91
Гармония с окружающим миром	4,52	4,62
Общественное признание	3,77	3,81
Материальная обеспеченность	4,44	4,51
Личная безопасность и безопасность близких	4,85	4,93
Активная, деятельная жизнь	4,33	4,45
Удовольствие, развлечения	3,77	3,79
Жизненная мудрость	4,59	4,64
Мирная, спокойная жизнь	4,78	4,88
Порядок и стабильность	4,72	4,82
Повышение образования и общей культуры	4,53	4,76
Свобода, самостоятельность	4,60	4,68
Равноправие и справедливость	4,62	4,67
Красота природы и произведений искусства	4,60	4,58
Интересная работа	4,57	4,77

Таблица 14. Средние значения приверженности респондентов инструментальным ценностям, баллы по пятибалльной шкале

Инструментальная ценность	Архангельская область (n = 405)	Ямало-Ненецкий АО (n = 299)
Воспитанность, вежливость	4,81	4,86
Аккуратность	4,64	4,72
Жизнерадостность	4,59	4,59
Требовательность к себе и окружающим	4,47	4,44
Амбициозность, желание добиться успеха	4,12	4,21
Исполнительность, добросовестное отношение к обязанностям	4,82	4,87
Самостоятельность, независимость	4,53	4,64
Образованность, обширные знания	4,61	4,74
Ответственность	4,87	4,93
Рассудительность, здравомыслие	4,75	4,84
Сдержанность, самоконтроль	4,70	4,77
Смелость, решительность	4,53	4,60
Настойчивость, твердость характера	4,45	4,51
Терпимость к чужим взглядам, образу жизни	4,24	4,25
Честность	4,83	4,84
Умение понимать и уважать чужую точку зрения	4,70	4,71
Трудолюбие, работоспособность	4,80	4,83
Чуткость, заботливость	4,70	4,77

Анализ корреляций между терминальными и инструментальными ценностями, с одной стороны, и индикаторами материального благополучия и социально-профессионального статуса, с другой, показал, что статистически значимых связей ($p \leq 0,05$) между двумя группами перемен-

ных немного и все они весьма слабые (табл. 15). Получается, что в данном случае ценности обоих классов практически не имеют прямого и непосредственного влияния на конвертацию человеческого капитала в материальное благополучие и социально-профессиональные достижения.

Таблица 15. Взаимосвязь степени приверженности терминальным и инструментальным ценностям, самооценки материального положения и социально-профессионального статуса в общей совокупности опрошенных в Архангельской области и ЯНАО (n = 704*)

Терминальная ценность	Самооценка материального положения	Социально-профессиональный статус
Материальная обеспеченность		$\chi^2 = 0,031$ V Крамера = 0,152
Удовольствие, развлечения		$\chi^2 = 0,004$ V Крамера = 0,179
Личная безопасность и безопасность близких	$\chi^2 = 0,025$ V Крамера = ,0116	
Инструментальная ценность		
Смелость, решительность	$\chi^2 = 0,025$ V Крамера = 0,125	$\chi^2 = 0,001$ V Крамера = 0,186
Терпимость к чужим взглядам, образу жизни	$\chi^2 = 0,004$ V Крамера = 0,130	
Сдержанность, самоконтроль	$\chi^2 = 0,047$ V Крамера = 0,109	
Настойчивость, твердость характера	$\chi^2 = 0,000$ V Крамера = 0,147	
Трудолюбие, работоспособность	$\chi^2 = 0,004$ V Крамера = 0,131	

* Единый массив по Ямало-Ненецкому АО и арктическим муниципалитетам Архангельской области.

Более основательными выглядят представления о ценностных ориентациях в качестве факторов вложений в человеческий капитал — и в здоровье, и в образование. Тем более что среди терминальных ценностей есть и то, и другое, а среди инструментальных — такие ценности, которые представляются важными для успешного продвижения по социально-профессиональной лестнице («исполнительность, добросовестное отношение к обязанностям», «ответственность», «трудолюбие/работоспособность», «амбициозность»).

В таблице 16 представлены коэффициенты сопряженности для статистически значимых ($p \leq 0,05$) связей между выделяемыми ценностями и уровнем образования (в рамках опроса, на материале которого проводится анализ, вопросы про самооценку здоровья не задавались). Вполне ожидаемо, что в числе таких ценностей оказались «повышение образования и общей культуры», «общественное признание», «материальная обеспеченность», при весьма слабой связи между независимыми и зависимой переменными (V Крамера $< 0,2$). Как и в случае с уровнем образования, значимое влияние приверженности определенным ценностным ориентациям не прослеживается, хотя, по предположению, отдельные из них должны были бы непосредственно стимулировать и мотивировать индивидов на получение профессионального образования, в том

числе и высшего. Объяснением такому неожиданному «сглаживанию» могут быть изначально очень высокие средние значения всех ценностей, для которых подтверждена достаточно сильная взаимосвязь с уровнем образования (за исключением «общественного признания»).

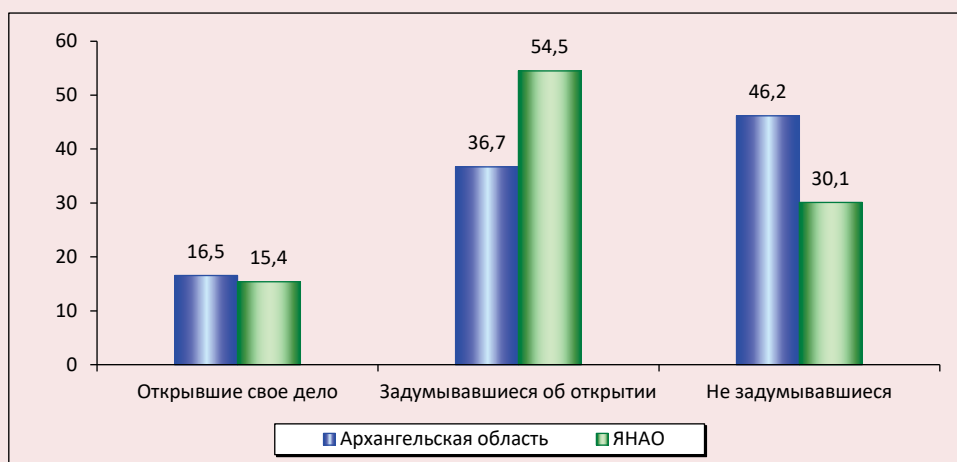
Весьма интересным оказался сюжет о связи терминальных и инструментальных ценностей со склонностью (позитивный аттитюд в качестве источника мотивации) к предпринимательской деятельности. Для выявления этой склонности и соответствующей группировки респондентов использовались ответы на вопрос «Задумывались ли вы хотя бы раз о том, чтобы открыть свое дело?»: 1) открывшие свое дело («предприниматели»), 2) задумывающиеся об открытии своего дела («потенциальные предприниматели»), 3) не задумывавшиеся об этом («непредприниматели»).

Для каждой группы определялась специфика системы ценностных ориентаций. При этом выявление различий между группами строилось именно на основе полученных эмпирических данных и не предполагало сопоставления системы ценностей первой группы респондентов (предпринимателей) с некими претендующими на универсальность ценностными профилями (моделями) «типичного предпринимателя», во множестве представленными в литературе [45, с. 8–10].

Таблица 16. Взаимосвязь степени приверженности терминальным и инструментальным ценностям и образовательного уровня респондентов в общей совокупности опрошенных в Архангельской области и ЯНАО ($n = 704$)

	Уровень образования
Терминальная ценность	
Материальная обеспеченность	$\chi^2 = 0,003$ V Крамера = 0,124
Семья и дети	$\chi^2 = 0,009$ V Крамера = 0,113
Здоровье	$\chi^2 = 0,027$ V Крамера = 0,103
Общественное признание	$\chi^2 = 0,007$ V Крамера = 0,122
Повышение образования и общей культуры	$\chi^2 = 0,005$ V Крамера = 0,119
Инструментальная ценность	
Исполнительность, добросовестное отношение к обязанностям	$\chi^2 = 0,000$ V Крамера = 0,137

Рис. 4. Распределение респондентов по группам с разной склонностью к предпринимательству в Архангельской области и ЯНАО (n = 704), % к общему числу опрошенных

Распределение респондентов по трем сконструированным группам (рис. 4) показывает большой потенциал предпринимательства в Ямало-Ненецком автономном округе, однако доли тех, кто отнес себя к действующим предпринимателям (с учетом ошибки выборки) в обоих регионах примерно одинаковы.

Если учесть (как было показано выше, см. табл. 13, 14), что существенных различий в иерархиях ценностей у жителей двух регионов не обнаружено, то различия в склонности к предпринимательству (потенциале) обусловлены какими-то особыми обстоятельствами, например более благоприятным инвестицион-

ным климатом, институциональными и инфраструктурными позициями для занятия малым и средним бизнесом в ЯНАО по сравнению с Архангельской областью⁵.

Возвращаясь к вопросу о различиях в ценностях между региональными группами респондентов (включая латентное влияние склонных к предпринимательству в обеих выборках), следует отметить, что проведенный нами по этому поводу целевой дискриминантный анализ показал их весьма большую сходимость (табл. 17; представлены только те терминальные и инструментальные ценности, различия по которым статистически значимы, $p \leq 0,05$).

Таблица 17. Индексы отношения к терминальным и инструментальным ценностям у опрошенных в Архангельской области и ЯНАО (n = 704) по результатам дискриминантного анализа

Ценность	λ Уилкса*	F**
Архангельская область		
Успех в карьере	0,97	5,41
Повышение образования и общей культуры	0,98	4,06
Амбициозность, желание добиться успеха	0,97	6,71
ЯНАО		
Успех в карьере	0,98	3,48
Красота природы и произведений искусства	0,98	3,02
Интересная работа	0,99	3,11
Амбициозность, желание добиться успеха	0,96	6,00

* Показатель отношения меры внутригрупповой изменчивости к мере общей изменчивости.
 ** Показатель отношения среднего квадрата между группами к среднему квадрату внутри группы.

⁵ VII ежегодный рейтинг инвестиционной привлекательности регионов России за 2019 г. // Национальное рейтинговое агентство. URL: http://www.ra-national.ru/sites/default/files/Obzor_Rating_Investment_Regions_VII_2020.pdf

Несмотря на то, что группы респондентов отличаются друг от друга по степени приверженности к указанным ценностям (ранее мы отмечали, что рост приверженности к этим ценностям растет по мере роста склонности к предпринимательству), целевой показатель λ Уилкса близок к 1, что означает очень слабую степень дискриминации по выделенным переменным. Таким образом, разница в ценностях между предпринимателями и людьми, не склонными к такой деятельности, хотя и имеется, но не является определяющей в выборе формы экономической деятельности. Очевидно, гораздо более значимую роль могут играть те или иные условия, благоприятствующие или препятствующие конкретному выбору.

Дискуссия. Обсуждение результатов

Анализ эмпирического материала, полученного в ходе массовых выборочных опросов, позволяет сделать вывод об амбивалентном характере проявления социокультурных факторов в отношении человеческого капитала северян. Эти факторы могут выступать и в качестве оснований и в качестве составляющих эту форму капитала. Наиболее выражена связь образования и социально-профессионального статуса. Она весьма линейна, поскольку именно рост уровня образования является прямым фактором повышения социально-профессионального статуса, а не наоборот. Влияние образовательного уровня на социально-профессиональное продвижение в арктических регионах усиливается, прежде всего, за счет неоиндустриального вектора развития (особенно — ЯНАО) в экстремальных природно-климатических условиях, требующих особых качеств человеческого капитала в целом, крепкого здоровья и профессионального образования в частности. К тому же образование прямо и непосредственно связано с культурным капиталом, входит в социокультурный потенциал работника, представляет базовые универсалии для непрерывного образования, в том числе — повышения квалификации и перепрофилизации.

В то же время гипотеза о взаимосвязи результатов вложений (инвестиций) в человеческий капитал (индикаторами выступили образовательный уровень и самооценка здоровья) и уровня материального благосостояния (индикатор — самооценка доходов домохозяйства) подтвердилась лишь частично. Выявлена устой-

чивая связь материального благосостояния и физического здоровья, однако сила связи невысокая, а ее характер весьма неоднозначен: более высокие доходы могут быть получены в результате более высокой производительности, фактором чего выступает крепкое здоровье, но есть и другой, противоположный вариант — низкие доходы могут привести к ухудшению здоровья. В арктических условиях преобладает первый тренд, хотя определенная часть населения (до 20–25%) открыто или латентно находится во втором. Для ЯНАО второй тренд менее характерен, некоренные жители таких низкостатусных категорий «мягко» вытесняются из региона.

Один из основных вопросов исследования — о влиянии ценностных ориентаций на паттерны экономического поведения — получил некоторое решение: обнаружена статистически значимая связь между отдельными ценностными ориентациями (как терминального, так и инструментального порядка) и переменными, отражающими доход, статус и образование респондентов, но все же было бы неоправданной редукцией утверждать, что именно ценности оказывают непосредственное прямое воздействие на все другие части (компоненты) человеческого капитала и его конвертацию в материальные и статусные позиции индивида. Исследования свидетельствуют о том, что воздействие социокультурных факторов носит фундаментальный, глубинный характер. В условиях арктических регионов особое значение в этих процессах имеют внешние (начиная с природно-климатических и кончая социально-психологическими) по отношению к индивидам, их группам и той культурной среде, в которой они социализировались, факторы, связанные с пространственным мейнстримом, рыночной конъюнктурой, институциональными форматами, северной инфраструктурой и другими параметрами политико-экономической системы.

Также очень важным остается вопрос о соотношении индивидуальных, корпоративных и государственных вложений (инвестиций) в человеческий капитал и его отдельные части. В российских условиях при высочайшей степени социального неравенства возможности достаточно полных индивидуальных вложений в человеческий капитал имеют очень немногочисленные слои. В нашем исследовании они представлены состоятельными предпринима-

телями, высококвалифицированными специалистами и руководителями, характеризующимися наибольшим человеческим капиталом во всех отношениях. Примыкающая к ним группа государственных (муниципальных) служащих наращивает свой человеческий капитал высокого качества в основном за казенный счет. Все остальные группы имеют весьма скромные возможности для получения «стартового» капитала в общих и профессиональных школах, минимум медицинских услуг и некоторые социальные льготы для отдельных категорий малоимущих в бюджетных государственных услугах. Весь дальнейший прирост в лучшем случае обе-

спечивают корпорации, в арктических и других сырьевых регионах это наиболее перспективный вариант. Многие другие организации не имеют таких возможностей. Таким образом, для большинства работников с низкими доходами возникает замкнутый круг простого воспроизводства и использования своего человеческого капитала, зачастую сводимого к цене (стоимости) рабочей силы. Необходимо разорвать этот замкнутый круг путем многоканального финансирования, стимулирования и мотивации к росту человеческого капитала и его эффективного использования в цифровой экономике: высокотехнологических производствах и сфере услуг.

Литература

1. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность*. 2001. № 3. С. 20–41.
2. Schultz T. *Investing in People. The Economics of Population Quality*. Berkeley: University of California Press, 1981. 175 p.
3. Becker G. *Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education*. New York: National Bureau of Economic Research, 1994. 392 p.
4. Бурдые П. Формы капитала // *Экономическая социология*. 2002. Т. 3. № 2. С. 60–74.
5. Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // *Экономическая социология*. 2002. Т. 3. № 2. С. 20–25.
6. Кобзистая Ю.Г. Человеческий капитал: понятие и особенности // *Фундаментальные исследования*. 2018. № 2. С. 118–122.
7. Ощепкова Д.С. К вопросу об оценке человеческого капитала // *Вестник Томского государственного университета. Экономика*. 2016. № 2 (34). С. 88–98.
8. Ployhart R.E., Nyberg A.J., Reilly G., Maltarich M.A. Human capital is dead; Long live human capital resources. *Journal of Management*, 2014, no. 40, pp. 371–398.
9. Горшков М.К. О влиянии неэкономических факторов на социально-экономическое развитие общества // *Гуманитарий Юга России*. 2015. № 1. С. 15–25.
10. Ильин В.А., Морев М.В. Замкнутость на материальном как фактор национальной уязвимости России в XXI веке // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2021. Т. 14. № 3. С. 9–33
11. Чесбиев А.А. Человеческий капитал как особый фактор экономической и политической мощи государства // *Научный журнал КубГАУ*. 2016. № 119 (05). С. 1–13.
12. Тугускина Г.Н. Управление развитием человеческого капитала в условиях инновационного развития региона // *Russian Journal of Management*. 2016. Т. 4. № 1. С. 39–46.
13. Блауг М. 100 великих экономистов после Кейнса / пер. с англ., под ред. А.А. Фофонова. СПб.: Экономическая школа. 2005. 352 с.
14. Boztosun D., Aksoylu S., Ulucak Z.Ş. The role of human capital in economic growth. *Economics World*, 2016, vol. 4, no. 3, pp. 101–110.
15. Синицына В.В. Формирование и развитие концепции человеческого потенциала // *Вестник Финансового университета. Гуманитарные науки*. 2019. № 9 (6). С. 150–155.
16. *Human Development Report – 2019*. UNDP. Available at: <http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2019.pdf>
17. Клинова М.В., Сидорова Е.А. Человеческий капитал в Европейском союзе: государственный и наднациональный контексты // *Вопросы экономики*. 2012. № 8. С. 80–97.
18. Ескалиева А.Ж. Человеческий капитал и человеческие ресурсы: проблемы их эффективного использования // *International Journal of Innovative Technologies in Economy*. 2018. № 4 (16). С. 26–30.

19. Bilan Y., Mishchuk H., Dzhyhar T. Human capital factors and remuneration: Analysis of relations, modelling of influence. *Verklas: Teorija ir praktika*, 2017, no. 18, pp. 208–214.
20. Грачев С. А. Оценка величины человеческого капитала регионов на основе многокритериального подхода // Вопросы управления. 2018. № 2 (32). С. 46–52.
21. Габдуллин Н.М. Современные подходы и методы измерения человеческого капитала // Вопросы инновационной экономики. 2018. Т. 8. № 4. С. 785–798.
22. Пришляк Е.А., Радько С.Г. Исследование факторов, влияющих на формирование человеческого капитала в Российской Федерации // Управленческие науки. 2018. № 8 (2). С. 94–105.
23. North D.C. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge University press, 1990. 160 p.
24. Веблен Т. Теория праздного класса: пер. с англ. М.: Прогресс, 1984. 367 с.
25. Карнышев А.Д. Французские истоки экономической психологии (к 130-летию статей Габриеля Тарда) // Известия Байкальского государственного университета. 2011. № 5. С. 209–214.
26. Katona G. *Psychological Economics*. New York: Elsevier Scientific Publishing Company, 1975. 438 p.
27. Саймон Г.А. Теория принятия решений в экономической теории и в науке о поведении // Вехи экономической мысли Т. 2. Теория фирмы / под ред. В.М. Гальперина. СПб.: Экономическая школа, 2000. С. 54–72.
28. Kahneman D., Tversky A. Prospect theory: An analysis of decision under risk. *Econometrica*, 1979, vol. 47, no. 2, pp. 263–291.
29. Tversky A., Kahneman D. Advances in prospect theory: Cumulative representation of uncertainty. *Journal of Risk and Uncertainty*, 1992, vol. 5, no. 4, pp. 297–323
30. Kahneman D., Knetsch J., Thaler R. Fairness and the assumptions of economics. *The Journal of Business*, 1986, no. 59 (4), pp. 285–300.
31. Талер Р. Новая поведенческая экономика. Почему люди нарушают правила традиционной экономики и как на этом заработать. М.: Эксмо, 2017. 368 с.
32. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения: пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
33. Забаев И.В. Религия и экономика: можем ли мы все еще опираться на Макса Вебера? // Социологическое обозрение. 2018. № 3. С. 107–148.
34. Горшков М.К., Комиссаров С.Н. Ревальвация культуры и задачи социологии // Россия реформирующаяся: ежегодник. Вып. 17 / отв.ред. М.К.Горшков. М.: Новый хронограф, 2019. С. 17–47.
35. Лапин Н.И. Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации // Социологические исследования. 2011. № 9. С. 3–12.
36. Тихонов А.В., Маркин В.В. Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы: колл. научный труд / сост. и отв. ред. член-корр. РАН Н.И. Лапин; Центр изучения социокультурных изменений; Институт философии РАН. М., 2016. Рецензия // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 170–172.
37. Лаженцев В.Н. Геосистемный подход к проблемам социально-экономического развития регионов Севера России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 1 (43). С. 81–95.
38. Маркин В.В., Силин А.Н. Циркумпольный регион в контурах социально-пространственной трансформации территории (на примере Ямала) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 6 (48). С. 28–52.
39. Маркин В.В., Силин А.Н. Человеческий и социальный потенциал неоиндустриального освоения Арктики: социологический анализ, моделирование, регулирование // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 6. С. 75–88.
40. Маркин В.В., Силин А.Н., Воронов В.В. Образовательные траектории молодежи коренных малочисленных народов Севера: социально-пространственный дискурс // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 5. С. 141–154.
41. Маркин В.В., Силин А.Н., Вершинин И.С. Здоровье людей в Арктике: социально-пространственный дискурс (на примере Ямало-Ненецкого автономного округа) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 5. С. 182–199.

42. Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н. Российская Арктика: к новому пониманию процессов освоения. Л.: Ленанд, 2019. 400 с.
43. Шабунова А.А., Окулова Н.А. Оценка населением социокультурной среды региона // Социологические исследования. 2011. № 6. С. 36–43.
44. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. 2-е расшир. изд. М.: ЦСПиМ, 2013. 376 с.
45. Предпринимательская культура молодежи в муниципальном образовании: оценка, управление и развитие / П.Л. Глухих [и др.]; под ред. Е.Л. Андреевой. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2017. 117 с.

Сведения об авторах

Валерий Васильевич Маркин – доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель, Центр региональной социологии и конфликтологии, Институт социологии, ФНИСЦ РАН (117218, Российская Федерация, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5); главный научный сотрудник, Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова (603155, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, ул. Минина, д. 31а; e-mail: markinval47@yandex.ru)

Анатолий Николаевич Силин – доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Тюменский индустриальный университет (625000, Российская Федерация, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 38); Западно-Сибирский филиал, ФНИСЦ РАН (625003, Российская Федерация, г. Тюмень, ул. Ленина, д. 16; e-mail: sm-2004@rambler.ru)

Кристина Олеговна Малинина – кандидат социологических наук, заведующий лабораторией, Институт комплексных исследований Арктики, ФИЦ комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаверова Уральского отделения РАН (163000, Российская Федерация, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 23; e-mail: malinina.ciom@gmail.com)

Markin V.V., Silin A.N., Malinina K.O.

Reproduction of Human Capital in the Arctic Regions of Russia: Socio-Cultural Context

Abstract. The formation and reproduction of human capital, as the most important prerequisite for modern development, has not only sectoral, but also regional features. The article, which continues a series of our works on human capital in the conditions of the Arctic zone of the Russian Federation, considers the influence of socio-cultural factors on human capital in the Arctic territories. The aim of the study is to present a new approach to the role of socio-cultural factors (foundations and components) in human capital development in the Arctic regions for a new (neo-industrial) stage of their exploration. In this regard, we clarify conceptual foundations of the studies on human capital presented in the works of researchers from Russia and other countries. Within a certain theoretical and methodological framework, we analyze, compare, and summarize the findings of a sociological study conducted in March – May 2018 in the Arkhangelsk Oblast (in the Arctic territories) and Yamalo-Nenets Autonomous Okrug; to this end, we use methods such as mass surveys and statistical data analysis. We provide data that characterize human capital of the Northerners in terms of their financial situation; we prove the existence of a direct dependence on regional (higher – in Yamalo-Nenets Autonomous Okrug), sectoral (especially oil and gas enterprises), socio-professional (especially managers, highly qualified specialists, state and municipal employees) aspects. With the use of multidimensional measurements, we show the interrelations and individual dependencies of the variables that characterize education, health and socio-professional status in the structure of human capital in the surveyed regions. We also focus our attention on the role of value

orientations in the formation and reproduction of human capital. In conclusion, we note that the impact of socio-cultural factors on human capital is ambivalent: on the one hand, they act as a fundamental basis, on the other hand, some of them (education, work motivation, etc.) act as structural components. We propose measures aimed at strengthening national and regional policies (including investment) in the development of human capital in the Russian Arctic.

Key words: human capital, Arctic regions of Russia, socio-cultural factors, sociological approach, multidimensional measurements.

Information about the Authors

Valerii V. Markin – Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Chief Researcher, head, Center for Regional Sociology and Conflictology Studies, Institute of Sociology – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (24/35, building 5, Krzhizhanovsky Street, Moscow, 117218, Russian Federation); Chief Researcher, Linguistics University of Nizhny Novgorod (31A, Minin Street, Nizhny Novgorod, 603155, Russian Federation; e-mail: markinval47@yandex.ru)

Anatolii N. Silin – Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Chief Researcher, Tyumen Industrial University (38, Volodarsky Street, Tyumen, 625000, Russian Federation); West-Siberian Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (16, Lenin Street, Tyumen, 625003, Russian Federation; e-mail: sm-2004@rambler.ru)

Kristina O. Malinina – Candidate of Sciences (Sociology), head of laboratory, Institute for Integrated Arctic Studies, N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (23, Northern Dvina Embankment, Arkhangelsk, 163000, Russian Federation; e-mail: malinina.ciom@gmail.com)

Статья поступила 25.08.2021.

Формирование практик участия граждан в развитии городской среды: хаби́туализация или институционализация «сверху»*

Елена Олеговна

СМОЛЕВА

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: riolenas@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-6452-1441; ResearcherID: I-8343-2016

Аннотация. В статье представлены результаты социологического исследования процесса формирования социальных практик участия граждан в развитии городской среды. Создание нового, комфортного для человека городского пространства предполагает учет интересов различных групп населения и разработку механизмов вовлеченности граждан в городской менеджмент. Цель работы заключается в выявлении основных путей формирования практик участия граждан в развитии городской среды посредством анализа процессов институционализации. Теоретико-методологическую основу исследования составляют работы, посвященные социальным институтам и институционализации, рассмотрению общественных движений как агентов институционализации, праву горожан на участие в развитии городов, проблематике гражданского участия в проектировании городских пространств. В ходе анализа были определены основные участники (игроки), чьи интересы затрагиваются при конструировании и решении социальной проблемы – развитии городской среды; рассмотрены два процесса формирования правил, согласно которым игроки действуют на публичных аренах: «снизу» через опривычивание или «сверху» как импорт социальных институтов. Показаны различия в процессе и результатах институционализации гражданского участия в условиях наличия или отсутствия конфликта интересов основных игроков: общества, власти, бизнес-сообщества. Процессы сравниваются по следующим параметрам: характеру институциональных изменений, отношений и действий, виду институциональ-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках гранта № 19-011-00724 «Барьеры гражданского участия и механизмы их преодоления на региональном уровне».

Для цитирования: Смолева Е.О. Формирование практик участия граждан в развитии городской среды: хаби́туализация или институционализация «сверху» // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2021. Т. 14. № 5. С. 244–260. DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.14

For citation: Smoleva E.O. Forming the practices of citizens' participation in the development of the urban environment: Habitualization or institutionalization from above. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 5, pp. 244–260. DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.14

ных изменений, структуре политических возможностей, ступеням гражданского участия. Автор делает выводы о том, как направленность процессов влияет на характер гражданского участия. В частности, выпадение в процессе институционализации «сверху» ступеней «партнерство», «делегирование полномочий» свидетельствует о формальном и имитационном характере практик гражданского участия в городском развитии. Новизна работы состоит в сопоставлении разнонаправленных процессов институционализации гражданского участия («снизу» и «сверху») на примере конкретной области – городского развития.

Ключевые слова: социальный институт, социальные практики, хаби́туализация, институционализация, гражданское участие.

Введение

Современная урбанистика отмечает смену парадигм в развитии городов: вместо образа «город как офис» приходят модели «город для жизни», а в проектирование общественных пространств вкладывается социальный смысл¹. Создание нового, комфортного для человека городского пространства предполагает учет интересов различных групп населения и наличие социального запроса на другое качество среды. В 2020 году 75% россиян проживали в городах², именно их интересам отвечают основные положения национального проекта «Жилье и городская среда», который напрямую связывает повышение комфортности городской среды с созданием механизма прямого участия населения в ее формировании. По поручению Президента России В.В. Путина доля этой категории граждан к 2024 году должна возрасти до 30%³.

Развитие городской среды с точки зрения жителей и выдвигаемых ими гражданских инициатив связано, в первую очередь, с ее качеством. В научных кругах отсутствует однозначная интерпретация понятия «качество городской среды», зачастую оно подменяется понятием «комфортная городская среда»⁴. Для более комфортного проживания граждане вносят свой вклад в развитие города.

¹ См., например: Жители комфортных городов склонны к оседлости. URL: <https://iq.hse.ru/news/177666082.html>

² Доля городского населения Российской Федерации в общей численности населения / Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/>

³ Национальный проект «Жилье и городская среда». URL: <https://minstroyrf.gov.ru/trades/natsionalnye-proekty/natsionalnyy-proekt-zhilye-i-gorodskaya-sreda/>

⁴ Алешина Е.П. Анализ особенностей использования урбанизированной территории Рязани в целях оптимизации характеристик комфортности среды: дис. ... канд. геогр. наук. Рязань, 1999. 155 с.

Однако и качество городской среды, ее восприятие жителями обуславливают их поведение: либо просоциальное (забота об окружающей среде, ее восстановление), либо антисоциальное (вандализм) [1, с. 260].

Комфортность проживания, использование и присвоение городских территорий, доступность общественных пространств являются составными частями «права на город» [2]. В современных условиях реализация «права на город» происходит на фоне возрастания роли неинституциональных форм участия граждан [3]. Активизация социальных взаимодействий на местном уровне обеспечивается тем, что проблемы затрагивают и отдельных жителей, и локальное сообщество в целом [4, с. 23].

В научной среде увеличивается число исследований коллективных действий и общественных движений с точки зрения неинституциональной теории [5; 6], проводятся сравнения институциональных и неинституциональных субъектов городских изменений [7], однако исследования, касающиеся механизмов формирования общественных объединений в России, еще фрагментарны [8, с. 113–114].

Цель работы заключается в выявлении основных путей формирования практик участия граждан в развитии городской среды с акцентом на изучение процессов их институционализации.

Теоретические подходы к изучению социальных практик и социальных институтов

Социальные практики и социальные институты

В социологии категория «социальная практика» представлена в работах П. Бурдьё, П. Бергера и Т. Лукмана, Э. Гидденса, Г. Гарфинкеля, А. Шюца и др. П. Бурдьё определял социальные практики как действия социаль-

ных субъектов⁵, которые соответствуют сложившимся у них установкам. Выделяется два вида практики: ежедневные привычные действия и целенаправленные действия по преобразованию социальной реальности. Индивид определяет уместность действий на основании габитуса – системы диспозиций, структурированных «принципов, порождающих практики и представления...» [9, с. 102]. По мнению Э. Гидденса, социальные практики воспроизводятся акторами регулярно, поэтому он вводит понятие «рутинизация» как совершение действий привычным способом. Социальная практика не создается каждый раз вновь социальными акторами, а только воспроизводится ими [10, с. 185].

Индивидуальные действия трансформируются в социальные практики в процессе упорядочения и повторения, который получает наименование «рутинизация» [10] или «хабуализация» [11]. Социальное действие через стадию опривычивания переходит в статус социальной практики и далее – социального института. «Институционализированные правила... делают отношения между актором и действием более социально тавтологическими, чем причинными» [12, с. 18]. Акторы, сценарии действий и институты образуют «нераздельную триаду», что, однако, «не искореняет индивидуальность и не ослабляет актора» [13, с. 900]: опривыченность действия не означает его бездумную автоматичность.

В отечественной социологии научный дискурс разворачивается вокруг соотношения понятий «социальные практики» и «социальные институты». Одни ученые полагают, что социальный институт представляет собой устойчивые формы практики, отождествляя по большей части практику с частными институтами [14, с. 95]. Противоположное мнение состоит в том, что социальные практики являются формами функционирования общественных институтов. За социальными институтами закрепляется статус «содержания», «сущности» [15, с. 7; 16, с. 11]. С.Г. Кирдина вносит понятие «институциональные формы», которые в отличие от базовых институтов и выступают социальными практиками [17]. По нашему мнению,

⁵ Наряду с понятием «социальный субъект» при рассмотрении социальных практик и социальных институтов используются понятия «агент» (М. де Серто), «актор» (М. Крозье, Э. Фридберг, П. Бурдьё) (прим. автора).

рассмотрение социальных институтов и практик в философской традиции бинарного подхода как сущности и формы не позволит в полном объеме выявить институциональные изменения в российском обществе, так как отталкивается от принципа преваляирования сущности над формой. С позиций системного подхода «социальные практики – действия» и «социальные институты – диспозиции» – взаимосвязанные компоненты одной системы, но их связь опосредована контекстуально. С этого ракурса предлагаем рассмотреть формирование и трансформации указанных системных элементов.

Процессы становления и изменения практик и институтов. Общественные движения как агенты институциональных изменений

П. Бергер и Т. Лукман выстраивают процесс формирования практик в четыре стадии: хабуализация, типизация (выделение типичных способов взаимодействия агентов), институциализация (выделение ролевой матрицы – институции) и легитимация идей и социальных действий [11, с. 98]. Благодаря взаимным типизациям статус «уникальных действий» субъекта меняется на «социально значимые действия в соответствии со сценариями» [13, с. 900]. Центральную роль в воспроизводстве и изменении социальных порядков играют процессы легитимации. Согласно теории социального конструктивизма новые идеи и правила должны быть доступными и отражать общественное мнение, что возможно при определенных «усилиях групп людей по конструированию разделяемых ими схем понимания мира и самих себя, которые легитимируют и мотивируют коллективное действие» [18, с. 6].

В изменениях социальных практик могут быть задействованы следующие механизмы:

- акцентирование внимания на определенных социальных действиях с последующей их репрезентацией в качестве социальных норм;
- переход практики из маргинальной в нормативную;
- заимствование социальных практик [19, с. 17–18].

Институционализация – это процесс установления новых правил или подтверждения действующих [20]. Современные подходы к институционализации выводят ее за рамки привычных действий. Сущность процесса

заключается в «проникновении активности ... в институциональные пространства» [21, с. 275], «создании организационной среды для активистов внутри институциональных пространств» [22, с. 197]. Особенности его протекания заложены в структуре политических возможностей – комплексе факторов, от которых зависит вероятность коллективного действия и способность к достижению поставленных политических целей [23, с. 11]. Структура носит открытый или закрытый характер, что обусловлено готовностью политической системы к взаимодействию с различными группами населения. Достаточно часто высказывается мнение о том, что институты являются результатом борьбы, а социальные отношения акторов носят асимметричный характер [24; 25; 26].

Агентами институциональных изменений выступают общественные движения [27], которые соотносятся с институционализированными практиками в определенной институциональной среде [5]. С противоположной точки зрения, общественные движения развиваются в рамках неформальных, не имеющих институционализированного характера систем [28, с. 11; 29, с. 166].

Порядок институционализации

Н.А. Скобелина в качестве особенности, присущей процессу институционализации общественных движений в России, определяет направление указанного процесса «сверху» [5, с. 126]. Классический способ состоит в создании движения «снизу»: движения формируются и разрастаются из группы единомышленников, объединенных решением конкретной проблемы.

Важная ступень обоих процессов – признание законности в системе государственной власти, легитимация в общественном сознании. Процесс институционализации «снизу» проходит ступени от появления социальной потребности до признания законности в системе государственной власти, легитимности в общественном сознании. На начальном этапе отсутствуют жестко закрепленные за отдельными участниками социальные роли и статусы. «Сверху» институционализация начинается с формирования целей со стороны власти, создания порядка действий и организационного ядра общественного объединения. Маркерами этапа состоявшейся институционализации вы-

ступают формализованные правила и устойчивые статусно-ролевые позиции, наличие планов на длительную перспективу [5].

Интересно, что У. Гэмсон [30] выделяет превращение гражданских активистов в легитимных участников публичной дискуссии и представителей интересов определенной социальной группы как значимый результат наряду с достижением публично заявленных целей. В этом его поддерживают исследователи, которые предлагают сосредоточиться именно на трансформации позиций активистов в горизонтальных и вертикальных сетях [31, с. 133].

Практики гражданского участия в развитии городской среды

В настоящее время в России имеется запрос и общества, и государства на гражданское участие в развитии городской среды, поэтому формирование соответствующих практик иницируется различными группами игроков: гражданскими активистами, общественными объединениями, представителями органов власти, бизнес-сообщества. Стратегии игроков, действующих в институциональном поле, обусловлены властными позициями и асимметриями отношений [26, с. 186; 32]. Странам с превалированием ценностей государства над ценностями гражданского общества присущи более конфронтационные стратегии [33, с. 50]: социальные движения, оспаривающие существующие властные отношения, вовлекаются в противостояние, а власть, на которую направлен социальный протест, в свою очередь, вырабатывает набор формальных и неформальных правил игры [34].

Ш. Арнштейн на примере «лестницы гражданского участия» показала разницу между «пустым ритуалом формального участия» и реальным участием граждан в управлении городом [35]. Ступени «лестницы», соответствующие степени полномочий граждан, сгруппированы по уровням от неучастия через имитацию деятельности (символические меры) до гражданского управления. В последнее входят стадии партнерства, делегирования полномочий и гражданского контроля.

Исследования гражданского участия в России показывают, что локальные сообщества активизируются в случае возникновения угрозы праву на присвоение городского пространства. Сплочение для отстаивания интересов про-

исходит в «малых» публичных пространствах на уровне дома, группы домов, квартала, гораздо реже — на уровне города. «Вырабатываемая практика взаимодействий, особенно если она оказывается результативной, способствует дальнейшему развитию местного сообщества» [4, с. 30]. Верно и обратное утверждение: консолидация жителей приводит к закрытию или пересмотру неугодных проектов. Так, Е. Тыканова и А. Хохлова приводят пример, когда постепенная институционализация инициативной группы стала важным фактором успеха в решении градостроительного конфликта [26, с. 187].

Методология

Для достижения цели исследования на основании обзора теорий нами были сформулированы исследовательские вопросы:

- кто является основными участниками (игроками), чьи интересы затрагиваются при конструировании и решение социальной проблемы — развитии городской среды;
- какие существуют правила, согласно которым игроки действуют на публичных аренах, формируя социальные практики;
- как выстраиваются эти правила: «снизу» через опривычивание или «сверху» как импорт социальных институтов;
- как направленность процессов «снизу vs сверху» влияет на характер гражданского участия?

В качестве стратегии полевого исследования выбрано множественное case study. Информационной базой послужили материалы цифровых сетей по тематике городского благоустройства, выявляющие проблемы в этой сфере, и размещенные в интернете публикации СМИ. В базу включались тексты о действиях активистов из неформальных общественных объединений, деятельности различных проектных групп по городскому развитию. Отбор кейсов для изучения процессов институционализации «снизу» осуществлялся по нескольким критериям. Основными участниками, чьи интересы затрагиваются при конструировании и решении социальной проблемы, в данном случае выступают граждане, которые предпринимают индивидуальные действия, или неформальные объединения граждан, а также институциональные субъекты, которые обладают ресурсами для развития городской среды. Поэтому отбирались, во-первых, примеры неассоциированных

форм гражданского участия, но обязательно в связке с информацией о взаимодействиях с институциональными субъектами (органами власти и местного самоуправления) и населением. Во-вторых, определен круг проблем городского развития: повышение комфортности домово-придомовой территории; создание или сохранение общественных пространств. В-третьих, информация должна быть представлена с различных точек зрения: официальная позиция властей и позиция активистов. Например, поиск кейсов повышения комфортности придомовой территории осуществлялся с помощью первичного поискового запроса в Google о конкурсах «Цветущий город» («Красивый город», «Цветущий палисадник» и т. д.) и последующего поиска интервью с победителями конкурсов. Материалы разбивались на две категории по признаку «взаимодействие активистов и институциональных субъектов»: без конфликта и с конфликтом интересов. В-четвертых, информация об отдельных кейсах максимально представлена по всем этапам институционализации «снизу» [5]: появление потребности; формирование общих целей; интернализация норм; распространение институционализированных форм деятельности; признание законности в глазах власти, легитимности в массовом сознании; установление системы санкций и поощрений; создание системы статусов и ролей.

Было отобрано по 10 кейсов (всего 30 кейсов): гражданское участие в развитии городской среды без конфликта интересов (индивидуальные и совместные действия) и гражданское участие в развитии городской среды с конфликтом интересов (совместные действия). В качестве иллюстраций процесса институционализации «снизу» в статью вошли 11 кейсов: «тексты про гражданское участие в развитии городской среды без конфликта интересов» (случаи в городах Москва, Благовещенск, Екатеринбург, селе Богатое Самарской области) и «тексты про гражданское участие в развитии городской среды с конфликтом интересов» (случаи в городах Екатеринбург, Королев, Нижний Новгород, Вологда, Санкт-Петербург). Предварительный анализ практик гражданского участия показал высокую активность населения Москвы и Санкт-Петербурга, однако исследовательская база сознательно расширялась за счет поиска различных практик жителей населенных пунктов

из других регионов. Таким образом, в поле зрения исследователя попали практики, имевшие место в населенных пунктах с различной численностью населения и различным административным статусом. Полный перечень материалов, включенных в статью, дан в Приложении.

Массив текстов подвергался ивент- и дискурс-анализу по схеме: топик – предмет обсуждения, тема, общий смысл, основное содержание, контекст, вербальные реакции, комментарии. Основное содержание было структурировано по разделам, соответствующим этапам институционализации.

Дополнительно привлекались данные из эмпирической базы исследования по гранту РФФИ № 19-011-00724 «Барьеры гражданского участия и механизмы их преодоления на региональном уровне» (экспертных интервью). Тематика интервью достаточно широкая и касается различных аспектов гражданского участия в разных сферах. В связи с этим в качестве дополнительных аргументов в статью вошли данные двух экспертных интервью, где речь шла именно о вовлечении жителей в развитие городской среды: эксперт 1 – руководитель общественного объединения; депутат городской Думы, бывший руководитель общественного совета; эксперт 2 – член общественного совета г. Вологды.

Институционализация гражданского участия «снизу»

На содержание этапов институционализации участия граждан в развитии городской среды по инициативе самих активистов влияет наличие или отсутствие конфликта интересов игроков: общества, власти и бизнес-сообщества.

Институционализация «снизу» без конфликта интересов обычно выражается в улучшении городской среды в рамках тактического урбанизма или затрагивает «малые» публичные пространства. После появления потребности в улучшении отдельных небольших городских объектов, чаще всего «малых» публичных пространств (подъездов, придомовой территории и т. п.), у активистов формируются цели: например, реставрировать подъезд в «старом фонде», улучшить внешний облик деревянных домов, привести в порядок придомовую территорию. В ходе реализации поставленных задач многократно повторяемые действия становятся при-

вычными. Если сначала «Они привели в порядок двор», то потом «На строительной базе увидели дешёвую плитку, кое-где колотую. Положили – красиво вышло», «В карьере камень купили – сами выложили чашу для фонтана и водопадную горку» (Благовещенск). Или: «Смогли за три года из выжженной земли сделать сад. За все время здесь было высажено порядка 150 деревьев и кустарников, а также многолетние цветы и травы» (Екатеринбург 1); «Арт-объект мы создали в третьем сезоне фестиваля, а до этого два года восстанавливали старинное здание почтово-телеграфной конторы» (с. Богатое). Для достижения цели активисты вырабатывают правила поведения и взаимодействия с УК, соседями, представителями бизнес-сообщества, на уровне муниципалитета с органами власти и различными учреждениями. Например: «Коммунальщики по просьбе жильцов перестали скидывать на газоны собранный снег вперемешку с химией» (Москва 1), «С приобретением строительных материалов помогла управляющая компания» (Благовещенск), «Вела переговоры с организацией, ответственной за ведение работ, и в итоге обратилась с официальным письмом в Мосжилинспекцию. Затем получила поддержку от местной управляющей компании» (Москва 2). Но не всегда они приводят к соглашениям: «Есть еще финансовая проблема – предпринимателей здесь мало, да и помогать захочет не каждый» (с. Богатое). Процесс институционализации проходит через опривычивание действий и выражается в наличии устойчивых образцов поведения, взаимодействий, неформальных правил.

В качестве результатов институционализации «снизу» представляем следующие:

– распространение институционализированных форм деятельности, например: «Вернуть подъезду исторический облик вдохновил пример жильцов дома в Сивцевом Вражке, которые на собственные деньги раскрыли росписи на потолке своего подъезда» (Москва 2);

– установление системы санкций и поощрений: «Садик на Бибиревской участвовал в ландшафтном конкурсе и получил в награду рассадку из Аптекарского огорода» (Москва 1), «В Благовещенске подвели итоги конкурса на лучшее благоустройство двора многоквартирного дома. Организаторы приняли более 30 заявок» (Благовещенск), «Подходят соседи, благодарят» (Москва 1);

– создание системы статусов и ролей: «*хозяйка сада*» (Москва 1), «*распоряжается этим газоном*» (Вологда);

– консолидация местного сообщества: «*Местный дворник Илхом привез с родины, из Узбекистана, кусты восточных роз. Сосед Саша с подмосковной дачи – тот самый виноград, саженцы сливы и груши. Еще один сосед – землянику*» (Москва 1); «*Соседей никто не заставлял. Увидев, что работа движется, постепенно присоединялись соседи – кто цветы посадить, кто что-то покрасить. Приходили даже те, кто изначально был против*» (Благовещенск), «*Пришло так много людей, что на всех не хватило инструментов*» (Екатеринбург 1). Хотя встречается и противоположный результат: «*Спустя три сезона ему так и не удалось найти единомышленников*» (с. Богатое).

Как значимый результат выделим реализацию «права на город» в форме присвоения территорий, выход за пределы ограниченного пространства квартиры. Формируются ценностные основания гражданского активизма: «*Главная идея состоит в том, что это горожане делают для горожан*» (Екатеринбург 1), «*Фестиваль помогает, в первую очередь, не домам, а людям – изменить образ мыслей, поверить, что можно что-то сдвинуть с мертвой точки*» (с. Богатое). Для распространения неформально закрепленных социальных практик важна не просто трансляция положительного опыта и мотивация («*Мой совет жильцам исторических домов – вести активную работу в своем подъезде*» (Москва 2)), а передача опыта: «*Если начинаются какие-то работы, нужно сразу обращаться в „Архнадзор“ или другие НКО. Они направят людей в нужные места и помогут добиться того, чтобы в подъезде не убрали старую плитку или не меняли старинные окна*» (Москва 2).

Отметим роль социокультурного контекста на примере различий в поддержке гражданских инициатив жителями городов и малых населенных пунктов. «*В селе меньше активных жителей, чем в городе. Фестиваль для городских жителей – это возможность куда-то сбежать из квартиры, а у нас в селе и так есть, куда сбежать: на речку, на озеро, в огород, в лес. Поэтому на фестиваль в селе приходят только идейные люди, а их немного. К тому же, жители села с пренебрежением относятся к тому, чтобы идти красить дом соседу*» (с. Богатое).

Общественный дискурс в отношении лидеров наполнен тематикой ответственности и активности, исключительности: «*Один самый активный, кто будет брать на себя эту ответственность, бегать, добиваться и принимать решения*» (Москва 2); «*Жителям села был нужен какой-то герой, двигатель, который будет продвигать их интересы*» (с. Богатое).

Итак, при прохождении процесса формирования института участия граждан в создании комфортной городской среды «снизу» в отсутствие конфликта интересов задействован механизм хаби́туализации, а также реализуются все этапы, представленные на «лестнице гражданского участия» Ш. Арнштейн.

Процесс несколько отличается, если мы рассматриваем его в отношении общественных объединений, так как в этом случае акцент ставится на организационную оформленность, выработку и интернализацию норм, правил поведения, а также на признание законности общественного объединения в глазах власти, его легитимности в массовом сознании. Чаще всего объединиться граждан заставляет конфликт интересов, поэтому на первоначальном этапе институционализации гражданского участия появление потребности в общественном движении связано с отстаиванием активистами своей позиции и интересов населения. Например, по данным ВЦИОМ⁶, 74% жителей г. Екатеринбурга не считали городской сквер у театра драмы подходящим местом для возведения религиозного здания (Екатеринбург 2). Активистами общие цели формируются чаще всего в формате лозунгов и призывов: «*Вы хотите храм, мы хотим сквер – будет война*» (Екатеринбург 2), «*Защитим Рябиновый Сквер!*» (Королев), «*Сохраним и благоустроим сквер...*» (Н. Новгород). В целях расширения движения и сплочения жителей производится организационная оформленность в социальных сетях: оформление движения «Река объединяет», группа ВКонтакте «Сохраним Сквер в Приокском Районе» и т. п.

На начальных стадиях развития движения в ситуации конфликта интересов структура политических возможностей носит закрытый характер. Власти демонстрируют неготовность к

⁶ Город и храм: опрос ВЦИОМ в Екатеринбурге. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/gorod-i-khram-opros-vcziom-v-ekaterinburge>

взаимодействию с различными группами населения: «*Прибыл чиновник из администрации губернатора... ТОЛЬКО проверка: действительно ли такое большое количество жителей против стройки или весь сыр-бор устроила жалкая кучка ненормальных граждан*» (Н. Новгород). До вынесения активистами проблемы на федеральный уровень и усиления протестных выступлений власти упорно игнорируют мнение экспертов и горожан, что демонстрируют истории протестов против берегоукрепления в Вологде, строительства Охта-центра в Санкт-Петербурге. Так как в ситуациях конфликта или асимметрии отношений власть вырабатывает порядок действий, то ответной реакцией противоборствующей стороны также становится выработка правил поведения: «*Да, все разговоры с полицией и прочими защитниками строительства – под запись. Запись видео включать до начала разговора*» (Екатеринбург 2), «*Мы рисуем на асфальте только цветы. Никаких политических лозунгов! Не делаем в интервью никаких политических высказываний!*» (Вологда).

Для достижения цели общественники вынуждены прибегнуть к тактике активных действий и взаимодействий: «*Писать Куйвашеву на его странице в инстаграме, пока там ещё не отключены комментарии. Также надо привлечь максимальное количество центральных средств массовой информации, писать и звонить во все ведомства*» (Екатеринбург 2), «*Выходим вечером на митинг! Встречаемся с представителями администрации!*» (Королев), «*Можно попробовать провести с ним телефонные переговоры... А пока сегодня поданы письменные заявления от инициативной группы. И письма, и флеш-моб и пр., пр., все будет*» (Н. Новгород).

Не получившие пока институциональной закреплённости формы деятельности распространяются путем информирования, консультирования и вовлечения граждан через подачу петиций, участие в митингах. Активисты транслируют опыт решения проблемных вопросов: «*На официальном сайте „Российская общественная инициатива“ необходимо быть зарегистрированным через госуслуги*» (Н. Новгород), «*Планировали отработать схему, которой смогут пользоваться другие заинтересованные горожане. Но пока попытки тиражировать наш опыт комитет пресекает*» (Санкт-Петербург 2).

Ситуации конфликта интересов разворачиваются между активистами, с одной стороны, и бизнесом, властью, с другой. Но в этой ситуации интересы активистов и всего населения могут не совпадать. Достаточно часто активисты дополнительно убеждают население, в чем состоят его интересы. Поэтому и процессы легитимации в массовом сознании носят двойственный характер: «*Жители и те, кто их поддерживал, молодцы*» (Королев) против «*Удивляет полная индифферентность жителей Вологодской области*» (Вологда). Со стороны населения также присутствует возложение ответственности за решение проблемы на «ядро» общественного движения»: «*...никто не мешает нам с Вами контролировать этот процесс!*» (Екатеринбург 2). Однако в отсутствии диалога с властью среди населения возникают пессимистические настроения: «*Мы знаем, что замечания не учтут*» (Екатеринбург 2).

В случае конфликта интересов происходит выстраивание социальных ролей со стороны противников. Так, протестная компания против строительства Охта-центра в Санкт-Петербурге была построена на образе «чужака-захватчика», что способствовало усилению градозащитного движения за счет консолидации жителей на основе идентичности «петербуржец». Странники строительства транслировали образ оппозиции как «маргиналов», «провокаторов», «городских сумасшедших» [36]. Дискурс в отношении фигур лидеров и активистов разворачивается в сторону принижающих характеристик: «*Я ваш сосед. Это тот нудный „крендель“, который по вечерам прерывал ваш отдых*» (Н. Новгород); «*Часто активистов считают городскими сумасшедшими*», «*Появился какой-то идиот и сделал это*» (Санкт-Петербург 2).

Получившие широкую поддержку общественности социальные практики, как правило, признаются властью законными: «*Сегодня прием инициативной группы у Морозова состоялся, на нем также присутствовал министр строительства Нижегородской области*» (Н. Новгород), «*...организовать прямой разговор двух сторон друг с другом. Я готов выступить посредником в этом разговоре*» (из блога мэра, Екатеринбург 2) и даже «*Губернатор Московской об-*

ласти жестко указал Александру Ходыреву на ошибки, допущенные муниципальным руководством» (Королев).

Происходит временная консолидация общества: «На акции в разное время находятся от нескольких сотен до полутора – двух тысяч человек одновременно» (Екатеринбург 2); «Люди, проживающие в одном районе и, ранее, что греха таить, мало обращавшие внимание друг на друга, сейчас начали узнавать соседей на улицах, начали здороваться. И это прекрасно!» (Н. Новгород); «Раньше не было площадки, где они могли бы об этом говорить, а теперь есть не только группа „Деревья Петербурга“, но и подобные сообщества, сделанные жителями чуть ли не каждого района» (Санкт-Петербург 2).

Рассматриваемые ситуации требуют приложения усилий со стороны активистов для поддержания и расширения своей группы, в которой формируется новый порядок действий: «С командой очень сложно, и, я так понимаю, это проблема не только моя. Очень сложно заставить людей что-то делать, потому что не у всех есть столько ресурсов, сколько у меня» (Санкт-Петербург 2); «В группы, озабоченные проблемой набережной, записываются только те, кто болеет по этой теме душой» (Вологда).

Если говорить о таком показателе состоявшейся институционализации, как наличие планов на длительную перспективу, то они касаются только проблемной ситуации, вокруг которой разворачивается гражданская активность: «Чиновники публично отчитались о проделанной работе, но это не значит, что мы должны прекратить задавать вопросы и пытаться выстроить с ними конструктивный диалог» (Екатеринбург 2); «Не выходите из группы, пока вопрос не будет окончательно решен» (Н. Новгород).

Анализ практики показал, что немногие общественные объединения доходят до этапа создания системы статусов и ролей, т. к. гражданский активизм в России носит ситуационный характер, и даже до этапа легитимации, т. к. население остается в стороне от регулярных действий активистов. Двойственная ситуация складывается с признанием объединений со стороны властей – от сотрудничества в случаях широкомасштабной поддержки до подмены

партнерства власти и граждан «имитацией диалога». Эксперт 1: «Проведение воркшопов было, чтобы эту волну ещё сбить, погасить. Это, наверное, правильно, люди все-таки высказались, сказали, что и как хотят видеть...»

Для гражданского участия важно, когда инициатива исходит «снизу», жители готовы брать на себя ответственность за дальнейшую судьбу территории или объекта: «Мы хотели все сделать сами, без трат бюджетных средств, и даже были готовы потом ухаживать за этими деревьями или давать на это деньги» (Санкт-Петербург 2).

Институционализация гражданского участия «сверху»

При прохождении процесса институционализации «сверху» в качестве потребности помимо повышения качества жизни и создания комфортной городской среды добавляется импорт институтов гражданского общества, поэтому цели со стороны власти формируются в виде количественных показателей: «Увеличение к 2024 году до 30% доли граждан, принимающих участие в решении вопросов развития городской среды». Создание властью порядка действий закрепляется документально: Стандарты комплексного развития территорий, Стандарт вовлечения граждан в решение вопросов развития городской среды, Индекс качества городской среды. Для реализации целей за специальными организациями закрепляется представительство интересов муниципальной власти. В качестве примера подобных организаций приведем региональные центры компетенций по вопросам городской среды. На этапе признания легитимности созданных институтов в массовом сознании происходит представление созданных структур как легитимных медиаторов между населением, властью и бизнесом. Распространение институционализированных форм деятельности осуществляется путем привлечения граждан к общественным обсуждениям, инициаторами которых становятся созданные организации. На последнем этапе формируется система социального (общественного) контроля, где задействованы созданные при поддержке власти структуры (Общероссийский народный фронт, общественные советы).

В ходе анализа материалов, представленных на информационных порталах, выявлены изменения институтов развития городской среды. Во-первых, увеличилось число участников в выработке решений. Это и общественные объединения, являющиеся результатом «инициативы снизу» («Городские проекты», «Красивый город» и т. д.), и создаваемые при поддержке власти структуры (национальный центр компетенций «Умный город», региональные центры компетенций по вопросам городской среды). Развиваются гибридные структуры (например, общественное объединение «Городские реновации», переход Института развития городов Башкортостана в статус регионального центра компетенций по вопросам развития городской среды). На одной территории вопросами развития города одновременно занимаются и сформированные при содействии городских властей организации, и объединения, созданные по инициативе активистов. Различные акторы организуют обсуждения проектов одних и тех же городских пространств, что заставляет горожан делать выбор: какая из организаций представляет их интересы, чей проект будет реализован. Так, при проектировании общественных пространств в условиях конфликта интересов муниципальные власти обратились к специалистам из другого региона, отказавшись от работы с местным архитектурным сообществом (проект благоустройства набережной в Вологде, строительство Охта-центра в Санкт-Петербурге). Кроме того, ограниченность числа местных экспертов ставит вопросы о целесообразности создания многочисленных структур, занимающихся одной проблематикой, и эффективности их деятельности.

Во-вторых, в условиях конкуренции государство играет активную роль в формировании институтов городского развития, что проявляется в принятии пула документов федерального значения, разработке инструментов гражданского участия в формировании городской среды. Например, Стандарт вовлечения граждан в решение вопросов развития городской среды, разработанный в 2020 году совместно Минстроем и Агентством стратегических инициатив, регламентирует более 20 форматов работы с населением. По мнению О. Панченкова, масштаб проекта Минстрою «при единообразии подхода

неизбежно приведет к преимуществу количества над качеством и формы над содержанием: за положенными в основу отчетности словами и цифрами исчезнет самое главное — то, для чего проект придумывался»⁷.

Создание двойных структур в сфере городского развития часто не обеспечено ресурсами, поэтому возникает вопрос об эффективности их деятельности. Так, проверка ОНФ выявила неэффективность работы в 2019 году региональных центров компетенций в 28 субъектах РФ, причинами которой послужили неуккомплектованность кадрами вследствие недостаточных объемов финансирования; несоответствие привлеченных специалистов запланированным объемам работ; перенос фокуса выполняемых РЦК работ с развития городской среды на решение узких задач (например, проблемы ТКО)⁸.

В-третьих, следует отметить невысокий уровень вовлеченности граждан в процесс обсуждения городского развития, отсутствие у них четко сформулированных интересов в этой области.

Эксперт 1: «У нас самые активные люди — это те, когда кто-то чем-то недоволен. А когда требуется хорошее дело поддержать, то все разбегаются. В этом плане активность очень недостаточная. Тот же бульвар Пирогова, предлагаешь: «Люди выйдете, посмотрите, что вас устраивает, вам здесь жить, это ваша будет территория. Никого нет».

Эксперт 2: «Жители начинают выходить только тогда, когда начинает что-то делаться. Когда обсуждается, никого нет».

Исследования потребительских запросов и поведенческих сценариев горожан выявляют расхождения между представлениями жителей о том, что им нужно на придомовой территории, и тем, чем они пользуются. «Горожане попросту переоценивают свою активность. К примеру, треть опрошенных

⁷ Панченков О. Одинаковые города: чем плох подход российских властей к благоустройству // РБК. 24.11.2017. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/society/24/11/2017/5a17d5c59a7947545c001e90>

⁸ Мониторинг ОНФ: В 28 регионах центры компетенций работают неэффективно. URL: <https://onf.ru/2019/10/24/monitoring-onf-v-28-regionah-centry-kompetency-rabotayut-neeftektivno/>

утверждали, что пользуются во дворе бесплатным Wi-Fi. На деле подключения к сети были единичными летом и отсутствовали зимой. Многие говорили: хотим заниматься спортом. При этом на площадки для воркаута и корты приходили немногие»⁹.

В-четвертых, отсутствует общее видение развития городской среды. В проекте Минстроя оно проходит под слоганами «Все начинается с дворов» и «Современные общественные зоны». Каждый городской проект разрабатывается в контексте общей концепции и ориентируется на запросы жителей, согласование интересов различных групп. На практике активно задействуют граждан только в дизайн-проектах отдельных общественных территорий, так как чаще всего развитие города трактуется муниципальной властью именно как развитие публичных пространств, а порядок действий и показатели в этом случае формализованы на уровне государства. «У нас не существует ни стратегии, ни планирования новых объектов» (Санкт-Петербург 2).

Проекты, выполняемые в рамках программы комфортной городской среды, вызывают как позитивные, так и недовольные отклики, связанные с их однообразием: «Если вы следите за тем, как реализуется программа комфортной среды, подумайте десять раз, прежде чем просить включить сквер в эту программу. Там не фанари поставят, а всё повыврубают и поперекапывают и замостят брусчаткой. Воткнули клумбы, детские площадки, скамейки... В общем, сквер не будет зелёной зоной» (Н. Новгород).

В-пятых, не прослеживается явно такой результат совместных действий, как консолидация местного сообщества и присвоение территорий.

Эксперт 1: «И Администрация города пошла на такой дорогой проект, несмотря на то, что бюджет у нас такой не очень хороший. Пытаются сделать для граждан удобно, комфортно, красиво, продуманно. А наши граждане успевают в то же время что-то где-то сломать, нет какого-то хозяйского отношения. Может, там среда такая, может культуры какой-то не хватает, чтобы беречь все».

⁹ Почему надо привлекать жителей к формированию городской среды // Российская газета. 2020. 14 октября. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/238978643>

Мы приходим к выводу о том, что широко-масштабно **на практике реализуются только две первые ступени гражданского участия**: информирование и консультирование. Основными трендами участия граждан в развитии городской среды являются выделение целевых аудиторий и проектирование общественных пространств согласно их интересам с использованием различных инструментов. Другие ступени гражданского участия – партнерство, делегирование полномочий – не осуществляются в полной мере. Пионеры соучаствующего проектирования в России, создатели «Проектной группы 8» Н. Снигирева и Д. Смирнов обращают внимание, что процесс вовлечения граждан приобретает «поточный» формальный характер [37, с. 62].

Обсуждение и выводы

Бесспорно, производство и изменение городского пространства выступают «ареной сосуществования институциональных и внеинституциональных практик» [6, с. 103; 7, с. 448]. Нами показано, что процессы типизации, институционализации и легитимации возводят в ранг «привычных» новые формы взаимодействия и модифицируют социальные роли и статусы, при этом направление институциональных изменений зависит от социокультурного контекста. Сделанные выводы о механизмах трансформации согласуются с мнениями других исследователей. Например, Т. Вигнс и Т. Диез показывают, что в локальных сообществах распространение отдельных местных инициатив приводит на совокупном уровне к трансформации установленных институциональных механизмов и практик [38].

В процессах формирования практики гражданского участия, инициированных активистами или государством, выделяется сходство и различие. Оба процесса («снизу» и «сверху») включают стадии «признания законности общественных движений в системе государственной власти», «признание легитимности в массовом сознании», «распространение институционализированных форм деятельности», но расходятся относительно порядка их прохождения. Также процессы различаются по характеру институциональных изменений, действий и отношений, структуре политических возможностей и прохождению ступеней гражданского участия (таблица).

Характеристика процессов институционализации гражданского участия в развитии городской среды в России

Наименование показателя	Институционализация «снизу» без конфликта интересов	Институционализация «снизу» при конфликте интересов	Институционализация «сверху»
Характер институциональных изменений	Инкрементный, спонтанный	Инкрементный, спонтанный	Более дискретный, целенаправленный
Характер отношений	Асимметричный	Асимметричный	Симметричный
Характер действий	Мелкомасштабные, самостоятельные	Как мелкомасштабные, так и крупномасштабные, самостоятельные	Как мелкомасштабные, так и крупномасштабные, институциональная опора
Вид институциональных изменений	Изменения в части неформальных норм	Трансформация социальных институтов (формальных и неформальных норм)	Воспроизводство социальных институтов
Структура политических возможностей	Открытая	Закрытая. Возможно с переходом в открытую в условиях поддержки действий активистов со стороны широких масс	Закрытая – для независимых общественных объединений; открытая – для созданных властью
Ступени гражданского участия	Реализация всех ступеней участия до «партнерства» и «принятия ответственности»	Жители готовы брать на себя ответственность. Ступень партнерства может быть реализована в случаях широко-масштабной поддержки до подмены партнерства власти и граждан «имитацией диалога»	Широкомасштабно на практике реализуются только две первые ступени гражданского участия: информирование и консультирование. Другие ступени – партнерство, делегирование полномочий – не осуществляются в полной мере
Источник: составлено автором.			

Институциональные изменения могут носить дискретный или инкрементный характер, быть спонтанными или целенаправленными. Плавность изменений обеспечивается инкорпорированием в траекторию их предшествующего развития или воздействием череды малых событий [39]. Вмешательство государства со стратегией импорта формальных институтов может придать более дискретный характер процессу при институционализации «сверху». При институционализации «снизу» изменения спонтанны, а при формировании социальных практик «сверху» изменения институтов имеют целенаправленный характер.

Институционализация «снизу» без конфликта интересов сопровождается мелкомасштабными, самостоятельными действиями. Характер действий активистов при наличии конфликта интересов остается самостоятельным, однако масштаб их может быть более крупным. При институционализации «сверху» действия граждан имеют институциональную опору.

Структура политических возможностей при формировании социальных практик «снизу» без конфликта интересов носит открытый характер, но активисты чаще всего от нее независимы. При наличии конфликта интересов структура закрытая, но в условиях поддержки действий активистов со стороны широких масс возможен переход на открытый характер. Как мы уже подчеркивали, при институционализации гражданского участия «сверху» структура политических возможностей носит закрытый характер для независимых общественных объединений и открытый – для объединений, созданных властью. К ресурсам активистов относятся возможности выхода в публичное пространство [8, с. 112].

Институционализация «снизу» без конфликта интересов представляет изменения в части неформальных норм. При наличии конфликта интересов содержание процесса формирования практик заключается в трансформации социальных институтов (формальных и неформальных норм). Формирование социаль-

ных практик «сверху» по своей сущности является воспроизводством социальных институтов, однако именно в сфере городского развития процесс идёт по типу «импорта институтов», о чем косвенно говорит его скорость. Н. Снигирева отмечает: «Такие изменения в России за два-три года — это крайне быстро. На конференции EDRA (Environmental Design Research Association) мы общались с представителями многих стран, и все они говорили: „То, что произошло у вас в стране за такое короткое время, в наших странах заняло десятилетия”». А Генри Санюфф говорит, что есть страны, где в таком формате это не случится никогда»¹⁰. Е.А. Шуклина и М.В. Певная придерживаются мнения о том, что в России сейчас активно происходит формализация социального участия, однако формальные нормы находятся вне зоны интересов молодежи [6, с. 104–105]. По результатам эмпирического исследования вовлечения граждан в вопросы развития городской среды в Санкт-Петербурге сделаны выводы о значительном развитии двух уровней вовлечения граждан в развитие городской среды: информирование и консультирование [40]. Другие исследователи не исключают наличия противоречий между гражданскими инициативами и программами макроразвития территорий, отражающими интересы местных властей [7, с. 458].

Частично полученные нами результаты перекликаются с данными А.А. Желниной и Е.В. Тыкановой, которые рассматривают сценарии развития городских конфликтов в зависимости от характера игроков и арен [32]. В этом направлении мы видим дальнейшее развитие исследования, а именно включение в механизмы формирования устойчивых практик гражданского участия особенностей выбора конфигурации арен (ситуативных и формальных), поведения различных игроков (как лидеров, так и игроков, встроенных в системы управления).

Итак, формирование социальных практик гражданского участия в развитии городской среды реализуется в двух направлениях: «снизу» через опривычивание или «сверху» как им-

порт социальных институтов. Государство, осознавая важность проблемы качества жизни, комфортной и безопасной городской среды, формализует и контролирует действия стейкхолдеров. Выпадение в процессе институционализации «сверху» ступеней «партнерство», «делегирование полномочий» наводит на мысль о формальном и имитационном характере практик гражданского участия в городском развитии. Горожане все чаще осознают потребность заявить о своих правах на территорию, но необходимы дальнейшие шаги, чтобы «право на город» из модного лозунга стало инструментом консолидации городского сообщества, а «создаваемые институциональные структуры не превращались бы из средства — в цель, нечто самодовлеющее» [41, с. 120]. Необходимо консолидировать усилия власти, которая декларирует заинтересованность в вовлечении граждан, и активистов, коллективные действия которых позволяют реализовать все ступени гражданского участия, отказавшись от положения о том, что институциональная и внеинституциональная арены противопоставляются друг другу.

Безусловно, накопленный активистами опыт способствует созданию гражданских инфраструктур, однако слабое вовлечение широких масс в социальные практики, отсутствие поддержки инициативных граждан со стороны населения могут в дальнейшем оказать демотивирующее действие на процессы гражданского участия.

Научная новизна предпринятого исследования заключается в определении механизмов формирования устойчивых практик участия граждан в формировании городской среды, выводах о наличии двух направлений процессов: институционализации «снизу» по типу хабиитуализации и институционализации «сверху». С теоретической точки зрения достаточно значимо и сравнение основных характеристик двух типов институционализации. Практическое значение имеют сделанные выводы о необходимости трансляции положительного опыта активистов и консолидации усилий институциональных и неинституциональных субъектов городского развития. Полученные результаты дополняют проводимые сотрудниками ВолНЦ РАН исследования направлений стратегического развития городов [42].

¹⁰ Соучаствующее проектирование: определение, история, практика // Институт развития городов Башкортостана. URL: <https://irgrb.ru/participation>

Литература

1. Gifford R. *Environmental Psychology: Principles and Practice*. Forth Edition. Colville: Optimal Books, 2007. 535 p.
2. Lefebvre H. *Writing to the City*. Selected, translated and introduced by Kofman E., Lebas E. Blacwell Publishers, 1996. 250 p.
3. Желнина А.А., Тыканова Е. В. Формальные и неформальные гражданские инфраструктуры: современные исследования городского локального активизма в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. № 22 (1). С. 162–192. DOI: 10.31119/jssa.2019.22.1.8
4. Антипов К.А. Социальный потенциал самоорганизации местных сообществ // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2015. № 2. С. 22–31.
5. Скобелина Н.А. Институциональный анализ как перспективное направление в исследовании общественных движений (аналитический обзор) // Вестник института социологии. 2017. Т. 8. № 1. С. 163–173. DOI: 10.19181/vis.2017.20.1.44
6. Шуклина Е.А., Певная М.В. Методологические основы междисциплинарных исследований социального участия молодежи постсоветских стран в социокультурном развитии города // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2020. № 5 (68). С. 101–113. DOI: 10.26105/SSPU.2020.68.5.025
7. Антонова Н.Л., Абрамова С.Б., Полякова В.В. Право на город: повседневные практики молодежи и партисипация в производстве городского пространства // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 443–462. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1597
8. Скалабан И.А. Оборонительные сообщества в городских конфликтах. Становление концепции // Цивилизационные сдвиги в развитии современного города: сб. научн. трудов / научн. ред. Т.И. Грабельных. Иркутск, 2021. С. 109–114.
9. Бурдые П. Практический смысл / пер. с фр. А.Т. Бикбова, К.Д. Вознесенской, С.Н. Зенкина, Н.А. Шматко; общ. ред. и послесл. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.
10. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуриации. М.: Академический проект, 2003. 528 с.
11. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности / пер. с англ. Е.Д. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 323 с.
12. Meyer J.W., Boli J., Thomas G.M. Ontology and rationalization in the Western cultural account. In: *Institutional Environments and Organizations. Structural Complexity and Individualism*. Scott W.R., Meyer J.W. (Eds). London: Sage, 1994. Pp. 9–28.
13. Meyer R.E., Vaara E. Institutions and actorhood as co-constitutive and co-constructed: The argument and areas for future research. *Journal of Management Studies*, 2020, vol. 57, pp. 898–910. DOI: 10.1111/joms.12561
14. Антонова Н.Л. Социальная практика: теоретико-методологические основания исследовательского анализа // Известия Уральского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2009. № 4 (70). С. 92–98.
15. Заславская Т.И. О субъектно-деятельностном аспекте трансформационного процесса // Кто и куда стремится вести Россию?: // Актеры макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса: Междунар. симп., 19–20 янв. 2001 г. / под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: Моск. высш. шк. соц. и экон. наук, 2001. С. 3–15.
16. Шабанова М.А. О некоторых преимуществах интеграции экономического и социологического анализа институциональных изменений. Статья 1: Институты, практики, роли // Экономическая социология. 2006. Т. 7. № 4. С. 11–26.
17. Постсоветский институционализм / под ред. Р.М. Нуреева, В.В. Дементьева. Донецк: Каштан, 2005. 480 с.
18. McAdam D., McCarthy J.D., Zald M.N. *Comparative Perspectives on Social Movements: Political Opportunities, Mobilizing Structures, and Cultural Framing*. Cambridge, 2004. 426 p.
19. Волков В.В. О концепции практик(и) в социальных науках // Социологические исследования. 1997. № 6. С. 9–23.
20. Pel B., Bauler T. The Institutionalization of social innovation between transformation and capture. *TRANSIT Working Paper*, 2014, no. 2. Available at: <http://www.transitsocialinnovation.eu/content/original/Book%20>

covers/Local%20PDFs/103%20TRANSIT_Governance_Positionpaper_Pel%20%20Bauler%202014%20(2).pdf

21. Morgan R. On political institutions and social movement dynamics: The case of the United Nations and the Global indigenous movement. *International Political Science Review*, 2007, vol. 28 (3), pp. 273–292.
22. Katzenstein M.F. Stepsisters: Feminist movement activism in different institutional spaces. In: *The Social Movement Society: Contentious Politics for a New Century*. Meyer D., Tarrow S. (Eds.). Lanham: Rowman and Littlefield, 1998. Pp. 195–216.
23. Eisinger P.K. The conditions of protest behavior in American cities. *The American Political Science Review*, 1973, vol. 67 (1), pp. 11–14.
24. Hensman M. Social movement organizations: A metaphor for strategic actors in institutional fields. *Organization Studies*, 2003, vol. 24 (3), pp. 355–381.
25. Никовская Л.И., Скалабан И.А. Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития // Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 43–60. DOI: 10.17976/jpps/2017.06.04
26. Тыканова Е.В., Хохлова А.М. Конструирование исходов городских локальных конфликтов в дискурсе активистов и экспертов (случай Нижнего Новгорода) // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений: мат-лы V междунар. науч.-практ. интернет-конф. (г. Вологда, 23–27 марта 2020 г.): в 2-х ч. Ч. 1. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2020. С. 185–191.
27. Armstrong E.A., Bernstein M. Culture, power, and institutions: A multi-institutional politics approach to social movements. *Sociological Theory*, 2008, vol. 26 (1), pp. 74–99. DOI: 10.1111/j.1467-9558.2008.00319.x
28. Snow D.A., Soule S.A., Kriesi H. *The Blackwell Companion to Social Movements*. Blackwell Publishing, 2004. 754 p.
29. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / пер. с польск. С.М. Червонной. М.: Логос, 2005. 655 с.
30. Gamson W.A. *The Strategy of Social Protest*. Belmont: Wadsworth, 1990. 357 p.
31. Diani M. Social movements and social capital: A network perspective on movement outcomes. *Mobilization: An International Quarterly*, 1997, vol. 2(2), pp. 129–147.
32. Желнина А.А., Тыканова Е.В. «Игроки» на «аренах»: анализ взаимодействий в городских локальных конфликтах (случай Санкт-Петербурга и Москвы) // Журнал исследования социальной политики. 2021. Т. 19. № 2. С. 212–222. DOI: 10.17323/727-0634-2021-19-2-205-222
33. Тилли Ч. От мобилизации к революции / пер. с англ. Д. Карасева; под науч. ред. С. Моисеева. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 432 с.
34. Kriesi H. The political opportunity structure of the Dutch peace movement. *West European Politics*, 1989, vol. 12 (3), pp. 295–312. DOI: 10.1080/01402388908424754
35. Arnstein Sh.R. A ladder of citizen participation. *JAIIP*, 1969, vol. 35 (4), pp. 216–224.
36. Веревкин А.И., Соколов А.В. Протестные кампании в субъектах Российской Федерации: пример протестной кампании против строительства ОДЦ «Охта-Центр» в Санкт-Петербурге // ПОЛИТЭКС. 2012. № 2. С. 109–125.
37. Снигирева Н.В., Смирнов Д.Е. «Белые цветы»: социально-средовое проектирование как инструмент развития территорий // Архитектура и строительство России. 2021. № 2 (238). С. 63–72.
38. Burns T.R., Diez T. Revolution: An evolutionary perspective. *International Sociology*, 2001, vol. 16 (4), pp. 531–555. DOI: 10.1177/0268580901016004001
39. Гринберг Р.С., Комолов О.О. Импорт институтов: теоретический аспект и практический опыт // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 3. С. 17–27. DOI: 10.15838/esc.2020.3.69.2
40. Видясов Е.Ю., Тензина Я.Д., Видясова Л.А. Оценка уровней вовлечения граждан в развитие городской среды в Петербурге: результаты экспертного опроса // Информационные ресурсы России. 2021. № 3 (181). С. 8–10. DOI: 10.46920/0204-3653_2021_03181_8
41. Гараджа В.И. Социология религии. М.: Наука, 1995. 235 с.
42. Ускова Т.В., Секушина И.А. Стратегические приоритеты развития малых и средних городов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 1. С. 56–70. DOI: 10.15838/esc.2021.1.73.5

Приложение

Перечень материалов, включенных в анализ текстов

№ п/п	Населенный пункт	Тема	Источник информации
1	Москва 1	Как самим украсить двор цветами: Москвичи выращивают палисадники около подъездов	https://www.msk.kp.ru/daily/27028.4/4091424/
2	Благовещенск	«Самый цветущий двор» Благовещенска	https://www.amur.info/culture/2018/09/1/9157
3	Екатеринбург 1	В Екатеринбурге волонтеры возродили исторический сад в центре города	https://varlamov.ru/4051916.html?utm_source=facebook.com&utm_medium=social&utm_campaign=problema-mnogih-rossijskih-gorodov-v-tom
4	Москва 2	Как столетнему московскому подъезду возвращают исторический облик	https://strelkamag.com/ru/article/potolok?utm_source=strelkamag&utm_medium=social&utm_campaign=potolok
5	С. Богатое Самарской области	Том Соьер Фест: Селу был нужен герой	http://tsfest.ru/
6	Екатеринбург 2	Строительство храма Св. Екатерины	https://news.ru/society/mer-ekaterinburga-opros-vciom-ohrame-nichego-ne-reshaet/
7	Королев	Сохраним Рябиновый сквер	https://vk.com/video-188873215_456239026?t=46s
8	Нижний Новгород	Сохраним сквер в Приокском Районе	https://vk.com/save_prioksky_square_nn
9	Вологда	Против проекта берегоукрепления набережной реки Вологды	https://vk.com/vologdareka http://vologdareka.tilda.ws/
10	Санкт-Петербург 1	Против строительства Охта-центра	https://www.save-spb.ru/
11	Санкт-Петербург 2	Движение «Дерева Петербурга» (Мария Тиника)	https://vk.com/spbtree https://luna-info.ru/discourse/derevy-peterburga/

Сведения об авторе

Елена Олеговна Смолева – научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: riolenas@rambler.ru)

Smoleva E.O.

Forming the Practices of Citizens’ Participation in the Development of the Urban Environment: Habitualization or Institutionalization From Above

Abstract. The article presents findings of a sociological research on the process of formation of social practices of citizens’ participation in the development of the urban environment. Creating a new, people-friendly urban space involves taking into account the interests of various population groups and working out the mechanisms for citizens’ involvement in urban management. The purpose of the work is to identify main ways for engaging citizens in the development of the urban environment by analyzing the processes of institutionalization. The theoretical and methodological basis of the research includes works devoted to social institutions and institutionalization, social movements as institutionalization agents, the right of citizens to participate in urban development, and the issues of civic participation in designing urban spaces. The analysis has identified main participants (actors) whose interests are affected when the issue concerning the development of the urban environment is formulated and addressed. We consider two processes of formation of the rules according to which the actors perform their functions in public arenas: from below through habitualization or from above as an import of social institutions.

We show the differences in the process and results of institutionalization of civic engagement in the presence or absence of a conflict of interests among the main actors: society, government, business community. We compare the processes according to the following parameters: the nature of institutional changes, relations and actions, type of institutional changes, structure of political opportunities, and civic engagement levels. We draw conclusions about how the orientation of the processes affects the nature of civic participation. In particular, the loss of the “partnership” and “delegation of authority” stages in the process of institutionalization from above indicates a formal and imitative nature of the practices of civic participation in urban development. The novelty of the work consists in comparing the oppositely directed processes of institutionalization of civic participation (from below and from above) on the example of a specific sphere such as urban development.

Key words: social institution, social practices, habitualization, institutionalization, civic participation.

Information about the Author

Elena O. Smoleva – Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: riolenas@rambler.ru)

Статья поступила 10.06.2021.

Самосохранительное поведение населения: поколенческий аспект*

**Лариса Алексеевна
ПОПОВА**

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН
Сыктывкар, Российская Федерация
e-mail: popova@iespn.komisc.ru
ORCID: 0000-0003-0549-361X; ResearcherID: O-6876-2017

**Татьяна Васильевна
МИЛАЕВА**

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН
Сыктывкар, Российская Федерация
e-mail: Tasha20012001@inbox.ru
ORCID: 0000-0002-1675-2915; ResearcherID: G-3938-2016

**Елена Николаевна
ЗОРИНА**

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН
Сыктывкар, Российская Федерация
e-mail: zorina@iespn.komisc.ru
ORCID: 0000-0003-1788-9224; ResearcherID: J-8612-2018

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-010-00881 «Продолжительность жизни российского населения: возможности достижения «80 плюс».

Для цитирования: Попова Л.А., Милаева Т.В., Зорина Е.Н. Самосохранительное поведение населения: поколенческий аспект // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 5. С. 261–276. DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.15

For citation: Popova L.A., Milaeva T.V., Zorina E.N. Self-preservation behavior: generational aspect. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 5, pp. 261–276. DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.15

Аннотация. Цель исследования – выявление особенностей самосохранительного поведения у разных реальных поколений россиян для оценки вектора их трансформации и перспектив динамики продолжительности жизни. Актуальность темы определяется значительным отставанием России от развитых стран по уровню продолжительности жизни населения, во многом обусловленным поведенческим фактором. К научной новизне можно отнести адаптацию теории поколений Хоува и Штрауса для исследования поколенческих особенностей поведения населения в области здоровья. Выдвинутые гипотезы о характере моделей самосохранительного поведения пяти десятилетних реальных когорт населения и сборного поколения родившихся до 1955 года включительно были верифицированы результатами социологического обследования. Относительно соотношения моделей самосохранительного поведения двух самых старших когорт сформулированная гипотеза не подтвердилась, что может быть обусловлено позитивной трансформацией моделей здоровьесберегающего поведения с возрастом вследствие изменений в состоянии здоровья, а также в составе населения старших когорт из-за высокой преждевременной смертности в группах с самым неблагоприятным образом жизни. Относительно четырех молодых реальных поколений исследование подтвердило выдвинутые гипотезы, показав, что благоприятные социально-экономические и демографические условия, антиалкогольные и антитабачные мероприятия 2000-х годов и пропаганда активного здорового образа жизни в целом имеют положительный результат в плане воздействия на характер самосохранительного поведения молодых когорт населения, что свидетельствует о возможности влияния на поведенческие факторы здоровья на стадии его формирования. Позитивный вектор трансформации поколенческих закономерностей самосохранительного поведения, особенно четко проявляющийся у мужчин, позволяет надеяться на восстановление и продление растущей динамики продолжительности жизни россиян с вероятностью достижения в перспективе целевых показателей при условии закрепления благоприятных поведенческих паттернов в области здоровьесбережения.

Ключевые слова: продолжительность жизни населения, поведенческие факторы здоровья, здоровый образ жизни, самосохранительное поведение, саморазрушительное поведение, теория поколений, реальное поколение.

Введение

В условиях пандемии COVID-19 произошло заметное повышение смертности населения России. Общий коэффициент увеличился в 2020 году до 14,6 на 1000 человек населения по сравнению 12,3‰ в 2019 году. Ожидаемая продолжительность жизни после 16-летнего периода роста, который привел к увеличению показателя на 8,5 лет (с 64,8 в 2003 году до 73,3 года в 2019) с достижением максимальных в истории страны значений, сократилась почти на два года – до 71,5 лет¹. На фоне развития эпидемиологической ситуации уже к середине 2020 года были скорректированы заявленные в 2018 году национальные цели в области продолжительности жизни населения, которые предусматривали повышение к 2024 году ожидаемой продолжительности жизни россиян до 78 лет, к

2030 г. – до 80 лет². Согласно Указу Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г., целевой показатель 78 лет определен на 2030 год³.

Даже после корректировки это очень непростая задача, особенно с учетом предшествующего весьма существенного роста показателя, когда были в значительной степени использованы относительно легко реализуемые возможности его повышения, и провала 2020 года, отразившего влияние новых сильнодействующих негативных условий. Но поставленная в области продолжительности жизни российского на-

¹ Официальный сайт Росстата. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения 12.07.2021).

² О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/57425> (дата обращения 12.07.2020).

³ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 г. № 474. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/63728> (дата обращения 12.07.2020).

селения цель — это не абстракция, это уровень, который на протяжении длительного времени характерен для значительного числа государств. По данным ООН, в 2019 году ожидаемая продолжительность жизни при рождении была выше 78 лет в 45 странах мира, в том числе в 27 европейских государствах, среди которых Албания и Эстония⁴. Продолжительность жизни населения Европейского союза в целом уже с 2004 года устойчиво превышает 78 лет, с 2011 — 80 лет. В 2019 году показатель для обоих полов достиг в ЕС-27 уровня 81,3 года (84,0 года для женщин, 78,5 лет для мужчин). По 26 странам ЕС-27 (кроме Ирландии), а также по странам ЕАСТ (Исландия, Лихтенштейн, Норвегия, Швейцария) Евростат опубликовал предварительные данные за 2020 год — в 22 из этих 30 европейских государств ожидаемая продолжительность жизни даже после снижения в условиях пандемии превышает 78 лет⁵.

Достижение поставленной цели (приближение к ее достижению) зависит от множества факторов, которые обуславливают отставание России по продолжительности жизни от развитых стран, и не в последнюю очередь от образа жизни населения, отношения граждан к своему здоровью, их поведения в сфере сохранения здоровья, распространенности в обществе здоровьесберегающих, самосохранительных моделей поведения. Отечественными исследователями часто отмечается широкое распространение среди населения страны гигиенически нерациональных и вредных привычек и стереотипов поведения: злоупотребления алкоголем, курения, нерационального питания и переедания, несвоевременного обращения за медицинской помощью⁶, — и несформированность поведенческих паттернов, отвечающих за сохранение здоровья и увеличение сроков активной жизни [1]. При этом широко известна классификация факторов обеспечения здо-

ровья современного человека, разработанная экспертами Всемирной организации здравоохранения еще в 1980-х годах, в соответствии с которой более 50% факторов (а по последним данным — порядка 70%) лежит в зоне ответственности самого индивида [2]. Значительная продолжительность жизни, долголетие прежде всего связаны с сохранением здоровья в течение всей жизни человека, что определяет актуальность изучения существующего на уровне индивидуального и общественного сознания отношения к здоровью.

Трансформация моделей самосохранительного поведения может стать одной из форм укрепления здоровья и увеличения продолжительности жизни населения России [1], поэтому особый интерес, на наш взгляд, вызывает исследование отношения к здоровью у разных реальных поколений по году рождения (когорт). Устойчивый рост продолжительности жизни населения возможен лишь при формировании у молодых поколений населения более позитивных моделей самосохранительного (здоровьесберегающего) поведения, чем у старших когорт, и их реализации в течение жизни. В статье поставлена цель выявить особенности самосохранительного поведения у разных реальных когорт россиян, что позволит оценить вектор трансформации существующих в обществе моделей самосохранительного поведения и перспективы динамики ожидаемой продолжительности жизни населения.

Теоретические основы исследования самосохранительного поведения

Интерес научного сообщества к проблемам здоровья и обуславливающему его поведению стал неуклонно расти во второй половине XX века, когда в результате завершения первого этапа эпидемиологического перехода в развитых странах на первые места в структуре заболеваемости и смертности населения вышли болезни, вызванные эндогенными (внутренними) поведенческими причинами. В связи с этим актуальность приобрели вопросы изучения особенностей поведения, влияющих на состояние здоровья и продолжительность жизни человека, с целью выявления его стратегий и возможностей управления ими. В отечественной социологии и психологии этот вид демографического поведения получил название самосохранительного поведения. Термин впервые

⁴ Life expectancy and Healthy life expectancy, data by country. World Health Organization (2020). URL: <https://apps.who.int/gho/data/node.main.688> (дата обращения 13.07.2020).

⁵ Statistics | Eurostat. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/tps00205/default/table?lang=en> (дата обращения 13.07.2020).

⁶ Современная демография: учеб. пособие / А.Я. Кваша и др.; под ред. А.Я. Квашы, В.А. Ионцева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1995. С. 47–49.

стал употребляться в социологии и социологической демографии с начала 1970-х годов для описания готовности личности к сохранению собственной жизни и здоровья, к продлению существования вплоть до глубокой старости.

Зарубежными специалистами поведение людей с целью самосохранения сначала изучалось в рамках концепции «обеспечения здоровья» (health promotion) [3], позже появились термины «здоровое поведение» (health behavior), «поведение, связанное со здоровьем» (health-related behavior), «здоровый стиль жизни» (healthy lifestyle) [4]. Большинство зарубежных исследований здорового образа жизни следуют его определению как любой деятельности, совершаемой человеком, считающим себя здоровым, с целью предотвращения заболевания или обнаружения его на бессимптомной стадии [5]. На основе предположения о том, что поведение, направленное на профилактику (health-protecting) и поддержание (health-promoting) здоровья, можно рассматривать как взаимодополняющие компоненты здорового образа жизни, была предложена модель укрепления здоровья (health promotion model) – парадигма для объяснения поведения, направленного на поддержание здоровья. Оздоровляющее поведение, по мнению авторов, направлено на повышение уровня благополучия (well-being), самоактуализации (self-actualization) и самореализации (personal fulfillment) личности [6]. В качестве поддерживающего компонента укрепляющего здоровье поведения выступает позитивный подход к жизни, так как именно он способствует реализации потенциала. Для мониторинга здорового образа жизни группой исследователей был разработан профиль здорового образа/стиля жизни (health-promoting lifestyle profile – HPLP) [6; 7], который включает оценку шести аспектов поведения, связанного со здоровьем: «духовный рост» (spiritual growth) – сосредоточение на развитии внутренних ресурсов; «межличностные отношения» (interpersonal relations) – использование коммуникации для достижения чувства близости с другими; «питание» (nutrition) – выбор здорового ежедневно рациона питания; «физическая активность» (physical activity); «ответственность за здоровье» (health responsibility); «управление стрессом» (stress management).

В некоторых зарубежных исследованиях используется термин «самосохранительное (самозащитное) поведение» (self-protective behavior, self-preservation behavior), обычно не рассматривающийся как синоним понятия «здоровый образ жизни». Самосохранительное поведение включает в себя меры предосторожности, используемые людьми для уменьшения риска нанесения ущерба своему здоровью. При этом понятие может использоваться буквально, как несущее предмет самозащиты: например, не выходить ночью на улицу, запирают двери на ночь, избегать посещения мест с повышенной опасностью и т. д. [8; 9; 10]. В целом в зарубежных исследованиях, посвященных изучению самосохранительного поведения, этот термин применяется в большей мере при изучении профессиональных групп в контексте отношения к своему здоровью, затрагивая вопросы, связанные с риском получения травм на производстве, т. е. самосохранительное поведение рассматривается как определенный набор действий человека в профессиональной деятельности, направленных на поддержание продуктивности человека и сохранение целостности организма [11].

В отечественном научном сообществе самосохранительное поведение исследуется в рамках медицинского, психологического и социолого-демографического подходов. Медицинский подход приравнивает такой тип поведения к здоровому образу жизни (или образу жизни, содействующему укреплению здоровья), отражающему особенности поведенческой активности человека в отношении собственного здоровья, т. е. учитываются не мотивы и ценности самосохранения, а лишь сама здоровьесберегающая деятельность человека [12]. В социальной психологии самосохранительное (здоровьесберегающее) поведение трактуется с трех позиций: как акт принятия решения; как стадийный процесс; как деятельность. Обычно оно рассматривается в качестве специфической регуляционной деятельности по обеспечению оптимального для личности уровня индивидуального здоровья [13]. Т. е. в отличие от зарубежных исследований, в которых самосохранительное поведение прежде всего связано со снижением риска получения травм разного генезиса на производстве, в отечественной психологии

самосохранительное поведение рассматривается как поведение, ориентированное на здоровье и предупреждение развития заболеваний.

В рамках социолого-демографического подхода самосохранительное поведение понимается как система действий и отношений личности, направленных на сохранение здоровья в течение всего жизненного цикла и продление сроков жизни. Первые отечественные теоретические и эмпирические социологические исследования, в ходе которых изучались представления людей о желаемой и ожидаемой продолжительности жизни в комплексе с условиями, способствующими ее увеличению, были проведены в 1984–1990 гг. под руководством А.И. Антонова. Большинство отечественных исследователей этого социального феномена (И.С. Вялов, И.В. Журавлева, Л.С. Шилова) придерживаются предложенного А.И. Антоновым определения самосохранительного поведения в качестве системы действий и установок личности, направленных на сохранение здоровья в течение полного жизненного цикла, на продление срока жизни в пределах этого цикла⁷.

Д.С. Корниенко связывает самосохранительное поведение с активностью, направленной на поддержание физического и психологического здоровья [14]. В.Я. Шклярчук определяет его как совокупность знаний, мотивов, убеждений, системы действий и отношений, которые организуют и направляют волевые усилия личности на сохранение здоровья, здоровый образ жизни в течение полного жизненного цикла, на продление творческого долголетия [15]. С.А. Вангородская определяет самосохранительное поведение как сознательную деятельность индивида, направленную на поддержание оптимальных параметров биологического, психологического и социального здоровья и минимизацию субъективно осознаваемых рисков [2].

В современных исследованиях в качестве синонимов термина «самосохранительное поведение» используются также «здоровоохранительное поведение»⁸, «здоровьесберегающее

поведение»⁹ [16; 17], «поведение, связанное со здоровьем» [18], «витальное поведение», «жизнесохранительное поведение». Их общий смысл, несмотря на разброс в понятийном аппарате, сводится к приоритету для индивидов ценности здоровья, мотивации и активной деятельности по его сбережению [2].

Ряд отечественных авторов отождествляют определение «самосохранительное поведение» (self-protective behavior) с понятием «здоровый образ жизни». Попытка осмысления этих понятий в контексте психологии здоровья, их сопоставления и выделения сходств и различий предпринята М.Д. Петраш и И.Р. Муртазиной [19], которые полагают, что указанные определения тесно связаны друг с другом, но не тождественны. По мнению авторов, самосохранительное поведение является неотъемлемым элементом здорового образа жизни. Понятие «здоровый образ жизни» более широкое, чем самосохранительное поведение, и может быть определено как совокупность внешних и внутренних условий жизнедеятельности человека, способствующих более продолжительной работе всех систем его организма, а также совокупность действий, направленных на сохранение и укрепление здоровья (самосохранительное поведение) и гармоническое развитие личности.

К настоящему моменту проведено достаточно большое количество эмпирических исследований самосохранительного поведения. На базе Центра социологических исследований Белгородского государственного национального исследовательского университета реализуется научный проект, связанный с изучением рисков и трендов самосохранительного поведения населения центральных регионов Российской Федерации с целью выявления влияния социально-политических, социально-экономических, инфраструктурных и социально-психологических групп факторов формирования моделей самосохранительного поведения [1; 2; 20]. В сотрудничестве с коллегами из других рос-

⁷ Антонов А.И. Микросоциология семьи (методология исследования структур и процессов). М.: Nota Bene, 1998. 313 с.

⁸ Волкова М.Б. Здоровоохранительное поведение населения в условиях российских социально-экономических трансформаций: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Саратов, 2005. 27 с.

⁹ Поздеева Т.В. Научное обоснование концепции и организационной модели формирования здоровьесберегающего поведения студенческой молодежи: автореф. дис. ... д-ра мед. наук. М., 2008. 47 с.; Зелионко А.В. Обоснование организационно-профилактических мероприятий по совершенствованию системы формирования здоровьесберегающего поведения и улучшения качества жизни населения: дис. ... канд. мед. наук. СПб., 2016. 193 с.

сийских и белорусских научных организаций исследования самосохранительного поведения как основы формирования здоровья населения, его региональных особенностей, специфики в сельской местности, гендерных аспектов здоровьесбережения проводятся сотрудниками Вологодского научного центра РАН [17; 21–25]. Изучением проблем сохранения здоровья, ориентации населения на здоровый образ жизни, самосохранительного поведения молодежи, самосохранительного поведения на территориях, пострадавших от ЧАЭС, а также практик саморазрушительного поведения (алкоголизма, табакокурения, наркомании) занимаются сотрудники Института социологии НАН Беларуси [3; 17; 26]. Поколенческий аспект изучения самосохранительного поведения охватывает прежде всего исследования в молодежной аудитории¹⁰ [3; 26–29], которые, безусловно, имеют наибольшее значение для оценок перспектив здоровья и продолжительности жизни населения. В то же время недостаток сравнительных межпоколенческих исследований самосохранительного поведения, которые предоставляют базу сравнения для таких оценок, актуализирует проведение исследования, посвященного особенностям самосохранительного поведения разных реальных когорт населения. Особую актуальность изучение самосохранительного поведения населения приобретает в условиях пандемии COVID-19 [25; 30].

Материалы и методы

Методологической основой исследования являются общенаучные методы анализа, синтеза, сравнения, обобщения. Для реализации цели и задач применены системный подход, сравнительный анализ, социологические методы исследования, когортный метод демографического анализа, табличный прием визуализации данных. Теоретической базой исследования выступают научные работы ведущих демографов, медиков, социологов, психологов, посвященные изучению вопросов продолжительности жизни населения, общественного здоровья, самосохранительного поведения, теория поко-

лений Хоува и Штрауса. Информационной базой послужили официальные данные Росстата и результаты социологического обследования «Здоровье и качество жизни населения», проведенного в декабре 2020 года в Республике Коми. Посредством раздаточного анкетирования по квотированной выборке, охватывающей все 20 муниципальных образований республики, было опрошено 1533 человека в возрасте 15 лет и старше. 76,3% опрошенных относятся к городскому населению, 23,7% – к сельскому, что соответствует распределению населения указанного возраста по типам поселений. Возрастная структура выборочного массива несколько моложе генеральной совокупности. Доля опрошенных в молодых – от 15 до 54 лет – возрастах превышает аналогичную долю в совокупности населения старше 15 лет практически равномерно за счет каждой пятилетней возрастной группы. Поскольку возрастная (поколенческая) принадлежность опрошенных является главным разрезом анализа результатов обследования, особенности возрастной структуры выборочного массива будут учтены. А принимая во внимание важность молодых возрастных групп для определения вектора трансформации моделей самосохранительного поведения населения, такое распределение можно считать удачным. Мужчины неохотно принимают участие в обследованиях, поэтому по полу массив опрошенных также отличается от генеральной совокупности. Для того чтобы очистить результаты обследования от влияния гендерного дисбаланса выборки, мы включали гендерную принадлежность в качестве дополнительного разреза анализа. Анкета содержит 51 вопрос, 25 из них в той или иной степени относятся к здоровью опрашиваемых и их модели самосохранительного поведения, в качестве структурных компонентов которой в исследовании рассматриваются отношения с системой здравоохранения, активность образа жизни, питание и распространенность вредных привычек. Для сравнительного межпоколенческого анализа особенностей самосохранительного поведения были выбраны вопросы, в которых в максимальной степени элиминируется влияние возраста: распространенность вредных привычек, обладающих значительной устойчивостью с возрастом, а также активного спортивного стиля жизни, который при отсутствии влияния сильнодей-

¹⁰ Поздеева Т.В. Научное обоснование концепции и организационной модели формирования здоровьесберегающего поведения студенческой молодежи: автореф. дис. ... д-ра мед. наук. М., 2008. 47 с.

ствующих негативных факторов также является привычкой, сохраняющейся на протяжении всей жизни. Обработка и анализ социологических данных проведены с помощью программ MS Statistica и MS Excel.

Результаты и обсуждение

Для анализа поколенческого аспекта самосохранительного поведения населения использованы некоторые положения теории поколений Хоува и Штрауса [31; 32], в основу которой заложено утверждение о том, что ключевым элементом определения временных рамок любого поколения является категория ценностей. В теории поколений выделяются не просто возрастные группы, а поколенческие группы населения со схожими основными ценностями, сформировавшимися под влиянием социальных, экономических и политических условий, т. е. окружающей общественной среды и норм семейного воспитания, характерных для периода социализации представителей поколения. Состоятельность теории поколений была подтверждена на примере США, однако она оказалась сомнительной для других стран, поскольку процесс формирования ценностей разных поколений зависит от особенностей социально-экономического и политического развития различных государств. С учетом специфики исторического развития теорию поколений можно адаптировать к реалиям другой страны, но при этом должны учитываться также и цели анализа. Например, И.М. Гуровой и С.Ш. Евдокимовой теория поколений Хоува и Штрауса была адаптирована для исследования формирования и развития трудового потенциала России [33]. На основе анализа основных исторических событий нашей страны было выделено и описано пять поколений, различающихся цен-

ностными ориентирами, потребностями и интересами, отношением к труду, мотивациями и прочими установками, которые важно учитывать для совершенствования трудовых возможностей. При анализе поколенческих особенностей самосохранительного поведения населения периодизация российских поколений будет несколько иной, поскольку на модели самосохранительного поведения влияют другие факторы. Кроме того, следует учитывать, что особенности самосохранительного поведения разных поколений, формирующиеся под влиянием условий, характерных для периода социализации, меняются с возрастом в связи с объективными изменениями состояния здоровья.

Перейдя от возрастных групп опрошенных в обследовании «Здоровье и качество жизни населения» к годам их рождения и приблизительному периоду завершения социализации (т. е. достижения 15 лет), рассмотрим шесть реальных поколений населения по году рождения: старше 65 лет в целом (включающее родившихся вплоть до 1955 года) и пять более молодых десятилетних когорт населения, которые, на наш взгляд, могут различаться моделями самосохранительного поведения, поскольку характеризуются заметной дифференциацией условий формирования (табл. 1). Несомненно, обозначенные границы реальных поколений очень условны. Главная задача анализа – определить вектор трансформации самосохранительного поведения населения как основу перспективных тенденций ожидаемой продолжительности жизни.

Опрошенные в декабре 2020 года респонденты в возрасте 65 лет и старше родились до 1955 года включительно. Их социализация

Таблица 1. Реальные поколения с заметной дифференциацией условий формирования моделей самосохранительного поведения

№ п/п	Возрастная группа респондентов	Годы рождения	Период завершения социализации	Условия формирования моделей самосохранительного поведения
1	65 лет и старше	до 1955 г.	до 1970 г.	Неблагоприятные
2	55–64 года	1956–1965 гг.	1971–1980 гг.	Более благоприятные по сравнению с предыдущим поколением
3	45–54 года	1966–1975 гг.	1981–1990 гг.	Более благоприятные по сравнению с предыдущим поколением
4	35–44 года	1976–1985 гг.	1991–2000 гг.	Крайне неблагоприятные
5	25–34 года	1986–1995 гг.	2001–2010 гг.	Более благоприятные по сравнению с предыдущим поколением
6	15–24 года	1996–2005 гг.	2011–2020 гг.	Более благоприятные по сравнению с предыдущим поколением

пришлась на военные и послевоенные годы, когда смертность населения в значительной степени определялась неблагоприятными внешними факторами и экзогенными болезнями, у самых молодых представителей завершилась к концу 1960-х годов, когда болезни системы кровообращения только вышли в России на первое место в структуре причин смерти, но при этом на втором месте закрепились внешние причины (несчастные случаи и пр.), т. е. внимание к поведенческим аспектам здоровья в обществе пока не оформилось. Поэтому высока вероятность, что у представителей старших поколений сформировались не самые благоприятные модели самосохранительного поведения. Однако к 65 годам они, безусловно, претерпели заметную позитивную трансформацию в связи с возрастными изменениями в состоянии здоровья, требующими более ответственного отношения к нему. Кроме того, учитывая специфику российской смертности по возрасту и причинам смерти, можно утверждать, что до старших возрастов доживают даже не столько самые здоровые представители поколений, сколько самые ответственные в плане самосохранительного поведения.

Респонденты в возрасте 55–64 года родились в 1956–1965 гг., социализировались в основном в 1970-е годы, когда в отечественных средствах массовой информации стала появляться демографическая статистика, до этого практически засекреченная, в обществе уже обратили внимание на начавшуюся стагнацию продолжительности жизни населения, на значительное отставание мужского показателя, на распространенность среди населения малоподвижного образа жизни (гиподинамии) и вредных привычек. Предположительно, модели самосохранительного поведения у поколения 1956–1965 годов рождения (учитывая отмеченную выше условность границ рассматриваемых в статье реальных когорт, правильнее будет называть его поколением второй половины 1950-х – первой половины 1960-х годов рождения) в момент формирования были более позитивными, чем у старших когорт, кроме того, они также имели большую вероятность испытать положительные изменения, связанные с возрастом.

Наибольший интерес с точки зрения целей анализа, на наш взгляд, представляют четыре молодые десятилетние когорты, довольно существенно различающиеся условиями, в которых в основном происходило формирование моделей самосохранительного поведения.

Опрошенные в возрасте 45–54 года родились в 1966–1975 гг., социализировались в 1980-е годы, характеризующиеся заметным вниманием общества к демографическим проблемам в целом, начиная с Постановления 1981 г. «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей»¹¹, которое часто называют единственным полномасштабным мероприятием демографической политики советского периода. В середине десятилетия в стране прошла антиалкогольная кампания¹², которая впоследствии больше подвергалась критике, но краткосрочные ее результаты оказались весьма впечатляющими: в 1986–1987 гг. продолжительность жизни российского населения впервые превысила 70 лет. Кроме того, борьба с пьянством велась не только запретительными мерами – в стране после долгого перерыва появились регулярные средства массовой информации и постоянно действующие организации, пропагандирующие трезвый образ жизни. Иными словами, общий настрой общества в период социализации поколения второй половины 1960-х – первой половины 1970-х годов рождения можно считать благоприятствующим формированию более позитивных моделей самосохранительного поведения, чем у родившихся в предшествующее десятилетие.

Респонденты в возрасте 35–44 года родились в 1976–1985 гг., период их социализации пришелся в основном на 1990-е годы, кризисные во всех отношениях. В это время наблюдался глубокий общественно-политический, социально-экономический, нравственно-психологический и демографический кризис.

¹¹ О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей: Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 235 от 22.01.1981. // СП СССР, 1981. № 13. Ст. 75.

¹² Об усилении борьбы с пьянством: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 16 мая 1985 г. № 2458-XI. URL: <http://docs.cntd.ru/document/9007335> (дата обращения 19.07.2021).

Отмена государственной винной монополии привела к наполнению алкогольного рынка низкокачественной продукцией. Самогоноварение для личного потребления, получившее широкое распространение после Указа 1985 г., приняло товарную форму. Стремительно падавшие в условиях безработицы и массовых задержек заработной платы доходы населения привели к небывалому росту потребления суррогатной алкогольной продукции. Пьянство и алкоголизм существенно помолодели. Появился термин «пивной алкоголизм». Заметным явлением в российском обществе стала наркомания. Как следствие, в 1993 году смертность от группы несчастных случаев поднялась в России на второе место в структуре причин смерти. В 1994 году ожидаемая продолжительность жизни российского населения опустилась до минимального после завершения первого этапа эпидемиологической революции уровня 64,0 года. Этот крайне неблагоприятный фон, признаки которого можно продолжать перечислять, на наш взгляд, способствовал формированию у поколения второй половины 1970-х — первой половины 1980-х годов рождения самых низких стандартов самосохранительного поведения по сравнению с остальными рассматриваемыми когортами.

Участники обследования в возрасте 25–34 года родились в 1986–1995 гг., социализировались в основном в первое десятилетие 2000-х годов, характеризующееся повышением уровня жизни населения, началом устойчивого улучшения демографической ситуации и реализации современной российской социально-демографической политики. 1 января 2006 года стартовал приоритетный национальный проект «Здоровье». В условиях существенного снижения смертности от травматизма смертность от внешних причин в 2006 году опустилась на третье место в структуре причин смертности российского населения. В январе 2007 года появилась совершенно новая мера демографической политики в области рождаемости — материнский капитал на второго ребенка, сделавшая хорошую рекламу демографическим вопросам в целом. В октябре 2007 года была утверждена «Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года», в которой задачи в области смертности были поставлены на первое место и за-

ложены конкретные ориентиры по повышению уровня продолжительности жизни россиян к 2015 году до 70 лет, к 2025 году — до 75 лет¹³. Кроме того, в 2000-х годах были предприняты важные шаги в борьбе с курением и алкогольным наследием 1990-х годов. Подписанный в 2001 году Федеральный закон «Об ограничении курения табака»¹⁴ предусматривал запрет на продажу табачных изделий несовершеннолетним, ограничение рекламы табачной продукции, запрет на ее реализацию в образовательных, медицинских, культурных и спортивных учреждениях, на расстоянии ста метров от школ, колледжей и вузов и другие мероприятия. Принятые в законе нормы впоследствии неоднократно дорабатывались, в 2010 году была подписана «Национальная стратегия противодействия курению». В 2005 году укреплена система управления производством, распределением и продажей спирта, введены обязательная акцизная марка на всех алкогольных напитках и запрет на продажу напитков крепостью более 15% спирта в определенных общественных местах. В 2008 году запрещена реклама алкоголя на всех видах транспорта и введен рост акцизов на 10% в год. В 2010 году была принята национальная программа действий по борьбе с алкоголизмом на период до 2020 года, установлена минимальная розничная цена на напитки крепче 28 градусов и введена нулевая терпимость к употреблению алкоголя водителями (так называемое «ноль промилле»). Проводимые мероприятия и благоприятные по сравнению с 1990-ми годами условия социализации, на наш взгляд, способствовали формированию более позитивных моделей демографического, в том числе самосохранительного, поведения у поколения второй половины 1980-х — первой половины 1990-х годов рождения по сравнению с когортой второй половины 1970-х — первой половины 1980-х годов рождения.

Респонденты в возрасте 15–24 года родились в 1996–2005 гг. и социализировались в основном на протяжении 2011–2020 гг. Десятиле-

¹³ Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <http://document.kremlin.ru/doc.asp?ID=041941> (дата обращения 12.07.2021).

¹⁴ Об ограничении курения табака: Федеральный закон от 10.07.2001 г. № 87-ФЗ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/17153> (дата обращения 19.07.2021).

тие характеризуется наращиванием демографической политики и в области рождаемости (введение регионального материнского капитала и пр.), и в области смертности, включая реализацию региональных программ модернизации здравоохранения, национальной программы действий по борьбе с алкоголизмом на период до 2020 года, национальной стратегии противодействия курению, запуск новой кампании по всеобщей диспансеризации взрослого населения, усиление пропаганды здорового образа жизни и пр. В стране продолжается реализация шагов по преодолению алкогольного наследия 1990-х и ужесточаются антитабачные мероприятия. В 2011 году был усилен контроль, увеличена тяжесть административной ответственности за продажу алкоголя несовершеннолетним, введен запрет на продажу алкоголя на заправках. В 2012 году запрещена продажа пива в отдельных местах, реклама алкоголя в интернете и в электронных СМИ. В 2013 году запрещена реклама алкоголя в любых печатных СМИ, произошло увеличение точности алкотестеров и тяжести наказания за вождение в нетрезвом виде, принят Федеральный закон «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака»¹⁵, который ввел полный запрет на курение табака в общественных местах, ужесточил требования к дизайну упаковки (в частности, на сигаретных пачках появились устрашающие картинки и надписи), продолжил практику прогрессивного повышения налогов, усиления антитабачных кампаний, запрета на все виды рекламы, спонсорства и продвижения табачной продукции. В 2014 году были увеличены штрафы за продажу алкоголя несовершеннолетним и введена уголовная ответственность за повторное нарушение. В 2015 году для регистрации спиртосодержащей продукции на розничном уровне введена ЕГАИС – автоматизированная система, предназначенная для государственного контроля над объемом производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции. Весной 2020 года в условиях пандемии COVID-19 в России,

¹⁵ Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака: Федеральный закон от 23.02.2013 г. № 15-ФЗ. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70221478/> (дата обращения 19.07.2021).

как и во всех странах, был применен локдаун, т. е. жесткие карантинные ограничения с целью купирования роста заболеваемости населения новой коронавирусной инфекцией, продемонстрировавший, что здоровье и жизнь человека в современном обществе ценятся выше экономических потерь. Такой фон, на наш взгляд, содействовал формированию у когорты второй половины 1990-х – первой половины нулевых годов рождения еще более благоприятных моделей самосохранительного поведения, чем у поколения, родившегося в предшествующее десятилетие.

Наши гипотезы об особенностях характера самосохранительного поведения рассматриваемых шести когорт были верифицированы на основе результатов социологического обследования «Здоровье и качество жизни населения», проведенного в декабре 2020 года. Безусловно, не все вопросы по здоровью, сформулированные в обследовании, годятся для анализа в поколенческом разрезе, поскольку заметное влияние на состояние здоровья поколений и распространенность практик самосохранительного поведения оказывает возраст. Больше всего для межпоколенческого анализа особенностей самосохранительного поведения, на наш взгляд, подходят вопросы, касающиеся распространенности элементов саморазрушительного поведения, так называемых вредных привычек, обладающих значительной устойчивостью с возрастом, а также распространенности активного спортивного стиля жизни, который при отсутствии влияния сильнодействующих негативных факторов также является привычкой, сохраняющейся на протяжении всей жизни. Эти вопросы позволяют в максимальной степени элиминировать влияние возраста.

Ответы на вопрос «Употребляете ли Вы алкоголь?» (табл. 2) в целом подтвердили гипотезу о наиболее благоприятной модели самосохранительного поведения у самого молодого из рассматриваемых нами реальных поколений, сформировавшейся в основном уже в последнее десятилетие. Почти 35% представителей когорты 1996–2005 годов рождения (32% среди мужчин и 36% среди женщин) ответили, что никогда не пробовали алкоголь. На момент опроса им было от 15 до 24 лет, а почти 80% респондентов обследования, употребляющих (употреблявших) алкоголь, отмечали, что первый опыт у них состоялся до 20 лет.

Таблица 2. Распределение в рассматриваемых реальных поколениях ответов на вопрос «Употребляете ли Вы алкоголь?», %

Вариант ответа	Всего	Реальные поколения, годы рождения					
		1996-2005	1986-1995	1976-1985	1966-1975	1956-1965	до 1955
Да	69,1	51,9	74,8	77,0	72,8	76,5	67,3
Раньше употреблял	14,7	13,3	14,8	12,6	18,7	15,7	21,2
Никогда не употреблял	16,2	34,8	10,4	10,4	8,5	7,8	11,5
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Отчасти этот вопрос подтвердил также гипотезу о низких стандартах самосохранительного поведения поколения 1976–1985 годов рождения, социализация которого в основном пришлась на 1990-е годы. Но процент употребляющих алкоголь среди респондентов из этой когорты ненамного превышает уровень у более молодого поколения 1986–1995 годов рождения, а с учетом бросивших – совсем не отличается. Следовательно, можно предположить, что модели самосохранительного поведения, по всей видимости, формируются несколько раньше заложенных в нашей гипотезе 15 лет (например, Хоув и Штраус придерживаются возраста 12 лет), и у старших представителей поколения 1986–1995 годов рождения они сложились отчасти под влиянием поздних 1990-х годов, которые, как и первая половина десятилетия, характеризовались крайне неблагоприятными тенденциями уровня и образа жизни населения в условиях гиперинфляции, последовавшей за дефолтом 1998 года.

Подтверждает вопрос об употреблении алкоголя и относительно благоприятную не только в сравнении с поколением 1976–1985 годов рождения, но и по сравнению с более старшим поколением родившихся в 1956–1965 годах, модель самосохранительного поведения когорты 1966–1975 годов, сформировавшуюся в основном в 1980-е годы. Эти выявленные для четырех молодых когорт закономерности более четко выражены среди мужчин, но и у женщин также прослеживаются.

Модели самосохранительного поведения старших поколений, как уже отмечалось, находятся под сильным воздействием возраста, а также изменения состава населения из-за высокой преждевременной смертности в группах с самым неблагоприятным образом жизни, в том числе в плане злоупотребления алкогольной продукцией. Во всяком случае, ответы на вопрос об употреблении алкоголя не подтверждают выдвинутое нами предположение относительно соотношения моделей самосохранительного поведения двух старших из рассматриваемых когорт.

Гипотезу о закономерностях характера самосохранительного поведения среди четырех молодых поколений: постепенное ухудшение от молодых поколений к когорте 1976–1985 годов рождения с дальнейшим улучшением у когорты 1966–1975 годов – в целом подтвердили ответы опрошенных на вопрос «Курите ли Вы?» (табл. 3). Более 67% респондентов, принадлежащих к самому молодому из рассматриваемых реальных поколений (61% среди мужчин и 70% среди женщин), никогда не курили. Процент снижается до поколения 1976–1985 годов рождения и вновь увеличивается у когорты 1966–1975 годов. В каждом реальном поколении весьма значительный процент бросивших курить. Т. е. благоприятный в последние годы характер трансформации здоровьесберегающего поведения в плане табакокурения прослеживается не только в поколенческом аспекте, но и в динамике по жизни поколений.

Таблица 3. Распределение в рассматриваемых реальных поколениях ответов на вопрос «Курите ли Вы?», %

Вариант ответа	Всего	Реальные поколения, годы рождения					
		1996-2005	1986-1995	1976-1985	1966-1975	1956-1965	до 1955
Да	17,5	17,0	18,0	20,9	17,9	10,5	7,7
Курил раньше	20,4	15,8	20,0	23,2	24,7	17,6	21,2
Никогда не курил	62,2	67,2	62,0	55,9	57,4	71,9	71,2
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Но в отличие от употребления алкоголя вопрос о курении не выявляет относительно благоприятный характер самосохранительного поведения поколения 1966–1975 годов рождения по сравнению с более старшей когортой 1956–1965 годов. На наш взгляд, это связано не только с тем, что до старших возрастов доживают наиболее ответственные в плане здоровьесберегающего поведения представители поколений (что, в частности, показывает значительный процент среди участников опроса никогда не куривших мужчин в возрастах старше 60 лет), но и с тем, что примерно с когорты второй половины 1960-х – первой половины 1970-х годов рождения курение становится достаточно распространенным среди женщин.

Распределение ответов на вопрос «Как Вы можете оценить Ваш образ жизни?» (табл. 4) также подтверждает наиболее активную модель здоровьесберегающего поведения у самой молодой когорты 1996–2005 годов рождения, которая сформировалась в период усиления пропаганды здорового образа жизни. Почти четверть представителей этого поколения отметили, что придерживаются спортивного режима, у всех остальных когорт этот вариант ответа встречается реже среднего по массиву. В совокупности с вариантом «Время от времени посещаю спортзал, бассейн, хожу на лыжах и пр.», особенно распространенного среди женщин,

этот подсказ формирует у поколения 1996–2005 годов рождения более 50% ответов, у поколения 1986–1995 годов рождения – более 45% ответов. С регулярно выполняемой зарядкой – порядка 60% у обеих молодых когорт. У более старших поколений соответствующие цифры заметно снижаются. У женщин распространенность активного спортивного досуга ниже, но поколенческие закономерности в целом такие же, как у мужчин.

Таким образом, основная для целей анализа гипотеза исследования о том, что две самые молодые когорты из рассматриваемых шести реальных поколений взрослого населения отличаются наиболее благоприятными моделями самосохранительного поведения, получила подтверждение на основе отражающих ответственность за здоровье вопросов, характеризующих отношение к алкоголю, табакокурению и активному спортивному стилю жизни.

Заключение

Здоровье человека во многом определяется его образом жизни и жизненными установками. От того, какого образа жизни человек придерживается, какую форму активности предпочитает, зависит его долголетие. Модели демографического, в том числе и самосохранительного, поведения населения находятся под сильным влиянием условий их формирования. Выдвинутые с применением наработок теории поко-

Таблица 4. Распределение в рассматриваемых реальных поколениях ответов на вопрос «Как Вы можете оценить Ваш образ жизни?», %

Вариант ответа	Всего	Реальные поколения, годы рождения					
		1996–2005	1986–1995	1976–1985	1966–1975	1956–1965	до 1955
Я придерживаюсь спортивного режима (спортзал, бассейн, лыжи и пр.)	14,2	24,3	12,0	11,7	8,9	9,2	7,7
Каждый день делаю зарядку	11,0	8,0	15,6	8,6	11,1	15,0	21,2
Время от времени посещаю спортзал, бассейн, хожу на лыжах и пр.	26,1	27,3	33,2	25,7	25,5	19,6	7,7
Спортом не увлекаюсь, но регулярно занимаюсь физическим трудом	21,2	16,5	22,4	21,8	26,4	25,5	9,6
Лучшее средство для здоровья – дачный участок: с весны до осени работаю на даче	14,9	6,3	11,6	14,9	16,6	34,6	30,8
Часто гуляю на свежем воздухе, занимаюсь скандинавской ходьбой и пр.	18,5	19,0	16,4	15,5	17,4	28,8	23,1
У меня малоподвижный образ жизни	21,5	21,6	18,8	23,2	21,3	19,6	26,9
Другое	1,2	1,5	0,4	1,4	1,7	0,0	1,9
Всего	128,6	124,6	130,4	122,7	128,9	152,3	128,8
Нет ответа	1,4	1,0	1,2	1,4	2,1	2,0	0,0

лений Хоува и Штрауса гипотезы о характере моделей самосохранительного поведения пяти десятилетних реальных когорт и сборного поколения родившихся до 1955 года включительно были верифицированы результатами социологического обследования.

Относительно соотношения моделей самосохранительного поведения двух старших из рассматриваемых шести когорт (родившихся до середины 1950-х годов и во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х годов) выдвигавшаяся гипотеза результатами социологического исследования не подтвердилась. На наш взгляд, это может быть обусловлено тем, что модели самосохранительного поведения старших поколений сильно трансформировались с возрастом вследствие изменений в состоянии здоровья, а также в составе когорт из-за высокой преждевременной смертности в группах населения с самым неблагоприятным образом жизни.

Относительно четырех молодых реальных поколений исследование подтвердило выдвинутые нами гипотезы. Оно показало, что у поколения второй половины 1970-х – первой половины 1980-х годов рождения в условиях системного кризиса 1990-х годов сформировались самые неблагоприятные модели самосохранительного поведения в плане употребления алкогольной продукции и курения (что подтвердило и распределение ответов на вопрос «Пробовали ли вы когда-нибудь наркотики?»): хуже,

чем у более старшей когорты второй половины 1960-х – первой половины 1970-х годов рождения, стандарты здоровьесберегающего поведения которой сложились в относительно благополучные 1980-е годы, и значительно хуже, чем у поколений второй половины 1980-х – первой половины 1990-х годов и особенно второй половины 1990-х – первой половины нулевых годов рождения, у которых сформировались наиболее позитивные модели поведения в области здоровья. Таким образом, благоприятные социально-экономические и демографические условия, антиалкогольные и антитабачные мероприятия 2000-х годов и пропаганда активного здорового образа жизни в целом имеют положительный результат в плане воздействия на характер самосохранительного поведения молодых поколений, что свидетельствует о возможности влияния на поведенческие факторы здоровья на стадии его формирования.

Позитивный вектор трансформации поколенческих закономерностей самосохранительного поведения, особенно четко проявляющийся у мужчин, позволяет надеяться на восстановление и продление положительной динамики продолжительности жизни населения России с возможностью достижения в перспективе целевых показателей при условии закрепления благоприятных поведенческих паттернов, отвечающих за сохранение здоровья и увеличение сроков активной жизни.

Литература

1. Вангородская С.А. Факторы самосохранительного поведения населения региона (по результатам эмпирических исследований) // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4. № 2. С. 13–26. DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-2-0-2
2. Вангородская С.А. Самосохранительное поведение: проблема содержания понятия в отечественной социологии // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. Т. 12. № 4. С. 20–29. DOI: 10.22394/2071-2367-2017-12-4-20-29
3. Шушунова Т.Н. Самосохранительное поведение студенческой молодежи: социологический анализ (на примере минских вузов). Минск: Право и экономика, 2010. 114 с.
4. Glanz K., Rimer B., Viswanath K. *Health Behavior and Health Education: Theory, Research and Practice*. San Francisco: Jossey-Bass, 2008. 552 p.
5. Kasl S.V., Cobb S. Health behavior, illness behavior, and sick-role behavior. I–II. *Archives of Environmental Health*, 1966, no. 12, pp. 246–266, 531–541.
6. Walker S.N., Schrist K.R., Pender N.J. The health-promoting lifestyle profile: development and psychometric characteristics. *Nursing Research*, 1987, no. 36, pp. 76–81.
7. Walker S.N., Hill-Polerecky D.M. Psychometric evaluation of the Health-Promoting Lifestyle Profile II. In: *Unpublished manuscript. Nebraska: University of Nebraska Medical Center*, 1996, pp. 120–126.

8. Lane J., Gover A.R., Dahod S. Fear of violent crime among men and women on campus: The impact of perceived risk and fear of sexual assault. *Violence and Victims*, 2009, vol. 24, pp. 172–192.
9. Orchowski L.M., Untied A.S., Gidycz C.A. Reducing risk for sexual victimization: An analysis of the perceived socioemotional consequences of self protective behaviors. *Journal of Interpersonal Violence*, 2012, vol. 27, pp. 1743–1761.
10. Wilcox P., Jordan C.E., Pritchard A.J. A multidimensional examination of campus safety: Victimization, perceptions of danger, worry about crime, and precautionary behavior among college women in the post-Clery era. *Crime & Delinquency*, 2007, vol. 53, pp. 219–254.
11. David M. DeJoy. Theoretical Models of Health Behavior and Workplace Self-Protective Behavior. *Journal of Safety Research*, 1996, vol. 27, no. 2, pp. 61–72.
12. Лисицын Ю.П., Изуткин А.М., Матюшкин И.Ф. Медицина и гуманизм. М.: Медицина, 1984. 278 с.
13. Яковлева Н.В. Здоровьесберегающее поведение человека: социально-психологический дискурс // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2013. № 3. С. 70–79.
14. Корниенко Д.С. Взаимосвязь характеристики «поиск ощущений» с характеристиками самосохранительного поведения // Вестник ПГГПУ. Серия 1. Психологические и педагогические науки. 2014. С. 5–16.
15. Шклярчук В.Я. Здоровье в системе самосохранительного поведения рабочих // Известия Саратовского ун-та. 2008. Т. 8. Вып. 2. С. 44–47.
16. Югова Е.А. Формирование здоровьесберегающей модели поведения у студентов высших учебных заведений // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика. 2012. № 2. С. 29–34.
17. Шабунова А.А., Шухатович В.Р., Корчагина П.С. Здоровьесберегающая активность как фактор здоровья: гендерный аспект // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. № 3 (27). С. 123–132.
18. Рассказова Е.И., Иванова Т.Ю. Мотивационные модели поведения, связанного со здоровьем: проблема «разрыва» между намерением и действием // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2015. Т. 12. № 1. С. 105–130.
19. Петраш М. Д., Муртазина И. Р. Понятие «здоровый образ жизни» в психологических исследованиях // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика. 2018. Т. 8. Вып. 2. С. 152–165.
20. Самосохранительное поведение россиян: диспозиции и риски / И.С. Шаповалова [и др.] // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2020. № 28 (1). С. 44–51. DOI: <http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2020-28-1-44-51>
21. Калачикова О.Н., Корчагина П.С. Основные тенденции самосохранительного поведения населения региона // Проблемы развития территории. 2012. № 5 (61). С. 72–82.
22. Корчагина П.С., Калачикова О.Н. Самосохранительное поведение как фактор формирования здоровья населения // Вопросы территориального развития. 2013. № 2 (2).
23. Груздева М.А., Калачикова О.Н. Особенности самосохранительного поведения сельского населения // Синергия. 2018. № 4. С. 64–71.
24. Ростовская Т.К., Шабунова А.А., Князькова Е.А. Самосохранительное поведение россиян: оценка состояния здоровья и возможности долгожительства // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2020. № 28 (6). С. 1275–1280. DOI: <http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2020-28-6-1275-1280>
25. Шабунова А.А. Здоровье и самосохранительное поведение в контексте COVID-19 // Социальное пространство. 2020. Т. 6. № 3. DOI: 10.15838/sa.2020.3.25.1
26. Shukhatovich V.R. Professional Identity as Factor in Young People’s Health: Search for New Indicators of Healthy Lifestyle and «Growth Points» of Human Potential. In: *Comparative study of young people’s health in Russia, Belarus and Poland*. Lublin, 2017, pp. 65–74.
27. Журавлева И.В. Самосохранительное поведение подростков и заболевания, передающиеся половым путем // Социологические исследования. 2000. № 5. С. 66–74.
28. Ивахненко Г.И. Здоровье московских студентов: анализ самосохранительного поведения // Социологические исследования. 2006. № 7. С. 78–81.
29. Алимпиева А.В. Самосохранительное поведение детей и молодежи: результаты диагностики // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2011. Вып. 4. С. 76–83.

30. Шимановская Я.В. Самоохранительное поведение жителей города Москвы в период пандемии COVID-19 // Вопросы управления. 2020. № 5. С. 29–35.
31. Howe N., Strauss W. Generations: The history of America's future, 1584 to 2069. New York: William Morrow and Co, 1991. 538 p.
32. Strauss W., Howe N. The Fourth Turning: An American Prophecy – What the Cycles of History Tell Us About America's Next Rendezvous with Destiny. New York: Broadway Books, 1997. 461 p.
33. Гурова И.М., Евдокимова С.Ш. Теория поколений как инструмент анализа, формирования и развития трудового потенциала // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2016. Т. 7. № 3. С. 150–159. DOI: 10.18184/2079-4665.2016.7.3.150.159

Сведения об авторах

Лариса Алексеевна Попова – доктор экономических наук, доцент, заместитель директора по научной работе, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера, ФИЦ Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук (167982, Российская Федерация, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: popova@iespn.komisc.ru)

Татьяна Васильевна Милаева – старший научный сотрудник, кандидат психологических наук, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера, ФИЦ Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук (167982, Российская Федерация, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: Tasha20012001@inbox.ru)

Елена Николаевна Зорина – научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера, ФИЦ Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук (167982, Российская Федерация, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: zorina@iespn.komisc.ru)

Popova L.A., Milaeva T.V., Zorina E.N.

Self-Preservation Behavior: Generational Aspect

Abstract. The purpose of the research is to identify features of self-preservation behavior in different actual generations of Russians to assess the vector of their transformation and the prospects for life expectancy dynamics. The relevance of the topic is determined by the significant lag between Russia and developed countries in terms of life expectancy, largely due to behavioral factors. The scientific novelty consists in the fact that we can adapt the Strauss-Howe generational theory to study generational characteristics of population behavior related to health. By the results of a sociological survey, we have verified the hypotheses about the nature of self-preservation behavior models of five ten-year-old actual cohorts of the population and the combined generation born before 1955 inclusive. Regarding the ratio of self-preservation behavior models of the two oldest cohorts, the paper does not confirm the formulated hypothesis, which may be due to the positive transformation of health-preservation behavior models as people became older, due to changes in health status, as well as in the population of the older cohorts due to high premature mortality in groups with the most unfavorable lifestyle. Regarding four young actual generations, the study has confirmed the hypotheses showing that favorable socio-economic and demographic conditions, anti-alcohol and anti-smoking measures of the 2000s and promotion of an active healthy lifestyle in general have a positive effect in terms of influencing the nature of self-preservation behavior of young cohorts, which indicates the possibility of influencing behavioral health factors at the stage of its formation. The positive vector of transformation of generational patterns of self-preserving behavior, especially clearly manifested in men, allows us to hope for the restoration and prolongation of the growing dynamics of the life expectancy of Russians with the probability of achieving targets in the future, provided that favorable behavioral patterns in the field of health conservation are consolidated.

Key words: life expectancy, behavioral health factors, healthy lifestyle, self-preservation behavior, self-destructive behavior, generational theory, actual generation.

Information about the Authors

Larisa A. Popova – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Deputy Director for Science, Institute for Socio-Economic and Energy Problems of the North, Komi Science Center, Ural Branch, Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, 167982, Russian Federation; e-mail: popova@iespn.komisc.ru)

Tat'yana V. Milaeva – Candidate of Sciences (Psychology), Senior Researcher, Institute for Socio-Economic and Energy Problems of the North, Komi Science Center, Ural Branch, Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, 167982, Russian Federation; e-mail: Tasha20012001@inbox.ru)

Elena N. Zorina – Researcher, Institute for Socio-Economic and Energy Problems of the North, Komi Science Center, Ural Branch, Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, 167982, Russian Federation; e-mail: zorina@iespn.komisc.ru)

Статья поступила 06.08.2021.

МИРОВОЙ ОПЫТ

DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.16

УДК 338.1, ББК 65.05

© Ли Чжимэн, Лукин Е.В., Шэн Фанфу, Чжэн Вэнькай

Оценка влияния пандемии COVID-19 на экономики Китая и России*

Ли ЧЖИМЭН

Академия общественных наук провинции Цзянси
Наньчан, Китай

**Евгений Владимирович
ЛУКИН**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: lukin_ev@list.ru
ORCID: 0000-0002-1159-281X; ResearcherID: I-8183-2016

Шэн ФАНФУ

Академия общественных наук провинции Цзянси
Наньчан, Китай

Чжэн ВЭНЬКАЙ

Бэйханский университет
Пекин, Китай

* Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР № 0168-2019-0005 «Исследование факторов и методов устойчивого развития территориальных систем в изменяющихся геополитических и геоэкономических условиях».

Для цитирования: Ли Чжимэн, Лукин Е.В., Шэн Фанфу, Чжэн Вэнькай. Оценка влияния пандемии COVID-19 на экономики Китая и России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 5. С. 277–299. DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.16

For citation: Li Zhimeng, Lukin E.V., Sheng Fangfu, Zeng Wenkai. Assessing the impact of the COVID-19 pandemic on the economies of China and Russia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 5, pp. 277–299. DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.16

Аннотация. Пандемия COVID-19 значительно повлияла на экономическое развитие стран мира. Она усугубила проблемы и увеличила запрос на экономическую трансформацию, модернизацию и качественное развитие, вызвала новую технологическую реформу, которая привела к созданию новых экономических бизнес-форм и нового потребления. В статье оценивается влияние пандемии COVID-19 на экономики Китая и России. Для этого характеризуется состояние деловой активности в производственном и непроизводственном секторах народного хозяйства, обобщаются основные меры противопандемийной политики китайского и российского правительства. Исследуется динамика функционирования в условиях пандемии COVID-19 офлайн-сфер экономики, нацеленных на личную коммуникацию (туризм, общественное питание, розничная торговля, транспорт, культура, развлечения), а также онлайн-сфер, подразумевающих взаимодействие человека и компьютера (розничная интернет-торговля, экспресс-доставка, удаленная работа, телемедицина). Сделаны выводы о том, что масштабы воздействия COVID-19 на экономику зависят от результативности мероприятий по его профилактике и контролю. Авторы убеждены, что в данный момент необходимо соотносить эти меры с политикой по экономическому и социальному развитию, учитывать повышенное потребление как важный аспект смягчения последствий COVID-19, ускорить трансформацию и модернизацию традиционных видов промышленности, активно развивать новые экономические бизнес-формы и выстраивать более открытое денежное обращение как внутри страны, так и на международной арене, способствуя повышению роли государства в глобальных сетях поставок.

Ключевые слова: Китай, Россия, пандемия COVID-19, экономика, влияние.

Введение

Пандемия COVID-19 и вызванные ею социальное дистанцирование, изоляция и ограничения на поездки изменили образ жизни людей и способы производства, затронули глобальное экономическое и социальное развитие. По оценкам Всемирного банка, объем мировой торговли по итогам 2020 года сократился по сравнению с предыдущим годом на 9,5%¹. Последствия пандемии COVID-19 так или иначе затронули практически все сектора экономики. Авиакомпании и круизные компании, казино и отели столкнулись с сокращением количества туристов почти на 90% [1]. Резкое снижение спроса на продовольственные товары со стороны гостиниц и ресторанов привело к падению цен на сельскохозяйственные товары на 20% [2]. Негативная динамика отмечалась во многих отраслях промышленности, в розничной торговле, на мировых товарных рынках (*рис. 1 и 2*). Цена на нефть рухнула на 34%, инвестиционная активность замедлилась на 5,5%².

¹ Источник: World Bank. 2021. Global Economic Prospects, January 2021. Washington, DC: World Bank. DOI: 10.1596/978-1-4648-1612-3

² Там же.

Как результат — объем мирового ВВП сократился в I квартале 2020 г. на 8,1% относительно уровня IV квартала 2019 г., во II квартале 2020 г. падение ускорило до 13,7%³. По итогам 2020 года снижение ВВП в мире оценивается в 4,3% по сравнению с 2019 годом (*табл. 1*). Спад и замедление экономической динамики были характерны для большинства стран мира. При этом среди крупных экономик один из лучших уровней устойчивости к кризису, вызванному пандемией COVID-19, продемонстрировали Китай и Россия.

Целью нашего исследования выступает оценка влияния пандемии COVID-19 на экономики Китая и России.

Профилактика и контроль распространения COVID-19 в Китае и России

Основной китайской стратегией противодействия пандемии стала политика профилактики и контроля. Ставка делалась на строгую дисциплину в части соблюдения карантинных мер, массовое тестирование, профилактический перевод населения на удаленную работу. Китаю понадобилось чуть больше месяца на установ-

³ Там же.

Рис. 1. Динамика индикаторов экономической активности в мире в 2020 г., % к уровню декабря 2019 г.

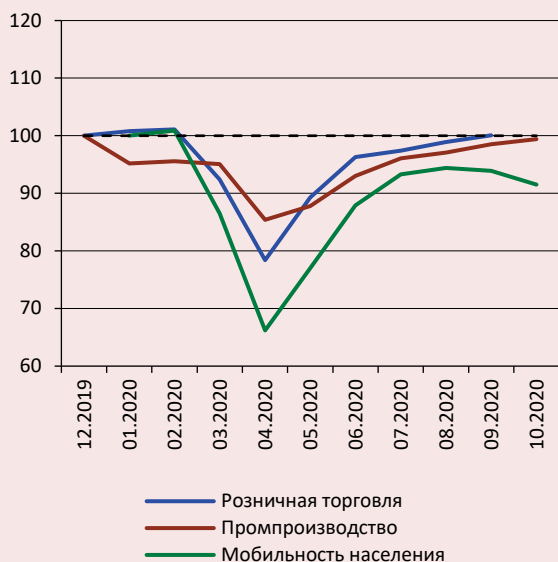
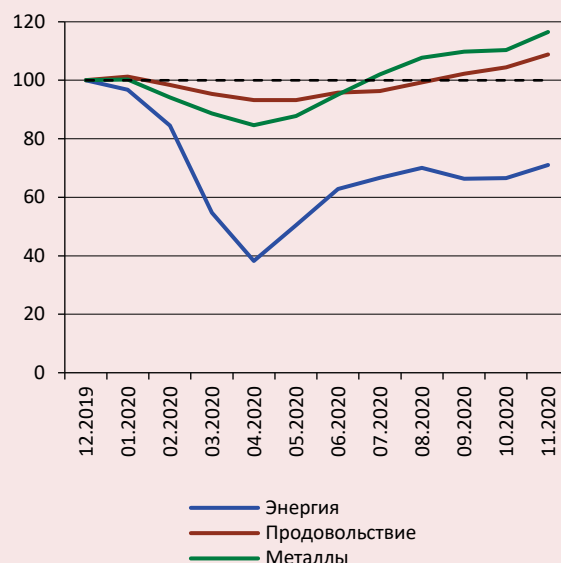

Рис. 2. Динамика мировых цен на некоторые товары в 2020 г., % к уровню декабря 2019 г.

Источник: World Bank. 2021. Global Economic Prospects, January 2021. Washington, DC: World Bank. DOI: 10.1596/978-1-4648-1612-3

Таблица 1. Темп прироста ВВП, % к предыдущему году

Страна	2018 г.	2019 г.	2020 г. (оценка)	2021 г. (прогноз)	2022 г. (прогноз)
Мир	3,0	2,3	-4,3	4,0	3,8
Страны с развитой экономикой	2,2	1,6	-5,4	3,3	3,5
Соединенные Штаты Америки	3,0	2,2	-3,6	3,5	3,3
Зона евро	1,9	1,3	-7,4	3,6	4,0
Япония	0,6	0,3	-5,3	2,5	2,3
Страны с формирующимся рынком и развивающиеся страны	4,3	3,6	-2,6	5,0	4,2
Восточная Азия и Тихоокеанский бассейн	6,3	5,8	0,9	7,4	5,2
Китай	6,6	6,1	2,0	7,9	5,2
Индонезия	5,2	5,0	-2,2	4,4	4,8
Европа и Центральная Азия	3,4	2,3	-2,9	3,3	3,9
Россия	2,8	2,0	-3,0	2,6	3,0
Латинская Америка и Карибский бассейн	1,9	1,0	-6,9	3,7	2,8
Бразилия	1,8	1,4	-4,5	3,0	2,5
Ближний Восток и Северная Африка	0,5	0,1	-5,0	2,1	3,1
Саудовская Аравия	2,4	0,3	-5,4	2,0	2,2
Южная Азия	6,5	4,4	-6,7	3,3	3,8
Индия	6,1	4,2	-9,6	5,4	5,2
Африка к югу от Сахары	2,6	2,4	-3,7	2,7	3,3
ЮАР	0,8	0,2	-7,8	3,3	1,7

Источники: World Bank. 2021. Global Economic Prospects, January 2021. Washington, DC: World Bank. DOI: 10.1596/978-1-4648-1612-3; данные Росстата.

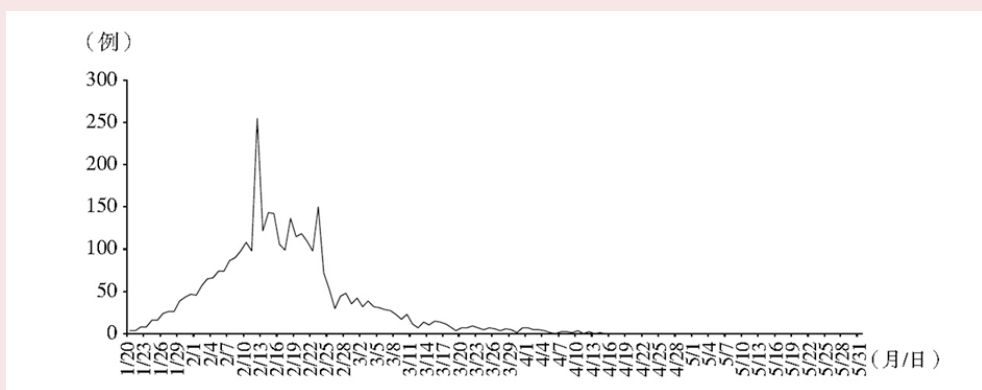
Рис. 3. Число ежедневных новых подтвержденных случаев COVID-19 в Китае

Примечание: 15152 новых случая COVID-19 были выявлены 12 февраля (13332 клинических случая в провинции Хубей были отмечены как новые).

Источник: Fighting COVID-19: China in Action.

Рис. 4. Ежедневное число смертей от COVID-19 в Китае

Источник: Fighting COVID-19: China in Action.

ление предварительного контроля над распространением COVID-19, примерно два месяца для того чтобы снизить число ежедневных новых случаев менее чем до 10 и около трех месяцев — чтобы достигнуть убедительных результатов в борьбе Уханя и Хубея с коронавирусом,

а также наладить профилактику и контроль COVID-19⁴ (рис. 3, 4). В настоящее время ситуация с COVID-19 в Китае находится под контролем, но из-за привозных случаев до сих пор случаются периодические вспышки заболевания в разных регионах страны.

⁴ Реализацию стратегии по профилактике и контролю распространения COVID-19 в Китае можно разделить на пять этапов: 1) 27.12.2019 – 19.01.2020 – быстрое реагирование на COVID-19; 2) 20.01.2020 – 20.02.2020 – установление предварительного контроля распространения COVID-19; 3) 21.02.2020 – 17.03.2020 – снижение числа ежедневных случаев заболевания COVID-19 менее чем до 10; 4) 18.03.2020 – 28.04.2020 – достижение прорывных результатов в борьбе Уханя и провинции Хубей с COVID-19, резкое снижение числа смертей; 5) 29.04.2020 – по настоящее время – профилактика и контроль распространения COVID-19. 8 сентября 2020 г. в Китае состоялось благодарственное мероприятие по борьбе с COVID-19, чтобы отдать дань уважения выдающимся людям и продвинутым моделям поведения, которые внесли значительный вклад в эту борьбу. Президент Китая Си Цзиньпин наградил Чжуня Наньшана медалью Республики за его выдающийся вклад в профилактику, контроль и лечение COVID-19 внутри страны и по всему миру.

Россия в борьбе с коронавирусом выбрала стратегию обширного тестирования и как можно более раннего выявления COVID-19⁵, принудительного мониторинга населения, сдавшего положительные тесты, и добровольно-рекомендательного перевода населения на удаленную работу. Период жесткого карантина занял шесть недель, по истечении которых началось поэтапное смягчение введенных ограничений для населения и бизнеса⁶ (рис. 5).

В целом можно отметить большую результативность выбранной в Китае стратегии противодействия распространению COVID-19.

Китайским властям удалось крайне быстро и решительно подавить пандемию и не допустить второй волны. Более либеральная российская стратегия борьбы с коронавирусом на этом фоне выглядит менее успешной, однако во многих крупных странах ситуация с реализацией противопандемической политики была еще сложнее. Так, коэффициент смертности от COVID-19 в России (715 смертей на 1 миллион жителей) оказался существенно ниже, чем в Италии (1927), Великобритании (1909), США (1762), Бразилии (1675), Испании (1645), Франции (1514), Аргентине (1293) и Германии (960)⁷.

Рис. 5. Число ежедневных заражений и смертей от COVID-19 в России

Источник: yandex.ru/covid19

⁵ Источник: Голикова рассказала о российской стратегии борьбы с коронавирусом // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20201228/strategiya-1591243205.html>

⁶ Хронологию борьбы с COVID-19 в России можно разделить на шесть этапов: 1) 24.01.2020 – 05.03.2020 – подготовительный этап: разработка и запуск производства систем тестирования для обнаружения коронавируса; создание оперативного штаба для борьбы с COVID-19; утверждение Национального плана по предупреждению завоза и распространения коронавирусной инфекции; запрет въезда в страну для иностранных граждан; 2) 06.03.2020 – 24.03.2020 – начало распространения коронавирусной инфекции по стране: появление первых заболевших; введение запрета на массовые мероприятия; 3) 25.03.2020 – 30.04.2020 – этап жесткого карантина: объявление единого шестинедельного периода нерабочих дней; ввод режима самоизоляции в регионах; удаленная работа; остановка работы многих предприятий; закрытие государственных и межрегиональных границ; активный рост заболеваемости, появление первых погибших от COVID-19; 4) 01.05.2020 – середина сентября 2020 г. – поэтапное смягчение введенных ограничений на фоне снижения ежедневного прироста числа заболевших; возобновление работы кафе, ресторанов, фитнес-центров и т. п.; возобновление авиасообщения с некоторыми странами; регистрация первой вакцины от COVID-19; 5) середина сентября – конец декабря 2020 г. – вторая волна заболеваемости COVID-19: стремительное распространение инфекции; старт масштабной вакцинации от COVID-19 в регионах; отказ властей от введения жестких ограничений; 6) начало января 2021 г. – по настоящее время – планомерное снижение заболеваемости COVID-19; массовая вакцинация населения; возобновление регулярных авиарейсов со многими странами.

⁷ Источник: Johns Hopkins Coronavirus Resource Center (данные на 12.04.2021). URL: <https://coronavirus.jhu.edu>

Литературный обзор

Проблематика влияния пандемии COVID-19 на различные аспекты функционирования экономики и социальной сферы в последнее время довольно широко исследовалась в научной литературе.

В глобальном масштабе оценивались сценарии эволюции пандемии и ее последствия для макроэкономики [3], финансовых рынков и институтов [4; 5], транснациональных цепочек поставок [6], потоков иностранных инвестиций [7], внешней торговли [8].

На национальном уровне анализировалось влияние пандемии COVID-19 на социально-экономическое положение отдельных развитых и развивающихся стран (например, США [9], Канады [10], Японии [11], Италии, Испании, Англии [12], Израиля [13], государств Африки [14], Латинской Америки [15], центральной и юго-восточной Азии [16; 17]). Развитие российской и китайской экономик в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции рассматривалось в работах [18–21]. Учеными выполнены вариантные расчеты экономического и финансового ущерба, оценены параметры экономической динамики и изменение потребительского поведения населения в связи с введенными ограничениями⁸, обоснованы принципы, приоритеты и векторы посткризисного восстановления экономики.

Исследователи рассматривали кратко- и долгосрочные эффекты ухудшения здоровья населения из-за пандемии COVID-19 (такие как утрата возможности первичной и вторичной профилактики, малоподвижный образ жизни, ухудшение общего и психического здоровья и др.) на функционирование экономики [22]. Выделены факторы, которые способствуют успеху в борьбе с распространением COVID-19 [23] и сокращают его негативное влияние на экономическое развитие⁹.

⁸ См.: Guo Xiaobei. The Impact of the Epidemic on Economy and Relevant Countermeasures. *China Financial and Economic News*, 2020.02.11; Cai Fang. In the Long Run, the Epidemic won't Weaken China's Economic Growth Potential. *Front Page of China Daily (Global Edition)*, 2020.02.12; Wang Jianming. The Impact of the Epidemic on People's Consumption Behavior Pattern and Relevant Countermeasures. *China Financial and Economic News*, 2020.02.18.

⁹ См.: Liu Zhibiao et al. How Would COVID-19 Being Regarded as a Public Health Emergency of International Concern Affect the Chinese Economy? *Nanjing Daily*. 2020.02.05.

Значимое внимание в научной литературе уделено воздействию пандемии COVID-19 на промышленный сектор экономики – добычу полезных ископаемых [24; 25], отрасли машиностроительного [26; 27], металлургического [28] и химического [29] комплексов, энергетику [30]. По мнению исследователей, основное влияние на промышленность оказали резкое сокращение спроса и изменение его структуры, запрет движения транспорта и разрыв цепочек поставок¹⁰.

К наиболее пострадавшим от пандемии COVID-19 сферам экономики отнесены офлайн-сферы, нацеленные на личную коммуникацию: туризм, транспорт, проживание и питание, здравоохранение, розничная торговля, развлечения. Высказывались обоснованные опасения по поводу снижения доступа к продовольствию ввиду падения доходов населения, предлагается введение дополнительных мер социальной защиты [31]. К ключевым проблемам сельскохозяйственного производства были причислены потеря рабочей силы, снижение производительности и конкурентоспособности предприятий, усложнение логистики [32]. Анализировались экономические последствия для молочной и мясной промышленности, птицеводства и рыболовства [33; 34; 35]. Представлены факты, убедительно доказывающие, что беспрецедентные проблемы пандемия COVID-19 поставила перед индустрией гостеприимства. В частности, с самым серьезным вызовом за всю историю столкнулась авиационная отрасль. По данным Международной ассоциации воздушного транспорта, 95% парка воздушных судов в мире остановилось [36]. При этом основная тяжесть кризиса пришлось на рабочую силу авиакомпаний [37]. Значительно снизились объемы пассажирских перевозок на железнодорожном транспорте [38]. Ограничения в отношении поездок привели к резкому сокращению числа постояльцев, доходов гостиниц и предприятий общественного питания [39]. Исследователями [40] отмечено, что возобновление работы ресторанов и ослабление ограничений на поездки не приведут к немедленному

¹⁰ См.: Li Qingjuan, Kong Xue. COVID-19 and China's Industrial Variation Trend. *Shanghai Observer*, 2020.02.20. Huang Qifan. Some Suggestions for Economic Development and Manufacturing Resumption under COVID-19. 2020.02.11.

возвращению клиентов, т. к. люди перестали чувствовать себя в этих местах комфортно. В связи с этим для минимизации контактов между людьми и повышения устойчивости в индустрии гостеприимства важно внедрять дополнительные меры безопасности и использовать различные бесконтактные технологии (сервисные роботы, бесконтактные платежи, цифровое меню и т. п.) [41].

Анализ литературных источников свидетельствует, что развитие цифровой экономики в мире стало закономерным ответом бизнеса и государств на вызовы пандемии COVID-19¹¹. Большинство государственных услуг стало оказываться в электронном формате. Многие компании начали развивать интернет-проекты, активно набирая специалистов по электронной коммерции, PR и SMM [42; 43]. Существенно выросла доля домохозяйств, покупающих продукты в Интернете, потребители массово перешли на услуги онлайн-покупок и доставки [32]. Интернет-трафик в странах, которые приняли противопандемийные меры, вырос в разы [44]. Дистанционное здравоохранение (телемедицина¹²) и удаленная работа перестали рассматриваться как неосуществимые, поскольку они успешно практиковались в течение глобальной изоляции [45; 46].

Таким образом, в последнее время можно констатировать рост количества теоретических и эмпирических исследований, посвященных анализу воздействия пандемии COVID-19 и вызванных ею ограничений на функционирование экономики. Представителями различных стран и экономических школ со своих позиций оценивались происходящие изменения в производственных цепочках и моделях потребления, описывался опыт смягчения негативных последствий для населения и бизнеса. Недостаточное внимание при этом уделено компаративному анализу данных процессов в государствах с различными противопандемийными стратегиями.

¹¹ См.: Cheng Shi, Gao Xinhong. Long-term Impacts of the Epidemic: the Accelerated Evolution of Digital Economy and the Focus of Digital Economy will be Available for the Grass-Root Level. *China Business News*, 2020-02-25; Chen Hongmin. After the Epidemic, «Internet +» may Usher in the Second Spring. *National Business Daily*, 2020.03.14.

¹² Телемедицина — использование компьютерных и телекоммуникационных технологий для обмена медицинской информацией.

Методика исследования и источники данных

Методология исследования основана на принципах системного и компаративного анализа. Используются такие общенаучные методы и приемы исследования, как индукция и дедукция, синтез основ теории и эмпирического опыта.

Информационной базой послужили данные Всемирного банка, Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации, Национального бюро статистики Китая, Министерства культуры и туризма КНР, Министерства транспорта КНР, Единой автоматизированной информационной системы сведений о показах фильмов в кинозалах России, Всероссийского центра изучения общественного мнения, Institute of Research, Haitong Securities, Data Insight, Beijing Maoyan Culture Media, AskCI Consulting, Forward Industry Research Institute.

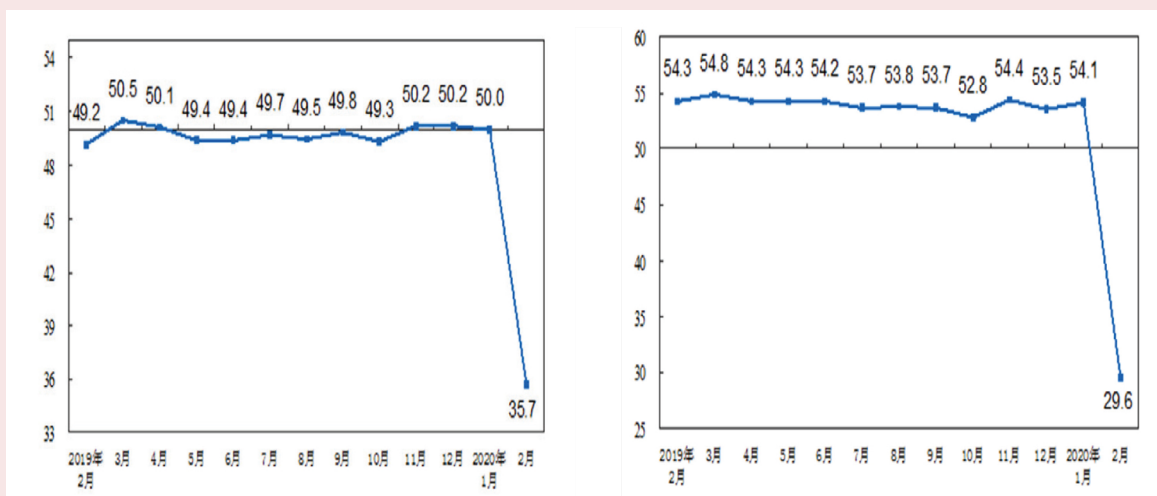
Результаты исследования

Общее влияние пандемии COVID-19 на экономику Китая и России

Масштаб распространения последствий COVID-19 в производстве зависит от результативности профилактики и контроля заболевания. По данным Национального бюро статистики Китая, в феврале 2020 года индексы деловой активности в производственной и непроизводственной сферах китайской экономики опустились до исторического минимума в 37,5 и 29,6% соответственно, сократившись по сравнению с предыдущим месяцем на 14,3 и 24,5 п. п., что показывает существенное влияние COVID-19 на макроэкономику (рис. 6). При этом непроизводственный сектор пострадал сильнее, чем производственный.

Деловая активность в российской экономике также подверглась негативному воздействию пандемии. Однако индекс предпринимательской уверенности (ИПУ) в промышленности начал падать еще с конца 2019 года на фоне роста напряженности в мировой торговле и связанного с ней снижения цен на ключевые экспортные товары страны. Проведение ограничительных противопандемийных мероприятий в России и мире лишь усугубило ситуацию. По данным Росстата, ИПУ в российской добыче полезных ископаемых сократился с марта по май 2020 г. с -3 до -6, в обрабатывающих производствах — с -2 до -9. Схожая, но при этом более

Рис. 6. Индексы деловой активности в экономике Китая с февраля 2019 г. по февраль 2020 г. (с учетом сезонных колебаний), %

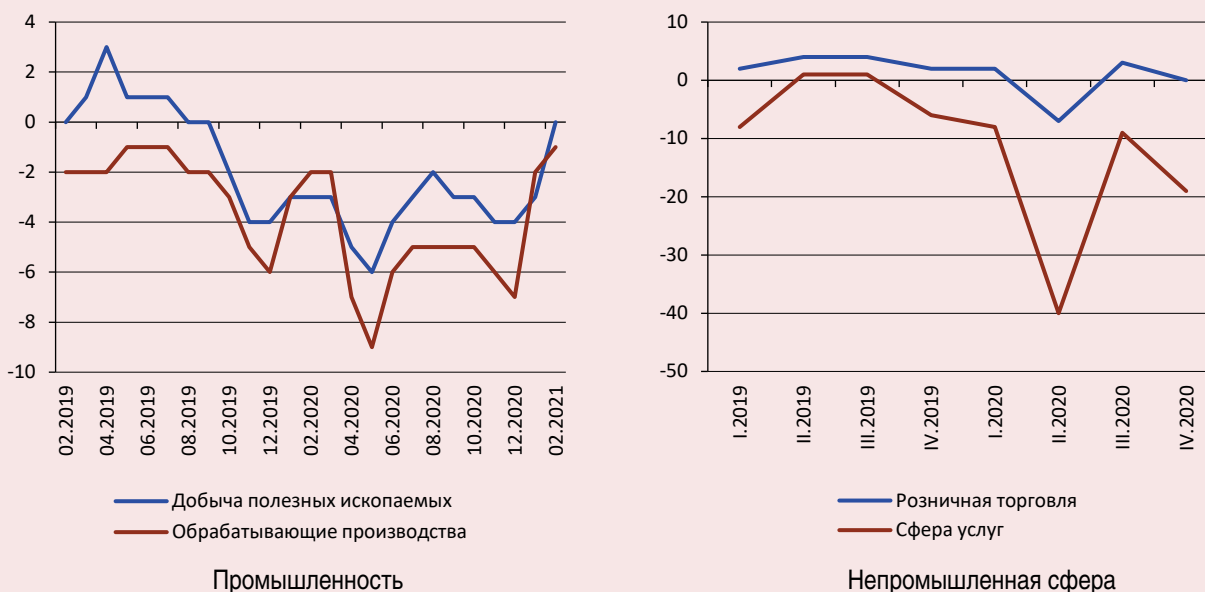

Производственный сектор

Непроизводственный сектор

Примечание: 50% обозначает, что индекс совпадает с предыдущим месяцем.
Источник: данные Национального бюро статистики Китая.

Рис. 7. Индексы предпринимательской уверенности* в экономике России в 2019–2020 гг.

* Показатель представляет собой среднее арифметическое «балансов» ответов руководителей предприятий на вопросы об ожидаемом выпуске продукции, фактическом спросе и текущих остатках готовой продукции (последний с противоположным знаком).

Источник: данные Росстата.

ярко выраженная динамика ИПУ наблюдалась и в непромышленной сфере. Падающие с 2014 года реальные доходы населения сдерживают деловую активность в потребительском

секторе. Из-за COVID-19 ИПУ в розничной торговле сократился с 2 в I квартале 2020 г. до -7 во II квартале, в сфере услуг – соответственно с -8 до -40 (рис. 7).

Реагируя на воздействие COVID-19, органы государственной власти Китая и России запустили реализацию мер по поддержке экономики. Правительство Китая начало политику по обеспечению стабильности со сферы трудоустройства, финансовых операций, внешней торговли, иностранных и внутренних инвестиций, потребительских ожиданий (табл. 2). Государство взяло на себя обязательства обеспечить рабочие места, основные потребности для жизни, работу рыночных субъектов, продовольственную и энергетическую безопасность, стабильные промышленные и снабженческие цепочки, нормальное функционирование первичного звена правительства ради стабильной экономики и преодоления последствий COVID-19.

Правительство РФ в апреле 2020 года разработало (и в дальнейшем регулярно обновляло) план преодоления экономических последствий от COVID-19¹³, предусматривающий меры по поддержке населения, бизнеса и регионов (табл. 3). Был сформирован перечень наиболее пострадавших отраслей¹⁴, получивших особую поддержку. Государство постаралось максимально снизить административную нагрузку (таможенные процедуры, лицензирование, сертификация, госзакупки, техосмотры и др.) и непроизводительные издержки бизнеса (мораторий на проверки, отмена штрафов и пени, перенос сроков обязательных сертификаций). Организации могли воспользоваться отсрочкой и снижением налоговых и страховых платежей. Для защиты предприятий от кредиторов

Таблица 2. Политика Правительства Китая по борьбе с COVID-19

Направление	Мера / документ
Здравоохранение и лечение	Выделение 300 млн юаней из центрального бюджета, субсидирование основных услуг общественного здравоохранения, первичной профилактики эпидемий и борьбы с ними на общую сумму 60,33 млрд юаней, указ о дальнейшем усилении защиты медицинского персонала в период профилактики и борьбы с эпидемиями
Стабилизация цен и обеспечение предложения	Экстренный указ о поддержании нормального производственного и сбытового порядка животноводства и обеспечении поставок мяса, яиц и молока на рынок, экстренный указ о дальнейшем совершенствовании взаимосвязи агропредприятий и совершенствовании системы поставок сельскохозяйственной продукции в период профилактики и борьбы с эпидемиями, указ о продвижении типовых практик обеспечения снабжения предметами первой необходимости в период профилактики и борьбы с эпидемиями
Налоговые преференции	Анонс налоговой политики, связанной с поддержкой профилактики и контроля COVID-19, указ о вопросах сбора и администрирования налогов, способствующих возобновлению деятельности и производства отдельными предприятиями, рекомендации по преференциальной налоговой политике, поддерживающей профилактику эпидемий и борьбу с ними, а также экономическое и социальное развитие
Возобновление производства	Указ о работе по оказанию помощи малым и средним предприятиям в возвращении к работе и возобновлении производства, а также совместном преодолении трудностей, экстренный указ о решении текущих трудностей и ускорении возобновления работы и производства племенного хозяйства, указ об обеспечении внешней торговли, иностранных инвестиций и стимулировании потребления при борьбе с COVID-19, реализация рекомендаций по скоординированному содействию профилактике и борьбе с эпидемиями, развитию экономики, общества и транспорта
Финансовая поддержка	Указ о дальнейшем усилении финансовой поддержки в период профилактики и борьбы с COVID-19, указ о дальнейшем осуществлении периодической отсрочки погашения процентов по кредитам микро-, малых и средних предприятий, руководство по дальнейшему укреплению финансовых услуг микро-, малых и средних предприятий
Поддержка предприятий	Указ о надлежащем регулировании трудовых отношений в период профилактики и контроля COVID-19, указ об укреплении сотрудничества финансовых служб отраслей банковского дела и страхования в проведении профилактики и контроля COVID-19, экстренный указ о победе в борьбе с COVID-19 и усилении финансовой поддержки ключевых предприятий, гарантирующих профилактику и контроль COVID-19
Источник: составлено авторами на основе общедоступных материалов.	

¹³ Источник: <https://www.economy.gov.ru/material/file/b0c229091827310f12ee94b2d7ee091c/Plan.pdf>

¹⁴ В перечень вошли автоперевозки, воздушный, водный и железнодорожный транспорт, туризм, выставочная деятельность, гостиницы, сфера развлечений и досуга, общественное питание, бытовые услуги, культура и спорт, непроизводственный ритейл, стоматологические услуги, дополнительное образование, средства массовой информации.

Таблица 3. Политика Правительства РФ по борьбе с COVID-19

Направление	Мера
Социальные меры	Пособия семьям с детьми, больничные для работников старше 65 лет, поддержка безработных, помощь людям с инвалидностью, поддержка работников социальных учреждений, поддержка работников и волонтеров, помощь туристам, продление срока действия документов, кредитные каникулы, мораторий на выплату пеней за услуги ЖКХ, мониторинг товаров первой необходимости, продажа лекарств онлайн
Мобилизация системы здравоохранения	Обеспечение регионов оборудованием, подготовка коечной сети, обеспечение кислородом, обучение медицинских работников, создание экспресс-тестов на COVID-19, а также тест-систем для обнаружения иммунитета к вирусу, разработка вакцины от COVID-19, наращивание производства антисептических средств, подготовка и постоянное обновление методических рекомендаций по диагностике и лечению ОРВИ, а также по профилактике, диагностике и лечению новой коронавирусной инфекции, дополнительные выплаты медицинским работникам, которые борются с COVID-19, наращивание производства, закупок, поставок и запасов в РФ аппаратов ИВЛ, медицинских изделий и лекарств для борьбы с COVID-19, повышенные страховые гарантии для медиков, разработка системы оказания психологической помощи врачам из-за COVID-19, упрощенная госрегистрация порядка 40 видов медицинских изделий, закупка не менее 1,2 тыс. автомобилей скорой помощи для регионов
Поддержка экономики	Моратории на банкротство и проверки бизнеса, кредитные каникулы для бизнеса, беспроцентные кредиты на зарплату, снижение страховых взносов, налоговые каникулы, отсрочка арендных платежей, помощь экспортерам, безвозмездные субсидии, продление лицензий, поддержка системообразующих предприятий, невозвратные кредиты, поддержка регионов, столкнувшихся с падением доходов, поддержка доходов населения
Изменения в системе образования	Организация дистанционного обучения учащихся, разработка рекомендаций по получению дополнительного образования детьми, создание онлайн-курса по организации процесса дистанционного обучения для учителей, обеспечение 234 тыс. школьников, преимущественно из малообеспеченных и многодетных семей, а также 20 тыс. учителей компьютерной техникой, дистанционный прием документов в университеты
Позапное снятие ограничений в регионах	Методические рекомендации поэтапного снятия ограничительных мероприятий (от нулевого до третьего этапа). Нулевой этап – в регионе действуют почти все ограничительные меры, введенные в связи с распространением коронавирусной инфекции; работают предприятия промышленности и строительства, непрерывно действующие организации. Третий этап – в регионе могут работать магазины и предприятия сферы услуг без ограничений по площади и количеству посетителей; могут открыться кафе, образовательные учреждения, гостиницы, а также парки и скверы при условии соблюдения посетителями социальной дистанции
Ответственность за нарушение карантина	Административная и уголовная ответственность за нарушение карантина (вплоть до 7 лет лишения свободы). Пропускной режим для поездок на работу и по другим неотложным делам в ряде регионов страны
Источник: составлено авторами по данным сайта Стопкоронавирус.рф.	

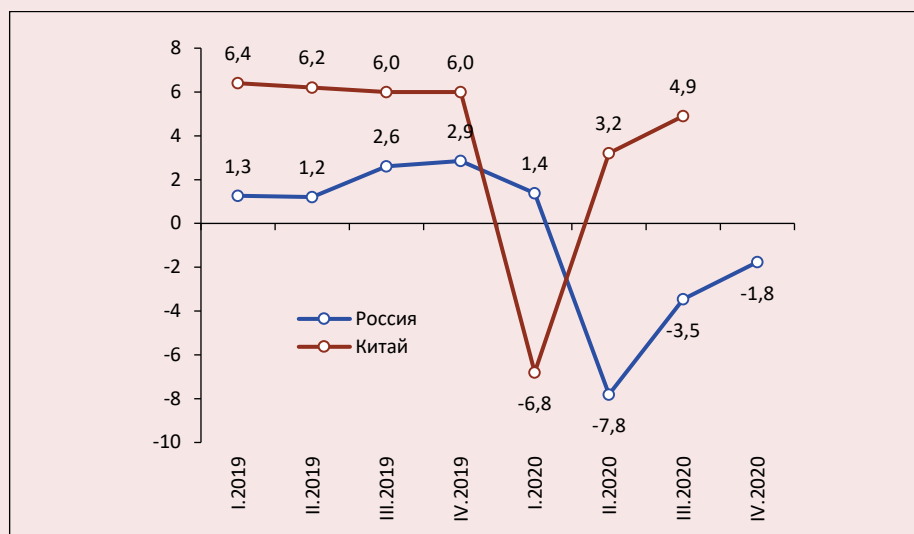
вводился мораторий на банкротства. Доходы и занятость населения были защищены упрощенным больничным, дополнительными пособиями для семей с детьми, каникулами по кредитам при снижении доходов на 30%, беспроцентными кредитами работодателям на выплату зарплат.

Реализация обозначенных мер позволила существенно повлиять на экономическую динамику. Благодаря результативному контролю над эпидемией, а также введению и осуществлению политики реагирования рассматриваемые экономики продемонстрировали V-образное восстановление. В I квартале 2020 г. ВВП Китая упал на 6,8%, однако уже по итогам первых трех кварталов года прирост ВВП составил 0,7% по сравнению с соответствующим пе-

риодом предыдущего года (рис. 8). Российский ВВП после падения на 8% во II квартале 2020 г. относительно аналогичного периода предыдущего года замедлил темпы снижения до -3,5% в III квартале 2020 г. и до -1,8% в IV квартале.

Таким образом, правительства обеих стран сумели своевременно отреагировать на негативное воздействие ограничительных мер и поддержать экономику. Китай стал единственной крупной экономикой в мире, которой удалось показать положительные темпы роста в 2020 году. В России ввиду более сложной медицинской ситуации с протеканием пандемии восстановление экономики затянулось чуть дольше. Ожидается, что уже по итогам 2021 года российская экономика полностью восстановится от шоков, вызванных пандемией COVID-19,

Рис. 8. Темпы прироста (убыли) ВВП России и Китая в 2019–2020 гг., % к соответствующему кварталу предыдущего года

Источник: данные Росстата, Национального бюро статистики Китая.

Министерство экономического развития РФ прогнозирует рост ВВП в 2021 году по базовому сценарию на 3,3% (по консервативному — на 2,7)¹⁵. Снижение ВВП России по итогам 2020 года составило 3% (для сравнения, без введения карантинных и других ограничений в 2009 году зафиксировано падение ВВП на 7,8%, в 2015 — на 2%).

Влияние COVID-19 на офлайн-сферы, нацеленные на личную коммуникацию

Офлайн-сферы, нацеленные на личную коммуникацию (туризм, общественное питание, розничная торговля, транспорт, офлайн-развлечения), оказались наиболее чувствительными к внешним обстоятельствам и пережили серьезный спад.

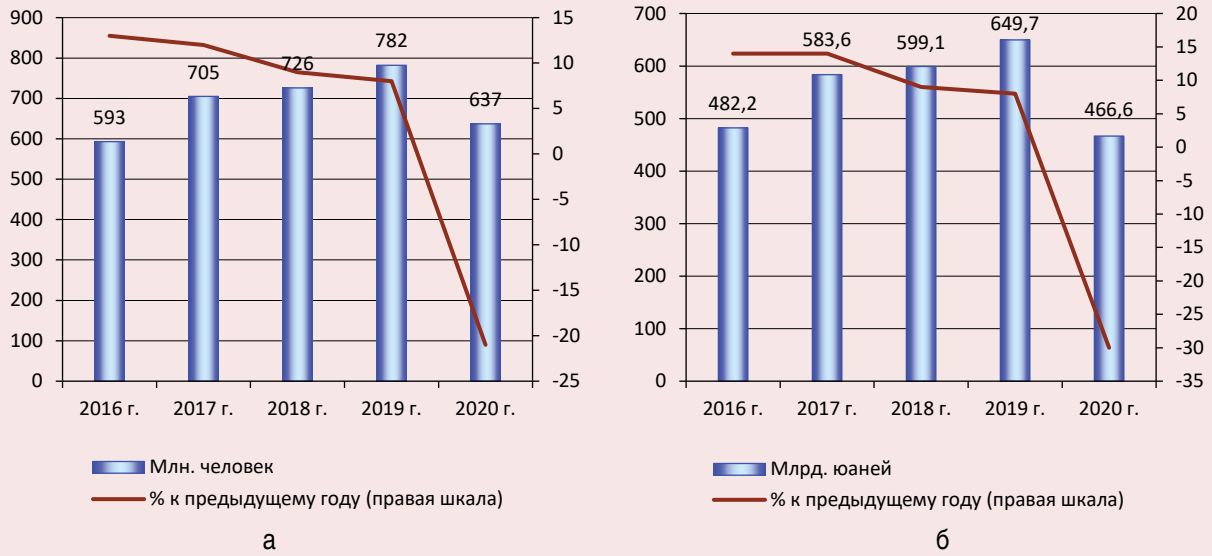
Туризм. Опрос туристических агентств Китая, проведенный Министерством культуры и туризма КНР в начале 2020 года, показал, что в I квартале 2020 г. число приехавших в страну туристов, которые пользовались услугами китайских турагентств, уменьшилось по сравнению с предыдущим годом на 87,2%; число туристов, путешествующих внутри страны, сократилось на 84,1%; число туристов, выезжавших за пределы КНР, — на 77,7%. К концу 2020

года туристский сектор китайской экономики начал восстанавливаться. В течение восьмидневного празднования Дня образования КНР (празднуется с 1 октября) туристические достопримечательности по всей стране посетили на 21% меньше туристов, чем годом ранее (на фоне пятикратного падения турпотока в начале года; *рис. 9а*). Туристический доход при этом сократился на 30% (*рис. 9б*).

Деловая активность в сфере туризма России в период противопандемических ограничений также значительно снизилась, упал спрос на туристские услуги. По данным Росстата, баланс оценок спроса на услуги внутреннего туризма (разность между оценками «улучшение» и «ухудшение») во II квартале 2020 г. рухнул на 76 п. п., въездного туризма — на 86 п. п., выездного туризма — на 85 п. п. (*рис. 10*). Как результат, в этот период почти полностью (падение на 99%) прекратились туристские поездки (*рис. 11*). Драйвером восстановления туристской отрасли в условиях пандемии стал внутренний туризм. Российским правительством для его поддержки была реализована программа туристического кешбэка, т. е. возвращение гражданам части расходов за покупку туров по России и бронирование билетов. По данным Ростуризма, в 2020 году в ней приняли участие около 300 тысяч россиян.

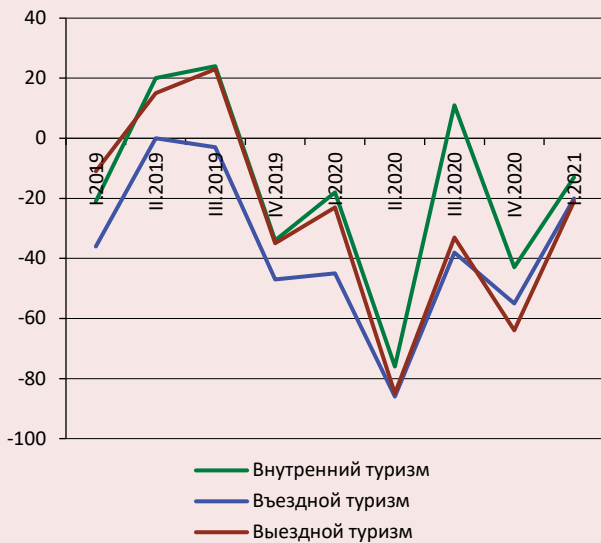
¹⁵ Источник: <https://www.economy.gov.ru/material/file/b0c229091827310f12ee94b2d7ee091c/Plan.pdf>

Рис. 9. Число туристов (а) и туристических доходов (б) в День образования КНР в 2016–2020 гг.

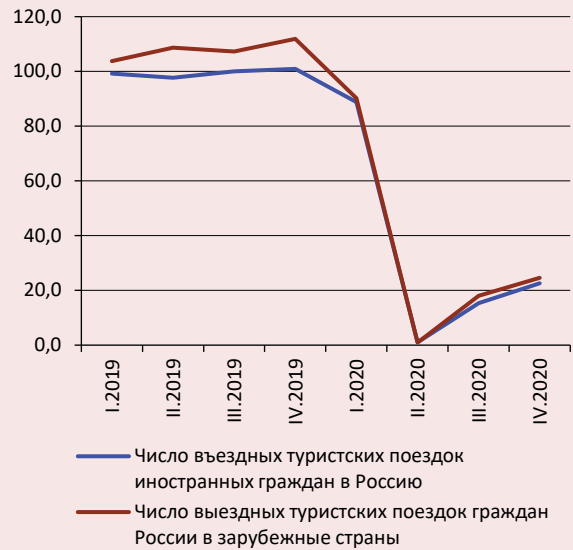
Источник: данные Министерства культуры и туризма Китайской Народной Республики.

Рис. 10. Оценка спроса на услуги в сфере туризма в России в 2019–2021 гг., баланс (разность) оценок «улучшение» и «ухудшение», п. п.

Источник: данные Росстата.

Рис. 11. Число въездных и выездных туристических поездок в России в 2019–2020 гг., % к соответствующему кварталу предыдущего года

Общественное питание. Падение туристического потока выступило одним из факторов серьезного спада в сфере общественного питания. Согласно данным Национального бюро статистики Китая, национальный доход от сферы общественного питания за I квартал 2020 г. составил 602,6 млрд юаней, снизившись в годовом

исчислении на 44,3% по сравнению с доходом от общественного питания в I квартале 2019 г. (табл. 4). Как отрасль, характеризующаяся скоплениями людей, сфера общественного питания пережила «заморозку» в I квартале 2020 г. После того как профилактика и контроль COVID-19 в Китае достигли серьез-

Таблица 4. Темпы прироста (убыли) объемов общественного питания и розничной торговли Китая с января по сентябрь 2020 г., % к соответствующему периоду предыдущего года

Период (2020 г.)	Общественное питание	Розничная торговля потребительскими товарами
Янв. – Февр.	-43,1	-20,5
Янв. – Март	-44,3	-19,0
Янв. – Апр.	-41,2	-16,2
Янв. – Май	-36,5	-13,5
Янв. – Июнь	-32,8	-11,4
Янв. – Июль	-29,6	-9,9
Янв. – Авг.	-26,6	-8,6
Янв. – Сен.	-23,9	-7,2

Источник: данные Национального бюро статистики Китая.

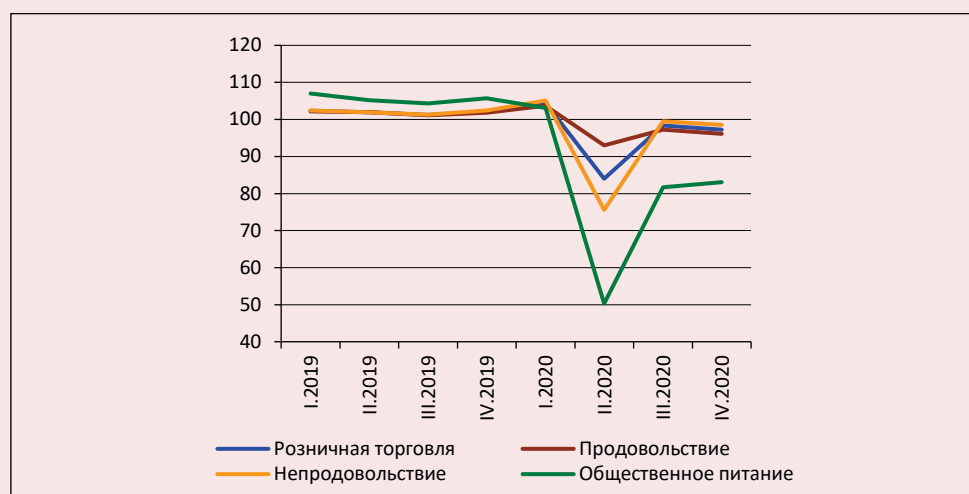
ных результатов, правительство начало продвигать возобновление работы, производства, бизнеса и рынка – постепенно восстанавливалась и сфера общественного питания. В период с января по сентябрь 2020 г. темпы падения оборота общественного питания постепенно замедлялись. По итогам 9 месяцев 2020 года он снизился на 23,9% относительно соответствующего периода 2019 г. Хотя индустрия общественного питания постепенно восстанавливается, серьезный спад все еще приводит к тому, что по темпам роста национальный рынок общественного питания на 16,7 п. п. уступает динамике всего потребительского рынка Китая.

Аналогичные тенденции характерны и для российского сектора общественного питания.

Снижение его оборота во II квартале 2020 г. составило 49,7% по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. (рис. 12). При этом падение было сильнее, чем в целом по розничной торговле, объемы которой в рассматриваемом периоде сократились на 16% (в том числе продовольственными товарами – на 7%, непродовольственными – на 24,4%).

Транспортная отрасль. Китайский Новый год (празднуется в конце января – начале февраля) сопровождается самым массовым пассажиропотоком на планете. По данным Министерства транспорта КНР, 40-дневный Весенний фестиваль Travel Rush в 2019 году собрал 2,98 миллиарда туристов со всей страны. Однако из-за COVID-19 40-дневный туристический

Рис. 12. Оборот розничной торговли и общественного питания в России в 2019–2020 гг., % к соответствующему кварталу предыдущего года

Источник: данные Росстата.

Рис. 13. Количество пассажиров (сотни млн человек) и годовые темпы роста (%) ежегодного турпотока Весеннего фестиваля Китая

Источник: данные Министерства транспорта КНР.

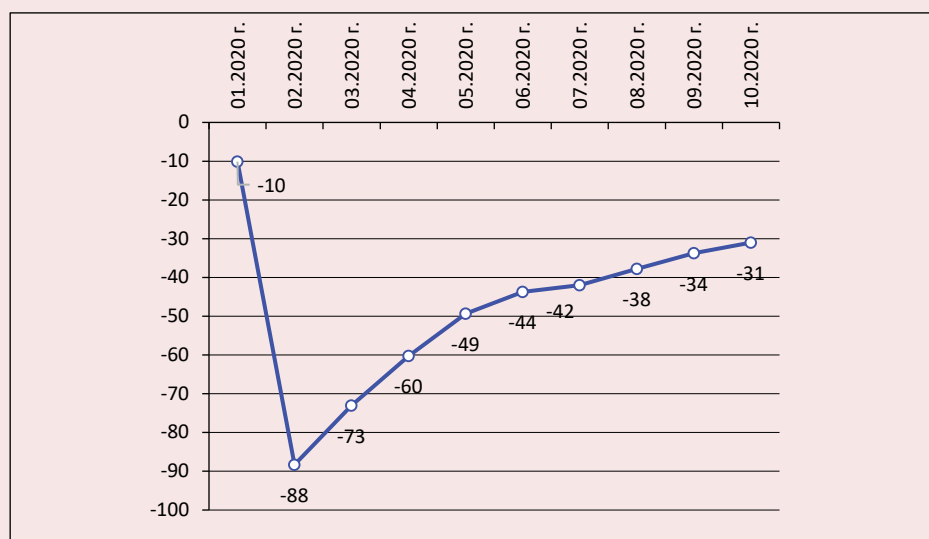
пик Весеннего фестиваля в 2020 году составил всего 1,48 миллиарда пассажиров, в годовом исчислении он сократился на 50,3% (рис. 13).

С улучшением профилактики и контроля COVID-19 готовность людей выходить на улицу постепенно восстановилась. По данным Министерства транспорта КНР, постепенно восстанавли-

вается коммерческий пассажиропоток Китая, в октябре 2020 г. он составил почти 70% от аналогичного периода предыдущего года (рис. 14).

Перевозки пассажиров в России во II квартале 2020 г. снизились на 54,2% – с 2,6 до 1,2 млрд человек. В последующие кварталы 2020 года пассажирооборот стал восстанавливаться,

Рис. 14. Темпы прироста (убыли) национального коммерческого пассажиропотока в Китае в 2020 г., % к соответствующему периоду предыдущего года

Источник: данные Министерства транспорта КНР.

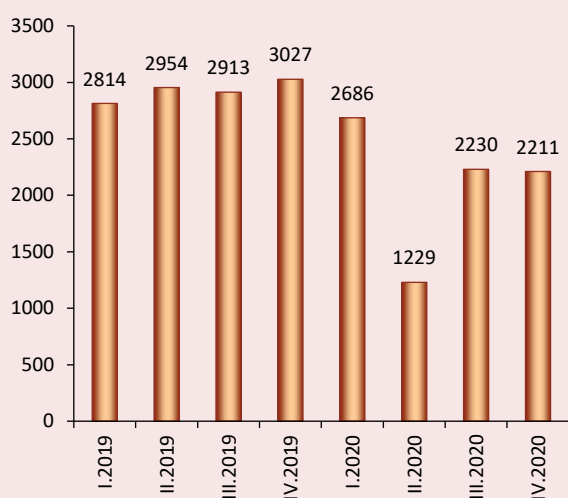
увеличившись в III и IV кварталах до 2,2 млрд человек (рис. 15). Всего по итогам 2020 года объемы перевозки пассажиров сократились на 28,6%.

Сфера культуры. Праздники и традиционный Весенний фестиваль – «золотое время» для театральной индустрии Китая. Однако из-за COVID-19, согласно данным Beijing Maoyan Culture Media Co., Ltd, доход от этой сферы в стране в первый день китайского Нового года

составил 1,81 миллиона юаней, а за семидневный период Весеннего фестиваля – лишь 2,845 миллиона юаней (рис. 16). В 2019 году за первый день китайского Нового года удалось собрать 1,458 миллиарда юаней, а за семь дней Весеннего фестиваля – 5,859 миллиарда. По мере улучшения профилактики и контроля COVID-19 индустрия «оживала», а общий кассовый доход во время восьмидневного празднования Дня образования КНР составлял почти 4 миллиарда юаней. По состоянию на 9 октября общие кассовые доходы китайских фильмов в 2020 году достигли 11,991 миллиарда юаней, заняв первое место в мире. Однако кассовые сборы за тот же период 2019 года составили более 50 миллиардов юаней, а это значит, что COVID-19 по-прежнему серьезно влияет на отрасль.

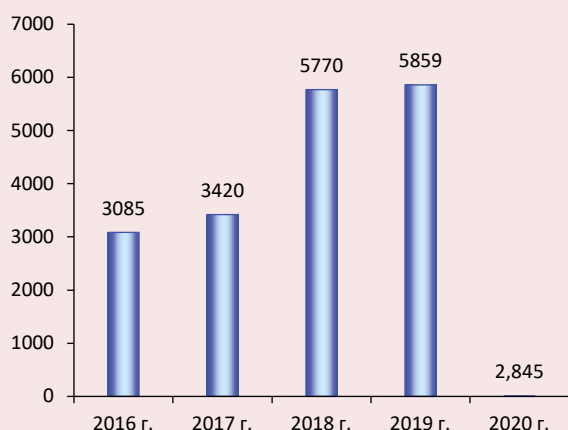
Показательным примером негативного влияния противопандемийных ограничений на сферу культуры в России может служить динамика посещения кинотеатров. Кассовые сборы во II квартале 2020 г. упали практически до нуля, составив 3,7 млн рублей против 15 млрд рублей в предыдущем квартале (рис. 17). При этом зрители не спешат возвращаться в кинотеатры – к концу 2020 года удалось нарастить сборы лишь до 4 млрд рублей (28% от уровня соответствующего периода 2019 года).

Рис. 15. Перевозки пассажиров в России в 2019–2020 гг., млн человек

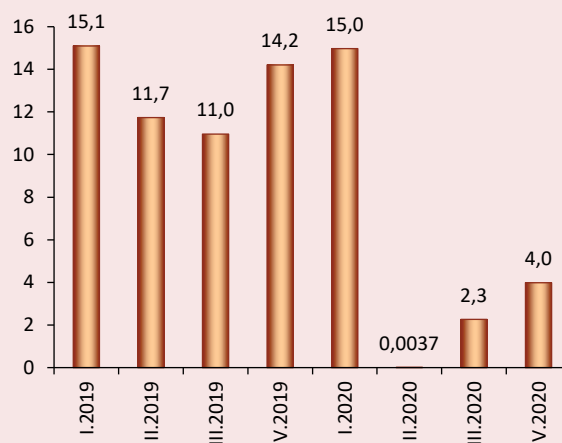
Источник: данные Росстата.

Рис. 16. Кассовые сборы во время празднования Весеннего фестиваля в Китае в 2016–2020 гг., млн юаней

Источники: Beijing Maoyan Culture Media Co., Ltd. и AskCI Consulting Co., Ltd.

Рис. 17. Кассовые сборы кинотеатров в России в 2019–2020 гг., млрд руб.

Источник: данные Единой автоматизированной информационной системы сведений о показах фильмов в кинозалах.

Влияние COVID-19 на онлайн-сферы, нацеленные на взаимодействие человека и компьютера

Онлайн-сферы, нацеленные на взаимодействие человека и компьютера, в основном включают электронную торговлю / новый ритейл, онлайн-видео, онлайн-игры, онлайн-образование, удаленную работу и другие сферы. В 2020 году из-за спроса на профилактику и контроль COVID-19 онлайн-экономика быстро росла, поскольку ежедневные привычки потребления и стиль работы жителей значительно изменились.

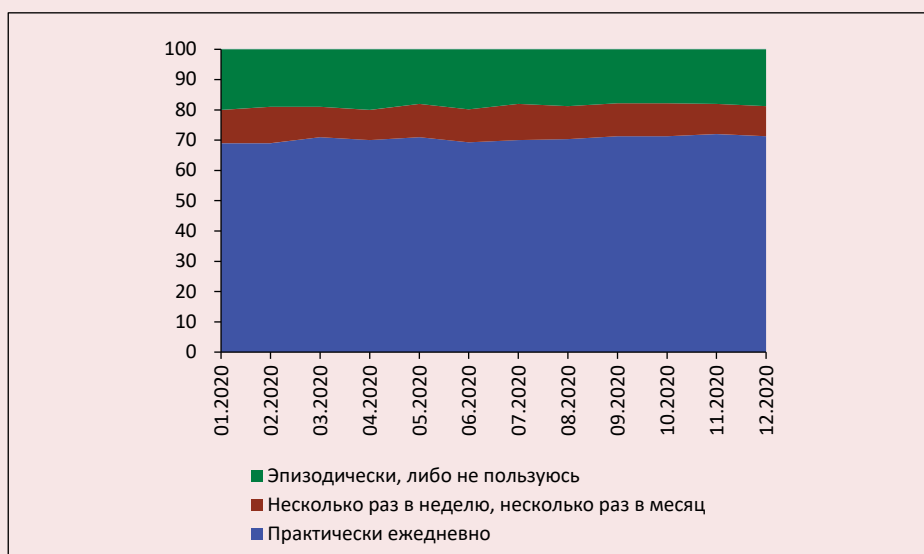
Интернет-активность. В последние годы число пользователей интернета (в том числе мобильного) и среднесуточное время их присутствия в интернете неуклонно увеличивались во всем мире. С 2020 года темпы роста стали более заметными из-за COVID-19 (рис. 18, 19). В Китае число пользователей мобильного интернета превысило 1 млрд человек. В России доля населения, практически ежедневно пользующегося интернетом, увеличилась, по данным ВЦИОМ, до 72%.

Рис. 18. Число пользователей мобильного интернета в Китае и среднесуточное время, проведенное ими онлайн, в 2018–2020 гг.

Источник: Institute of Research, Haitong Securities.

Рис. 19. Распределение ответов на вопрос «Пользуетесь ли Вы интернетом, и если да, то как часто?» в России, % к итогу

Источник: ежедневный всероссийский телефонный опрос ВЦИОМ.

Онлайн-торговля и экспресс-доставка. Пандемия COVID-19 изменила привычки людей в сфере покупок и потребления, а индустрия онлайн-ритейла, как и соответствующие отрасли, стала стремительно развиваться. С 2020 года в Китае ускорилось развитие новых стилей потребления, а розничные онлайн-бизнесы, такие как электронная торговля свежими

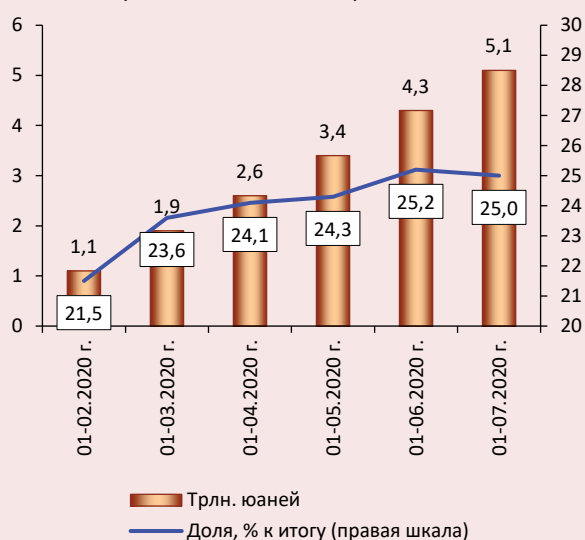
продуктами и их доставка к дому покупателя, росли стабильно и быстро. С января по июль розничные онлайн-продажи физических товаров увеличились в годовом исчислении на 15,7% (табл. 5; рис. 20) и составили 25% от общего объема розничных продаж потребительских товаров (годом ранее их удельный вес был 19,4%; рис. 21).

Таблица 5. Темпы прироста (убыли) объемов розничной онлайн-торговли физическими товарами в Китае с января по октябрь 2020 г., % к соответствующему периоду предыдущего года

Период (2020 г.)	Розничная онлайн-торговля товарами	Розничная торговля потребительскими товарами
Янв. – Февр.	3,0	-20,5
Янв. – Март	5,9	-19,0
Янв. – Апр.	8,6	-16,2
Янв. – Май	11,5	-13,5
Янв. – Июнь	14,3	-11,4
Янв. – Июль	15,7	-9,9
Янв. – Авг.	15,8	-8,6
Янв. – Сен.	15,3	-7,2
Янв. – Окт.	16,0	-

Источник: данные Национального бюро статистики Китая.

Рис. 20. Объем розничной онлайн-торговли физическими товарами и его доля в общем объеме розничной торговли потребительскими товарами в Китае

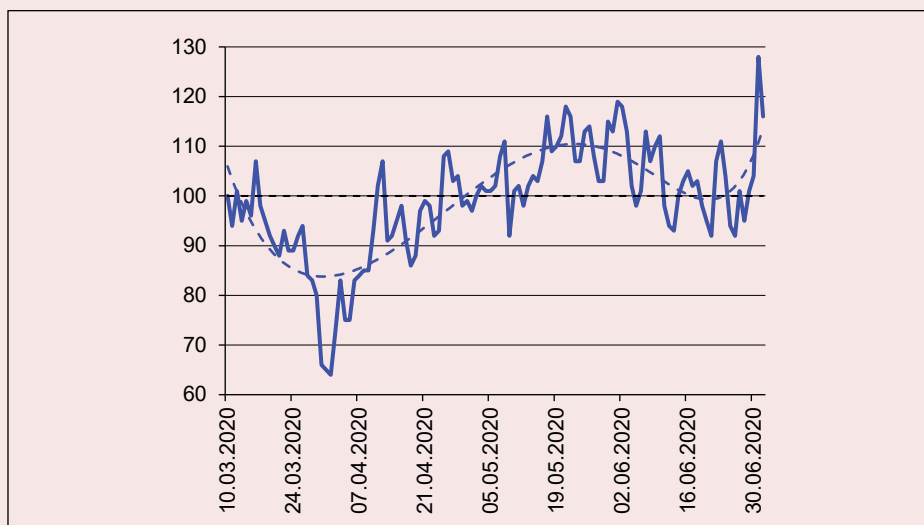
Источники: данные Национального бюро статистики Китая.

Рис. 21. Динамика развития экспресс-доставки и розничной онлайн-торговли в Китае в 2019–2020 гг., %

Источники: Institute of Research, Haitong Securities.

Рис. 22. Индекс интернет-торговли Data Insight в России

Уровень 25.02–02.03.2020 = 100%

Источник: данные Data Insight.

Из-за последствий ограничений на рынке розничной торговли в связи с распространением коронавируса I полугодие 2020 г. стало взрывным для онлайн-торговли в России. По данным Data Insight индекс интернет-торговли за март–июнь 2020 г. увеличился почти на треть (рис. 22). Ее доля в общем обороте розничной торговли достигла в первом полугодии 2020 г. 10,9% (2019 г. – 6,1%)¹⁶.

Удаленная работа. Пандемия COVID-19 скорректировала способы производства и работы людей, оказав тем самым содействие развитию сферы удаленной работы и соответствующих отраслей. В Китае из-за COVID-19 с 3 по 9 февраля 2020 г., в первую неделю после Весеннего фестиваля, более 18 миллионов компаний перешли на удаленную работу, а более 300 миллионов человек использовали соответствующее программное обеспечение. В эпоху после эпидемии удаленная работа стала обычным явлением, и она будет стимулировать быстрое развитие программного обеспечения для дистанционного управления персоналом.

По данным ВЦИОМ, доля россиян, работающих удаленно, во время режима самоизоля-

ции из-за коронавируса возросла в восемь раз: до пандемии так трудились только 2% опрошенных, а перешли к нему полностью или частично уже 16%¹⁷. Для трети россиян режим занятости в связи с пандемией остался неизменным.

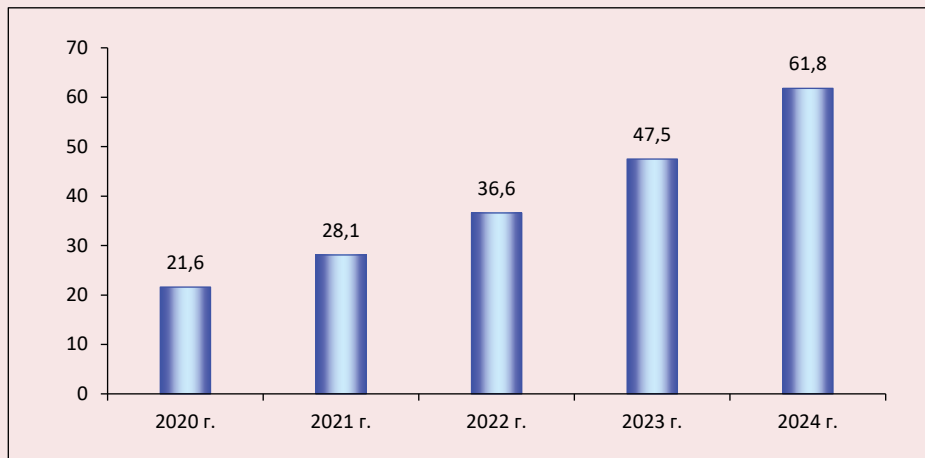
Телемедицина. Пандемия COVID-19 изменила подходы к медицинскому обслуживанию и подтолкнула к развитию сферы телемедицины. В Китае во время COVID-19 в 2020 году с помощью технологии 5G все «облачные» медицинские сервисы китайской телемедицины (регистрация, консультация, диагностика, выписка рецептов, дозировка) вышли на новый уровень, дав людям новый медицинский опыт (рис. 23). В дальнейшем стоит ожидать, что размер рынка телемедицины будет расти.

В целом масштаб воздействия пандемии на экономику и уровень экономического шока тесно связаны с результативностью профилактики и контроля распространения COVID-19, а также с проводимой политикой по поддержке населения и бизнеса. Пандемия COVID-19 оказала наибольшее негативное влияние на офлайн-отрасли, ориентированные на личное взаимодействие. Потребительский сектор (обще-

¹⁶ Источник: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5f592c909a79471b55995534>

¹⁷ Источник: <https://tass.ru/ekonomika/8478435>

Рис. 23. Ожидаемый размер рынка телемедицины в Китае в 2020–2025 гг., млрд юаней

Источник: Forward Industry Research Institute.

ственное питание, розничная торговля, туризм и транспортные перевозки) первым попал под удар и пережил спад. При этом COVID-19 способствовал развитию онлайн-индустрии, ориентированной на взаимодействие человека и компьютера. Изменения в потребительском поведении и привычках оказали содействие модернизации многих отраслей. Благодаря широкому применению современных информационных технологий потребители начали активнее пользоваться интернетом, что ускорило развитие онлайн-ритейла: электронной торговли продуктами питания, экспресс-логистики и других новых видов бизнеса (онлайн-развлечения, онлайн-образование, удаленная работа, телемедицина).

Предложения

1. Профилактика и строгий контроль COVID-19. Жизнь и безопасность людей должны быть приоритетом. Мероприятия по профилактике и контролю COVID-19 следует проводить со всей ответственностью. Важно отслеживать распространение вируса, своевременно и эффективно реагировать на него, сосредоточиться на предотвращении риска ввоза COVID-19 из-за рубежа. Профилактика должна сопровождаться такими простыми делами, как регулярное мытье рук, соблюдение гигиены, ношение масок. Необходимо понимать правила распространения COVID-19, в полной мере задействовать рабочий механизм совместной

профилактики и контроля, продолжать усилия по всестороннему скринингу, создать надежный механизм для предотвращения чрезвычайных ситуаций в сфере здравоохранения в долгосрочной перспективе.

2. Поддержка внутреннего спроса. Следует раскрывать потенциал увеличения внутреннего спроса, содействовать росту доходов населения, а также способствовать диверсифицированному и дифференцированному развитию отраслей за счет модернизации потребления.

3. Содействие преобразованию и модернизации традиционных отраслей экономики. Для того чтобы адаптировать традиционные отрасли промышленности к серьезным изменениям нужд потребителей, необходимо увеличить предложение здоровых, экологических, безопасных, удобных продуктов и услуг; способствовать цифровизации, интеллектуальной трансформации и модернизации отраслей, включая сферы строительства жилья, общественного питания, туризма, транспорта и т. д.; ускорить продвижение и применение современных информационных технологий в сельском хозяйстве, обрабатывающей промышленности, сфере услуг и других секторах; ускорить развитие онлайн-и-офлайн-интеграции.

4. Активное развитие новых отраслей экономики, форм бизнеса и способов производства. Необходимо адаптироваться к тенденциям реформирования бизнеса и модернизации поведения

потребителей, собирать ресурсы и проводить политику для дальнейшей поддержки развития индустрии «Интернет+», стимулировать широкое применение сети 5G, искусственного интеллекта, больших данных, блокчейна и других технологий в бизнесе, культуре, туризме, образовании, медицине и прочих областях, а также строить новую бизнес-форму сферы услуг.

5. Повышение роли страны в глобальных сетях поставок. Важной видится интеграция внутреннего и международного рынков и совершенствование системы взаимодействия между производственными цепочками, цепочками капитала, цепочками талантов, политическими и сервисными цепочками в глобальных сетях поставок.

Новизна исследования, обуславливающая его вклад в развитие науки, заключается в по-

пытке раскрыть современные закономерности протекания процессов экономического развития России и Китая в условиях пандемии COVID-19, классифицировать эмпирические данные, характеризующие ее влияние на экономику в разрезе отраслей производственных и непромышленных сфер народного хозяйства, секторов конечного спроса. Материалы статьи могут быть полезны лицам, принимающим управленческие решения, для сравнительного анализа тактик регуляторного воздействия на экономику в период пандемий и для оценки эффекта такого воздействия. Перспективы дальнейших исследований связаны с оценкой экономического ущерба от COVID-19, прогнозом приоритетов и векторов посткризисного восстановления экономики с учетом динамики цен на мировых рынках.

Литература

1. Fernandes N. Economic effects of coronavirus outbreak on the world economy. *IESE Business School Working Paper*, 2020, no. WP-1240-E. DOI: 10.2139/ssrn.3557504
2. Nicola M., Alsafi Z., Sohrabi C. et al. The socio-economic implications of the coronavirus and COVID-19 pandemic: A review. *International Journal of Surgery*, 2020, vol. 78, pp. 185–193. DOI: 10.1016/j.ijso.2020.04.018
3. McKibbin W., Roshen F. The global macroeconomic impacts of COVID-19: Seven scenarios. *CAMA Working Paper*, 2020, vol. 19. DOI: 10.2139/ssrn.3547729
4. Goodell J.W. COVID-19 and finance: Agendas for future research. *Finance Research Letters*, 2020, vol. 35, 101512. DOI: 10.1016/j.frl.2020.101512
5. Zhang D., Hu M., Ji Q. Financial markets under the global pandemic of COVID-19. *Finance Research Letters*, 2020, vol. 36, 101528. DOI: 10.1016/j.frl.2020.101528
6. Ivanov D. Predicting the impacts of epidemic outbreaks on global supply chains: A simulation-based analysis on the coronavirus outbreak (COVID-19/SARS-CoV-2) case. *Transportation Research. Part E: Logistics and Transportation Review*, 2020, vol. 136, 101922. DOI: 10.1016/j.tre.2020.101922
7. Квашнина И.А. Влияние пандемии COVID–19 на мировую экономику и потоки прямых иностранных инвестиций // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. № 4. С. 166–175.
8. Carreno I., Dolle T., Medina L. et al. The implications of the COVID-19 pandemic on trade. *European Journal of Risk Regulation*, 2020, vol. 11, no. 2, pp. 402–410. DOI: 10.1017/err.2020.48
9. Atkeson A. What will be the economic impact of COVID-19 in the US? Rough estimates of disease scenarios. *NBER Working Paper*, 2020, no. 26867. DOI: 10.3386/w26867
10. Немова Л.А. Экономика Канады и антикризисная политика в период пандемии COVID-19 // Россия и Америка в XXI веке. 2020. № 2. DOI: 10.18254/S207054760010433-3
11. Dabrowski A. Japan and the COVID-19 pandemic. *PISM Bulletin*, 2020, vol. 81 (1511), pp. 1–2.
12. Codagnone C. et al. Assessing concerns for the economic consequence of the COVID-19 response and mental health problems associated with economic vulnerability and negative economic shock in Italy, Spain, and the United Kingdom. *PLoS ONE*, 2020. vol. 15 (10), 0240876. DOI: 10.1371/journal.pone.0240876
13. Бизяев А.И., Марьясис Д.А. К вопросу о влиянии пандемии COVID-19 на социально-экономическое развитие Израиля // Вестник Института востоковедения РАН. 2020. № 3 (13). С. 304–316.
14. Ataguba J.E. COVID-19 pandemic, a war to be won: Understanding its economic implications for Africa. *Applied Health Economics and Health Policy*, 2020, vol. 18, pp. 325–328. DOI: 10.1007/s40258-020-00580-x

15. Косевич Е.Ю. Латинская Америка: коронавирус и новый политический ландшафт // Латинская Америка. 2020. № 10. С. 39–53. DOI: 10.31857/S0044748X0011330-2
16. Muhammed A.K. COVID-19: Malaysia experience and key lessons. *Asian Economic Papers*, 2020, November, pp. 1–27. DOI: 10.1162/asep_a_00801
17. Ионова Е.П. Центральная Азия в условиях пандемии // Россия и новые государства Евразии. 2020. № 2 (47). С. 81–93.
18. Минакир П.А. Экономика пандемии: российский путь // Пространственная экономика. 2020. Т. 16. № 2. С. 7–18.
19. Смотрицкая И.И. Российская экономика на фоне мировой пандемии: основные контуры «новой реальности» // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2020. № 2. С. 4–15.
20. Wang M. Atypical impact of the epidemic on consumer behavior. *Economic Forum*, 2003, vol. 8.
21. Li Z., Sheng F. Impacts of COVID-19 on China's industry and consumption and relevant countermeasures. *Jiangxi Social Sciences*, 2020, vol. 3.
22. Carter P., Anderson M., Mossialos E. Health system, public health, and economic implications of managing COVID-19 from a cardiovascular perspective. *European Heart Journal*, 2020, vol. 41, issue 27, pp. 2516–2518. DOI: 10.1093/eurheartj/ehaa342
23. Улумбекова Г.Э., Гинойн А.Б., Петрачков И.В. Эпидемия COVID-19 и ответ здравоохранения в разных странах // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7. № 2. С. 121–142.
24. Laing T. The economic impact of the coronavirus 2019 (Covid-2019): Implications for the mining industry. *The Extractive Industries and Society*, 2020, vol. 7, issue 2, pp. 580–582. DOI: 10.1016/j.exis.2020.04.003.
25. Кондратьев В.Б. Коронавирус и горная промышленность // Горная промышленность. 2020. № 5. С. 10–18.
26. Коровкин В.В., Кузнецова Г.В. Перспективы цифровой трансформации российского машиностроения // *ArsAdministrandi. Искусство управления*. 2020. Т. 12. № 2. С. 291–313.
27. Kufelova I., Rakova M. Impact of the COVID-19 pandemic on the automotive industry in Slovakia and selected countries. *SHS Web of Conferences*, 2020, vol. 83, 01040. DOI: 10.1051/shsconf/20208301040.
28. Зиновьева Н.Г. Черная металлургия мира и России в условиях пандемии // Черная металлургия. Бюллетень научно-технической и экономической информации. 2020. Т. 76. № 7. С. 657–664.
29. Сигиневич Д.А. Долгосрочные тренды развития нефтегазохимической отрасли с учетом влияния COVID-19 // Инновации и инвестиции. 2020. № 8. С. 210–214.
30. Zhong H., Tan Z., He Y. et al. Implications of COVID-19 for the electricity industry: A comprehensive review. *CSEE Journal of Power and Energy Systems*, 2020, vol. 6, issue 3, pp. 489–495. DOI: 10.17775/CSEEJPES.2020.02500
31. Laborde D., Martin W., Swinnen J. et al. COVID-19 risks to global food security. *Science*, 2020, vol. 369, issue 6503, pp. 500–502. DOI: 10.1126/science.abc4765
32. Ceylan F., Özkan B. Assessing impacts of COVID-19 on agricultural production and food systems in the world and in Turkey. *Gaziantep University Journal of Social Sciences*, 2020, issue 19 (COVID-19 Special Issue), pp. 472–485. DOI: 10.21547/jss.784859
33. Горбатов С., Гордеев Д. Ученые проанализировали состояние мясной промышленности России в условиях пандемии коронавируса // Мясные технологии. 2020. № 7 (211). С. 10–15.
34. Weersink A., von Massow M., McDougall B. Economic thoughts on the potential implications of COVID-19 on the Canadian dairy and poultry sectors. *Canadian Journal of Agricultural Economics*, 2020. DOI: 10.1111/cjag.12240
35. Kemp P.S., Froese R., Pauly D. COVID-19 provides an opportunity to advance a sustainable UK fisheries policy in a post-Brexit brave new world. *Marine Policy*, 2020, 120, 104114. DOI: 10.1016/j.marpol.2020.104114
36. Климова Т.Б. Динамика развития авиаотрасли: тренды и пандемийные вызовы // Экономика. Информатика. 2020. Т. 47. № 3. С. 512–521.
37. Sobieralski J.B. COVID-19 and airline employment: Insights from historical uncertainty shocks to the industry. *Transportation Research Interdisciplinary Perspectives*, 2020, vol. 5, 100123. DOI: 10.1016/j.trip.2020.100123
38. Савушкина Ю.В. Железнодорожная индустрия в условиях COVID-19 // Инновации и инвестиции. 2020. № 6. С. 291–293.

39. Hoque A., Shikha F.A., Hasanat M.W. et al. The effect of coronavirus (COVID-19) in the tourism industry in China. *Asian Journal of Multidisciplinary Studies*, 2020, vol. 3, no. 1, pp. 52–58.
40. Gursoy D., Chi C.G. Effects of COVID-19 pandemic on hospitality industry: Review of the current situations and a research agenda. *Journal of Hospitality Marketing & Management*, 2020, vol. 29, issue 5, pp. 527–529. DOI: 10.1080/19368623.2020.1788231
41. Jones P., Comfort D. The COVID-19 crisis and sustainability in the hospitality industry. *International Journal of Contemporary Hospitality Management*, vol. 32, no. 10, pp. 3037–3050. DOI: 10.1108/IJCHM-04-2020-0357
42. Shahzad A., Hassan R., Abdullah I. et al. COVID-19 impact on e-commerce usage: An empirical evidence from Malaysian healthcare industry. *Humanities & Social Sciences Reviews*, 2020, no. 8 (3), pp. 599–609. DOI: 10.18510/hssr.2020.8364
43. Поверинов А.И., Кунев С.В. Диджитал-инструменты фармацевтического продвижения в условиях пандемии // *Фундаментальные исследования*. 2020. № 7. С. 85–89.
44. Насонова И.А. Мировой рынок рекламы 2020: влияние COVID-19 // *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2020. № 5-2 (63). С. 105–108.
45. Ibn-Mohammed T., Mustapha K.B., Godsell J. et al. A critical analysis of the impacts of COVID-19 on the global economy and ecosystems and opportunities for circular economy strategies. *Resources, Conservation and Recycling*, 2021, vol. 164, 105169. DOI: 10.1016/j.resconrec.2020.105169
46. Чуланова О.Л. Актуализация экономики свободной занятости (гигономики) – тренда цифровой глобализации в условиях пандемии COVID-19 // *Журнал исследований по управлению*. 2020. Т. 6. № 3. С. 3–22.

Сведения об авторах

Ли Чжимэн – научный сотрудник, Академия общественных наук провинции Цзянси (330077, Китай, провинция Цзянси, г. Наньчан, ул. North Hongdu Avenue, д. 649)

Евгений Владимирович Лукин – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель заведующего отделом, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: lukin_ev@list.ru)

Шэн Фанфу – младший научный сотрудник, Академия общественных наук провинции Цзянси (330077, Китай, провинция Цзянси, г. Наньчан, ул. North Hongdu Avenue, д. 649)

Чжэн Вэнькай – аспирант, Бэйханский университет (100083, Китай, г. Пекин, район Хайдянь, ул. Хуеуан Road, д. 37)

Li Zhimeng, Lukin E.V., Sheng Fangfu, Zeng Wenkai

Assessing the Impact of the COVID-19 Pandemic on the Economies of China and Russia

Abstract. The COVID-19 pandemic has significantly affected economic development in countries around the world. It aggravated existing problems and increased the demand for economic transformation, modernization and qualitative development, triggered a new technological reform, which led to the emergence of new economic business forms and new consumption. The article assesses the impact of the COVID-19 pandemic on the economies of China and Russia. To achieve this goal, we review the state of business activity in the manufacturing and non-manufacturing sectors of the national economy, and summarize the main measures of the anti-pandemic policy implemented by the Chinese and Russian governments. We look into the dynamics of functioning of offline economic spheres that are aimed at personal communication (tourism, catering, retail, transport, culture, entertainment), as well as online spheres implying human-computer interaction (electronic retailing, express delivery, remote work, telemedicine) in the context of the COVID-19 pandemic. We make conclude that the extent of

COVID-19 impact on the economy depends on the effectiveness of measures for its prevention and control. We are convinced that at the moment it is necessary to correlate these measures with economic and social development policies, and take into consideration increased consumption as an important aspect of mitigating the effects of COVID-19, accelerate the transformation and modernization of traditional industries, actively develop new economic business forms and build a more open monetary circulation both within the country and globally, thus enhancing the role of the state in global supply chains.

Key words: China, Russia, COVID-19 pandemic, economy, impact.

Information about the Authors

Li Zhimeng – Researcher, Jiangxi Academy of Social Sciences (649, North Hongdu Avenue, Nanchang, 330077, Jiangxi Province, China; e-mail: lzm0730@126.com)

Evgenii V. Lukin – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, deputy head of department, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: lukin_ev@list.ru)

Sheng Fangfu – Junior Researcher, Jiangxi Academy of Social Sciences (649, North Hongdu Avenue, Nanchang, 330077, Jiangxi Province, China; e-mail: shengff1986@126.com)

Zeng Wenkai – postgraduate student, Beihang University (37, Xueyuan Road, Haidian District, Beijing, 100083, China; e-mail: 446489632@qq.com)

Статья поступила 23.04.2021.

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества

Продолжая сложившуюся традицию нашего издания, приводим результаты мониторинговых оценок общественного мнения о состоянии российского общества, выполняемых ФГБУН ВолНЦ РАН в Вологодской области¹.

Нижеследующие таблицы и графики показывают динамику ряда параметров социального самочувствия и общественно-политических настроений населения региона по результатам последней «волны» мониторинга (октябрь 2021 г.), а также за период с декабря 2020 по октябрь 2021 г. (последние 6 опросов, то есть почти год).

Даётся сопоставление результатов исследований с данными за 2000 (первый год I президентского срока В.В. Путина), 2007 (последний год II президентского срока В.В. Путина, когда были достигнуты наиболее высокие оценки президентской деятельности), 2011 (последний год президентства Д.А. Медведева) и 2012 (первый год III президентского срока В.В. Путина) годы.

Представлена годовая динамика данных за 2018–2020 гг.²

За период с августа по октябрь 2021 г. уровень одобрения деятельности Президента РФ существенно не изменился. Доля положительных оценок составляет 52%. Удельный вес негативных характеристик – 33%.

За последние 6 опросов (декабрь 2020 – октябрь 2021 г.) в оценках деятельности главы государства также не отмечается ощутимых изменений: доля позитивных суждений составляет 52%, отрицательных – 33%³.

Уровень одобрения деятельности Председателя Правительства РФ в октябре 2021 г., как и в декабре 2020 г., составил 38–39%.

С декабря 2020 по октябрь 2021 г. заметно улучшились оценки деятельности главы региона: доля положительных суждений увеличилась на 5 п. п. (с 33 до 38%), удельный вес отрицательных характеристик снизился на 3 п. п. (с 44 до 41%).

¹ Опросы проводятся 6 раз в год в Вологде, Череповце и в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

Более подробную информацию о результатах опросов, проводимых ВолНЦ РАН, можно найти на сайте <http://www.vssc.ac.ru/>.

² В 2020 г. было проведено четыре «волны» мониторинга. Опросы в апреле и июне 2020 г. не проводились в связи с карантинными ограничениями в период распространения COVID-19.

³ Здесь и далее по тексту в рамке выделены результаты сравнительного анализа данных опроса, осуществленного в октябре 2021 г., с результатами «волны» мониторинга, проведенной в декабре 2020 г.

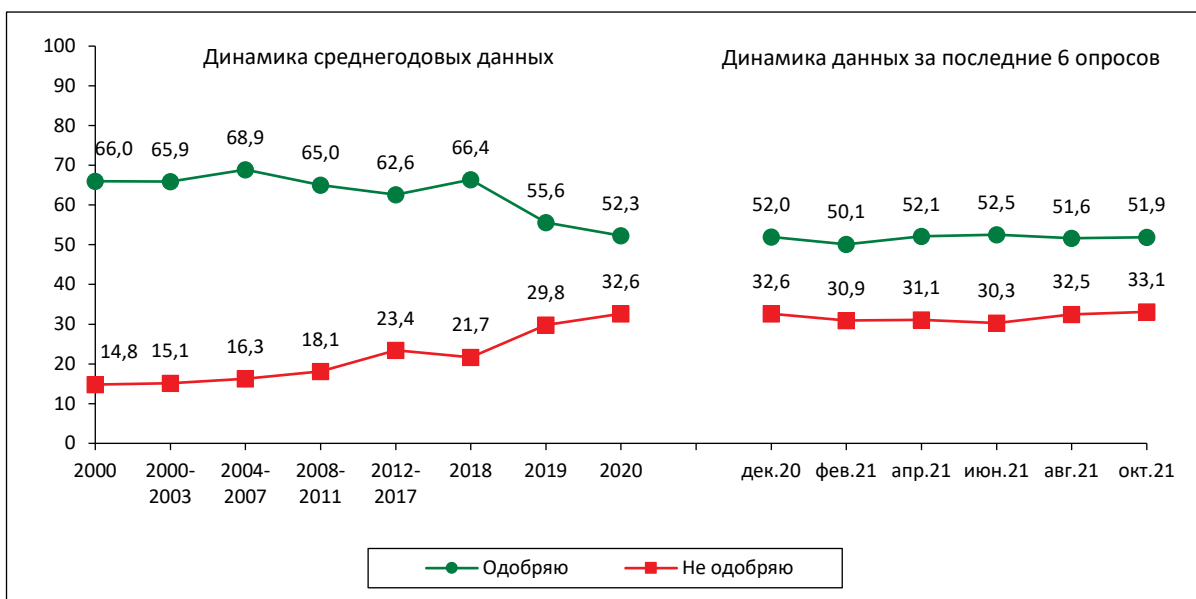
Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность..? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Динамика среднегодовых данных								Динамика данных за последние 6 опросов					Изменение (+/-), окт. 2021 к дек. 2020
	2000	2007	2011	2012	2018	2019	2020	Дек. 2020	Фев. 2021	Апр. 2021	Июнь 2021	Авг. 2021	Окт. 2021	
Президент РФ														
Одобрю	66,0	75,3	58,7	51,7	66,4	55,6	52,3	52,0	50,1	52,1	52,5	51,6	51,9	0
Не одобряю	14,8	11,5	25,5	32,6	21,7	29,8	32,6	32,6	30,9	31,1	30,3	32,5	33,1	+1
Председатель Правительства РФ*														
Одобрю	-*	-*	59,3	49,6	48,0	41,1	38,7	39,1	37,6	38,8	42,2	42,7	39,7	+1
Не одобряю	-	-	24,7	33,3	31,6	38,4	40,4	38,8	38,8	38,3	35,1	36,0	38,3	-1
Губернатор														
Одобрю	56,1	55,8	45,7	41,9	38,4	35,7	35,0	32,9	33,9	36,3	37,8	38,6	37,5	+5
Не одобряю	19,3	22,2	30,5	33,3	37,6	40,2	42,5	44,2	42,4	41,3	38,4	38,5	40,7	-4

Формулировка вопроса: «Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность...?» Согласно методике проведения исследования ошибка выборки не превышает 3%, поэтому здесь и далее изменения с разницей в 2 п. п. не учитываются или считаются незначительными; в таблицах они выделены синим цветом. Позитивные изменения выделены зеленым цветом, негативные – красным.

* Вопрос задается с 2008 года.

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность Президента РФ?
(в % от числа опрошенных, данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

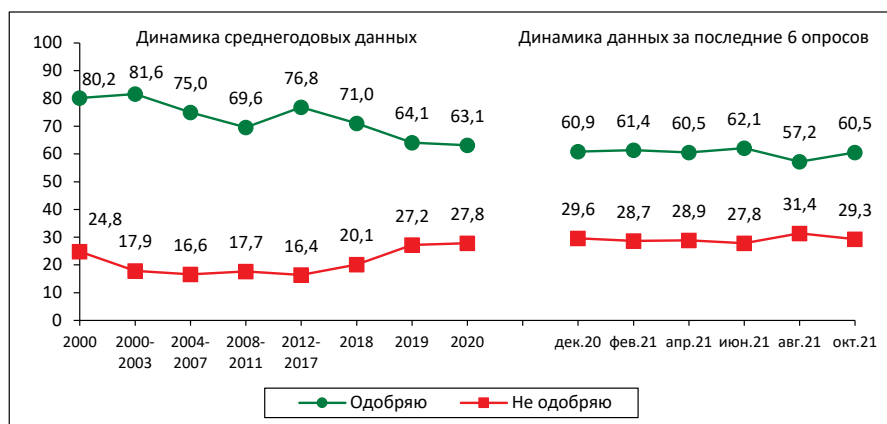
Здесь и далее во всех графиках представлены среднегодовые данные за 2000, 2018, 2019, 2020 гг., а также среднегодовые данные за периоды 2000–2003, 2004–2007, 2008–2011, 2012–2017 гг., соответствующие периодам президентских сроков.

Для справки:

По данным ВЦИОМ, уровень одобрения деятельности Президента РФ за период с августа по 1 половину октября 2021 г. возрос на 4 п. п. (с 57 до 61%).

По последним данным Левада-Центра* (на сентябрь 2021 г.) в динамике оценок деятельности главы государства также отмечаются позитивные изменения: доля положительных оценок увеличилась на 3 п. п. (с 61 до 64%) по сравнению с августом 2021 г.

Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента РФ? (в % от числа опрошенных; данные ВЦИОМ)

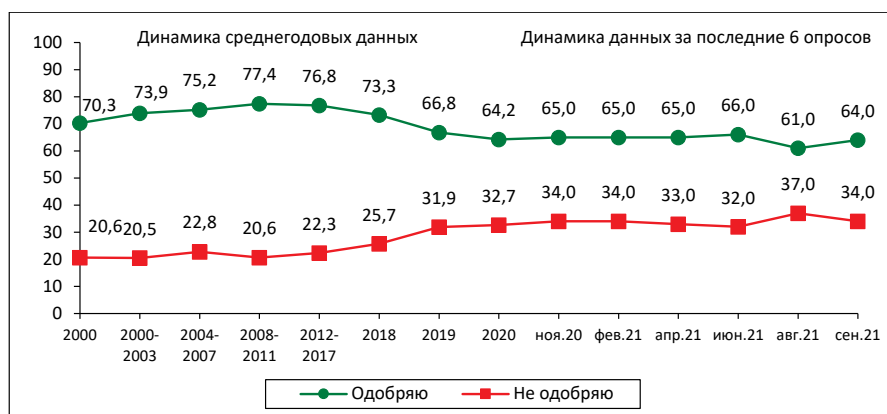
Годовая динамика (октябрь 2021 г. к декабрю 2020 г.)	
Вариант ответа	Изменение (+ / -)
Одобряю	0
Не одобряю	0

Формулировка вопроса «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента России?»

Данные за октябрь 2021 г. – среднее значение за два опроса: от 03.10.2021 и 10.10.2021.

Источник: данные ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/>

Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Владимира Путина на посту Президента России? (в % от числа опрошенных; данные Левада-Центра*)

Годовая динамика (сентябрь 2021 г. к ноябрю 2020 г.)	
Вариант ответа	Изменение (+ / -)
Одобряю	-1
Не одобряю	0

Формулировка вопроса: «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Владимира Путина на посту Президента России?»

Последние данные – июль 2021 г. Источник: Левада-Центр*. Индикаторы. <https://www.levada.ru/indikatoriy/>

Источник: данные Левада-Центра*. URL: <https://www.levada.ru/> (данные за декабрь 2020 г. отсутствуют).

* Внесен в реестр иностранных агентов.

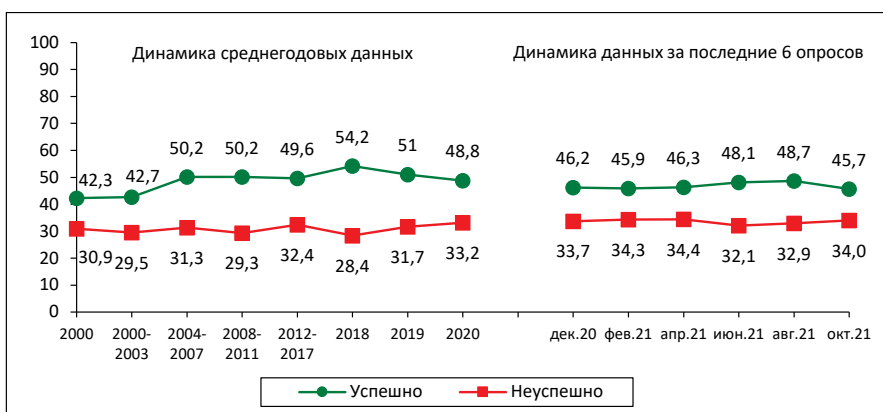
За последние два месяца незначительно ухудшилось общественное мнение о том, насколько успешно Президент РФ справляется с задачей укрепления международных позиций России (доля положительных оценок уменьшилась на 3 п. п., с 49 до 46%) и с проблемой подъема экономики, роста благосостояния граждан (удельный вес негативных суждений возрос на 2 п. п., с 61 до 63%).

Как и в августе, в октябре 2021 г. 42–43% жителей области отмечают, что В.В. Путин успешно справляется с задачей наведения порядка в стране; 35% – считают успешной деятельность главы государства по защите демократии и укреплению свобод граждан.

С декабря 2020 по октябрь 2021 г. незначительно (на 2–3 п. п.) возросла доля положительных оценок деятельности Президента РФ по наведению порядка в стране (с 41 до 43%), защите демократии (с 32 до 35%), подъему экономики (с 25 до 27%).

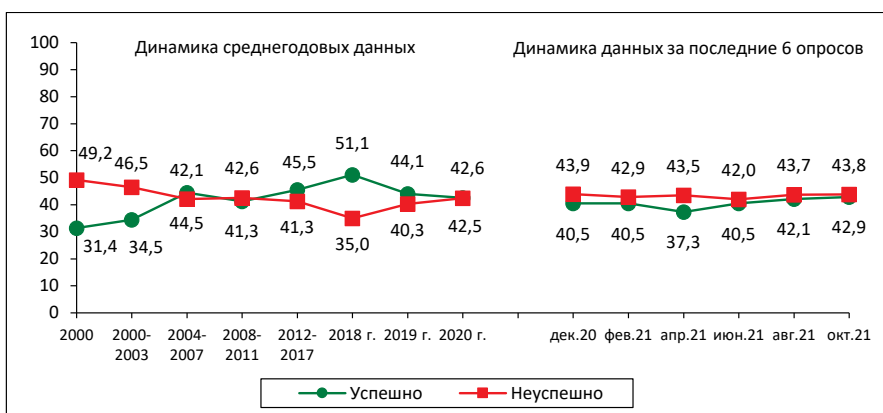
Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами..? (в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Укрепление международных позиций России

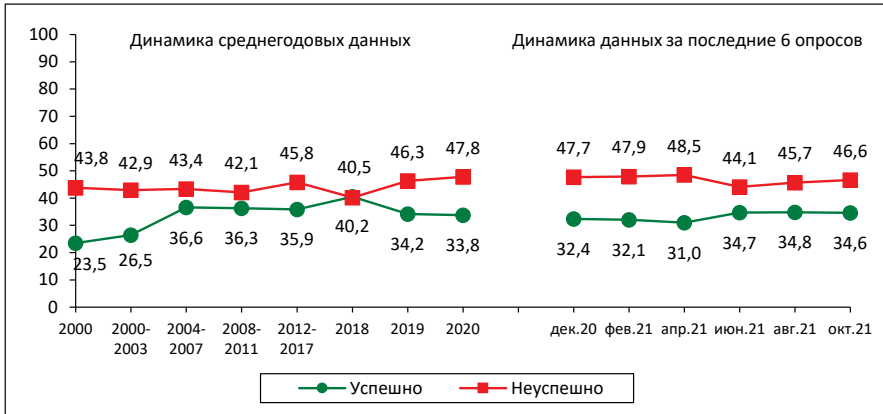
Годовая динамика (октябрь 2021 г. к декабрю 2020 г.)	
Вариант ответа	Изменение (+ / -)
Успешно	-1
Неуспешно	0

Наведение порядка в стране

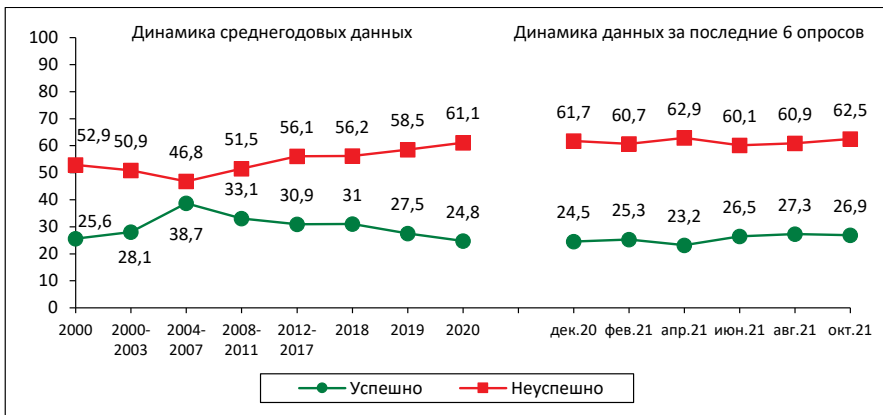
Годовая динамика (октябрь 2021 г. к декабрю 2020 г.)	
Вариант ответа	Изменение (+ / -)
Успешно	+2
Неуспешно	0

Защита демократии и укрепление свобод граждан

Годовая динамика (октябрь 2021 г. к декабрю 2020 г.)	
Вариант ответа	Изменение (+ / -)
Успешно	+2
Неудачно	-1

Подъем экономики, рост благосостояния граждан

Годовая динамика (октябрь 2021 г. к декабрю 2020 г.)	
Вариант ответа	Изменение (+ / -)
Успешно	+2
Неудачно	+1

В структуре партийно-политических предпочтений жителей региона за период с августа по октябрь 2021 г. существенных изменений не наблюдается: уровень поддержки «Единой России» составляет 32–33%, КПРФ и ЛДПР – по 9–11%, «Справедливой России – За правду» – 5–6%.

При этом за последние два месяца ощутимо уменьшилась доля людей, не определившихся в своих политических предпочтениях, или считающих, что ни одна из политических сил, представленных на сегодняшний день в Государственной Думе, не отражает их интересы (на 6 п. п., с 44 до 38%).

За период с декабря 2020 г. по октябрь 2021 г. отмечается незначительный рост доли сторонников «Единой России» (на 2 п. п., с 31 до 33%) и КПРФ (на 4 п. п., с 7 до 11%).

Какая партия выражает Ваши интересы? (в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Партии	Динамика среднегодовых данных										Динамика данных за последние 6 опросов						Изменение (+/-), окт. 2021 к дек. 2020
	2000	2007	2011	Выборы в ГД РФ 2011 г., факт	2012	2016	Выборы в ГД РФ 2016 г., факт	2018	2019	2020	Дек. 2020	Фев. 2021	Апр. 2021	Июнь 2021	Авг. 2021	Окт. 2021	
Единая Россия	18,5	30,2	31,1	33,4	29,1	35,4	38,0	37,9	33,8	31,5	30,9	30,5	31,5	32,1	31,7	32,7	+2
КПРФ	11,5	7,0	10,3	16,8	10,6	8,3	14,2	9,2	8,8	8,4	7,3	8,3	8,7	8,1	9,3	11,1	+4
ЛДПР	4,8	7,5	7,8	15,4	7,8	10,4	21,9	9,6	9,1	9,5	9,5	10,1	9,9	8,5	9,9	11,2	+2
Справедливая Россия – За правду	-	7,8	5,6	27,2	6,6	4,2	10,8	2,9	3,4	4,7	5,0	3,6	2,6	4,1	5,3	6,3	+1
Другая	0,9	1,8	1,9	-	2,1	0,3	-	0,7	0,3	0,5	0,7	0,2	0,1	0,1	0,2	0,5	0
Никакая	29,6	17,8	29,4	-	31,3	29,4	-	28,5	33,7	34,2	35,3	35,9	36,4	35,4	34,1	31,7	-4
Затрудняюсь ответить	20,3	21,2	13,2	-	11,7	12,0	-	11,2	11,0	11,1	11,2	11,3	10,9	11,8	9,6	6,6	-4

В октябре 2021 г. продолжилась тенденция улучшения оценок общественных настроений. За последние два месяца доля людей, испытывающих преимущественно позитивные эмоции, увеличилась с 68 до 71% (на 3 п. п.); удельный вес тех, кто считает, что «все не так плохо и можно жить, жить трудно, но можно терпеть», существенно не изменился (77%).

Доля людей, положительно характеризующих свое настроение и обладающих высоким потенциалом запаса терпения, выше, чем в декабре 2020 г. (на 11 и 7 п. п. соответственно).

Доля жителей области, субъективно относящих себя к категории «бедных и нищих», за последние два месяца незначительно увеличилась (на 2 п. п., с 48 до 50%); удельный вес людей «среднего достатка» снизился с 41 до 39%.

В целом структура социальной самоидентификации в октябре 2021 г. соответствует уровню шестимесячной давности (декабрь 2020 г.): в ней по-прежнему на 10 п. п. преобладает доля «бедных и нищих» над удельным весом людей «среднего достатка».

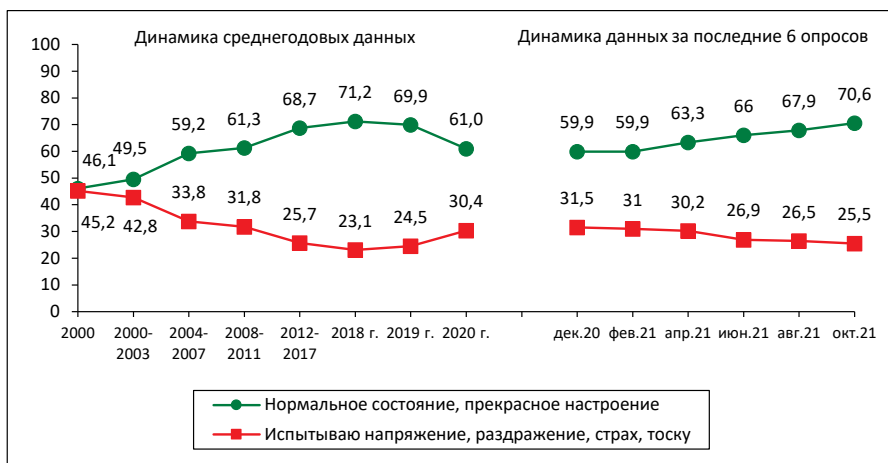
В августе – октябре 2021 г. отмечается увеличение индекса потребительских настроений (на 3 пункта, с 83 до 86 п.), что свидетельствует о незначительном росте оптимистических настроений людей по поводу динамики экономической ситуации в стране и своего личного материального положения.

ИПН по-прежнему ниже 100 пунктов (что означает преобладание пессимистических прогнозов в целом по области), однако стоит отметить, что позитивные изменения наблюдаются впервые за последние 6 опросов. По сравнению с декабрем 2020 г. в октябре 2021 г. индекс потребительских настроений возрос на 3 пункта (с 83 до 86 п.).

Для справки: по последним данным Левада-Центра* индекс потребительских настроений в целом по стране в июне – августе 2021 г. не изменился (75 п.); за период с сентября 2020 по август 2021 г. возрос на 2 пункта (с 73 до 75 п.).

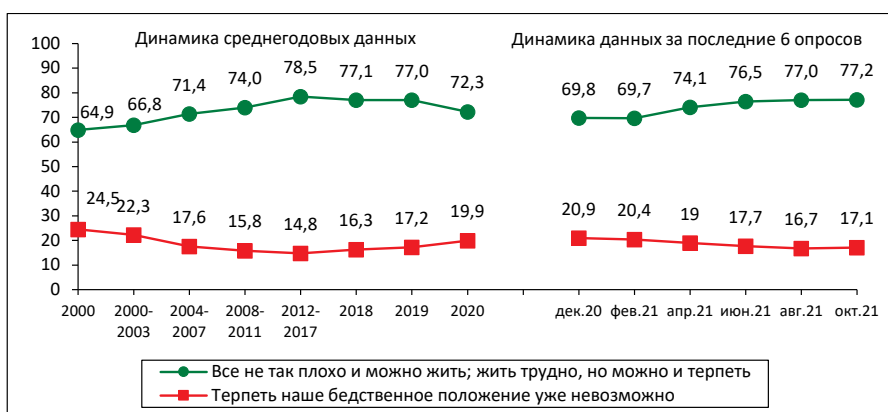
Оценка социального состояния (в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Социальное настроение

Годовая динамика (октябрь 2021 г. к декабрю 2020 г.)	
Вариант ответа	Изменение (+ / -)
Нормальное состояние, прекрасное настроение	+11
Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску	-6

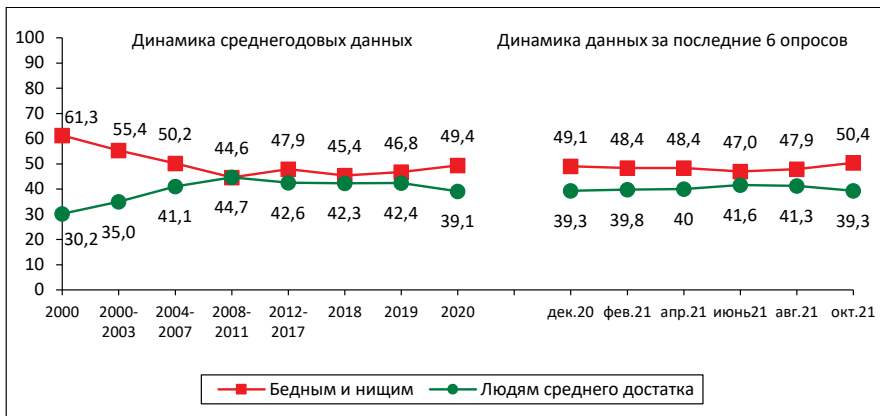
Запас терпения

Годовая динамика (октябрь 2021 г. к декабрю 2020 г.)	
Вариант ответа	Изменение (+ / -)
Все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть	+7
Терпеть наше бедственное положение невозможно	-4

* Внесен в реестр иностранных агентов.

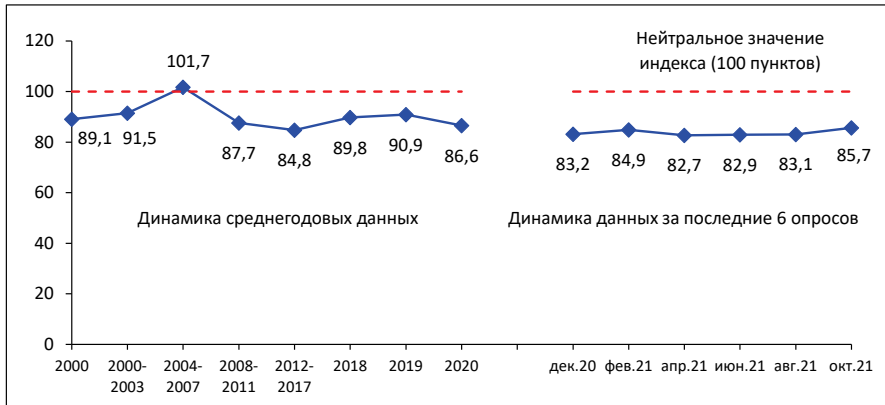
Социальная самоидентификация

Годовая динамика (октябрь 2021 г. к декабрю 2020 г.)	
Вариант ответа	Изменение (+ / -)
Доля считающих себя людьми среднего достатка	0
Доля считающих себя бедными и нищими	+1

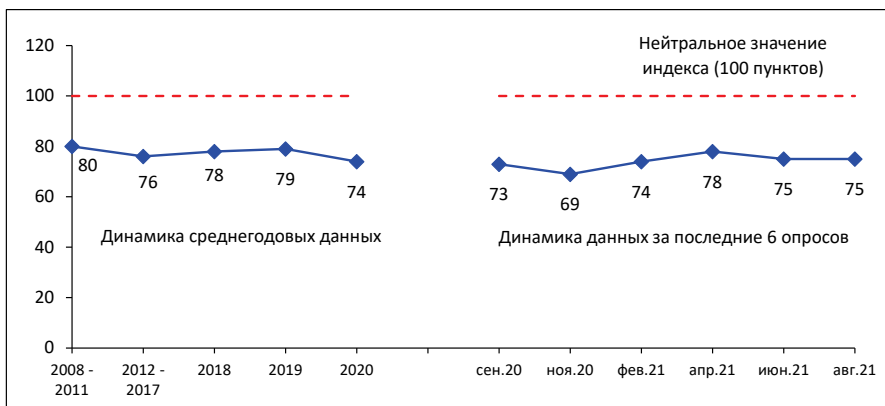
Формулировка вопроса: «К какой категории Вы себя относите?»

Индекс потребительских настроений (ИПН в пунктах; данные ФГБУН ВолНЦ РАН по Вологодской области)

Годовая динамика (октябрь 2021 г. к декабрю 2020 г.)	
ИПН	Изменение (+ / -)
Значение индекса, в пунктах	+3

Индекс потребительских настроений (ИПН в пунктах; данные Левада-Центра* по России)

Годовая динамика (август 2021 г. к сентябрю 2020 г.)	
ИПН	Изменение (+ / -)
Значение индекса, в пунктах	+2

Индекс рассчитывается с 2008 г.

Последние данные – на июнь 2021 г. Данные за период с апреля по август 2020 г. отсутствуют.

Источник: данные Левада-Центра*. URL: <https://www.levada.ru/indikatory/sotsialno-ekonomicheskie-indikatory/>

* Внесен в реестр иностранных агентов.

За последние два месяца доля людей, положительно характеризующих свое повседневное настроение, увеличилась в 6 из 14 социально-демографических категорий населения, особенно среди людей в возрасте старше 60 лет (на 10 п. п., с 58 до 68%), а также среди тех, кто по самооценкам собственных доходов относится к категории 20% наименее обеспеченных жителей области (на 5 п. п., с 55 до 60%).

Негативные изменения в динамике оценок социального настроения отмечаются среди людей в возрасте до 30 лет (на 7 п. п., с 82 до 75%), а также в группе 20% наиболее обеспеченных жителей региона (на 3 п. п., с 87 до 84%).

За период с декабря 2020 г. по октябрь 2021 г. позитивные изменения социального настроения отмечаются во всех основных социально-демографических группах населения, особенно среди людей, по самооценкам доходов относящихся к категории 20% наименее обеспеченных граждан (на 21 п. п., с 39 до 60%).

Социальное настроение в различных социальных группах (вариант ответа «Прекрасное настроение, нормальное, ровное состояние», в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Категория населения	Динамика среднегодовых данных							Динамика данных за последние 6 опросов						Изменение (+/-), окт. 2021 к дек. 2020
	2000	2007	2011	2012	2018	2019	2020	Дек. 2020	Фев. 2021	Апр. 2021	Июнь 2021	Авг. 2021	Окт. 2021	
Пол														
Мужской	50,1	65,9	64,5	69,1	72,8	70,1	60,8	60,0	60,8	61,3	65,1	65,6	70,0	+10
Женский	43,3	61,7	62,0	65,8	69,8	69,6	61,2	59,8	59,2	64,9	66,7	69,8	70,9	+11
Возраст														
До 30 лет	59,1	71,3	70,0	72,3	80,0	81,1	67,6	65,2	60,9	67,4	73,0	82,3	75,3	+10
30–55 лет	44,2	64,8	62,5	67,9	72,6	71,2	61,8	60,9	64,4	65,5	70,0	71,4	70,8	+10
Старше 55 лет	37,4	54,8	58,3	62,1	65,2	63,3	57,4	56,5	54,1	59,1	58,3	58,1	68,3	+12
Образование														
Среднее и н/среднее	41,7	58,4	57,4	57,2	64,8	63,2	56,1	52,6	56,2	56,9	62,5	63,2	64,1	+12
Среднее специальное	46,4	64,6	63,6	66,7	72,2	72,7	63,5	62,5	60,9	64,3	66,1	68,5	70,4	+8
Высшее и н/высшее	53,3	68,6	68,3	77,0	76,8	73,4	63,3	64,6	62,7	68,7	69,7	73,0	77,1	+13
Доходные группы														
20% наименее обеспеченных	28,4	51,6	45,3	51,5	57,3	53,2	43,4	38,9	44,3	49,8	54,2	55,0	60,4	+21
60% средне-обеспеченных	45,5	62,9	65,3	68,7	71,9	71,4	62,6	63,3	60,1	65,8	67,0	68,9	70,9	+8
20% наиболее обеспеченных	64,6	74,9	75,3	81,1	82,9	81,8	75,6	76,3	76,0	70,8	76,5	86,7	84,2	+8
Территории														
Вологда	49,2	63,1	67,1	73,6	71,0	68,6	60,9	58,7	55,8	57,0	59,4	59,7	64,0	+6
Череповец	50,8	68,1	71,2	76,2	75,8	71,2	60,4	60,7	64,4	68,1	70,8	72,3	75,2	+15
Районы	42,2	61,6	57,1	59,8	68,7	69,8	61,4	60,0	59,7	64,0	67,1	70,1	71,5	+12
Область	46,2	63,6	63,1	67,3	71,2	69,9	61,0	59,9	59,9	63,3	66,0	67,9	70,5	+11

РЕЗЮМЕ

Результаты очередной «волны» мониторинга общественного мнения, проведенной в октябре 2021 г., позволяют говорить о нескольких во многом противоречивых тенденциях.

С одной стороны, остается стабильной поддержка деятельности власти. Доля положительных оценок деятельности Президента РФ на протяжении последних 6 опросов сохраняется на уровне 50–52%. В оценках успешности решения В.В. Путиным ключевых проблем страны также не происходит существенных изменений (за исключением незначительного, в октябре 2021 г., уменьшения доли людей, считающих, что Президент РФ успешно справляется с укреплением международных позиций России (на 3 п. п., с 49 до 46%).

Структура партийно-политических предпочтений населения в целом отражает итоги прошедших 17–19 сентября 2021 г. выборов в Государственную Думу. Наблюдается:

- ✓ стабильная доля сторонников партии «Единая Россия» (31–33% за последние 6 опросов);
- ✓ за этот же период (с декабря 2020 по октябрь 2021 г.) – рост поддержки КПРФ (на 4 п. п., с 7 до 11%);
- ✓ ошутимое снижение доли граждан, не определившихся в своем мнении или считающих, что никакая из основных политических партий не отражает их интересы. За последние два месяца их удельный вес снизился на 6 п. п. (с 44 до 38%), за последние 6 опросов – на 8 п. п. (с 46 до 38%).

С февраля 2021 г. устойчиво растет доля жителей области, характеризующих свое настроение как «нормальное, прекрасное». За последние два месяца их удельный вес возрос на 3 п. п. (с 68 до 71%), в целом за период с февраля по октябрь 2021 г. – на 11 п. п. (с 60 до 71%).

При этом важно отметить, что за последние два месяца рост доли позитивных оценок социального настроения в целом по области произошел в первую очередь благодаря оценкам социально уязвимых категорий граждан – людей старше 60 лет и низкообеспеченных слоев населения. Это, на наш взгляд, говорит о том, что социальная направленность государства (которая прослеживается и в публичных выступлениях президента, и в инициированных им поправках к Конституции, и в мерах финансовой поддержки граждан, регулярно принимаемых Правительством РФ) находит отражение в оценках общественного мнения. Весь вопрос в том, удастся ли органам власти сохранить этот положительный тренд.

Еще одним важным позитивным изменением за период с августа по октябрь 2021 г. стал, на наш взгляд, рост индекса потребительских настроений (на 3 пункта, с 83 до 86 п.), что свидетельствует об улучшении прогнозов населения относительно перспектив развития российской экономики и своего личного материального положения. Увеличение ИПН пока что крайне незначительно; возможно, оно не примет характер тенденции, кроме того, нельзя не отметить, что ИПН по-прежнему остается в зоне ниже 100 п., которая свидетельствует о преобладании пессимистических ожиданий людей. И, тем не менее, с учетом динамики предыдущих месяцев (в которой уже давно не наблюдается никаких положительных изменений) рост ИПН на 3 п. п. по сравнению с предыдущей «волной» опросов – это результат довольно существенный и показательный; на наш взгляд, тесно связанный с уже отмеченной долгосрочной тенденцией улучшения социальных настроений в обществе.

Таким образом, как показывают результаты социологических опросов (причем проводимых не только на территории Вологодской области, но и в целом по стране), по многим весьма существенным критериям оценки эффективности государственного управления отмечаются позитивные изменения или, по крайней мере, отсутствие негативных. В период прохождения выборов в Государственную Думу, а также на фоне непрекращающейся угрозы пандемии COVID-19 это, безусловно, можно занести «в актив» органам власти всех уровней и лично главе государства.

Однако, в то же время, судя по динамике общественных настроений, нет никаких ощутимых подвижек в решении наиболее актуальных, уже застоявшихся проблем. Здесь в первую очередь идет речь о субъективном восприятии людьми динамики уровня и качества жизни. Как показали результаты последнего опроса, доля людей, субъективно относящих себя к категории «бедных и нищих» (которая и так уже давно преобладает над удельным весом людей «среднего достатка»), за последние два месяца увеличилась еще на 2 п. п. (с 48 до 50%) и, таким образом, превысила среднегодовые показатели за период с 2008 г.

При этом негативные тенденции сохраняются и в оценке успешности решения Президентом РФ проблемы подъема экономики и роста благосостояния граждан: за последние три опроса (с июня по октябрь 2021 г.) доля отрицательных суждений увеличилась на 3 п. п. (с 60 до 63%), а за последние 3 года (с 2018 по 2020 г.) – на 5 п. п. (с 56 до 61%).

Таким образом, при всех благоприятных долгосрочных тенденциях и краткосрочных изменениях, которые наблюдаются в динамике социального самочувствия, в изменении потребительских настроений, в отсутствии каких-либо признаков ухудшения оценок деятельности органов власти, сохраняется тревожная ситуация в отношении преодоления проблемы бедности (а точнее, субъективного восприятия людьми динамики уровня и качества жизни), которую В.В. Путин неслучайно назвал «главным нашим врагом» и «угрозой для стабильного развития, для демографического будущего»⁴.

Фактически эта оценка – наиболее емкое отражение состояния всей системы государственного управления: с одной стороны, признание её пока ещё недостаточной эффективности в решении наиболее актуальных проблем, волнующих население, с другой стороны – осознание необходимости её системной и комплексной корректировки. В том числе для того, чтобы оправдать «кредит доверия», выданный В.В. Путину на президентских выборах 2018 г. и партии власти «Единая Россия» на парламентских выборах 2021 г.; или, другими словами, чтобы не утратить имеющуюся легитимность реализуемого политического курса в оценках общественного мнения.

Материалы подготовили: М.В. Морев, Е.Э. Леонидова, И.М. Бахвалова

⁴ Выступление В.В. Путина на встрече с депутатами Государственной Думы восьмого созыва / Официальный сайт Президента РФ. 12.10.2021. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/66905>

ПРАВИЛА
приёма статей, направляемых в редакцию научного журнала
«Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз»
(в сокращении)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объёмом не менее 16 страниц (30 000 знаков с пробелами). Максимальный объём принимаемых к публикации статей – 25 страниц (50 000 знаков с пробелами). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала на основе заключения рецензента, также учитывается новизна, научная значимость и актуальность представленных материалов. Статьи, отклоненные редакционной коллегией, повторно не рассматриваются.

Требования к комплектности материалов

В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы.

1. Файл со статьей в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).
2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф. И. О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, при наличии – e-mail), идентификатор ORCID, идентификатор Researcher ID и оформленные по образцу.
3. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.
4. Цветная фотография автора в формате .jpeg/.jpg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес редакционной коллегии (common@vscc.ac.ru).

Требования к оформлению текста статьи

1. Поля.

Правое – 1 см, остальные – по 2 см.

2. Шрифт.

Размер (кегель) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал – 1,5.

3. Абзацный отступ – 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.

4. Нумерация.

Номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.

5. Оформление 1 страницы статьи.

В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал – индекс ББК. Далее через полуторный интервал – знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру, полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.

6. Требования к аннотации.

Объём текста аннотации должен составлять от 200 до 250 слов. В обязательном порядке в аннотации должна быть сформулирована цель проведенного исследования; лаконично перечислены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых; перечислены использованные автором методы исследования; приведены основные результаты выполненной работы; определены области применения полученных результатов исследования; кратко сформулированы перспективы дальнейшей НИР в указанной области.

Примеры хороших аннотаций для различных типов статей (обзоры, научные статьи, концептуальные статьи, практические статьи) представлены на сайте:

<http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/abstracts.htm?part=2&PHPSESSID=hdac5rtkb73ae013ofk4g8nr1>.

7. Требования к ключевым словам.

К каждой статье должны быть даны ключевые слова (до 8 слов или словосочетаний). Ключевые слова должны наиболее полно отражать содержание рукописи. Количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

8. Требования к оформлению таблиц.

В названии таблицы слово «Таблица» и её номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание – по центру.

Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS WORD. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

9. Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм.

Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание – по центру. Интервал – одинарный.

Для создания графиков должна использоваться программа MS EXCEL, для создания блок-схем – MS WORD, MS VISIO, для создания формул – MS Equation.

Рисунки и схемы, выполненные в MS WORD, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из Интернета графических материалов.

Алгоритм вставки графиков из MS EXCEL в MS WORD:

1) в MS EXCEL выделить график компьютерной мышью, правой клавишей выбрать пункт контекстного меню «копировать»;

2) в MS WORD правой клавишей мыши выбрать пункт контекстного меню «вставить», выбрать параметр вставки «специальная вставка», «диаграмма Microsoft Excel».

10. Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками.

Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

11. Оформление постраничных сносок.

Постраничные сноски оформляются в строгом соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. – 2008.

12. Оформление и содержание списка литературы.

Слово «Литература» печатается строчными буквами полужирным курсивом, выравнивается по центру, дается через полтора интервала после текста статьи. После слова «Литература» делается полуторный интервал и приводится пронумерованный список библиографических источников.

Список литературы составляется в том же порядке, в котором источники упоминались в тексте статьи, а не по алфавиту (используется ванкуверский стиль оформления).

Если статья имеет doi, его указание в выходных данных является обязательным.

Ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. – 2008. Ссылки на англоязычные источники оформляются в соответствии со схемой описания на основе стандарта Harvard¹ (приложение 5).

В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы – не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными.

Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10 % от общего количества приведенных в списке литературы источников.

Авторам не рекомендуется включать в список литературы следующие источники: 1) статьи из любых ненаучных журналов, газет; 2) нормативные и законодательные акты; 3) статистические сборники и архивы; 4) источники без указания автора (например, сборники под чьей-либо редакцией); 5) словари, энциклопедии, другие справочники; 6) доклады, отчеты, записки, рапорты, протоколы; 7) учебники и т. д. Ссылки на указанные источники рекомендуется давать посредством соответствующих постраничных сносок.

В список литературы рекомендуется включать следующие источники: 1) статьи из печатных научных журналов (или электронных версий печатных научных журналов); 2) книги; 3) монографии; 4) опубликованные материалы конференций; 5) патенты.

Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника из списка литературы и номера страницы, на которую ссылается автор. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, порядковые номера которых должны быть разделены точкой с запятой (например: [26, с. 10], [26, с. 10; 37, с. 57], [28], [28; 47] и пр.).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства по оформлению, к рассмотрению не принимаются!

Лицензионный договор № _____

г. Вологда

« ____ » _____ 20__ года

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук, именуемое в дальнейшем «Лицензиат», в лице _____, действующего на основании доверенности _____, с одной стороны, и _____, именуемый(ая) в дальнейшем «Лицензиар», с другой стороны, именуемые в дальнейшем «Сторона/Стороны», заключили настоящий договор (далее — «Договор») о нижеследующем.

1. Предмет Договора

1.1. По настоящему Договору Лицензиар предоставляет Лицензиату неисключительные права на использование статьи _____,

(наименование, характеристика передаваемых Издателю материалов)

именуемой в дальнейшем «Произведение», в обусловленных договором пределах и на определенный договором срок.

1.2. Лицензиар гарантирует, что он обладает исключительными авторскими правами на передаваемое Лицензиату Произведение.

2. Права и обязанности Сторон

2.1. Лицензиар предоставляет Лицензиату на срок 5 (Пять) лет следующие права:

2.1.1. право на воспроизведение Произведения (опубликование, обнародование, дублирование, тиражирование или иное размножение Произведения) без ограничения тиража экземпляров. При этом каждый экземпляр Произведения должен содержать имя автора Произведения;

2.1.2. право на распространение Произведения любым способом;

2.1.3. право на переработку Произведения (создание на его основе нового, творчески самостоятельного произведения) и право на внесение изменений в Произведение, не представляющих собой его переработку;

2.1.4. право на публичное использование Произведения и демонстрацию его в информационных, рекламных и прочих целях;

2.1.5. право на доведение до всеобщего сведения;

2.1.6. право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему договору права третьим лицам без выплаты Лицензиару вознаграждения.

2.2. Лицензиар гарантирует, что Произведение, права на использование которого переданы Лицензиату по настоящему Договору, является оригинальным произведением Лицензиара.

2.3. Лицензиар гарантирует, что данное Произведение никому ранее официально (т.е. по формально заключённому договору) не передавалось для воспроизведения и иного использования.

2.4. Лицензиар передает права Лицензиату по настоящему Договору на основе неисключительной лицензии.

2.5. Лицензиар обязан предоставить Лицензиату Произведение в печатной/электронной версии для ознакомления. В течение 60 (Шестидесяти) рабочих дней, если Лицензиатом не предъявлены к Лицензиару требования или претензии, связанные с качеством (содержанием) или объёмом предоставленной для ознакомления рукописи Произведения, Стороны подписывают Акт приёма-передачи Произведения.

2.6. Дата подписания Акта приёма-передачи Произведения является моментом передачи Лицензиату прав, указанных в настоящем Договоре.

2.7. Лицензиат обязуется соблюдать предусмотренные действующим законодательством авторские права, права Лицензиара, а также осуществлять их защиту и принимать все возможные меры для предупреждения нарушения авторских прав третьими лицами.

2.8. Территория, на которой допускается использование прав на Произведение, не ограничена.

3. Ответственность Сторон

3.1. Лицензиар и Лицензиат несут в соответствии с действующим законодательством РФ имущественную и иную юридическую ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств по настоящему Договору.

3.2. Сторона, ненадлежащим образом исполнившая или не исполнившая свои обязанности по настоящему Договору, обязана возместить убытки, причинённые другой Стороне, включая упущенную выгоду.

4. Конфиденциальность

Условия настоящего Договора и дополнительных соглашений к нему конфиденциальны и не подлежат разглашению.

5. Заключительные положения

5.1. Все споры и разногласия Сторон, вытекающие из условий настоящего Договора, подлежат урегулированию путём переговоров, а в случае их безрезультатности указанные споры подлежат разрешению в суде в соответствии с действующим законодательством РФ.

5.2. Настоящий Договор вступает в силу с момента подписания обеими Сторонами настоящего Договора и Акта приема-передачи Произведения.

5.3. Настоящий Договор действует до полного выполнения Сторонами своих обязательств по нему.

5.4. Срок действия настоящего Договора автоматически продлевается на каждый следующий пятилетний срок, если ни одна из сторон не выступила с инициативой его расторжения не позднее, чем за один месяц до истечения срока его действия.

5.5. Расторжение настоящего Договора возможно в любое время по обоюдному согласию Сторон, с обязательным подписанием Сторонами соответствующего соглашения об этом.

5.6. Расторжение настоящего Договора в одностороннем порядке возможно в случаях, предусмотренных действующим законодательством, либо по решению суда.

5.7. Любые изменения и дополнения к настоящему Договору вступают в силу только в том случае, если они составлены в письменной форме и подписаны обеими Сторонами настоящего Договора.

5.8. Во всём, что не предусмотрено настоящим Договором, Стороны руководствуются нормами действующего законодательства РФ.

5.9. Настоящий Договор составлен в двух экземплярах, имеющих одинаковое содержание и равную юридическую силу, по одному для каждой из Сторон.

6. Реквизиты Сторон

Лицензиат:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук»
Адрес (юридический и почтовый):
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а;
тел. (8172) 59-78-03, факс (8172) 59-78-02
Банковские реквизиты:
ИНН 3525086170 / КПП 352501001
ОКТМО 19701000
Наименование банка: Отделение Вологда
Банка России // УФК по Вологодской области
г. Вологда
р. счет 03214643000000013000
корр. счет 40102810445370000022
БИК ТОФК 011909101
Банковский (лицевой счет) л/с 20306Ц32570

_____/_____
подпись

Лицензиар:

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____
Домашний адрес _____

Паспорт: серия _____ номер _____
выдан _____

когда выдан _____
ИНН _____
Свидетельство государственного пенсионного страхования _____

_____/_____
подпись / ф. и. о. полностью

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

Уважаемые читатели журнала!

При Вашей заинтересованности Вы можете оформить подписку на журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» одним из следующих способов:

- 1) в одном из отделений ФГУП «Почта России» (подписка осуществляется через объединенный каталог «Пресса России», подписной индекс журнала – 41319);
- 2) на сайте <http://www.akc.ru>;
- 3) в редакции журнала (контактное лицо – Артамонова Анна Станиславовна, тел.: 8 (8172) 59-78-32, адрес электронной почты: esc@volnc.ru).

Редакционная подготовка
Оригинал-макет
Корректор

И.А. Кукушкина
Т.В. Попова
Н.В. Степанова

Подписано в печать 27.10.2021.
Дата выхода в свет 29.10.2021.
Формат 60×84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 37,1. Тираж 500 экз. Заказ № 87.
Свободная цена.

Журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз / Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС77-71361 от 26 октября 2017 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Телефон (8172) 59-78-03, факс (8172) 59-78-02
E-mail: common@volnc.ru